СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОБЕДА

Фидель Кастро Рус

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОБЕДА

Фидель Кастро Рус

МОСКВА
«Международные отношения»
2011

УДК [329:94(729.1)]"193/196"Кастро Ф.
ББК 63.3(7Куб)63-4+66.69(7Куб)
К28

Издательство выражает глубокую признательность за неоценимую помощь в издании этой книги ***Александру Николаевичу Филипьеву,*** *который искренне и горячо любит кубинский народ.*

Фидель Кастро Рус

К28 Стратегическая победа. Серия : «Лица современной политики». – М.: Междунар. отношения, 2011. – 772 с., ил.

ISBN 978-5-7133-1376-0

В книге выдающегося политического деятеля кубинской, латиноамериканской и всемирной истории второй половины XX века подробно рассматриваются стратегия и тактика повстанческого партизанского движения на Кубе, возглавлявшегося автором, в период с апреля 1958 года, когда правивший в стране диктаторский режим предпринял крупное наступление с целью ликвидации повстанческого очага. Показано, как повстанцы сумели отразить это наступление и перешли в контрнаступление, завершившееся победой кубинской революции.

Книга, являющаяся плодом глубокого исследования, содержит оценку роли видных участников вооружённой борьбы, подборку документов (приказов, посланий, которыми обменивались руководители партизан), богато иллюстрирована фотографиями из партизанской жизни в горах Сьерра-Маэстры, ставшей повстанческой территорией, воспроизводит карты развития основных боевых эпизодов.

Во введении к книге Ф. Кастро рассказывает о детстве и юности, учёбе в Гаванском университете, своём формировании как революционера под влиянием политических событий на Кубе в 1930–1950-х годах.

При переводе книги учтены поправки и новые данные, внесенные автором для издания на русском языке.

УДК [329:94(729.1)]"193/196"Кастро Ф.
ББК 63.3(7Куб)63-4+66.69(7Куб)

© Fidel Castro Ruz, 2010
© Oficina de Publicaciones del Consejo de Estado de la República de Cuba, 2010
© Oficina de Historia del Consejo de Estado de la Rebública de Cuba: fotografias, documentos historicos y mapas, 2010
© Перевод на русский язык И.Е. Рыбалкина, 2011
© Примечания переводчика, 2011
© «Международные отношения», подготовка к изданию и оформление, 2011

ISBN 978-5-7133-1376-0

Введение

Меня одолевало сомнение в том, какое название стоило дать этому повествованию: то ли «Последнее наступление Батисты», то ли «Как 300 воинов разгромили 10 тысяч» – история, похожая на сказку из «Тысячи и одной ночи». Поэтому оказываюсь вынужден включить в написанное короткую автобиографию начальной поры моей жизни, без чего был бы непонятен смысл изложенного. Не хотелось ждать, пока однажды опубликуют ответы на бесчисленные задаваемые мне вопросы о детстве, отрочестве и юности – этапах, превративших меня в революционера и участника вооруженной борьбы.

Родился я 13 августа 1926 года. Штурм казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба 26 июля 1953 года произошел спустя годы после окончания мной Гаванского университета. Это было нашим первым вооруженным столкновением с армией Кубы, находившейся на службе тирании генерала Фульхенсио Батисты.

Вооруженные силы Кубы, созданные Соединёнными Штатами после их интервенции на остров во время Второй войны за независимость, начатой Хосе Марти в 1895 году, были инструментом североамериканских компаний и высшей кубинской буржуазии.

Глубокий экономический кризис, разразившийся в Соединённых Штатах в начале 1930-х годов, обернулся жертвами для нашей страны, которую торговые соглашения, навязанные этой державой, сделали полностью зави-

симой от продукции её промышленности и её развитого сельского хозяйства. Покупательная способность, обеспечиваемая за счёт продажи сахара, упала почти до нуля. Мы были лишены независимости и не имели права на развитие. Вряд ли какая-либо другая страна Латинской Америки находилась в худших условиях.

По мере того как мощь империи США возрастала, ведя к её превращению в самую могущественную мировую державу, осуществление революции на Кубе становилось довольно трудной задачей. Немного среди нас было способных даже помыслить об этом, но никто не осмеливался поставить перед собой в дальнейшем цель, соединяющую идеи, поступки и самоотверженные усилия большого числа людей на протяжении долгих лет во многих частях света.

При наличии этих составляющих оказалось возможным добиться полной независимости Кубы и осуществить социальную революцию, которая с честью выстояла более 50 лет, подвергаясь актам агрессии и блокаде со стороны Соединённых Штатов.

Мне довелось стать свидетелем действий, которые, если и имели какую-то ценность для новых поколений, то это благодаря усилиям скрупулёзных и серьёзных исследователей, чья работа на протяжении десятилетий позволила собрать данные, позволившие мне реконструировать события, ставшие значительной частью этой книги. Я решил дать ей название «Стратегическая победа».

Обстоятельства, приведшие меня к участию в военных действиях, неизгладимо хранятся в моём сознании. Не перестаю испытывать удовлетворение, вспоминая о том, почему я пришёл к убеждениям, которые в конечном счёте определили ход моей деятельности.

Я не родился политиком, хотя еще в детстве обратил внимание на факты, которые запечатлелись в моей голове и помогли понять реальные ситуации, существующие в мире.

В моём родном Биране имелось лишь два учреждения, не принадлежавших моей семье: телеграф и маленькая общественная школа. Там меня усаживали на первый ряд, так как не было и не могло быть ничего похожего на детский коллектив. В силу необходимости научился читать и писать. В 1933 году, когда мне ещё не исполнилось семи лет, учительница, которая не получала даже жалования, положенного ей от правительства, полагаясь на гипотетическую сообразительность ребёнка, повезла меня в Сантьяго-де-Куба, где проживала её семья в бедном помещении, почти без мебели, протекавшем отовсюду, когда шёл дождь. В том городе меня даже не определили в общественную школу, как в Биране. Спустя много месяцев, без учёбы и не занимаясь ничем, разве что выслушивая упражнения по сольфеджио на старом пианино сестры учительницы, безработной преподавательницы музыки, научился складывать, вычитать, умножать и делить благодаря таблицам, напечатанным на красной обложке тетради, врученной мне для заданий по чистописанию, которые никто не задавал и никогда не проверял.

В старый дом, где первоначально меня приютили, из закусочной раз в день приносили еду для нас, семерых человек, включая сестру и отца учительницы. Я познал голод, не понимая еще, что это – голод, а не свойственное человеку желание поесть. Пытался подцепить маленькой вилкой последнее зернышко риса, а швейной ниткой – чинить свои ботинки.

Перед скромным деревянным домом, где мы жили, находился занятый армейской частью институт. Я видел солдат, избивавших прикладами винтовок людей. Мог бы написать книгу с этими воспоминаниями. Вот в какое детское учреждение привела меня учительница. Мы жили в обществе, где царили только деньги.

Моя семья оказалась обманутой, а я даже не мог постичь сложность ситуации. Обман привёл к потере време-

ни, но хорошенько помог понять, чем вызвано такое положение. После пережитых событий, когда мне исполнилось восемь лет, в январе 1933 года меня приняли в первый класс школы «Братья Ла Саль», совсем рядом с первым собором, воздвигнутым испанскими конкистадорами на Кубе. Начался новый и богатый период обучения.

Поступил в ту школу как ученик-экстерн. Стал проживать поблизости от прежнего места, в новом жилье, куда переехала преподавательница музыки, сестра учительницы из Бирана. Нас, проживавших с той семьёй, стало с сестрой и братом трое: Анхелита, Рамон и я, причём за каждого оплачивался пансион. Отец умер годом раньше. Меня уже не мучил физический голод, однако какое-то время приходилось снова подучивать до усталости знакомые арифметические правила. При этом сделался не по нутру тот дом, и я впервые в жизни сознательно взбунтовался. Отказался есть безвкусные овощи, которыми иногда меня потчевали насильно, и стал нарушать все нормы вежливого воспитания, принятые в самом Сантьяго-де-Куба, священно соблюдавшиеся в семье с утонченной французской культурой. В семью втиснулся, благодаря заключённому браку, консул Гаити. Но мой бунт оказался столь невыносимым, что меня, не раздумывая, отправили как ученика-интерна в школу. До этого мне этим неоднократно угрожали, чтобы заставить подчиниться. Однако не знали, что я как раз того и хотел. То, что для других детей было тяжело переносимым, для меня означало свободу. Ведь меня никогда не водили даже в кино! Я наслаждался положением ученика-интерна. Это была первая премия в моей жизни. Я чувствовал себя счастливым.

С тех пор передо мной встали другие проблемы. Я прибыл в Сантьяго на два года раньше, а поступил в школу «Братья Ла Саль» позже. Легко отучился в первом и втором классах. То учебное заведение было чудом. Как правило, мы отправлялись в Биран три раза в год: на Рожде-

ство, в Страстную неделю и на летние каникулы, когда Рамон и я пользовались полной свободой.

Из третьего класса школы «Ла Саль» меня сразу перевели в пятый класс в награду за мои оценки. Тем самым оказалось возмещено потерянное ранее время. В первом семестре всё шло гладко: хорошие отметки и отличные отношения с новыми товарищами по учёбе. Получал без замечаний по поведению дневник, еженедельно вручавшийся всем ученикам. Как у всякого учащегося, были проблемы. У меня тогда случилось злоключение с одним из членов конгрегации, инспектором по ученикам-интернам.

Школа располагала обширным участком по другую сторону бухты Сантьяго, под названием Ренте́. Это место предназначалось для уединения и отдыха членов конгрегации. Туда водили учеников-интернов по четвергам и воскресеньям, когда не было школьных занятий. Там был хороший спортивный лагерь. Я же занимался спортом, плавал, ловил рыбу. Недалеко от входа в бухту бросались в глаза свидетельства морского боя у Сантьяго в виде внушительных снарядов, украшавших подступ к строениям. В одно из воскресений на обратном пути, когда мы плыли на шхуне «Эль Катете» от Ренте до мола Сантьяго, у меня произошла небольшая ссора с другим учеником-интерном. Когда прибыли в школу, мы помирились. Но из-за этого упомянутый брат из религиозной конгрегации, склонный к навязыванию своей воли, ударил меня по лицу ладонями со всей силой своих рук. То был молодой и крепкий человек. Я был ошеломлён, от ударов у меня зазвенело в ушах. После этого, уже поздно вечером, он меня отозвал в сторону. Даже не дал мне что-то объяснить. В длинном коридоре, куда он отвёл меня, нас никто не видел. Спустя две или три недели он снова попытался меня унизить легким шлепком по голове за споры в очереди. На этот раз я шёл среди первых выходивших с завтрака, потому что ученики всегда старались занять первое место

в очереди для игры в резиновый мяч до начала занятий. Я швырнул в лицо инспектору бутерброд с маслом, который держал в руке по ученической привычке перекусить что-нибудь после выхода из столовой, где быстро заглатывали первую за день еду. Затем бросился на него, ударяя руками и ногами на виду у учеников-интернов и экстернов. Таким образом в их глазах его авторитет был здорово подорван, а оскорбительные действия подверглись осуждению. В школе об этом инциденте долго вспоминали.

Мне было тогда 11 лет, и я хорошо помню имена действующих лиц. Не хочу, однако, их называть. О нём самом ничего не слышал уже более 70 лет. Не испытываю к нему злобы. А об ученике, давшем повод для инцидента, узнал через много лет после победы революции, что он впоследствии вёл себя безукоризненно и серьёзно.

Тем не менее этот случай не остался для меня без последствий. Инцидент произошёл за несколько недель до Рождества, на которое полагались две с половиной недели каникул. Тот человек оставался инспектором, а я учеником. Оба мы игнорировали друг друга. Из элементарного чувства достоинства я вёл себя безупречно. Когда за нами приехали родители, конечно, вызванные школьным начальством, от них скрыли правду, обвинили моих двух братьев и меня в безобразном поведении. «Ваши дети – это три отъявленных бандита, оказавшихся в этой школе», – сказали моему отцу. Узнал я об этом из того, что рассказал опечаленный отец земледельцам, своим друзьям, посещавшим его в конце года. Раулю было всего семь лет. Рамон же всегда отличался добродушием, а я не был бандитом.

Мне стоило труда добиться, чтобы меня снова отправили учиться в Сантьяго. Рамон и Рауль, которые не имели никакого отношения к возникшей проблеме, остались учиться и дальше в Биране. В январе 1938 года меня

приняли как ученика-экстерна в колледж «Долорес», которым заправлял орден иезуитов, гораздо более требовательное и строгое учреждение в деле обучения с учениками, относившимися к более высокопоставленному и богатому классу, чем его соперник «Братья Ла Саль». Теперь мне довелось проживать в доме испанского коммерсанта, друга моего отца. Разумеется, что там я не испытывал никакой материальной нужды. Но в том доме, где я проживал до окончания пятого курса, был чужим.

В начале лета Анхелита, моя старшая сестра, также прибыла в этот дом, чтобы подготовиться к поступлению на учёбу на бакалавра. Для занятий с ней была нанята преподавательница-негритянка, приносившая с собой огромную книгу, в которой излагался материал, требовавшийся для усвоения к вступительному экзамену. Я присутствовал на её занятиях. Она была отличным преподавателем и, пожалуй, одним из лучших людей, которых я знал в моей жизни. Ей пришла мысль учить заодно как материал для поступления, так и за первый курс бакалавриата с тем, чтобы сдать экзамены, как только достигну соответствующего возраста годом позже. Она пробудила во мне огромный интерес к учёбе. Вероятно, это было единственной причиной, заставившей меня выносить пребывание в доме испанского коммерсанта в тот каникулярный период после окончания в качестве ученика-экстерна пятого курса в колледже «Долорес».

В конце лета заболел, и меня положили почти на три месяца в больницу испанской колонии в Сантьяго-де-Куба. В том году у меня не было летних каникул. Та больница содержалась на паях общества взаимопомощи, и поступивший туда человек имел право за два песо в месяц, эквивалентным двум долларам, получать медицинские услуги. Однако очень немногие могли покрыть эти расходы. Меня оперировали по поводу аппендицита, а через десять дней рана воспалилась.

Пришлось забыть о планах занятий, задуманных преподавательницей. В конце того же 1938-го года мы, два брата и сестра, снова были вместе как ученики-интерны колледжа «Долорес».

На шестом курсе, поскольку я пропустил несколько недель занятий, мне пришлось поднапрячься, чтобы наверстать упущенное. Начинался новый этап. Углублял знания по географии, астрономии, арифметике, истории, грамматике и английскому.

Мне пришла мысль написать письмо президенту Соединённых Штатов Франклину Делано Рузвельту, который своей инвалидной коляской, тоном голоса и приветливым выражением лица вызывал во мне симпатию. Все замерли в ожидании. Однажды утром в колледже объявили как о важном событии: «Фидель переписывается с президентом Соединённых Штатов».

Рузвельт как бы ответил на моё письмо. Мы так думали. То, что пришло, было на деле сообщением посольства, информировавшим о получении письма с выражением благодарности. Какой великий человек, у нас уже был друг – президент Соединённых Штатов! Вопреки всему я понял потом и, может быть, поэтому думаю, что Франклин Делано Рузвельт, который противился личной воинственности и занял правильную позицию перед угрозой фашизма, не был способен распорядиться об убийстве противника и, очень вероятно, не сбросил бы атомные бомбы на два беззащитных японских города и не развязал бы холодную войну – оба действия, совершенно не вызывавшиеся необходимостью.

В том колледже заскорузлой буржуазии в самой большой и самой восточной провинции Кубы было больше академической строгости и дисциплины, чем в «Ла Саль». Там заправляли иезуиты, почти все испанского происхождения, рукоположенные в священники на продвинутом этапе их карьеры, когда им приходилось действовать как

членам ордена, выполняя определенную задачу или ответственную работу. Учебное заведение возглавлял отец Гарсиа, прямолинейный человек, но приветливый и доступный, общавшийся с учениками.

Свои каникулы, пока я учился с первого класса начальной школы до последнего курса бакалавриата, всегда проводил в Биране, зоне равнин, плоскогорий и возвышенностей, поднимавшихся до 1000 метров высоты, естественных лесов, сосняков, проточных вод рек и ручьев, лагун. Там я близко соприкасался с природой и был свободен от присмотра за мной, как в Сантьяго или в нашем доме в Биране. Правда, за меня всегда заступалась мать и снисходительно опекал отец вплоть до того, как я уже стал студентом. За шесть с лишним курсов обучения я обретал всё больший престиж в семье.

Но здесь не место развивать эту тему. Ограничусь лишь минимумом, необходимым для понимания того, о чём пишу в этой книге.

Из колледжа «Долорес» я сам принял решение перевестись в колледж «Белен» в столице Кубы. Там, в отличие от того, что случилось в колледже «Ла Саль» Сантьяго-де-Куба, непосредственным ответственным за учащихся-интернов – более сотни – был отец Льоренте, человек не авторитарного склада и далеко не враждебно настроенный, а ставший другом. Испанец по рождению, как почти все иезуиты того колледжа, он пребывал в положении накануне пожалования в священники. Его старший брат служил священником среди эскимосов на Аляске и под заглавием «В стране вечных льдов» писал очерки о жизни, обычаях и деятельности этого индоамериканского народа, обитавшего среди первозданной природы. У нас, учеников, это вызывало удивление.

Льоренте был санитаром во время гражданской войны в Испании. Рассказывал драматическую историю пленных, расстрелянных по окончании этой войны. Его задача,

вместе с другими, кто занимался тем же делом, состояла в том, чтобы удостоверить их смерть перед погребением. Отец Льоренте не говорил о политике, и не помню, чтобы когда-нибудь слышал от него высказывания на эту тему. Он был иезуитом, гордившимся своим религиозным орденом. Поощрял действия, подвергавшие испытанию дух самопожертвования и характер его учеников. Вместе с ним мы планировали охоту на крокодилов в Сьенага-де-Сапата, где их водились тысячи. А в 1945 году, во время последних летних каникул, мы наметили план, чтобы забраться на пик Туркино. Шхуна, которая должна была доставить нас по морю от Сантьяго-де-Куба до Окухаля, не смогла отплыть в течение всей ночи, а другого пути не было. Пришлось отложить осуществление нашего плана. Помню, что взял с собой автоматическое ружьё 12-го калибра из моего дома. Как бы мне помог позднее этот поход, когда я стал бойцом-партизаном, главный опорный пункт которого находился как раз в этой зоне!

Получив степень бакалавра в возрасте 18 лет, я был спортсменом, исследователем незнакомой местности, горным скалолазом, достаточно опытным любителем оружия, пользоваться которым научился от отца, и хорошо усвоившим предметы, преподававшиеся в колледже, где учился.

В год выпуска меня отметили как лучшего спортсмена школы и руководителя исследователей незнакомой местности высшего класса. Моя мать радовалась аплодисментам всех присутствовавших на вечере в день выпуска. Впервые в жизни пошила для себя выходное платье, чтобы участвовать в церемонии. Она была одним из тех, кто очень помог мне в стремлении учиться.

> В ежегоднике школы, соответствующем выпускному курсу, мою фотографию сопровождают следующие слова: «Фидель Кастро (1942–1945). Отличался по

всем предметам, связанным с гуманитарными науками. Стремление к совершенству и взаимодействию с другими. Настоящий атлет, всегда мужественно и с гордостью защищал честь колледжа. Сумел завоевать восхищение и любовь всех. Будет учиться на юриста, и не сомневаемся, что достойно заполнит страницы книги своей жизни. Фидель – достойный материал, и ваятель для него найдётся».

На самом деле должен сказать, что чувствовал себя сильнее по математике, чем по грамматике. Находил в ней больше логики, точности. Изучал право, так как много дискутировал, и все утверждали, что буду адвокатом. У меня не было ориентации на определённую профессию.

Реальная ситуация состояла в том, что учебные заведения выпускали целую лавину бакалавров, не располагавших элементарными политическими знаниями. По такому фундаментальному предмету, как всеобщая история человечества, нам излагали главным образом известные эпизоды войны из жизни человеческого рода, начиная с эпохи персидского царства до Второй мировой войны, истории, которые увлекают детей и юношей.

Бизнес в деле производства и продажи военных игрушек сегодня почти такой же обширный, как и торговля вооружением. О социальной системе, которая ведёт к подобному безумию и к самим войнам, нам в учебной аудитории не говорили ни слова.

Нас просвещали по истории Греции и Рима, но о таких древних цивилизациях, как существовавшие в Индии и Китае, лишь упоминали, разве что рассказывая о военных авантюрах Александра Великого и о путешествиях Марко Поло. Без освещения пути обеих этих стран невозможно ныне писать историю. Нельзя было бы даже вообразить, чтобы тогда нам говорили о цивилизациях майя и аймара-кечуа, о колониализме и империализме.

Когда я стал бакалавром по гуманитарным наукам, существовал лишь один университет – Гаванский. В нём учились молодые люди, не имевшие политических знаний. За редким исключением почти все студенты происходили из мелкобуржуазных семей, где горячо желали лучшей доли для своих детей. Немногие принадлежали к высокопоставленному классу и почти никто к беднейшим слоям общества. Многие из состоятельных семей получали полное высшее образование в Соединённых Штатах, если не ограничивались бакалавриатом. И дело было не в индивидуальной нерадивости, а в классовом наследовании образа жизни. Вовлечение значительного большинства университетских студентов в революционное движение на Кубе – это подтверждение ценности образования и осознания своего положения как человеческого существа. Быть может, некоторые из вещей, о которых до сих пор здесь говорилось, помогут понять то, что произошло потом.

Я не появился в университете с первого дня, так как отвергал унизительный обычай насмехаться над новичками, заключавшийся в их насильственной стрижке наголо. Попросил, чтобы меня постригли очень коротко, как свидетельство, что являюсь новым студентом.

Разрешив сложную проблему проживания, отправился на университетский стадион, имея в виду занятия спортом. Там можно было играть в баскетбол, в пелоту*, имелись поле и площадка – всё, что мне нравилось. Мне стоило труда освободиться от обязательства перед баскетбольным менеджером команды из Белена. Ещё раньше

* Пелота – игра, родившаяся в Стране Басков (Испания) и распространившаяся в странах Америки, Италии и на Кубе. Здесь игрок с силой бросает рукой мячик диаметром 6,5 см в стену высотой 9 м. Мячик сделан из жёсткого каучука, обшит шерстью и обтянут тугой кожей. Соперник должен отбить мяч с воздуха или после удара о площадку (60×16 м). Играют один на один или пара на пару. – *Прим. переводчика.*

я условился с ним остаться его учеником в этом виде спорта, но он был тренером в аристократическом клубе. Объяснил ему, что не могу быть студентом университета и играть за другую команду против своего клуба. Он не понял, и я порвал с ним. Начал тренироваться в университетской бейсбольной команде. От меня добивались также, чтобы играл в пелоту за свой факультет, и я согласился.

Лидеры факультета права попросили стать кандидатом в делегаты от изучавших определённый предмет, и я не возражал.

В течение дня надо было заниматься многими делами, а жил я в отдалённом районе, где старшая сестра со стороны отца, всегда внимательная и благосклонная к нам, решила жить, переехав из Сантьяго-де-Куба в Гавану, когда я начал учиться в университете. Однажды обнаружил, что мне не хватает времени, чтобы даже перевести дух. Пожертвовал спортом и решил выполнять задачу, о которой меня попросили лидеры факультета. Выдержал упорную борьбу, чтобы добиться представительства как делегат от изучающих антропологию, что требовало отдельных усилий. При осуществлении поставленной мне задачи противостоял прежнему делегату, для которого должность в руководстве факультета означала профессиональное политическое поручение. Началась моя деятельность в этой сфере. До этого не представлял себе, до какой степени политиканство, притворство и ложь преобладали в нашей стране. Но я этого не ведал с первого дня. Когда состоялись выборы делегата, получил более пяти голосов на каждый голос своего соперника и тем самым смог способствовать победе кандидатов нашего направления в представительстве изучающих другие предметы. Таким образом, спустя немного месяцев благодаря полученным голосам превратился в представителя студентов первого курса одного из самых многочисленных факультетов Гаванского университета. Это придало мне

некий вес и произошло довольно быстро. Я даже представить себе не мог, какие интересы схлестывались вокруг нашего факультета. По мере того, как осваивался на нём, узнавал его богатую историю. То был один из первых факультетов, основанных в колониальную эпоху. О знаменитых деятелях культуры и науки напоминали бронзовые и мраморные фигуры, которым воздавались почести, имена этих людей присваивались площадям, университетским зданиям и учреждениям.

Особого восхищения заслуживали восемь студентов медицинского факультета, расстрелянных 27 ноября 1871 года испанскими волонтёрами по обвинению в осквернении могилы реакционного журналиста на службе колониального режима, хотя, как подтвердилось позже, они этого и не совершили.

Рядом с моим факультетом – небольшой парк, названный именем чехословацкой деревни, где нацисты учинили ужасную расправу: Лидице, что придавало какой-то оттенок интернационализма.

Имена Марти, Масео, Сеспедеса, Аграмонте и других появлялись в названиях повсюду и пробуждали почтение и интерес у многих из нас независимо от социального происхождения. То был иной дух, нежели ощущавшийся в частном колледже, где я учился на бакалавра и преподаватели которого происходили из Испании и прошли там обучение. Да, оттуда пришла значительная часть нашей культуры, но также рабство и колониальная зависимость.

На том этапе, после выборов 1944 года, президентом страны был профессор физиологии, заявивший о себе в университете в 1930-х годах, когда в разгар глубокого мирового экономического кризиса была свергнута тирания Мачадо и создано на короткие месяцы временное революционное правительство. В начавшемся тогда процессе, в рамках независимости, ограниченной «поправкой

Платта»*, студенты, вместе с боевым рабочим классом и народом в целом, сыграли основную роль.

Профессор физиологии Рамон Грау Сан Мартин был назначен председателем правительства в 1933 году. Молодой революционер, антиимпериалист Антонио Гитерас, представитель других народных сил, назначенный министром внутренних дел, стал самой видной фигурой в те месяцы благодаря предпринятым им антиимпериалистическим действиям.

Возведенный на пост командующего армией Фульхенсио Батиста, выходец из революционного сектора профессиональных сержантов и солдат, привлечённый позднее на свою сторону реакционными слоями и самим посольством Соединённых Штатов, сверг это радикальное правительство, просуществовавшее всего 100 дней.

В падение действовавшего до этого правительства Херардо Мачадо решающий вклад внёс рабочий класс. Всеобщая революционная забастовка, организованная маленькой партией коммунистов под руководством блестящего и проникновенного поэта Рубена Мартинеса Вильены, начала битву за свержение тирании Мачадо. Стоит напомнить об этом, так как идея всеобщей революционной забастовки была связана с нашей последующей борьбой, начиная с атаки на казарму Монкада.

Она явилась основным средством, использованным после успешного финального наступления Повстанческой армии, приведшим к окончательной победе народа 1 января 1959 года.

---

* Кабальные обязательства, навязанные в 1901 г. Кубе правительством США (отказавшимся прекратить оккупацию захваченной в ходе испано-американской войны 1898 г. Кубы до внесения в её конституцию положений, ограничивавших суверенитет Кубы и узаконивавших вмешательство США в её внутренние дела). Принята конгрессом США 2 марта 1901 г. по предложению сенатора О. Платта. По этой «поправке» США получили право оккупировать Кубу, иметь там военно-морские базы, контролировать внешнюю политику страны. – *Прим. переводчика.*

В 1940-х годах с силой проявил себя антикоммунизм, вызванный целенаправленным воздействием на умы людей через средства массовой информации. Закладывались основы для военного и политического господства над миром. В нашем высшем учебном заведении очень немногое оставалось от революционного духа 1930-х годов.

Партия, созданная профессором, приведшая его к президентству в силу былой славы, приняла название, которое использовал Марти, чтобы организовать последнюю Войну за независимость: Революционная кубинская партия, с добавлением определения «Аутентико»*. Когда повсюду стали разражаться скандалы, один из авторитетных сенаторов от этой партии, Эдуардо Чибас, возглавил кампанию по обличению правительства. Он происходил из богатой семьи, но, несомненно, являлся честным человеком, что было нетипичным в традиционных партиях Кубы. Располагал возможностью выступать по самому слушаемому по всей стране радио каждое воскресенье в 8 часов вечера. Это был первый случай у нас на родине необычного использования этого средства массовой информации. Его имя стало известно во всех уголках страны. На Кубе тогда ещё не было телевидения. Таким образом, несмотря на царившую неграмотность, возникло потенциально массовое политическое движение среди трудящихся города и деревни, лиц свободных профессий и мелкой буржуазии.

Легче всего прокладывали себе путь марксистские идеи среди самых передовых промышленных рабочих и видных представителей интеллигенции. Рубен Мартинес Вильена умер молодым от туберкулёза вскоре после своего самого славного достижения – свержения тирании Мачадо. Остались его поэмы, которые продолжают вспоминать и повторять. Но антикоммунистические предрас-

* По-испански «Подлинная». – *Прим. переводчика.*

судки, всегда исходившие от привилегированных и господствующих слоёв кубинского общества, продолжали всё более распространяться с той прекрасной поры, как Хулио Мелья создал УСФ (Университетскую студенческую федерацию) и вместе с Балиньо – соратником Хосе Марти по борьбе за независимость – основал первую Коммунистическую партию Кубы.

Коррумпированное правительство Грау Сан Мартина проводило хаотичную, безответственную, циничную политику. Оно было заинтересовано в том, чтобы контролировать университет и немногие государственные заведения, готовившие бакалавров. Его главным инструментом были не репрессии, а коррупция. Университет зависел от предоставления государственных средств.

Министром образования был назначен бессовестный субъект. Миллионы долларов оказались растрачены. Не осуществлялось ничего подобного кампаниям ликвидации неграмотности.

Аграрная реформа и другие меры, провозглашенные конституцией 1940 года, были преданы забвению. Батиста уехал из страны, набив карманы деньгами, чтобы проживать во Флориде. Оставил на Кубе вооруженные силы, наделив их состав повышенными званиями и привилегиями и немалое число приспешников – избранием на посты в конгрессе, муниципалитетах, должностями в бюрократическом аппарате общественных учреждений и частных предприятий.

Хуже всего был псевдореволюционный балласт, оказавшийся у власти на Кубе вместе с Сан Мартином. Он состоял из людей, которые в той или иной форме выступали ранее против Мачадо и Батисты, поэтому считали себя революционерами. Наихудшая группа из них пробралась на важные места в репрессивных полицейских органах, в Бюро расследований, его Секретное, Моторизированное и другие подразделения. Продолжали существовать

чрезвычайные трибуналы, наделённые полномочиями арестовывать граждан без какого-либо права на временное освобождение. Одним словом, весь репрессивный аппарат Батисты оставался нетронутым.

Под различными названиями возник ряд организаций, образованных лицами, которые были связаны с Гитеросом и другими лидерами, завоевавшими престиж в борьбе против Мачадо и Батисты. В рядах этих псевдореволюционеров находились серьёзные и смелые люди, считавшие себя сторонниками революции, идея которой и возможность принадлежать к борцам за неё всегда привлекали на Кубе молодёжь. Органы печати, проявляя максимальную строгость в оценке, присваивали им это определение, хотя в действительности то, что произошло, было драматическим этапом неудавшейся революции. У них не было серьёзной социальной программы, и, более того, они не ставили целью достижение независимости страны. Единственной подлинно революционной и антиимпериалистической программой была программа партии, основанной Мелья и Болиньо, затем руководимой Рубеном Мартинесом Вильеной. Этот молодой и достойный лидер, исполненный революционного пыла, провозглашал в одной из своих поэм: «Надо взять на себя бремя, чтобы убить бездельников, чтобы завершить дело революций...». Но Коммунистическая партия Кубы оставалась в изоляции.

Среди многих тысяч студентов университета, которых я знал, число сознательных антиимпериалистов и коммунистов, участвовавших в деятельности партии, не превышало 50–60 человек из общего количества зачисленных, составлявшего более 12 тысяч. Я сам, с энтузиазмом относясь к протестам против тогдашнего правительства, чувствовал себя мотивированным другими ценностями, которые, как понял впоследствии, были ещё далеки от революционной сознательности, приобретенной позднее.

Тысячи студентов отвергали царившую коррупцию, злоупотребления власти и пороки общества. Очень немногие принадлежали к высокопоставленной буржуазии. Когда у нас возникала необходимость выйти на улицы, не колебались сделать это.

Наш университет поддерживал отношения с доминиканскими изгнанниками, боровшимися против Трухильо, полностью с ними солидаризируясь. То же самое с пуэрториканцами, требовавшими независимости под руководством Педро Альбису Кампоса, полагавшимися на нашу поддержку. То были элементы интернационалистического сознания среди наших молодых людей, побуждавшие к действию и меня, которому доверили председательство в Комитете за доминиканскую демократию и в Комитете за независимость Пуэрто-Рико.

Период обучения в университете помог мне осмыслить обретённый жизненный опыт. Когда я перешёл на второй курс, в 1946 году, я знал уже намного больше о нашем университете и нашей стране. Никому не надо было приглашать меня участвовать в выборах на факультете права. Я убедил одного активного и умного студента, Патрисио Кастельяноса, новичка, чтобы он выдвинул свою кандидатуру на представительство учащихся по предмету, как это сделал я сам годом раньше. Хорошо его знал, так как мы оба были из одной и той же восточной провинции. Он раньше учился на бакалавра в колледже, управлявшемся религиозными деятелями-протестантами. Его отец был фармацевтом в маленьком посёлке сахарозаводческого хозяйства Мараканé, принадлежавшего транснациональной американской компании, в 4-х километрах от моего дома в Биране.

Мы выбрали среди студентов первого курса самых активных и с энтузиазмом воспринявших нашу кандидатуру. Она пользовалась поддержкой второго курса, на котором противостоящая сторона даже не смогла сплотить

достаточного количества учащихся для соперничества с нами. Мы проводили ту же линию, что и в прошлом году, и на выборах наши сторонники одержали победу подавляющим большинством. Мы уже располагали убедительным большинством среди студентов факультета права и могли решить, кто будет президентом этого студенческого коллектива, одного из самых многочисленных в Гаванском университете. Студентов пятого и последнего курсов было немного. Что касается студентов четвёртого курса, то они были зачислены в год, когда срок бакалавриата продлили с четырёх до пяти лет, и очень немногие поступили на этот курс. У нас не было большинства делегатов, но за нами шло безусловное большинство студентов.

В это время мы вступили в контакт с Ортодоксальной партией*, а также с активными деятелями Коммунистической молодёжи, в их числе такими, как Вальдес Вивó, Альфредо Гевара и другие. Познакомился с Флавио Браво, умным и способным человеком, руководителем Коммунистической молодёжи Кубы. Можно было набюдать за развитием ситуации и ждать ещё год. В конце концов мои отношения с делегатами курсов, политически нейтральными, были неплохими. Но во мне возобладал боевой дух и, пожалуй, самоуверенноть и тщеславие, которые обычно свойственны молодым людям, в том числе в наше время.

Это не означало, что у меня появилась новая возможность ждать до третьего нормального курса. Взятые уже на себя обязанности увлекли меня на другой путь. Но прежде следует сказать, что я пережил настоящий риск потерять жизнь всего лишь в 20 лет без какой-нибудь пользы

* По-испански «Ortodoxo» означает «Правоверная». Это определение добавлялось к первоначальному названию партии – Партия кубинского народа, основанной в 1947 году Эдуардо Чибасом с целью противодействия правительственной коррупции и проведения социальных реформ. – *Прим. переводчика.*

для действительно благородного дела, которое передо мной открылось впоследствии.

Фактически наша деятельность и сила привлекли внимание хозяев единственного университета страны. Нашему высшему учебному заведению в силу его исторических корней и роли в республике с ущемлёнными правами из-за «поправки Платта», навязанной кубинской нации после освобождения от гнёта Испании, предстояло решать вопрос о президентстве Федерации университетских студентов, так как прежний президент занял важный пост в правительстве Грау.

Из-за своего мятежного духа я решил противостоять могущественной группе, контролировавшей университет. Так прошли дни, и даже недели, в течение которых меня занимала только кампания солидарности моих товарищей с первого и второго курсов факультета права. Были случаи, когда я выходил из университета, охраняемый группами студентов, которые смыкались вокруг меня. Но, несмотря на это, я все дни посещал занятия и участвовал в мероприятиях, пока однажды не объявили, что больше нам не разрешат входить в здание.

На следующий день, в воскресенье, отправился на пляж с невестой и, распластавшись лицом вниз, заплакал, потому что решил не подчиняться этому запрету и понял, что противник дошёл до предела своего терпения. В моём донкихотском мозгу не было другой мысли, как ответить на вызов опасности. Я мог достать оружие и взял бы его с собой.

Один из друзей, активист Ортодоксальной партии, с которым я был знаком по занятиям спортом и часто встречался в университете, рассказывал мне о своём участии в столкновениях при диктатурах Мачадо и Батисты. Он много беседовал со мной и был в курсе нашего противостояния. Узнав о сложившейся ситуации и принятом мной решении, он сделал всё, чтобы не случилось худшего.

После этого произошли многочисленные события, о которых я рассказывал неоднократно, и у меня нет желания добавить чего-то к здесь сказанному и так слишком пространному. Но чувствую необходимость пояснить, что с того момента преисполнился решимости идти на всё и сжать в кулаке оружие. Опыт моей университетской жизни послужил мне в долгой и тяжёлой борьбе, в которую я вступлю немного времени спустя как последователь Марти и кубинский революционер. Мой образ мыслей быстро становился более зрелым. Всего через три года после выпуска участвовал с моими соратниками по идеалу в штурме второго по значению военного гарнизона в стране. Это было возобновление вооружённого восстания народа Кубы в борьбе за полную независимость и республику социальной справедливости, о которой мечтал наш национальный герой Хосе Марти.

После победы 1 января известные и неутомимые историки во главе с Педро Альваресом Табио и благодаря инициативе Селии Санчес*, которая была участницей борьбы и выполняла важные задания по защите Сьерра-Маэстры, побывали в каждом уголке этого революционного оплота, где развертывались события, и собрали свежую информацию о людях в каждом жилье и месте, где мы бывали, оставляя в архиве данные, без которых никто, и, разумеется, я, не мог бы взять на себя ответственность за полную достоверность каждой излагаемой здесь мной детали.

---

* Селия Санчес Мандулей (1920–1980) – соратница Фиделя Кастро по революционной борьбе на Кубе против режима Батисты и по осуществлению программы пришедшего к власти революционного правительства. Принимала участие в подготовке высадки с яхты «Гранма» и вместе с революционером Франком Паисом организовывала крестьян окрестностей в поддержку экспедиционеров. Поднялась в горы Сьерра-Маэстра 2 декабря 1957 г., став полноправным членом Повстанческой армии. Была инициатором и создателем первого вооружённого батальона женщин «Мариана Грахалес». После победы революции работала в Секретариате председателя Совета Министров, руководила Департаментом обслуживания Государственного Совета до своей кончины. – *Прим. переводчика.*

Вместе с тем, только тот, кто был предводителем и возглавлял ту силу бойцов-новобранцев, мог бы взять на себя ответственность за строгое изложение событий 74 дней боёв, когда мы, революционеры, в отчаянной борьбе смогли сорвать планы тогдашних вооружённых сил, поддерживаемых и оснащённых Соединёнными Штатами, и превратили невозможное в возможное. Иначе нельзя воздать почести павшим в той героической эпопее. В истории нашей родины не было подобной битвы. Славные сражения за независимость завершились почти за век до этого. Вооружение, средства связи были совсем другими, не существовало танков, самолётов, бомб до 500 кг тринитротолуола. Надо было начинать с нуля. Уже с той поры, как я стал бакалавром, и вопреки моему происхождению я воспринял марксистско-ленинскую концепцию развития нашего общества и был глубоко убежден в необходимости справедливости.

Из замечательных исследований историка Áльвареса Табио я извлёк самое лучшее, очистив их от ненужного. Картограф Отто Эрнандес Гарсини, военные эксперты и художники-дизайнеры, в свою очередь, подготовили карты, содержащиеся в этой книге, которые требовались для аналитического рассмотрения темы профессионалами по военным действиям. Ещё стоило бы объяснить, как вслед за последним наступлением врага, которое надорвало силы тирании, сломав её хребет, мы продолжили нашу борьбу, как выразился Че, из Сьерра-Маэстры переместившись на равнину, и всего лишь за пять месяцев разгромили полностью силы в 100 тысяч вооружённых людей, защищавших режим, и овладели всем их оружием.

Эта книга, «Стратегическая победа», предваряет другую, ещё не написанную, о быстром и успешном повстанческом контрнаступлении, которое привело нас к воротам Сантьяго-де-Куба и к окончательной победе Кубинской революции.

1

Общая ситуация в стране и революционная борьба в мае 1958 года

Масштабное вражеское наступление против Первого фронта Повстанческой армии в Сьерра-Маэстре явилось самой амбициозной и наиболее подготовленной операцией вооружённых сил режима Фульхенсио Батисты с целью разгромить Повстанческую армию.

Оно было предпринято, когда уже прошло полтора года революционной борьбы в горах Сьерра-Маэстры. Стоило бы начать это повествование с недолгого рассмотрения общей ситуации в стране в мае 1958 года, чтобы лучше понять обстановку, в которой развернулась крупная операция, призванная стать, по расчётам тирании, завершающей и окончательной.

Помимо специфических обстоятельств, вызванных тем, что происходило в Сьерра-Маэстре, в первый год войны в стране обозначилось заметное усиление мятежных настроений.

В течение первых месяцев 1957 года, в то время, когда закреплялось наше партизанское движение в горах, набирал ход процесс реорганизации подпольного аппарата Движения 26 июля в городах и нарастала его активность в результате усилий Франка Паиса, который, действуя в

Сантьяго-де-Куба, в тот период был национальным ответственным за деятельность Движения и фактически его подпольным руководителем после ареста Фаустино Переса и Армандо Харта, соответственно в марте и апреле.

Эти усилия Франка дали ощутимые результаты в переориентации групп действия Движения, выразившиеся в налаживании борьбы среди рабочих и организации гражданского сопротивления. Одним из приоритетов деятельности Франка в последние недели его жизни стало внимание к секции рабочих Движения, которой, согласно нашей революционной концепции, во время штурма Монкады полагалось нанести финальный поражающий удар тирании после того, как мы подымем и вооружим город Сантьяго-де-Куба. Война в горах была бы альтернативой, если призыв к забастовке окажется безуспешным.

Одна из самых больших потерь для Движения и революционной борьбы на Кубе случилась на первом году войны, 30 июля 1957 года, когда Франк Паис был схвачен в Сантьяго и убит прямо на улице. Гибель Франка вызвала столь сильный народный протест, что город оказался практически парализован на несколько дней. Похороны молодого борца превратились в самую массовую до тех пор манифестацию непокорности в истории Сантьяго, красноречивое проявление всеобщего возмущения режимом и мятежных настроений населения города. То, что произошло в тот день, свидетельствовало: город со славными патриотическими традициями восстал бы, если бы 26 июля 1953 года мы заняли казарму Монкада.

Другим событием, потрясшим общественность страны и нанёсшим серьёзный удар по тираническому режиму, было восстание под руководством нашего Движения 5 сентября 1957 года моряков ВМФ в Сьенфуэгосе. Восставшим удалось установить контроль над военно-морской базой Кайо Локо и при участии милиции Движения 26 июля и многочисленных граждан, которые изъявили

готовность бороться с оружием, раздаваемым народу, начали сражаться в различных районах города. В течение всего дня и значительной части ночи на улицах Сьенфуэгоса шла борьба, пока мощными подкреплениями, направленными из Санта-Клары, Матансаса, Камагуэя и Гаваны, не были подавлены последние очаги сопротивления. Шестого числа город проснулся, вновь оказавшись в руках врага.

В середине июля 1957 года, после кровопролитного боя при Уверо (см. карту на с. 410) – при этом нами было захвачено много оружия – мы решили создать колонну № 4 под командованием Эрнесто Гевары. Че отличился в этом жестоком бою. Он числился лейтенантом-врачом экспедиционеров. При небольшой охране следил за состоянием наших раненых и оказывал им помощь. Был первым офицером, возведенным в ранг команданте (см. документ на с. 358–359).

Провал первой попытки генерального наступления против зарождающейся Повстанческой армии буквально обескуражил военное командование тирании из-за крушения намечавшихся планов и вызвал сразу же ужесточение самых безжалостных репрессий в отношении крестьянского населения Сьерра-Маэстры.

В феврале 1958 года Повстанческая армия оказалась в состоянии подняться на более высокий этап развития и, как следствие, вступить в новый период войны, опираясь на приобретенные опыт и знания.

В первые дни марта 1958 года из Ла-Месы в Сьерра-Маэстре отправились две новые повстанческие колонны, обозначенные номерами 6 и 3, под командованием двух новых командиров – Рауля Кастро Рус и Хуана Альмейды Боске, недавно повышенных в звании (см. документы на с. 360–363), оба участники штурма Монкады и экспедиционеры «Гранмы». Задачей одного было создать Второй восточный фронт «Франк Паис», а другого – Третий

фронт «Марио Муньос Монрой»*, недалеко от Санта-Клары (см. карту на с. 414–415). В составе обеих колонн ушли более 120 бойцов из колонны № 1, хорошие взводы и отделения с хорошим оружием. Повстанческая армия росла по численности, а также опыту и качеству. Как птица Феникс, она восстала из пепла.

На протяжении февраля и марта 1958 года я оказался вынужденным посвятить внимание растущему потоку журналистов, прибывавших в Сьерру. Наша борьба в горах провинции Орьенте уже стала предметом интереса в мире. Среди принятых визитёров находились аргентинец Хорхе Риккардо Масетти, позднее автор замечательной книги о нашей борьбе, эквадорец Карлос Бастидас, убитый репрессивными службами батистовской тирании, мексиканец Мануэль Камин и уругваец Карлос Мария Гутьеррес, опубликовавшие хорошие репортажи в прессе своих стран, испанец Энрике Менесес, автор выразительных фотографий о борьбе в Сьерре, североамериканцы Хоумер Бигарт, Рей Бреннан и другие.

В тот же период несколько недель среди наших борцов провёл журналист и кинооператор Эдуардо Эрнандес, очень хорошо известный на Кубе под своим прозвищем «Гуайо»**, ставший первым кубинцем, снявшим эпизоды нашей борьбы.

В начальные месяцы 1958 года, в то время, как усиливалась партизанская борьба и происходило качественное изменение войны, продолжалось нарастание мятежных настроений в остальной стране. Определяющее воздействие непрерывных повстанческих побед, поступательное укрепление организационной и функциональной струк-

---

* Марио Муньос Монрой (26 июля 1912 – 26 июля 1953) – кубинский революционер, участник штурма казарм Монкада. Был захвачен в плен и убит солдатами в день штурма. – *Прим. переводчика.*

** Так тогда на Кубе называли песо – серебряную монету. – *Прим. переводчика.*

туры Движения 26 июля, участие в борьбе против тирании всё более широких слоёв населения всей страны и эскалация репрессивных действий режима способствовали созданию более благоприятных условий для развития народного противостояния во всех его проявлениях.

Этот подъём народной борьбы подтолкнул руководство Движения 26 июля на равнине к выводу, что в стране имелись подходящие условия для осуществления всеобщей революционной забастовки, которая всегда была, как я пояснил, стратегической конечной целью, чтобы добиться свержения тирании. В декабре 1958 года силой 3000 победоносных бойцов и призывом к всеобщей революционной забастовке мы сорвали все контрреволюционные манёвры и овладели 100 тысячами единиц оружия вооружённых сил на службе режима за 72 часа. В мои намерения не входит детальное рассмотрение процесса, который привёл к забастовке 9 апреля 1958 года, дискуссий, состоявшихся в Национальном руководстве Движения, включая заседание в Эль-Наранхо в Сьерра-Маэстре в первых числах марта 1958 года, а также причин, обусловивших неудачу попытки забастовки, несмотря на героические выступления, имевшие место в тот день по стране. Что мне хотелось бы здесь выделить – это два вопроса.

Первый вопрос. Осечка с всеобщей забастовкой 9 апреля означала тяжёлый удар для действовавшего на равнине подпольного Движения, которое в последующие недели вынуждено было реорганизовать свои силы. По «Повстанческому радио» из Сьерра-Маэстры я объяснил, какие уроки вытекали из провала забастовки, и высказал оптимизм в отношении перспектив борьбы против тирании: «Проиграна одна битва, но не проиграна война».

Должен заметить, что Движение 26 июля, его подпольное руководство никогда на рассматривали возможности формирования военной силы, способной разгромить вооружённые силы Кубы.

Было естественно, на том этапе, что немалое число входивших в наши ряды не видели в маленькой армии силу, способную победить армию Батисты. Они не верили, что окажется возможным вызвать внутри профессиональной армии революционное движение, которое в союзе с Движением 26 июля и под его руководством разгромило бы Батисту и открыло бы путь к революции. Мы боролись, чтобы создать условия для настоящей революции с участием даже честных военных, готовых включиться в неё. При всех обстоятельствах мы выступали за создание сильного вооружённого авангарда.

На «Гранме» не везли и 5% автоматического оружия, которое считали необходимым для успешной борьбы, и поэтому подумывали о винтовках точного боя и другом доступном оружии для разгрома военных структур на службе Батисты. В конечном счёте оказались вынужденными начать с нуля после неожиданной атаки врага в Алегриа-дель-Пио (см. карту на с. 406–407). Наш план снова претерпел тяжёлый удар. Мы не могли требовать от других, чтобы поверили в нашу военную победу. Сначала надо продемонстрировать её. Сегодня я ничуть не сомневаюсь, что без победы Повстанческой армии революция не могла развиваться.

Опыт провалившейся попытки провести забастовку имел своим результатом коренной пересмотр концепций организационной работы и борьбы в рядах Движения 26 июля, который воплотился в комплекс политических и организационных решений, принятых на совещании Национального руководства Движения 3 и 4 мая 1958 года в Момпье – оплоте территории Первого фронта в Сьерра-Маэстре. Эти решения способствовали подъёму повстанческих действий на более высокий уровень и даже окончательному достижению единства различных революционных сил.

Вопрос второй. Провал апрельской забастовки побудил тиранию ускорить осуществление планов крупного

наступления, готовившегося против Повстанческой армии и, в частности, против её сил на территории Первого фронта, после потерпевшей неудачу зимней кампании. Известно, что военное командование тирании сочло момент подходящим для развёртывания крупного наступления, исходя из предположения, что мы деморализованы неудачей забастовки 9 апреля.

Таково было положение в Сьерра-Маэстре и в стране в мае 1958 года, когда развернулось крупное наступление, рассматривавшееся врагом как окончательная битва, которая покончит раз и навсегда с повстанческой угрозой.

К сожалению, имеется очень немного документов об оперативных планах батистовской армии с целью сокрушить маленькую Повстанческую армию в момент, когда та стала снова обнаруживать признаки жизни после второй ликвидации, на этот раз на высотах Эспиноса. Там большая группа из 24 человек едва не была полностью ликвидирована со всеми своими будущими командирами – Раулем, возглавлявшим Второй Восточный фронт; Че, возглавлявшим фронт к востоку от пика Туркино и колонну вторжения «Сиро Редондо»*; Хуаном Альмейда, возглавлявшим Третий восточный фронт; Камило Сьенфуэгосом, возглавлявшим авангард нашей колонны, и Эфихенио Амейхейрасом, возглавлявшим её арьергард, которые под моим руководством, вместе с остальными экспедиционерами «Гранмы», нанесли первые удары по врагу, понесшему многочисленные потери среди парашютистов под командованием Москеры и войск Касильяса, причём сами не потеряли ни одного человека.

---

* Сиро Редондо Гарсиа (1931–1957) – кубинский революционер, участник штурма казармы Монкада в 1953 году, капитан Повстанческой армии. Погиб в бою 29 ноября 1957 года. – *Прим. переводчика.*

На высотах Эспиноса враг чуть не уничтожил нас всех из-за предательства Эутимио Герры*. Ход крупного вражеского наступления летом 1958 года против Первого фронта Сьерра-Маэстры и его отражение, которые мы будем рассматривать в этом томе, не были бы полностью понятны без предварительной, хотя бы краткой, информации об основных замыслах планирования этого наступления военным командованием тирании (см. карты на с. 416 и 418). 27 февраля 1957 года подполковник Карлос Сан Мартин, начальник оперативного отдела Штаба армии, представил своему командованию меморандум под грифом «Строго секретно» и под названием «План Ф-Ф (Финальная фаза или конец Фиделя)». Этот документ был связан с планом операций для большого вражеского наступления летом 1958 года, одобренным директором Оперативного управления генерал-майором Мартином Диасом Тамайо и начальником Штаба армии генерал-лейтенантом Педро А. Родригесом Ávилой (см. документ на с. 364).

После боёв у Мар Верде, 29 ноября, когда погиб Сиро Редондо, и у высоты Конрадо, 8 декабря, – бой вела колонна Че против сил тогда майора Анхеля Санчеса Москеры – и занятия в Эль-Омбрито постоянной базы колонны № 4 под командованием Че проникновение на повстанческую территорию с восточного фронта выдохлось. Санчес Москера был вынужден отвести свои подразделения по склонам Туркино к Окухалю. На западном фронте Сьерры сильная вражеская колонна под командованием капитана Рикардо Л. Грау, продвигавшаяся от Пилона к Эль-Масúо на семи грузовиках, попала в засаду и была

* Крестьянин, примкнувший к партизанам в качестве проводника, схваченный батистовцами в горах. Под угрозой пыток и соблазнённый обещанием солидного денежного вознаграждения и поста в армии согласился давать сведения о передвижении партизан, местах стоянок и убить Фиделя Кастро. Пойман и расстрелян в феврале 1957 года. – *Прим. переводчика.*

20 ноября рассеяна вблизи Моты взводом колонны № 1, руководимым Сиро Фриасом. Прибывшее свежее подкрепление под командованием Антонио Суареса Фаулера было разбито в тот же день в Гарибо другими взводами, которыми командовали Эфихенио Амейхейрас, Хуан Сото, погибший в этом бою, и другие повстанческие капитаны из колонны № 1. Силы нашей колонны не превышали в те дни 140 человек с боевым оружием.

Пять батальонов пехоты и несколько самостоятельных рот столкнулись с намного более организованным и стойким сопротивлением, чем ожидавшееся врагом в конце 1957 года. В марте того года Франк Паис направил отряд молодых бойцов Движения 26 июля под командованием Хорхе Сотýса, в подкрепление небольшой группе из 30 человек, которая выстояла и наносила удары батистовским войскам во главе с парашютистами и Касильясом, яростно преследовавшими нас. Тогда мы сражались оружием, собранным будущим команданте Гильермо Гарсиа, первым крестьянином, примкнувшим к оставшимся в живых экспедиционерам «Гранмы» после неожиданного нападения у Алегриа-дель-Пио, практически уничтожившего в кратчайшее время наши силы, которые мы формировали, обучали и вооружали в течение более двух лет.

После неудавшейся атаки на президентский дворец, предпринятой Революционным директоратом, и гибели его главы Антонио Эчеверрия, оружие, использованное в этой акции, было направлено в Сантьяго-де-Куба Мануэлем Пиньейро. Франк же отправил его часть морем колонне № 1, и этим оружием вёлся кровопролитный бой у Уверо.

Первые месяцы 1958 года были периодом распространения и усиления партизанской борьбы на равнинах у реки Кауто с прибытием в эту зону маленькой колонны под командованием Камило Сьенфуэгоса, произведенного позднее в чин команданте. Именно тогда мы подгото-

вили и осуществили вторую атаку на вражеский лагерь в Пино-дель-Агуа (см. карту на с. 412) – первая широкомасштабная оперативная акция нашей Повстанческой армии. Также в это время мы создали колонны № 6 и № 3 под командованием, соответственно, Рауля Кастро Рус и Хуана Альмейды, участников штурма казармы Монкада 26 июля 1953 года в Сантьяго-де-Куба, и распространили войну на запад Сьерра-Маэстры и горы к северо-востоку провинции Орьенте (см. карту на с. 414).

21 марта 1958 года состоялось совещание Штаба правительственной армии для обсуждения будущих оперативных планов. Заседание длилось четыре часа при участии военных главарей режима. Там были генерал Франсиско Тобернилья Дольц, начальник Объединённого штаба, генерал-лейтенант Педро А. Родригес Ávила, начальник Штаба армии, генерал-майор Эулохио Кантильо Поррас, командир в тот момент пехотной дивизии, которого, кажется, уже решили назначить начальником оперативной зоны в предвидении предстоящего вскоре наступления, и полковник Мануэль Угальде Каррильо, бывший до этого командующим зоной операций.

Полковник Угальде Каррильо предложил создать девять батальонов антипартизанской борьбы, каждый в составе двух рот стрелков, усиленных тяжёлым оружием. Каждый из этих батальонов включал бы до 180 человек и располагал бы двумя 60-мм миномётами, двумя 4,2 дюймовыми базуками, двумя пулемётами 30-го калибра, 12 автоматическими винтовками, что обеспечивало значительную огневую мощь. Новое наступление могло бы начаться сразу же после завершения уборки сахарного тростника и выполнения предыдущего плана преследования наших сил.

Предложение командующего оперативной зоной было отвергнуто. Штаб армии разработал план, который также предусматривал создание девяти батальонов, но в этом

случае из трёх рот каждый и иного состава. 15 из 27 требовавшихся рот были бы теми же, что уже существовали в оперативной зоне, и их состав не менялся бы. Другие 12 были бы ротами стрелков по 85 человек в каждой, состоящими из новобранцев.

Вначале батальоны, которым ставились самые важные задачи, состояли бы из одной из усиленных рот пехотной дивизии и двух из новых рот стрелков, достигая примерно 360 человек на батальон, то есть в два раза больше, чем предлагал Угальде Каррильо. Численность этого состава, вероятно, казалась более успокаивающей штабным стратегам. С другой стороны, поскольку одна из рот усиливалась тяжёлым оружием, предполагалось, что было найдено решение, которое, хотя и жертвовало мобильностью, гарантировало нанесение мощного удара.

В конечном счёте эта организационная схема была в общих чертах применена. Единственное изменение коснулось окончательного количественного состава. Количество войск, считавшееся необходимым для наступления, возрастало по спирали от февраля к маю.

Проходившие обучение закончили бы подготовку в определённой последовательности между серединой мая и серединой июня. Не было возможности располагать необходимым для наступления контингентом по крайней мере до второй половины апреля.

К этим обстоятельствам добавился «подарок» от Национального руководства Движения 26 июля: провал революционной забастовки, стоивший жизни многим героическим бойцам. Тирания сочла, что настал психологически подходящий момент для нанесения завершающего удара в горах провинции Орьенте. Исходили из предположения, что провал действий, связанных с забастовкой, породил пораженческие настроения в повстанческих рядах. Не знали закалку нашей маленькой армии и её укоренившуюся способность восставать из пепла.

В самом последнем разработанном плане сохранялась установка – сформировать и обучить новые части вне оперативной зоны и переместить их туда в последний момент в расчёте на максимальное использование фактора внезапности.

Уже в первых числах марта командование оперативной зоны полагало недостаточной свою собственную просьбу о девяти боевых батальонах для наступления. Требуемое количество возросло до тринадцати, не считая ещё один батальон морской пехоты, который просили у ВМФ, и сил эскадронов Сельской гвардии, находившихся среди прочих в оперативной зоне.

Начальник Штаба упомянул колонну № 6 под командованием Рауля, которая к этой дате уже создала Второй фронт, утверждая, что она «представляла серьёзную угрозу тылу».

25 марта 1958 года вышел приказ о призыве ещё 4 тысяч граждан как солдат Военного резерва, которые должны были завершить комплектование и к задействованию которых можно было прибегнуть при любой возможной ситуации.

Высшее командование приняло решение включить в силы оперативной зоны, имея в виду проектируемое наступление, новые контингенты из различных военных формирований, участие которых не предусматривалось первоначально. Тем самым планирование операции охватило пять новых рот из пехотной дивизии, одну из артиллерийского полка, две из инженерного корпуса, две из воздушных сил армии, одну из кадетского училища и девять из различных полков Сельской гвардии, всего 20 подразделений. В последующие недели продолжали бы добавляться новые роты, достигнув внушительного числа 53 единиц, которые приняли бы участие в действиях в оперативной зоне в течение всего развёртывания наступления. Бóльшая часть этих новых рот имела бы в своём

составе как солдат, уже прослуживших какой-то срок, так и новобранцев в различном сочетании.

25 мая, в первый день наступления, в распоряжении врага имелось уже не менее 7 тысяч человек для непосредственного осуществления оперативного плана, а всего ему удалось мобилизовать около 10 тысяч человек личного состава.

Чтобы сражаться с лавиной солдат, которая надвигалась на нас, Первый фронт Сьерра-Маэстры смог собрать к той дате около 220 человек с боевым оружием, включая входивших в колонну Че, организованных во взводы и отделения во многих случаях с новыми командирами, без особого опыта, но с готовностью принять бой и высоким чувством собственного достоинства (см. документ на с. 668). Другие небольшие подразделения колонны № 3 команданте Хуана Альмейды под командованием Гильермо Гарсиа уже включались в оборонительные действия, а около 40 человек из бесстрашного войска Камило, первые бойцы на равнине, направлялись к Сьерра-Маэстре (см. карту на с. 422–423). Всех вместе нас было около трёхсот. В этой книге содержится всестороннее и абсолютно достоверное описание того, что произошло.

2

Подготовка обороны нашей территории

АПРЕЛЬ 1958

вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	**14**	**15**	**16**	**17**	**18**	**19**
20	**21**	**22**	**23**	**24**	**25**	**26**
27	**28**	**29**	**30**	–	–	–

МАЙ 1958

вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	–	–	**1**	**2**	**3**
4	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**
11	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**
18	**19**	**20**	**21**	**22**	**23**	**24**
25	26	27	28	29	30	31

Провал апрельской забастовки побудил военное командование тирании ускорить осуществление планов крупного наступления, которое они готовили против Повстанческой армии, и особенно на территории Первого фронта после поражения в зимней кампании. Как уже отмечалось, целью тщательно планировавшегося в течение нескольких месяцев наступления было уничтожение центрального ядра наших сил. Враг намеревался проникнуть в зону реки Ла-Плата с трёх сходящихся направлений (см. карту на с. 418), вводя в действие другие группировки, специально сформированные, подготовленные и оснащённые для этой кампании и поддержанные всеми доступными средствами. Всего в операции, рассматривавшейся как окончательная, были брошены на борьбу против наших сил в горах 10 тысяч военнослужащих, артиллерия, авиация, военно-морские подразделения, танки при

полной материально-технической поддержке (см. карту на с. 420–421).

Определяющим фактором стал провал всеобщей революционной забастовки и сделанный затем стратегами тирании вывод, что эта неудача неотвратимо деморализовала нас. В дни, непосредственно последовавшие за 9 апреля, перспектива возможного наступления превратилась в главную нашу заботу.

Была очевидной важность предстоящего этапа для дальнейшего развития революционной борьбы. Мы сознавали, что новое вражеское наступление будет самым сильным, организованным и рассчитанным на успех из всех предпринятых, среди прочего потому, что явится последним, которое режим Батисты будет в состоянии подготовить. Для тирании речь шла о решающей битве, и поэтому следовало ожидать, что она использует для этого все свои возможности.

На этом этапе войны обустройство стационарных построек, мастерских для поддержки действий наших партизан позволило создать на определённой территории базу, на которой начинала функционировать важная для военной деятельности инфраструктура.

Надо было закрепляться на местности и оспаривать каждый метр подступа к пунктам, где располагались уже упомянутые основные сооружения.

С другой стороны, степень зрелости наших сил, продемонстрированная уже в феврале 1958 года в операции у Пино-дель-Агуа (см. карту на с. 412–413), позволяла нам применять более сложную тактику и комбинированное движение в отличие от использовавшихся на протяжении всего первого года войны, когда главной чертой были типично партизанские действия.

У нас не оставалось альтернативы кроме как разгромить силу, которая постарается выполнить свою задачу в соответствии с классической стратегией и тактикой.

Ни они, ни мы имели подобного опыта. Различие в ресурсах было огромным. Для такого противника наши бойцы были вооруженными гражданскими лицами, которые не в состоянии противостоять атакам регулярных войск. Даже заняв территорию, мы не могли бы удержать её, а тем более отвоевать. Но каков был бы эффект от занятия таких объектов для людей, уже испытавших удар от провала забастовки? Даже если бы всё было бы восстановлено, сожжённые жилища, разрушенные постройки, заброшенное хозяйство и бегство крестьян – какой след оставило бы всё это?

В течение недели до начала наступления по мере того, как мы обдумывали и взвешивали альтернативы, был выработан план, который мы в конечном итоге осуществили, основываясь на хорошо усвоенных приобретенных знаниях о местности и её возможностях. В сущности план состоял в организации эшелонированной обороны нашей территории-базы, которая позволит метр за метром оказывать сопротивление продвижению врага, тормозя и заставляя его терять силы, чтобы, наконец, остановить, в то же время сосредоточивая свои силы в ожидании подходящего момента для контратаки. Даже когда враг достиг бы своих целей, наши силы не оставляли бы в покое его войска и линии снабжения, абсолютно уверенные в том, что те не смогут поддерживать их.

В послании от 8 мая капитану Рамону Пасу я объяснял (см. документ на с. 365):

> «На каждом шагу будем им оказывать сопротивление, постепенно отходя к Сьерре, пытаясь по возможности, когда представится случай, нанести возможно большее число потерь.
>
> Если врагу удастся вторгнуться на всю территорию, каждый взвод должен превратиться в партизанской отряд и наносить удары врагу, перехватывая его

по всем дорогам, пока не заставит снова отойти. Это решающий момент. Надо держаться, как никогда»*.

Этот второй вариант означал бы в основном возвращение к ситуации первых месяцев войны, но с гораздо бóльшим количеством оружия и опытом. Во всяком случае у нас не было ни малейшего сомнения в том, что за короткое время мы вернули бы себе территорию, ибо враг не смог бы удержать её из-за страшных потерь, которые мы нанесли бы ему. Только при втором варианте война продолжалась бы ещё какой-то срок, а мы испытали бы временную потерю тех сооружений, которые намеревались оборонять. Большинство из них создавалось с первых месяцев 1958 года в местах с твёрдым грунтом в окрестностях реки Ла-Плата. Эта местность обладала наилучшими условиями, поскольку располагалась в глубине гор, на довольно труднодоступной территории повстанцев Первого фронта, где проживало немного крестьянских семей, доказавших готовность сотрудничать с партизанами. По таким соображениям это место часто использовалось мной для расположения временного командования, особенно на скромных земельных участках крестьян Хулиана Переса, известного под прозвищем «Сантаклареро»**, и Освальдо Медины.

Именно в силу этого я принял решение переместить в район Ла-Платы радиостанцию «Повстанческое радио», вокруг которой в последующие месяцы начала формироваться ставка Главного командования.

13 апреля я отправился в зону Ла-Платы к командному пункту Че в Ла-Месе. Тяжёлый пеший переход форсированным маршем при том, что чувствовал я себя в те

---

* В цитатах сохранён текст оригинала с минимальными орфографическими исправлениями.

** «Сантакларовец», то есть из г. Санта-Клара и одноимённой провинции. – *Прим. переводчика.*

дни не слишком хорошо, был необходим по ряду причин. Прежде всего, мне казалось обязательным использовать возможности «Повстанческого радио», которое действовало с конца февраля в этой зоне, чтобы пообщаться с народом и поднять его дух после неудачи забастовки. Надо было оповестить, что наша борьба не только продолжалась, но становилась всё более эффективной и организованной. Вместе с тем аргентинский журналист Рикардо Масетти хотел взять у меня интервью. Я же в особенности хотел воспользоваться посещением Ла-Месы, чтобы побеседовать с Че о новой ситуации, возникшей из-за провала забастовки 9 апреля и о вражеском наступлении, в развертывании которого мы были уверены.

16 апреля я выступил по «Повстанческому радио» первый раз. В своём выступлении проанализировал причины провала революционной забастовки 9 апреля, обличил тиранию в совершении ряда самых недавних преступлений, таких, как варварская бомбардировка посёлка Кайо Эспино, а также гибель ребёнка Орестеса Гутьерреса и выразил абсолютную уверенность в победе.

Не знаю, сколько людей на Кубе слушали «Повстанческое радио», но я видел в нём существенно важное средство передачи информации и её распространения, а также средство связи с внешним миром. Объяснил Че необходимость распорядиться о перемещении радиостанции, созданной им, в зону Ла-Платы, имеющей стратегически большее значение и достаточные силы для её защиты. Самоотверженные и компетентные технические специалисты из «Повстанческого радио» во главе с Эдуардо Фернандесом менее чем за 10 дней совершили подвиг по демонтажу оборудования и перевозке его на муле через половину Сьерра-Маэстры и установке на новом месте. Уже в конце апреля у нас была прямая связь с заграницей, а 1 мая «Повстанческое радио» снова вышло в эфир, но на

этот раз из своего окончательного месторасположения в зоне Ла-Платы. Радиостанция будет служить также для связи со Вторым восточным фронтом и фронтом Хуана Альмейды в Сантьяго-де-Куба.

Другим ключевым решением, принятым в этой поездке, было перемещение Че на территорию к западу от Туркино с неотложной задачей организовать нашу зарождающуюся школу новобранцев, проект, осуществлению которого следовало придать новый импульс в предвидении вражеского наступления и учитывая наши последующие планы после того, как это наступление будет отражено. Фактически уже с конца марта в Минас-де-Фрио начал функционировать простенький центр обучения бойцов нового набора, в чём нам помогло заинтересованное сотрудничество Эвелио Лаферте, лейтенанта вражеской армии, взятого в плен в бою при Пино-дель-Агуа и выразившего готовность встать в ряды повстанцев. До середины апреля с несколькими новобранцами, которых предполагалось направить в эту школу, проводились элементарные практические занятия по переходам, тактике, обращению с оружием. Наш ставший обыденным недостаток ресурсов не давал нам возможности проводить упражнения с реальной стрельбой.

В действительности замысел состоял в том, чтобы Че взял на себя обучение новобранцев как неотложную задачу по подготовке тех, в ком мы остро нуждались. Занимаясь этим, он был готов выполнять и любое другое важное поручение.

Не скажу ничего нового, если повторю здесь, что Че для меня был товарищем, которого я глубоко уважал как за его способности, так и за продемонстрированное бескорыстие и личную смелость. Со времени боя в Минас-де-Фрио он мог уделять непосредственное внимание подготовке к обороне западного сектора нашей центральной территории. Когда наступит момент сражения, ему мож-

но было доверить, если потребуется, руководство обороной этого сектора, как на деле и произошло.

Че понял мои аргументы и с удовлетворением воспринял своё новое назначение. Командование колонны № 4 после ухода с Ла-Месы перешло к команданте Рамиро Вальдесу, который до этого был вторым начальником колонны.

Около Ла-Платы, во владении сотрудничавшего с нами крестьянина Клементе Вердесиа, в районе Эль-Наранхо, с некоторого времени действовала повстанческая оружейная мастерская, руководимая капитаном Луисом Креспо. В простенькой мастерской ремонтировалось повреждённое оружие и изготавливались различные виды изделий, использовавшихся нашими людьми в боях: ручные гранаты и бомбы, снаряды, известные как М-26* и выпускающее их устройство (см. документ на с. 369).

Одной из ответственных задач оружейной мастерской было изготовление возможно большего количества мин, которые могли бы применять наши силы для закладывания против движущегося врага. Тактика подрыва мин на пути авангарда войск на марше дала нам хорошие результаты в двояком смысле – вследствие наносимых потерь и вызываемого замешательства. Мы уже давно установили, что войска, находящиеся в движении, столь же готовы к действию, как и их авангард, и поэтому обескуражить их, обезвредить, в лучшем случае ликвидировать авангард – стало одним из наших тактических приёмов.

Делу изготовления мин Креспо – экспедиционер «Гранмы» и работавшие в его коллективе отдавались с большим рвением. Когда началось наступление, почти все наши отделения и взводы располагали изделиями такого типа, часто использовавшимися довольно эффективно.

---

* Сокращение от «Движение 26 июля». – *Прим. переводчика.*

Чтобы обеспечить такую работу, надо было всеми возможными способами заниматься сбором материалов и деталей, необходимых для изготовления мин, от металла до детонаторов и кабелей. Никогда мы не испытывали недостатка высококачественной взрывчатки, так как некоторые бомбы, которые авиация почти каждый день сбрасывала на нас, не взрывались и из них вытаскивали заряд. Иногда взрывали его целиком под ногами авангарда.

Начиная с апреля задача накапливать материал потребовала ускорения с использованием всех наших связей. Даже кольца от пулемётных лент и гильзы от выстреленных с вражеских самолётов пуль оказывались пригодными в оружейной мастерской в качестве сырья, а наши люди были проинструктированы, чтобы собирать их, сколько найдут, и отправлять в мастерскую Креспо в Эль-Наранхо.

В середине апреля набольшая группа женщин, занимавшаяся пошивом формы, также расположилась в оружейной мастерской Эль-Наранхо, где у них были более подходящие условия для работы и получения необходимого материала. В тот же период мы приступили к созданию первой мастерской по дублению кож с целью в перспективе снабжать фабрику сапог и ботинок, которую намеревались запустить. Это позволило бы в будущем заменить отчасти получение одежды и обуви из заграницы.

Наши первые госпитали и школы также начали возникать в зоне Ла-Платы. В конце марта приступили к строительству госпиталя в Камаронсито, на реке Ла-Плата, под наблюдением доктора Мартинеса Паэса. Это сооружение не было достроено до конца, хотя оказывало медицинскую помощь с первого момента и в разгар наступления очень пострадало от разлива реки. Медицинский персонал этого маленького госпиталя переместился в Ла-Плату, где действовал на временной основе в течение большей части сражения в одной из первых построек,

сооружённых специально как часть того, что в конечном счёте превратилось в ставку нашего Высшего командования.

Также в конце марта в наши ряды влились доктора Рене Веласко и Мануэль («Пити») Фахардо с несколькими помощниками из города Мансанильо, где Вальехо держал частную клинику до того, как поддержка им подпольной борьбы Движения 26 июля вынудила его отправиться в горы. Эта группа устроилась в местечке под названием Посо Асуль, близ Ла-Абаниты, в глухом месте глубокой долины, очень труднодоступном по земле и практически недостижимом для авиационной атаки. Там в примитивном помещении, сооружённом с помощью соседей по зоне, они открыли то, что фактически стало первым стационарным госпиталем нашего Первого фронта.

Маленький госпиталь Посо Асуль функционировал до начала вражеского наступления, когда мы решили перевести его в зону Ла-Платы из-за опасности занятия врагом этого места, чего так и не случилось. Вальехо устроился, пока ещё шло наступление, в одном из крестьянских домов в Ринкун Кальенте, на полпути между домом «Сантаклареро» и сектором Хименеса.

Ещё одним сооружением, действовавшим в зоне Ла-Платы, была своего рода повстанческая тюрьма, которой руководил капитан Энрике Армус, которой кто-то в насмешку дал название Пуэрто Маланга* из-за того, что если у тирании имелась тюрьма в Пуэрто Бониато**, то наша должна была называться как спасительная еда повстанцев. В Пуэрто Маланга в нескольких ранчо, построенных для этой цели в глубине каньона реки Ла-Плата, выше Камаронсито, мы содержали не только взятых в плен

---

* Маланга – крахмальный корень одноимённого растения, употребляемый в пищу в странах Центральной Америки и Карибского бассейна. – *Прим. переводчика.*

** Бониато – сладкий картофель, используемый для приготовления еды на Кубе. – *Прим. переводчика.*

вояк из Сельской гвардии, которые по соображениям безопасности не были освобождены, но также и наших бойцов, которые должны были отбывать наказание за нарушение дисциплины или действие, могущее оказаться преступлением. Тюрьма Пуэрто Маланга сыграла, как увидим, определённую роль в планировании вражеской операции.

К вечеру 30 марта в зоне Сьенагуилья приземлился двухмоторный самолёт из Коста-Рики, первая экспедиция, доставившая подкрепление из заграницы. С ней прибыли Педро Мирет («Педрито»), Эвелио Родригес Курбело, Уберто Матос и ещё четверо товарищей. Привезённый груз состоял из двух пулемётов 50-го калибра, нескольких десятков винтовок – среди них несколько полуавтоматических карабинов, мин для наших минометов и около 50 тысяч патронов, присланных одним влиятельным другом из той страны. Прилетевший самолёт не смог снова взлететь из-за технической неисправности, и его пришлось поджечь, чтобы не засёк враг. Педро Мирет, замечательный товарищ и деятель, раненный при штурме Монкады, схваченный там и осуждённый, а потом арестованный в Мексике за три или четыре дня до отплытия «Гранмы» при обнаружении у него партии оружия, присоединился с остальными к нашим силам.

Успех этой первой попытки принятия поставок из заграницы воздушным путём побудил нас к осуществлению плана устройства площадки, на которой могли бы приземляться лёгкие самолёты, в относительно защищённом месте на нашей центральной территории. Надо полагать, что в горах было немного мест, подходящих для этого, но нам повезло обнаружить место, обладавшее до-

вольно хорошими условиями, у реки Ла-Плата, примерно на середине её течения, при впадении притока Манакас. В этом пункте долина реки широкая и образует пространную равнину достаточного для приземления авиеток размера. Закодированную под названием «Альфа» посадочную площадку стала приспосабливать к этому группа наших людей.

Снабжение из зарубежья превращалось, таким образом, в важный фактор осуществления наших планов и свидетельствовало о качественной перемене в войне в горах. До этого момента наше партизанское движение питалось в основном за счёт оружия, захваченного в боях с врагом. Мы продолжали бы делать это и дальше, но в новой обстановке представлялось целесообразным создать подходящие условия, чтобы располагать поставкой военных материалов, дополняющей то, что добывалось в боях. Однако самый недавний опыт, в особенности потеря крупной партии оружия, которую переправляла экспедиция на судне «Эль Корохо» и которая была захвачена врагом в Пинар-дель-Рио в начале апреля, побудил меня усомниться в реальных возможностях деятелей Движения [26 июля] в изгнании организовать без промежуточных звеньев механизм поставок для нас. То был один из вопросов, которому мы посвятили довольно много усилий в течение недель, предшествовавших вражескому наступлению, и ещё один аргумент в пользу необходимости приближения радиостанции «Повстанческое радио», которая будет главным средством связи с заграницей.

Несомненно, делом, требовавшим приоритетного внимания, была срочная потребность в накоплении возможно большего количества боеприпасов и других военных ресурсов, дефицит которых всегда ощущался у наших сил. Достаточно сказать, что перед началом вражеского наступления имелись отделения повстанцев, на полуавтоматическое оружие которых приходилось всего по дюжине

патронов. Красноречив комментарий Селии Санчес в одном из сохранившихся её посланий от первых дней апреля: «Когда будет писаться история, не поверят этому донесению. Мы защищались М-26».

И это почти буквально так. Немало было солдат-повстанцев, которые шли в те времена в бой, вооружённые лишь несколькими гранатами кустарного изготовления, которым мы дали название «М-26», на деле больше производившие грохот, чем что-либо. Кстати, этот факт не помешал глашатаям тирании пустить в ход, незадолго до наступления, очевидное измышление о том, что после одного боя с повстанцами армия якобы нашла большое количество русских гильз, что свидетельствовало о наших связях с коммунистами, хотя на Сьерре не было ни одного русского.

В деле использования боеприпасов наша политика была гибкой. С одной стороны, призывы к бойцам максимально экономить патроны в боях с предупреждением в наказание не давать патроны тем, кто допускает очевидное растрачивание боеприпасов. С другой стороны, мы установили строгий учёт количества используемого оружия и патронов, сведения о которых должны были быть незамедлительно направлены в тот момент на командный пост, поскольку я взял на себя лично контроль за распределением этих существенно важных ресурсов.

Логичным следствием нашей стратегической оборонительной линии была соответствующая подготовка местности, на которой будет происходить оборона в первой фазе наступления. Отсюда устройство траншей и туннелей превратилось с первых недель апреля в одну из приоритетных задач. Если постоянной была моя настойчивость в деле сохранения боеприпасов во всех беседах и письменном общении с командирами повстанческих частей, то не менее приоритетной была моя рекомендация всеми силами заняться сооружением траншей в самых

стратегически важных местах особо значимой зоны операций. Я стремился к тому, чтобы при начале вражеского наступления наши люди заняли укреплённые позиции, с которых можно было бы оказать гораздо более эффективное и продолжительное сопротивление, а при отходе занимать последовательные линии траншей. А наряду со всем этим сооружать убежища для защиты от авиации. Одним словом, превратить Сьерру в настоящий комплекс укреплённых позиций, перед которым врагу пришлось бы столкнуться с бóльшими трудностями.

Другим важным элементом в подготовительных мерах стало установление телефонной связи между ключевыми пунктами повстанческой территории. До того момента связь между нашими силами осуществлялась исключительно через посыльных, обычно вовлечённых в ряды повстанцев крестьян Сьерры, знавших досконально местность и натренировавшихся, что естественно, на преодолении в горах больших расстояний в удивительно короткое время. Но прогнозируемая динамика действий с началом наступления, которое развёртывалось на довольно обширном театре операций, побуждала к применению системы контактов, гарантирующей почти мгновенную связь, тем более имея в виду, что враг будет располагать более современными средствами связи.

Выход был в использовании телефона, что ставило задачу приобретения телефонных аппаратов и достаточного количества кабеля. В апреле патрули стрелков-повстанцев, знатоков местности, действовавших в Сьерре, получили приказ собрать все возможные аппараты и метры кабеля, которые могли найти в посёлках сахарных заводов, на коммутаторах в поселениях предгорья и побережья залива Гуаканайабо. Очень скоро мы стали получать эти средства, и началась нелёгкая работа по прокладке телефонных линий между избранными пунктами. Сначала была установлена аппаратура, которая использовалась

ставкой командования – пока ещё временной – в Ла-Плате и размещалась на высоте Момпьé, рядом с домом семьи, носившей эту фамилию, на линии вершин Маэстры, которой мы дали название Мирамар-дель-Пино.

Вся проводившаяся подготовка включала также проблему продовольственного снабжения крестьянского населения и наших бойцов, которая становилась критической, учитывая блокаду гор, установленную врагом и ужесточенную в предвидении его наступления.

Как часть мер для создания продовольственной базы, в наиболее возможной степени гарантирующей самообеспечение в случае эффективной и продолжительной блокады гор, приняли в ту пору решение реквизировать возможно большее число голов скота в хозяйствах, расположенных вблизи от Сьерры, принадлежавших крупным помещикам или лицам, связанным с тиранией, с тем, чтобы перевести его в горы и должным образом распределить с целью обеспечить, когда наступит момент, снабжение молоком и мясом крестьянского населения и повстанцев. Начиная с первых дней апреля наши патрули были направлены, чтобы ускорить эту реквизицию, которая фактически охватила все самые крупные скотоводческие поместья побережья и предгорья, включая даже окрестности Байамо.

Уже к тому времени все наши командиры и сотрудничавшие с нами крестьяне получили точные инструкции о том, что надо делать со скотом, находившемся на Сьерре и взятым на равнине. Среди прочего нельзя было распорядиться ни одним животным без ясно выраженного приказа и был наложен запрет на забой самок. Кроме того, вышло распоряжение о проведении переписи голов скота на всей повстанческой территории. Намерение состояло в том, чтобы навести какой-то порядок и установить контроль в распределении голов скота на нашей территории в предвидении мер, которые, несомненно, надо было бы

принять, как только начнётся наступление и будет установлена физическая блокада горного района.

Другой критической проблемой была проблема соли. Как часть соображений по обеспечению продовольственного снабжения во время блокады у нас зародился проект ввести в строй маленькую установку для выработки вяленого мяса, для которой у нас уже имелось место в доме Радамеса Чарруфа, жителя посёлка Хименес, и был ответственный за дело в лице бойца Хельо Архелиса. Естественно, что «лавка вяленого мяса в Хименесе», как стали называть это предприятие с тех пор, как оно начало свое производство в середине мая, не могло работать ни без мяса – для чего мы думали предназначить часть скота, реквизированного на равнине, – ни без обильного количества соли, поставку которой надо было обеспечить.

Выход был очевиден. Наша территория с юга обрамлялась морем. Речь шла о том, чтобы организовать в некоторых местах на побережье производство соли традиционными методами выпаривания её из морской воды. Эту задачу, по рекомендации Селии, поручили с середины апреля бойцу Хосе Рамону Идальго, известному как «Рико», который выбрал для поставленной цели несколько пляжей в окрестностях Окухаля.

Снабжение бензином, керосином и другими видами горючего приобретало особое значение вследствие введения в строй радиостанции и установок по производству электроэнергии на ряде предприятий, например, по выработке вяленого мяса. Это была ещё одна задача для нашего уже испытывавшего напряжение механизма снабжения, куда приходилось добавлять новые продукты к нескончаемому списку заготовок продовольствия, медикаментов и других товаров, и делать это в ускоренном темпе.

Надо сказать, что в течение недель, предшествовавших началу наступления, наша тыловая деятельность

разрасталась и отвечала нашим растущим потребностям. Душой этой работы была тогда, более чем когда-нибудь, Селия. Из Вегас-де-Хибакоа, где она устроила свою оперативную базу, используя благоприятные условия места, Селия координировала всю эту деятельность. В значительной мере благодаря её усилиям наше снабжение не прекращалось и нам удалось создать минимальные запасы, которые оказались решающими в определяющие моменты наступления. Именно Селия отвечала за организацию производства соли, изготовление сыра, развитие огородов, ферм и выращивание свиней и цыплят. И всё это – наряду с вниманием, уделявшимся растущей куче организационных дел по управлению повстанческой территорией и её участием в обеспечении поступления инвентаря и инструментов для устройства траншей, а также умножением контактов за пределами Сьерры для получения информации, денег и других услуг.

Хотя все признаки заставляли предполагать, что усилия врага будут сосредоточены на зоне, которую можно было бы назвать зоной Первого фронта, оборонительная схема, которую мы думали применить, предусматривала, в основных чертах, развёртывание наших собственных сил, то есть только состава трёх колонн, которыми мы располагали на фронте. На этой первой подготовительной фазе единственно, что я добавил, – это попросил Альмейду, чтобы он снова переместился в нашу зону с целью подкрепить нас частью состава Третьего Восточного фронта, тогда как остальная часть должна была оставаться на своей территории для сдерживания каких-либо активных действий врага в этой зоне и давления из тыла на войска, участвующие в наступлении. Что же касается групп Камило и Орландо Лары на равнине, первоначальный замысел состоял в том, чтобы они удерживались в своих оперативных зонах с целью также действовать в тылу врага. Однако в начале мая я приказал Ларе под-

крепить нас своей небольшой группой партизан в северо-восточном секторе. А уже в июне, предвидя приближение самого критического момента наступления врага, направил инструкции Камило с указанием момента, когда он должен был подкрепить нас двадцатью или тридцатью испытанными в бою бойцами. Что касается Рауля, учитывая отдалённость его участка и важность его задачи, то мы не забрали ни одного человека со Второго Восточного фронта.

В конце апреля северо-восточный сектор нашей территории защищался лишь несколькими отделениями: под командованием Анхелито Вердесиа и Дуннея Переса Бламо на дороге от Серо Пеладо к Лас-Мерседес, под командованием Андреса Куэваса и Маркоса Борреро на дороге из Арройона, под командованием Рауля Кастро Меркадера и Бласа Гонсалеса на дороге из Кайо Эспиносо, тогда как входившие в колонну Кресенсио Переса защищали подступы к этим местам со Сьенагильи. В северо-восточном секторе мы располагали силами колонны № 4 в зоне Минас-де-Буэйсито, в которые скоро вольётся подкрепление, направленное Альмейдой с Третьего фронта, под командованием капитана Гильермо Гарсиа, – взводом Эдуардо Сардиньяса Лабарды («Лало») в Лос Литрос-де-Нагуас и отделением под командованием Эдуардо Суньола Риккардо («Эдди») в Провиденсии. С юга пока действовало только несколько патрулей стрелков. Общее число наших бойцов, когда началось наступление, не превышало 230 человек с боевым оружием.

8 мая пришли сообщения о том, что враг высадил войска с юга в Эль-Мачо и Охугале. В итоге несколько часов спустя подтвердилось, что то была лишь ложная тревога. Но в начальный момент всё, кажется, указывало, что мы присутствуем при первых шагах ожидаемого наступления. «Считаю, что с момента на момент начнут надвигаться из различных пунктов», – писал я Рамону Пасу

в 11 часов ночи в тот же день 8-го числа, через несколько минут после получения первой информации о якобы произошедшей высадке. А Селии вновь изложил то же впечатление в другом послании и добавил:

> «Надо со всей энергией предпринять встречные действия. Думаю, что они несколько поторопились, но всё же настала пора. Очень жаль, что у нас мало детонаторов и запалов, но что можно сделать? Уверен, что мы сумеем биться с ними с успехом. Посмотрим, начнут ли они двигаться вперёд сразу же или дадут нам хотя бы два или три дня, во что не верю».

В ту ночь я начал давать необходимые распоряжения, чтобы распределить наши немногочисленные силы по главным ключевым пунктам. В том же послании Пасу приказал повстанческому капитану, чтобы он продвинулся «форсированным маршем к Санто-Доминго». Должен был оставить там взвод Франсиско Кабреры Пупо («Пако»), задачей которого будет защищать дорогу от Эстрада Пальма в Санто-Доминго вдоль реки Яра на траверсе Каса-де-Пьедра. Потом Пас должен был переместиться в Пальма Моча и занять позиции на дороге, которая поднималась до одноимённой реки, на траверсе дома сотрудничавшего с нами крестьянина Эмилио Кабреры в месте, известном как Эль-Хубаль. С этой позиции я мог предпринять встречные действия против каких-либо вражеских сил, пытающихся проникнуть с берега вдоль реки Палома Моча, представляющей вместе с рекой Ла-Плата два пути прямого доступа к нашей территории с юга. Как Пас, так и Куэвас были взводными капитанами, один работал на шахтах Чарко Редондо, а другой происходил из провинции Лас-Вильяс, оба прекрасные командиры.

В момент, когда я составлял это послание Пасу, повстанческий капитан находился около Агуальревес. 5-го мая он прошёл через Эстрелью, выше Минас-де-Буэйсито, куда прибыл с более чем 300 быками и 30 лошадьми, реквизированными в Ла-Канделарии, поблизости от Байамо во исполнение плана собрать возможно больше скота на Сьерре в ожидании объявленного наступления врага. 9-го числа Пас уже прибыл в Санто-Доминго, а на следующий день занял указанные ему позиции поблизости от дома Эмилио Кабреры Пупо, который спустился вниз по реке и обосновался в Каса-де-Пьедра.

В том же послании Пасу от 8 мая (см. документ на с. 365) я резюмировал оборонительную расстановку сил, принятую на непосредственных подступах к зоне укреплённого района Ла-Платы, который по своему расположению и условиям, сложившимся в зоне, было решено мной рассматривать как центральную ось обороны:

> «В Провиденсии находится [Эдди] Суньол, который окажет первое сопротивление и будет сдерживать их вплоть до Каса-де-Пьедра. А уже в Каса-де-Пьедра Суньол отойдёт через укрепрайон, и тогда дорога из Санто-Доминго станет защищаться взводом Пако. Лало Сардиньяс будет сторожить вход в Лос-Лириос и Лома Асуль. Мы будем оберегать вход к Ла-Плате».

Этими распоряжениями были прикрыты главные подступы к зоне Ла-Платы с северо-востока. Возможный путь проникновения от Минас-де-Буэйсито был защищён людьми Рамиро Вальдеса и подкреплением с Третьего фронта под командованием Гильермо.

Что касается южного сектора, то, наряду с расположением Паса в Пальма Моча, распорядился той же ночью о направлении группы бойцов к устью реки Ла-Плата под командованием капитанов Педро Мирета и Рене Родригеса.

А Кресенсио передал приказ частью сил обстреливать вражеские войска, якобы высадившиеся в Эль-Мачо. В северо-восточном секторе сохранялось пока то же расположение, что было предписано в начале апреля.

9-го числа враг усилил интенсивность авиационных бомбардировок и пулемётного обстрела, а также обстрела с расположившегося напротив берега фрегата, сосредоточивая огонь на бассейне реки Ла-Платы. Уже на следующий день я стал получать информацию о том, что сообщение о высадке было ложным, как и сообщение о второй бомбардировке в районе Пальма Моча в тот же день. Ввиду этого решил снова перераспределить наши силы. Взвод Куэваса, который находился вместе с отделением Маркоса Борреро на дороге у Арройона, переместится в Момпьé, в укрепрайоне Маэстры, как резерв, предназначенный двинуться в любом необходимом направлении. Отделение Áламо, которое вместе с отделением Анхелито Вердесиа находилось на дороге из Эль-Серро в Лас-Мерседес, разместится в Эль-Торо, на полпути между Момпье и Каса-де-Пьедра, также готовое двинуться в пункт, где потребуется подкрепление. Отделение Рауля Кастро Меркадера, рсположенное вместе с отделением Бласа Гонсалеса на дороге у Эль-Хибаро, переместится выше Лас-Мерседес, на дороге к Габиро и Сан-Лоренсо. Маркос Борреро и Блас Гонсалес останутся на своих обозначенных позициях. Эти два командира будут заменены во главе своих взводов до начала наступления Орасио Родригесом и Альфонсо Сайасом соответственно. Анхелито Вердесиа, в свою очередь, перешёл два дня спустя на лучшую позицию на той же дороге, на холме Ла-Эррадура. Также оставались на своём месте бойцы Кресенсио, прикрывавшие подступы со стороны Сьенагильи.

В северо-восточном секторе Суньол оставался в Провиденсии, Лало Сардиньас – в Лос-Лириос, а люди Гильермо и Рамиро в зоне Минас-де-Буэйсито, тогда как от-

деление Пако Кабреры Пупо, назначенное двумя днями раньше в Касса-де-Пьедра, перейдёт на позицию на высоте Маэстры между Санто-Доминго и Ла-Платой, откуда могло бы действовать как резерв в зависимости от обстоятельств. Этот персонал оставался ещё несколько дней в Каса-де-Пьедра, пока Пако не занял свою новую позицию с частью своих людей, а другая часть осталась на месте под командованием Феликса Дуке. На юге Мануэль Акунья останется в Эль-Мачо с направленным туда персоналом колонны № 7, Рене Родригес и Педрито – в устье Ла-Платы, а Рамон Пас – на реке Пальма Моча.

В послании, которым я информировал из Момпье Селию, сообщил эту новую диспозицию и попросил её оповестить об этом Че, настаивая, чтобы она сообщила всем капитанам, что «на каждом возможном пути врага надо подготовить по крайней мере двадцать линий обороны», а также указал ей:

> «Хлопоты по товарам, ботинкам и одежде должны продолжаться до этой последней минуты. С выигранным нами временем наша позиция намного лучше».

В другом послании на следующий день, ещё из Момпье, писал ещё раз Селии:

> «Все же не считаю усилия потерянными, потому что мы ускорили подготовку к обороне. Нам на пользу, кроме того, располагать минимальным временем, чтобы завершить некоторые дела, в том числе с телефоном.
>
> Несмотря на ложную тревогу все должны оставаться начеку, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох».

Начиная с этого момента мы, действительно, держались в состоянии полной боевой готовности и ускорили все подготовительные действия к обороне территории.

Че в эти дни провёл несколько осмотров позиций в северо-восточном секторе, чтобы напрямую проинструктировать командиров каждого войскового подразделения. Сообщения о передвижениях вражеских сил и занятии различных пунктов множились и почти все оказывались ложными.

Другая информация, которой вначале мы мало верили, была о приземлении маленького самолёта 10 мая на нашей новой площадке в Манакас. Но она оказалась верной. 12-го числа, когда новость уже подтвердилась, я настоятельно указал Креспо, чтобы он начал изготовлять также бомбы, которые можно сбросить с самолёта, и написал Че:

> «Учитывая, что уже приземлился первый самолёт и есть срочная необходимость держать открытым этот путь как можно дольше, помимо возможности использовать поле для оборонительных действий, зона приобретает для нас большое значение и надо защищать её более эффективно».

Чтобы добиться этого, распорядился подкрепить персонал в Эль-Мачо резервным отделением Áламо, а позиции в устье Ла-Платы пулемётом 50-го калибра – им пользовался Кюрюно* – и миномётом и направить Паса на пляж Огухаля с другим пулемётом 50-го калибра, который находился у Рафаэля Альбис Очоа, *Альбио,* и Фиделя Варгаса, с задачей прикрыть другие ближайшие пункты возможной высадки.

Таким образом, оказывались защищёнными почти все наиболее важные подступы с моря, исключая устья рек Пальма Моча и Магдалена, для которых в тот момент просто не было личного состава. Не прекращавшиеся дожди в те дни вынудили меня отложить на 13-е число

---

* Хотя в средствах печати и некоторых книгах писали *Короно*, фамилия, фигурирующая в его подписи и в свидетельстве о рождении, – *Кюрюно́*.

личный осмотр этих позиций, на который по той же причине пришлось затратить три дня.

В результате этого инспекционного осмотра позиций я несколько изменил диспозицию наших сил на побережье. Чтобы ещё больше подкрепить устье Ла-Платы, назначил туда отделение Áламо, а в Эль-Мачо оставил людей Кресенсио, увеличив с этого момента их численность на этой позиции и подчинив капитанам Рене Фиальо и Раулю Подио, тогда как Мануэль Акунья возвращался на прикрытие устья реки Масио. Таким образом, бассейн Ла-Платы превращался в настоящую крепость с возможностью не только помешать высадке врага, но также и оказать сильное сопротивление вдоль реки в случае, если правительственным войскам удастся продвинуться от берега. Моей единственной важной заботой в этом секторе продолжало оставаться устье реки Пальма Моча, куда мы несколькими днями позднее сумели наконец направить отделение под командованием Вивино Теруэля.

Мы были убеждены, что благодаря комплексу этих диспозиций и подготовительных мер сможем противостоять упорным усилиям, которые предпринимал враг. Стратегической целью продолжала оставаться организованная защита нашей территории-базы и главных учреждений и сооружений, устроенных в зоне: «Повстанческого радио, взлётной полосы, оружейной мастерской, госпиталей, мастерских по изготовлению одежды, цеха вяленого мяса, тюрьмы и школы новобранцев.

Сама динамика нашего неослабного сопротивления, эшелонированного вокруг центрального ядра этой территории, с одной стороны, провоцировала бы врага на растрачивание своих сил и потерю наступательной инициативы, а с другой, сосредоточение наших сил позволило бы через какое-то время – по нашим прикидкам, где-то три месяца – перейти в контрнаступление и разгромить, захватить или изгнать врага из гор (см. карту на с. 484).

Наш дух в эти предшествующие наступлению дни хорошо выражен в заключительных строках послания, направленного мной Фаустино Пересу 25 апреля:

> «Здесь мы готовимся противостоять в ближайшие недели наступлению диктатуры. Разгромить его – это вопрос жизни или смерти. «Движение» должно хорошенько осознать эту реальность и сосредоточить свои усилия на защите этой траншеи. Моральное состояние наших войск самое высокое; уверены, что сможем сопротивляться и преисполнены желанием начать двигаться вперёд».

В одной из сводок, переданных в середине мая по «Повстанческому радио», мы говорили следующее относительно вражеских приготовлений и нашей боевой готовности:

> «Генеральное повстанческое командование остаётся информированным во всех деталях о движениях врагов. Народ Кубы будет информирован детально, шаг за шагом, о ходе операций.
>
> Мы накануне самой яростной схватки, которой отмечена история нашей Республики. Диктатура с высокомерным оптимизмом исходит из того, что после эпизода со всеобщей забастовкой наши революционные силы будут деморализованы.
>
> Те из нас, кто является ветеранами столь неравной борьбы, кто однажды был всего лишь незначительной горсткой людей без оружия и боезапаса, кто знает эти горы как свои пять пальцев, кто знает, какими людьми мы располагаем, доблесть каждого бойца и мастерство каждого повстанческого команданте и капитана, чувствуют себя спокойно...
>
> Ведь каждый повстанец знает, что, даже погибнув, каждый из нас, до последнего, с винтовкой в руках,

будет победителем, будет непреходящим примером для будущих поколений, тем самым воскрешая на нашей родине великие эпопеи истории.

Насколько же нелепо думать, что жившие с гордостью, пользуясь свободой с оружием в руках, могут сдаться и согласиться, подчинившись и будучи посрамлены, с игом угнетения!

Насколько глупы те, кто питает иллюзии перед легионом людей, разгромивших семь десятков раз врага на полях битв! На предложение сложить оружие у нас лишь один ответ: Почему не отдаёте приказ идти вперёд? Уже настал час, чтобы драться, а не взывать о сдаче».

25 мая в Вегас-де-Хибакоа состоялось первое собрание крестьян повстанческой территории. В тот день мы обсуждали со всеми жителями зоны и многих близких посёлков меры, которые считали необходимыми, чтобы обеспечить уборку урожая кофе и организовать остальную хозяйственную деятельность в предвидении установленной врагом блокады Сьерры и надвигавшегося начала наступления. В тот же день очень близко от того места, где мы собрались вместе с верно и решительно сотрудничавшими с нами крестьянами, началась битва, которую мы так ожидали и к которой с такой тщательностью готовились, уверенные в победе.

3

Занятие Лас-Мерседес

МАЙ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	–	–	1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	**26**	27	28	29	30	31

Командование врага развязало первую фазу своего наступления 25 мая (см. карту на с. 426), двинуло вперёд к посёлку Лас-Мерседес со своей операционной базы в Серро Пеладо мощный батальон 17 под командованием Пабло Корсо, усиленный ротой 81 батальона 20. Там, в Лас-Мерседес, началось крупное наступление врага, который надеялся нанести смертельный удар по главному ядру партизанского движения, и там же завершилась операция спустя 74 дня полной победой Повстанческой армии.

Этот новый бой в Лас-Мерседес типичен для стратегии, которую мы выработали, чтобы противостоять армии тирании. Вражеские силы, используя свою несравненно превосходившую нас численность и огневую мощь, добились в конечном счёте лишь ближайшей из намеченных цели – занять позицию, но достигли этого лишь после того, как сломили упорное сопротивление, которое замедлило их продвижение, расстроило их планы, начало подрывать их преимущество и продемонстрировало моральное превосходство бойцов-повстанцев.

25 мая подступы к Лас-Мерседес в северо-восточном секторе нашей центральной территории защищались лишь одним повстанческим отделением численностью чуть больше дюжины бойцов под командованием Áнхела Вердесиа. Эта группа, напоминаю, некоторое время назад занимала позиции на холме Ла-Эррадура, между Лас-Мерседес и Сао Гранде, прикрывая дорогу, ведущую в посёлок. Именно на этом месте горстка бойцов Анхелито Вердесиа окажет первое сопротивление, продержавшись в течение всей второй половины 25 мая.

С первых часов утра вражеская авиация интенсивно бомбардировала и обстреливала из пулемётов всю зону по всем сторонам дороги у Серро, сосредоточивая огонь в особенности на внешнем склоне и изгибе холма Ла-Эррадура. Как раз в этот день, вероятно, в первый раз за войну начали действовать против повстанцев переданные Батисте Соединёнными Штатами за несколько недель до этого реактивные самолёты Т-33, которые могли беспрепятственно и с полной уверенностью летать над слабопересечённой местностью зоны Лас-Мерседес.

Незадолго до полудня силы батальона 17 начали продвигаться вперёд со стороны Серро, часть пешком, а часть, на грузовиках. Пять танкеток Т-17 роты С смешанного полка «10 марта» сопровождали это продвижение. Во время всей первой части пути не произошло никаких серьёзных инцидентов. Полагая, что интенсивный воздушный налёт разрушил оборонительные позиции повстанцев и заставил их отойти, вражеские войска двинулись вперёд медленно и с крайней осторожностью, ведя на всякий случай непрерывный проверочный огонь. Таким образом они пересекли ручей Арройон и реку Каней там, где начинается сейчас участок школьного городка Камило Сьен-

фуэгос, и оставили позади посёлок Сао Гранде. Перед ними, на расстоянии немногим больше километра, высился, как ревностный охранник Лас-Мерседес и самой Сьерра-Маэстры, холм Ла-Эррадура с длинным крутым, чуть приподнятым изгибом с востока на запад.

Головная часть вражеского авангарда продолжила движение вперёд вдоль дороги и по обеим её сторонам. Солдаты были почти уверены, не видя признаков присутствия повстанцев, что только два или три часа неформированного, без инцидентов марша отделяли их от цели. Вот тогда, всего за 200 метров до преодоления изгиба, Анхелито отдал приказ открыть огонь.

Внезапный огонь приостановил продвижение врага на немалое время. Расчетливо ведя огонь, не растрачивая зря выстрелы, повстанцы отделения сражались всю остальную часть дня. Только развёртывание врага по широкому фронту на склоне холма – тогда, как и сейчас, покрытого выпасами, перемежавшимися кручами, – вынудило повстанческого капитана дать приказ об отходе около 5 часов дня.

Тогда бойцы заняли вторую оборонительную позицию за кладбищем, примерно на полпути между изгибом Ла-Эррадуры и посёлком. Незадолго до наступления вечера, когда первые солдаты стали спускаться с изгиба, среди их строя взорвалась начинённая 50 фунтами взрывчатки мина, заложенная отделением Анхелито на дороге. Этот взрыв, добавивший новые вражеские потери к тем, что случились во время послеполуденного боя, окончательно приостановил продвижение врага в тот день. Ночью правительственные солдаты расположились лагерем на изгибе внутреннего склона холма, где-то в 400 метрах от второй позиции повстанцев.

В течение всего дня за развитием боя наблюдали повстанческие силы, занимавшие позиции на высотах Лас-Каобас и Эль-Моро, с другой стороны Лас-Мерседес,

под командованием капитанов Орасио Родригеса и Рауля Кастро Меркадера соответственно. Оба командира имели ясные указания не вмешиваться в военные действия, если только враг не отбросит отделение Анхелито и продолжит продвижение дальше посёлка. Задачей этих двух маленьких взводов было прикрыть важные подходы к внутреннему району повстанческой территории и вступить в действия лишь как второй эшелон обороны в случае попыток вражеского проникновения за Лас-Мерседес.

Стоит сказать, что эта стратегия не была полностью понята в тот момент всеми повстанческими бойцами и многими из наших командиров. В настроении значительного числа из них преобладало мнение, что надо было противопоставить противнику всю наличную живую силу, в определённый момент и в определённом месте, чтобы оказать возможно большее сопротивление и сдержать всеми средствами врага в том месте, на котором он сосредоточивает свою атаку. С другой стороны, надо признать, что нелегко солдату-повстанцу, преисполненному желанием сражаться и чувством боевой солидарности, которое всегда его характеризовало во время войны, наблюдать, как поблизости от него группа товарищей ведёт упорный бой, и не придти им на помощь, располагая к тому же средствами и возможностью это сделать. И это произошло в Лас-Мерседес, где многие из входивших во взводы Орасио и Кастро Меркадера не понимали, что люди Анхелито Вердесиа тяжело сражались в немногих метрах от их позиций и даже должны были отойти в то время, как они не предпринимали действий. Надо поставить себя на место этих товарищей, чтобы понять, что только в силу высшего усилия воли и дисциплины они подчинились приказу, который получили их командиры.

Начальный бой в Лас-Мерседес был, таким образом, первым применением на практике этой тактики.

От Орасио, который отправлял постоянные сводки, начиная с полудня 25-го числа, я узнал о начале операции и её развитии час за часом. Вспомните, в тот день пополудни, пока Анхелито упорно сражался в Ла-Эррадуре, в 15 километрах от неё, в Лас Вегас-де-Хибакоа, происходило первое после начала войны крестьянское собрание в Сьерра-Маэстре. Эти послания Орасио послужили мне, чтобы составить информацию о бое, которая была сообщена на следующий день по «Повстанческому радио» в первой из военных сводок о боевой ситуации, систематически передававшихся радиостанцией во время всего вражеского наступления.

Этой ночью Рауль Кастро Меркадер послал пять бойцов своего взвода для установления контакта с Анхелито на кладбище. Эти люди остались с его повстанцами на весь следующий день и сражались вместе с ними ещё день боевых действий в Лас-Мерседес. Правда, несколько дней спустя, когда меня уведомили о направлении этого маленького подкрепления, я испытал сильное недовольство, узнав, что эти товарищи отправились присоединиться к Анхелито и сражались, вооружённые винтовками «Мендоса», к которым недоставало боеприпасов. Че мне пояснил потом, что это он распорядился, чтобы они взяли эти винтовки, поскольку были затворными и потребуют меньше патронов, чем полуавтоматические, не зная о том, что во взводе Рауля Кастро Меркадера имелись другие винтовки с подобным механизмом и лучшим запасом патронов.

Спустя немного после рассвета 26-го числа бой возобновился. Враг продолжал продвижение, развернувшись в направлении кладбища, и снова горстка людей Анхелито упорно боролась, пока не осталось другого выхода, как отойти под угрозой окружения её позиции из-за огромного численного превосходства вражеских сил, которым способствовал в передвижении рельеф и открытость местности.

Повстанческий капитан приказал тогда занять третью линию обороны и расположил основную часть своих людей у входа в посёлок, с другой стороны реки Хибакоа на левом берегу, тогда как другая маленькая группа разместилась на самом высоком из холмов у правого берега, перед посёлком, в нескольких сотнях метров за кладбищем.

Майор Пабло Корсо Исагирре приказал вести интенсивный огонь из миномётов в направлении домов в надежде сломить сопротивление повстанцев. Авиетка, на которой находился полковник Мануэль Угальде Каррильо, ретивый офицер командного пункта в Байамо, постоянно облетала на большой высоте зону боя. Оттуда, уверенный и властный, он отдавал постоянные приказы командиру батальона 17.

Несмотря на всю свою мощь и свои усилия, враг не смог ещё пересечь реку в 2:30 пополудни, а в 3 часа дня им удалось войти в Лас-Мерседес. Анхелито дал приказ об отходе, и его бойцы отошли до отрогов высоты Эль-Моро, где располагались ранее силы капитана Рауля Кастро Меркадера. Там они продолжали противостоять врагу. Тогда вновь появилась авиация и возобновился также обстрел из миномётов. Две танкетки заняли позицию в авангарде.

Наконец, ввиду непрерывного обстрела авиацией около 5:30 дня бойцы под командованием капитанов Вердесиа и Кастро Меркадера отошли к Эль-Гуригу́, где находился Альфонсо Сайас. Только тогда, уже перед наступлением ночи, враг сумел овладеть Лас-Мерседес. Подводя итог боевым действиям, несомненно можно утверждать, что полному батальону, усиленному миномётами и автоматическим оружием и поддержанному танкетками и самолётами, пришлось вести бой в течение почти 30 часов против менее чем двадцати человек, вооружённых простыми винтовками с более чем ограниченным запасом патронов.

В отделении Анхелито Вердесиа не было потерь, хотя вначале было информация, что один человек оказался ранен. За исключением трёх или четырёх бойцов, которые отправились на позиции Орасио Родригеса, основная часть закалённого в боях повстанческого войска всё время стойко сопротивлялась вражескому напору, сначала в одиночестве, а затем подкрепленная, и, наконец, уже на высоте Эль-Моро, вместе с бойцами капитана Кастро Меркадера.

В этот день вместе с Селией и маленькой группой товарищей из Лас Вегас-де-Хибакоа я спустился к позициям Орасио, выше Лас-Мерседес, чтобы наблюдать за развитием боя, и убедился в превосходном сопротивлении, которое оказывала дюжина людей Анхелито Вердесиа. Сводка, переданная по «Повстанческому радио» 27-го числа, составленная и подписанная мной, включала заслуженное упоминание «за их исключительную отвагу» капитана Анхела Вердесиа и людей под его командованием:

> «Несмотря на огромное численное превосходство, качество вооружения и воздушную поддержку, которыми располагали вражеские силы, наши люди вписали страницу беспримерного героизма».

Сутками раньше, информируя о первом дне боя, мы предвещающе утверждали, показывая ход событий, что сопротивление, оказанное в Лас-Мерседес, было «символом того, чем станет для наёмных солдат тирании Сьерра-Маэстра», и добавляли:

> Судя по всему, «высшее вражеское командование приведено в замешательство возможной тактикой наших сил, не зная, будем ли мы защищать дюйм за дюймом местность или позволим проникнуть к самым страте-

гическим пунктам нашей обороны. Вчера, когда был первый день важного боя, у всех людей этого революционного фронта и народа, который боролся вместе с нами, наблюдался приподнятый и пламенный энтузиазм. Лишь минимальная часть наших сил вступила в действие. Стоит труда сдержать порыв тех, кто с позиций резерва или возможного маневра слышит огонь товарищей, находящихся в первой линии. Надо постоянно объяснять им, что война не только дело мужества, но также и дело техники, психологии и интеллекта.

Эти люди – те, кого диктатура заманивала смешными призывами явиться в казармы, чтобы подчиниться позорному игу угнетения. Наш ответ на это известен.

Есть вещи, которые ни деспоты, ни их ищейки не могут понять. Не одно и то же – бороться, получая жалование, быть наймитом презренного тиранчика, носить винтовку за плату, как жалкий наёмник, или быть солдатом с патриотическим идеалом. Наёмника заботит сохранение жизни, так как для него важнее жизнь, чем дело, за которое стоишь; он борется, получая зарплату, и, если умрёт, материальный стимул исчезает с его жизнью. Человеку с идеалом жизнь не важна: он не получает зарплату, с оптимизмом переносит все лишения, требуемые от него делом, которое он решил бескорыстно отстаивать. Смерть его не страшит, так как честь для него важнее жизни, ему важна слава, важна победа его дела.

Наши люди знают, что, отдавая жизнь, служат делу, видели, как умирали многие другие товарищи, и чувствуют уважение, привязанность, верность и восхищение, с которым вспоминают павших героев; они прониклись идеей, что человек может умереть. но не дело, которое они защищают. В идеале Революции продолжают жить те, кто пал в борьбе. Идеал – это высшая форма жизни, в которой нет индивидуальной смерти.

> Я знаю, что́ больше всего заботит командование диктатуры – это упорство повстанческих солдат. Им стоит труда понять это. Может, сказанное выше объяснит сбитым с толку умам, почему, несмотря на свои самолёты, свои танки, свои миномёты, свои огромные экономические ресурсы, свои запасы боеприпасов и свои тысячи и тысячи наёмников, они не могут взять одной повстанческой траншеи, если мы, повстанцы, не хотим, чтобы они её взяли».

Без сомнения, сопротивление, оказанное повстанческим отделением Анхела Вердесиа в Лас-Мерседес, было символом – оно покрыло славой и придало престиж закалённому в битвах партизанскому капитану, который спустя несколько недель встретит смерть в неравном бою, – и ясным предвестием того, что случится позднее. После этого боя в Лас-Мерседес Че смог меня, довольный, информировать: «Анхелито без новостей, всё спасено». Разработанный план был выполнен полностью.

Для врага это первое сопротивление в Лас-Мерседес стало первым значительным психологическим ударом. Здесь он понёс первые потери в своём наступлении. Количество нельзя было точно определить, но потери были многочисленными. Сам Анхелито Вердесиа сообщал после первого дня противоборства, что насчитал семерых убитых.

Но для вражеского командования более тяжким было констатировать, что повстанческие силы оказались в состоянии с успехом вести позиционную борьбу, применять оборонительную тактику нарастающего изматывания, с которой ему впервые пришлось столкнуться.

Показателен был и способ, как враг манипулировал информацией, связанной с боем. 28 мая штаб армии тирании опубликовал сводку, в которой среди прочего говорилось:

> «Другие силы армии, действовавшие в Серро Пеладо и Лас-Мерседес, вступили во встречный бой с ещё одной группой скрывающихся от правосудия преступников, потерявших в результате 18 человек, и захватили у них 18 ружей и боеприпасы.
>
> Продолжаем преследовать убегающего врага, который занимается запугиванием крестьян, воруя их скот, сжигая их урожай, разрушая их жилища и рабочий инвентарь.
>
> Наши силы не понесли никаких потерь».

Ложь, как всегда, была наглой. Повстанцы не имели потерь, не было захвачено оружие, не продолжалось какое-либо «преследование», и повстанцы не совершали никаких злодеяний, которые им приписывались, и было неправдой, что армия не понесла потерь. С другой стороны, отметим неуклюжую попытку очернить революционных бойцов, называя их беглыми преступниками и утверждая, что они сражаются ружьями, чтобы представить их дезорганизованной бандой нарушителей закона и изменниками, которых преследуют силы закона и порядка. По этому поводу в подготовленной мною для «Повстанческого радио» сводке говорилось следующее:

> «Неудивительно ли, господа радиослушатели, слышать от штаба утверждение, что в Лас-Мерседес повстанцы потеряли 18 человек убитыми и что армия продолжала преследование беглых преступников? О чём подумают сами солдаты диктатуры, которые участвовали в бою и знают, что это ложь? О какой

морали у военного командования можно говорить, если оно так нагло врёт перед своими собственными солдатами? Было бы ничуть не странно, если бы через несколько дней 18 несчастных крестьян были трусливо убиты, чтобы оправдать сводку штаба, как это случалось много других раз.

Никогда нельзя будет узнать, лгут ли, чтобы убивать, или убивают, чтобы лгать; больше ли они лицемеры, чем убийцы, или больше убийцы, чем лицемеры».

Чтобы ещё сильнее подчеркнуть разницу между правдивостью наших сводок и лживостью и манипулированием информацией вражеских сводок, с самого начала боевых действий я дал инструкции дикторам «Повстанческого радио», чтобы завершали каждую передачу чтением абзаца, который составил с этой целью и в котором говорилось:

«"Повстанческое радио" передаёт свои новости в строгом соответствии с действительными фактами. Передаём новости по мере того, как их получаем официально или из достоверных источников. Мы не скрываем наших потерь, ибо это славные потери. Потерь врага мы не преувеличиваем, ибо ложью не защитить дело свободы и не уничтожить вражеские силы. А кроме того, потому, что люди, погибающие в бою с нами, тоже кубинцы, которыми тиранический и ненавистный режим жертвует во имя недостойного и постыдного дела».

Помимо того, что с первого момента боёв мы обозначили нашу прозрачную позицию насчёт правды, важно было также разъяснить, каким будет оставаться наше поведение по отношению к вражескому солдату.

После занятия Лас-Мерседес во второй половине 26-го числа враг занялся упрочением своей обороны на месте и действиями, которые считал наиболее важными: убийством беззащитных крестьян, поджогом и разрушением их домов, всевозможным грабежом их имущества. Также здесь, в Лас-Мерседес, в действительности произошли преступления и злоупотребления, в которых обвиняли нас, а совершили их как раз наши враги.

Следуя нормам преступного поведения, которое для них стало привычным, и, пожалуй, пытаясь оправдать свои баснословные цифры повстанческих потерь в бою, вражеские стражи режима попытались заглушить разочарование от крушения своих планов и утолить жажду крови, устроив череду убийств среди населения зоны. Примером служит один случай, обличённый также «Повстанческим радио» на основе информации, предоставленной Орасио Родригесом, который всё это время присылал постоянные сообщения:

> «Юноше, которого убили в Коломбросио, отрезали половые органы, потом сделали четыре выстрела в грудь и отвезли на мост в Хибакоа, протащили по мосту и подвесили на верёвках наверху. Его звали Тельмо Родригес. Обвиняли его в сотрудничестве с повстанцами».

Жертва этого преступления, действительное имя которого Тельмо Маркес Гонсалес, некоторое время находился с бойцами Анхелито Вердесиа. Он, будучи в увольнении, гостил у него дома, где его застали правительственные солдаты. Раненого, но ещё живого, его доставили в Хибакоа, где подвергли пыткам, как это и описывалось в сводке «Повстанческого радио», а затем убили. Но это было не единственное преступление, совершённое в те дни, не единственный случай, когда армия вела себя бес-

человечно в этой зоне, и это было не единственное место Сьерры, где солдаты творили подобные зверства.

Помимо этих преступных действий, единственным заметным инцидентом, произошедшим в дни сразу после вступления солдат в Лас-Мерседес, был подрыв вражеского джипа близ Эль-Серро утром 27-го числа миной, заложенной повстанцами, в результате чего враг потерял пять человек, из них, вероятно, четырёх убитыми, включая одного офицера.

Ответ вражеской стороны – продолжать убивать крестьян, поджигать дома. Почти всё жильё вдоль дороги между Эль-Серро и Лас-Мерседес было обращено в пепел, как и все жилые дома в Ла-Эррадуре, а некоторые в самом посёлке Лас-Мерседес.

С первого же дня, когда была занята Лас-Мерседес, я посвятил немалую часть своего внимания инструктированию командиров, дислоцированных на второй линии обороны позади посёлка, относительно мер, которые надлежало им принять, чтобы защитить два главных направления вероятного продвижения врага с его выдвинутой вперёд базы к внутреннему району повстанческой территории. Эти два направления шли на Вегас-де-Хибакоа и Сан-Лоренсо, то есть по дороге от Лас-Мерседес к Лас-Каобас, Ла-Гуире, Лос-Исленьос, Эль-Манго и Лас-Вегас и той дороге, что вела к Габиро, Ла-Эсмахагуа и Сан-Лоренсо. Первое из этих направлений, как уже сказал, охранялось всего примерно 20 бойцами под командованием Орасио Родригеса, дислоцированными между высотой Лас-Каобас и другой высотой – Лос-Исленьос, включая отделение под командованием Маркоса Борреро, охранявшее дорогу от Аройона через зону высоты Ла-Гуира. Чтобы ещё больше

подкрепить эту линию обороны, вечером 28-го числа я отправил туда Андреса Куэваса с его маленькой, но дисциплинированной и закалённой группой бойцов, которые разместились на позициях также в зоне высоты Лас-Каобас. Второе направление охранял с высоты Эль-Моро взвод под командованием Рауля Кастро Меркадера, подкреплённый несколькими бойцами Анхелито Вердесиа.

Из этих двух позиций меня больше заботила та, что была на дороге к Лас-Вегас, хотя в тот момент она не была путём, который я считал более вероятным для захвата врагом при его дальнейшем проникновении на повстанческую территорию с этого направления. Однако она более подходила по своим топографическим характеристикам к возможному развёрнутому продвижению и поэтому вынуждала к большему распылению слишком скудных сил, которыми мы располагали на этом фронте. С другой стороны, хотя у меня не было до этого момента какого-либо основания сомневаться в боевых способностях Орасио Родригеса, правда состояла в том, что Орасио не располагал большим опытом. Тем не менее я решил оставить его там, чтобы не потребовалось перемещать людей в столь опасной ситуации, когда враг мог предпринять атаку в любой момент.

Что касается Орасио, то я особенно постарался проинструктировать его. В тот же день окончательного занятия Лас-Мерседес врагом вместе с детонатором и кабелем, которые я послал ему для мины, направил точные инструкции с указанием позаботиться о том, чтобы его солдаты соорудили глубокие траншеи, хорошо расположенные в трёх самых стратегических пунктах оборонительной линии этой зоны, а именно на высоте Лас-Каобас, на выходе дороги из Арройона и на высоте Лос-Исленьос, в тылу повстанческих позиций. В том же послании рекомендовал ему, чтобы он устроил кухню в одном из крестьянских домов позади своих оборонительных линий,

поскольку было важно обеспечить горячую еду для его людей в те дни, когда они должны находиться там.

Другой моей постоянной рекомендацией всем командирам взводов и отделений было сбережение боеприпасов. В тот же день, когда я спустился около Лас-Мерседес, очень близко от места первого боя с наступающим врагом, я понял, что некоторые из наших товарищей не имели ясного представления о насущной необходимости не тратить без нужды патроны. Расстрачивание запаса патронов более всего меня возмущало, и с этим я очень жёстко боролся на протяжении всей войны. Бедному Орасио, который на самом деле был не больше других виновен в растрате боезапаса, пришлось получить в те дни следующий мой ответ на просьбу ориентировать:

> «Самый важный приказ, который я должен тебе дать, – это экономить патроны любой ценой.
>
> Нет хуже, когда армия, как на сегодня, состоит из дураков, пускающих пули по прихоти».

Что касается другого направления – Сан-Исидро, ночью 27 мая, то есть на следующий день после окончательного занятия Лас-Мерседес, решил переместить позицию Рауля Кастро Меркадера на высоте Эль-Моро. Присутствие правительственных войск в посёлке Лас-Мерседес и их господство на дороге к Бахо Ларго и Ла-Монтеририа создавали серьёзную угрозу силам на высоте Эль-Моро, которые могли быть обойдены с фланга. С другой стороны, позиция была растянута, и из-за близости к вражеским линиям в Лас-Мерседес можно было предполагать, что правительственные войска попытаются вытеснить повстанцев или уничтожить эту позицию огнём артиллерии или миномётов. Было предпочтительно поэтому отвести позицию на подходящий пункт на той же самой дороге в Сан-Лоренсо и подготовить там хорошую

оборонительную линию. Этим пунктом оказался склон холма Эль-Гуригу́, примерно в двух километрах от Лас-Мерседес, и я распорядился отвести туда взвод Кастро Меркадера.

Во второй половине дня 28-го числа правительственные войска действительно начали обстрел миномётами высоты Эль-Моро, а спустя немного времени двинулись вперёд и заняли это место. Первое, что приказало командование вражеского батальона после взятия позиции без сопротивления повстанцев, – спалить три дома, расположенные на высоте.

28 мая, наряду с приказами, касавшимися двух главных направлений возможного продвижения врага, я принял также решение о подкреплении сил на третьей дороге, которая поднималась от Лас-Мерседес через Пургаторио к Минас-де-Фрио. Эта позиция имела относительно второстепенное значение, так как вражеским войскам было бы нелегко продвигаться по этому пути, пока удерживались позиции повстанцев на дороге в Сан-Лоренсо, и даже в случае, если бы они отошли, продвижение в направлении этого последнего пункта было бы более разумным. Тем не менее враг мог попытаться неожиданно просочиться по этому пути либо осуществить отвлекающий маневр или фланговый обход одной из наших главных позиций. Поэтому, как я написал лейтенанту Лаферте в послании, направленном ему в тот же день с целью указать, чтобы он выбрал из школы новобранцев несколько человек и командира для этой группы, я не хотел «пренебречь минимальной мерой предосторожности».

Чтобы иметь приблизительное представление о скудном объёме наших резервов в живой силе и оружии в тот момент, достаточно сказать, что на эту позицию назначил всего 4 человека: двоих, взятых из отделения Куэваса с их винтовками, и ещё двоих из школы новобранцев, которых оснастил винтовкой калибра 30.06 с обрезанным стволом,

оставшейся в одном из наших лагерей в Сьерра-Маэстре, винтовкой, собранной из деталей дефектной винтовки «Спрингфилд», и другой винтовкой, брошенной там. Об этом столь тощем войске информировал Че со свойственным мне оптимизмом: «Так по крайней мере смогут оказывать там сопротивление из хороших траншей, пока пришлём подкрепление».

Другим преимуществом контроля над этим третьим путем была возможность использовать его наступательно для проникновения в тыл врага, как только тот начнёт продвижение к Сен-Лоренсо. Убеждённый в том, что это будет однин из возможных путей правительственных войск, я настаивал все эти дни на необходимости фортифицировать его должным образом, для чего предложил Че послать 40 или 50 новобранцев из Минас-де-Фрио поработать над улучшением фортификаций на этом направлении. Я настоятельно говорил не один раз о том же самом все эти дни и Орасио. 1 июня, например, написал ему в одном из моих посланий: «Не переставай делать ямы, приблизительно через каждые 50 метров по пути отхода, чтобы укрыться от самолётов. Много выемок – много фортификаций!».

Орасио мне подтвердил уже за два дня до этого, что принимал необходимые меры на дороге в Лас-Вегас, чтобы воспрепятствовать проходу танкеток и грузовиков.

Кроме того, надо принять во внимание, что я ожидал предстоящего вскоре прибытия партии оружия, которую должны были доставить с авиационной площадки в Манакас, нашего пункта Альфа, по кодовому названию, использовавшемуся для связи с заграницей через «Повстанческое радио». Этот самолёт действительно прилетел 29 мая из Майами. Пилотировал авиетку Педро Луис Диас Ланц, а возглавлял экспедицию журналист Карлос Франки, который остался с нами, когда самолёт вылетел в тот же день на Ямайку.

К 29-му числу, таким образом, северо-восточный сектор фронта прикрывался силами Орландо Родригеса и Рауля Кастро Меркадера с соответствующими подкреплениями на двух главных подступах к Сьерра-Маэстре с Лас-Мерседес и небольшим отделением на второстепенном подступе с дороги от Пургаторио. Дальше к западу Че распределил наличные силы, почти все входившие в колонну № 7 Кресенсио Переса, следующим образом: взвод из 29 человек с новым оружием под командованием Сесара Суареса, частью в Сьенагилье, частью в Агуакате, на направлении, которое могло использоваться врагом, чтобы попытаться достичь Ла-Абаниты по дороге от Лос Панчос-де-Гуа́; другая группа из 27 бойцов, с 8 или 10 единицами стрелкового оружия, под командованием Монго Морреро и Анхлито Фриаса, в Эль-Порвенире, прикрывая альтернативный путь подступа к самой Ла-Абаните через Агуакате и Посо Асуль. Перед этой группой будет поставлена задача оказывать сопротивление вдоль дороги от Посо Асуль, чтобы защитить строения повстанческого госпиталя, размещённые там доктором Рене Вальехо. В зоне Купейал и Пуэркас Гордас находились другие отделения, которые в случае необходимости должны были отойти к Ла-Абаните по дороге от Тио Луке, тогда как подступ через Эль-Хибаро к Ла-Монтерии прикрывался небольшой группой, командование которой было доверено Алонсо Сайасу. Чуть ниже, в направлении к Пуриаль-де-Хибакоа занимало позиции отделение Рамона Фиальо.

Ночью 29 мая мина, заложенная около Эстрада Пальмы бойцами из отделения Эдди Суньола, который, напомним, занимал в этот момент позицию у въезда в Прови-

денсию, в северо-восточном секторе фронта, взорвалась в месте, известном как Ла-Кантера, подорвав грузовик, полный вражескими солдатами. Суньол сообщил, что взрывом были уничтожены восемь человек, среди них один офицер, а десять ранены. Хотя эти цифры могли быть преувеличены, эффективность этих повстанческих мин начала чувствительно ощущаться вражескими войсками.

Кроме взрыва в Ла-Кантере в последние дни мая во всём этом секторе не произошло важных инцидентов. В те дни сильно дождило. Враг укреплял свои позиции в Лас-Мерседес и ближайших окрестностях посёлка и в наступательном плане ограничивался миномётным обстрелом в направлении, где, по его расчётам, располагались позиции повстанцев, и проводил разведывательные поиски близ периметра своего лагеря. В одном из поисков конный патруль солдат проследовал в нескольких метрах от позиций отделения Маркоса Борреро на высоте Ла-Гуира, и повстанческий командир, необъяснимо почему, приказал своим людям не стрелять и упустил возможность нанести потери врагу.

Получив информацию о случившимся, я приказал 1 июня заменить Маркоса Борреро как командира этой группы и назначил вместо него сначала капитана Фернандо Басанте, а затем бойца Аэропахито Монтеро, возведенного в лейтенанты. Воспользовался моментом, чтобы ясно подтвердить уже данный приказ: «Если вражеские солдаты приблизятся на расстояние, достаточное, чтобы нанести им наверняка какие-то потери, надо стрелять по ним и пытаться забрать их оружие».

Также в эти последние дни мая вражеская армия дислоцировала значительные силы в Кайо Эспино, Пуриале–де-Хибакоа и Сьенагуилье. Потом мы узнаем, что это были роты из батальонов 12 и 13 под командованием, соответственно, капитанов Педрахи Пардона и Хосе Трианы Таррау. Подкрепление линии Кайо Эспино – Пуриал

в особенности было оценено нами как шаг, предваряющий переход врага во вторую атаку на Ла-Абаниту, хотя и были убеждены в том, что главный удар в этом секторе северо-восточного фронта будет нанесён из Лас-Мерседес в направлении Сан-Лоренсо. В этот момент, ещё до прибытия в зону Арройона батальона 19, пришлось как в своё время увидим, изменить наши оценки.

Предвидя такой вариант, посоветовшись с Че в первый день июня о том, каким было бы лучшее решение об использовании колонны № 7, если вражеские войска займут Ла-Абаниту, приказал Кресенсио перегруппировать своих людей с другой стороны вражеских линий и постоянно досаждать противнику действиями по срыву попыток снабжения и по его тылу во всём западном секторе. Крайний западный участок нашего фронта не был в состоянии держать успешную оборону повстанческой территории, в отличие от центрального участка, где мы сосредоточили самые обстрелянные и лучше вооружённые наши силы. Даже при этом я был убеждён, что, когда наступит момент, эти люди будут биться с той же решимостью, которую продемонстрировало, к примеру, отделение Анхелито Вердесиа в Лас-Мерседес, и что врагу будет крайне трудно достичь Сьерра-Маэстры через эту зону. Однако нужно было предусмотреть все возможные стечения обстоятельств, и в случае, если повстанческое сопротивление в этом секторе окажется сломлено, силы колонны № 7 начнут действовать фактически в тылу врага в очень тяжёлых для наших товарищей условиях, но с некоторыми возможностями, ибо часть из них были крестьянами из этой зоны. Если будут действовать решительно и с умом, то внесут замешательство в ряды врага, вынудив его отвлечь силы от главной цели, состоявшей в уничтожении центрального повстанческого ядра, и даже нанесут конкретные довольно чувствительные удары.

В те дни североамериканская печать опубликовала пространное интервью диктатора Фульхенсио Батисты, в котором среди других лживых уверений и безосновательных и бессмысленных деклараций тот высокопарно утверждал, что в последних боях армия захватила у повстанцев «знамя коммунистического Китая и гильзы русского производства». По поводу этих утверждений «Повстанческое радио» передало такой комментарий:

> «Скоро, по словам Батисты, Чжоу Эньлай и Мао Цзэдун будут руководить операциями нашей армии. Бедный диктаторишка! С каждым днём всё более ничтожный, более смешной, совсем выживает из ума!».

В те же дни, напоминая о первой годовщине боя в Умеро* «Повстанческое радио» передало комментарий, заканчивавшийся такими словами:

> «Если различие в военном оснащении и в ресурсах очень велико, даже самые заклятые враги должны будут признать превосходство человеческих качеств наших людей, которые, не имея иной крови, ни иной национальности, нежели те, кто борются на стороне диктатуры, неопровержимо демонстрируют, что мо-

---

* По оценке Че Гевары, бой 17 мая 1957 года в местечке Умеро, расположенном на берегу моря в 15 км от города Сантьяго-де-Куба, «самый ожесточённый за всю войну». Повстанцы, предводительствуемые Ф. Кастро при участии Че Гевары и Рауля Кастро, на рассвете пошли на штурм находившейся здесь казармы правительственных войск, гарнизон которой насчитывал до 60 человек. Оборонявшиеся солдаты встретили нападавших плотным огнём. Завязался упорный бой, длившийся без малого три часа. Повстанцы захватили казарму, потеряв убитыми и ранеными 15 человек. Противник потерял 14 человек убитыми, 19 ранеными. Но всё-таки повстанцам пришлось отойти. Захваченное в бою оружие было отправлено в горы. – *Прим. переводчика.*

раль, справедливость отстаиваемого дела и идеал являются решающими факторами в войне.

Солдаты диктатуры сражаются хорошо, когда окружены и атакованы, потому что их заставили верить, что, если они попадут в плен, то подвергнутся тем же пыткам и тем же истязаниям, применение которых они видели в казармах в отношении противников тирании; но когда солдат тирании атакует, то удивительно безрезультатно, так как он воюет, потому что ему платят и командуют им те, кто платит, как платят за животное или стадо, чтобы отправить их на бойню, а извлекающие из этого доходы обогащаются.

Кубинский военный, который храбр как человек, став солдатом тирании, превратил вооруженные силы в банды на службе самого худшего дела и играет одну из самых печальных ролей, которая может быть на войне.

Сегодня, когда отмечается первая годовщина славного и героического боя в Умеро, наша память и наша признательность остаются с героями, павшими в тот день; наша клятва, что, поступая так, мы скорее погибним, чем свернём наши знамёна, овеянные славой в более чем 70 победных боях, и мы обращаемся к народу, напоминая ему, что были более тяжёлые дни, когда у нас было меньше патронов, меньше оружия и меньше опыта, но наш дух не ослабевал и малейшее сомнение не омрачало нашу абсолютную уверенность в конечной победе».

В те дни я пребывал в движении между Ла-Платой, где находилась радиостанция и была возможность связи с заграницей, и Момпье, выгодно расположенным центральным местом, что позволяло быть в курсе всего происходившего в трёх секторах боевого фронта. В начале июня уже была установлена телефонная связь между

этими двумя пунктами с промежуточным соединением на высоте Хименес, на месте, известном повстанцам как «лавчонка Маэстры». Наши техники на «Повстанческом радио» подготовили даже своего рода усилитель, который позволял обеспечить достаточную громкость голосу, чтобы микрофоны радиостанции его улавливали. Таким образом я мог попытаться связаться с заграницей из Момпье или из «палаточки»*.

Однако установленная связь не достигала Минас-де-Фрио, пункта решающего стратегического значения и своего рода командного пункта Че, откуда внимательно отслеживался северо-западный сектор. Поэтому моя связь с ним и нашими товарищами в школе новобранцев должна была осуществляться посланцами или в ходе посещения этого места. 3 июня отправился в Минас, чтобы ознакомиться с положением там, и пробыл до следующего утра, затем вернулся в Момпье.

Спустя немного времени после моего отъезда вражеская авиация предприняла одну из самых свирепых бомбардировок с пулемётным обстрелом, перенесённых Минас-де-Фрио за всю войну. В частности, дом Марио Сориола, давно и полезно сотрудничавшего с нами крестьянина, стал целью шквального шрапнельного огня, по нему стреляли даже ракетами североамериканского производства. Возмущение, которое во мне вызвала зверская бомбардировка, когда я узнал больше деталей происшедшего, и подтверждение использования авиацией ракет, полученных из Соединённых Штатов тиранией вопреки объявленному эмбарго на поставку вооружения, – всё это побудило меня написать на следующий день Селии в конце длинного послания слова, которые часто так цитировались (см. документ на с. 371):

---

* Имеется в виду полевая палатка, в которой был установлен телефонный переговорный пункт. – *Прим. переводчика.*

> «Видя ракеты, которые выпускались по дому Марио, поклялся себе, что [северо]американцы дорого заплатят за то, что творят. Когда закончится эта война, для меня начнётся другая война, намного более долгая и масштабная: война, которую я поведу против них. Я думаю, что это будет моим истинным предназначением».

Двуличие североамериканской политики по отношению к режиму Батисты и к Революции было очевидным. В марте правительство Соединённых Штатов объявило о приостановке всех поставок оружия диктатуре – речь шла о первом шаге в маневре, нацеленном на официальное дистанцирование от тирании, пребывание которой у власти уже становилось неудобным для некоторых кругов этой страны. В то же время поощрялись поиски альтернативного выхода из кубинского кризиса, выхода, который на деле помешал бы взятию власти силами Революции. Однако поставки оружия продолжались по другим каналам, даже через североамериканскую военно-морскую базу в Гуантанамо, о чём мы получали сообщения от товарищей из Движения [*26 июля*] в Соединённых Штатах.

Использование североамериканских ракет в атаке на Минас-де-Фрио лишь подтвердило моё мнение, основанное, в конечном счёте, на самой истории Кубы и вековых стремлениях Соединённых Штатов осуществлять своё господство над нашей страной. И о том, что подлинная революция на Кубе несовместима с североамериканскими интересами. Послание Селии было, таким образом, не выражением предвзятого желания противостояния приходящей к власти будущей революции Соединённым Штатам, а вполне объяснимой реакцией на такую лицемерную и коварную политику, проявлением ясного осознания неизбежности такого противостояния, исходя из очевидного факта, что для нашего северного соседа будет

неприемлемо установление революционной власти на Кубе с программой полного национального освобождения.

Это то самое послание, в котором я предложил Селии подняться из Вегас-де-Хибакоа до Момпье и установить там свой командный пункт. Должен посвятить в этой книге главу тыловой деятельности, развёрнутой на том этапе на Первом повстанческом фронте. Задолго до начала вражеского наступления она установила свой командный пункт в доме Бисмарка Галана Рейны в Вегас* и оттуда, с помощью небольшой группы сотрудников – среди них Роберто Родригес, которого все мы звали «Эль Вакеро»**, и Артуро Агилеры, известного как «Агилерита»*** из-за своей тощей фигуры, – взяла на себя задачу обеспечить тысячи больших и малых потребностей повстанческих сил, чтобы действенно противостоять натиску, который ожидался от армии тирании. Но уже в начале июня ситуация в Вегас-де-Хибакоа становилась ненадёжной вследствие присутствия сильного вражеского контингента в Лас-Мерседес.

Однако последующее развитие событий снова придало большее значение зоне Ла-Платы, и, наконец, взяли верх преимущества этого пункта в момент решения об установлении постоянного расположения командования.

Именно в этот момент моё главное беспокойство вызывала лавина вражеских войск, надвигавшаяся на нас. Об этом я писал Селии в уже цитированном письме:

> «Думаю, что планы обороны достаточно сильно продвинулись вперёд. Проблема, которая меня на сегодня в большей степени заботит, то, что люди не понимают, что в плане непрерывного и эшелонированного

---

* «Вегас» на Кубе означает «табачные плантации». – *Прим. переводчика.*

** По-испански – «пастух». – *Прим. переводчика.*

*** «Агилерчик». – *Прим. переводчика.*

сопротивления не могут за два часа выстреливать патроны, которых должно хватить на месяц. Единственно, что мне остаётся делать, это хорошо беречь те, что у меня остаются, и не давать больше ни одного патрона никому, пока это уже не станет делом жизни или смерти, потому что на самом деле может ни у кого не останется ни одного патрона... Не устаю настаивать на этой проблеме, которая действительно является нашей ахиллесовой пятой».

Утром в субботу, 7 июня, после нескольких дней относительного спокойствия во всём секторе, люди Анхелито Вердесиа произвели взрыв мины, заложенной около вражеского лагеря в Серро Пеладо, на дороге к Сьерре, с вероятными потерями шести или семи солдат.

Два дня спустя, в понедельник 9-го числа, действуя с другого направления, правительственные войска попытались провести разведку по реке Хибакоа при поддержке одной танкетки и столкнулись с людьми Куэваса, которые в то же утро сменили бойцов взвода Орасио в засаде, устроенной на дороге в Вегас, и не располагали временем для улучшения переданной им позиции. Произошла стычка, в которой повстанцы произвели несколько десятков выстрелов и подорвали мину, не добившись другого конкретного результата, кроме сдерживания продвижения вражеского патруля, почти одновременно со своим отходом с позиции, которая на деле оказалась очень слабо защищаемой.

Это был новый способ поведения, на мой взгляд неприемлемый, если мы хотели добиться успеха в битве, которая надвигалась, хотя в действительности я не мог возложить какой-либо ответственности на Куэваса, показавшего, что он является смелым и способным командиром. Отсюда моя относительно резкая реакция в послании, направленном Орасио на следующий день:

«Считаю, что роль наших людей вчера была жалкой и постыдной. Вы не можете понять, что должны создавать настоящие траншеи, а не ямочки, которые ни на что не годны. Может быть, вам придётся хорошенько заплатить за этот дорогой опыт, но удары вас научат.

Мне только жаль, что не оказались способными удерживать позицию ещё 15 минут.

Рекомендую впредь соблюдать дисциплину и твёрдость. Похоже, что тяжёлая битва вот-вот начнётся».

Это последнее объяснялось сообщениями, полученными во второй половине дня 10 июня, о высадке врага на южном побережье, явном признаке того, что вражеская армия уже создавала условия, чтобы начать вторую фазу своего наступления: глубокое проникновение с разных направлений в сердцевину повстанческой территории. Что касается северо-западного сектора, эти признаки были подтверждены всего через три дня прибытием на театр операции второго боевого подразделения – батальона 19 под командованием майора Антонио Суареса Фаулера, чем определялась дислокация для возобновления боёв в этом секторе.

4

Давление со стороны Минас-де-Буэйсито

МАЙ 1958

вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	–	–	1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	**23**	**24**
25	**26**	**27**	**28**	**29**	**30**	**31**

ИЮНЬ 1958

вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
8	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	–	–	–	–	–

Батальон 11 армии тирании под командованием Áнхела Санчеса Москеры занимал посёлок Минас-де-Фрио, в северо-восточном секторе повстанческой территории, задолго до 25 мая, даты действительного начала первой фазы вражеского наступления. В этом месте у командира батальона накопился кровавый послужной список свирепых репрессий против населения зоны.

В недели, непосредственно предшествовавшие началу крупной операции, враг предпринял вылазки во внутренний район гор, которые вылились в перестрелки и стычки с повстанческими силами, действовавшими в зоне, включая людей под командованием капитана Гильермо Гарсиа – подкрепление, запрошенное у колонны № 3 Хуана Альмейды, и повстанцев из колонны № 1, в тот момент уже находившейся под началом команданте Рамиро Вальдеса после перемещения Че в Минас-де-Фрио.

Два последних боевых действия, предшествовавших официальному началу наступления, произошли как раз в пятницу 23 и в субботу 24 мая и не имели особых последствий. В первом из них повстанцы и правительственные войска обменялись выстрелами в Монтеро, а во втором – в окрестностях Сан-Мигеля, обоих пунктах, очень близких к Минас-де-Буэйсито. В обоих случаях Рамиро проинформировал о нескольких вражеских потерях, в том числе об одном убитом.

28 числа, когда в действительности уже началось наступление с продвижением к Лас-Мерседес, ещё до его занятия, до меня в Ла-Плате дошли сообщения Рамиро о двух других столкновениях, на этот раз в Лос-Докторес и снова в Монтеро.

Принимая во внимание дислокацию главных вражеских подразделений, готовившихся к наступлению, мы не сомневались в том, что батальону 11 отводилась важная роль. Позиция, которую он занимал, была, наряду с посёлком Эстрада Пальма, одним из самых логичных исходных пунктов для продвижения вглубь нашей территории с севера. Наиболее вероятным представлялось, что из Минас-де-Буэйсито враг предпримет попытку проникнуть в направлении верхнего течения реки Буэй и займёт последовательно поселения Ла-Отилия, Сан-Мигель, Эль-Масио и Ла-Эстрелья.

По достижении этого последнего пункта следовало ожидать осуществления трёх тактических вариантов: одним из них было бы продолжение продвижения в том же общем направлении на юг с намерением зайти за населённые пункты Палатино, Канья Брава и Ла-Абанера и достичь линии вершин Маэстры в зоне Сантана-де-Буэй; вторым вариантом было бы отклониться в направлении на юго-запад к линии вершин горного хребта в районе Эль-Дескансо, оставляя позади поселения Банко Абахо и Банко Арриба; третьим было бы продолжать движение

до Канья Брава и тогда отклониться в направлении на юго-запад к истокам речушки Калифорния. При любом из этих трёх вариантов враг, достигнув своей цели, оказался бы в благоприятном положении для продолжения проникновения к пересечению хребтов в направлении к зонам Ла-Херинга или Сан-Франсиско, на верхнем течении реки Яра. Учитывая, что два последних варианта продвинули бы батальон 11 на запад к конечной цели, к «Повстанческому радио» и ставке командования Первого фронта, по нашей оценке до начала операций, враг попытался бы пойти по одному из этих путей.

Первое важное боевое действие в этом секторе произошло в четверг 29 мая. В тот день батальон 11 начал своё решительное продвижение к внутренним районам повстанческой территории с операционной базы в Минас-де-Буэйсито. Около полудня, пройдя через Отилию, сильные и опытные вражеские войска натолкнулись на засаду Гильермо Гарсиа у высоты Эль-Масио, и разгорелся яростный бой. Главная колонна правительственных войск была вынуждена приостановить своё продвижение, а нашим бойцам удалось отбить несколько попыток вражеского командира обойти с фланга позиции повстанцев, чтобы выйти им в тыл. Во время интенсивного миномётного обстрела по приказу Санчеса Москеры с целью вытеснить людей Гильермо получил тяжёлое ранение боец Мануэль Диас.

В Эль-Масио продолжался прерывающийся бой в течение трёх последующих дней. Несмотря на постоянное давление Санчеса Москеры, который располагал более чем тремя сотнями хорошо вооружённых и оснащенных людей, и его ловкие попытки просочиться по флангам наших сил, проворство в передвижении повстанческих отделений, упорная решимость их состава выполнять инструкции – не уступать до последнего усилия – и продемонстрированная Гильермо способность устраивать одну

за другой засады с максимальным использованием особенностей местности позволили добиться цели – истощать силы врага и затормозить его продвижение.

В одном из этих бесчисленных боевых действий повстанческий связной Мусаил Мачадо был застигнут врасплох 2 июня и погиб в бою с вражеским патрулём. Это была первая смертельная потеря наших сил при развёртывании вражеского наступления.

Только 8 июня Санчес Москера, снабжённый патронами и другой амуницией, сумел продвинуться к окрестностям Ла-Эстрельи. За 10 дней мощный батальон 11, располагавший самыми служилыми солдатами из тех, кто боролся против нас в горах, не смог проникнуть даже на несколько километров вглубь повстанческой территории, что хорошо свидетельствует об упорстве и действенности сопротивления, оказанного нашими бойцами в этом секторе и о правильно выбранных мерах защиты. Однако уже к тому времени Рамиро информировал меня, что располагал только половиной запаса боеприпасов, которые я ему отправил в предвидении этих действий.

Наши люди вновь смело и результативно сражались в Ла-Эстрелье с 8-го числа до следующего дня, но не смогли в конечном итоге помешать врагу овладеть посёлком. Там Санчес Монтеро стал лагерем, чтобы восстановить силы, подточенные изнурительными днями после выхода из Минас-де-Буэйсито, или, может быть, чтобы пересмотреть свои ближайшие планы. Это предположение не лишено оснований в свете того, что произошло в последующие дни.

Приход вражеских сил в Ла-Эстрелью предусматривался нами. До сих пор батальон 11 следовал по пути от реки Буэй по одному из своих предусмотренных направлений, которое приводило его к линии вершин Маэстры в зоне Сантана. Единственной ближайшей проблемой, возникавшей в этом секторе, была поэтому чрезмерная

затрата патронов нашими бойцами, что могло бы вызвать ослабление повстанческого сопротивления дальнейшему продвижению вражеских войск.

Рамиро вновь настоятельно обращался к этой теме в послании, которое я получил по телефону 11-го числа. Немедленно ответил ему в очень резком тоне:

> «Не думайте получить хоть один патрон. Должны обходиться тем, что у вас есть, или довольно дорого заплатить за отсутствие головы и здравого смысла. Люди должны стрелять по вражеским солдатам, чтобы убить или в упор для того, чтобы напугать их грохотом выстрела. Нельзя тратить за два часа патроны, которых должно хватить на месяц. Типы, которые выстреливают 500 пуль из пулемёта за минуты, а затем хвастаются этим, заслуживают расстрела. Не расположен позволять, чтобы Революция была растрачена по вине кретинов.
>
> Пошлю указание о предоставлении чрезвычайных полномочий команданте и капитанам для принятия суровых мер против любого акта трусости и глупости. Буду присылать тебе детальные инструкции по мере развития событий. Больше всего в эти моменты требуется разум и ещё разум.
>
> [...] Мы сумели защитить Революцию и сделать так, чтобы она воспряла, двадцатью патронами на винтовку. В Пальма Моча* убили 5 солдат, не затратив более 280 патрон, а были новичками».

---

* Бой повстанцев, возглавлявшихся Ф. Кастро, 22 января 1957 года, на 51-й день после высадки на Кубе экспедиционеров «Гранмы», со взводом парашютистов, попавших в подготовленную засаду у реки Пальма Моча близ пика Туркино на юго-востоке острова в горах Сьерра-Маэстры, провинция Сантьяго-де-Куба. Правительственное подразделение потеряло 5 человек убитыми, а повстанцы завладели полуавтоматическими винтовками с полным запасом патронов. – *Прим. переводчика.*

По моему мнению, снова оказался необходимым такой тон этого ответа, чтобы наши бойцы полностью осознали потребность максимально беречь наши скудные ресурсы. Но, с другой стороны, надо было признать, что защитники этого сектора прилагали сверхчеловеческие усилия для противостояния, возможно, самому сильному напору, на который был способен враг на различных фронтах своего наступления. Поэтому на следующий день в послании, направленном мною Че, в котором я излагал ему события в северо-западном секторе, добавил:

> «Пришли мне также 500 патронов 30.06, которые я должен отправить Рамиро, хотя я их придержу как можно дольше, так как это единственный способ, чтобы нам не остаться без единого патрона. Вчера я ему ответил, чтобы не думали, что получат хотя бы ещё один патрон. Продолжаю считать, что это самый слабый пункт нашей стратегии».

Надо видеть, какое значение имеет на этой стадии разворачивающейся битвы конкретный ответ, который я могу дать на просьбу о боезапасе для поддержания сопротивления в целом секторе, содержащий резкое «нет», в то время как скрытно ходатайствую о присылке смешного количества из 500 патронов. Так мы оказывали сопротивление, вопреки всем прогнозам, и что самое важное – так мы были убеждены в победе.

В конечном итоге пришёл к тому, что направил Рамиро 13-го числа небольшое подкрепление из 400 патронов к винтовкам 30.06. В послании, препровожденном ему вместе с боезапасом, снова настаивал на этой критической проблеме и также выражал свою уверенность в победе (см. документ на с. 374):

> «Я должен беречь патроны как дело жизни или смерти. Ожидаю получения большой помощи из заграницы

в этом месяце. Уверен, что можем сопротивляться, если будем и дальше осуществлять наш план борьбы. Нам нужны три месяца, чтобы получить достаточные подкрепления, с которыми перейдём в наступление, когда силы врага, вероятно, иссякнут».

Действительно, я ещё верил в возможность снабжения из зарубежья, но был убеждён, что, даже если этого не произойдёт, – а так не случилось – оборонительные планы, разработанные нами, позволят сопротивляться собственными средствами и теми, что вырвем у врага, пока не настанет момент, когда его наступление выдохнется и остановится. Тогда инициатива перейдёт в наши руки.

Эта абсолютная уверенность проявилась в приказе, направленном в полдень 11-го числа команданте Камило Сьенфуэгосу, который, напомню, действовал уже почти два месяца на равнинах Кауто, чтобы он срочно переместился с лучшими силами своей колонны для подкрепления подвергающейся атаке Сьерры. Вот полный текст этого послания (см. документ на с. 372):

«После тщательного рассмотрения ситуации и анализа наших планов и планов врага решил направить тебе в срочном порядке это послание.

Ты мне нужен здесь со всем хорошим оружием, которым можете располагать. В Сьерре развернётся битва наибольшей важности. Они сосредоточат против нас свои основные силы, пытаясь нанести решающий удар. Количество, которое они могут сосредоточить здесь, не имеет значения для конечных результатов; что имеет значение – это, чтобы мы располагали необходимым минимумом для максимального использования чрезвычайных преимуществ этой местности, где, знаем, будет вестись борьба. Комплектование этого минимума завершается твоими силами.

Твоё перемещение оттуда сюда, помимо важности, которую приобретает в этот момент, имеет преимущество в том, что за несколько дней можешь снова расположиться в этой зоне, когда этого потребуют соображения общей стратегии. Враг, к тому же, уже наметил свои планы, считая, что ты там, а мы сделаем, чтобы им пришлось вести битву с тобой здесь. С целью использовать, кроме того, преимущества твоего нахождения тут, ты должен оставить патруль стрелков для действий в нынешней зоне, чтобы сбить врага с толку, а ты смог бы осуществить перемещение сюда так, что никто не узнает и не угадает куда.

Направляйся в зону Санто-Доминго. Это послание думаю послать другим путём, чтобы обеспечить его получение. Полностью уверен в успехе наших планов.

Крепко обнимаю».

Действительно, закалённых в боях людей, которых я у него просил, было около сорока. В дополнение к предыдущему посланию я комментировал Камило:

«Признаком того, что тяжелая борьба начнётся с момента на момент, для меня служит факт, что после сосредоточения крупных группировок перед Сьеррой, откуда не смогли продвинуться вперёд, они произвели вчера первую высадку на побережье, в Лас-Куэвас, согласно сообщениям и информации, которые, хотя точно и не подтверждены, кажутся абсолютно верными. С минуты на минуту они должны столкнуться с нашими людьми».

Во втором дополнительном послании, чтобы не встревожить неосторожно Камило, содержалась такая информация о наших планах и условиях, как и убеждённое подтверждение нашей уверенности:

«Это движение, о котором тебе сообщаю, связано с целым планом и рядом обстоятельств: сообщения о пунктах, куда должно прибыть оружие (часть его уже здесь), детальный план сопротивления наступлению и сразу вслед за этим контрнаступлению. Мы превратили Сьерру в настоящую крепость, полную туннелей и траншей. Радиостанция стала оплотом, пробивающим брешь контрреволюционной дезинформации. Мы установили телефонную сеть и добились исключительного улучшения многих вещей. Даю тебе эти пояснения, чтобы у тебя не сложилось впечатления, что мы в тяжёлом положении. Думаю, победа близка».

До этого момента, помимо собственных сил колонн № 1, № 4 и бойцов Кресенсио (эти последние с очень небольшим количеством оружия) – т.е. помимо этих трёх формирований, составлявших то, что сегодня называется Первый фронт Сьерра-Маэстры, – единственным подкреплением, запрошенным у других фронтов, чтобы оказывать сопротивление наступлению на это центральное ядро, была, как уже говорилось, группа бойцов, прибывших с Альмейдой из зоны Третьего фронта. Подключение Камило и его людей объяснялось двумя главными соображениями. Во-первых, располагать подкреплением, которое вольётся с этим смелым и компетентным командиром и его маленьким закалённым и боевым войском, что становилось необходимым в свете самых недавних событий: противостоять двойному вражескому наступлению – с севера и открытию нового сектора борьбы на юге после высадки батальона 18 10 июня в Лас-Куэвас, чего мы коснёмся в следующей главе. Наши силы с боевым оружием едва превышали 200 человек. Во-вторых, но это имело большое значение, расположить Камило и Че для защиты трёх секторов, в которых, очевидно, действия окажутся разобщёнными, судя по передвижениям, осуществлённым войсками тирании.

Запланированная миссия для Камило никоим образом не была лёгкой. Речь шла о том, чтобы пересечь кольцо врага вокруг Сьерры и, оказавшись внутри, избежать столкновения с различными группировками правительственных солдат, которые уже действовали там с целью достичь самой сердцевины повстанческой территории, и сделать это в возможно более короткое время. Но у меня не было никакого сомнения, что он этого добьётся. На следующий день в новом послании, в котором я подтверждал приказ с дополнительным предостережением на случай, если предыдущие посланцы были перехвачены, совершить передвижение, о чём ещё раз настоятельно просил, в возможно большем секрете, чтобы никто не узнал его пути и чтобы он принял все необходимые меры предосторожности при пересечении вражеских линий. Камило, как и следовало ожидать, выполнил свою миссию с полным успехом, и всего через две недели после отправления первого послания уже находился с сорока из своих лучших бойцов в зоне Ла-Платы.

Пока все эти события происходили в зоне реки Буэй, в первые дни июня я стал получать первые смутные сообщения о якобы происходящем передвижении вражеских войск от Эстрада Пальмы и Эль-Серро в направлении к реке Нагуас и, вероятно, к Санто-Доминго. Первое сообщение в этом смысле было 2-го числа от Орасио Родригеса, который подтвердил его тремя днями позднее, основываясь на комментариях, исходивших от соседей по посёлку Эль-Серро.

Естественно, нельзя было особенно доверять этой информации, но всё же и нельзя было её не учитывать. По нашей оценке до начала наступления, среди путей подступа

к сердцу нашей территории, которыми мог воспользоваться враг, фигурировало в числе заслуживавших внимания проникновение до Санто-Доминго с севера и северо-запада. В случае первого упомянутого направления речь шла о пути через Канибакоа к Лос-Литрос или другому пункту на реке Нагуас, а оттуда через массив Эль-Какао к посёлку того же названия, который отделял от Санто-Доминго только массив Ла-Мантека. В случае второго из этих направлений варианты были более многочисленны: от Эстрада Пальмы к Провиденсии и по течению реки Провиденсия до Пальма Криолья и самого посёлка Эль-Какао; от Серро Пеладо к Провиденсии, пересекая Лос-Корралес, чтобы следовать тем же маршрутом, что предыдущий. Разумеется, вражеские силы, занимавшие позиции в Провиденсии, могли бы также использовать продвижение по реке Яра, что представляло собой наиболее предполагаемый путь.

Размещение отделения Эдди Суньола в Провиденсии и взвода Лало Сардиньяса в Лос-Лириос отвечало как раз этим возможным маршрутам продвижения врага. Что касается Лало, при проникновении врага в зону Нагуас через пункт в её тылу ему следовало сделать полуоборот своей позиции и заняться, если потребуется, устройством засады против него. Но сообщения не подтвердились.

В итоге все эти слухи оказались необоснованными. Второе воинское формирование проследовало потом по следам батальона 11, но сделало это в том же направлении. 12 июня вероятность попытки проникновения через Провиденсию вдоль реки Яра к Каса-де-Пьедра и Санто-Доминго либо в каком-либо другом последующем направлении из предполагавшихся побудила меня подумать о направлении инструкций Суньолу с тем, чтобы он отошёл к дороге из Камбоа для защиты подступов этим путём к Эль-Наранхо и Санто-Доминго. Сам Суньол, с другой стороны, уведомил меня, что считает, что эти войска,

вероятно, не дойдут до Провиденсии, так как река глубокая и транспортным средствам нелегко через неё пройти, а попытаются обойти позицию с фланга и проникнуть прямо в Сальто, позади повстанческих линий обороны, через массив Ла-Льороса к Ла-Плате.

В военной сводке, составленной «Повстанческим радио» 12 июня, говорилось следующее о положении в северо-восточном секторе битвы:

> «Между тем на другой стороне Сьерры, к северу от неё, в зоне Буэйсито, враг бросил в наступление свои силы, пытаясь продвинуться к Сьерре. После двух дней интенсивных боёв было остановлено продвижение вражеских сил, которым удалось проникнуть на три километра в повстанческую территорию высокой ценой человеческих жизней».

В той же сводке подтверждалось то, что уже превратилось в постоянный мотив информационных сообщений, которые передавала слушателям наша радиостанция:

> «Повстанческая армия, используя все воображаемые формы и тактические приёмы борьбы, с достоинством сражается против неизмеримо превосходящих по численности и оружию сил, но неспособных одолеть упорное и героическое сопротивление, которое оказывают и будут всё более интенсивно оказывать наши силы».

Действительно, не было ничего нового, о чём информировать.

После нескольких часов относительного бездействия в Ла-Эстрелье командир батальона 11 приказал 10-го числа основной части своих сил начать продвижение вперёд в прежнем направлении по верхнему течению реки Буэй. В течение двух следующих дней правительственные войска смогли достичь посёлков Канья Брава и Платанито, где функционировал уже эвакуированный один из наших полевых госпиталей под началом доктора Серхио дель Валье. Это и были те три километра, о которых упоминала сводка «Повстанческого радио», отвоёванные огнём и кровью с преодолением постоянного сопротивления бойцов Гильермо Гарсии и отделений колонны № 4. До этого момента, таким образом, казалось, что вражеский план сохранялся в силе в соответствии с предусмотренным вариантом достичь линии вершин Маэстры в зоне Сантана.

Однако, по-видимому, с самого 10-го числа Санчес Москера начал производить разведывательные поиски вдоль реки Пальмарито, притока реки Буэй, на уровне Ла-Эстрельи с намерением испробовать альтернативный путь в направлении посёлков Банко Абахо и Банко Арриба и, вероятно, линии вершин Эль-Дескансо. Точно так же 12-го числа, после занятия Канья Брава, он направил часть своих сил по реке Калифорния, тоже притоку реки Буэй, на траверсе этого посёлка, также имея в виду испробовать ещё один альтернативный путь, который привёл бы к линии вершин Калифорния.

Ещё 12 июня наши капитаны в зоне продолжали считать, что главный удар врага последует по реке Буэй в направлении к Ла-Абаните и линии вершин Маэстры в Сантане. Информационные сообщения, полученные мной в тот день от Рамиро, указывали на занятие Канья Бравы и подтверждали, что таким оставалось направление главного продвижения. Лало Сардиньяс, однако, информировал меня в тот же день со своей позиции в Лос-Лириос-де-Нагуас, что правительственные войска вступали в Банко

Абахо, но не располагал пока данными, чтобы определить, произошло ли изменение главного направления.

Только на следующий день новая ситуация стала проясняться.

Во второй половине 13 июня передовой отряд сил Санчеса Москеры прибыл в Эль-Дескансо и стал вечером лагерем в окрестностях дома Иполито Васкеса, крестьянина, сотрудничавшего с нашей колонной. В этот момент ближайшей повстанческой силой был взвод Лало Сардиньяса, который продолжал оставаться в засаде в Лос-Лириос, в трёх часах пути по дороге в Эль-Дескансо.

Сам Лало утром следующего дня прислал мне сообщение об этом передвижении.

Прибытие вражеских войск в это место внесло новый элемент в тактическую обстановку. В первый момент было невозможно определить, шла ли речь об отвлекающих действиях или о направлении командиром батальона 11 небольшого подразделения в поисках припасов для доставки в Эстрада Пальму по реке Нагуас, либо же, наоборот, речь шла об изменении направления главного удара в попытке проникновения с северо-востока. Дело в том, что такие действия выдвигали ряд новых вариантов, и мы должны были дать на них ответ скудными силами, но безотлагательно.

Два главных входа, которые могли прямо вести в зону Санто-Доминго, были прикрыты в начале мая, когда была установлена первая оборонная диспозиция в преддверии наступления. Эдди Суньол держал занятыми позиции в Провиденсии, с которых надёжно просматривалась вся равнина до Эстрада Пальмы и можно было оказать первое действенное сопротивление в случае, если враг попытается проникнуть по дороге, поднимавшейся по всей реке Яра от Серро Пеладо. Другой вход находился под наблюдением из Лос-Лириос немногочисленных и плохо вооружённых людей Лало Сандиньяса. Между Провиденсией

и Санто-Доминго, охраняя жизненно важный подступ к укрепрайону Маэстры через Эль-Кристо, Эль-Торо и Гамбоа, располагалось небольшое подразделение под командованием Феликса Дуке. В самом Санто-Доминго, в окрестностях дома сотрудничавшего с повстанцами крестьянина Лукаса Кастильо некоторое время размещалось лагерем отделение под командованием Пако Кабреры Пупо, которое действовало бы как подкрепление в любом направлении, если бы угроза стала более явной. Это был весь личный состав – всего лишь 50 человек, многие из них недостаточно вооружённые и со скудным боезапасом, – которым мы располагали, чтобы противостоять угрозе, нависавшей так близко над сердцевиной нашей территории.

Предполагалось, что подразделение, прибывшее в Эль-Дескансо 13 июня, выполняя боевую задачу, могло продолжить продвижение вперёд к Лос-Лириос или направиться по дороге к Лома Асуль, чтобы, вероятно, нагрянуть в Ла-Херингу. Оказавшись там, оно могло спуститься по реке Яра до Пуэбло Нуэво и Санто-Доминго либо взобраться прямо к укрепрайону Маэстры и выйти на траверсе Агуальревес. Третьим путём этих сил могло стать продолжение марша, пересекая Ла-Сьерриту до Эль-Какао, чтобы затем подняться на высоту, что им позволяло потом нагрянуть в Санто-Доминго. Ко всем этим тревожным возможностям надо было добавить тот факт, что движение подразделения из Эль-Дескансо могло бы сочетаться с движением остальных сил батальона 11, которые до того момента, судя по всему, следовали по первоначальному направлению своего главного удара.

Единственно, что мог сделать Лало Сардиньяс с позиции, занимавшейся в Лос-Лириос, это попытаться воспрепятствовать проходу врага по первому из упомянутых путей. На рассвете 14-го числа Лало направил срочное донесение Пако Кабрере Пупо, прося вовремя сообщить

о нём мне, и, чутко воспринимая тактическую обстановку, рекомендовал ему переместиться в Эль-Какао, чтобы перехватить врага в случае, если тот попытается действовать по третьему варианту. Пако передал мне донесение Лало, но, поскольку имел точные инструкции оставаться в Санто-Доминго, не двинулся до получения моего приказа.

Мой ответ не заставил себя ждать. Предвидя, что вражеские войска направятся по дороге из Лома Асуль к Ла-Херинге, а это был один из анализировавшихся мной в свое время вариантов, приказал Лало оставаться в Лос-Лириос и в случае, если враг последует по дороге из Лима Асуль, попытаться упредить его и перехватить прежде, чем тот сможет достичь высоты Ла-Херинга. Ещё раз наши вероятные планы должны были основываться на более высокой подвижности повстанческих сил, поскольку не было достаточного количества людей, чтобы прикрыть все подступы. «Мы досадуем из-за отсутствия минимальных резервов», – написал я Че в отправленном в 2 часа дня 14-го числа послании, информируя об этой новой ситуации.

У меня не заняло много времени оценить последствия этого движения врага и уточнить, чем чреваты все открывавшиеся возможности хода его действий. Что касается пути из Эль-Какао, то опасность была не столь непосредственной и оставалось время – ещё несколько часов, чтобы принять необходимые меры. В тактической обстановке, в какой развивалась оборона Ла-Платы, был особо важен ближайший ход событий. В нашем прагматическом подходе показательно то, что сказал Че в том самом послании, коснувшись опасности, возникавшей от прихода войск в Эль-Дескансо: «Посмотрю, что сделаю, если будут продвигаться там». Но в чём я действительно мог быть уверен, что бы там ни было, так это в том, что даже при этом тяжёлом стечении обстоятельств мы не по-

теряли оптимизма и убеждённости. «Ситуация становилась несколько сложной». Это было всё, что Че допускал в отношении этого сектора.

В итоге движение врага не застало меня врасплох. В тот же день, 14-го числа, до получения сообщений, которые мне посылал Лало, я написал Орландо Ларе, что от армии следовало ожидать попыток как-то выйти с фланга на возможные входы в повстанческий редут Маэстры с севера, то есть через Вегас-де-Хибакоа и Санто-Доминго. И в тот же день приказал Суньолу, чтобы он прикрыл кем-то из своих людей, поддержанных людьми Лары, дорогу, поднимавшуюся из Арройона к высоте Ла-Льороса, с целью не дать врагу дойти этим путём до Эль-Торо.

Как часть мер по стратегической и тактической планировке, принятых после высадки батальона 18 в Лас-Куэвас, чего мы коснёмся в следующей главе, направил 14 июня инструкции команданте Рамиро Вальдесу, командиру колонны № 4 после перемещения Че в Минас-де-Фрио. В 7 часов утра того дня, когда сел составлять пространный документ из 18 страниц для Рамиро в доме Сантаклареро в Ла-Плате, я ещё не получил сообщение о том, что колонна Санчеса Москеры, которая с конца мая оказывала давление как раз в районе сектора Рамиро, изменила направление своего проникновения и, по-видимому, отходя к Ла-Эстрелье, прибыла в Эль-Дескансо. Предположение по тактике, из которого я исходил в этих инструкциях, состояло, следовательно, в том, что вражеские силы будут пытаться продвигаться в том же направлении, которого придерживались, с намерением взобраться на линию вершин Маэстры через зону Сантаны.

Исходя из этого предположения, ориентировал Рамиро на то, чтобы он разместил одно отделение по дороге, поднимавшейся к Эль-Омбрито, другое – на высоте Эскудеро и два у устья реки Ла-Мула, то есть на трёх возможных подступах с севера и юга к Маэстре, к востоку от Сантаны и пика Туркино, и чтобы сосредоточил остальной состав – главную часть на защите дороги, поднимавшейся от Минас-де-Буэйсито к Сантане и казавшейся главным путём, по которому пытался следовать Санчес Москера. Идеей маневра было затормозить продвижение врага и «... заставить его заплатить возможно дорого за проникновение». Другими словами, я предвидел вероятность того, что не удастся, в конечном счёте, сдержать продвижение батальона 11 до линии вершин Маэстры, учитывая интенсивность удара, а также относительно скудные силы, которые мы могли противопоставить. Целью обороны продолжало оставаться, таким образом, изматывание врага, чтобы истощить его силы, и вследствие этого потеря им наступательного импульса.

Упрекнул Рамиро – в моём послании – за то, что он допустил совершение двух кардинальных грехов из наших десяти партизанских заповедей: отсутствие подготовки соответствующих оборонительных мер и чрезмерный расход боезапаса.

> «Считаю, что, несмотря на мои настояния, вы небрежно относитесь к проблеме траншей и оборонительных устройств, и не нахожу ничего странного, ибо мне пришлось немало биться за то, чтобы люди сооружали настоящие укрытия и готовили траншеи как действенную защиту ото всего, а не смешные ямочки, к чему склоняется огромное большинство.
>
> По этой дороге от Минас до Сантаны при хорошей фортификации ни Москера. никто не сможет продвигаться, не обескровив максимально свои войска».

И относительно боезапаса:

«Мне представляется, что тут наши люди не сражаются с врагом с умом. Судя по затрачиваемым патронам, должно было быть сто убитых правительственных солдат, ведь мы находимся в обороне, а они должны нападать, им можно нанести много потерь, действуя с хорошо подготовленных и связанных между собой позиций.

Тебе, может, покажется, что я скуплюсь на боезапас. Пойми, что я не могу исчерпывать наши уже скудные резервы только ради этого пункта, когда сознаю, что должны оказывать организованное сопротивление, затрачивая минимальное время, на каждом из следующих друг за другом этапов борьбы. На самом деле у меня складывается впечатление, что, хотя и со смелостью, наши люди не сражаются в этом пункте с умением».

Эта последняя проблема имела, как всегда, решающее значение, ибо не было резерва боезапаса не то что неисчерпаемого, но даже отвечающего самым необходимым потребностям, как и подкрепления в живой силе.

В том же документе подробно изложил многие из стратегических соображений, которые думал применить в отношении вражеского наступления, подходившего к своему самому критическому моменту:

«...в этот момент старательно размышляю о грядущих неделях и месяцах. Это наступление будет самым продолжительным из всех, потому что оно последнее из них. После провала этого усилия Батиста неотвратимо окажется пропащей фигурой, и он это знает, поэтому бросит в бой всё, что осталось. Стало быть, это решающая битва, которая ведётся как раз на самой знакомой для нас территории».

Затем уточняю:

«Я направляю все мои усилия на превращение этого наступления в катастрофу для диктатуры, принимая ряд мер с целью обеспечить: во-первых, организованное сопротивление в течение продолжительного времени; во-вторых, обескровить и истощить силы армии и, в-третьих, добиться сочетания необходимых элементов и достаточного количества оружия, чтобы нам броситься в наступление, как только они начнут давать слабину. Готовлю одну за другой зоны последовательной обороны. Уверен, что заставим врага расплатиться самой высокой ценой. В эти часы, это очевидно, они очень отстают от намечавшихся ими планов и, хотя предполагаю, что ещё надо будет здорово бороться, учитывая усилия, которые им приходится прилагать, чтобы продвигаться, не знаю, до каких пор им хватит энтузиазма.

Дело в том, чтобы оказывать с каждым разом всё более сильное сопротивление, а это будет так по мере того, как будут растягиваться их линии, а мы будем отходить к самым стратегическим местам».

Стратегическая идея состояла в организации эшелонированной обороны, с каждым разом всё более прочной по мере сосредоточения наших оборонительных линий и по мере того, как врагу будут обходиться всё дороже его потуги, когда против него действуют три фактора: нарастающая растянутость его линий снабжения в полностью неблагоприятной для него местности, где он уже оказывался не в состоянии обеспечить безопасность своего тыла, а его обозы подвергались постоянным атакам; необходимость проводить свои самые важные операции на территории, родной для повстанцев, которую мы знали как свои пять пальцев и на которой осуществили наши наиболее разработанные оборонительные меры; и, наконец, мораль-

ная и материальная несостоятельность, которую я предполагал у врага – и факты подтвердили мою правоту, – чтобы вести в течение относительно продолжительного времени кампанию, стоившую ему таких усилий и истощения.

Как часть стратегии сосредоточения сил и предвидя возможность достижения врагом Маэстры, я при этом приказал Рамиро переместить главный лагерь колонны № 4 из Ла-Месы в Агуальревес, на запад от Сантаны на самой Маэстре. Перемещение включало все сооружения, мастерские, продовольствие и скот. Таким образом, даже если враг достигнет Маэстры через Сантану, силы и ресурсы этого повстанческого сектора не будут оторваны от сил колонны № 1 на подступах к Ла-Плате, а составят единую и органичную систему обороны, которая охватит к тому моменту важные территории к востоку от пика Туркино.

С избытком деталей проинструктировал Рамиро относительно позиций, на которых он должен развернуть свои силы в случае, если правительственные войска обойдут Маэстру с фланга. Надо заметить здесь, что я не допускал какой-либо возможности продвижения врага дальше Сантаны:

> «Как только силы разместятся в Агуальревес, отход заканчивается. С Туркино на одном фланге и Маэстрой на другом, а мы при этом защищаем их с этой стороны, станет просто невозможно, чтобы какая-нибудь армия продвинулась здесь».

Таким образом, в восточном секторе было бы обеспечено достижение основной стратегической цели на всём этом этапе, уточнявшейся в послании для Рамиро следующими пунктами:

> 1. Защитить и удержать базовую территорию, чтобы получать на ней снабжение оружием и боеприпасами

по воздуху, в чём мы очень здорово продвинулись вперёд.

2. Сохранить радиостанцию, ставшую фактором первой важности.

3. Оказывать организованное сопротивление в течение трёх месяцев, которые считаю необходимыми, чтобы нам броситься в наступление, имея в изобилии живую силу и снаряжение.

4. Оказывать всё более сильное сопротивление врагу по мере нашего сосредоточения и занятия нами самых стратегических пунктов.

5. Располагать базовой территорией, где будут функционировать Организация, госпитали, мастерские и т.п.

Эта организованная и всё более сконцентрированная оборона «базовой территории» вокруг Ла-Платы в ожидании момента перехода в контрнаступление, предусматривавшегося с самого начала как ось нашего стратегического планирования перед лицом вражеского наступления, приобретала теперь гораздо большее значение, учитывая развитие событий до этого момента. Действительно, 14 июня, когда я составил это длинное послание, оставалось менее 15 дней до истощения наступательного импульса армии тирании и начала второго этапа, который будет характеризоваться сдерживанием этого наступления и подготовкой условий для повстанческого контрнаступления.

5

Высадка на юге

ИЮНЬ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
1	2	3	4	5	6	7
8	9	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	–	–	–	–	–

Во вторник 10 июня на южном побережье Сьерры произошла наконец высадка врага, которую мы ожидали намного раньше действительного начала наступления, и с нею открытие Третьего фронта боёв, теперь в южном секторе нашей территории. Эта миссия выпала на долю батальона 18 под командованием майора Хосе Кеведо Переса. Этот батальон был сформирован для целей наступления на основе смешанной роты из личного состава казармы армии Маэстре, располагавшейся на базе Сан-Амбросио в Гаване, и личного состава кадетского училища. Рота потерпела крупную неудачу в феврале в бою у Пино-дель-Агуа, а майор Кеведо был назначен её командиром в первые дни марта. В недели, предшествовавшие началу первой фазы наступления, этот личный состав был увеличен созданием рот G-4 и кадетского училища с добавлением новой роты – 103-й – из персонала пехотного полка 10, расквартированного на базе в Сан-Антонио-де-лос-Баньос.

Для этой операции батальон 18 имел полный штат в 315 человек, помимо отделения миномётов и санитарного персонала. Располагал одним 81-мм миномётом, двумя 60-мм, 3,5-дюймовой базукой, двумя автоматическими

винтовками «Браунинг», одним пистолетом-пулемётом «Томпсон», полуавтоматической винтовкой «Гаранд», карабинами «Сан Кристобаль» и винтовками «Спрингфилд». Оружие было снабжено достаточно большим для планировавшейся кампании боезапасом, и у личного состава имелись припасы на месяц операций в горах.

Батальон был приведен в мобилизационное состояние 9 июня и около 4 часов дня отправился на грузовиках в Сантьяго-де-Куба. Как часть конвоя, помимо личного состава и снаряжения, шли джипы, несколько верениц мулов, взятых в зоне Контрамаэстре. Перед отправлением к войскам добавились в качестве проводников пять знатоков зоны Сьерры, где будет действовать подразделение. В тот же день вечером погрузились в Сантьяго-де-Куба на фрегат «Максимо Гомес» и ещё одно судно.

Проплыв целую ночь, оба судна прибыли в утренние часы к месту напротив пункта, известного как Лас-Куэвас, у подножия массива Туркино (см. карту на с. 428). Высадка началась немедленно и была затруднена условиями бурного моря и большими волнами, характерными для этой части побережья. Пляж Лас-Куэвас в действительности не пляж, а кромка берега с крупными округлыми камнями. Люди добирались до берега на маленьких гребных шлюпках, тогда как мулы, растревоженные и нервные, были сброшены в воду рывками и толчками (см. документ на с. 381).

Если не считать разведывательных поисков и пристрелочных выстрелов, которые обычно сопровождают подобные операции, высадка прошла без боевых инцидентов. В Лас-Куэвас не было повстанцев. Это, действительно, было одно из немногих мест, относительно подходящих для высадки, не прикрытых нами из-за скудности сил, которыми мы располагали в этом секторе.

Должен сказать, что моей первой реакцией по получении поступивших вначале сообщений стало сомне-

ние. В послании, направленном Пасу на следующий день, я писал, что если сообщение верно, то:

> «[...] несомненно, будет указывать, что [вражеские силы] знали о позиции наших войск [...]
>
> Я ожидал, что у меня будет несколько человек, чтобы охранять этот последний пункт [Лас-Куэвас], чего нам недоставало».

К сожалению, в документах, найденных у врага, не имеется ссылки на причины, определившие избрание Лас-Куэвас для высадки. Без сомнения, пляжи Окухаля или Ла-Платы, если упоминать только два пункта, располагали лучшими естественными условиями и, в силу этого, были более фортифицированы нами, и там мы разместили большее количество повстанцев в ожидании высадки. Однако решение выбрать Лас-Куэвас – удачливое для вражеского командования – позволило произвести высадку 10-го числа без какого-либо сопротивления. С нашей стороны вовсе не было опрометчиво строить догадки, что, если бы в Лас-Куэвас был размещён хотя бы повстанческий патруль, высадка в тех тяжёлых условиях, в каких она происходила, оказалась бы практически невозможной или по меньшей мере с немалыми потерями для армии.

По исключительному совпадению 9 июня, в день отбытия батальона 18 из Маффо*, я писал из Сьерры послание командиру этого войскового подразделения. Сестра бойца-повстаца Орландо Пантохи – Оло, которая жила близ Контрамаэстре, поднималась в те дни на холм по каким-

* Населённый пункт, расположенный на юго-востоке Кубы, в провинции Сантьяго-де-Куба, в 56 км от одноименного города. – *Прим. переводчика.*

то делам. Благодаря этому я узнал, что командиром войск, расквартированных в Маффо, был Хосе Кеведо, с которым я учился в университете Гаваны и установил тогда, до переворота Батисты, можно сказать, сердечные отношения. Решил написать ему и передал письмо (см. Документ на с. 375): «(...) не задумываясь, ничего не говоря тебе и ничего не прося, только чтобы поприветствовать тебя и пожелать тебе очень искренне удачи». В действительности в письме содержалось изрядно большее, чем приветствие:

> «Было трудно вообразить, когда Вы и я виделись в университете, что однажды будем сражаться один против другого, хотя, пожалуй, не испытываем разных чувств в отношении родины, саму идею которой, уверен, Вы почитаете, как почитаю я».

Так начиналось письмо и дальше продолжалось с горькой оценкой преступного поведения вражеской армии и многих командиров, которые в отличие от Кеведо превратили военную службу в занятие скотобойца. Напоминая о тех годах, писал давнишнему товарищу по учёбе:

> «Не испытывал тогда, как и сейчас, несмотря на горькие обстоятельства, поставившие вооружённые силы на службу самой пагубной политики, которую помнит наша история, чувств ненависти к военным. Я осуждал в жёстких выражениях действия многих и вообще армии, но никогда мои руки и руки ни одного из моих товарищей не были замараны кровью и они не унижались до дурного обращения с пленённым военным [...]».

И заканчивал таким непрямым призывом к чувствам чести и порядочности военного командира:

«Даже корпоративный дух, на котором зиждется общность людей, чувство, эксплуатируемое теми, кто вовлёк армию в абсурдную и неразумную войну, в действительности не существует, так как самый достойный, самый уважаемый из военных по простому подозрению может быть задержан, унижен, избит и брошен в тюремный застенок как обычный преступник, чего никогда не потерпела бы никакая армия с подлинно корпоративным духом в лице своих офицеров».

Было нетрудно угадать намерение, скрывавшееся за этим письмом. В армии тирании были и другие офицеры, не скомпрометировавшие себя преступлениями и злоупотреблениями, потенциально недовольные бесчестьем, в котором погрязла военная карьера на Кубе, и тем самым могли бы оказаться восприимчивыми к тому, чтобы восстать против такой ситуации. Ненавязчивый и непрямой призыв к совести и чувству военной чести товарища по прежней учёбе мог бы посеять в человеке с предысторией Кеведо – потом я узнаю, что он даже был вовлечён в неудавшийся военный заговор против Батисты в 1956 году – первые семена сомнений.

Однако, по очевидным причинам, письмо не смогло дойти до адресата. Мой следующий контакт с этим офицером состоится в совсем иных обстоятельствах.

Первые неподтверждённые сообщения о вражеской высадке пришли ко мне вечером 10-го числа. Мои первоначальные распоряжения о диспозициях касались возможного использования взвода Андреса Куэваса из Лас-Мерседес и обращения к Че с просьбой направить семь человек, в том числе пять вооружённых винтовками «Гаранд», из Минас-де-Фрио.

«Сейчас надо уделить максимум внимания побережью», – написал на рассвете в среду, 11-го числа, в послании Орландо Ларе, который к той дате поднялся с частью своих людей с равнины, чтобы занять позиции на дороге из Лас-Мерседес в Вегас-де-Хибакоа.

После высадки в Лас-Куэвас стал очевиден вражеский план двинуться к сердцевине повстанческой территории с трёх главных направлений (см. карту на с. 418). С северо-запада – от Лас-Мерседес и Арройона к Вегас-де-Хибакоа и, может быть, к Провиденсии; с северо-востока – от зоны Буэй Арриба к укрепрайону Маэстры, пока что, казалось, в направлении Сантаны и Ла-Херингти; и с юга – от Лас-Куэвас к Пальма Моча и возвышению Ла-Платы. К этому числу ещё не стало ясно направление главного удара в северо-западном секторе, хотя подразумевалось, что он будет нацелен на Сан-Лоренсо или Вегас-де-Хибокоа, а также не произошло изменения траектории проникновения батальона 11, который продвигался вперёд от Минас-де-Буэйсито.

С высадкой батальона 18 в Лас-Куэвас оборона реки Ла-Плата приобрела приоритетное значение, так как из трёх угроз была чревата наибольшей опасностью. Подступ к центральной повстанческой территории был более реален с юга, к тому же продвижение вперёд с этого направления поставило бы под непосредственную угрозу авиационную площадку в устье Манакас. «[...] надо попытаться защитить Альфу [дорожку для самолётов], как только можно, и предотвратить, чтобы проникли с моря», – писал я Че ночью 10 июня. В том же послании просил у него семь человек подкрепления; «Бассейн Ла-Платы – это пункт, который мы должны удерживать как можно дольше».

На этом этапе у меня не оставалось ни малейшего сомнения, что высадка батальона 18 на юге, наряду с сообщениями, полученными от Рамиро, о возобновлении оже-

сточённых столкновений в Минас-де-Буэйсито, указывали, что враг намеревался начать вторую фазу своего наступления, то есть глубокого проникновения в сердцевину повстанческой территории. Как часть распоряжений по общему укреплению обороны территории вокруг Ла-Платы 11 июня, на следующий день после высадки, направил приказ Камило вернуться на Сьерру с сорока лучше вооружёнными и самыми закалёнными в боях людьми из своих войск на равнине (см. документы на с. 372).

Что касается южного фронта, то моё впечатление и почти убеждение, в связи с высадкой батальона 18 в Лас-Куэвас, сводилось к тому, что враг, возможно, высадится также к западу от Ла-Платы, в Эль-Мачо, Эль-Масио или, вероятно, даже в Ла-Магдалене и одновременно двинется с востока на запад по дорогам побережья к реке Ла-Плата. Как только соединятся в устье, начнут продвигаться вверх по реке.

Поэтому в первой оценке тактической ситуации, произведенной после вражеской высадки в Лас-Куэвас, не фигурировали на первом плане другие варианты действий врага, которые могли бы включать, среди заслуживающих упоминания, вероятность прямой высадки в устье Ла-Платы, проникновение в Эль-Мачо или Эль-Масио – в случае высадки в каком-то из этих пунктов – в направлении зоны Каракас, продвижение по реке Пальма Моча или высадка в Ла-Магдалене и продвижение вперёд по реке в направлении Эль-Коко и Эль-Робле, а оттуда к Минас-де-Фрио либо до Кауары и отсюда в Хигуэ. Во всяком случае опасность этого, хотя и отдалённую, стоило предусмотреть в какой-то момент в оборонительных планах.

Надо учитывать, кроме этого, касаясь особенно южного фронта, что ситуация стала очень подвижной в течение дней, последовавших за вражеской высадкой, и вместе

с ней менялось также очень динамично наше оборонное планирование.

Постоянно пребывать в курсе событий и всегда опережать их на шаг – в этом высшем оперативном превосходстве заключался один из ключевых тактических источников Повстанческой армии. Эта первая фаза кампании на южном фронте наступления, до прибытия Кеведо в Хигуэ, представляет, пожалуй, один из наиболее показательных примеров.

То, что следует дальше, – это попытка реконструировать головокружительный ход событий в эти первые дни борьбы на юге.

В послании утром 11 июня, на следующий день после высадки батальона 18, Педро Мирету, который продолжал оставаться во главе повстанческих сил, окопавшихся в устье реки Ла-Плата, я сообщил инструкции для обороны этого сектора (см. документ на с. 382):

> «Первое сопротивление следует оказать на побережье и по флангам как можно дольше в самых стратегических местах дорог, идущих от рек Мачо и Пальма Моча. Когда пришлось бы отойти до реки [Ла-Платы], тогда оказывать сопротивление вверх по реке до поля [авиационного], метр за метром. Разрушить самолёт, если ничего не сможем сделать, чтобы спасти его, или использовать трактор, убрать его и сохранить некоторые его существенные детали. Потом сопротивление надо оказывать вверх по реке до Хигуэ.
>
> Очень важно, чтобы врагу пришлось заплатить многими жизнями за каждый километр продвижения к нам. Делать много траншей, где бы ни стали оказывать сопротивление».

Как нетрудно видеть, эти инструкции отражали главный смысл нашего общего плана, то есть эшелонирован-

ное и упорное сопротивление врагу, чтобы затруднить и застопорить его продвижение на возможно большее время и истощать непрерывно и неуклонно его силы. Речь не идёт о том, чтобы задержать его в первый момент, этого трудно было бы добиться личным составом повстанцев, сосредоточенным на побережье.

Стоит обратить внимание на упоминание Хигуэ в качестве последнего пункта, рассматриваемого как предполагаемый в случае отхода повстанцев и, следовательно, при проникновении врага. На деле уже в тот момент я предвидел возможность того, что это место окажется ареной решающей битвы в этом секторе. И то не было продуктом фантазии или внушения. Это было результатом основательного знания местности, а также изучения и анализа способов действия армии, что приводило меня к предвидению, обычно с достаточной точностью, того, что должно было произойти. В этой шахматной игре с передвигающимися батальонами, поддерживаемыми военной авиацией и флотом, могли получиться все варианты, и эти два фактора были существенными для выработки идей, которые привели к разгрому врага.

В другом послании, последовавшем сразу за предыдущим, снова настаивал: «Должен сопротивляться по-настоящему и не позволить им дойти до Хигуэ. ни до Пуриалона, если возможно. Это превосходный путь, чтобы сражаться».

С высадкой в Лас-Куэвас уже не имела смысла оборона Огухаля и присутствие там повстанческого взвода Рамона Паса. На следующий после высадки день приказал Пасу, чтобы отошёл к реке Пальма Моча на траверсе дома сотрудничавшего с нами крестьянина Эмилио Кабреры в Эль-Хубале, куда вела одна из дорог от Лас-Куэвас, которая, следовательно, могла стать путём проникновения врага.

Отправив ранее процитированные инструкции Педро Мирету для обороны реки Ла-Плата, занялся организа-

цией первых оборонительных мер в зоне между Туркино и Пальма Моча. Поручил также Пасу отдать приказ отделению Вивиано Теруэля, которое до того момента оберегало устье реки Пальма Моча, отойти почти на километр вниз по реке и подготовить первую оборонительную линию в ожидании новых инструкций. Вместе с тем Пас должен был направить одно отделение своего войска «[...] по возможности самое выдвинутое вперёд, по дороге от дома Эмилио [Кабреры] в Лас-Куэвас, чтобы быть настороже перед любым вражеским движением по этой дороге и оказать ему первое сопротивление».

Также указал Альмейде, чтобы с некоторыми из людей, переведенных им с Третьего фронта, расположился на возвышении Пальма Моча, между этой рекой и Ла-Платой, в качестве резерва, готового двинуться, куда потребуется.

В то время моей главной заботой уже не было возможное занятие врагом Огухаля или Лас-Куэвас, либо какого-то другого пункта на побережье, за исключением устья реки Ла-Плата. Об этом я оповестил Паса в пространном послании, отправленном ему в полдень 11 июня, в котором объяснял, в чём состояла наша существенная цель в свете тактической обстановки, создавшейся после высадки: «Что сейчас надо предотвратить, так это продвижение [врага] наверх».

В том же послании проанализировал наиболее возможные курсы действия высадившихся войск. Исходил из предпосылки, что их первым движением будет занятие Огухаля и пляжа Пальма Моча, чтобы обезопасить свои два фланга. Отсюда в дальнейшем следовали три главных варианта: движение вперёд от Лас-Куэвас к верхнему течению реки Пальма Моча по дороге, которая идёт от Эль-Хубаля; продвижение вперёд к тому же пункту вдоль дороги, которая придерживается реки от устья, и продвижение к Ла-Плате по дороге от побережья. В первом

случае столкнулись бы с выдвинутым вперёд отделением войска Паса; во втором – с отделением Теруэля, а в третьем – с отделением, которое Мирет должен был расположить на дороге у побережья, возможно ближе к реке Пальма Моча, в соответствии с направленными ему инструкциями. В этом последнем случае отделение Теруэля должно было действовать против врага с тыла...

В рамках этого первоначального планирования основная часть личного состава Паса также осталась бы в качестве резерва и должна была маневрировать по обстоятельствам. Надо было также предусмотреть возможность того, что одна из двух дорог – по холму и у реки – окажется контролируемой врагом. В этом случае повстанческий фланг, вступивший с ним в соприкосновение, должен был отойти к дому Кабреры, пункту, который будет служить осью в планировании вероятного развития обстановки. «[...] тут начинается другой план», объявил Пасу, и, действительно, я уже его разрабатывал на основе переразвёртывания тех же самых сил на различных подступах к укреплённому району Маэстры, в зоне Пальма Моча.

И, наконец, как более отдалённая возможность: «Они, правительственные войска, могут совершить чудо и подняться через Туркино, но, если сделают это, мы уж постараемся, чтобы они туда снова не забрались». При этом невероятном варианте следовало бы, помимо подкрепления позиций выдвинутого вперёд отделения Паса, закрыть какой-то другой силой выход с пика Туркино к высоте Хоакин и, эвентуально, к верхнему течению реки Яра и укреплённому району Маэстры к востоку от Ла-Платы.

В действительности, отправляя это послание, я подразумевал, что Пас уже отошёл от Огухаля к реке Пальма Моча во исполнение полученных инструкций на случай, если вражеская высадка произойдёт в любом другом пункте к западу от Огухаля. Однако Пас решил ждать моего ответа на отправленное сообщение о высадке и ог-

раничился подкреплением группы, которая под командованием Фернандо Чавеса оберегала пляж Белья Плума и дорогу на побережье между Лас-Куэвас и Огухалем. Теруэль же, наоборот, наблюдая за вражеской высадкой со своей позиции в устье реки Пальма Моча, произвёл утром 11-го числа отвод своего отделения вверх по реке, правда, только на один километр, как я ему внушал, но до самого дома Эмилио Кабреры.

Существовала дорога, которая взбиралась в горы, примерно с юга на север, по курсу реки Пальма Моча, от устья до дома Эмилио Кабреры. По ней проследовало наше маленькое повстанческое формирование после первого победного боя в устье Ла-Платы 17 января 1957 года. Всё это были, не стоит говорить, горные дороги или тропы, по которым можно было продвигаться только пешком, а иногда (в некоторых случаях) на муле или лошади. К тому же зона была покрыта девственным непроходимым лесом Сьерры, через который умели пробираться только крестьяне и повстанцы.

Что же касается самого западного сектора побережья, у меня, по правде, не было большой надежды, что маленькие повстанческие группы, предназначенные для действий в Эль-Мачо и Эль-Масио, – состоявшие главным образом из необстрелянных бойцов колонны № 7 Кресенсио Переса, сформированной в своём большинстве из крестьян зоны, – смогут оказать эффективное сопротивление какой-либо попытке высадки врага в этих местах. С другой стороны, в моей тактической схеме была уже не такой важной оборона этих двух пунктов побережья, как дороги с подступом с запада к Ла-Плате, где располагались «Повстанческое радио» и ставка Командования.

Учитывая к тому же возможность ещё одной высадки в Ла-Магдалене, между Ла-Платой и Эль-Мачо, те группы оказались бы во вражеском тылу, и их задача ограничилась бы прикрытием подступа по реке через Эль-Ма-

сио или через высоту Эль-Мачо к зоне Каракаса. Но среди вариантов вражеского маневра этот, по моему мнению, был самый невероятный, так как этот путь отдалил бы его от основного центра повстанческой территории. Всё же 2-го числа попросил Че направить инструкции Кресенсио, непосредственно отвечавшему за самый западный сектор, о фортификационном усилении дороги от Эль-Мачо к Эль-Ахи, Арройонес и Сан-Лоренсо.

На основе всех этих соображений принял решение отозвать из Эль-Мачо отделение из шести человек под командованием лейтенанта Сиро дель Рио, направленное туда несколькими днями раньше, и расположить его под командованием Педро Мирета на прибрежной дороге от Магдалены в Ла-Плату. Позднее увидим, что дополнительная часть личного состава колонны № 7 была назначена для прикрытия других важных позиций.

В итоге моим стремлением было организовать с теми ресурсами, которыми я располагал, достаточно структурированную оборону реки Ла-Плата, способную затормозить на возможно большее время установление вражеского контроля над рекой.

«У меня есть план, представляющийся мне хорошим, для обороны бассейна Ла-Платы по крайней мере в течение трёх месяцев, с тем, чтобы иметь надёжный пункт для получения оружия», – написал я Че в послании на следующий после высадки день. А Мирету повторил в третьем послании в тот же день, 11-го числа: «Будем упорно защищать Ла-Плату с двух флангов и со стороны моря».

В действительности я до сих пор спрашиваю себя, почему вражеские стратеги не осуществили высадку поддержки западнее, поскольку присутствие их сил в зоне Эль-Мачо вынудило бы нас ещё больше распылить наши ограниченные оборонительные ресурсы на южном фронте, в результате чего возможности более быстрого про-

никновения вовнутрь повстанческой территории стали бы гораздо бóльшими.

Куэвас прибыл со своим отделением в Момпьé, где некоторое время располагалось моё Командовние, в 10 часов вечера в тот же день, 11-го числа. Прибыл после участия в продолжавшемся тем утром более пяти часов боя в Лас-Мерседес и довольно трудного пешего перехода под дождём, по грязи, через разлившиеся реки. «Эти люди Куэваса – замечательные», – написал я в послании Мирету на следующий день. «Вчера сражались с армией в Лас-Мерседес с 8-ми часов до полвторого, заставив её отступить. В 10 часов вечера, под дождём, уже были здесь, выполняя мой приказ». Этим подвигом Куэвас проявил себя ещё раз как один из самых эффективных повстанческих командиров, способных выполнить с людьми под его командованием самые трудные и героические задачи.

В тот вечер уставшее войско из человек 15-ти отужинало тем, что нашлось у Селии, и отдохнуло, пока их командир информировал меня о последних событиях в зоне Лас-Мерседес и слушал мои детальные инструкции о его исключительно важной миссии. На следующее утро, вскоре после рассвета, они уже находились в пути к своей новой позиции с другой стороны Маэстры, сопровождаемые отделением, попрошенным у Че, во главе которого шёл Уго дель Рио, брат Сиро.

С Куэвасом направил новую диспозицию для повстанческих капитанов побережья. Взвод подкрепления должен был расположиться в устье реки Пальма Моча на берегу, выходившем на Ла-Плату, на такой позиции, которая доминировала бы над берегом моря, мешая любой попыт-

ке высадки, и над равниной устья в случае, если бы враг появился со стороны Лас-Куэвас. Это подразделение располагало пулемётом 30-го калибра на сошке-треноге, которым управлял Примитиво Перес.

Направление Куэваса на это место отвечало тактическому предположению о том, что главная цель врага при высадки на юге состояла в господстве над бассейном Ла-Платы, и для этого, в качестве элементарного предварительного шага, он должен был занять устье реки Пальма Моча по земле или с моря. По счастью, я очень хорошо знал местность и чётко представлял себе, что это место подходило для устройства засады на реке Пальма Моча в любом из двух случаев. Устье Пальма Моча уже служило в августе 1957 года ареной одного из самых ожесточённых боёв в первый год войны.

Согласно моим новым инструкциям, отделение Теруэля держалось бы выше по курсу реки, конкретно «[...] около сорока метров дальше пункта, где дорога, идущая от Лас-Куэвас, соединяется с дорогой от Пальма Моча». Строго трактуя эту ориентировку, Теруэль должен был занять позицию за выходом к реке правого ответвления дороги, того из двух, что расположено выше по течению реки. Наконец, пять человек заняли бы позиции на этой самой дороге, на твёрдом грунте левого берега реки, с тем чтобы воспрепятствовать прибытию подкреплений из Лас-Куэвас для войск, которые натолкнулись бы на повстанческое отделение у реки.

Показателем того, насколько детально мы намечали в те дни наши меры предосторожности, служит следующая инструкция, содержавшаяся в послании: «Эти люди должны разместиться не между дорогой и морем, а в верхней части дороги». То есть предусматривалась даже возможность того, что, разместившись с другой стороны, мы могли бы оказаться зажатыми в момент боя между тылом вражеской колонны и морем.

Между тем Пас, как офицер с бóльшим стажем, оправдывая оказываемое ему доверие, взял бы на себя общую ответственность за эти позиции и держался бы с большей частью своего личного состава в доме Эмилио Кабреры, удаляясь от него по обстоятельствам. Пулемёт 50-го калибра, управляемый Альбино Очоа и Фиделем Варгасом, один из доставленных из Коста-Рики самолётом, с которым прилетел Мирет, добавился бы к силам Теруэля, чтобы атаковать с тыла, если вражеские силы спустятся к устью реки.

При такой диспозиции оказывалась подготовленной, как я считал, отличная ловушка:

> «Такое расположение – самое подходящее для нас; если правительственные войска пойдут по суше, там могло бы произойти нечто более грандиозное, чем в Оро или Посоне, потому что, уверяю вас, если войдут там, не смогут выйти. Если же появятся с моря, тоже будут отброшены, хотя ловушка не будет такой большой».

Упоминаемые в этом документе названия относятся к засаде в Оро-де-Гиса* против подкрепления во время боя у Пино-дель-Агуа* (см. карту на с. 412) в феврале 1958 года и к бою в Посоне* в апреле, оба боевых действия с очень благоприятным для нас исходом.

Инструкции Пасу и Педрито были дополнены строгими предупреждениями о скрытности позиций и мерах во избежание просачивания информации об их расположении из-за неосторожного общения местных жителей с врагом. В них говорилось также о подготовке траншей и соответствующих фортификационных сооружений для защиты даже от обстрела и бомбардировок с моря и воздуха и о необходимости максимально беречь боезапас патронов.

---

* Пункты в Сьерра-Маэстре, находящиеся в провинции Сантьяго-де-Куба на юго-востоке острова. – *Прим. переводчика.*

И, наконец, последнее напоминание Педро Мирету: «Педро всегда должен держать по крайней мере двух вооружённых людей перед авиационной площадкой на случай, если они попытаются спустить войска на вертолетах».

В те месяцы шли разговоры о закупке вертолетов Батистой, и, как помню, какое-то время меня беспокоила возможность высадки с них. Однако, похоже, такой вариант никогда не рассматривался военными планировщиками тирании.

Анализ тактических диспозиций и мою оценку оперативной ситуации я произвёл в следующем сообщении Че, которого всегда обстоятельно держал в курсе развития событий:

> «Солдаты, действительно, находятся в плохой позиции, ибо должны передвигаться. Из-за невозможности закрыть им ход в двух направлениях им будет подготовлена ловушка у Пальма Моча, которая даёт исключительные преимущества, в то же время защищая Ла-Плату от продвижения врага с этой стороны. Надо считать потерянным Огуаль, так как нет достаточного количества людей для его защиты. Также следует отступиться от Эль-Мачо, где смогут высадиться, когда захотят. [...]
>
> Так что, пока Туркино служит нам опорой слева, будем препятствовать их продвижению к Маэстре из Лас-Куэваса к Ла-Плате по берегу моря. Эта последняя может быть защищена с моря и с прибрежных дорог. Уверен, что туда направлен план армии».

В конце этого послания добавил, правда, с некоторой неохотой: «Это настоящая лавина солдат надвигается на нас». Так и было на самом деле, но я был абсолютно убеждён, что мы сможем сдержать и отбросить эту лави-

ну. В те дни ту же мысль я выразил в заметке, написанной для «Повстанческого радио»:

> «Настоящую лавину солдат бросила против нас диктатура. Но также море крови они оставят на дорогах Сьерра-Маэстры, пытаясь продвинуться вперёд, если им хватит храбрости ради постыдного дела, которое они защищают».

В дни непосредственно после высадки батальона 18 в Лас-Куэвас не произошло каких-либо боевых действий, вражеское войско занималось устройством своего лагеря и проводило разведывательные поиски вдоль двух дорог – прибрежной дороги в направлении на Эль-Диан и Белья Плума и дороги через холм в направлении к реке Пальма Моча. Ни в одном из этих первых разведывательных поисков не случилось соприкосновения между нашими силами и врагом. Правительственные войска даже на время заняли посёлок Белья Плума, что наблюдал с близкого расстояния повстанческий патруль под командованием Фернандо Чавеса, но не предприняли никакой попытки продвинуться дальше в направлении Огухаля, где размещался взвод Рамона Паса.

В четверг 12 июня, в тот же день, когда Андрес Куэвас вышел из Момпье, чтобы занять свою позицию в устье Пальма Моча, взвод роты кадетского училища вражеского батальона дошёл до этого места и отошёл, спалив два или три крестьянских дома, встретившихся вдоль реки.

Только в самый последний день различные повстанческие подразделения стали занимать позиции, определённые в моих указаниях. Маленькое войско Куэваса,

пройдя в течение всего 12-го числа форсированным маршем через Майахигуэ, Камаронсито и Эль-Наранхаль, поднялось к вечеру на высоту Ла-Каридад и спустилось с другой его стороны. Той ночью стали лагерем и приготовили ужин в доме Грасилиано Йерресуэло в Ла-Каридад, и Куэвас направил посланца в Огухаль, чтобы передать Пасу мои инструкции.

На следующий день повстанцы оставили свои вещевые мешки в доме и спустились к реке Пальма Моча, а затем вниз по реке, чтобы занять свою позицию в устье. В доме Йерресуэло, в Ла-Каридад, осталось трое бойцов, одному из них было поручено готовить еду для войска, а двум другим – сторожить кухню и вещевые мешки. Остальные, включая тех, кто занимался пулемётом 30-го калибра, которым управлял Примитиво Перес, были дислоцированы в соответствии с моими инструкциями на каменистом склоне, замыкавшем равнину у устья реки Пальма Моча и возвышавшемся над ними.

Получив новые инструкции, Пас переместил своих людей в тот же день 13-го числа. Поскольку движению по прибрежной дороге препятствовал враг, у него не оставалось другого, как срезать путь через заросли по склонам Туркино. Он поднялся по ручью Огухаль, повернул, пробираясь по пригоркам Эль-Диана, зашёл в дом Фернандо Мартинеса, где к его бойцам присоединились этот крестьянин и его сын Албио, и спустился по склону высоты Ла-Эсмахагуа к реке Пальма Моча. Прибыв туда, распределил своих людей в засаде на дороге к реке, приблизительно в километре выше Эль-Кольменара. Решил направить пулемёт 50-го калибра на позицию Куэваса, для чего Албио Очоа, Фидель Варгас и другие бойцы из расчёта этого оружия переместились в устье реки. Их вещевые мешки также остались с людьми Куэваса в Ла-Каридад. Обращаю внимание на эту деталь из-за того, что произошло спустя несколько дней.

Отделение подкрепления, направленное вместе с Куэвасом, под командованием Уго дель Рио заняло позиции с людьми Паса на реке. Отделение Теруэля, которое отошло вверх по течению реки, было размещено Пасом на одной стороне дороги из Лас-Куэвас в Эль-Кольменар в соответствии с планом дать пройти врагу и воспрепятствовать затем его отходу или прибытию подкреплений. Позиция на дороге из Лас-Куэвас к дому Эмилио Кабреры была подкреплена отделением под командованием Роберто Элиаса, а сторожевые посты на дороге около Лас-Куэвас были выдвинуты вперёд. При такой диспозиции был выполнен план подготовить большую ловушку для врага в Пальма Моча, план, в который Пас внёс некоторые, очень разумные, мелкие изменения.

После того как капитан Куэвас покинул Момпье, я не получал новых сообщений о ситуации в секторе Пальма Моча до второй половины дня 15-го числа, что меня несколько обеспокоило из-за неуверенности, были ли заняты позиции, которые я приказал прикрыть до ожидавшегося вскоре передвижения правительственных солдат, и опасения не потерять возможность нанести сильный удар или, по крайней мере, сдержать их продвижение к Ла-Плате. Утром 15-го числа получил первое, несколько расплывчатое, послание от Куэваса, в котором он не прояснял, установил ли контакт с Пасом и выполнил ли тот мои инструкции. Поэтому я ответил ему:

> «Мне не нравится, как там складываются дела. Ты не даёшь мне внятных разъяснений. Пас ещё не прибыл, а вы не позаботились проверить, что происходит, получено или нет моё послание».

Однако к тому времени Пас уже два дня как следовал моему приказу и накануне направил мне два послания, которых я ещё не получил. В одном из них он объяснял

мне детально все свои диспозиции (см. карту на с. 386), а в другом информировал меня, что в тот же день – в субботу 14 июня – вражеская рота вошла в Эль-Кольменар, менее чем в километре от его позиции, произвела несколько выстрелов, сожгла дом крестьянина Альберто Пеньи и отошла снова к Лас-Куэвас. Стрельбу, конечно, слышал в Ла-Плате Педро Мирет, который днём раньше направил посланца Луиса Фелипе Круса Кастильо, известного как Хуан Пескао, и одного из наших самых опытных связников, в Пальма Моча для установления контакта с Куэвасом и Пасом.

После того набега правительственных солдат Пас решил, и очень разумно, переместить свою засаду пониже. Новая позиция, которую он занял, была очень близкой к Эль-Кольменара, в нескольких десятках метров от выхода с дороги, шедшей от Лас-Куэвас.

Прибытие после полудня 15-го числа послания Паса, в котором он объяснял, что сделал, рассеяло все мои заботы двух предыдущих дней относительно этого сектора. Тут же направил ему ответ:

> «Очень рад узнать, что ты уже прибыл в Пальма Моча. У меня впечатление, что там мы одержим одну из первых побед.
>
> Диспозиции очень хороши и очень четко видны на карте. Единственное, что ты мне не объясняешь, это точный пункт, где располагается Теруэль. Имей в виду, что любая наша сила, предназначенная остановить вражеское подкрепление, должна быть прекрасно расположена на стратегической высоте по отношению к пункту, откуда должно прийти подкрепление, с соответствующим образом подготовленными оборонительными устройствами на скрытом месте, где займут позицию в нужный момент. Что касается конкретно дороги, идущей от Лас-Куэвас, той, что проходит около

моря, или той, что выше, поскольку предполагается, что оттуда должны прийти солдаты, которых надо будет пропустить, чтобы попали в засаду, оборонительные устройства следует делать не на дороге, а в стороне, разумеется, на самом высоком месте.

На дороге, идущей из Лас-Куэвас к дому Эмилио, надо поставить оборонительные устройства, пересекающие путь, чтобы не дать им пройти. В случае боя на пляже самое вероятное, что подкрепление попытается придти по дороге, идущей к домику, где я спал последний раз, когда мы виделись; но даже считая это самым логичным и вероятным, в случае боя ты должен выделить хотя бы аванпост по крайней мере из двух человек по верхней дороге (что выходит близко от места, где ты расположен), чтобы выдвинуться как можно вперёд к Куэвас и обстреливать любое войско, которое попытается продвигаться по ней, и как можно дольше задержать его продвижение.

Также, если в отделении, располагающемся на дороге из Лас-Куэвас к Эмилио, быстрые и хорошие люди, когда они увидят, что идёт бой за пляж Пальма Моча, можно продвинуться вперёд по дороге, приблизиться к постам и обстрелять их, чтобы гарнизон подумал, что подвергается атаке, и заколебался с отправкой подкреплений [...].

Не пренебрегай очень точными инструкциями Теруэлю, чтобы он знал, что надо делать в любом случае при возникающей опасности отрезать ему отход, особенно чтобы был убеждён, что здесь, в Сьерре невозможно кого-то заблокировать и всегда возможно ускользнуть, если хорошо сражаться».

С этими диспозициями и мерами, принятыми Пасом, ловушка, которую мы готовили, была проработана в самых мелких деталях. С этого момента я имел абсолютную

уверенность, что вражеские войска, высадившиеся в Лас-Куэвас, ожидала настоящая катастрофа, как только они решат двинуться вперёд. Это убеждение подкреплялось большим доверием к Пасу, к его разумности и боевому духу. Не ради лести написал ему в послании 16-го числа:

> «Действуешь очень хорошо. Продолжай думать головой и увидишь, как мы для начала устроим им провал. В этой войне, которую мы ведём, мастерство – решающий фактор».

Кратко говоря, план состоял в следующем. Если враг будет двигаться по любой из двух нижних дорог, отделение Теруэля даст ему пройти. Подойдя к реке, он мог бы следовать в двух направлениях: выбирая более верхний путь, наталкивался на жесткую засаду Паса, а если спускался, то, дойдя до устья, попадал в засаду Куэваса, в то время как Пас запирал его с тыла. Задачей Теруэля было воспрепятствовать отходу противника к Лас-Куэвас и задержать вероятные подкрепления, которые могли прислать ему оттуда. Если враг двигается по верхней дороге, в направлении к дому Эмилио Кабреры, сталкивается с отделением Элиаса, а Пас должен был тогда действовать по усмотрению, подкрепляя эту позицию и преграждая отход правительственных солдат.

Между тем на пляже Ла-Платы Педро Мирет держал свою позицию, чтобы помешать любой попытке высадки, а отделение Сиро дель Рио прикрывало дорогу от берега к Ла-Плате с запада на случай попытки проникновения по этому направлению. В Эль-Мачо и Эль-Масио повстанческие силы колонны № 7 под командованием лейтенанта Рауля Подио, отличного офицера, должны были оказать сопротивление в случае высадки и отойти по реке Масио. Таким образом, казались предусмотренными все варианты и защищены все подступы с юга.

6

Враг приходит в Вегас

ИЮНЬ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
1	2	3	4	5	6	7
8	9	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**
15	**16**	**17**	**18**	**19**	**20**	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	–	–	–	–	–

10 июня, в тот же день, когда произошла высадка батальона 18 на южном побережье, я принял ряд решений, чтобы изменить оборонную диспозицию повстанцев в направлении Лас-Вегас-де-Хибакоа, который стал вырисовываться как следующая вражеская цель в северо-западном секторе.

Личный состав под командованием Орасио Родригеса получил приказ сосредоточиться в двух группах: одна из них должна была прикрыть дорогу от Ла-Эррадуры, которая поднималась по реке, – там, где у Куэваса произошла стычка девятого числа, а другая, более крупная, имела задачу воспрепятствовать продвижению правительственных войск по дороге для грузовиков, поднимавшейся от Лас-Мерседес к Лас-Вегас, проходя через Лос-Исленьос и Эль-Манго. В поддержку этой второй группы в ее тылу, в зоне Лос-Исленьос, заняла бы позиции дюжина бойцов, составлявших отделение Орландо Лары, которые 3 июня прибыли в Лас-Вегас с равнины и до этого момента находились в резерве.

Куэвас, со своей стороны, ввиду опасности, возникшей в южном секторе из-за вражеской высадки, получил при-

каз переместиться на следующий день в Момпье, место, где я находился в тот момент. Моим намерением, как мы видели в предыдущей главе, было поручить ему задачу по подкреплению повстанческих линий на побережье, учитывая новую и опасную угрозу, созданную высадкой врага.

Что касается других частей этого сектора, люди Рауля Кастро Меркадера и Анхелито Вердесиа оставались на своих позициях на дороге к Сан-Лоренсо, а Че из Минас-де-Фрио следил за ситуацией в самой западной зоне фронта, которую защищали группы повстанцев колонны № 7 Кресенсио Переса. В последние недели не останавливалась работа по подготовке траншей и других оборонительных сооружений во всем секторе – задача, которая была поручена Уберу Матосу и Артуро Агилере.

Утром 11 июня правительственные войска в Лас-Мерседес попытались улучшить свои позиции, заняв высоту Лас-Каобас, возвышение, которое господствует над проезжей дорогой, идущей от поселка к Лас-Вегас и затем уходящей дальше к изгибу реки. Однако на этот раз Куэвас, который еще держался на этой позиции, так как пока не получил приказ переместиться в Момпье, располагал временем хорошо подготовить свою позицию. В тяжелом бою, который продолжался под проливным дождем с 8 утра до 1 часа дня, враг был отбит и понес значительные потери. В сводке «Повстанческого радио» об этом событии, названном им «бой в Портеро-де-Хибакоа», упоминалось, что наши ограниченные, но закаленные в боевых действиях силы затратили только 350 патронов. Тем не менее, на следующий день я приказал Орасио с частью своего личного состава обыскать место, где протекал бой, чтобы попытаться пополнить растраченный боезапас тем, что растеряли при отходе правительственные солдаты.

Видимо, удар, полученный в этом бою, сковал действия врага, ставшего лагерем в Лас-Мерседес, так как в после-

дующие дни им не было предпринято ни одной новой попытки, даже прощупывания или разведывательного поиска. Однако оперативная ситуация в секторе радикально изменилась с прибытием между 13 и 14 июня сильного вражеского войскового подкрепления в зону Арройона. Первые сообщения об этом я получил 14-го числа, как всегда, через Орасио Родригеса, который поддерживал открытым постоянный эффективный канал обмена информацией со мной посредством письменных сводок, направляя их мне по несколько раз в день с повстанческими посыльными. Как мы узнали позднее, речь шла о новом полном боевом подразделении – батальоне 19 под командованием майора Антонио Суареса Фаулера, состоящем из трех пехотных рот под номерами 91, 92 и 93 и одного минометного отделения, всего около четырехсот человек.

Прибытие этого подразделения в Арройон окончательно подтвердило мне, что следующим шагом врага в этом секторе будет продвижение в направлении Лас-Вегас-де-Хибакоа с намерением занять это стратегическое место.

На карте можно относительно легко увидеть, что единственное резонно выполнимое направление для вражеских войск, расположенных в Арройоне и стремящихся проникнуть вовнутрь повстанческой территории в горах, это направление через Лас-Вегас-де-Хибакоа (см. карту на с. 426). Любое другое направление предполагало попытку преодолеть внушительный массив возвышения Ла-Льороса, который закрывает панораму с юго-восточной стороны, или же обойти эту гору с запада, чтобы войти в Провиденсию, что было бы полностью лишено смысла.

Отсюда понятно, что, получив сообщение Орасио четырнадцатого числа, я пришел к выводу о том, что прибытие вражеских сил в Арройон означало, что наступление в направлении Лас-Вегас вот-вот начнется и произойдет,

вероятно, безотлагательно. В тот момент я не знал, что батальон 19 брал Арройон как выдвинутую вперед базу и что его следующий шаг – задержаться еще на несколько дней в ожидании даты, установленной во вражеском планировании как «день D», то есть как день, когда начнется вторая фаза наступления по трем главным направлениям атаки. Этим днем оказался четверг 19 июня, пять дней спустя.

На основе этой оценки я предупредил этим вечером о надвигающемся бое капитанов, чьей задачаей было препятствовать продвижению врага в этом направлении. Лара в особенности я приказал, чтобы он продвигался вперед со своих позиций в тыл повстанческих линий и переместился на позиции Орасио. В том же самом послании я высказал комплекс рекомендаций тактического характера, принимая во внимание, что весь боевой опыт Лары накапливался на равнинах Кауто, где он родился как партизан, и он мог не усвоить особенности нашей борьбы в горах:

> «Если правительственные войска будут продолжать продвижение вперед, позвольте им хорошенько приблизиться, взорвите сначала мину, чтобы застать врасплох врагов, лишенных прикрытия, а затем открывайте огонь.
>
> Возможно, что сначала авиация облетит дорогу, открывая стрельбу. Укрывайтесь хорошо в траншеях, не показывая признаков жизни, чтобы тоже неожиданно ошеломить вражеские войска. Не открывайте огня, хотя бы они приближались по дороге, стреляя, пока не окажутся на расстоянии верного выстрела. Не переставай использовать свой "Гаранд"».

Также в этом послании я сообщал Ларе мою оценку ситуации, создавшейся в секторе: «Очень возможно, что

завтра двинутся сюда, уже не могут сделать чего-то другого». И завершал единственно возможными словами подбадривания в этих сложных обстоятельствах: «Большой удачи всем!».

Несмотря на это, исходя опять же из принципа предусмотреть все возможные вражеские действия, в тот же день я распорядился направить небольшое отделение из восьми человек на дорогу, которая поднималась по Ла-Льоросе, в пункт, известный в зоне как холм Эль-Эспехо. Это отделение состояло из четырех бойцов взвода Эдди Суньола, располагавшегося у въезда в Провиденсию, двух от Лары и еще двух из отделения новобранцев.

На следующий день, воскресенье 15 июня, – это был День отцов – казалось, подтвердились мои предположения, так как враг двинулся вперед от Арройона по дороге к Лас-Вегас. Люди Орасио обменялись несколькими выстрелами, и правительственные войска снова отошли. Снова действия наших бойцов вызвали мое неудовольствие, из-за чего я разразился резким упреком в адрес Орасио:

> «Хочу, чтобы ты мне объяснил, почему не дали солдатам приблизиться, чем обосновываешь необходимость открывать по ним огонь на расстоянии так, что нельзя было заметить никаких потерь, обнаруживая при этом позицию и подвергая ее риску обстрела без малейшего шанса застать их врасплох в следующий раз. Мне нужно знать, какие у тебя были доводы для этого, так как, насколько я понимаю, тактика не была правильной и не соответствовала инструкциям, которые я послал с Ларой.
>
> Не сказали мне, сколько израсходовали патронов, как будто эти сведения совсем никого не интересуют; также мне не сказали, хотя я об этом ясно спрашивал письменно, обыскали ли поле, где солдаты вели бой с Куэвасом, и нашли или нет патроны. Есть вещи в

ваших действиях, которые нельзя толком объяснить. Никогда не убиваете [...] солдата, не беретесь за винтовку, стреляете, когда не должны стрелять [...], тратите патроны и раскрываете позиции. Так не ведут войну. Для чего вы хотите мины? Сейчас вас снова обстреливают, это последствие вчерашнего; риск, который не оправдывает результатов стычки. Посмотрим, сделаете ли вы что-то хорошее».

Здесь дело было в хитрости, к которой прибегла рота 93 по приказу командира батальона 19 с намерением проверить, встретят ли они сопротивление, когда предпримут реальный маневр. В тот день и на следующий авиация действовала особенно активно, подвергая позиции повстанцев более интенсивным бомбардировкам и пулеметному обстрелу, чем наблюдалось до этого момента на протяжении всей войны. То был сигнал не только о том, что повстанческие позиции оказались локализованными, но и о том, что попытка придвижения к Вегас очень близка.

Ввиду слабых действий Орасио в день вражеской разведывательной вылазки я сразу же принял решение разместить Лару на более выдвинутую вперед позицию; ему повезло, что с ним столкнулись правительственные солдаты, двигавшиеся из Арройона. Выполняя мой приказ, Лара немедленно начал сооружать траншеи на склоне Ла-Льоросы, напротив дороги из Арройона, тем самым фактически разместился впереди и справа от позиций Орасио.

17 июня вражеские войска, стоявшие лагерем в Арройоне, провели новую глубокую разведку и сразу же столкнулись с людьми Лары. Через несколько минут после начала акции прямым попаданием снаряда базуки в траншею, где находился Орландо Лара, тяжело ранило капитана. Сначала подумали, что минометная мина угодила точно в траншею, но если бы это было так, не оста-

лось бы следов Лары и его товарищей. Лару доставили срочно в Вегас, где ему была оказана первая помощь на месте, а затем его отправили в Ла-Абаниту.

После ранения и отправки Лары ответственность за ситуацию перешла к Орасио. В сводке, присланной мне спустя несколько часов, он объяснил, что было затрачено мало патронов – в среднем 8–10 на бойца, что вражеские солдаты потеряли не менее четырех человек и отошли. Кроме того, Орасио добавил:

> «Не смогли позволить им намного приблизиться, они установили пулемет 30-го калибра и два миномета. Надо было стрелять в них с расстояния метров в двести, мины от минометов падали на нашу позицию. С самого начала надо было быстро отойти с этого места, но они полностью локализовали позиции».

Орасио распорядился отходить от линии обороны повстанцев метров на триста, в результате новая позиция оказалась примерно на шестьсот метров за развилкой дороги из Арройона с той, что вела из Лас-Мерседес. Я ответил на его передислокацию, сказав, что на этот раз мне нечего возразить против его действий, учитывая его разъяснения, и снова предупредил:

> «Хорошенько фортифицируй линию, которая у тебя сейчас. Солдаты подумают, что ты именно там, где был вчера. Постарайся не обнаруживать позицию, пока это не станет необходимым.
>
> [...]
>
> Из всего, что больше меня удовлетворяет, это то, что контролируешь со всей старательностью расход патронов. Уверен, что, если чаще сражаться с умом, они никогда не смогут взять Лас-Вегас. Нам нужно оказывать сопротивление необходимое время, чтобы

получать подкрепление оружием и суметь захватить солдат значительно измотанными».

Че, однако, счел, что в отходе Орасио не было необходимости. Ранение Лары лишало нас его присутствия в этом чувствительном секторе в решающий момент, который приближался, из-за чего ситуация не переставала нас тревожить.

На следующий день все мы ожидали начала настоящей попытки вражеского проникновения в направлении Лас-Вегаса, однако день был относительно спокойным. В Арройоне расквартированные войска продолжали получать подкрепления, в том числе отделение танкеток, грузовики и бульдозеры. Было очевидно, что враг располагал довольно точной информацией о подготовительных действиях повстанцев вдоль дороги Лас-Вегас, включая вырытые рвы, препятствующие проходу моторизированных колонн.

Вражеское высшее командование первоначально назначило на 18 июня начало на всех фронтах второй фазы наступления. Но прибытие батальона 11 подполковника Санчеса Москеры на выдвинутый вперед пункт в Эль-Какао затянулось дольше, чем предполагалось, и, как увидим в следующей главе, только к этому дню он смог добраться до того места, откуда мог затем броситься на штурм Санто-Доминго, без сомнения, сердцевины повстанческой территории на северном склоне Маэстры.

18-го числа, таким образом, вся диспозиция была окончательно готова. Помимо выгодной, с точки зрения врага, позиции сил, прибывших в тот день в Эль-Какао со стороны южного сектора, батальон, высадившийся днями раньше, получил приказ начать продвижение в тот же день к внутреннему району гор до размещения на выдвинутом вперед пункте, с которого мог бы также броситься на штурм повстанческого редута. В северо-западном секторе два полных и усиленных батальона – 17-й в Лас-

Мерседес и 19-й – в Арройоне также были в состоянии попытаться осуществить атаку.

В свете того, что произошло в последующие дни в этом секторе, стоит задержаться, чтобы резюмировать оперативную ситуацию. Первое, что надо иметь в виду, это то, что в тот решающий момент вражеского наступления с серьезными угрозами по крайней мере по трем различным направлениям и опасностью в других секторах обширного фронта, которые надо было защищать любой ценой, в нашем распоряжении для этого на центральном и северо-западном направлениях было немногим более двухсот человек, должным образом вооруженных.

В течение всех этих дней, предшествовавших началу второй фазы вражеского наступления, я постоянно направлял горстки бойцов, которыми мы располагали, на различные позиции, в большей степени нуждавшиеся в этом, исходя из срочности и серьезности конкретной угрозы, возникавшей в каждом отдельном случае.

Что касается особенно сектора Вегас, после вражеской высадки на юге у меня не осталось больше ничего другого, как отправить в эту зону боевое отделение Андреаса Куэваса, поскольку, несомненно, возможность вражеского проникновения на нашу территорию с этого направления означала гораздо более непосредственную и серьезную опасность. Скудные силы, защищавшие на северо-восточном фланге подступ к укрепленному району Маэстры в зоне Ла-Платы, не располагали личным составом для подкреплений, наоборот, сами срочно требовали укрепления обороны. Силы Камило, все еще находившиеся в пути с равнин Кауто, были предназначены для этой зоны именно из-за ее исключительного значения, ее требовалось удержать любой ценой.

С другой стороны, несмотря на мое все более ясное представление о том, что в северо-западном секторе враг сосредоточил свой главный удар в направлении Вегас-де-

Хибакоа, никоим образом нельзя было игнорировать присутствие батальона 17 в Лас-Мерседес с весьма конкретной возможностью предпринять попытку одновременного штурма в направлении Сан-Лоренсо. Поэтому нельзя было и думать ослабить наши оборонные линии в этом направлении. Напомним, что дорога из Сан-Лоренсо защищалась начиная от холма Эль-Гуригу́ отделениями Рауля Кастро Меркадера и Анхелито Вердесиа. Другие маленькие группы были размещены в зоне Габиро и на дороге из Пургаторио. Несколько десятков людей должны были держать эти позиции в случае вражеской атаки в направлении Сан-Лоренсо или даже Минас-де-Фрио. Было бы неразумно перемещение личного состава из этой зоны для подкрепления линий обороны Орасио в направлении Вегас, как бы это ни требовалось, что и было на самом деле, для дополнительного усиления.

Что касается групп бойцов колонны Кресенсио Переса, колонны № 7, которые были распределены на довольно большом количестве позиций вдоль самого западного участка фронта, следовало принимать во внимание различные факторы: Кресенсио был крестьянским бойцом, часть его колонны состояла из соседей по зоне, очень хорошо ее знавших, среди них немногие с боевым оружием, которых я всегда отношу к лучшим нашим бойцам, кто участвовал в борьбе с наступлением, некоторые очень хорошие бойцы, как его сын Игнасио, погибший позднее, почти в конце войны, в Хитуани́.

На западном фронте, с другой стороны, располагались важные вражеские формирования – батальоны 12, 13 и 16, которые вполне могли участвовать в предстоявшей многообразной операции и попытаться достичь района Маэстры через зону Ла-Абаниты; и, наконец, не было возможности ослабить свои позиции, чтобы подкрепить Ора-

сио, который должен был бы защищать подступ к Вегас с людьми, имевшимися у него на тот момент.

Ключ к решению состоял в том, чтобы сопротивление оказывалось с упорством и умом, на местности, в определенной степени благоприятствующей врагу, позволяя ему продвигаться развернутым порядком и использовать механизированные средства, включая полевую артиллерию, по крайней мере в первые моменты продвижения вперед.

Основные пункты, подлежавшие защите, находились немного ближе к восточной части, куда направлялся, по моему мнению, главный удар врага, и, если быть точным, с сосредоточением там его важнейших сил.

Утром в четверг 19 июня, координируя свои действия с продвижением вперед батальона 11 Санчеса Москеры к Санто-Доминго в северо-восточном секторе и проникновением батальона 18 Кеведо в направлении к Ла-Карибад в южном секторе, батальоны 17 и 19 предприняли наступление в направлении к Вегас-де-Хибакоа, на левом фланге нашей линии обороны, – каждый со своих баз в Лас-Мерседес и Арройоне. Всего участвовало в операции, нацеленной на Вегас, более пятисот вражеских солдат, поддерживаемых несколькими танкетками Т-37, авиацией и двумя батареями минометов.

Правительственные войска с относительной легкостью достигли пункта, где сходятся две дороги, и там, объединив свои силы, начали продвигаться вперед общим фронтом шириной где-то в пятьсот метров дорогой к Вегас. Минометный обстрел повстанческих позиций велся непрерывно.

После обстрела, длившегося несколько минут, люди Орасио получили приказ на отход и сразу отошли к тому, что должно было бы быть второй линией обороны за Лос-Исленьос и на подступах к холму Эль-Манго. В этом месте условия, чтобы выдержать нападение врага, были гораздо более благоприятными, поскольку местность сужалась между крутым склоном холма Ла-Льоросы и ложбиной реки Хибакоа слева от повстанческих позиций. Правительственные войска оказались вынужденными сомкнуть фронт движения вперед, вписываясь практически в несколько метров пространства по обеим сторонам дороги, что облегчало сопротивление повстанцев. Нет сомнения, что в этом месте была возможность удержать линию обороны по крайней мере в течение нескольких часов и нанести потери врагу. При соответствующей подготовке местности и закладке мин на дороге, чтобы сдержать правительственные танкетки Т-37, наши бойцы могли бы изменить в известной мере ход событий в тот день, если бы должным образом мобилизовались для настоящего сопротивления. Однако эта вторая позиция удерживалась повстанцами очень короткое время. Отход по приказу Орасио протекал фактически без нарушения непрерывности и произошел далее холма Эль-Манго. Уже в сводке, полученной мной с линии боя немного позднее полудня, Орасио меня информировал о случившемся и о своем отходе.

Послание, отправленное мне Че в 2 часа 10 минут дня, подтвердило, что при своем отходе Орасио оставил свободной всю зону Эль-Манго и расположился с другой стороны реки, на подъеме холма Эль-Десайуно. Это означало, что враг переместился без каких-либо помех как раз в зону, где сопротивление могло бы быть более эффективным.

В этом же послании пополудни в четверг 19-го числа Че информировал меня о некоторых боевых построениях в секторе, принятых, среди прочего, ввиду отведения ли-

нии обороны повстанцев до холма Эль-Десайуно, занятия укрепленных позиций вокруг Вегас некоторыми бойцами школы новобранцев в Минас-де-Фрио. Вечером он сообщил мне, что спустился к дому Хосе Исаака, сотрудничавшего с повстанцами крестьянина, из Пуарторио, на полпути между Вегас и Минас-де-Фрио, и спросил меня, что нужно делать в случае, если Вегас попадет на следующий день в руки врага, что, по его мнению, было вероятным. Че задумал план, несколько рискованный в сложившихся обстоятельствах, – вести стрельбу по правительственным солдатам с тыла, что должны были сделать повстанцы, которые прикрывали направление на Сан-Лоренсо, и бойцы, которыми располагал Кресенсио в Ла-Абаните.

Узнав о произошедшем в течение дня, я также пришел к выводу, что падение Вегас было неизбежным. При других обстоятельствах все решения, которые следовало принять, состояли бы в подкреплении той же ночью новых повстанческих позиций на холме Эль-Десайуно и быстрой подготовке достаточно прочной линии обороны, чтобы сдержать на следующий день продолжающееся вражеское продвижение вперед в направлении Вегас.

Это был не первый и не последний случай во время войны, когда трудные ситуации переворачивались за одну ночь. Но, учитывая то, что происходило в тот день на двух других фронтах боев, было совершенно невозможно перебросить людей с других секторов, чтобы подкрепить повстанческую линию на подступах к Вегас.

Поэтому наш ответ на ситуацию, сложившуюся ночью 19-го числа в этом секторе, должен был исходить из предпосылки, что на следующий день враг займет Вегас-де-Хибакоа. Принимая этот факт, первое, что нельзя было обеспечить, это чтобы правительственные войска не смогли сделать дальше ни одного шага. Вегас-де-Хибакоа, в итоге, подходил для того, чтобы добиться там сдерживания врага. То место было одной из горных долин вдоль

реки, в данном случае Хибакоа, со всех сторон окруженной возвышенностями и твердыми массивами, которые, если их займут наши силы, могли превратиться в настоящую мышеловку для правительственных солдат. Так что первая мера, признал Че, была полностью правильной.

В конечном счете случившееся в тот день в Санто-Доминго на дороге в Вегас, а также то, что, кажется, происходило на юге, входило в наши расчеты как один из вариантов, а именно: проникновение врага в сердцевину повстанческой территории и последующее сосредоточение наших сил в оборонительных, все более сужающихся кольцах с намерением оберегать до конца зону Ла-Платы и ее главные объекты: радиостанцию, госпиталь и учреждения материально-технического снабжения, созданные в этом месте. И если все же мы оказались бы не в состоянии оборонять это, то нужно было рассеять наши силы по маленьким группам так, чтобы опять начать мобильную войну первого периода.

В соответствии с этой стратегической линией я решил той ночью ориентировать Че на перемещение личного состава колонны Кресенсио, включая группы, располагавшиеся в Эль-Мачо и Эль-Масио, к западу центрального сектора вражеского наступления с юга, имея целью перегруппировать эти силы для создания более связанных оборонительных линий.

Что касается особенной ситуации с Вегас, то в случае, если на следующий день его занял бы враг, весь личный состав, который оборонял подступы к нему, следовало распределить по всем пунктам, которые позволили бы сдержать дальнейшее продвижение вражеских войск в направлении укрепленного района Маэстры на высоте Момпье, особенно зоны, известной как Минас-де-Инфьерно, естественного пути на подступе к Момпье со стороны Вегас.

В послании, направленном с этими инструкциями, я еще раз настоятельно излагал Че концепцию плана:

«Пока остается надежда удержать позиции Ла-Платы, мы не должны менять стратегию. Существенная проблема в том, что мы не имеем достаточно людей, чтобы оборонять такую широкую зону. Должны попробовать вести оборону, пересосредоточиваясь, прежде чем снова предпринять нестандартное действие».

На рассвете 20 июня правительственные войска действительно возобновили движение в направлении Вегас.

После слабого и короткого сопротивления повстанческие бойцы начали отходить с холма Эль-Десайуно. К полудню они в своем отходе уже оставили позади последние дома Вегас и задержались на подъеме к Минас-де-Инфьерно. Тем самым оставили свободной дорогу врагу, чей авангард вошел в Вегас в первые часы пополудни почти без единого выстрела. То послание, которое я получил от Че, было более чем красноречивым:

«Сегодня, как нередко случалось на протяжении революции, получил такой обескураживающий удар, как этот.

После попыток прикрыть Орасио на левом фланге с двумя винтовками и четырьмя гранатами лично участвовал (с Мигелем), чтобы прикрыть весь холм, находившийся слева от Орасио. Успокоившись, потому что не произвели ни одного выстрела во второй половине дня, и строя планы, как использовать оставшиеся зарытыми бомбы, когда мне удастся скомпоновать линию обороны и отправиться в Вегас, я получаю записку Сори, сообщающую, что уже нет живого существа в этом месте и что Орасио отходит к Антонио, испанцу [Антонио Моркато, сосед по Минас-де-Инфьерно], со своими людьми».

Че продолжает свое послание с оттенком иронии, столь характерной для него:

«Должен сказать тебе, что в эти два дня не стреляли. Твой приказ беречь патроны выполнялся полностью».

Информация, которую я получал из Вегас, вполне подтверждала эту оценку Че. До получения его послания в Ла-Плате, где я находился в эти два дня, я был в курсе сообщений о том, что происходило одновременно в трех секторах битвы, и направил сообщение Селии, которая находилась в Момпье, действуя как связник. Написав, что новости из Вегас горькие и разочаровывающие, указал на следующее:

«Сообщи Че, что мой приказ: расследовать произошедшее, разоружить любых, кто совершил акт трусости, и отправить парней из школы забрать эти винтовки.

Направить ко мне под арестом ответственного за потерю детонатора, кабеля, бомбы и любые другие подобные безобразия и сообщить Орасио приказ оказывать сопротивление метр за метром на местности, что останется от Вегас, с людьми, которые у него будут».

В тот момент я не знал, что уже не было возможности оказывать какое-то сопротивление, потому что Вегас был, видимо, отдан врагу, хотя я был уже убежден в том, что правительственные войска добьются своей цели. Поэтому попросил Селию в том же послании, чтобы она приказала Агилерчику начать фортифицировать хорошими траншеями Минас-де-Инфьерно и дорогу, которая поднималась через этот населенный пункт к укрепленному району Маэстры и была, как я уже сказал, самым вероятным путем врага в случае, если он решит продолжить свое продвижение.

В том же горьком послании, которое Че направил мне пополудни в тот день, удостоверившись в вероятном оставлении нашими силами Вегас-де-Хибакоа, он просил точных инструкций о том, что делать в случаях, касающихся школы в Минас-де-Фрио, позиций Рауля Кастро Меркадера и Анхелито Вердесиа на дороге из Сан-Лоренсо, позиций людей Альфонсо Сайаса в зоне Эль-Хи́баро и людей Кресенсио Переса. И добавлял с правильной оценкой ситуации в целом в секторе:

> «Надо сейчас определить количество дорог, подлежащих обороне. У меня нет оружия, чтоб делать это, если кто-то из этих людей мне не поможет, снова вытащу из скрытых мест ружья и посмотрим [...]. Я останусь в доме Хосе Исаака до получения ответа и ясных приказов, а если в 5 часов утра [21-го числа] их не получу, сделаю, что будет целесообразно по обстоятельствам».

После получения послания Че я попросил сначала по телефону Селию, чтобы в ответ на его просьбу об инструкциях она сообщила ему следующие решения. Первое: перевести людей Рауля Кастро Меркадера и Анхелито Вердесиа к Минас-де-Инфьерно и подъему Момпье, чтобы они взяли на себя оборону этого подступа. Второе: подчинить им людей Орасио и тех, что были у Лары. Третье: прикрыть личным составом колонны № 7 позиции, которые занимали эти два капитана на дороге из Сан-Лоренсо. Четвертое: информировать его, что я спущусь к новой оборонительной линии, чтобы распределить оружие людей Орасио и Лары среди подкрепления из десяти хороших новобранцев школы, которых Че должен был направить на это место, и еще пяти человек из взвода Хайме Веги, которых приведу с собой туда. Вега несколько дней назад присоединился к нам с группой бойцов из провинции Камагуэй.

В итоге, как я уже объяснял раньше, моим намерением всегда было, чтобы Че взял на себя, если обстоятельства того потребуют, оборону самого западного сектора нашего фронта. Это я четко довел до его сведения той же ночью во втором послании, в котором указывал, чтобы он занялся обороной Маэстры от Пургаторио до Момпье, включая Минас-де-Фрио. Должен сказать, что в течение всех недель подготовки обороны нашей территории, в предвидении вражеского наступления и во время его развития до настоящего момента, Че действовал фактически как второй командующий фронтом. В архивах сохранились десятки посланий, которыми мы обменивались. В них, со своей стороны, я не только давал инструкции о том, что делать в секторе, за который он отвечал, но также держал его в курсе событий в других секторах, он же, со своей стороны, информировал меня о мерах, которые принимаются во исполнение моих инструкций, а кроме того, вносил предложения и сообщал известия о том, что происходит.

Принятое решение относительно перемещения к Минас-дель-Инфьерно и Момпье групп Рауля Кастро Меркадера и Анхелито Вердесиа пришлось пересмотреть почти немедленно из-за развития событий начиная с 21 июня.

В тот день Орасио попросил прислать Луиса Креспо, чтобы тот помог ему в командовании его личным составом, так как испытывал недомогание с ногой и не мог передвигаться. В послании Селии он попытался объяснить случившееся, аргументируя тем, что его действия были вызваны не трусостью, не отсутствием решительности, и доводил до сведения, что отдавал своим людям приказ не отходить, пока в каждой засаде враг не потеряет двух или трех человек. Это последнее служило показателем того, что на тот момент Орасио еще не понял смысла наших действий перед лицом наступления, предпри-

нятого правительственными войсками, который состоял ни в чем ином, как не оказывать сопротивление любой ценой.

Поэтому на следующий день я сообщил Орасио о его замене Креспо в командовании личным составом в Минас-де-Инфьерно. До этого момента капитан Луис Креспо руководил предприятием по изготовлению мин, которое мы ввели в строй в Эль-Наранхо, недалеко от Санто-Доминго. Это заведение пришлось демонтировать и эвакуировать ввиду занятия места батальоном Санчеса Москеры.

Стоит пояснить, что Орасио Родригес продемонстрировал потом свои способности бойца и партизанского командира. Именно его порыв стал причиной его гибели в Мансанимо на следующий день после победы революции, когда он намеревался захватить несколько их ищеек – агентов тирании, которым до того момента удавалось избежать ареста. Но его действия в Вегас-де-Хибакоа действительно были злосчастными.

В тот же день, 22 июня, вышли из Вегас-де-Хибакоа, возвращаясь в Лас-Мерседес, силы батальона 17, участвовавшие в захвате этой позиции, целиком укрывшейся в горах на нашей территории. Остались там три роты батальона 19, которые устроились лагерем в нижней части долины и на меньших и более близких к реке возвышенностях.

Относительно легкое занятие Вегас-де-Хибакоа стало значительной неудачей в наших планах сдержать и отбить вражеское наступление. В первую очередь речь шла о месте, которое было для нас важной оперативной базой. Там несколько раз я размещал ставку командования. Из этого места действовала Селия в течение многих недель своей активной и жизненно важной работы по общему обеспечению партизанских усилий. К тому же мы располагали единодушным сотрудничеством всех проживавших там крестьян. Так, мы провели в первый день до начала на-

ступления в зоне Лас-Мерседес первую крестьянскую ассамблею в Сьерра-Маэстре. Вегас-де-Хибакоа был в известном смысле символическим местом нашей борьбы.

Кроме того, нельзя было игнорировать стратегическое значение этой позиции из-за ее расположения у подножия Маэстры, в самом центре северо-западного сектора оперативной зоны колонны № 7. Возможность доступа в Вегас механизированных средств по автомобильной дороге из Лас-Мерседес позволяла врагу легко оказывать материально-техническую поддержку размещенным там войскам, которые, в свою очередь, оказывались теоретически в состоянии предпринимать дальнейшие наступательные действия в различных направлениях вдоль дорог, которые поднимались из долины к различным пунктам укрепленного района, в том числе к таким жизненно важным местам, как Минас-де-Фрио и Момпье.

Но, пожалуй, наибольшее значение Вегас-де-Хибакоа заключалось в моральном воздействии на командование и вражеские войска. Слабое сопротивление, встреченное в столь стратегическом месте, и быстрое достижение преследуемой цели послужили, наряду с благоприятным исходом операции по занятию Санто-Доминго, утешением для врага, потерпевшего в тот же день, 20-го числа, неудачу с действиями батальона 18 в южном секторе, и способствовали созданию иллюзии, что битву против Повстанческой армии можно выиграть с относительной легкостью. Правда, как показали последующие события, этот фактор порождал также обманчивое впечатление уверенности в своих силах, которое могло привести врага к ошибкам в оценке или действиях с потенциально опасными последствиями для его намерений; не менее верно и то, что успехи в Санто-Доминго и Вегас-де-Хибакоа на какое-то время подняли моральный дух врага, что могло проявиться в большей инициативе и более агрессивном поведении с его стороны.

Все эти элементы следовало учитывать в нашей оценке общей оперативной ситуации после 20 июня и мер, которые мы должны были принимать. С врагом в Санто-Доминго, у подножия горного массива Маэстры в Ла-Плате и поднимающимся по реке Ла-Плата в направление к этому месту, присутствие правительственных войск в Вегас отходило в действительности на второй план по приоритету. Тактика, которой полагалось следовать в этом случае, была ясна: стремиться к тому, чтобы они не сделали больше ни одного шага, то есть сдержать их, добиваясь этого строго необходимыми силами. Так и произошло, когда наступил момент действовать против вражеских сил подобным образом.

7

Вступление в Санто-Доминго

ИЮНЬ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	**16**	**17**	**18**	**19**	**20**	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	–	–	–	–	–

15 июня вражеские силы, которые двумя днями раньше достигли Эль-Дескансо, двинулись от этого пункта до устья Лос-Лириос и вступили в визуальный контакт с Лало Сардиньясом, который информировал меня, что речь шла о правительственных войсках в составе четырехсот человек. Похоже, эта цифра была явно завышенной, но надо учесть, какое впечатление должно было произвести на партизанского командира увиденное, когда в нескольких сотнях метрах от его позиций проходил строем почти полный батальон самых опытных сил самого агрессивного и кровожадного командира армии Батисты.

К этому времени основная часть войск Санчеса Москеры перегруппировалась. 16-го числа батальон 11, уже полностью подкрепленный, продолжил свой марш параллельно укрепленному району Маэстры и стал лагерем в Эль-Верано. Тем самым подтвердилась моя тактическая оценка: враг изменил направление своего удара в этом секторе. В тот момент непосредственным объектом, который следовало защищать, был Санто-Доминго. Я приказал Пако Кабрере Пупо, чтобы он разместился со своим

отделением на высоте Эль-Какао с целью прикрыть этот подход, а Лало – отойти на дорогу между Ранчо Кларо и Лома Асуль, откуда он мог действовать в различных направлениях в зависимости от обстоятельств.

В тот же день Рамиро проинформировал меня в двух отдельных посланиях, что враг, оказывавший давление на его силы, изменил направление движения после достижения высоты Кинтеро, и это, казалось, было отходом с уже завоеванной территории, а основные силы батальона 11 завершили свое движение до Ла-Эстрельи. Полностью подтвердилась моя оценка, хотя уверенности в этом у меня не было до 20-го числа, когда я узнал, что войска, занявшие Санто-Доминго, – те же, которые продвигались от Минас-де-Буэйсито.

К сожалению, мы не смогли найти приказов об операциях, направленных батальону 11 командным постом в Байамо, как и донесений об операциях Санчеса Москеры. Поэтому невозможно узнать однозначную версию относительно изменения направления, произведенного в его продвижении кровожадным вражеским командиром. Мы не можем узнать, шла ли речь о заранее продуманном маневре, о варианте, обусловленном обстоятельствами, или же об изменении плана марша.

Правда в том, что маневр не соответствовал намеченной в первоначальном плане операции (см. карту на с. 416). Как уже объяснялось, план F–F предусматривал становление линии с севера на юг, которая отрежет укрепленный район Маэстры по ближайшим окрестностям возвышения Пальма Моча. С точки зрения стратегов тирании, этот аспект плана был выполнен к 10 июня. Батальон 11 добился определенного проникновения на повстанческую территорию со своего отправного пункта в Минас-де-Буэйсито, в то время как батальон 18 уже создал свой плацдарм на юге, в Куэвас (см. карту на с. 428). Поэтому гипотеза о том, что перемена направления движения ба-

тальона 11 была предварительно задуманным маневром, кажется не очень обоснованной.

Речь должна была идти, стало быть, об одном из вариантов продвижения вперед: либо о результате нового планирования или же действии, вынужденном обстоятельствами. В пользу первого предположения говорит тот факт, что командный пост нуждался в сосредоточенности в Эстрада Пальме конечных пунктов линий обеспечения батальонов, действующих в операциях на северо-восточном и северо-западном фронтах, а оттуда было бы очень легко поддержать батальон 11, если тот будет продолжать действовать к востоку от Лос-Лириос, без промежуточной, выдвинутой вперед базы. Идеальной промежуточной базой, разумеется, был Санто-Доминго. Это соображение, вероятно, побудило изменить первоначальный план с тем, чтобы добиться занятия Санто-Доминго, а затем подняться по реке Яра до Ла-Херинги или к какому-нибудь предыдущему пункту, от которого можно было бы попытаться предпринять штурм укрепленного района Маэстры.

Однако не кажется возможным, чтобы такого командира, как Санчес Москера, находившегося, по-видимому, так близко от своей первостепенной цели – овладеть укрепленным районом Маэстры, – убедили изменить направление атаки только по этому соображению. Должны были влиять другие факторы. При рассмотрении доводов единственное, что уместно заключить: тактика изматывания вражеских сил, примененная повстанцами, дала результаты, которые от нее ожидали повстанцы. Продвижение вперед от Минас-де-Буэйсито оказалось слишком трудным и обошлось слишком дорого для врага. Упорство и мобильность повстанцев в обороне подорвали боевой настрой батальона, ослабили напор его наступления и истощили его силы. В таких обстоятельствах положение батальона 11 могло бы ему подсказать мысль по-

пытаться пойти обходным путем, который приведет его подразделение в зону, откуда он сможет броситься на прямой штурм, если условия окажутся благоприятными.

В контексте обычного поведения военного командования тирании было бы ничуть не странно, если бы решение о перемене направления своего продвижения вперед было принято односторонне командиром батальона, а командный пост в Байамо принял его как свершившийся факт и, как следствие, изменил план операций батальона 18, с тем чтобы желанная встреча двух подразделений в укрепленном районе Маэстры – первый решающий шаг к выполнению плана F–F – произошла ближе к западу, как первоначально планировалось, то есть на уровне истоков реки Ла-Плата, на месте пункта на Маэстре, расположенного к востоку от массива Пальма Моча (см. карту на с. 428).

Разумеется, все сказанное – чисто умозрительные рассуждения. А реальный факт – это то, что между 12 и 13 июня Санчес Москера начал изменять направление своего движения – нельзя говорить, собственно, об отводе войск и тем более об отступлении, – а уже 16-го числа повстанческое командование полностью поняло, чем было чревато это изменение. Помимо ранее упомянутых мер я начал готовить в Ла-Плате отделение из семи бойцов под командованием Убера Матоса, вооруженных винтовками «Гаранд», к которым думал добавить присланных мне двоих из школы новобранцев, о чем я попросил Че.

Убер Матос, несомненно, был капитаном, отличившимся в сооружении траншей. Он прибыл в Сьерру, прилетев на самолете, на котором привез Мирета и других ценных товарищей с двумя пулеметами 50-мм калибра, несколькими карабинами «Сан-Кристобаль» и 100 тысячами патронов к карабину М-1, которые прислал один друг кубинской революции. Он находился в Сьерра-Маэстре всего несколько месяцев. Впоследствии оказался амбициозным человеком и предателем, который пользо-

вался своим положением, чтобы сеять интриги. Но из-за этого мы не отказываемся признать его участие в действиях там, где он находился.

Эта группа отбыла из Ла-Платы в подкрепление Пако Кабрере Пупо на высоте Эль-Какао на рассвете 17-го числа. Уже тогда я был убежден, что именно там враг попытается проникнуть.

В тот же день в Эль-Какао прибыл батальон 11. С предыдущего дня Пако Кабрера Пупо занял позицию, указанную мной на высоте. Там его люди выкопали несколько траншей вдоль кромки массива на совершенно открытой местности. Поблизости от них, в сотнях метрах слева, находились дома крестьян Хильде Альвареса и Элпидно Седеньо, от которых зависело во время пребывания там получение скудного снабжения.

Распластавшись в своих не очень глубоких траншеях, бойцы могли видеть сквозь травяные заросли лишь некоторые из домов Эль-Какао внизу. Спускавшийся перед ними склон был покрыт густым лесом, через который змеилась, подымаясь в гору, дорога, и её вероятно, заняли бы враги, если захотели бы овладеть высотой. Впереди, более километра по прямой линии, было продолжение массива Провиденсии, закрывавшего с востока всю панораму. За этим массивом справа проглядывалась другая высота, которую в зоне называли Инфьерно*.

Слева находился острый гребень высоты Эль-Какао, который соперничает с массивом холма Эль-Брасон, который по высоте не превосходит Эль-Какао, тогда как справа начинает непрерывно подниматься подножие внушительного холма Гальон. Сзади и внизу, совсем внизу, – Санто-Доминго и река Яра. За ней – кучка людей, которых вел под своим командованием Пако Кабрера Пупо, располагавшиеся на обрывистом и узком склоне, нисхо-

---

* По-испански – «ад». – *Прим. переводчика.*

дящем на двести метров вниз в глубокую расщелину, по которой скользит через лес навстречу реке Яра спокойный ручей Санто-Доминго. Некоторые крестьяне возвели свои жилища около ручья, в глубине расщелины, который, пойди знай почему, назвали Ла-Мантека*.

17-го числа, незадолго до восхода солнца, появился враг. Пока что он был очень далеко. Поднялся из Эль-Веррако на массив Инфьерно и начал спускаться к Эль-Какао. Приблизительно в тот самый час я подготовил в Ла-Плате подкрепление и отправил его в Санто-Доминго. Перед полуднем пришло послание от Пако Кабреры Пупо, в котором он информировал меня, что враг спускается в Эль-Какао.

Ближайшее движение этих войск было полностью ясным для меня. Их задача состояла в занятии Санто-Доминго. Защита этого пункта стала главным приоритетом. Занятие Санто-Доминго несло двойную опасность. Во-первых, присутствие вражеских войск у подножия повстанческой сердцевины в Ла-Плате. Во-вторых, ослабление передовых повстанческих позиций в Провиденсии и Каса-де-Пьедра, что позволило бы врагу продвинуться вверх по реке и оказаться в их тылу. Не зря второе больше всего меня беспокоило в тот момент, хотя тактическая опасность возникла немедленно. Но я прекрасно знал, что в момент истины горстка людей сможет защитить до конца подъем в укрепленный район Маэстры через Эль-Наранхо.

Чтобы предотвратить новую угрозу, я срочно попросил Че направить мне из Минас-де-Фрио отделение из шести человек, вооруженных М-1**, под командованием Хеонеля Родригеса, которых я думал также направить как подкрепление на высоту Эль-Какао. Это был резервный

---

* По-испански – «сало», «масло». – *Прим. переводчика.*

** Карабин производства США с магазином на 15–30 патронов. – *Прим. переводчика.*

личный состав, которым располагал Че, чтобы защищаться от какой-либо попытки проникновения врага в Минас-де-Фрио из Сан-Лоренсо, но еще раз в наших тактических оценках возобладала первостепенность значения непосредственной угрозы.

Санчес Москера стал лагерем в Эль-Какао в полдень 17-го числа и отправил к Эстрада Пальме караван мулов в поисках припасов.

В этот день до меня дошли в Ла-Плату разные слухи и сообщения в том смысле, что враг уже совершил поворот к Санто-Доминго. Если это так, то развитие событий ускорилось по сравнению с моими расчетами. Пока я ожидал подтверждения этих сообщений от Пако Кабреры Пупо, которого назначил командиром, ответственным за зону, принял все же упреждающие предохранительные меры. Приказал Феликсу Дуке, чтобы он, если информация окажется правильной, двинулся по Яре, вверх по реке, и расположился как можно ближе к врагу с целью открыть огонь и сдержать врага, если он попытается обследовать нижнее течение, а Эдди Суньолу – чтобы он отошел вверх по реке и организовал защиту выхода к реке из Провиденсии.

Эти диспозиции преследовали двойную цель. Непосредственная была очевидной, но большее значение имела та, что была меньшей важности. Даже если бы сообщение оказалось ложным, я был убежден, что будет очень трудно воспрепятствовать вступлению врага в Санто-Доминго. И, как всегда, попытался и продолжаю пытаться опережать события по крайней мере на два или три шага, уже вынашивая в голове мысль о том, чтобы устроить окружение войск, которым удалось бы проникнуть в Санто-Доминго.

Между тем, подкрепление прибыло на высоту Эль-Какао. После оценки ситуации на местности Пако Кабрера Пупо и Убер Матос пришли к выводу, что позиции на

высоте были не подходящими. Сочли, прежде всего, что вражеские войска, которые поднялись бы по склону Эль-Какао, имели возможность развернуться и защищаться в лесу, почувствовав обстрел с высоты, и с относительной легкостью окружить повстанческие позиции. Последние же оказались открытыми, плохо замаскированными среди зарослей гиней (разновидность банана) и подверглись бы беспрепятственной атаке с воздуха. К тому же отход должен был бы осуществляться по обрывистому склону Ла-Мантеги, очень голому и требующему больших усилий при спуске, тем более если бы враг уже захватил высоту.

Эти соображения, по моему мнению, могли иметь известные основания, но исходили из предпосылки, что будет покинута позиция на высоте, и, как принцип, партизанским формированиям всегда было предпочтительнее хорошо окопаться, когда речь шла о том, чтобы сдержать пехотные войска, совершающие подъем. Тем не менее Пако решил переместить свою засаду еще дальше – назад в пункт, где дорога, которая спускается в высоты Эль-Какао к Санто-Доминго, первый раз пересекает ручей. Избранное после быстрой разведки место располагало блестящими преимуществами, но также и неудобствами. Повстанческие подразделения могли скрыться в лесу и занять позиции не только на ручье, но также с двух сторон, на покатых склонах в глубине расщелины. С другой стороны, все заставляло предполагать, что враг, который уже пятый день не встречал сопротивления, будет двигаться вперед маршевым строем, рядами по всей дороге, без особых мер предосторожности. Густота леса, неровность местности делали затруднительным любой маневр, который попытались бы предпринять правительственные солдаты, попав в засаду. В итоге речь шла о месте, подходящем для кратковременного сопротивления и нанесения врагу каких-то потерь. Но позиция не казалась защищаемой на сколько-нибудь долгое время, особенно таким ма-

лым числом людей. План Пако состоял в повторении маленьких засад одного типа на протяжении всего спуска к реке, но заранее зная, что будет маловероятно воспрепятствовать проходу врага до Санто-Доминго.

Вечером 17-го числа я получил донесение Пако о принятых диспозициях и, тем самым, подтверждение, что враг не двинулся из Эль-Какао. Вследствие этого я пересмотрел приказы, направленные Дуке и Суньолу, о том, чтобы они ждали прибытия правительственных солдат в Санто-Доминго, прежде чем совершать движения, которые приказал ранее. Тактическая гибкость, которая характеризовала наши действия, позволяла нам выработать новый план в соответствии с меняющейся ситуацией. На рассвете 18-го числа я сообщил Че свою оценку, что враг сумеет проникнуть в Санто-Доминго:

> «[...] в таком случае мы попытались бы закупорить его в доме Лукаса [Кастильо] и, используя преимущества местности, не позволить им ни подняться вверх, ни спуститься вниз по реке, ни войти сюда [к высоте Эль-Наранхо и Ла-Плате], в то время как Суньол продолжал бы препятствовать продвижению из Провиденсии».

Для этого я располагал возможностью закрыть путь вниз по реке с помощью Дуке, а вверх – с помощью Лало Сардиньяса, имея в виду приказать ему, чтобы в этом случае он двинулся к Пуэбло Нуэво, и закупорить подъем через Эль-Наранхо собственными силами Пако Кабреры Пупо, подкрепленными отделениями Убера Матоса и Хеонеля Родригеса. Как увидим в дальнейшем, таков был, в сущности, план, примененный в первый битве у Санто-Доминго.

В то время мы сознавали, что вступление врага в Санто-Доминго было сигналом для усиления интенсив-

ности наступления. В том же самом послании Че я писал: «Если произойдет столкновение в Санто-Доминго, оно разгорится повсюду». Мой план состоял в том, чтобы спуститься на следующий день возможно ближе к Санто-Доминго с целью наблюдения за ситуацией с близкого расстояния. Однако события 19-го числа в двух других секторах битвы помешали мне покинуть Ла-Плату.

В Санто-Доминго и Эль-Наранхо жители не покинули свои дома. Несколько дней они пребывали в неопределенности и беспокойстве. Слухи о приближении армии были противоречивыми и тревожными. Позиция, которую держал Роландо Торрес Соса, прозванный среди повстанцев «Эль Барберито»*, оставалась открытой, несмотря на частый пулеметный обстрел и бомбардировки в зоне. Оружейная мастерская Лунса Креспо, устроенная в доме Клементе Вердесиа в Эль-Наранхо, продолжала функционировать, хотя были приняты все необходимые меры для обеспечения ее быстрой эвакуации в случае необходимости.

Бойцы под командованием Пако Кабреры Пупо провели две ночи, скрываясь в густых зарослях вдоль ручья, в метрах пятистах выше домов Ла-Мантеки. Их общее число не доходило до пятнадцати человек. Они не устроили лагерь, не натянули гамаки, не готовили еду. Прибыли к вечеру 17-го числа, уверенные, что следующим утром уже будут вести бой. Эту первую ночь они провели в напряжении. Знали, что вражеские солдаты находятся с другой стороны высоты и враг силен, что будут противостоять не патрулю, не взводу, даже не роте.

---

* По-испански «парикмахерчик». – *Прим. переводчика.*

Наступил рассвет 18-го числа. Из глубины расщелины ощущали, что настал день, так как темно-фиолетовое небо растворилось в сером тумане, окружавшем их. Томительно протекали первые часы утра, пока поднимающееся солнце съедало тени в глубине долины.

День прошел без сигнала, которого все ждали с нетерпением и тревогой от бойца, дежурившего на высоте. Чувствовалось легкое замешательство. Может, все нетерпение оказалось неоправданным? А если правительственные солдаты направились к Провиденсии вместо того, чтобы взять путь на Санто-Доминго? Но наблюдатель с высоты проинформировал, что враг не движется. Люди не могли даже готовить еду, ибо дым мог их выдать. К тому же, что они будут готовить на огне? С тех пор, как спустились с высоты, они не ели. Не было ничего, что можно поесть.

Вскарабкавшись по склону Эль-Какао, дорога, ведущая в Санто-Доминго, врывается в лес и прорезает массив среди зарослей, проходит рядом с домами, как будто хочет дать путнику возможность перевести дух, прежде чем начать крутой спуск. Делая одну петлю за другой по покрытому редкой травой выпасу, тропа падает вглубь расщелины. Это неудобный спуск. Какой же будет подъем? Тот, кто движется, должен осторожно опереться каблуком до того, как осмелится сделать новый шаг. Всадник, предусмотрительно, спешивается или решает довериться слепому инстинкту животного. Любая поспешность или неосторожность могут вызвать падение, которое неведомо куда приведет, если катиться по склону вниз. Если прошел дождь, земля под ногами вдвойне предательская: покатая и к тому же скользкая. Но чуть ли не хуже, если светит солнце. Какая-нибудь гуацума* или стройная пальма – деревце без тени – придают местами особый вид нескон-

* Дерево с густой листвой и переплетающимися ветвями высотой до двадцати метров, растущее в тропических лесах. – *Прим. переводчика.*

чаемо змеящейся тропе. Внизу, далеко, лес манит свежестью и водой. Внизу, далеко, смерть от врага.

Санчес Москера не двигался никуда весь день 18-го числа. Очевидно, командный пост в Байамо хотел синхронизировать вступление батальона 11 в Санто-Доминго с одновременными атаками в двух других главных секторах. 19 июня было «Днем D», избранным врагом как начало второй фазы наступления. За несколько дней до этого войска батальона 19 майора Суареса Фаулера прибыли в Арройон, где ограничились разведывательными поисками по дороге в Вегас. 19 июня они произведут глубинную атаку во взаимодействии с батальоном 17 майора Корсо, продвигавшимся из Лас-Мерседес. Также, начиная с предыдущего дня, батальон 18 майора Кеведо начал свое движение с побережья и должен был продолжать его на следующий день до вступления в соприкосновение с повстанческими силами, которые защищали подступ с юга.

Пополудни 18 июня я оповестил Пако Кабреру Пупо, что на следующий день отправлю ему подкрепление. В моем простом послании я его предупредил: «Не позвольте правительственным солдатам пройти по какой-нибудь дороге».

Вместе с тем я рекомендовал ему, чтобы он применял мины. В то время приводились в действие взрывные устройства, которые по моей инициативе и настоянию готовились в оружейной мастерской Луиса Креспо в Эль-Наранхо. Фактически эта тема не переставала выдвигаться во всех сообщениях, которые я направлял в те дни командирам. И я написал 18-го числа:

«У меня уже есть желание увидеть, как взрывается мина над головным отрядом войска. Та, что из Эль-Какао, пошла в ход. Как хорошо было бы застать их врасплох!»

Ночью прибыло в Ла-Плату отделение М-1, которое отправил Че из Минас-де-Фрио под командованием Хеонеля Родригеса.

«Увидишь, что сегодня будет шикарное представление», – объявил Че в послании, направленном им 19-го числа в 6 часов утра с ясным солнечным рассветом. Уже в тот момент в Ла-Плате слышалась канонада от выстрелов с фрегата «Максимо Гомес». Спустя немного времени после составления послания Че я решил отправиться к Санто-Доминго вместе с людьми Хеонеля Родригеса. Примерно в тот же час батальон 11 начал свое движение. В авангарде шла рота 96. Командир батальона занимал позицию в центре маршевой колонны вместе с ротой А. Прикрывала арьергард рота 07. Движение было замечено с высоты Эль-Какао дежурным наблюдателем, поставленным для этого крестьянским парнем, сыном жителя Эль-Какао по фамилии Кастельянос. Убедившись, по какому пути двинулись войска, парень опрометью бросился вниз по выпасу, чтобы оповестить Пако Кабреру Пупо, что враг уже приближается.

Преодолев крутой склон, идущий по тропе, которая спускается к Ла-Мантеке, оказываешься снова в лесу. Местность выравнивается по мере того, как дорога постепенно спускается к ручью. Через метров двести, войдя в чащу, дорога впервые выходит на правый берег прозрачного ручья, стекающего со склона Эль-Гальона. Сразу перед тем ручей распрямляется после последнего изгиба, довольно глубокой выемки, образованной падением воды и сотнями тысяч наступавших ног. Прыгая по камням, дорога пересекает ручей рядом с небольшим углублением в каменной глыбе, где скапливается стекающая тонкой струей студеная вода. С двух сторон берега реки поднимаются к густом лесу.

Пако Кабрера Пупо рассчитал, что в этом пункте авангард вражеской колонны, вынужденный продвигаться цепочкой по узкой тропе, задержится, чтобы попить. Судя по дороге, которой они следовали, они не видели воды с тех пор, как начали долгий подъем по склону Эль-Какао.

Его идея состояла в том, чтобы устроить западню вокруг углубления ручья в каменной глыбе и застать авангард врасплох, когда он задержится с намерением освежиться.

На левом берегу, с другой стороны, откуда просматривалось метров тридцать дороги при ее спуске к воде после последнего изгиба, расположились Матос, Эвелио Родригес Курбело и боец (его называли Раульчик), которому поручили взорвать мину. Лес немного расступался возле избранной позиции. На правом берегу, с которого просматривался участок тропы перед последним изгибом, разместилась бóльшая часть взвода Поло.

В центре, на ручье, Пако Кабрера Гонсалес и Мигель Анхел Эспиноса – первый за крупным камнем, в воде, а с другой – за корнями массивной лианы – имели, пожалуй, более опасную позицию, так как находились меньше чем в тридцати метрах от пересечения ручья и выемки. Этим бойцам поручалось открыть огонь, когда голова авангарда задержится у воды. Когда прибежал, задыхаясь, повстанческий наблюдатель на высоте, бойцы спешно заняли свои позиции. Потекли тягостные минуты, которые всегда предшествуют бою. Видимость была нулевой, врага можно было увидеть только в последний момент.

Немногим ранее семи часов утра передовой взвод роты 96 достиг высоты. Там они подождали несколько минут, пока соберется вся рота, которая с усилием поднималась по склону. Все пребывали в возбужденном состоянии. Ожидали встретить сопротивление, еще не достигнув укрепленной позиции. Разведали кромку высоты и обнаружили вырытые четырьмя днями раньше бойцами группы Пако Кабреры Пупо траншеи. Передали информацию командиру батальона, который шел ниже. Тот приказал продолжать марш, будучи уже уверенный, что войдет в Санто-Доминго, не сделав ни одного выстрела.

По дороге авангард заставил одного гангстера, проживавшего в Эль-Какао, идти впереди как проводника. Этот человек, напуганный, указал на развилку дороги: справа – к Эль-Брасону, слева – к Ла-Мантеке и Санто-Доминго. Командир роты капитан Орландо Энрисо приказал ему, чтобы он следовал впереди во втором направлении.

Начали спуск. Шли, беседуя и шутя, время от времени слышались крепкие ругательства, если кто-то поскальзывался или терял равновесие и ему тогда приходилось ухватиться за какой-то отросток под рукой. Постепенно двигались к кромке леса. Приближались без должной предосторожности.

Со своих позиций засевшие в засаде повстанцы слышали, как продвигаются первые солдаты, различали их разговоры и крики, испытывая странное и смешанное чувство, зная, что приближается пока еще невидимый враг, успокаивающий человеческий облик которого глаза еще не различили. Первыми, кто разглядел врага, были бойцы, поставленные на правом берегу. Немедленно дали сигнал, которого нетерпеливо ждали с другой стороны два человека, находящиеся в ручье.

Пако потом рассказал мне, что в тот момент все напряженно ждали с подготовленным оружием. Было ощущение, знакомое всем нам, когда наступают последние мгновения перед началом боя.

По рассказам, услышанным от бойцов, участвовавших в этой засаде, первым солдатом, попавшим в ограниченное поле зрения повстанцев в ручье, был темнокожий полный человек. Он нес винтовку «Гаранд», повешенную на плече. Задержался на мгновение. Поискал продолжение тропинки на другой стороне ручья. Вошел в воду и сделал несколько шагов в направлении камня, за которым притаился Пако Кабрера. За ним появились еще четыре или пять солдат. Также подошел гаитянин.

Вдруг шедший впереди солдат приостановился, окаменел. Из-за камня возникла одинокая фигура в техасской шляпе и с винтовкой в руке. Глаза солдата широко раскрылись, и он лишь успел издать крик. Боец выстрелил с расстояния всего в десять метров.

В одну секунду расщелина загрохотала огнем повстанцев. Пако Кабрера Пупо начал стрелять из своего пистолета-пулемета «Беретта». Через мгновение боец, отвечавший за мину, соединил концы кабеля и взорвал взрывное устройство на повороте дороги, к которому уже подошло несколько солдат, входящих в состав вражеского авангарда. Те же, кому удалось достичь воды, прижались, напуганные, к левому краю впадины, где камень образовал маленькую закраину. Другие с дороги бросились в ручей. Почти никто не выказал намерения защищаться. Гаитянин, услышав первый выстрел, прыгнул на камни и быстро, как стрела, ринулся за спину Пако Кабреры Гонсалеса. Тот, занятый стрельбой и поспешным вкладыванием двух или трех патронов в магазин своего «Спрингфилда», из которого стрелял, посмотрел на него брезгливо.

«Не убивай! Не убивай!» – кричал беспрестанно гаитянин. Там и остался, за спиной бойца-повстанца, погруженный по нос в воду и испуганно крича во время боя.

В первые минуты огонь врага был дезорганизованным. Все стреляли, и те, кто находились на дороге за изгибом, где была мина, и те, кто подходили сзади, даже те, кто еще находился на высоте. Но стреляли растерянно, во все стороны и в никуда. На высоте один из минометчиков установил свое орудие и выпустил две или три мины без цели.

Прошло минут двадцать боя. Командир роты сумел дать необходимые приказы и направить другие два взвода в обход с обоих флангов повстанческой засады. С большим трудом и с широким развертыванием строя солдат взвод, продвигавшийся по правому склону, достиг самой

линии повстанческих позиций наверху, на холме. Пако Кабрера Пупо понял маневр и приказал отходить. Первый бой принес ожидавшийся результат. Враг потерял в авангарде не менее двенадцати человек. Бойцы-повстанцы отошли невредимыми, несмотря на интенсивный вражеский огонь и близость участников боя. Боевые действия продлились чуть больше получаса. Огонь ненадолго прекратился, пока правительственные солдаты перегруппировались и подбирали своих раненых и убитых. Было около 4.45 утра.

В Санто-Доминго и Эль-Наранхо жители стали поспешно покидать свои дома, как только услышали начало боя. Спрятали в лесу свою немногочисленную мебель, свою одежду, все, что не смогли унести. Оставили свои дома пустыми. Пока отец и старшие дети занимались этим, мать схватила маленьких детей в охапку и с грудным ребенком на руках начала подниматься к массиву Эль-Наранхо или к Гамбоа, или вверх по реке в Пуэбло Нуаво, туда, где могла бы найти прибежище для себя и своей семьи. Дома Ла-Мантеки остались покинутыми, но что-то выносить из них уже не было времени.

Несколькими сотнями метров ниже Пако Кабрера Пупо подготовил вторую засаду, подобную первой, в соответствии с полученными инструкциями. Вверху, на высоте, Санчес Москера приказал продолжать продвижение вперед по ручью и по боковым склонам. Не хотел подвергаться риску попасть во вторую засаду и продолжать терять людей, что подрывало его престиж умелого антипартизанского тактика. Одновременно приказал продвигаться вперед в состоянии боевой тревоги, прочесывая лес непрерывным огнем не только из винтовок, но также из базук и минометов.

Санчес Москера решил, кроме того, заставить крестьян жестоко заплатить за поддержку, которую, как он предполагал, они оказывали партизанским бойцам. Дома

Ла-Мантеки, в которые заходили его солдаты батальона 11, разозленные постигшей их неудачей и возбужденные марихуаной и другими стимуляторами, которые носили в своих вещевых мешках почти всегда, были обращены в пепел. Среди других сгорели вместе со скудным семейным имуществом бедные жилища Пласидо Вайлланда, Лукресии, Сантаны, Эдуардо Исмаэля Тамайо. Проходя через поселения, войска забирали животных, которые им попадались, – кур, уток, индюков, поросят, забирали кофе, какао, рис, продовольствие, все, что считалось стоящей добычей. За полчаса семьи жителей Ла-Мантеки оказались разорены.

После столкновения Пако Кабрера Пупо прислал мне срочное послание. Я слышал звуки боя, который разворачивался чуть позже семи часов утра, пока спускался по склону массива Эль-Наранхо с отделением Хеонеля. Попросил Че о срочном направлении последних семи человек из резерва, которым он мог располагать в Минас-де-Фрио. Другой повстанческий посланец отправился в поисках Лало Сардиньяса с приказом, чтобы тот также немедленно переместился в зону.

Правительственные солдаты какое-то время спустя продвигались вперед развернутым порядком. Пако Кабрера Пупо понял, что ничего нельзя сделать, чтобы сдержать их с дюжиной людей, которыми он располагал, и отдал приказ об отходе.

Бойцы спустились к дому Лукаса Кастильо, пересекли реку Яра, оказавшись на ее левом берегу, и заняли позицию на последнем уступе массива Гамбоа, напротив дома Лукаса. Справа от них оставался ручей Эль-Наранхо и немного позади, внизу, оружейная мастерская Креспо и другие дома Эль-Наранхо. С этой позиции они рассчитывали оказать сопротивление всякой попытке дальнейшего продвижения врага вперед к укрепленному району Маэстры, если так им вздумалось бы после занятия Санто-Доминго.

В 10.20 утра первые солдаты завершили спуск от ручья и вышли к реке Яра. Начали проводить разведку в окрестностях дома Лукаса Кастильо на правом берегу и подготовку к установлению лагеря. Казалось, они не имели намерения продолжать продвижение вперед, хотя всё так же вели огонь без определенной цели из всех видов оружия. С уступа Гамбоа, с другой стороны реки, за ними наблюдали люди, которые утром того же дня заставили их заплатить высокую цену кровью за попытку проникновения в сердцевину повстанческой территории.

Отделение Хеонеля присоединилось к группе Пако Кабреры Пупо, когда повстанческие бойцы уже отходили к Эль-Наранхо. В ставке командования остались только одна винтовка, моя, и большое количество мин с кабелями и соответствующими запалами, которые даже можно было подорвать одновременно, если солдаты быстро преодолеют сопротивление Пако Кабреры Пупо. С этим грузом я приближался к зоне расположения дома Лукаса Кастильо. Думал быстро создать минное поле, которое могло быть взорвано все сразу. Но должен был вернуться, прежде чем добрался до пункта назначения.

Немного спустя после прибытия в покинутый дом Лукаса Кастильо, который он сразу же занял как свой командный пункт, Санчес Москера приказал выйти двум взводам вниз по реке с заданием забрать раненых в бою. Со своего наблюдательного пункта повстанцы насчитали семь носилок. Жаль, что не расположил там заранее достаточное количество людей, чтобы прикрыть также предвидимый путь врага для подхода подкрепления или эвакуации, так как второй удар в тот же день, а он мог стать более результативным, оказался бы крайне деморализующим для заносчивого Санчеса Москеры.

Мертвые были подобраны и погребены позади дома Лукаса. Этим командир батальона положил начало существованию особого вида кладбищ, где хоронил всех по-

гибших из своего войска в течение сорока дней пребывания в Санто-Доминго, о многих из которых даже не докладывал вышестоящему командованию. В конечном итоге повстанцы обнаружили около ста могил, в некоторых из них было погребено более одного человека. Это кладбище стало также местом захоронения крестьян – жертв жестокости этого кровожадного вражеского командира, среди них сам Лукас Кастильо и несколько членов его семьи, которые были коварно убиты несколькими днями позже.

Солдаты, посланные командиром батальона 11, с семью ранеными спустились беспрепятственно по всей реке и тем же вечером стали лагерем в Каса-де-Пьедра. Дуке наблюдал за их движением с массива Гамбоа, когда направлялся занять позиции в зоне Леонсито, месте, непосредственно примыкающем к Санто-Доминго ниже по течению реки. Повернул назад, чтобы попытаться перехватить их в случае, если их задачей окажется подняться по ручью Эль-Кристо до Эль-Торо или Гамбоа и Маэстры. В тот момент силы Дуке составляли девять человек.

На следующий день вражеские войска прошли через Провиденсию и беспрепятственно продолжили марш до Эстрада Пальмы, где сдали раненых. Последующее расположение этого взвода останется в области загадок. Оказалось невозможным установить, остался ли он отделенным от всего батальона и, значит, не участвовал в первой битве при Санто-Доминго или, наоборот, вернулся на свою оперативную базу. В этом случае – вернулся ли по реке или через Эль-Какао из Провиденсии? Если сделал это по реке, то почему не был перехвачен? Эти вопросы следует еще, тридцать лет спустя, прояснить историкам.

Все, кажется, указывает на то, что путь по реке не был прикрыт повстанческими войсками до 29 июня. Две главные силы, действовавшие в зоне, были расположены мной на главных массивах подступа к Маэстре: люди Дуке на уступах Гамбоа напротив Санто-Доминго, люди Суньола –

в Эль-Торо. Стало быть, мы не были в состоянии закрыть путь по самой реке, который, судя по всему, оставался открытым для передвижения правительственных солдат в дни, следующие за вступлением батальона 11 в Санто-Доминго.

Во исполнение моих инструкций Суньол отошел со своих позиций в Провиденсии после вступления Москеры в тот пункт. Среди бумаг имеется документ от 20 июня, то есть от следующего дня после боя у Ла-Мантеки, в котором я информировал Че, что «Суньол отошел прекрасно, не потеряв абсолютно ничего. Уже охраняет вход Маэстры [то есть укрепленного района] со стороны Эль-Кристо и Эль-Торо».

Сохранение выдвинутых вперед позиций в Провиденсии уже не имело смысла после занятия как Сан-Доминго, так и Вегас-де-Хибакоа. По любому из двух направлений враг мог бы выйти в тыл повстанческих позиций в Провиденсии. В течение последующих недель эта зона осталась бы контролируемой только группой стрелков под командованием Урбано Гарсеса, сына сотрудничавшего с нами крестьянина Поло Гарсеса, известного под прозвищем «Вьехо»*. Это отделение имело своей задачей следить за передвижениями вражеских сил и в меру своих возможностей не давать им прохода.

---

* По-испански – «старик». – *Прим. переводчика.*

8

Серьезная угроза с юга

ИЮНЬ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	**16**	**17**	**18**	**19**	**20**	**21**
22	**23**	**24**	**25**	**26**	27	28
29	30	–	–	–	–	–

16 июня 1958 г. командный пункт оперативной зоны в Байамо выпустил приказ № 99, в котором распоряжался о движении двух рот батальона 18 в направлении к истокам реки Ла-Плата во исполнение первоначального стратегического замысла плана F–F, состоявшего, напомним, в том, чтобы увязать эту силу с теми, которые проникли бы к тому пункту с севера (см. карту на с. 428). В этом случае речь шла бы о батальоне 11 Санчеса Москеры. В соответствии с этим приказом майор Кеведо должен был начать операцию силами своего батальона на рассвете 18-го числа, поднимаясь по реке Пальма Моча до высоты того же названия на линии вершины Маэстры, чтобы оттуда взять курс на запад в указанном направлении.

Как часть маневра он должен был локализовать и захватить тюрьму Пуэрто Маланга, описанную с достаточной точностью в документе как недавно построенный дом в форме перевернутой буквы L, расположенный в месте зарождения одного из рукавов реки Ла-Плата, в месте, известном как «мелководье Хименеса». Сразу после занятия этого сооружения командир батальона должен был

включить пленных правительственных солдат в свое подразделение и продолжать действовать по всей зоне от Хигуэ и Эль-Наранхаля до линии вершин Маэстры. На деле заключенных правительственных солдат, захваченных без разбора, было очень мало. Значительное число из них не стоило в тот момент освобождать.

Первая рота должна была прибыть по морю 20-го числа к устью реки Ла-Плата и устроить там пункт снабжения в тылу батальона. С этой целью в тот же день, 16-го числа, были спущены соответствующие приказы фрегату «Максимо Гомес», чтобы он продолжал патрулировать побережье, обеспечивая транспортировку роты в Ла-Плату, и оказал прямую артиллерийскую поддержку по просьбе командира батальона.

Получив этот приказ, майор Кеведо после консультации со своими проводниками принял решение, которое приведет к полному изменению оперативной обстановки на южном фронте в последующие дни и фактически спасет батальон от попадания в ловушку, которую мы так тщательно ему подготовили и на которую возлагали столько надежд. Это решение к тому же внесло новый элемент очень серьезной угрозы в этом секторе, которая будет предотвращена благодаря быстрым и энергичным действиям Рамона Паса и его людей.

С одной стороны, Кеведо должен был сделать вывод, что путь вдоль реки Пальма Моча, обозначенный в приказе из командного пункта, был опасным и трудносуществимым. Рассуждая очень здраво, командир вражеского батальона, вероятно, предположил, что встретит сопротивление повстанцев, если попытается подняться по реке. И, действительно, там его ждал Пас. Но к тому же его проводники должны были сообщить ему, что если одна из целей – занять повстанческую тюрьму, то указанный из Байамо путь будет очень неудобным, и учитывая место, где находилось сооружение, войска вынуждены будут из-

менить полностью направление своего движения на юг после достижения верховьев Ла-Платы и фактически спуститься с массива Маэстры. Вместо этого они должны были предложить использовать путь, который поднимался на высоту Ла-Каридад, чтобы потом спуститься в Эль-Наранхо, откуда продолжить подниматься по реке Ла-Плата, чтобы пройти там, где располагалась тюрьма, и проследовать к массиву, продвигаясь вперед.

По-видимому, убежденный этим аргументом командир батальона избрал этот путь, мало используемый и менее обычный для правительственных войск. Без сомнения, речь шла о хитром решении, так как логично было думать, что враг был бы заинтересован в относительной защите с фрегата при следовании дорогой по побережью или поднялся бы по самой используемой дороге и, стало быть, самой общепринятой – по реке. На практике при таком решении – хотя, понятно, Кеведо этого не знал – вражеские войска прошли бы между двух повстанческих позиций, где их ждали, и продолжили бы путь по дороге, на которой, из-за крайней невероятности ее использования, не предусматривалось подготовить какое-то сопротивление. Таким образом, избавились бы от сокрушительного удара, если натолкнулись бы на любую из двух сильных засад, которые мы решили расставить.

Во исполнение полученного приказа роты кадетского училища и 103 батальона 18 начали марш в направлении реки Пальма Моча на рассвете 18-го числа. С собой они вели вереницы мулов с припасами на пятнадцать дней кампании. В Лас-Куэвас осталась рота G-4 под командованием капитана Хосе Санчеса Гонсалеса, подразделение, получившее задание переместиться по морю 20-го числа в Ла-Плату и создать там пункт снабжения батальона.

Продвигаясь очень медленно вперед и соблюдая все предосторожности, только во второй половине дня два

вражеских подразделения прибыли к реке. Прошли по самой высокой из внутренних дорог. Повернули недалеко от отделения Теруэля, который, выполняя данные ему инструкции, дал им пройти, не мешая и не обнаруживая себя. Тем вечером правительственные войска стали лагерем в Эль-Колменаре, всего в метрах двухстах от позиции, где их, глядя во все глаза и напрягая нервы, ожидал Пас. Правительственные войска устроились спать, тогда как люди Паса были настороже, уверенные, что на следующий день разгорится бой.

В 11 часов утра 19-го числа Кеведо возобновил марш и совершил движение, которое застало Паса, Куэваса и других повстанческих командиров врасплох. Вместо того, чтобы продолжать продвигаться вверх или вниз по реке, он повернул и начал подниматься по дороге из Ла-Каридад, в результате чего он оставил в стороне с того и другого бока сильные засады. Опасность, созданная этим маневром, была серьезнейшей: если вражеские войска смогут забраться на высоту Ла-Каридад, то не встретят никаких трудностей, чтобы спуститься с другой стороны к реке Ла-Плата, на массив Эль-Наранхаль, что для врага означало бы выйти в тыл повстанческим силам, размещавшимся на пляже Ла-Платы, и занять позицию в глубине повстанческой территории.

Как только Пас разгадал предпринятый врагом маневр, он быстро оценил возникшую опасность и правильно решил, что надо было попытаться перехватить правительственных солдат до того, как они достигнут высоты. Единственный выход состоял в том, чтобы бросить своих бойцов подниматься со всех ног вверх по склону и через заросли по пути, примерно параллельному пути врага, и подвергнуть их ужасной проверке на физическую выносливость.

По приказу самые крепкие должны были достичь раньше правительственных солдат пункта на дороге, где можно быть бы подготовить засаду, и начать сражаться,

как только войдут в соприкосновение с врагом, пока подходит остальной батальон. Не оставалось ни времени, ни возможности что-нибудь еще спланировать, даже чтобы информировать меня о том, что происходит, а также оповестить Куэваса и Теруэля.

Это присутствие духа, эти энергия и решимость Паса и дисциплина, бесстрашие и боевитость его людей спасли от возникшей опасной ситуации. Со всей скоростью, преодолевая изнурительный подъем, пробираясь сквозь лес по более длинному и крутому пути, сам Пас, Анго Сотомайор – его заместитель по командованию, Уго дель Рио и еще пять или шесть бойцов смогли упредить правительственных солдат и занять первую позицию на каменистом изгибе дороги в двухстах метрах от высоты. Только через два часа после приказа Паса взвод в полном составе вновь объединился, а засада стала должным образом готовиться.

Между тем, враг вскоре после полудня достиг домов Ла-Каридад. Бойцы взвода Куэваса, находившегося там, охраняя вещевые мешки, обменялись несколькими выстрелами с вражеским авангардом и отошли вверх по лесу. Повстанческий склад был занят правительственными солдатами. Они разграбили вещевые мешки, забрали припасы и подожгли все остальное. Однако в тот день они не двинулись дальше и стали там лагерем, что позволило Пасу более спокойно подготовить в течение всей ночи свою засаду.

Присвоение вещевых мешков взвода Куэваса было событием, очень редко происходившим с повстанческими войсками во время всей войны. Позднее, спустя недели, в Хигуэ у некоторых захваченных там правительственных солдат были отобраны формы и другие предметы, принадлежавшие тем, кто входил в повстанческий взвод.

Тем временем Куэвас, находившийся на пляже, узнал о передвижении врага, разрушении кухни и присвоении

вещевых мешков его людей из сведений, которые сразу же сообщил ему крестьянский связной. Он также направил послание Педро Мирету, который передал его мне в 2 часа дня. Я получил его вечером того же дня, и известие добавилось к неприятностям, случившимся на протяжении этого дня. Вспомним, что в этот же «День-D» враг, помимо проникновения с юга до Ла-Каридад, начал с успехом свое продвижение вперед к Вегас-де-Хибакоа на северо-западном фронте, а с северо-востока смог дойти до Санто-Доминго.

Естественно, что Педро Мирет располагал очень малой информацией о случившемся, и его первое послание выражало озабоченность. В сообщении, полученном от Куэваса, тот указывал, понятно встревоженный, что правительственные солдаты направляются к реке Ла-Плата, и у него не было сведений о Пасе: «Кажется, что правительственные солдаты движутся к Эль-Наранхалю». В свою очередь Мирет мне написал: «Уже перешли реку Пальма Моча и проследовали через Ла-Каридад. Не знаю, что произошло с Пасом».

Педрито* советовал в своем послании отвести Куэваса с позиции, которую он занимал в Пальма Моча, чтобы разместиться на дороге, поднимающейся по реке Ла-Плата от побережья, выше авиационной площадки в устье Манакас, с целью прикрыть, вместе с тем, дорогу, спускавшуюся с высоты Ла-Каридад. Предлагал также ускорить перемещение его людей к Пуриалону и информировать, что расположит кого-то из своего личного состава вверху по реке, чтобы избежать неожиданностей с тыла. Все эти меры представлялись правильными, хотя в действительности самым точным решением было бы прикрыть повстанческие склады в устье Ла-Платы, две дороги, что спускались с высоты Ла-Каридад к Эль-Наранхо и от этого пункта до

* Уменьшительное от имени Мирета–Педро. – *Прим. переводчика.*

реки, и приказать Куэвасу или повстанческим подразделениям, находившимся западнее, занять позицию на пляже и в устье реки.

По сведениям, полученным через посланца, доставившего сообщение, я сразу понял, что случилось: враг избежал ловушки, которую мы ему подготовили, и проскользнул между двумя засадами. Меня больше заботило то, что я не получал сообщений от Паса и что месторасположение Кеведо не было даже определено.

Складывалась крайне опасная ситуация. До того момента мое внимание сосредоточивалось на предотвращении самой непосредственной опасности, возникшей с проникновением Санчеса Москеры в Санта-Доминго, и на отслеживании тревожных сообщений на фронте Вегас-де-Хибакоа. Теперь все это должно было отойти на второй план перед срочностью принятия распоряжений по диспозициям на южном фронте. И в такой трудной ситуации я располагал в Ла-Плате, и то с оговоркой, винтовкой и минами, о которых уже упоминал.

Но даже в этих сложных обстоятельствах я не мог терять головы. Самым неотложным было определить местонахождение вражеских сил и позиции Паса, поэтому первое, что я сделал, – направил посланца с заданием найти Паса и передать ему приказ наступать и выдал ему новые инструкции. А касательно Куэваса было очевидно, что, если правительственные войска смогут забраться на высоту Ла-Каридад, удержание его позиции теряло смысл. Из послания, направленного Куэвасом Педрито, было известно, что тот все еще располагался в устье реки Пальма Моча. С другой стороны, присутствие Куэваса в зоне Санто-Доминго было важно для подкрепления этого нового, столь опасного фронта. На деле до того, как я узнал обо всех этих событиях на юге, я попросил Паса срочно прислать мне отделение Куэваса, намереваясь использовать его в Санто-Доминго, где в тот момент возникла главная опасность.

Вместе с тем, если полученная информация была правильной, то силы Педро Мирета должны были немедленно отойти к Эль-Наранхалю не только потому, чтобы не оказаться с другой стороны врага, но также чтобы организовать более сосредоточенную оборону территории Ла-Платы. Действуя в том же плане, оборонительную линию самого западного сектора – Эль-Мачо, Эль-Масио, Ла-Абанита, Сьенагуилья, Кайо Эспино также нужно было отодвинуть назад. А позиции на побережье, не было смысла удерживать, когда враг занял позиции в верховьях реки Ла-Плата.

Одновременно моей второй заботой в этот момент была срочная необходимость сосредоточить оборонительные усилия вокруг сооружений и учреждений Ла-Платы. Вспомним о послании, направленном мной Че ночью 19-го числа и процитированном в предыдущей главе, где я поставил его в известность о ситуации, об опасности, возникшей из-за присутствия нелокализованных вражеских войск, и о риске потерять территорию и всю инфраструктуру, которую там удалось создать с таким усилиями, – госпиталь, радиостанция, склады продовольствия и боезапасов, мастерские и все другое, и где я вновь подчеркнул: «Существенная проблема в том, что у нас нет достаточно подготовленных людей, чтобы защитить такую широкую зону. Мы должны попытаться создать сосредоточенную оборону, прежде чем снова приниматься за нестандартные действия».

Всегда оставалась альтернатива нерегулярной войны с умноженными в несколько раз силами и лучшим оружием, но очень дорого обошлось бы рисковать историческим временем Революции и потерей созданной инфраструктуры.

Я был решительно настроен – и об этом оповестил Че, – продолжать проводить без каких-либо изменений стратегию, которой мы следовали, пока оставалась надежда сохранить в наших руках территорию Ла-Платы.

В том же послании я сообщал Че, что должен был сосредоточить личный состав Кресенсио в западном секторе, самой выдвинутой вперед территории. Это переразвертывание означало уход с побережья к западу от Магдалены и со всей зоны Ла-Абаниты, но позволило бы консолидировать оборону западного сектора, начиная с Минас-де-Фрио.

Просачивание врага создавало ситуацию, не допускавшую альтернативы: повстанческие силы в устье Ла-Платы оказались бы практически во вражеском тылу. На основании полученной до этого момента информации отход этих сил был непременной необходимостью, и об этом я дал знать Педро Мирету в послании, пытаясь вселить в него немного оптимизма, который старался сберегать несмотря на происходившие события:

«Ситуация тяжелая, но ее надо преодолеть».

На деле в тот момент, казалось, оставалось мало осуществимых вариантов действия. Однако еще раз окажется доказанным, что как на войне, такой, которую мы вели, так и во всякой борьбе из, казалось бы, самой отчаянной ситуации может быть найден выход, если сохранять выдержку и не терять воли сражаться.

Положение Ла-Каридад в ту ночь оставалось стабильным. Правительственные солдаты устроились лагерем в доме крестьянина Грасилиано Йерресуэло и еще в одном – на высоте, на расстоянии менее шестисот метров от засады Паса, но никто об этом не знал из-за неопределенности того, что происходило на юге, из-за озабоченности присутствием вражеских войск, прибывших в Санто-Доминго, и раздражения, вызванного тем, что я считал очень неудачными действия бойцов, оборонявших фронт Вегас. Не будет преувеличением сказать, что я провел одну из худших ночей из всех, что довелось провести на войне.

Где-то в 10 часов утра 20-го числа я получил послание Паса, в котором он информировал меня о засаде, устроенной около высоты Ла-Каридад. Сообщение несколько

успокоило меня, но я оставил в силе мое решение распорядиться об отходе Педро Мирета с устья Ла-Платы.

С другой стороны, я стал осознавать, что, если правительственные войска смогут достичь Эль-Наранхаля, ситуация не будет такой серьезной, поскольку им будет очень трудно продолжать продвижение вперед и даже покинуть это место.

В Ла-Каридад враг начал продвигаться вперед спустя немного времени после рассвета 20-го числа, и около девяти утра он натолкнулся на засаду Паса. В ожесточенной перестрелке правительственные солдаты использовали всё, что у них имелось, но после получасового боя враг отошел к исходному пункту. Все оставшиеся часы утра минометы продолжали обстреливать прочную позицию повстанцев. Во время этого обстрела миной были тяжело ранены два повстанческих бойца – Фернандо Мартинес и его сын Албио, недавно зачисленный в подразделение. Первый там же и умер, а второй был доставлен в госпиталь Мартинеса Паэса в Камаронсито, около Ла-Платы, но все усилия спасти его оказались напрасными.

Вскоре после полудня я получил информацию Паса об этом первом бое и отбрасывании врага. Решительные действия Паса в значительной степени прояснили ситуацию. Теперь было важно, прежде всего, воспрепятствовать тому, чтобы правительственные войска продолжали продвигаться в избранном направлении. Исходя из предположения, что Пас удержит свою позицию и сможет отразить действия врага, получалось, что у Кеведо останется на выбор два варианта, чтобы попытаться выполнить порученную задачу. Первым вариантом было бы продолжать усилия с целью достичь высоты Пальма Моча, то есть следовать первоначально предусмотренному направлению, вторым – отойти к побережью, погрузиться на судно и снова высадиться в другом пункте, который, по всей логике, не мог быть не чем иным, нежели пляж Ла-Платы.

Естественно, что я не знал в тот момент, что Кеведо пренебрег путем, указанным из командного пункта в Байомо, что было бы дополнительным аргументом в пользу второго варианта. Но, тем не менее, ставя себя на его место, я пришел к выводу, что самым осуществимым было попробовать новую высадку.

В свете этого анализа я после получения первого послания Паса приказал Мирету подкрепить десятью хорошо вооруженными бойцами его позицию в Ла-Каридад и вернуть его личный состав вниз по реке возможно ближе к пляжу, продолжая фортификацию дороги у реки Ла-Платы. Моим намерением было вновь создать условия, чтобы оказывать сопротивление метр за метром продвижению врага, которое наверняка будет продолжаться вдоль этой реки.

Пасу я ответил:

> «Не знаешь, насколько важно в эти моменты, что вы отразили правительственных солдат по этой дороге. Поздравляю тебя с удачей, равно как и с удачными действиями находящихся с тобой отважных товарищей. Это позволяет нам улучшить ситуацию, хотя она оказалась бы трудной, если бы правительственные солдаты дошли до Наранхаля».

На самом деле действия Паса и его людей были исключительными в течение всех этих дней. Своим быстрым и решительным ответом на неожиданный вражеский маневр Пас продемонстрировал свои чрезвычайные способности как тактика, так и командира и бойца. В том же послании я информировал его о подкреплении, которое намеревался направить ему, и о другом отделении из восьми человек, которое отправил для подкрепления позиции Роберто Элиаса на дороге к возвышению Пальма Моча.

Между тем пополудни правительственные войска предприняли новую попытку прорвать оборону Паса и его бойцов на высоте Ла-Каридад. Произошел другой ожесточенный бой, в котором на этот раз враг действовал более ловко и попытался обойти с фланга повстанческие позиции. Однако закаленные в боях бойцы Рамона Паса, воодушевленные успешными действиями утром и своим командиром, сдержали вражеское продвижение и отбросили его гораздо более многочисленные силы, лучше вооруженные и имевшие большой боезапас.

В этом втором боевом столкновении вражеские солдаты потеряли несколько человек убитыми и ранеными, но никто из повстанцев не был даже ранен. Еще раз было продемонстрировано, что несгибаемый моральный дух и решительная воля превращали наше партизанское движение в практически неодолимую силу, способную удержать хорошо выбранную и подготовленную позицию.

В тот же день начала выполняться трудная часть первоначального плана вражеского командования, то есть предусматривавшаяся высадка на пляж Ла-Платы роты G-4 батальона 18, которая должна была послужить военно-стратегической поддержкой двум другим ротам, чья задача состояла в глубоком проникновении на повстанческую территорию.

Устье реки Ла-Плата было одним из мест, специальным образом укрепленных вдоль всего побережья, ибо я всегда был уверен, что в какой-то момент враг использует его из-за своего расположения в самой основе главной оси наиболее вероятного направления атаки и из-за предпочтительных топографических условий для устройства тылового лагеря со всеми преимуществами как плацдарма

наступления с юга. По этой причине развернутая там повстанческая группа была относительно многочисленной, с широкими возможностями подготовить хорошие траншеи и, кроме того, подкрепленной одним из наших двух тяжелых пулеметов пятидесятого калибра, которым управлял Браулио Кюрюно. За эту позицию, напомним, отвечал Педро Мирет, которому помогали Рене Родригес и Данней Перес Áламо.

Однако кажется, что положение повстанческих позиций в устье реки начало изменяться к худшему в дни, непосредственно предшествовавшие вражеской высадке. Бездействие и напряжение в течение стольких дней, прошедших в ожидании этой высадки, трудные условия снабжения и вследствие этого недовольство бойцов, отсутствие достаточно строгой дисциплины, которая позволила бы избежать проявлений дезорганизации и мелких раздоров между различными группами, которым пришлось общаться в течение продолжительного времени, вызвали в определенной степени распущенность. К этим факторам стоило бы добавить нерешительность, проявленную на этом участке фронта в первые моменты после маневра, предпринятого Кеведо в направлении Ла-Каридад, а также недостаточную быстроту и четкость в выполнении поступавших приказов. Следует также учесть крайнюю изменчивость ситуации в последние 24 часа перед высадкой, в условиях которых Педрито получил мои инструкции отойти вглубь в тот момент, когда ситуация Паса еще не определилась, чтобы затем получить приказ занять позиции как можно ближе к пляжу, когда я думал, что он уже отошел. Однако на практике оперативная ситуация постоянно менялась, и мои приказы накладывались на предыдущие, которые не были выполнены.

Все это, очевидно, способствовало возникновению определенного замешательства. Дело в том, что, когда правительственные войска приблизились к побережью и начали

подготавливаться к высадке, по ним было сделано лишь несколько выстрелов. Надо представить себе урон, который могла бы причинить группа хорошо окопавшихся повстанцев, стреляя в упор по правительственным солдатам, осуществляющих высадку, при поддержке к тому же пулемета 50-го калибра в руках нашего лучшего пулеметчика. Возможно, высадка все равно произошла бы, но враг понес бы немалые потери. И не будет опрометчиво предположить, что, встретив организованное и действенное сопротивление, командир роты отказался бы от высадки. Это было бы потрясающей победой, которая вместе с победой Паса в Ла-Каридад с избытком бы уравновесила неудачные действия повстанческих сил в тот же день на фронте Вегас-де-Хибакоа.

Педрито прислал мне сначала простое послание, в котором сообщал, что правительственные войска высадились, Áламо оказал сопротивление и отошел, как ему было указано, и все войско уже двигалось в Пуриалон.

Меня очень удивила в этом кратком послании информация о том, что враг не дал времени ничего сделать и что люди Аламо рассеялись, то есть что отход был дезорганизованным.

Позднее получил второе сообщение, немного более полное, из которого я понял, что дело обстояло не так, как должно было быть. Однако оценка Педрито происшедшего и поведение людей Аламо были позитивными. Из этого второго послания я также узнал, что, когда происходила высадка, Рене Родригес с частью людей с пляжа уже находился на пути в Хигуэ, что могло стать одной из причин таких слабых действий на пляже Ла-Платы.

Такая настойчивость относительно занятия позиций вдоль нижнего течения реки в устье Манакас, Пуриалоне или Хигуэ заставляла меня думать, что Педрито недостаточно хорошо понял смысл моих неоднократных предупреждений, касавшихся хода действий, которых должен

был придерживаться в случае, если правительственные войска прервут линию Паса в Ла-Каридад и сумеют проникнуть до Эль-Наранхаля. В этом случае не было бы никакого смысла держать бойцов ниже этого пункта, разве только после осуществления высадки на пляже. Поэтому я вновь указал ему во второй половине дня 20-го числа, после получения его двух посланий о произошедшем в устье реки, что, если враг войдет в Эль-Наранхаль, он должен переместиться со всем личным составом выше. И особенно настаивал, чтобы как можно раньше он установил контакт с Пасом с целью координировать с ним свои действия. Среди опасностей то и дело меняющейся ситуации меня успокаивало сознание того, что Пас умел принимать правильные решения в соответствующих обстоятельствах. С другой стороны, объединение двух сил было необходимым для осуществления плана, который начинал созревать в моей голове.

К этому времени, как я сказал раньше, меня уже перестала слишком заботить возможность проникновения правительственных войск до Эль-Наранхаля. Я все больше приходил к мысли, что при соответствующем сопротивлении было практически невозможным, чтобы вражеская колонна могла бы продвинуться еще дальше. В тот вечер я уже начал осуществлять подготовительные меры, чтобы оказать сопротивление, начав с установки мин, которые были скрыты в зарослях, ветвях и листве. Они могли бы обезвредить любой вражеский авангард, который захотел бы пройти далее Эль-Наранхаля. Я был почти уверен в нашей способности остановить правительственные войска в этом направлении. К тому же место подходило не только для того, чтобы сдержать этих солдат, но также для их возможного захвата.

Больше всего меня беспокоила в тот вечер ситуация, вызванная тем, что другие вражеские войска, согласно полученным в течение дня сообщениям, поднимались по

реке Пальма Моча в направлении к Эль-Хубалю, где мы должны были устроить засаду под руководством Роберто Элиаса в доме Эмилио Кабреры. Оказалось, что этой маленькой группы не было там, где я дал точные инструкции разместить ее, но мы не узнали этого до следующего дня. Той ночью я был занят тем, что попросил Паса выделить подкрепление для этой позиции и подготовить несколько разведчиков, которые с рассветом должны были отправиться в Эль-Хубаль для оценки положения на месте.

Что касается Паса, я приказал ему, чтобы он отошел со всеми своими людьми к Эль-Наранхалю той же ночью. Пожалуй, этот приказ оказался для него неожиданным, учитывая, что в течение всего дня он успешно сражался, чтобы воспрепятствовать врагу повернуть от Ла-Каридад к Эль-Наранхалю. Но моя оценка была следующей: если правительственные войска смогли сломить сопротивление Паса, чего я еще не знал, все равно было необходимо, чтобы он отошел выше Эль-Наранхаля; но если он еще удерживал свою позицию в Ла-Каридад, тогда следовало именно оставить свободной дорогу из Эль-Наранхаля, чтобы принудить их следовать в этом направлении. Я был так уверен, что они попадут в эту мышеловку, что задумывался, как освободить им дорогу от препятствий.

В этом случае Пас, тем не менее, также продемонстрировал свою тактическую прозорливость. В послании, присланном мне на следующий день, он подтверждал исполнение приказа о перемещении своих позиций в Эль-Наранхаль и сообщал:

> «Я считаю, что, вынуждая правительственных солдат сражаться на местности, которая нам подходит, можем не только удержать их, но и заставить отступить и разгромить.

Думаю поставить двух человек, чтобы они их обстреляли, куда бы они ни пытались дойти, недалеко от засады, которую им подготовили».

Новую оборонительную линию в Эль-Наранхале образовывал личный состав Паса, Педро Мирета и расчет 50-мм пулемета, которым управляли Албио Очоа и Фидель Варгас. Это был один из двух пулеметов, доставленных из Коста-Рики на самолете, в котором прилетел Мирет. Пас определил диспозицию людей Аламо с другим пулеметом 50-мм калибра, которым управлял Кюрюно, – на новой дороге, открытой фактически повстанцами, которая соединяла Пальма Мочу и равнины Инфьерно с зоной Камаронсито, выше Эль-Наранхаля. Эта позиция прикрывала возможный подступ вражеских сил от верхнего течения реки Пальма Моча, если бы оказалась правильной информация о том, что эти войска двигаются вверх по реке, притом что они преодолели засаду Роберто Элиаса на траверсе Эль-Хубаля. Тем самым исключалось бы появление вражеских войск в тылу повстанческой линии в Эль-Наранхале.

Это был один из пунктов, который больше всего меня заботил в этом секторе во время определения оборонительных диспозиций. Два других были – дорога, поднимавшаяся от дома Эмилио Кабреры в Эль-Хубале к укрепленному району Маэстры и спускавшаяся там в Сантану, на реке Яра, выше Санто-Доминго, и пешеходная дорога вдоль укрепленного района Маэстры на восток в направлении к высоте Хоакин, и на запад в направлении к «Повстанческому радио» и ставке Командования в Ла-Плате. Эти подступы были важны исходя из предпосылки, что мы еще не пренебрегли возможностью появления вражеских сил на реке Пальма Моча, очевидным предназначением которых будет забраться на линию вершины Маэстры по второй из дорог, только что упомянутых мной,

или по дороге от Пальма Моча, новой дороге, чтобы затем выйти к реке Ла-Плата.

Потенциальная угроза, исходившая от этих сил в Пальма Моча, приобретала дополнительное значение в случае, если враг попытался бы достичь линии вершины Маэстры с севера, либо в результате последующего продвижения войск, прибывших из Санто-Доминго, либо в результате вступления в действие новых сил из Эль-Какао или из Эль-Веррако, которые повернут к истокам реки Яры, пройдя через Сан-Франсиско или Ла-Херингу. Первая возможность на 21-е число уже казалась довольно невероятной из-за позиций сдерживания, установленных в окружении вражеских сил в Санто-Доминго. Но оставался явно не проявившим себя второй вариант, который, очевидно, всегда вполне нами учитывался при планировании. В тот момент я думал расположить на возвышении Маэстры в пункте, где поворачивала дорога от Пальма Моча, Куэваса и его людей, чем была бы обеспечена защита этого пункта в двух направлениях.

Что касается подступа, открывавшегося новой дорогой от Пальма Моча по повстанческому тылу в Эль-Наранхале, решение Паса использовать отделение Аламо было правильным. Однако точное расположение засады могло быть пересмотрено, для чего я распорядился сообщить Пасу, что сам лично направляюсь, чтобы при первой возникшей возможности найти и проинструктировать Аламо.

Этими мерами, помимо размещения Че людей Рауля Подио, которые контролировали пляж Эль-Мачо, на высоте Кауара с указанием охранять весь массив к западу от реки Ла-Плата и продвигаться ближе к морю, и направления сторожевого поста для наблюдения за трудной пешеходной дорогой, которая шла перед ним от Хигуэ, – оборонительная диспозиция южного сектора была обеспечена. В послании, отправленном Пасу в полдень в суб-

боту 21 июня (см. документ на с. 388), я детально указывал все эти позиции и включил некоторые оценки, которые стоит сейчас процитировать, так как предваряют то, что должно было случиться в последующие недели:

> «Разумеется, там есть пункты, куда правительственные войска сунутся, лучше всего было бы оставить их, чтобы покончить с ними, так как подкрепления могли бы быть полностью отсечены. Следует ожидать подобных случаев, которые уже возникали, но мы не смогли воспользоваться ими из-за отсутствия вооруженного личного состава.
>
> Отныне и в дальнейшем надо убивать их авангарды, куда бы они ни проникали. Линию, проходящую сейчас по Маэстре от Фрио до дороги П [Пальма] Моча – Санто-Доминго, будет очень трудно пересечь. Сильный удар мы должны стараться нанести на юге.
>
> Если нам удастся осуществить эти планы, это будет большой победой, помимо того, что мы сможем сохранить радиостанцию и территорию – базу снабжения оружием».

Но 21-го числа вражеские силы майора Кеведо, которому был оставлен открытым путь для продвижения в направлении к Эль-Наранхалю, предприняли отход от Ла-Каридад, возвращаясь к своему исходному пункту на побережье. Казалось, что командир батальона 18 решил, что сопротивление, оказанное повстанцами попыткам достичь массива Ла-Каридад, было достаточно хорошо организованным, чтобы продолжать добиваться этой цели. Сам Кеведо писал потом, что на его решение повлиял также тот факт, что мулы, перевозившие еду для войск, срывались с кручи и что даже преодолевая все трудности, созданные повстанческой засадой, «у нас не оставалось дорог, чтобы продолжать движение».

Как справедливо оценивал Пас в послании, информируя об этих событиях во второй половине 21-го числа:

«[...] всякий раз, когда они пытаются подняться с одной стороны и их заставляют отступить, – это наша победа потому, что нарушаются их планы, и они видят, что не очень-то легко перешагнуть через нас».

В итоге на следующий день две роты батальона 18 вновь погрузились на судно и второй раз спустились на берег, теперь уже в устье реки Ла-Плата, где устроилась лагерем рота G-4.

Ночью 21 июня я проинформировал Паса, что он должен принять под свое командование весь личный состав, действовавший в южном секторе. Об этом решении я сообщил Педро Мирету, Рене Родригесу, Даннею Пересу Áламо, Раулю Подио и другим командирам отделений или групп, размещенных на различных позициях. Из всех кадровых командиров, которыми мы располагали в южном секторе, Рамон Пас проявил себя не только более способным тактиком и организатором, но и обладающим большей решимостью и боевитостью. Без сомнения, это был командир, подходящий для того момента и места, где уже предполагалась возможность нанести первый разящий удар по врагу.

На следующий день, в воскресенье 22 июня, спустились с Ла-Платы до Пуэрто Маланга. Там меня ждал Áламо, чтобы отправиться вместе со мной к точной позиции укрепленного района Пальма Моча, где, как я считал, он должен был разместиться. Воспользовался осмотром, чтобы узнать от непосредственного участника больше деталей о произошедшем 20-го числа на пляже Ла-Платы, так как мне казались очень неудачными действия наших сил по сопротивлению вражеской высадке и неудовлетворительными объяснения, дававшиеся до этого момента. Именно поэтому я был решительно склонен в те дни взыскивать за нескладные действия вместо стойкого и действенного

сопротивления продвижению вперед, которое, вероятно, намеревались предпринять правительственные войска по дороге у реки Ла-Плата. Об этом я писал в послании, направленном Пасу утром 24 июня:

> «Относительно тактического аспекта рекомендую тебе, помимо того, чтобы надежно сторожить любые пункты доступа к Наранхо [Эль-Наранхалю] со стороны холмов, чтобы ты настаивал перед Педро [Миретом] на необходимости защищать дорогу от Платы и попытаться не позволить врагу дойти до Хигуэ. Его люди, пользуясь только минами, смогли бы задержать армию на этой дороге».

В том же послании я сообщал ему о решении переместить в зону Санто-Доминго отделение Роберто Элиаса и о передаче 50-мм пулемета Браулио Кюрюно, во-первых, потому, что позиция, занимавшаяся отделением в зоне Эль-Хубаля, теряла значение после размещения Áламо на новой дороге от Пальма Моча и Куэвас в укрепленном районе Маэстры, а во-вторых, так как не было необходимости для обороны дороги у реки и вместо этого могло сыграть важную роль в окружении, которое мы планировали устроить для вражеских войск в Санто-Доминго.

Этот пулеметный расчет принял участие в предыдущую ночь в набеге, организованном Педрито и Рене на вражеский лагерь в устье Ла-Платы, во время которого были выпущены три мины из миномета, произведено семьдесят выстрелов из пулемета 50-мм калибра и какое-то количество винтовочных выстрелов с неопределенным результатом. После вылазки личный состав вернулся на свои позиции на дороге на траверсе устья Манакас, где ранее была подготовлена наша авиационная площадка.

Во вторник 24 июня две роты батальона 18, которые ранее высадились сначала в Лас-Куэвас и, в конечном счете,

вновь погрузились на судно в этом пункте и опять высадились уже на пляже Ла-Платы 22-го числа, чтобы присоединиться к подразделению, уже расположившемуся там, начали движение по направлению вглубь нашей территории вдоль реки Ла-Плата от ее устья.

Правительственные войска не встретили сопротивления, пока не дошли до устья Манакас, где вскоре после полудня натолкнулись на повстанческую засаду. Произошел короткий бой с неожиданным результатом, когда наши силы отошли до Хигуэ и оставили свободной дорогу врагу, пренебрегая задачей оборонять местность метр за метром.

В донесении, которое прислал мне Педро Мирет об этом действии, он упомянул о невероятном количестве – одиннадцать смертельных потерь, нанесенных врагу, и оправдывал отход, используя как довод чуть ли не окружение позиций повстанцев, что также не казалось вероятным, учитывая характер местности, где произошла стычка.

Можно легко понять разочарование, которое я испытал, получив первые сообщения об этом факте. Немедленно, до того как ознакомился с донесением Мирета, я отправил на рассвете 25-го числа следующее послание Пасу, которое цитирую подробно, так как, мне кажется, оно точно объясняет то, что несколько дней назад я настойчиво пытался внушить повстанческим командирам, действовавшим в секторе:

> «Хотя пока не получил сообщение Педро [Мирета] и не знаю точного пункта, где он расположился, в предварительном порядке сообщаю тебе, что должны размещаться не в самом поселке Хигуэ, а как можно ниже, чтобы оказывать сопротивление на реке, которая неприступна. Я уверен, если достаточно хорошо оборонять реку, они [правительственные войска] не смогут

продвигаться вперед и тогда должны будут пытаться двинуться вперед по твердой суше, где находится Подио и где смогут вначале использовать только мулов, а затем следовать пешком по очень плохой тропе или придумать другой путь.

Педрито должен поискать на реке хорошую стратегическую позицию из тех, что находятся между обрывистыми утесами, и там устроить хорошие каменные траншеи, прикрыться двойным рядом бревен с камнями сверху, с которыми ничего не смогут сделать минометы – единственное оружие, позволяющее немного напугать защитников. В местах, где это возможно, траншеи должны выкапываться в земле, потому что они лучше, но не всегда они прикрывают сверху, как те, что имеем здесь [в зоне Ла-Платы и укрепленном районе Маэстры]. После первых линий [обороны] должны подготовить вторые и так далее.

Настаиваю на этом, зная, что это единственно правильный метод оказывать сопротивление. Если люди использовали бы только разум, уверяю тебя, этого было бы достаточно. К сожалению, обычно это случается очень редко.

Мое впечатление такое, что эти правительственные войска не могут чувствовать себя исполненными достаточной решимости подняться по реке. Придумай какой-нибудь ход, и с ними можно будет сделать то же, что ты сделал в Ла-Каридад».

25-го числа правительственные войска заняли Пуриалон, не встретив сопротивления. Повстанческая линия продолжала оставаться за Хигуэ, в результате чего фактически оказались свободными более трех километров реки и дороги, на которых имелись бесконечные возможности подтачивать их силы и даже, пожалуй, сделать

опасным вражеское продвижение вглубь нашей территории. С растущей неудовлетворенностью, которую испытывал в отношении действий повстанческой обороны в зоне реки, я принял решение спуститься к линии фронта, чтобы лично проинспектировать ситуацию. В результате этого ознакомления я распорядился заменить Педрито и Рене в командовании личным составом на реке Ла-Плата и назначить вместо них заместителя Паса Фернандо Чавеса, «*Артиста*», которого возвел в тот момент в звание лейтенанта и приказал ему реорганизовать линию обороны возможно ниже по течению реки и около Пуриалона. Отделение Педро на массиве Кауара также оставалось в подчинении Чавеса, который, в свою очередь, подчинялся Пасу, остававшемуся ответственным за весь сектор.

Мирет дисциплинированно сразу же выполнил мой приказ о перемещении с расчетом миномета в дом Сантакларе́ро в Ла-Плате. Рене, напротив, тянул с передачей своей винтовки Чавесу и с выполнением моего распоряжения подняться на Ла-Плату, из-за чего через два дня я приказал, чтобы он явился и был препровожден в качестве заключенного в Пуэрто Маланга.

На рассвете 26 июня Чавес отправился принять свой командный пост и исполнять инструкции. Он имел точные указания о подготовке последовательных засад вдоль дороги у реки через каждые пятьсот или шестьсот метров, принимая в каждом случае соответствующие меры, чтобы обезопасить свой тыл и, если правительственные войска вынудят отступить до Хигуэ, как только достигнет этого пункта, отойти в направлении высоты Кауара и подготовить прочную линию обороны на твердой суше. Смысл этого последнего передвижения был двояким: с одной стороны, закрыть уступ к Маэстре по этому пути, а с другой – возможность использовать эту силу, чтобы атаковать с тыла солдат в случае, если бы они продолжили свое продвиже-

ние по реке Ла-Плата в направлении Эль-Наранхаля и там напоролись бы на засаду Паса.

Но враг не оставил времени, чтобы оказалось возможным исполнять эти приказы, поскольку также на рассвете 26-го числа две роты под командованием майора Кеведо возобновили марш вверх по реке и пополудни прибыли в Хигуэ. Достигнув этого места, враг смог расположиться на полпути от побережья до возвышения Ла-Платы.

9

Ла-Плата под угрозой

ИЮНЬ 1958						
вс	**пн**	**вт**	**ср**	**чт**	**пт**	**сб**
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	**19**	**20**	**21**
22	**23**	**24**	**25**	**26**	**27**	**28**
29	30	–	–	–	–	–

Дни 19 и 20 июня были, возможно, самыми критическими в ходе всего наступления. На протяжении этих дней, как уже говорилось в предыдущих главах, вражеским силам удалось занять Санто-Доминго и Вегас-де-Хибокоа, очень важные потенциальные оперативные базы для последующего штурма повстанческого редута в укрепленном районе Маэстры, и они добились глубокого проникновения на повстанческие территории с юга после того, как были отброшены маленьким подразделением Рамона Паса в Ла-Каридад.

Для нас самое худшее за два дня, как мы также видели, было, с одной стороны, убеждение, что по крайней мере на одном из этих фронтов – фронте Вегас – сопротивление не оказалось вполне действенным и решительным, а с другой – неопределенность из-за отсутствия точной информации о том, что происходило на юге. Но даже при таком реальном положении, которое, как нетрудно понять, вызывало у меня глубокое беспокойство, я постарался спокойно оценить новую возникшую ситуацию и принять ряд мер, чтобы осуществить план, предусматривавшийся на случай вероятных событий такого рода.

Даже в этот момент, когда тактическая инициатива находилась у врага, наши планы не ограничивались задачей занять оборону на повстанческой территории. В классической войне можно было бы предположить, что при подобной конъюнктуре следовало полностью применить идеи и стратегическое подходы, сформулированные исходя из характеристики местности и наличия собственных сил.

Действительно, одной из доминирующих линий в моих стратегических размышлениях с самого начала вражеского наступления было использование местности и, прежде всего, топографических особенностей Сьерра-Маэстры, с характерными долинами или впадинами, окруженными возвышенностями.

Практически меня не очень заботило, что какому-либо из вражеских воинских формирований удастся проникнуть на территорию, где была сосредоточена повстанческая оборона, и, таким образом оказаться в этих долинах или впадинах. На самом деле, они не могли не сделать этого, ибо в долинах Сьерры находятся два самых важных элемента для обеспечения существования относительно многочисленного войскового контингента, а именно вода и самые свободные отрезки пути сообщений, которые, даже когда они проходят частично по горным массивам, чаще спускаются к рекам и ручьям, неизменно протекающим по дну этих впадин.

Войска, расположившиеся в какой-либо долине Сьерра-Маэстры, становились подходящей целью окружения с использованием прилегающих возвышенностей. При таком расположении – и учитывая, что фронтальный штурм на высоте всегда, в войне любого типа, представляет собой одну из самых трудных операций, а тем более принимая во внимание гористый характер большей части склонов Сьерра, – у осажденных войск как теоретически, так и практически было бы мало возможностей выйти из

ситуации, в которой они оказались бы, не располагая внешней поддержкой. Другими словами, если они не располагают подкреплениями, которые пришли бы им на помощь, чтобы разорвать кольцо снаружи и помочь выйти из окружения.

Как военная операция окружение обычно носит явно наступательный характер. Ее цель, как правило, – добиться сдачи осажденных войск из-за голода или добиться исчерпания их оборонительных ресурсов действиями, подтачивающими их силы, с тем, чтобы броситься в конце на штурм окруженной позиции, если это потребуется. Но может иметь место и другой тип окружения, цель которого – только сдержать какое-либо наступательное действие осажденных войск. В последнем случае это придает окружению не столько наступательный, сколько контрнаступательный характер.

Операция, которую я имел в виду как первую фазу ответа на угрозу, возникшую со стороны вражеских войск, которым удалось проникнуть в Санто-Доминго 19 июня, могла бы быть классифицирована как сочетание этих двух типов окружения.

С предыдущего дня, когда я пришел к реалистичному выводу о том, что не будет возможности воспрепятствовать врагу войти в это место, у меня в голове начал складываться план осуществить возможное окружение его войск. Но не подумайте, что в тот момент главной целью, к какой я стремился, было непосредственное намерение заблокировать вражеские силы, которые будут окружены, что могло бы осуществиться посредством фронтального штурма. Стало очевидным, что в то время соотношение сил не позволяло нам предпринять действие такого рода, которое, с другой стороны, могло бы привести к значительным потерям в наших рядах. Враг еще сохранял инициативу, и его войска оставались более или менее нетронутыми, продвигаясь одновременно в трех направлениях.

Мы оказались не в состоянии сосредоточить в одной операции на относительно продолжительное время необходимое количество сил, чтобы добиться подходящего соотношения сил на месте. Это означало бы слишком ослабить оборонительные линии, противостоящие другим направлениям атак врага, что могло бы привести к катастрофическим последствиям.

Окружение, которое я держал в уме, в этой первой фазе было главным образом окружением сдерживания. Оказалось невозможным избежать проникновения на повстанческую территорию. Что следовало сделать теперь – это не дать вражеским силам сделать еще шаг ни вперед, ни назад. Другими словами, используя выражение, которое я употребил в уже цитированном послании Че от 18 июня, речь шла о том, чтобы «закупорить в бутылку» врага. И, как я написал Суньолу в тот же день, до занятия Санто-Доминго правительственными войсками:

> «В случае, если солдаты спустятся через Какао и смогут войти в С.-Д. [Санто-Доминго] после боя с Пако [Каберой Пупо], тогда мы не будем давать им следовать ни вниз, ни вверх, ни вовнутрь Сьерры, и у них не останется другого пути, как вернуться туда, откуда они появились, если не заткнем этот путь, что оказалось бы очень легким делом, так как массив [высота Эль-Какао] совершенно голый».

Тем не менее, это окружение могло бы сыграть наступательную роль в той мере, в какой смогло бы истощить силы и деморализовать врага, зажатого в Санто-Доминго, а также подготовить необходимые средства для нашего удара по подкреплениям, направляемым ему на помощь, или сокрушить их. Таким образом, быть может, создались бы условия, подходящие для того, чтобы в дальнейшем добиться сдачи осажденных войск.

Неустойчивая тактическая ситуация, возникшая 19-го числа, вынудила меня изменить временно этот план по крайней мере в том, что касается перекрытия пути по реке Яра, вниз по течению от Санто-Доминго, для чего я думал использовать небольшие подразделения Феликса Дуке и отдал соответствующие приказы. Какое-то время нельзя было думать о занятии высоты Эль-Какао – помимо того, что она была «совершенно голой», еще имелись какие-то значительные вражеские войска в зоне Эль-Веррако.

Любая повстанческая сила, размещенная на той высоте, оказалась бы между трех огней: спереди – со стороны Санто-Доминго, сзади – с направления Эль-Веррако и Эль-Какао и сверху, с воздуха, на массиве, где не было возможности прикрыться от атаки авиации.

По этим соображениям план по окружению войск в Санто-Доминго не был выполнен полностью с самого начала. Как я уже упоминал, путь по реке оказался открытым и оставался таким в последующие дни из-за приоритетной необходимости закрыть все подступы к укрепленному району Маэстры к западу от Гамбоа. Высота Эль-Какао будет снова занята 29 июня, после того, как остальные вражеские войска, размещавшиеся с другой стороны, отойдут и присоединятся к войскам из Санто-Доминго.

Вместо этого была сразу же установлена оборонительная линия сдерживания, охватывавшая направления, по которым никоим образом нельзя было позволить допустить дальнейшее продвижение врага. Этими двумя направлениями были, разумеется, верхнее течение реки Яра и массив Эль-Наранхо, которые вели более или менее прямо к глубокому проникновению в «базовую территорию» повстанцев.

Что касается массива Эль-Наранхо, то задача воспрепятствовать всякому дальнейшему продвижению ложилась в первый момент на то же самое маленькое войско

Пако Кабреры Пупо, которое сражалось в Ла-Мантеке и в которое влилась группа под командованием Убера Матоса, подкрепленная теперь группой Хеонеля Родригеса, прибывшая сразу же после того боя. Но в дни, последовавшие за занятием врагом Санто-Доминго, эта линия все более подкреплялась подключением новых сил из других оперативных зон.

Как часть этого оборонительного подкрепления в районе высоты Эль-Наранхо около 22-го числа я лично разместил отделение Даннея Переса Áламо, которое ранее находилось на пляже Ла-Платы, входя в силы Педро Мирета, и которому приказал располагаться в зоне командования Ла-Платы после его отхода во время высадки роты G-4 в этом месте 20-го числа. Новые позиции этого персонала предполагалось расположить на спуске с Эль-Наранхо, с другой стороны и очень близко к укрепленному району Ла-Платы, в пункте, где сходятся дороги от Лос-Лириос. Люди Аламо должны были прикрыть в необходимом случае любое из этих двух направлений. Эта группа из примерно двадцати человек также находилась бы позади на положении резерва, а позднее составила бы часть окружения в Санто-Доминго.

Я приказал также разыскать отделение, входящее в силы Камило, которое было отделено от остальных его войск и осталось в зоне Агуальревес с Рамиро, чтобы расположить его близко и слева от позиции Лало Сардиньяса, в начале массива Лос-Лириос. Это отделение из шести или семи человек находилось под командованием Зенена Мериньо.

26-го числа я отправил также на массив Эль-Наранхо наше главное тяжелое оружие, «артиллерию» – расчет пулемета 50-мм калибра под командованием Браулио Кюрюно. В последние дни июня я разместил взвод Рене Рамоса Латура, «Даниэля», который прибыл 20-го числа в Ла-Плату во главе группы подкрепления из Сантьяго-де-Куба, примерно на середине дистанции между этими

позициями и возвышением Маэстры в качестве второго эшелона резерва, который вступит в действие в необходимом случае. Это относительное сосредоточение сил свидетельствует о значении, придававшемся обороне подъема на Эль-Наранхо, самого прямого пути для штурма укрепленного района Маэстры в окрестностях Ла-Платы.

Все отделения первой линии сдерживания перешли бы в подчинение Пако Кабреры Пупо за исключением группы Зенена Мериньо, которая по своему расположению подчинялась бы командованию Лало Сардиньяса в Пуэбло Нуэво. Но как раз в эти дни у Пако Кабреры Пупо случился острый приступ аппендицита и он был вынужден покинуть расположение. Вследствие этого он не смог выполнять обязанности бойца до окончания наступления. У меня не оставалось другого выхода, как доверить общее командование этой линией Уберу Матосу.

20-го числа группа Пако Кабреры Пупо переместилась на другую сторону ручья Эль-Наранхо и заняла позиции на дороге, которая поднимается по ручью, немного выше дома Клементе Вердесиа, того самого, что служил несколько дней до этого мастерской по изготовлению бомб и ремонту оружия. В этом месте можно было оказать сопротивление как в случае, если правительственные войска попытаются подняться по ручью, чтобы занять Эль-Наранхо, так и в случае, если они направятся к массиву, поскольку эта дорога выходила метрах в ста за позицией, занимавшейся Пако.

Вот оттуда Пако Кабрера Пупо и был вынужден удалиться 22-го или 23-го числа в Ла-Плату. В течение этих двух или трех дней враг не пытался пройти через Эль-Наранхо. Он ограничился несколькими разведывательными поисками по склонам уступов, нависающих над левым берегом Яры, по сторонам ручья Эль-Наранхо.

После того как Убер Матос принял командование, я отдал приказ разделить группу на три части. Одно ма-

ленькое отделение из четырех или пяти человек под командованием Пако Кабреры Гонсалеса заняло две существовавшие траншеи в пункте, где дорога, поднимавшаяся на массив Эль-Наранхо, входила в лес и начинала взбираться выше, оставляя позади первые дома Эль-Наранхо и часть выпаса. Отделение Хеонеля Родригеса разместилось на самом возвышении холма Сабику́, слева от дороги. Убер Матос, в свою очередь, расположился с остальным личным составом в других траншеях в промежуточном пункте на подъеме к массиву, уходящему прямо в лес, на склоне Сабику́.

Идея этого распределения состояла в том, чтобы прикрыть две из возможностей продвижения вперед правительственных войск в случае, если они попытаются подняться на массив Эль-Наранхо, то есть взобраться по дороге – по склонам холма Сабику́ – или с фронта, продираясь сквозь лес, чтобы выйти прямо на высоту Сабику́.

В каждом случае они столкнулись бы с группами внизу и вверху соответственно, тогда как задачей промежуточной группы Убера Матоса было подкрепить действия вверху или внизу, там, где нужно. Помимо этого отделению Хеонеля полагалось предотвратить возможность попытки врага взять массив со склона, противоположного Эль-Наранхо, то есть с уклона ручья Лос-Могос.

Многие из наших бойцов, которые предназначались для занятия позиций на этой линии, считали свои траншеи уже сделанными. Этот склон массива Эль-Наранхо из-за своей близости к пунктам командования в Ла-Плате был одним из мест, где мы интенсивно работали по подготовке местности в целях обороны сердцевины нашей территории.

Сбоку от массива Эль-Наранхо находился уступ массива Гамбоа, который исчезает в реке Яра напротив Санто-Доминго, там, где расположился сначала Пако Кабрера Пупо сразу после боя в Ла-Мантеке. Когда Пако побывал

на уступе Эль-Наранхо, я направил Феликса Дуке прикрыть этот другой важный путь возможного подступа к возвышению Маэстры через эту зону. Отделение Дуке, которое в тот момент насчитывало не более десяти человек, расположилось очень близко от середины дороги между рекой Яра и возвышением Маэстры.

Другим входом в саму Маэстру, который мог использоваться правительственными войсками, был путь из мест, известных как Эль-Кристо и Эль-Торо, через которые открывался доступ к укрепленному району, так называемой «палаточке» Маэстры, расположенной в зоне Хименес, между Ла-Платой и Момпье. Этот подступ был немедленно прикрыт отделением Эдди Суньола, чьи позиции в Провиденсии теряли смысл после вступления врага в Санто-Доминго.

Что касается второго главного пути по реке вверх, с 18 июня, когда я получил первые неподтвержденные сообщения – которые оказались ложными – о том, что враг уже прошел в Санто-Доминго, я приказал Лало Сардиньясу спуститься со своими людьми через Ла-Херингу и расположиться возможно ближе к правительственным войскам на речной дороге. В ту же ночь люди Лало предприняли тяжелый и утомительный форсированный марш, через Лома Асуль и прибыли к реке Яра, на траверсе владения Густаво Сьерра в Сантане, на рассвете 19-го числа, почти в то время, когда началась перестрелка в Ла-Мантеке. На следующий день они уже заняли позиции в зоне Пуэбло Нуэво, немногим меньше двух километров вверх по течению от дома Лукаса Кастильо в Санто-Доминго, где Санчес Москера установил свой командный пост.

Любые войска, располагавшиеся в Санто-Доминго, имели четыре возможных пути на тот случай, если вознамерились бы более глубоко проникнуть на повстанческую территорию. Три из них прямо вели к укрепленному району Маэстры. Самый западный поднимался по всему усту-

пу Гамбоа, подступ к которому прикрывался Дуке. За ним к востоку следовал путь, который шел по ручью Эль-Наранхо и склону холма Сабику́ до массива Эль-Наранхо и вдоль него до возвышения Маэстры, очень близко от ставки командования Ла-Платы и помещений «Повстанческого радио». Третий из этих путей представлял собой тропу, выходившую от Пуэбло Нуэво, дальше ручья Лос-Могос и смыкавшуюся с дорогой из Эль-Наранхо, вблизи укрепленного района Маэстры. Соединение этих двух путей стало позицией, оборонявшейся А́ламо. Наконец, четвертый вероятный путь проходил в верхнем течении, по дороге у реки Яра, стремившейся затем отклониться направо к укрепленному району, либо по дороге, поднимавшейся через Сантану, либо через Ла-Херингу, взбираясь на Маэстру около высоты Пальма Моча. Путь из Гамбоа привел бы врага к ставке командования с запада, а пути от Сантаны или Пальма Моча – с востока. Дороги из Эль-Наранхо и Лос-Лириос, как уже говорилось, соединялись очень близко от укрепленного района и вели прямо в зону ставки командования.

Позиция, которую я приказал занять Лало Сардиньясу на уровне Пуэбло Нуэво, как раз предназначалась, чтобы прикрыть как возможный подъем вражеских войск вверх по реке, так и возможную попытку подняться по дороге из Лос-Могос. В послании, направленном ему на рассвете 21-го числа, дал четкие инструкции, чтобы он расположился ниже тропы из Лос-Могос, которая, к тому же, служила бы путем отхода в необходимом случае, и предупредил Лало:

> «Надо ожесточенно сражаться. Каждый клочок местности может быть уступлен только после ожесточенной обороны. Когда уже будешь на пути, поднимающемся на Маэстру, ты должен окопаться и не позволить им пройти».

Любой ценой нужно было помешать тому, чтобы враг достиг укрепленного района Маэстры, от которого, казалось, его отделяет только один шаг. Я был убежден, что оценил правильно вражеские намерения, и был расположен заставить заплатить весьма дорого за этот шаг. Речь идет, пожалуй, о самом критическом в тактическом плане моменте всего наступления. Тем не менее, моя уверенность в способности обороняться в этой зоне, оставалась неизменной.

20-го числа я информировал Че:

> «Ситуация здесь несколько улучшилась, но остается еще неопределенной. Войска из дома Лукаса не двинулись ни на метр вверх или к Наранхо, где находятся наши практически двойные засады [...].
>
> Лало уже в Санто-Доминго оберегает дорогу по этой стороне [...]».

Лало в итоге, опасаясь, что в случае столкновения правительственные войска могут достичь возвышения на правом берегу реки, откуда могли бы нанести удар по повстанческой засаде или окружить ее, занял позицию приблизительно в двухстах метрах позади указанной, но все еще перед дорогой из Лос-Могос. Там он распределил двадцать три человека из своего войска по всем сторонам реки и дороги среди кофейных деревьев вблизи дома крестьянина, сотрудничавшего с повстанцами, Марио Магеры. От этого места до дома Лукаса Кастильо, где установил свой командный пункт Санчес Москера, было примерно 1200 метров по реке.

В тот момент взвод Лало Сардиньяса располагал лишь одиннадцатью единицами оружия, из которых только семь могли считаться более или менее эффективными. Остальные были ружьями и мушкетонами «Маузер».

Что касается боезапаса, то наиболее обеспеченными были те, кто имел от 60 до 80 патронов. Одна из винтовок

располагала восьмью патронами. Общий вид этого маленького войска, плохо одетого и ещё хуже обутого, был такой, что многие бойцы-повстанцы называли их «безрубашечниками». С другой стороны, хотя в тот момент положение уже значительно улучшилось благодаря помощи самого Марио Магеры и особенно Фелисиано Риверо – гаитянина, коттедж которого был построен на левом берегу реки, примерно в шестистах метрах за засадой, – долгие недели, пока мы находились в зоне Лос-Лириос, были трудными для них из-за недостатка питания.

В рамках оперативной диспозиции, предусмотренной в плане операций армии, ударная сила под командованием подполковника Санчеса Москеры должна была состоять из его батальона 11 и батальона 22 под прямым командованием майора Эухенио Мендеса. Это второе подразделение имело вначале задачу следовать позади другого, чтобы обезопасить его тыл и его линии снабжения.

После 12 июня, когда изменилось направление продвижения батальона 11, другое подразделение также изменило путь своего марша и последовало по тому же пути, что и Санчес Москера. Между двумя батальонами всегда поддерживалась примерная дистанция, равная двум дням марша.

19 июня батальон 22 находился в Эль-Веррако. Я получил подтверждение сообщения об этом в послании, которое направил мне Лало Сардиньяс по прибытии в Ла-Херингу, информируя довольно точно о том, что речь шла о войсках в количестве трехсот человек. В тот же день, 19-го числа, Альмейда сообщил мне о присутствии этих войск в Эль-Веррако и ошибочно предположил, что они двигались в направлении Эстрада Пальмы.

Эта ситуация вызвала у нас беспокойство в критические дни 19 и 20 июня. Я приказал Лало, чтобы он оставил несколько человек на высоте Сан-Франциско, предусматривая возможность, что эти вражеские силы попытаются повернуть к реке Яра по пути, параллельному движению Санчеса Москеры, но намного восточнее, в результате чего оказался бы в тылу позиции, которую я приказал занять самому Лало в Пуэбло Нуэво, и создал бы крайне сложную ситуацию. 20 июня я сообщил об этой озабоченности Че. В послании, направленном ему, я рассматриваю вероятность этого движения как «новый фактор», который может появиться и который вновь нарушил бы мой план. А на следующий день в другом послании – Пасу, который находился на южном фронте, я вернулся к той же теме:

> «Пока что не существует опасности, что от Санто-Доминго войска поднимутся к Маэстре по дороге из Пальма Моча [дорога из Сантаны], поскольку вражеские войска, прибывшие в Санто-Доминго, были наполовину закупорены нами в доме Лукаса [Кастальо], но эта опасность может возникнуть, если они прибудут из Эль-Веррако или из Эль-Какао через Сан-Франсиско или Ла-Харньегу, направляясь к истокам реки Яра, выше Санто-Доминго.
>
> Когда возникнет такая ситуация, надеюсь разрешить ее, если Куэвас, наконец, появится со своим взводом и новобранцами, которых он привел. Ему ничего не остается сказать, и если к тому же прибудет Камило, тогда не побережем правительственных солдат».

Действительно, как это и подтвердится на деле, моя оценка относительно пункта назначения этих сил была правильной. Что изменилось, так это избранный путь. С трудом удерживаюсь от искушения поразмышлять, что

же случилось бы, если бы батальон 22 попытался повернуть к реке Яра по возвышению Сан-Франсиско. Пожалуй, этого не произошло, потому что вражеское командование сочло, что этот путь был очень защищенным, хотя на самом деле в тот момент не было никого, кто охранял бы дорогу из Сан-Франсиско. Лало не помнит, чтобы он отправлял людей на эту позицию.

21 июня Гильермо Гарсиа, который стал следовать путем, параллельным врагу, по массивам, после того как произошло изменение направления, находился в зоне Агуэльревес и Ла-Херинги и сообщил, что войска достигли уровня Ранчо Кларо. С прибытием капитана Гильермо в эту зону несколько ослабла тактическая угроза, так как бойцы, которыми он располагал, могли оказать первое действенное сопротивление, если бы враг попытался повернуть к реке Яра.

Принимая во внимание ситуацию, созданную этими двумя вражескими силами, и предвидя, кроме того, окружение, которое я думал устроить вокруг Санто-Доминго, приказал Андресу Куэвасу, чтобы он занял позицию в зоне Раскасьело, немногим более километра к востоку от укрепленного района Ла-Платы. Куэвас прибыл в это место 22-го числа. Оттуда он мог действовать в качестве резерва в любом из двух направлений, где его присутствие как подкрепления было бы необходимым, поскольку это место находилось более или менее на равном удалении от Санто-Доминго и Ла-Херинги. Люди Куэваса прибыли в Раскасьело после трудного, утомительного дня с высоты Ла-Каридад. Материальное состояние повстанцев и отделения было довольно тяжелым. Напомним, что мы лишились своих вещевых мешков, захваченных солдатами майора Кеведо в Ла-Каридад 19 июня.

Куэвас написал мне 23-го числа:

> «[...] что нам нужно, так это, чтобы Вы нам прислали чем укрыться, ведь ночью девять человек не смогли

спать, так как здесь очень холодно, а у нас ничего нет, и о ботинках Вы знаете, что из-за переходов, которые мы совершили, некоторые из нас разуты. У нас есть человек, который готовит еду, нам нужны соль и немного вяленого мяса из того, что делает Йейо [Хельо Архели́с], оно нам подходит, а также немного фасоли».

Несмотря на эти лишения, боевой настрой бравого повстанческого капитана и его людей не сник:

«[...] это хорошее место, чтобы ждать солдат», – сообщал мне Куэвас в том же послании.

За исключением маленьких разведывательных патрулей, направленных на небольшое расстояние от своего лагеря, Санчес Москера не предпринимал никаких действий в течение нескольких дней после занятия Санто-Доминго. Всё, казалось, указывало, что в соответствии с предусмотренным планом он, прежде чем сделать следующий шаг, ожидал прибытия второго батальона, который составлял его ударную силу.

Но не все время было потерянным для этого подполковника, который заработал свои звезды, убивая крестьян. Ожидая грядущего прибытия правительственных войск, Лукас Кастильо покинул свой дом вместе со всей семьей и укрылся в лесу. Санчес Москера послал ему с одной из его дочерей записку:

«Скажи старику, чтобы возвращался домой; поскольку он будет работать в лесу, ему нечего бояться».

Лукас Кастильо наивно поверил этому и появился через несколько дней. Детали того, что произошло потом, никто не может достоверно засвидетельствовать. Дело в том, что после поспешного отступления Санчеса Москеры

в конце июля труп Лукаса Кастильо, изрешеченный пулями и исколотый штыками, был обнаружен в одной из десятков могил, вырытых в прилегающей к его собственному дому кофейной плантации, которая послужила импровизированным кладбищем для многочисленных невинных жертв правительственных солдат.

Вместе со стариком были загублены еще четыре крестьянина, в том числе двое из его семьи. Так офицер-убийца захотел утолить свое сумасшествие и трусливо отомстить за свое бессилие.

Эти дни бездействия в Санто-Доминго совпали на других фронтах с высадкой основных сил батальона 18 в устье Ла-Платы и началом проникновения этих вражеских сил вдоль всей реки с юга. Однако войска Кеведо только к 26-му числу дойдут до Хигуэ и станут лагерем в этом месте. Что же касается северо-западного сектора, то после занятия Вегас-де-Хибакоа 20-го числа вражеские силы не предприняли никакого значительного движения.

Таким образом, в дни, непосредственно последовавшие за 20 июня, главная опасность, в тактическом плане, исходила от вражеских сил, располагавшихся в Санто-Доминго, тех, что проникли более глубоко и находились, казалось, недалеко от сердцевины повстанческой территории.

24 июня, пять дней спустя после прибытия Санчеса Москеры в Санто-Доминго, произошел, казалось, незначительный эпизод, но оказавший заметное влияние на дальнейшие события.

В последующие часы того дня патруль из трех правительственных солдат на лошадях приблизился по реке к ручью Лос-Могос и стал подниматься по левому берегу – вроде больше из намерения разведать отважились напра-

виться туда, в километре от последних линий периметра вражеского лагеря в Санто-Доминго, в поисках скота и мулов, которые, насколько нами известно, свободно бродили по округе.

Этот скот, который означал питание для лагеря, никогда не испытывавшего недостатка в продовольствии, отнимался или похищался у крестьян или повстанцев. Три правительственных солдата продвигались уверенные в себе, с винтовками, прикрепленными к сбруе, очевидно, не ведая о существовании повстанцев в этих местах или не считая вероятным их присутствие так близко от вражеского лагеря.

Люди Лало Сардиньяса находились на своих позициях вдоль дороги, поднимающейся по гребню уступа. Они провели там четыре дня, ожидая в любой момент увидеть появление целого батальона, стоявшего лагерем в Санто-Доминго. Увидев приближавшихся солдат на лошадях, одни из бойцов Лало выстрелили из своего оружия. Другие повстанцы решили, что это был сигнал открыть огонь, и тоже начали стрелять.

Три солдата, застигнутые врасплох и напуганные, повернули лошадей и попытались ускользнуть. Одна из лошадей упала раненая, но всадник вовремя спрыгнул и схватил свою винтовку, побежал вниз по склону вместе с двумя своими товарищами, пока они не скрылись в лесу на берегу реки.

Еще раздавались выстрелы, когда по цепочке бойцов пробежал призыв к отходу. Кажется, в общей сумятице кто-то подумал, что приказ отдал Лало. Бойцы стали взбираться вверх по ручью Лос-Могос и собрались в доме крестьянина Нандо Альбы. Там во второй половине дня им пришел мой приказ всем подняться в Ла-Плату.

Я получил первую информацию об этой перестрелке лишь два часа спустя. Первая версия, дошедшая до Ла-Платы, была преувеличенной до такой степени, что в 11:15 утра следующего дня я написал в послании Пасу:

«Мы уже дали другой бой вражеским солдатам в самом Санто-Доминго, в доме Марио [Магеры], и им пришлось снова отступить к дому Лукаса. Мы не покинули реку».

Однако немного спустя инцидент обрел подлинные размеры. Я узнал, что дело было в нескольких беспорядочных выстрелах по патрулю из трех солдат на конях, израсходованы патроны и не захвачены оружие и боезапас. То есть выдана позиция и не получили ничего взамен. Кроме того, мне стало известно, что повстанческая группа отошла неоправданно, несмотря на мои постоянные приказы оборонять каждую пядь местности во что бы то ни стало и ни за что не уступать, пока не останется другого выхода. Инцидент мог сорвать план по окружению, который в тот момент уже разрабатывался. Конечно, я не был в добром настроении, когда приказал найти Лало и его людей.

Потом я узнал, что в Сьерре всегда становилось хорошо известным и вызывало боязнь мое недовольство всяким проявлением некомпетентности, недисциплинированности или небрежности. Предпалагаю, что они уже знали, что у меня не заплетался язык, когда передо мной представал ответственный за проступок, хотя, как правило, через полчаса я уже шутил с ним или, как говорится, несколько смягчал упреки. Я хотел заставить их задуматься, пристыдить, но не ранить. Все поступали абсолютно добровольно, и их самоотречение было велико. В том случае могу констатировать, что те, кто тогда получил мой выговор, до сих пор вздрагивают, вспоминая об этом. Должно быть, я был так раздосадован случившимся, что поступил особенно строго. Не помню точно, что сказал бойцам взвода Лало. Мне кажется, что меньшее, в чем я их обвинил, – это то, что они «дрейфуны» – очень резкий эпитет среди бойцов.

Я был на грани того, чтобы передать оружие тем, кто горит желанием сражаться, что являлось самым строгим из применявшихся наказаний. Но я заявил им, что они должны будут вернуться на ту же позицию и не позволить пройти там врагам, сколько бы их ни пришло, что они должны провести фортификацию своей позиции и не делать больше ни шагу назад. Если же правительственным войскам удастся прорвать оборону в этом месте, то это может произойти только из-за того, что не осталось ни одного из них. Того, кто поднялся бы, чтобы отходить, я бы ждал с нацеленным оружием 50-мм калибра. Никогда никому я не говорил так.

Сколько мне стоило сил отправить их снова в тот критический пункт!

Я ожидал людей Куэваса, чтобы дать им задание, но они еще не прибыли.

У некоторых из людей группы Лало глаза наполнились слезами от гнева и стыда. Другие рассерженно оправдывались, что получили приказ отойти, но были расположены вернуться на позицию. Немного позднее, когда я несколько успокоился, я дал им несколько патронов и две мины, отправив их назад.

Последующие события, кажется, показали, что мой страшный выговор сыграл свою роль. По-видимому, мои слова глубоко ранили самолюбие повстанческих бойцов маленькой группы Лало Сардиньяса, и они вернулись, чтобы занять свои позиции, настроенные скорее все умереть, чем сделать хотя бы шаг назад. Некоторые из них, как я узнал позднее, даже дали тайную коллективную клятву в том, что в следующий раз не будет отхода, хотя бы им был отдан такой приказ.

Лало не занял точно ту же позицию. Теперь он расположил своих людей, закрывая дорогу через реку с двух сторон на глубину в метров триста пятьдесят. В самом русле реки, где дорога спускается к воде с правого берега

в одном из бесчисленных участков своего извивающегося змеей пути, Лало и большая часть его людей рассредоточились среди камней.

Другие разместились среди теней и стволов кофейной плантации на левом берегу. С другой стороны, в кофейных посадках правого берега, третья группа замкнула изгиб «U» и засады. В нескольких метрах позади нашей линии поднимается к массиву Лос-Лириос дорога, которая сообщается с дорогой от массива Эль-Наранхо.

На небольшом массиве, где проходит проезжая дорога, с левой стороны ручья, разместилось отделение из семи человек под командованием Зенена Мериньо, входившее в войска Камило. Отделение появилось несколькими днями раньше в зоне Агуальревес, и Рамиро направил его мне в Ла-Плату. Это была часть подкрепления зоны, о котором я попросил, и Камило поспешил его направить заранее. Я дал инструкции разместить отделение на тропе, поднимавшейся к ставке командования.

С другой стороны реки, на уровне дома крестьянина Бенито Гарсиа, бойцы Лало Сардиньяса заложили одну из мин, приведение которой в действие из кофейных посадок левого берега поручалось Хоакину Ла Роса. Засада, подготовленная таким образом в Пуэбло, оказалась смертельной ловушкой.

Как я уже объяснял, спустя несколько дней после прибытия правительственных войск в Санто-Доминго мы начали выполнять план по окружению этих войск. Я решил применить тактику запирания врага, чтобы вызвать направление подкреплений извне или попытку прорвать окружение изнутри. В любом из двух случаев враг во время движения был бы застигнут врасплох должным

образом расположенными засадами на всех путях подступа или отхода.

Такой была, разумеется, тактика, которую мы применяли и совершенствовали во время войны и которую закончили шлифовать во всех деталях в борьбе с вражеским наступлением вплоть до ее наиболее полного успеха и ее осуществления в самом чистом виде в битве при Хигуэ, а к концу войны – в битве при Гисе. Но в тот момент Кеведо еще не проник с юга, а войска из Лас-Мерседес и Вегас не подавали новых признаков активности.

В дни после 20 июня, как я уже сказал, батальон 11 представлял собой непосредственную опасность, наиболее близкую к основным позициям повстанческой территории.

Моим первоначальным намерением действительно было провозгласить целью окружение вражеских войск, стоявших лагерем в Санто-Доминго, по всем правилам, что спровоцировало бы, пожалуй, направление подкреплений из Эстрада Пальмы. Ни одна армия не может оставить войска покинутыми на волю случая, не подвергая себя риску подрыва своего боевого настроя и крушения, в конечном счете, своих планов. Чего следовало добиться – это создать достаточно прочные линии, которые были бы в состоянии в случае, если подойдут возможные подкрепления, не только задержать, но также и разгромить их, а что касается повстанческих войск, – поддерживать заметное давление, которое позволило бы им добиться ослабления сил и деморализации врага и быть в состоянии нанести ему окончательный удар по окруженным позициям, если условия окажутся благоприятными.

На 24-е число, когда произошел инцидент с тремя правительственными солдатами на лошадях, мы уже осуществляли шаги, чтобы завершить организацию окружения.

«Планирую здоровую ловушку», – написал я Пасу в тот день. В том же послании я попросил повстанческого ка-

питана, чтобы он направил мне на следующий день пулемет 50-мм калибра Браулио Кюрюно: «[...] для использования которого имею замечательную позицию, и это может решить успех плана».

У другого пулемета 50-мм калибра сломалась деталь, которой не нашлась замена, но для пулемета Кюрюно сохранился весь боезапас.

Правительственные солдаты хорошо окопались вокруг дома Лукаса Кастильо. Нужно было вытащить их из своих пещер тяжелым огнем повстанческой «артиллерии». Холм Сабику занимал господствующее положение над лагерем врага в метрах четырехстах по прямой линии и внизу. Кюрюно устроился 26 июня на массиве Эль-Наранхо, метрах в ста за высотой Сабику.

24-го же числа я приказал разыскать отделение Роберто Элиаса, которое охраняло дорогу из Пальма Моча выше дома Эмилио Кабреры. К тому моменту стало ясно, что вражеских солдат не оставалось в этом направлении. Отделение Элиаса было предназначено как подкрепление Дуке на массиве Гамбоа.

На следующий день Камило прибыл с сорока людьми в Эль-Дескансо и информировал меня так:

«Следую вашим инструкциям, иду к Санто-Доминго, – написал он мне, – [...] идем несколько медленно, все изнурены, люди прилагают большие усилия, уже десять ночей не спим [...]».

Должен сказать, что я получил это известие с чрезвычайной радостью (см. документ на с. 398). Я хорошо знал, что с прибытием Камило можно располагать опытным командиром, храбрым и ответственным, который настроен решительно и с обстрелянными войсками, чье участие в плане окружения означало бы важное прибавление сил.

«Рад больше всего твоему прибытию», – ответил я Камило 27-го числа в послании, в котором указывал ему, чтобы он продолжил марш до дома Сантаклареров в Ла-

Плате, где я в тот момент находился. И добавил: «Ты прибыл в самый подходящий момент».

24-го числа Камило достиг зоны Ла-Херинги, в примерно двух лигах* пути от Ла-Платы. Оттуда он написал мне:

«Все хотим, чтобы ты дал нам место, где надо сражаться, и обещаю тебе, что не покинем его, если только не кончится боезапас, а мы сумеем его сберечь».

В тот же день я приказал Гильермо Гарсиа, чтобы со всем своим личным составом он двинулся на высоту Сан-Франциско. А дойдя туда, ожидал прибытия других сил, которые я собирал, – некоторые из них должен был направить Альмейда и занять Эль-Какао. Цель этого движения состояла в том, чтобы расположить Гильермо на позиции, закрывающей один из двух наиболее вероятных путей прибытия подкреплений в Санто-Доминго из Эстрада Пальмы. На другом пути – дороге через реку – я думал использовать Камило с засадой в Каса-де-Пьедра.

Недостаток повстанческих сил в этом секторе вынудил меня быстро пересмотреть диспозицию наших бойцов для окружения. Где-то 27 июня я обдумывал возможность перемещения личного состава Лало в зону Ла-Мантеки и прикрытия позиций в Пуэбло Нуэво людьми Куэваса. Суньолу приказал спуститься к реке Яра и занять район Леонсито, так как с Камило на дороге из Каса-де-Пьедра, куда думал переместить также Дуке, не представлялось необходимым присутствие того личного состава на подъеме к Эль-Кристо. С этими передвижениями окружение Санто-Доминго стало бы почти полностью сформированным.

Однако как подтверждение того, насколько переменчивой оказалась общая ситуация в эти последние дни июня, как раз 27-го числа произошло проникновение со стороны вражеских войск, размещенных в Вегас-де-Хи-

---

* Мера длины, равная 5572,7 метра. – *Прим. переводчика.*

бакоа, до Таита Хосе, в результате чего, как мы увидим детально в последующей главе, правительственные войска не только могли обойти с флангов позиции Суньола и продвинуться в направлении к Ла-Кореа и укрепленному району Маэстры на высоте «палаточки», но также поставить под угрозу с тыла позиции, которые были бы заняты в Каса-де-Пьедра. Поэтому Суньол должен был оставаться в ожидании в Эль-Кристо.

Гильермо, опытный командир, прибыл на высоту Сан-Франсиско 28 июня. Сразу же распорядился, чтобы одно из его отделений проследовало в Эль-Какао, проинформировал меня об этом передвижении и остался ждать моих приказов.

Я направил его разыскивать отделение Рейнальдо Моры, находившееся в Эль-Конфине, а также ожидать прибытия людей, которых должен был прислать Альмейда. Однако в тот день ход событий ускорился.

10

До Сан-Лоренсо

ИЮНЬ 1958

вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	**20**	**21**
22	**23**	**24**	**25**	**26**	**27**	**28**
29	**30**	–	–	–	–	–

ИЮЛЬ 1958

вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	**1**	**2**	**3**	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31	–	–

20 июня, в день захвата врагом Вегас-де-Хибакоа, я приказал Раулю Кастро Меркадеру и Анхелито Вердесиа, чтобы они прикрыли своими людьми подъем к Минас-дель-Инфьерно и Момпье от Вегас. Напомним, что два капитана располагались в этот момент за Лас-Мерседес, на позиции, которая охраняла подъем к укрепленному району Маэстры в зоне Сан-Лоренсо по пути от холма Эль-Куригу́.

Хотя, по нашей оценке, следующим шагом врага после занятия Лас-Мерседес будет продвижение вперед в направлении к Сан-Лоренсо, присутствие войск в Вегас создавало другую, достаточно серьёзную угрозу: возможность продвижения вперед от Вегас также в направлении к укрепленному району, но в этом случае через гораздо более близкую к центру зону и более близкую к нашей базовой территории, включая, вероятно, Момпье и возвышение Маэстры с «палаточкой». Отсюда мое решение изменить сразу же приоритеты в обороне северо-западного

сектора. Рауль Кастро Меркадер и Анхелито на этих новых позициях включили в свой личный состав бойцов Орасио Родригеса и Орландо Лары, участвовавших ранее в прерванной обороне подступа к Вегас.

Однако спустя два дня основная часть сил, занявших Вегас-де-Хибакоа, отошла к своим походным базам в Арройоне и Лас-Мерседес. В Вегас осталась только рота 92 батальона 19, который в последние дни ограничился проведением разведки в окрестностях поселка.

Получив сообщение об этом движении 22 июля, я понял, что моя первоначальная оценка была правильной и что следующий главный удар врага в этом секторе будет направлен на Сан-Лоренсо. По этим соображениям я распорядился о перемещении отделения Анхелито Вердесиа к дороге от Ла-Йегуа, поднимающейся к Минас-де-Фрио из Вегас. Оттуда в необходимом случае Анхелито мог бы быстро передвинуться, чтобы прикрыть подъем к Сан-Лоренсо, если правительственные войска попытаются пройти по этому пути.

Через несколько дней вражеское командование осуществило движение, которому даже сегодня трудно найти объяснение. Роты 91 и 93 батальона 19 получили приказ снова войти в Вегас и вместе с другой ротой, которая оставалась там, продолжить продвижение вперед, но не в направлении укрепленного района по дороге от Минас-де-Инфьерно, Момпье или Минас-де-Фрио, что было бы логично, а в направлении к поселку Таита Хосе, которое полностью отклоняло эти войска от укрепленного района Маэстры. Таита Хосе по своему расположению к юго-востоку от Вегас не имел в тот момент никакого военного значения. Может быть, вражеское командование получило какую-то информацию о существовании там определенных повстанческих учреждений, что не соответствовало действительности.

К тому времени все подступы к Маэстре от Вегас были прикрыты Че, который прямо отвечал за оборону этого сектора со своего командного пункта в Минас-де-Фрио. Отделение под командованием Рамона Фиальо прикрывало дорогу из Минас-де-Инфьерно, а другое, под командованием Роберто Рунса Боррего, располагалось на дороге из Пуртаторио, которая поднимается от Вегас к Минас-де-Фрио. Анхелито Вердесиа остался на подъеме к Ла-Йегуа, тогда как Орландо Пупо и Даниэль Реадито оберегали подступы по холмам Ла-Вела и Эль-Пино соответственно. Это последнее отделение имело 27-го числа короткое столкновение с вражескими войсками, следовавшими по дороге из Таита Хосе, в котором эти войска понесли потери.

Со своей стороны, Альфонсо Сайас разместился на дороге из Габиро, а Рауль Кастро Меркадер и его люди были перемещены к Поло Норте, близ Минас-де-Фрио, где держались как резерв, готовый двинуться туда, куда требовали обстоятельства.

Проявляя очень здравый подход, если учесть, что путь от Табиро был из тех, который с наибольшей вероятностью использовал бы враг, если намеревался продолжать продвижение во внутренние районы гор, Че приказал также Анхелито Фриасу, который находился в Эль-Хибаро, чтобы он подкрепил Сайаса и направил туда Сесара Суареса с двадцатью бойцами.

Между 28 и 29 июня, возможно, убедившись, что в поселке не было ничего из того, что искали, правительственные войска покинули Таита Хосе и вернулись в Вегас. В те дни все мое внимание было сосредоточено на боях, происходивших в Пуэбло Нуэво и Каса-де-Пьедра, которыми начиналась первая битва у Санто-Доминго.

Ей будет посвящена одна из последующих глав.

Вновь сосредоточенные в Вегас три вражеские роты предприняли 30 июня попытку проникнуть в направле-

нии укрепленного района Маэстры, но были отбиты на холме Инфьерно с помощью повстанческой засады, подготовленной отделениями Орландо Пупо и Рамона Фиальо на подъеме холма Ла-Вела при поддержке бойцов Анхелито Вердесиа, Даниэля Родриго и Роберто Руиса, которые быстро пришли на помощь своим товарищам. Враг потерял одного человека в столкновении с повстанцами. Правительственные войска поспешно отошли к Вегас.

В тот же день я был проинтервьюирован в Ла-Плате по телефону из «палаточки» Маэстры журналистом североамериканского телевидения Нортоном Сильверстейном. К сожалению, оказалось невозможным найти эту запись, но я объяснил журналисту смысл нашей борьбы и выразил самый большой оптимизм в отношении развития действий по сдерживанию крупного вражеского наступления. В этот момент с развертыванием первой битвы у Санто-Доминго инициатива уже начала переходить к нам.

На следующий день боя на холме Ла-Вела роты 91 и 93 отошли от Вегас в направлении Лас-Мерседес. Очевидно, как последствие этого боя вражеское командование сочло, что подступы к укрепленному району из Вегас хорошо охраняются нашими силами, и решило испробовать альтернативный путь через Сан-Лоренсо.

1 июля роты 71 и 72 батальона 17 началаи продвижение в направлении Табиро от Лас-Мерседес. Повстанческие силы под командованием Рауля Кастро Меркадера, Альфонсо Сайаса, Сесара Суареса и Анхелито Элиаса упорно сражались более часа, но все же вынуждены были отступить. Под бурным ливнем повстанцы отходили от одной к другой заранее подготовленной линии обороны и задержали продвижение врага в оставшуюся часть дня. Однако, когда стало вечереть, правительственные войска уже подходили к возвышению Маэстры над Сан-Лоренсо. Повстанцы отошли в направлении Поло Норте и Эль-Табако. Армия понесла в тот день некоторые потери.

Утром 2 июня основные силы батальона 17 прибыли в Сан-Лоренсо и, заняв обезлюдевший поселок, встали там передовым лагерем. Завладев прилегающими высотами и обезопасив в послеполуденные часы периметр расположения, роты 91 и 93 батальона 19, лишь накануне прибывшие в Лас-Мерседес, переместились в Сан-Лоренсо по той же дороге из Габиро.

Как я уже упоминал, занятие Сан-Лоренсо вражескими силами было одной из предусматривавшихся нами альтернатив в этом северо-западном секторе, хотя в действительности это не было нашей главной заботой, поскольку всё, что могло произойти, требовало только некоторых мер по исправлению оборонительных линий. Командование армии решило нанести свой главный удар в этом секторе в направлении, которое отдаляло его от центральной повстанческой территории, что объяснялось, вероятно, опасением встретить намного большее сопротивление в зоне Вегас и на местности, более благоприятной для наших сил. Все же движение к Сан-Лоренсо создавало бы для врага преимущество внедрения на фронте, располагавшемся на периферии и потому, возможно, могущего быть менее защищенным, где легче было осуществить маневр для атакующей пехоты, которая, к тому же, могла быть поддержана на значительном участке пути механизированными средствами. Если его намерение состояло в дальнейшем продвижении в направлении к Минас-де-Фрио, то он мог достичь этого и занять этот пункт, обойдя главные линии обороны повстанцев без фронтальной атаки из Вегас.

Поэтому, как только стало известно о занятии Сан-Лоренсо основными силами батальона 17 и двумя ротами батальона 19, я решил сосредоточить главный личный состав этого сектора на обороне подступа к Минас-де-Фрио. С этого дня я стал осуществлять необходимые диспозиции. На рассвете 3 июля сам направился из Ла-Платы к

Минас-де-Фрио, чтобы находиться ближе к этому фронту боя и оттуда руководить операциями. Я взял с собой Андреса Куэваса и его взвод, а также одно отделение войск Камило под командованием Фелипа Кордуми.

Помимо повстанческих групп, которые до этого обороняли Сан-Лоренсо, в зоне находились войска Рауля Кастро Меркадера и Анхелито Вердесиа, располагавшиеся в тот момент в Поло Норте и Гран Тьерра, соответственно, а также личный состав школы новобранцев из Минас, который был вооружен частично оружием, захваченным в битве у Сан-Доминго. Пока что я считал, что этих сил было достаточно. Другие группы из тех, что участвовали в действиях у Санто-Доминго, могли бы быть направлены в этот сектор и расположены на позициях, откуда могли бы двигаться как подкрепление в зависимости от ситуации.

Но надо было предусмотреть также возможность того, что враг вознамерится после занятия Санто-Доминго не продолжить движение в направлении Минас-де-Фрио, а следовать к Эль-Табако с целью повернуть к Мериньо, что могло бы означать довольно значительную угрозу, хотя и менее непосредственную и серьезную, нежели возникающая вследствие возможности прямого штурма Минас-де-Фрио, но к которой мы также должны были приготовиться.

Занятие Мериньо выдвинуло бы врага в глубь северо-западного сектора нашей территории с тем отягчающим обстоятельством, что оттуда он мог бы объединить усилия с силами батальона 18, которые продвигались с юга.

Наряду с продвижением вперед и занятием Сан-Лоренсо вражеские силы, расположенные в Сьенагилье, прошли в тот день до Агуакате. К тому же некоторые войска прибыли в Купеял, где были обстреляны группами стрелков из колонны Кресенсио Переса. Но дальше не проследовали.

В тот же день, 3-го числа, я решил отдать приказ об эвакуации госпиталя в Посо Асуль в зону Лимонес, поскольку тот находился под прямой угрозой занятия Агуакате.

11

Кеведо в Хигуэ

ИЮНЬ 1958

вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	**26**	**27**	**28**
29	**30**	–	–	–	–	–

ИЮЛЬ 1958

вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**
6	**7**	**8**	**9**	**10**	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31	–	–

Вопреки тому, что следовало разумно предвидеть, две роты вражеского батальона 18, прибывшие во второй половине дня в четверг 26 июня в Хигуэ, не продолжили сразу же проникновение вверх по реке, а принялись устанавливать лагерь в этом месте и фортифицировать свои позиции. В ту же ночь они были обстреляны людьми Рауля Подио и Фернандо Чавеса. Первый, напомним, охранял массив Кауара над вражеской позицией; второй принял под командование личный состав повстанцев на реке Ла-Плата с предыдущей ночи вместо Педро Мирета и Рене Родригеса.

Прибытие этих войск в Хигуэ и их расположение на этом месте позволяли нам подготовить условия для осуществления плана, который мы уже начали разрабатывать. Речь шла о том, чтобы запереть вражеские силы в кольце, из которого они не смогли бы выбраться. Держать их, не давая двинуться, пока не добьемся их сдачи, задержать и,

если окажется возможным, разгромить подкрепления, направляемые им на помощь. Для этого оперативный театр в Хигуэ и в нижнем течении реки Ла-Плата сочетал идеальные топографические условия. Вражеский лагерь, оказавшийся в центре южного сектора контролировавшейся нами территории, со всех сторон был окружен массивами и высотами, которые могли быть легко заняты нашими бойцами, а сам лагерь изолирован действиями небольшой команды бойцов, создававшими необходимое давление, блокаду снабжения припасами с нанесением ударов, чтобы поддерживать эффективное окружение. Единственный путь, который имелся бы у врага для подкрепления осажденных войск, проходил у реки, по дороге, поднимавшейся от пляжа, и дороге, на которой были десятки мест, где можно было устроить эффективные засады против любого подкрепления.

В этом случае действовало наше отличное знание местности – одно из преимуществ партизана и один из аспектов, которому мы уделяли большое внимания с начала борьбы в Сьерра-Маэстре. Это знание подсказало нам замысел плана действия и, к тому же, позволило прийти к убеждению, что наиболее подходящим местом для боя против подкреплений по своим топографическим характеристикам и по своему расстоянию по отношению как к побережью, так и к войскам, которые будут осаждены, был Пуриалон.

28 июня, всего через полтора дня после прибытия батальона 18 в Хигуэ, я отправил Пасу первые подготовительные приказы по окружению и установлению оборонительной линии против вероятных подкреплений (см. документ на с. 393). Что касается первого, то я укрепил позицию Подио на высоте Кауара отделением Рамона Фиальо, которое раньше прикрывало некоторые пункты побережья к западу от реки Ла-Плата, и направил из Момпье маленькое отделение резерва под командованием Артуро Переса, чтобы перекрыть тропу, поднимавшуюся

напротив Хигуэ на высоту под названием Эль-Пино и к зоне Майахигуэ. Относительно второго попросил Паса, чтобы он послал разведчика удостовериться, не остались ли какие-то правительственные войска в Пуриалоне. Я рассчитывал на предстоявшее прибытие Камило и его людей в Ла-Плату, имея в виду направить его на эту определяющую позицию, тогда как бойцы Паса взяли бы на себя задачу окружения главных вражеских сил.

На ту дату мое внимание было сосредоточено на подготовке удара по войскам, располагавшимся в Санто-Доминго. Но далее при этом планировании следовало учесть возможность того, что с началом боя в Санто-Доминго, как это предусматривалось – на следующий день, вражеские силы, стоявшие лагерем в Хигуэ, получат приказ двинуться к возвышению Ла-Платы на помощь своим товарищам, атакуемым с другой стороны укрепленного района Маэстры. Об этом я оповестил Паса, чтобы он был подготовлен, поскольку ему представлялся случай нанести хороший удар, который мы с таким нетерпением ожидали.

Однако во время всего развертывания первой битвы у Санто-Доминго, между 28 и 30 июня, батальон 18 не двинулся из своего лагеря в Хигуэ. Согласно последующему свидетельству майора Кеведо, первым конкретным действием личного состава его подразделения была разведка, проведенная вверх по реке ротой 103, входившей в стоявшие лагерем войска и оказавшаяся безрезультатной. Все показывает, что этот поиск не намного отдалился от Хигуэ, так как даже не приблизился к позициям Паса в Эль-Наранхале, менее чем в четырех километрах от лагеря Кеведо.

2 июля командир батальона 18 направил два взвода своих сил с задачей снабжения припасами находившихся на пляже. Это могло бы оказаться удачной возможностью хорошенько ударить по врагу, но мы еще не располагали достаточным личным составом, чтобы замкнуть кольцо.

Два других случая представились на следующий день. Первый – утром, когда возвращались в Хигуэ два взвода, охраняемые двумя другими роты G-4, входившей в батальон 18 и располагавшейся, напомним, в устье Ла-Платы. А второй – во второй половине дня, когда это последнее подразделение возвращалось на свою базу на пляже.

Наконец, враг двинулся в субботу, 5 июля. В то утро вышли из лагеря в Хигуэ четыре взвода и часть вооруженной поддержки батальона 18 – базука и 50-мм миномет – в направлении верховьев реки Ла-Плата, вдоль ее верхнего течения. Как и следовало ожидать, немного спустя они натолкнулись на засаду Паса в Эль-Наранхале.

Бой начался точно в 10:20 утра. С предыдущего дня я переместился в зону Мериньо, чтобы организовать окружение, которое планировал устроить вражеским силам, прибывшим 3-го числа в это место. Там меня застало первое известие от Камило из Ла-Платы, сообщавшего, что он слышал сильную перестрелку в направлении к пляжу, подтвержденное минутами позже аналогичным посланием Че из Момпье.

Но только к двум часам дня Камило сообщил мне, что получил первое послание Паса, в котором тот информировал, что правительственные войска надвигались с двух направлений на его позицию и что ему пришлось открыть огонь до того, как они дойдут до мин, заложенных на дороге.

В действительности в этот час Пас уже отбросил правительственных солдат после упорного боя, длившегося более трех часов. Немногим более тридцати бойцов-повстанцев, окопавшихся в надежных траншеях, исполненных решимости сопротивляться и действовавших с умом, сумели отразить напор более ста пятидесяти вражеских солдат, поддержанных минометом, располагавших большим боезапасом и руководимых умелым командиром. Вместе с людьми Паса сражались в решающем боевом действии в Эль-Наранхале отделения Уго дель Рио, Хоэля

Пардо, Фернандо Чавеса и Вивино Теруэля, а также расчет пулемета 50-мм калибра, которым управлял Фидель Варгас.

Значение боя в Эль-Наранхале определялось не количеством захваченного снаряжения или нанесенными врагу потерями. Что касается первого, то мы смогли овладеть лишь винтовкой «Спрингфилд», несколькими сотнями патронов и несколькими гранатометными зарядами.

Признанные вражеские потери составили восемь раненых, хотя Пас утверждал в своих сводках, что было убито по меньшей мере четверо солдат. «Повстанческое радио» сообщило потом о пяти убитых правительственных солдатах. Однако происшедшее имело огромное значение, поскольку была окончательно устранена угроза, возникшая из-за продвижения вражеских войск с юга.

Мы не только сумели воспрепятствовать врагу достичь своей цели и возвратиться в свой базовый лагерь, но и нанесли сокрушительный психологический удар, что продемонстрировали последующие события.

Стоит процитировать здесь оценку, данную самим командиром батальона 18 майором Хосе Кеведо:

> «[...] горестный для наших людей итог был моральным: заметное разочарование всех и каждого из них.
>
> Без комментариев мы знали, что это произошло не столько из-за самих солдат, сколько из-за постоянного пренебрежения по отношению к ним со стороны командного поста и высшего военного командования. Они знали, что для проведения операции мы просили авиационную поддержку и не получили ее; они знали о раненых товарищах, о том, что мы просили вертолет, чтобы эвакуировать их, и нам его не прислали; они знали со слов своих товарищей, что командиры из Байамо говорили о том, что пленные плохо охраняются и, более того, что сговариваются с охранниками, вплоть до того, что упомянутые командиры говорили, что не

находили объяснения, как оказалось возможным, что до сих пор их не попытались их вызволить, и что, отправляясь на выполнение такой «простой» задачи, они столкнутся с сильным противником, располагавшим в изобилии автоматическим оружием, включая даже пулеметы 50-го калибра».

Ясно, что в этом анализе было опущено основное соображение: речь шла не столько о мнимом превосходстве повстанцев в оружии и боезапасах, которых никогда не было, а об очевидном, более высоком состоянии духа партизан по сравнению с низким моральным духом правительственных солдат, с одной стороны, а с другой – о хорошем знании и соответствующем использовании местности нашими людьми, что дало нам дополнительное преимущество.

Сам Кеведо признал, что среди факторов, вынудивших его отступить снова к Хигуэ, фигурировало соображение о том, что повстанцы вели бой на местности, избранной ими, и на «неприступных» позициях. Согласно командиру батальона 18, другими элементами, принятыми во внимание, были необходимость эвакуировать своих раненых и опасность того, что они будут обойдены с тыла повстанческими силами.

Это упоминание последнего представляет интерес, поскольку именно такое решение было бы принято мной, если бы мы располагали в тот момент достаточным количеством людей, чтобы так и сделать.

Напомним, что с 26 июня, когда Фернандо Чавес получил задание подготовить повстанческую оборону на реке ниже Хигуэ и отойти, если придется сделать это, к высоте Кауара, где нами уже замышлялся вариант атаковать этими силами врага с тыла в случае, если правительственные войска, прибывшие в Хигуэ, продолжали бы продвигаться вперед и натолкнулись бы на засаду в Эль-Наранхале.

Позднее стало необходимым перевести Чавеса в этот пункт, чтобы подкрепить позиции Паса, а на высоте Кауара остались только отделения Подио и Фиальо. С другой стороны, маневр был почти невозможным с момента, когда враг оставил часть своих сил в Хигуэ, охраняя именно свой собственный тыл.

На следующий день после боя в Эль-Наранхале мое решение было принято: сосредоточить довольно многочисленные силы с тем, чтобы быть в состоянии развивать с полным успехом операцию по окружению и разгрому подкреплений, которую мы замыслили. Как часть операции подготовки к окружению я приказал найти в тот день Гильермо Гарсиа, который со своим взводом уже давно занимал позиции на дороге из Сан-Франсиско с целью закрыть проход к верхнему течению реки Яра от Эль-Какао или Эль-Веррако. После удержания врага в Санто-Доминго было крайне невероятным, чтобы в этом направлении могла возникнуть значительная опасность. Гильермо прибыл в Ла-Плату 7 июля, в день боя в Мериньо, и отправился в зону Хигуэ 8-го числа после получения моих подробных инструкций.

Этот личный состав совершил две вещи, прибыв в Хигуэ после тяжелого пешего перехода по массиву Манакас, чтобы обойти вражеский лагерь. Во-первых нужно было разведать всю зону, чтобы детально ознакомиться с позициями, которые занимали правительственные войска, и принятыми ими оборонительными мерами. Во-вторых, – устроить траншеи по всему склону массива Манакас, напротив вражеского лагеря и массива Кауара.

Другой мерой по подкреплению повстанческой диспозиции в Хигуэ было перемещение пулемета 50-мм калибра Кюрюно на позицию Паса, который оставался в Эль-Наранхале после боя в ожидании нового расположения. Кюрюно, как мы увидим в следующей главе, участвовал 8-го числа в бое в Мериньо.

Я решил лично заняться общим руководством всей операцией в Хигуэ, учитывая сложный характер и решающее значение, которое могла бы иметь убедительная победа повстанцев в исходе не только вражеского наступления, но также и для дальнейшего развития всей войны. Это не означало, что у нас не было командиров, способных это сделать.

Я не испытывал ни малейших сомнений в том, что Камило или Че, упоминаю только их двоих, были более чем способны для этого. Но, по моему мнению, главное соображение состояло в следующем: командир, руководящий операцией, должен пользоваться наибольшим авторитетом перед многочисленной группой капитанов, от которых в ближайшие дни потребуется вложить максимум сил и которые, в свою очередь, должны были требовать максимума от своих людей.

Такое решение подразумевало мое физическое перемещение на театр операций на все время, что будет длиться битва, и мою полную отдачу ее развитию. Для этого я должен был разрешить проблему командования другими двумя секторами фронта, в каждом из которых возникли конкретные угрозы.

В случае с сектором Санто-Доминго нельзя было сбрасывать со счетов присутствие Санчеса Москеры. Я был уверен, что кровожадный командир еще не совершил свой последний ход в попытке достичь укрепленного района Маэстры в зоне Ла-Платы. Противостоять этой угрозе будет поручено Камило, которого фактически я превратил в командующего всем сектором с момента моего перехода к руководству операцией в Мериньо ночью 3 июля. В случае с северо-западным сектором Че продолжал организовывать оборону повстанческой территории в округе Минас-де-Фрио и Вегас-де-Хибакоа, как он обычно делал это до сих пор. Здесь угроза возникла, в первую очередь, из-за присутствия сильного вражеского контингента в Сан-

Лоренсо и возможности его попытки предпринять штурм укрепленного района Маэстры в зоне Минас-де-Фрио, а во-вторых, из-за того, что по-прежнему был занят Вегас-де-Хибакоа батальоном 19 и, значит сохранялась опасность того, что эти войска могли бы преодолеть подступ к Маэстре через зону Момпье или самого Минас. Однако возможность располагать этими двумя доверенными лицами вселяла в меня более чем достаточную уверенность, чтобы заняться операцией в Хигуэ, оставив на них заботу о столь важных подступах к сердцевине повстанческой территории.

Мы были убеждены, что сдача целого батальона и разгром значительных подкреплений, которые, без сомнения, направит вражеское командование на помощь осажденным войскам, станут сокрушительными ударами для тирании как в моральном, так и в материальном отношении. Конечно, нам уже удалось сдержать вражеский напор, и инициатива фактически перешла к нам. Но, тем не менее, нельзя было сказать, что в тот момент наступление уже потерпело провал. Так произошло после того, как сдался батальон, который мы задумали окружить в Хигуэ.

Если бы захотелось разделить на этапы семьдесят с лишним дней вражеского наступления, следовало бы указать на первые дни развития этого наступления, когда инициатива полностью принадлежала врагу, – в промежутке между 25 и 28 июня, то есть между началом операции по взятию Лас-Мерседес и началом первой битвы у Санто-Доминго с боем в Пуэбло Нуэво. С этого момента открылся второй этап, который можно было бы охарактеризовать как сдерживание наступления, когда враг потерпел первые значительные неудачи и удалось остановить его движение или воспрепятствовать его продвижению вперед в двух из трех секторов. Единственным исключением стало вступление правительственных войск

в Мериньо, но результат этого маневра оказался столь катастрофичным для врага, что исключение не отменяет правило. Этот этап продлился, пожалуй, до 11 июля, день, когда началась битва при Хигуэ, с которой началось повстанческое контрнаступление, когда инициатива целиком принадлежала нам. Также есть одно исключение: занятие врагом Минас-де-Фрио 15 июля, но этого также оказалось недостаточно, чтобы изменить характеристику этого этапа.

После завершения с довольно благоприятным результатом операции в Мериньо я возвратился из Минас-де-Фрио в Момпье, а 9 июня переместился на высоту Кауара, над вражеским лагерем в Хигуэ, куда прибыл на рассвете следующего дня. Я решил установить в этом месте мой командный пост, пока будет длиться операция против батальона 18 и подкреплений, что означало вернуться к полукочевому этапу партизанского движения с лагерями в лесу. Было невозможно руководить операцией такого размаха на расстоянии, жизненно важным было делать это с самой линии боя.

Перед тем как покинуть Минас, я встретился с Лало Сардиньясом и Андресом Куэвасом и объяснил им в деталях задачу, которую они будут выполнять. Им надлежало сформировать в Пуриалоне главную линию сдерживания и отбрасывать подкрепления, которые прибыли бы с пляжа в поддержку войскам, которые мы окружим в Хигуэ. Этим двум капитанам поручалась самая важная задача всей планировавшейся операции. Отвага и большие способности, продемонстрированные ими в предшествовавшие недели, полностью оправдывали доверие, возлагавшееся нами на них и на людей под их непосред-

ственным командованием. Тактическая схема дополнялась миссией, поручавшейся Рамону Пасу, которому я думал поставить задачу расположиться также в зоне Пуриалона с целью отражать с тыла подкрепления, как только они натолкнутся на засаду Куэваса и Лало. Замысел состоял не только в задержании и отбрасывании подкрепления, но и в его разгроме.

Мотивы избрания Паса для выполнения этой миссии также были очевидными. Этот капитан доказал сначала в Ла-Каридад, а затем в бою в Эль-Наранхале свою разумность, инициативность и решимость, которые превращали его в командира этой части операции, требовавшей таких качеств от того, кто осуществлял бы ее.

Для этого надо было проинструктировать Паса, который пока еще находился в Эль-Наранхале. Поэтому первое, что я сделал, прибыв в Кауару и ознакомившись через Подио и Фиальо с расположением вражеских сил и позициями, занятыми их людьми, оповестил Паса, что прибуду, чтобы увидеться с ним с целью скоординировать осуществление замысла плана и попросить выйти мне навстречу по пути из госпиталя Мартинеса Паэса, найти время переговорить со мной и дать мне вернуться той же ночью в Кауару. Это последнее имело для меня большущее значение, так как план только начинал осуществляться утром в пятницу, 11 июля, и я хотел быть на своем посту в тот момент.

Вместе с этим оповещением я попросил Паса, чтобы он немедленно, не ожидая моего прибытия для встречи с ним, отправил пулемет 50-мм калибра Кюрюно с его отделением поддержки. Это был другой ключевой элемент плана, поскольку должен был составлять существенную часть диспозиции по окружению вражеских войск, располагавшихся лагерем в Хигуэ. Другими элементами этой диспозиции будут, в первый момент, отделения Фиальо и Подио, перераспределенные на склоне массива

Кауара, расположенного сразу же к западу и к северо-западу от лагеря правительственных войск. Маленькое отделение Артуро Переса, которое уже несколько дней занимало позиции на подъеме к высоте Эль-Пино, к северу от вражеской позиции, и бойцы Уго дель Рио, которые находились вместе с Пасом в Эль-Наранхале, должны были занять позиции на маленьком массиве к северо-востоку от лагеря батальона 18 в направлении к Эль-Наранхалю. Эти бойцы предназначались первоначально для участия в окружении, и их состав пополнялся бы и подкреплялся по мере необходимости.

Пополудни в четверг, 10 июля, я предпринял переход с высоты Кауара, чтобы встретиться с Пасом. Дорога оказалась более длинной и тяжелой из-за необходимости идти кружным путем по всему холму Хигуэ, чтобы не попасть во вражеский лагерь и выйти с другой стороны. Вскоре после того как я начал путь, послышался характерный звук взрыва одной из наших мин, относительно близко от места, где сворачивала сопровождавшая меня маленькая группа. За взрывом последовала короткая, но интенсивная перестрелка. Мы сразу же приняли должные меры предосторожности и в напряжении стали ожидать, пока длились выстрелы. Когда все стихло, послали одного из наших товарищей на разведку в прилегающем окружении. Тот вернулся, сообщив, что ничего не было видно. Тогда мы решили продолжать переход.

Когда мы встретили бойцов отделения Артуро Пересо, то узнали причину перестрелки. Оказалось, что вражеский патруль, поднимавшийся по массиву в направлении к высоте Эль-Пино, неожиданно натолкнулся на позицию повстанцев. «Эль-Вакерито», который после завершения своей работы в помощь Селии в Вегас-де-Хибакоа, попросил направить его на боевую линию, и его определили в это отделение, решил взорвать мину, не особенно надеясь нанести урон правительственным солдатам, но что-

бы попугать их и заставить отойти. До известной степени эффект был достигнут, так как враг повернул обратно и со всех ног бросился вниз по холму, в то время как наши люди открыли беспорядочный огонь и в свою очередь во всю прыть бросились вверх по холму. Результатом стало раскрытие позиции, зря потерянная мина и несколько десятков бесполезно потраченных патрон.

Несколько дней спустя от некоторых захваченных вражеских солдат мы узнали, что это был даже не патруль, а три или четыре солдата, которые вышли, чтобы сопроводить до его дома на Эль-Пино проводника их войск, крестьянина по имени Исидро Фонсека. Тем самым подтвердилась моя первоначальная оценка, что, если повстанческая позиция была бы должным образом защищена наблюдением и если бы действовали хладнокровно и решительно, когда произошла неожиданная встреча, можно было бы захватить там одного из солдат, что означало бы вероятность располагать ценным источником информации о составе и планах вражеских сил, которым мы собирались не давать прохода начиная со следующего дня. Этот инцидент около высоты Эль-Пино был в первый момент преувеличен. Когда произошла встреча с солдатами и до моего прибытия на место, Артуро Перес прислал паникерское и неточное послание, в котором давал понять, что значительный вражеский контингент поднимался в направлении высоты Эль-Пино и что его люди вынуждены были отойти. Если бы это сообщение было верным, оно означало бы, что правительственные войска попытались осуществить неожиданное движение с целью занять стратегическую высоту Эль-Пино, которая господствовала над позицией врага в Хигуэ, либо, может быть, с целью обойти засаду в Эль-Наранхале и проследовать к верховьям реки Ла-Плата и укрепленному району Маэстры. В любом из двух случаев отход отделения, которое охраняло это направление, оставляло

открытой дорогу врагу и могло создать очень опасную ситуацию.

К счастью, я прибыл на место почти сразу же после инцидента и смог убедиться, что информация Артуро Переса не соответствовала действительности. Но в том, первом, послании добавлялось вслед за информацией, тоже выдуманной, что солдаты не только преодолели повстанческие позиции на подъеме Эль-Пино, но, к тому же, достигли зоны Майахигуэ с другой стороны массива, вследствие чего могли уже угрожать тылу наших позиций в Эль-Наранхале и самой зоне Ла-Платы. Че получил обе информации и также понял, что они не были очень внятными. Тем не менее, в порядке предостережения, он проинструктировал Камило в Ла-Плате по телефону, чтобы тот направил подкрепление с целью прикрыть дорогу к госпиталю.

Как только мы окончательно поняли, что произошло, я принял решение там же разоружить Артуро Переса и передать командование отделением Вакерито с указанием, что теперь он должен занять новые позиции, еще ближе к вражескому лагерю.

При всем этом никто из моих главных доверенных командиров не знал, что я был в курсе сложившегося. Наоборот, поскольку они знали о моем приказе о перемещении в тот день для встречи с Пасом, их озаботило, что мое местонахождение неизвестно, а я пребывал именно в зоне, где, как говорилось, произошел бой с риском быть застигнутым теми же солдатами, которые, якобы, штурмовали высоту Эль-Пино. Но уже в первые часы ночи все прояснилось, и на рассвете я отправил обратно туда, где находился Камило, присланное им подкрепление.

В ту ночь был также составлен план для начала – на следующий день – операции против вражеских войск в Хигуэ. Я уже пояснял диспозицию линии, организованной в Пуриалоне, чтобы встретить и отбросить подкреп-

ления, направляемые с пляжа, а также каким образом скудные повстанческие силы займутся на первой фазе поддержанием блокады осажденных правительственных войск. Группа этих бойцов двинется ночью на вражеские позиции и приблизится к лагерю на достаточное расстояние, чтобы на рассвете открыть по нему огонь.

Целью этой первой стычки будет нанесение врагу каких-то потерь, что вынудило бы командира батальона к эвакуации на пляж. Этим воспользовался бы Гильермо, который, занимая позиции на реке в ожидании колонны правительственных войск, спускающихся от Хигуэ, нанес бы им первый значительный удар. Так, согласно плану, началась бы битва, для которой была готова вся диспозиция на рассвете 11 июля.

12

Первая битва у Санто-Доминго

ИЮНЬ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	**28**
29	**30**	–	–	–	–	–

Батальон 22 вышел в Санто-Доминго в полдень субботы, 28 июня, и его командир майор Эухенио Менендес получил приказ подполковника Санчеса Москеры продолжать марш вверх по реке и встать лагерем на уровне Сантаны.

В этом решении командира вражеской группировки заслуживают комментариев два вопроса. Во-первых, оказывается очевидным, что приказ вытекал из оперативного плана, составленного вражеским командованием. Не имеется документального подтверждения этого плана, но нет нужды прилагать излишние усилия, чтобы понять, что речь шла о расположении этого второго батальона на позиции, подходящей для совершения следующего шага: одновременный штурм в двух параллельных направлениях укрепленного района Маэстры.

Батальону 11 надлежало выполнить задачу, действуя из Санто-Доминго, достичь высоты Эль-Наранхо, тогда как батальон 22 должен был взять высоту Сантана и, возможно, высоту Раскасьело, немногим более одного километра по прямой линии к востоку от первой из них. После расположения на этой позиции войскам команди-

ра батальона 22 полагалось, как подразумевается, действовать совместно с войсками батальона 18 майора Кеведо, который продвигался с юга в направлении к тем же пунктам. Тем самым была бы достигнута одна из основных целей общего плана вражеского наступления: разрезать надвое с севера до юга повстанческую территорию и установить исходную линию, с которой могла бы начаться последняя фаза прочесывания местности в направлении на запад, или возможное стратегическое окружение наших сил в сочетании с действиями формирований, которые продвигались вглубь Сьерры с северо-востока, то есть от Вегас-де-Хибакоа, Лас-Мерседес и Сан-Лоренсо, после занятия этого последнего пункта в конце июня, как мы увидим в следующей главе.

Несомненно, что допущение о двойном одновременном штурме укрепленного района Маэстры имело серьезные основания с точки зрения вражеского планирования. Перед лицом подобной ситуации нашим ограниченным силам в этой зоне пришлось бы прилагать поистине героические усилия, чтобы сдержать напор армии.

Скажем вначале, что если бы второму вражескому батальону удалось дойти до Сантаны, то возникающая угроза вынудила бы нас отказаться на время от наших планов по окружению войск в Санто-Доминго, поскольку у нас не осталось бы другого средства, как спешно сосредоточить все наши группы в этом секторе и переместить их в эти пункты. Это значило бы, например, среди других диспозиций, – расположить бойцов Гильермо Гарсиа, Лало Сардиньяса и Андреса Куэваса на подъеме Сантаны либо направить Камило к этому месту и держать Лало или Гильермо в Санто-Доминго как подкрепление оборонительным линиям в этой зоне, оставив помимо этого Феликса Дуке там, где он находился, на подъеме массива Гамбоа, и переместить Эдди Суньола в Эль-Наранхо. В любом случае план окружения войск в Санто-Доминго

и засады против подкреплений на реке или на высоте Эль-Какао пришлось бы отложить.

Для нас было важно, как уже я объяснял в предыдущих главах, чтобы враг не мог дойти до верхнего течения реки Яра, будь то через Сан-Франсиско, что за несколько дней до этого воспринималось как угроза, либо через Пуэбло Нуэво. Первый вариант постепенно отпадал по мере того, как батальон 22 продолжал свой марш от Эль-Веррако в Эль-Какао по пути, подобному тому, что использовал Санчес Москера. Теперь оставалась вторая альтернатива, в предвидении которой мы устроили сильную засаду Лало в Пуэбло Нуэво.

И здесь мы переходим ко второму элементу в решении Санчеса Москеры, который стоит прокомментировать.

Все сообщения от позднее плененных в бою у Пуэбло Нуэво правительственных солдат, кажется, указывали, что командир батальона 11 не уведомил майора Менендеса, что всего четырьмя днями раньше патруль его сил натолкнулся на повстанческую засаду как раз на той же дороге, по которой тот приказывал следовать недавно прибывшему подразделению, и не довел до его сведения, что эта дорога еще не была разведана. Наоборот, судя по тому, как шел авангард, столкнувшийся чуть позже с бойцами Лало Сардиньяса, создалось впечатление, что солдаты продвигались, уверенные в том, что путь был должным образом разведан и не существовало никакой опасности встретить сопротивление по всей дороге. Если это так, то это была грубая военная или этическая ошибка.

В военной сводке, переданной «Повстанческим радио» после битвы, мы говорили по этому поводу:

> «Не наше дело судить о военных упущениях командиров диктатуры, но, очевидно, что подполковник Санчес Москеда [Москера] допустил серьезные тактические ошибки, которые не указываем, так как заинтере-

сованы в том, чтобы они не исправлялись, и действовал с очевидным отсутствием военной чести, направляя батальон, как подопытного кролика, по дороге, которая предварительно не была разведана, и не уведомив, что днями раньше его силы вступили в соприкосновение с повстанцами на этом пути, вследствие чего солдаты были оставлены на волю случая».

Здесь следовало бы задаться вопросом: что побудило командира батальона 11 поступить таким образом? Дело в том, что батальон 22 продолжил марш вверх по реке немного спустя после прибытия в Санто-Доминго и сделал это, не приняв минимальных мер предосторожности, которые следовало бы ожидать в подобных ситуациях. Санчес Москера был амбициозным и странным типом, считавшим себя выше остальных командиров, был дважды повышен в звании за один год. Затаил особую злобу за удар, нанесенный его взводу парашютистов в январе 1957 г.

Результатом было то, что немногим позднее двух часов дня авангард этих войск натолкнулся на засаду Лало Сардиньяса в Пуэбло Нуэво. Бой в Пуэбло Нуэво ознаменовал начало того, что мы назвали тогда первой битвой у Санто-Доминго, но обозначил также начало сдерживания вражеского наступления. Фактически открывался второй этап в подавлении этой последней большой попытки армии тирании выиграть борьбу с повстанческими силами в Сьерра-Маэстре. На первом из этих этапов, как известно, инициатива почти целиком находилась у врага начиная с 25 мая, дня, когда начались его действия по проникновению на нашу территорию через Лас-Мерседес, а также в зону Минас-де-Буэйсито, и на протяжении почти всего июня с последовательным занятием Вегас-де-Хибакао и Сан-Лоренсо в северо-западном секторе, Санто-Доминго в северо-восточном секторе и Хигуэ в южном секторе

фронта битвы. Ведя счет с Пуэбло Нуэво, 28 июня, враг будет отбрасываться всякий раз, как только попытается продвинуться еще глубже, за единственными исключениями, когда были временно заняты Мериньо в начале июля и Минас-де-Фрио в середине того же месяца, или его движение будет сковываться на уже достигнутых позициях. Отсюда и используемый термин «этап сдерживания наступления». Этот этап продлится до 11 июля и увенчается началом битвы при Хигуэ, которая приведет к разгрому и сдаче батальона 18. Начиная с того момента развернется неудержимое контрнаступление наших сил вплоть до полного и окончательного отхода врага со всего горного района.

В результате эффективного сочетания огня и сокрушительного действия мины, заложенной на дороге и взорванной в точно рассчитанный момент, авангард батальона 22 был полностью разбит в первые же мгновения, а остальные из входивших во вражеский личный состав оцепенели на тех местах, что занимали в начале боевого действия, почти все в русле реки и на ее берегах. Там, несмотря на минометный обстрел повстанческих линий, правительственные войска оказались запертыми в кольцо огня из стрелкового оружия, который очень скоро стал наносить им многочисленные потери.

Повстанческое отделение Зенена Мериньо, которое обороняло путь к высоте Эль-Наранхо, атаковало первую роту батальона 22, окруженную взводом Лало. Между тем его бойцы, подкрепленные после начала боя взводом Андреса Куэваса, стали истреблять врага и все больше сжимали кольцо окружения.

Подкрепление третьей роты батальона 22, направлявшееся по самой прямой дороге к командному посту, напоролось на огонь в упор из пулемета 50-мм калибра Кюрюно и винтовочный обстрел сопровождавшего его отделения повстанцев. Они предприняли две попытки продвинуться

глубже, вторую из них при поддержке подкрепления из батальона 11 Москеры. Уже к 6:30 пополудни Убер Матос информировал меня о срыве этих действий, а позднее я начал получать первые известия о масштабах катастрофы, которую потерпел враг.

С наступлением ночи положение командования батальона 22 стало отчаянным. Одна из его рот – N – была частично ликвидирована, а остальная часть блокирована, другая рота понесла большие потери и была рассеяна, третья была отброшена к Санто-Доминго, откуда не стала предпринимать какую-либо попытку снова прийти на помощь своим товарищам. Опытный батальон 11, в свою очередь, не двинулся, если не считать маленького подкрепления, направленного третьей роте батальона 22.

Ночью 28 июля люди Лало занялись сбором оружия мертвых врагов или брошенного теми, кто спасался бегством. В результате этой первой реквизиции было захвачено тридцать винтовок, 60-мм миномет, значительный боезапас для всего этого оружия и около шестидесяти вещевых мешков. В ту ночь мы насчитали одиннадцать убитых правительственных солдат и двое захваченных в плен. Следующим утром счет вырос до двадцати убитых, 23 пленных и более пятидесяти единиц оружия, почти все полуавтоматического.

Результат этого первого дня, когда велся ожесточенный бой в течение более пяти часов, был столь поразительным, что привел нас к выводу о возможности не только ускорения осуществления плана окружения, которое мы разрабатывали, но даже к рассмотрению возможности броситься на штурм по всем правилам против вражеских сил, расположившихся в Санто-Доминго. Поэтому в первые часы ночи я начал диктовать соответствующие приказы о занятии позиций как вокруг Санто-Доминго, так и в пункте, подходящем для сдерживания любого возможного подкрепления, направляемого из Провиденсии по

реке. Такое место, бесспорно, находилось на траверсе Каса-де-Пьедра.

Оставался лишь один путь для возможного подкрепления – с юга за счет сил батальона, стоявшего лагерем в Хигуэ. Но на этом направлении, чтобы помешать ему, находился Рамон Пас с позицией в Эль-Наранхале. В послании, направленном мной этому повстанческому капитану (см. документ на с. 396) несколькими днями раньше предотвратившему опасность, которая возникла на время с приходом Кеведо в Ла-Каридад, я информировал его:

> «Этой ночью распорядился обо всех диспозициях с целью отрезать пути отхода этим войскам [тем, что в Санто-Доминго] и попытаться полностью разбить их, воспользовавшись самым подходящим моментом. Ближайшие 24 часа, начиная с завтрашнего рассвета, будут часами упорной и решающей борьбы. Уверен, что если бой за Санто-Доминго будет развиваться завтра, как запланировали, вражеские войска в Хигуэ сделают все возможное, чтобы продвинуться сюда, и это будет представляющийся тебе случай.
>
> Посылаю тебе это известие, чтобы ты был начеку».

Камило во второй половине того же дня прибыл со своими людьми в Ла-Плату и уже ночью, всего лишь после пары часов отдыха, проследовал к Каса-де-Пьедра трудным пешим переходом. Получил мои инструкции, чтобы засада против подкрепления была готова на рассвете, и они были исполнены. При поддержке бойцов Рамиро Дуке, которых я также переместил к Каса-де-Пьедра, ловушка для подкрепления была устроена вовремя и со всей эффективностью.

Что касается главного войска, окруженного в Санто-Доминго, той же ночью я направил инструкции Рамиро, чтобы он ускорил перемещение к высоте Эль-Какао бой-

цов колонны Альмейды, который получил указание двинуться к этой зоне, и приказал Гильермо занять позиции в Ла-Мантеке, как можно ближе от правительственных войск. Тем самым могло быть замкнуто с юга повстанческое кольцо вокруг лагеря батальона 11. С севера, то есть по отрогам массива Маэстры, должны были находиться повстанческие группы, подкрепленные бойцами резерва Рене Рамоса Латура. Часть этих групп должна была прикрывать позиции, оставленные Дуке на уступе Гамбоа.

Лало и Куэвас, со своей стороны, останутся на своих позициях в Пуэбло Нуэво, где, вероятно, должны будут сражаться на следующий день против остатков батальона 22, которые еще находились на реке. Преодолев сопротивление правительственных солдат, они должны были продвигаться в направлении Санто-Доминго. С другой стороны, то есть вниз по течению в зоне Леонсито, мы пока что не располагали никаким личным составом, чтобы направить его туда. Но это не было не слишком тревожной проблемой. Если вражеские войска, атакованные в Санто-Доминго, предпочтут попробовать отойти по реке, их переход мог бы быть пресечен с относительной легкостью одной из повстанческих групп, которая атаковала бы их с любого из двух склонов, и, на крайний случай, в Каса-де-Пьедра имелась засада Камило, которого я предупредил об этой возможности, чтобы он был готов повернуть свои позиции, если потребуется.

На этом направлении мы располагали отделением Эдди Суньола в Эль-Торо, в первый момент предназначавшимся для позиции в Леонсито, но, напомним, эти бойцы должны были оставаться, где находились, чтобы действовать в случае, если вражеские войска, прибывшие накануне в Таито Хосе, попытаются продолжить свое проникновение. Однако эти солдаты в тот же день, 29 числа, возвратились в Вегас, вследствие чего опасность в этой

зоне отпала. Но информация пришла слишком поздно, и бойцы Суньола не участвовали по этой причине в бою с войсками из Санто-Доминго в ту вторую ночь.

Утром в воскресенье 29 июня, на следующий день после первого столкновения с Пуэбло Нуэво (см. карту на с. 430), произошел бой в этом месте. Люди под командованием Лало Сардиньяса начали приводить зачистку всей зоны, по которой рассеялись правительственные солдаты накануне, и еще до полудня встретили шквальным огнем роту, посланную Санчесом Москерой из Санто-Доминго, чтобы попытаться выручить остатки разгромленного батальона 22. Вражеский командир вновь попробовал продвинуться вперед по склонам высоты Эль-Наранхо, но без особой решимости.

Усиленные оружием и боезапасом, захваченным ночью, воодушевленные сокрушительной победой, одержанной накануне, повстанцы в тот день снова сражались решительно и эффективно. Около полудня враг был снова отброшен к Санто-Доминго.

Итог этих двух боев, состоявшихся в следовавшие один за другим дни и ставших предметом сообщения «Повстанческого радио» 30 июня, был таков: двадцать шесть вражеских солдат убиты, двадцать семь взято в плен, захвачен один 60-мм миномет с достаточно большим боезапасом, винтовка-пулемет с десятью коробками лент, тридцать восемь полуавтоматических винтовок «Гаранд», семь карабинов «Сан Кристобаль», пять карабинов М-1, три винтовки «Спрингфилд», два пистолета-пулемета «Томпсон», всего 57 единиц оружия. Кроме того, было захвачено около пятнадцати тысяч патронов, шестьдесят полных вещмешков и дополнительно к ним военная форма и сапоги, семь лагерных палаток, патронташи, консервированное питание, микроволновая установка связи. Это стало настоящей катастрофой для вражеской армии, провалом для одной из полноценно снаряженных, как

можно судить по качеству захваченного вооружения, полевых группировок.

Но в то же воскресенье, 29 июня, враг получил другой сильный удар, когда взвод, направленный Санчесом Москерой на поиск припасов, натолкнулся на засаду Камило и Дуке в Каса-де-Пьедра (см. карту на с. 430). Произошел ожесточенный бой, начавшийся вскоре после полудня, в результате которого были убиты восемь солдат, захвачено трое пленных, – двое из них ранены, они позднее скончались, – автоматические винтовки «Браунинг», две винтовки «Гаранд», три «Сан Кристобаль», карабин М-1, три винтовки «Спрингфилд» и около трех тысяч патронов. Согласно сводке, присланной мне Камило пополудни в тот день, солдаты, которым удалось ускользнуть назад в Санто-Доминго, унесли с собой еще не менее десяти раненых.

В этом первом бою в Каса-де-Пьедра была потеря и в наших рядах: Вилфредо Лара, известного как «Густаво», который погиб, сражаясь на массиве Каса-де-Пьедра, месте, где враг приложил главное усилие, чтобы избежать засады. По окончании боя Камило начал продвигаться вверх по реке во исполнение полученных указаний, чтобы помочь действиям против лагеря в Санто-Доминго, запланированным на эту ночь. Бойцы Дуке возвратились на прежние позиции на массиве Гамбоа.

Между тем другие повстанческие силы, которые будут участвовать в штурме главного лагеря, занимали свои позиции. В послании, направленном мной Гильермо, который уже находился на высоте Эль-Какао, я указал, чтобы он, когда начнет смеркаться, решительно двинулся со своими людьми в направлении дома Лукаса Кастильо, где, напомню, был установлен командный пост Санчеса Москеры. Я сообщил ему, что замысел операции состоял в том, чтобы «постараться разрезать их на две части в этом пункте, атакуя также от Наранхо, Сантаны и Каса-де-Пьедра».

«Может быть, эта победа будет решающей», – также написал я Гильермо в этом послании. А Пасу в тот же день передал такую же оптимистическую оценку: «Этим вершится большая победа, постараемся, чтобы она была полной».

Действительно, впечатление, которое у нас сложилось после первого триумфа в Пуэбло Нуэво (см. карту на с. 430), состояло в том что мы могли воспользоваться сложившимся положением, чтобы попытаться блокировать основную часть вражеских сил, размещавшихся в Санто-Доминго, что было бы определяющим для последующего хода вражеского наступления. Возможность разгромить и взять в плен одну из трех главных вражеских группировок, действовавших против наших сил, причем самую мощную из них, лучше снаряженную и под командованием одного из самых видных военачальников, которыми располагала армия тирана, была слишком привлекательной, чтобы упустить такой случай, не попытавшись сделать этого. Не оставалось бы никакого сомнения в том, что, если мы окажемся способными добиться этой цели, вражескому командованию был бы нанесен удар, от которого трудно было бы оправиться как по моральному значению нашей победы, так и по негативным материальным последствиям, поскольку оно лишилось бы одной из главных составных частей своих планов. Наши силы, со своей стороны, получили бы значительное пополнение ресурсов, которые позволили бы взять инициативу и перейти в неудержимое контрнаступление.

Кроме того, в нашей оценке тактической ситуации мы исходили из критерия, что удары, нанесенные врагу 28 и 29 числа, наряду с трусливым поведением Санчеса Москеры, деморализовали войска, располагавшиеся в Санто-Доминго, что подтверждалось и высказываниями некоторых захваченных вражеских солдат. Хотя в строго материальных мерках местное соотношение сил пока ещё

не сложилось как благоприятное для нас, мы учитывали, что располагали тогда сотней повстанческих бойцов, которые смогут вступить в действие с различных направлений, сходящихся на участке, занимаемом правительственными войсками в Санто-Доминго, а это в дополнение к тому, что мы занимали господствующие позиции на высотах вокруг лагеря, даст нам известное преимущество.

Все эти соображения привели нас к одобрению, в полдень в воскресенье 29 числа, нашего решения броситься той же ночью в концентрированную атаку на врага, действуя с четырех главных направлений, с участием почти всех наличных в зоне повстанческих сил. С юга, с другой стороны реки Яры, будут атаковать группы под командованием Убера Матоса, подкрепленные бойцами Даниеля, Переса Аламо и Хеонеля Родригеса, и при поддержке пулемета 50-мм калибра Кюрюно. С севера двинутся к вражеским линиям бойцы Гильермо Гарсиа, к которым присоединились бойцы Рейнальдо Моры и другие маленькие группы, прибывшие в последние часы. С востока, вдоль реки от Пуэбло Нуэво, силы Лало Сердиньяса, Андреса Куэваса и Зенена Мариньо попытаются сломить сопротивление в этом секторе вражеского периметра. С запада, также по реке, бойцы Феликса Дуке с подкреплением из войск Камило постараются замкнуть в этом направлении повстанческое кольцо и с поддержкой основных сил Камило, располагавшихся пока в Каса-де-Пьедра, воспрепятствуют бегству правительственных войск по наиболее вероятному пути.

В течение оставшихся часов второй половины дня наши бойцы занимали позиции, выдвинутые вперед для боя. В эти короткие часы, предшествовавшие действиям, техники «Повстанческого радио» поспешно установили около высоты Сабику один из громкоговорителей радиостанции с микрофонами, проигрывателями и другой ап-

паратурой, питавшимися от относительно небольшого переносного устройства, которым мы уже располагали. Мы решили также, впервые за время борьбы в Сьерра-Маэстре, прибегнуть к использованию этого психологического оружия, чтобы воздействовать на врага и способствовать усилению деморализации, которая, как мы полагали, охватила его ряды. Спустя немного времени, как стало смеркаться, начался бой, который продолжался почти всю ночь и на рассвете 30-го числа. Однако враг оказал сильное сопротивление с хорошо фортифицированных позиций. Санчес Москера, действуя предусмотрительно, занял некоторые из меньших высот в округе своего лагеря, особенно самые близкие к обоим берегам реки.

Повстанческим бойцам, которые надвигались из зоны Эль-Наранхо, не удалось даже достичь реки, поскольку очень скоро оказались в доступности флангового огня на последних возвышениях уступов Гамбоа и Эль-Наранхо. Даниэль так информировал меня на рассвете 30-го числа:

> «Спустившись вниз, мы оказались на ужасной дороге с массивами с обоих флангов, занятыми солдатами [...] на очень выгодных для них позициях, так что мы очутились в центре на низкой местности, почти без деревьев. Уверен, что оттуда мы могли нанести какие-то потери солдатам Батисты. Но подвергали опасности многие жизни и упускали такую замечательную победу. Менее чем в пятидесяти метрах от правительственных солдат я приказал отходить, и мы снова поднялись на массив».

Даниэль опасался, что враг сможет обойти его людей и отрезать им отход к высоте Эль-Наранхо либо окажется в состоянии контратаковать в направлении высоты Сабику и укрепленного района Маэстры. Кроме того, в условиях борьбы на столь коротком расстоянии он думал, что

не мог пользоваться действенной поддержкой пулемета Кюрюно, огонь которого на самом деле был сосредоточен на вражеском лагере. Нечто подобное произошло с людьми Феликса Дуке. Когда они продвигались по реке, подверглись обстрелу с вражеских позиций с ближайших высот между Леонсито и Санто-Доминго, из-за чего Дуке решил пойти в обход по левому берегу реки с намерением атаковать со своих прежних позиций на уступе Гамбоа. Но здесь столкнулся с сопротивлением вражеских солдат, окопавшихся на конечных возвышениях этого уступа, – тех же, что обстреливали с левого фланга Даниэля при его продвижении раньше, и продолжал увертываться, пока не соединился с бойцами, которые шли от Эль-Наранхо. Когда Даниэль отдал приказ об отходе, эта группа также отошла и вернулась на свои прежние позиции на уступе Гамбоа. Оттуда Дуке информировал меня о произошедшем утром 30-го числа.

Повстанческие бойцы, которые продвигались от Пуэбло Нуэво, смогли приблизиться на достаточное расстояние к центральному периметру вражеского лагеря, но в этом направлении армия приняла меры предосторожности и фортификационно укрепила свои оборонительные позиции в ключевых пунктах, господствовавших над руслом и берегами реки. Несмотря на давление, оказывавшееся на протяжении всей ночи бойцами Лало и Куэваса, им не удалось прорвать вражескую оборону в этом секторе, и на рассвете они вынуждены были отойти.

Где штурм имел наибольший успех, так это в северном секторе, в котором действовали люди под командованием Гильермо. Спускаясь к вражескому периметру с высоты Ла-Мантека и склону холма Эль-Гальон, бойцы этого сектора сумели занять несколько траншей первой линии обороны лагеря и захватить боезапас, брошенный в них вражескими солдатами, которые, спасаясь бегством, оставили следы крови и другие признаки потерь. Но опять-

таки диспозиция, устроенная врагом, не позволила Гильермо продолжить продвижение, даже располагая немалыми средствами для ведения боя. Это повстанческое подразделение понесло единственную смертельную потерю, был убит боец Вильфредо Гонсалес, «Паскуалито», сраженный перекрестным огнем с вражеской позиции, когда повстанцы надвигались на траншеи правительственных войск.

Убедившись, что будет невозможно продолжать штурм вражеских позиций, не потеряв других бойцов, Гильермо решил прекратить атаку после нескольких часов боя и отошел на массив.

В ту ночь, пока леса вокруг Санто-Доминго оглашались грохотом боя, громкоговоритель «Повстанческого радио» с высоты Сабику не прекращал оглашать округу зажигательными рассуждениями Рикардо Мартинеса, Орестеса Валхеры и других наших дикторов, патриотическими гимнами, записанными на пластинках, и веселыми и со скрытым смыслом песнями Повстанческого квинтета, который под воодушевленным руководством крестьянина Освальдо Медины впервые предстал на настоящей военной сцене. Это была первая проба оружия, которое спустя несколько недель, в Хигуэ, будет играть первостепенную роль.

Действия ночью 29 июня против лагеря Санчеса Москеры в Санто-Доминго, хотя и не увенчались исходом, к которому мы в определенный момент стремились: пленение батальона 11 и остатков батальона 22, – имели, тем не менее, значительные результаты для последующего развития вражеского наступления. Прежде всего, они впервые поставили армию тирании под фронтальный штурм повстанческими силами укрепленной фортификационными сооружениями позиции, что сделало очевидным не толь-

ко степень зрелости наших войск, но и их потенциальные боевые возможности. Никогда раньше в Сьерра-Маэстре вражеское военное формирование не оказывалось атакованным подобным образом и не подвергалось огню столь значительной плотности. Ясно, что этот факт, в совокупности с психологическим воздействием присутствия «Повстанческого радио» на поле боя, произвел на стоявшие лагерем в Санто-Доминго войска глубоко деморализующий эффект. Подтверждение этого в том, что такой инициативный командир, как Санчес Москера, который располагал отнюдь не ничтожной силой, с точки зрения ее боевых возможностей, почти потерял авторитет во время всего последующего хода вражеской кампании. Как увидим в подходящий момент, лишь однажды он предпринял сравнительно робкую попытку выполнить поставленную задачу – овладеть укрепленным районом Маэстры, от которого, о чем мы неоднократно говорили, его, казалось, отделял один шаг. Стало быть, мы достигли одной из основных целей, которую поставили перед собой, когда начали планировать окружение этих войск.

Как я высказался в сводке, составленной мной для «Повстанческого радио» и зачитанной по радиостанции в связи с этими действиями, битва у Санто-Доминго, которая велась на протяжении дней и ночей 28 и 29 июня и на рассвете 30-го числа, продемонстрировала:

> «Столь красноречивые свидетельства победы, которые очень редко проявляют себя в войне, где разгромленная сторона располагает исключительными преимуществами в оружии и численности, безошибочно демонстрируют превосходство бойца, воодушевленного идеей, над солдатом-наемником».

Враг потерял не менее тридцати шести человек убитыми в ходе боя, начиная с первых боевых действий в Пуэбло

Нуэво. Однако цифра смертельных потерь, должно быть, была более высокой. Нами было взято 28 пленных, некоторые из них раненые, которым оказали помощь наши врачи.

По «Повстанческому радио» мы передали на следующий день сообщение кубинскому Красному Кресту о нашей готовности передать раненых военнослужащих в месте, известном как Эль-Сальто, на реке Яра, между Провиденсией и Каса-де-Пьедра. В первые моменты на это обращение не был дан ответ.

Можно сказать, что с битвы у Санто-Доминго начался конец вражеского наступления.

13

Бой у Мериньо

ИЮЛЬ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	1	2	3	4	5
6	**7**	**8**	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31	–	–

Как я и предвидел, на следующий день после занятия Сан-Лоренсо, пока силы батальона 17 оставались в пустынном поселке, роты 91 и 93 батальона 19 продолжали свое продвижение в направлении к Мериньо. Они поднялись к Эль-Табако, стремясь к холму Каракита, и натолкнулись на повстанческую засаду отделения лейтенанта Сиро дель Рио из войск Че. После короткого столкновения преодолели массив и спустились к маленькому поселку Мериньо, немногочисленные дома которого опустели.

6 июня я получил подтверждение о вступлении правительственных солдат в Мериньо из сообщения Селии, в котором говорилось: «Че позвонил Фахардо о том, что в Мериньо стали лагерем 250 солдат. Эль-Робле не взяли. Что скажешь, если отведет силы из Лас-Вегас и направит защищать там. Он ожидает, позвонит через десять минут».

Че обновлял телефонную линию, недавно протянутую до Минас-де-Фрио. В тот момент Селия находилась в Ла-Плате и приняла этот звонок от Пити Фахардо из «палаточки» Маэстры. Я покинул Ла-Плату на рассвете того дня и находился в пути, уже очень близко от «пала-

точки» и от Момпье, с намерением проследовать до Минас-де-Фрио. На послание Селии ответил немедленно: «Пусть не отводит силы из Вегас. Я направил подкрепление, чтобы взять Эль-Робле. Пусть переправит в Эль-Робле стофунтовую бомбу».

Получив это послание, я решил изменить свой маршрут и вместо того, чтобы следовать в Минас-де-Фрио, направился в Эль-Робле-де-Мариньо с сопровождавшими меня бойцами, взводом Андреса Куэваса и отделением войск Камило под командованием Фелипе Кордуми. Прибыв в Эль-Робле, я разместил на соответствующих позициях Куэваса и Кордуми. Мой замысел состоял в следующем: если правительственные войска, пытаясь продолжить продвижение от Мериньо к Эль-Робле, что можно было предвидеть, натолкнулись бы на засаду Куэваса, тогда Кордуми отрезал бы им отход, поддержанный отделением Сиро дель Рио, находившимся с другой стороны массива Мериньо.

Прибыв в Эль-Робле, я также направил срочное послание Лало Сардиньясу, чтобы он, не теряя времени, переместился со своим взводом в Минас-де-Фрио. Моим намерением было послать его на высоту Мериньо, чтобы полностью перекрыть отход правительственных солдат.

В этот момент Лало дислоцировался в зоне Пуэбло Нуэво как составная часть кольца удержания, устроенного против войск Санчеса Москеры в Санто-Доминго. Присутствие Лало способствовало осуществлению задуманного плана заблокировать войска, осмелившиеся войти в Мериньо, и в то же время воспрепятствовать прибытию какого-то подкрепления, направленного вражеским командованием из Сан-Лоренсо. Со своей стороны, Куэвас, к которому после размещения в Эль-Робле присоединился Хайме Вега с частью своих людей, обеспечил бы, чтобы эти солдаты не смогли пройти дальше Эль-Робле

и объединиться с батальоном 18, поднимавшимся с юга, если таким оказалось бы намерение вражеского командования.

Камило, оставшемуся руководить диспозицией по удерживанию врага в Санто-Доминго, с тем же посланцем я отправил следующее краткое сообщение:

> «Эта колонна вражеских войск находится в настоящей мышеловке. Что нам нужно, так это еще какое-то войско, чтобы воспрепятствовать подходу подкреплений. Но я не хочу ослабить эту позицию [позицию у Санто-Доминго], поэтому, очень хорошо подумав, я решил двинуть оттуда единственное войско, которое находится не на оборонительной позиции, а на позиции атаки – войско Лало.
>
> [...] С Лало здесь, думаю, можем сделать что-то хорошее».

Еще в это время мы были вынуждены по-настоящему жонглировать, чтобы распределять и перераспределять скудные силы, которыми располагали, в зависимости от конкретной опасности, угрожавшей нам в каждом случае. В тот момент присутствие врага в Санто-Доминго, несмотря на близость к зоне Ла-Платы, перестало быть непосредственной опасностью после удара, больше психологического, чем материального, полученного противником несколькими дней раньше в первой битве у Санто-Доминго. Теперь приоритетной целью было блокирование войск, прибывших в Мериньо. По договоренности с Че я послал найти также в Минас-де-Фрио Рауля Кастро Меркадера и его людей, которые, напомню, занимали позиции в Пако Норте, около Минас. Эта группа находилась в Минас как резерв.

Прибыв форсированным маршем на высоту Мериньо, Лало информировал меня в полдень 6 июля, что после осмотра места, предназначавшегося для устройства заса-

ды, счел позицию не самой подходящей, хотя потом стал разведывать что-то пониже.

В ответ на это послание я отправил Лало подкрепление, чтобы прикрыть другой вероятный подступ, близкий к его позиции, со следующим инструктажем:

> «Направляю тебе людей, которые остались. Размести в другом пункте, который указал тебе, с храбрым командиром, чтобы охранял ту дорогу и вместе с тем атаковал с тыла любую вражескую группу, пытающуюся выйти из Мериньо по пути, где находишься ты».

Лало сразу же разместил присланное подкрепление, всего двенадцать человек, на отроге пика Каракитас, чем прикрыл другую сторону дороги из Лимонес. Главой этой группы он назначил Нестора Лабраду.

В тот же день в Мериньо со своим пулеметом 50-мм калибра прибыл Браулио Кюрюно, которого накануне я послал найти и перевести сюда из Эль-Наранхо. Не теряя времени, Кюрюно занял свою позицию в восточном секторе окружения, на склоне холма Ла-Магдалена, вместе с Че и частью его людей, включая отделение Уго дель Рио, охранявшее подступ к Минас-де-Фрио. На рассвете 7-го числа я получил послание от Че с путаной информацией Куэваса, в которой тот сообщал, что правительственные солдаты поднимались через Эль-Робле. Это вынудило меня пересмотреть план предусматривавшейся операции против вражеских войск в Мериньо. Лучше всего будет воспроизвести послание, направленное мной Че в 11:50 утра, которое, как мне кажется, вскрывает с предельной ясностью исключительную гибкость нашего тактического планирования:

> «Если Куэвас говорит, что правительственные солдаты поднимались через Эль-Робле, это может означать,

что они движутся с пляжа вверх и никак не связаны с передвижением в Мериньо. Если бы это было так, то он должен повернуть стволы в другую сторону, пока мы планируем другой маневр. Если бы это оказалось истинной правдой, наш план мог бы состоять в выделении патруля, который закрепился бы на хорошей позиции в километре или двух ниже Куэваса, чтобы посмотреть, двинутся ли солдаты из Мериньо вниз, когда этот патруль вступит в соприкосновение с врагом, и попадут ли они в ловушку.

Попробуй узнать, что хотел сказать Куэвас».

В итоге не существовало этого мнимого движения врага с юга. Тем не менее, обратите внимание, что мы всегда предусматривали возможность взаимодействия войск, прибывших в Мериньо с батальоном 18 или другой вражеской силой с побережья. Это было самое логичное движение с точки зрения вражеского командования, так как в результате наша территория в самом западном секторе оказалась бы разрезанной, а все наши силы к западу от реки Ла-Плата разъединены и отделены от остальных.

К этому времени моим наибольшим желанием было не прибытие подкрепления из Сан-Лоренсо, а чтобы войска в Мериньо попытались продолжить продвижение в направлении Эль-Робле, ибо тогда ловушка, подготовленная совместно силами Куэваса и Лало, была фатальной. Если бы потребовалось, мы могли бы использовать также силы Рауля Кастро Меркадера и одно отделение из шести человек из войска Камило под командованием Орестеса Герры, которое держал с собой в Минас-де-Фрио как резерв.

Но не случилось ни того, ни другого. В 6:10 утра 7 июля Че оповестил меня, что правительственные солдаты запрягают своих мулов с очевидным намерением двинуться, но предупредил, что «пока мне неизвестно, куда».

Через полтора часа он сообщил мне:

«Уже запрягли всех мулов и сняли пост со стороны высоты Мериньо. Вроде ждут чего-то от авиации. Уже оповестил Куэваса. Если куда-то двинутся, снова оповещу. Кажется, самый вероятный путь через Эль-Робле, но пока что рассыпались по домам. Надо учесть дорогу, поднимающуюся к Мине [Минас-де-Фрио]. Я оповещу Сиро [дель Рио] в момент, когда двинутся в какую-то сторону».

Как видим, до этого утра Че разделял мою оценку, что наиболее вероятный путь правительственных войск из Мериньо будет в направлении Эль-Робле. Но в моем мозгу уже возникла альтернатива, что движением войск из Мериньо будет просто отход, возвращение к Сан-Лоренсо.

Робкое поведение вражеского командования в целях обеспечить взаимодействие этих войск с войсками, идущими с юга, и несомненное соображение, что приказ солдатам из Мериньо продвигаться без поддержки до Эль-Робле будет означать, что их заставили проникать вглубь нашей территории с безусловной перспективой попасть в ловушку, что побуждало меня считать вероятным вариант отхода.

Свидетельство тому следующее послание, направленное мной Лало в 7:25 утра того дня с моего командного пункта в Минас-де-Фрио после получения первого сообщения Че:

«Правительственные солдаты запрягли всех мулов. Уже сняли пост на высоте Мериньо. Кажется, двинутся к Эль-Робле. Должен быть начеку. В каком бы направлении ни двинулись, будем стараться разгромить их. Если попытаются направиться к Сан-Лоренсо,

схватить их вместе, ты и 12 [люди Нестора Лабрады], а отсюда будет занят их лагерь и их атакуют с тыла.

Если двинутся к Эль-Робле или Лас-Минас, твоя задача не дать им получить подкрепления».

В послании в 9:15 утра я информировал Че:

«Уже послал оповещение Лало с инструкциями для каждой ситуации. Пошлю разведать дороги, которые идут от Сан-Лоренсо и Лас-Вегас. У меня есть Рауль [Кастро Меркадер] и шесть людей Камило [люди Орестеса Герры], готовые двинуться туда, где более нужны, если не окажутся необходимы здесь. Прикажу расположить на высоте Момпье семь человек, которые оставались из сил Камило на Ла-Плате, и даже Гильермо может быть использован, если потребуют обстоятельства».

Приоритет, отдаваемый мной этой операции, проистекал из того факта, что я был расположен даже переместить сюда Гильермо Гарсиа и его людей, которые в тот момент находились в зоне Ла-Платы.

В 5:00 дня я направил другое послание Лало, в котором, чтобы не было сомнений, подтвердил его задачу и задачу отделения Лабрады:

«Все хорошо. Я ожидаю с минуты на минуту, что правительственные солдаты двинутся. Если направятся сюда, попытайся уничтожить авангард и отбросить их. Остальные 12 должны тогда пойти по дороге из Мериньо и устроить там засаду на тот случай, если те, кто внутри, попробуют тебя атаковать. Эти 12 должны иметь смелого командира, который знал бы, что делать, если окажутся изолированными с той стороны; подняться на Каракас и спуститься через Эль-Робле, до нового соприкосновения».

К вечеру я приказал направить один миномет на позицию Куэваса, чтобы подкрепить самый опасный путь возможного продвижения врага в направлении Эль-Робле.

Дело в том, что утром 8 июля правительственные солдаты в Мериньо предприняли отход к Эль-Табако и Сан-Лоренсо. Действительно, командир группировки, размещенной в Мериньо, капитан Мартинес Торрес получил от своего вышестоящего командования задание продвинуться до Эль-Робле и подняться затем на Кауару, чтобы взаимодействовать с батальоном 18 в Хигуэ, то есть осуществить маневр, который мы предвидели. Однако под предлогом, что у его двух рот – 91 и 93 – кончились припасы и, хотя они пытались связаться с помощью авиации, им это не удалось, они решили вернуться в Сан-Лоренсо, чтобы пополнить припасы. По-видимому, этого вражеского командира небезосновательно заботила перспектива попасть в ловушку, если он будет следовать инструкциям своего вышестоящего командования.

После утомительного подъема, взобравшись на массив, вражеский авангард натолкнулся на засаду, устроенную взводом Лало Сардиньяса, и начался бой. Через несколько минут двенадцать бойцов отделения под командованием Нестора Лабрады, располагавшегося на массиве с другой стороны дороги, открыли стрельбу по левому флангу врага. Встретив плотный перекрестный огонь, солдаты не нашли ничего лучшего, как укрыться в выбоинах, образованных на местности эрозией. Несмотря на поддержку авиации, которая с 9:30 утра обстреливала из пулеметов окрестности, вражеские войска вынуждены были отступить к траншеям, вырытым по округе Мериньо.

В полдень Кюрюно запросил у меня инструкций с позиции, которую занимал на склоне холма Ла-Магдалена. В тот момент я еще не мог дать ему точного приказа, не зная наверняка, куда следует враг, как и плана дей-

ствий Че с его людьми. Потому я указал ему: «[...] если ты увидишь, что солдаты пытаются повернуть к Сан-Лоренсо, атакуя Лало, и ты их заметишь на поднимающемся массиве, стреляй по ним, как получится, чтобы напугать и рассеять».

Не в состоянии преодолеть повстанческие позиции, капитан Мартинес Торрес попросил о новой поддержке авиации, чтобы еще раз попытаться продвинуться к дороге на Сан-Лоренсо. Около 12:20 пополудни два бомбардировщика B-26 и один истребитель F-47 начали пулеметный обстрел окрестностей, длившийся два с половиной часа. После авиационной атаки вражеские роты попытались снова надвинуться на повстанческие позиции, но были опять отброшены людьми Лало и Лабрады. Отделение Сиродель Рио, поддержанное пулеметом 50-мм калибра Кюрюно, двинулось вперед, чтобы занять позицию, позволявшую обстреливать солдат с их правого фланга.

В 12:50 дня Че направил мне послание, информируя:

> «У меня впечатление, что все вражеские солдаты спустились с другой стороны массива. Попытался вступить в контакт с Лало, но мой посланец не вернулся. Сиродель Рио продвинулся по массиву, который они занимали выше».

В 1:55 пополудни Че прислал мне другое сообщение, пока что без точных данных о ходе действий:

> «Вражеские солдаты находились на оконечности массива, но Лало, кажется, отошел, и они заняли выход на дорогу в Сан-Лоренсо. Это догадки, точно ничего не знаю. Посланцы не установили контакт с Лало. Отсюда (500 м) видно, как проходят по одному к Сан-Лоренсо».

Только к 2:00 дня я получил из послания Лало первую конкретную информацию о ходе событий:

> «У нас был бой с этими из Мериньо. Видим у них двух мертвых, но, думаю, их человек восемь. Эта засада с этой стороны была очень короткой, но бросил в них двенадцать гранат и выпустил залпов восемь в кучу солдат, которые засели в яме и кричали: «Не оставляйте раненых, бегите, нас окружают!» А один говорил: «Иди вперед по тропе», а другой: «Иди ты». Длился бой около полутора часов, начался в 9:30, авиация ничего не сделала. Пытаются снова продвинуться. Засаду в Сан-Лоренсо совсем не трогал».

Данные, сообщенные Лало в этом послании о том, что его засада «очень короткая», оказались ключевыми для установления того, что, в конечном счете, произошло. Уже в тот момент я отдал некоторые срочные распоряжения, чтобы подкрепить позицию Лало и сорвать попытку солдат выйти к Сан-Лоренсо. В 2:15 дня я информировал Че в послании:

> «Направил Рауля Кастро [Меркадера] с восемью бойцами на подкрепление Лало. Семь человек, оставшихся у Камило из его колонны в Ла-Плате, уже на подходе сюда.
>
> Гильермо разместился на высоте Момпье со своим взводом, чтобы переместиться на позицию, если того потребуют обстоятельства.
>
> Если вражеские солдаты не вышли, это ничего, пошлю сорок человек копать траншеи на холмы, где находится Лало, и подкреплю его людьми Камило, которые на подходе (все с автоматическим оружием и одной винтовкой-пулеметом). Также размещу 100-фунтовую бомбу, которая уже здесь».

Тем временем взвод Андреса Куэваса, подкрепленный людьми Хайми Веги, и Че с частью своего войска продвигались вперед, чтобы атаковать с тыла вражеские роты.

Немного позже, после 2:30 дня, я отправил послание Лало Сердиньясу, в котором его информировал:

> «Через несколько минут направляются туда винтовка-пулемет и еще шесть человек с автоматическим оружием. Ночью пришлю 100-фунтовую бомбу, чтобы заложить ее. Пошлю также людей, чтобы делать траншеи. Если там будет оказываться хорошее сопротивление, схватим их и заставим сдаться.
>
> [...] Куэвас, Вега, Че, Сиро и отделение Камило продвигаются вперед через Мериньо. Поздравляю всех.
>
> P.S. Направил Фонсо [Альфонсо Сайаса], чтобы обстреливал их по дороге из Мины в Сан-Лоренсо».

Действительно, отделение под командованием Альфонсо Сайаса с винтовкой «Гаранд» и десятью затворными винтовками отправилось по дороге из Минас-де-Фрио до окрестностей вражеского лагеря в Сан-Лоренсо и произвело несколько выстрелов с целью спровоцировать выход размещенных там войск для преследования повстанческого патруля и на помощь ротам, окруженным в Мериньо. Сайас быстро вновь занял массив и поспешно направился в Мериньо на поиск подходящей высоты вблизи лагеря, чтобы подготовить засаду. Об этом он оповестил меня в послании, направленном в 2:10 дня. Но, достигнув тропы, которая по прямой линии шла от Сан-Лоренсо, в месте, где занимали позицию силы Лало Сардиньяса, Сайас решил сначала переговорить с его товарищами. Тогда Рауль Кастро Меркадер, прибывший с отделением подкрепления, указал ему, что тот должен остаться, следя за второй тропой, пока остающейся без присмотра, чтобы таким образом прикрыть тыл повстанцев в этом пункте.

Правительственные солдаты в Мериньо попытались после полудня того же дня в третий раз прорваться, чтобы выйти на дорогу из Сан-Лоренсо, и снова были отброшены. Еще раз оказались вынуждены отступить под постоянным обстрелом с тыла силами Че, Куэваса и Хайме Веги, поддержанные пулеметом 50-мм калибра Кюрюно. При последнем отходе солдаты бросили несколько мулов.

В 4:05 дня Че меня информировал:

«Нахожусь в трехстах метрах от солдат, но под ними. У меня семь мулов. Не даем им уйти, но нам нужна маленькая помощь в любом направлении, предпочтительно с тыла, чтобы взять их».

При таком положении вещей следовало предвидеть три возможности: первая, что предпримут попытку еще раз прорваться на дорогу к Сан-Лоренсо, другая, что попытаются сделать это по дороге из Эль-Табако, и третья, что враг направит подкрепление из Сан-Лоренсо. С этими вариантами в голове в 5 часов дня я отправил следующее послание Лало Сардиньясу:

«Направляюсь для контакта с Че и Куэвасом и посмотрю, могу ли подкрепить дорогу из Эль-Табако.

Устройте хорошую оборону с траншеями на дороге, идущей от Сан-Лоренсо, и заложите две бомбы.

Можешь поставить двадцать человек и пулемет в сторону Сан-Лоренсо, а остальных в сторону Мериньо.

Охраняй также свой тыл со стороны массива, где находишься, каким-либо постом.

Фонсо занял позицию на массиве около дороги, которая поднимается в Мериньо, чтобы обстреливать любое подкрепление, направленное из Сан-Лоренсо.

Если еще не улизнули с какой-нибудь стороны, нужно все равно помешать завтра, чтобы не подошли подкрепления.

Заткни эти дыры».

Селии, находившейся в Момпье, передал:

«Направляюсь для контакта с Че и Куэвасом.

Лафертé пусть позаботится направить до наступления ночи людей, чтобы копать траншеи. Гильермо пусть остается там».

Было дано указание, чтобы бывший лейтенант армии тирании Эвелио Лафертé, который находился с нами после его захвата в феврале во втором бою у Пино-дель-Агуа, а теперь отвечал за школу новобранцев в Минас-де-Фрио, направил группу копать траншеи для удлинения оборонительной линии Лало.

Вражеские солдаты попытались в четвертый раз прорваться на дорогу из Сан-Лоренсо, и снова были отбиты повстанческими силами. Бой продолжался до 6:30 пополудни, и враг вынужден был опять отступить.

Во время развития этого четвертого боя я отправился из Минас-де-Фрио и встретился с Че и Куэвасом. Но по пути я столкнулся с некоторыми повстанческими отделениями, отходившими, кажется, из-за какого-то плохо понятого приказа. Дав им новые инструкции и обменявшись впечатлениями с Лало, я направил в 7:45 вечера послание Че:

«Прибываю сюда по дороге из Мины в Мериньо и встречаю большую неразбериху. Здесь со мной отделение Сиро, которое совершало отход, говоря, что в Мериньо правительственные солдаты, которыми, как я понял, были Куэвас и компания. Отделение 30 тоже совершало отход, как мне сказали, по твоему приказу. Меня несколько удивляет, что ты дал такой приказ, оставаясь там.

Полчаса назад переговорил с Лало. Дела там обстоят очень хорошо, но опасаюсь, что 12, которые охра-

няли дорогу из Лимонеса и утром устроили стрельбу по солдатам, оказавшись на целый день без контакта, отойдут через Каракас. Все это надо уладить. Мне кажется, что ты и я должны увидеться, поскольку самыми лучшими позициями владеем или можем владеть. Подкрепление может прийти только через Сан-Лоренсо, и я уверяю тебя, что не придет.

Я бы оставил малость людей здесь внизу и сосредоточил бы силу на дороге, идущей из Лимонеса, так как этот пункт и позиция Лало в этот момент самые важные, ибо вражеские солдаты не пойдут низом никоим образом. Мулы могут пойти только по любой из этих двух дорог».

В действительности, отделение из двенадцати человек, которое присматривало за дорогой из Лимонеса, под командованием Нестора Лабрады, отошло через холм Каракас и соединилось с семью бойцами из колонны Камило. Подкрепление, ожидавшееся врагом, расположившимся в Сан-Лоренсо, так и не вышло на помощь своим окруженным товарищам.

Ввиду тяжелого положения, в котором находились вражеские роты, окруженные в Мериньо, проводник этих войск, местный крестьянин по имени Армаледо Рабí, посоветовал капитану Мартинесу Торресу в качестве единственного выхода прорвать кольцо окружения и спуститься в долину Эль-Табако по крутым утесам с другой стороны самой южной части массива. Пользуясь темнотой ночи и тем, что повстанческая линия Лало не доходила до этой части массива, вражеские войска скрытно предприняли побег в этом направлении, оставив позади остатки вереницы мулов. Лишь около полуночи, после прибытия Куэваса в теперь уже опустевший вражеский лагерь, я получил подтверждение бегства войск.

В 11:45 ночи я направил Лало послание:

«Вражеские солдаты, кажется, спустились все к Эль-Табако. Оставили семь мулов с каким-то товаром, котлами и вещевыми мешками. Неизвестно, каким путем увели остальных. Двенадцать твоих, по имеющимся сведениям, присоединились к семи от Камило, поднявшимся через массив Каракас и двигавшимся по дороге из Лимонеса.

Завтра в 4:30 на рассвете поднимай людей и с первым ясным светом пошли разведать массив до дороги из Лимонеса, займи массив, проявляя осторожность, как бы не остался какой-нибудь отставший солдат, и все хорошенько обыщите в поисках оружия, патронов, вещевых мешков и прочего. За час можете закончить. Оставь тогда пост из шести человек, чтобы присматривать за дорогой до 12 часов дня, а ты направляйся пораньше в Ла-Мину с личным составом, чтобы отдохнуть.

На захваченных мулах не было патронов. Расследуй, чтобы знать, что произошло с остальными. Доставь мины».

Хотя бой у Мериньо не стал важным вкладом в пополнение оружия, боеприпасов и снаряжения, он, тем не менее, означал еще одну победу наших сил в этом секторе, которая затормозила на время осуществление плана вражеского наступления.

Различные попытки правительственных солдат прорвать линии повстанцев были отбиты. Враг потерял не менее восьми человек убитыми и неопределенное количество ранеными, тогда как повстанческие войска не понесли потерь.

Хотя основной части двух рот батальона 19 удалось ускользнуть из созданного окружения, они потеряли весь

свой обоз и оказались в столь трудном положении, что едва могли снова эффективно использоваться в последующем в военной кампании.

Но самое главное в том, что попытка проникновения врага вглубь нашей территории была отбита. Правительственные войска были вытеснены из Мериньо, и удалось предотвратить на время осуществление их плана взаимодействия с батальоном 18, продвигавшимся с юга.

Наступила очередь устранить именно эту угрозу. На следующий день я переместился в Момпье, а оттуда в Хигуэ. Не оставалось ни минуты для отдыха.

14

Сдерживание в Санто-Доминго

ИЮЛЬ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31	–	–

Боем у Пуэбло Нуэво и началом того, что я назвал тогда первой битвой у Санто-Доминго, повстанческие силы сделали первый шаг, чтобы вырвать инициативу у врага, который еще будет ее частично удерживать в остальных секторах военного противостояния, где развивалось наступление. С 5 июля, даты, когда состоялся бой в Эль-Наранхале, армия утратит свой напор в южном секторе, то есть в зоне реки Ла-Платы. 9 июля повстанческие силы нанесут ещё один важный удар в Мериньо и также лишат врага стратегической инициативы в северо-западном секторе. Единственным вражеским наступательным действием в этой зоне станет занятие Минас-де-Фрио 13-го числа.

Следовательно, можно утверждать, что 28 июня начался второй этап вражеского наступления, характеризующийся его сдерживанием нашими скудными и слабо оснащенными силами. Второй этап, согласно историческим исследованиям, посвященным тому времени, продолжается до 11 июля. Этот день, день начала военных действий в Хигуэ, которые приведут к сдаче батальона 18 и ликвидации подкреплений, направленных ему на помощь, обо-

значил исходную точку третьего этапа, который станет финальным этапом этого процесса и будет характеризоваться развертыванием уже неудержимого повстанческого контрнаступления в трех секторах операций вплоть до конечного разгрома врага и его ухода со Сьерра-Маэстры.

Я был убежден, что Санчес Москера, несмотря на разгром, учиненный ему между 28 и 30 июня, не откажется предпринимать какие-либо действия. При всем, что говорилось о нем, было бы непоследовательно для него, если бы он оставался пассивным после недавно нанесенного ему нами мощного деморализующего удара. К тому же, нельзя было вообразить, чтобы, дойдя до этих мест, он отбросил бы намерения продолжить продвижение вперед с целью забраться на массив Маэстры в зоне высоты Эль-Наранхо, оказавшись тогда в пределах досягаемости ставки нашего Командования в Ла-Плате.

Поэтому я приказал всем взводам, принимавшим участие в действиях против вражеского лагеря, вновь занять, если они покинули их, свои прежние позиции, которые были спланированы в виде полукруга от Пуэбло Нуэво, проходя над рекой Яра к востоку от Санто-Доминго до Леонсито, над той же рекой на западе. В первые часы утра 1 июля все повстанческие силы возвратились на свои позиции согласно этому плану.

Взвод Лало Сердиньяса снова расположился в Пуэбло Нуэво с намерением сдержать любую вражескую попытку проникновения вверх по реке в направлении к Сантане или Ла-Херинге.

Конечно, в тот же день я подписал приказ, в котором признана исключительная роль Лало в течение трех дней действий в Санто-Доминго, и объявил отмену суда над

ним, отложенного до окончания войны, по делу о применении чрезмерного насилия, имевшего место в октябре 1957 г. в отношении солдата, совершившего дисциплинарный проступок, результатом которого стала гибель бойца, а также распорядился о восстановлении Лало в звании капитана. Это было актом справедливости по отношению к одному из наших самых опытных и компетентных командиров, сыгравшему решающую роль в успешном исходе того, что в том самом документе я оценил как «самую известную повстанческую победу с момента начала войны».

Слева от Лало, прикрывая склон массива Эль-Наранхо, который выходит на ручей Лос-Могос, снова расположились отделения Зенена Мериньо и взвод Андреса Куэваса. Но этот последний был перемещен мной на следующий день в Ла-Плату, так как я хотел его использовать в другом секторе, где он был бы нужнее. Далее, на самом массиве Эль-Наранхо, держала свои позиции группа под командованием Убера Матоса и слева от него отделение Браулио Кюрюно с пулеметом 50-го калибра.

С другой стороны ручья Эль-Наранхо, на склоне массива Гамбоа, опять расположился Феликс Дуке со своим отделением. Даниэль остался повыше, очень близко от массива, на месте, которое бойцы его группы окрестили «высотой Ла-Пульга»*. То был оперативный резерв, способный действовать по обстоятельствам.

В то же утро враг предпринял пробную попытку в направлении позиций Дуке на уступе Гамбоа. На рассвете, предвидя это движение, которое мне представлялось наиболее логичным, я уведомил Дуке о возможности продвижения из Санто-Доминго в его направлении и приказал ему сообщить Кюрюно, чтобы, если он заметит подобное перемещение, ничего не делать, пока правительственные

* По-испански «блоха» – *Прим. переводчика.*

солдаты не столкнутся с людьми Дуке. Я был уверен, что повстанческие силы на массиве Гамбоа достаточно стойкие, чтобы сдержать вражеский удар, что позволит нам маневрировать людьми Убера Матоса, поддержанными пулеметом Кюрюно, подчинявшимся командному посту, чтобы отрезать солдат с тыла и устроить им маленькую ловушку.

Кюрюно, однако, начал обстреливать солдат, когда заметил их движение по массиву Гамбоа. В итоге вражеские силы, возможно один взвод, не дошли до столкновения с Дуке и возвратились в Санто-Доминго спустя два часа. Стало очевидно, что речь шла о финте со стороны Санчеса Москеры, чтобы раскрыть наши оборонные позиции в этом направлении.

Среди документов того дня сохранилась записка Кюрюно, в которой он давал мне тщательный отчет об израсходованных патронах. Стоит процитировать ее в качестве примера строгого контроля, которого требовали от наших капитанов: «Во вчерашней атаке произвел во врага 476 выстрелов, которые вместе с предыдущими составляют 751, стало быть, остается 349 патронов». Вслед за этим он просил у меня 162 патрона, оставленных в доме Сантаклареро. Я ответил ему, что должен держать их там как резерв.

В последующие дни правительственные войска ограничились передвижениями в окрестностях своего лагеря и, самое большое, заходили в поселок Эль-Наранхо и выходили из него на виду у наших позиций. Против них поддерживался постоянный обстрел спорадическими винтовочными выстрелами и выстрелом Кюрюно из пулемета 50-го калибра примерно каждые полчаса. Скорее, это было психологическое воздействие. Враг должен знать, что мы следим за ним, охраняя подступ к Маэстре.

Третьего числа, ввиду бездействия на этом фронте и передвижений, предпринятых вражеской группировкой, которой удалось, наконец, занять Сан-Лоренсо 1-го чис-

ла, я переместился в Минас-де-Фрио и оставил Камило ответственным за координацию обороны в этом секторе.

На другой день я послал найти Лало и его бойцов, чтобы они приняли участие в засаде, которую я готовил роте армии, проникшей в Мериньо. Войско Лало было единственным, находившимся не на оборонительной позиции в секторе Сан-Доминго, а на позиции атаки. Поэтому я сориентировал Камило, чтобы он прикрыл отделением Зенена Мериньо дорогу, поднимавшуюся от Пуэбло Нуэво к массиву, и чтобы он хорошенько следил за движением правительственных войск на этом фланге. Оперативная ситуация в тот момент позволяла то, что могло бы показаться ослаблением линии сдерживания на правом краю его расположения, поскольку, если бы враг вновь попытался продвинуться вверх по реке, единственная диспозиция, которую надо было бы принять, состояла в том, чтобы внимательно следить за его движением и усилить оборону дороги, поднимающейся к укрепленному району от Сантаны. Однако я был убежден в том, что ближайшую попытку Санчес Москера предпримет в районе массива Эль-Наранхо либо массива Гамбоа, там, где он попробовал это сделать 1-го числа.

В субботу 5 июля правительственные войска из Санто-Доминго задвигались снова и были легко отбиты повстанцами на подъеме к Эль-Наранхо. Враг потерял четыре человека и оставил винтовку «Спрингфилд» и 350 патронов. В этот же день в Эль-Наранхале Рамон Пас окончательно отразил продвижение батальона 18 с юга.

Ввиду этих событий я указал Камило, чтобы он распорядился о перемещении взвода Гильермо Гарсиа, который прикрывал на высоте Сан-Франсиско подступы в зону Ла-Херинги и верховьев реки Яра с севера, к Ла-Плате, а затем туда, где находился я, чтобы получить инструкции. Также я послал найти Кюрюно и его пулемет. Чтобы сбалансировать это последнее изменение позиции, Ками-

ло переместил резервный взвод Даниэля ниже и подкрепил некоторыми людьми из этого подразделения повстанческую линию на холме Сабику. После участия в действиях в Мериньо 8-го числа Кюрюно был направлен мной обратно на массив Эль-Наранхо, куда прибыл точно вовремя, чтобы занять свою прежнюю позицию слева от высоты Сабику.

Санчес Москера предпринял, наконец, в среду 9 июля свою попытку штурма укрепленного района Маэстры. С рассветом вражеский авангард начал подниматься по всему склону Субику. Снова кровожадный офицер продемонстрировал, что является самым способным командиром. Его люди перемещались не по дорогам, а через лес и делали это не линейным, а развернутым по относительно широкому фронту строем. Вражеская артиллерия вела интенсивный обстрел по холму, в то время как авиация обстреливала из пулеметов и бомбардировала местность, где по предположению командования вражеской группировки должны были располагаться оборонительные повстанческие позиции. В тот день многие бойцы впервые созерцали ужасные последствия применения напалмовых бомб, поставленных армии тирании Соединенными Штатами.

Однако с повстанческих позиций было оказано стойкое сопротивление нападению. Враг дошел до самой высоты Сабику и там столкнулся с силами лейтенантов Дуннея Переса Аламо и Хеонеля Родригеса, подкрепленных бойцами Даниэля и поддержанных пулеметом Кюрюно, который еще находился там, и отделением, которое под командованием Убера Матоса держалось на левом фланге повстанческой линии на массиве Эль-Наранхо.

Упорное сражение шло более двух часов. После относительного затишья борьба возобновилась с ещё большей ожесточенностью около полудня. Наконец, армия отошла и вернулась в Санто-Доминго, понеся неопределенное

количество потерь и оставив брошенными несколько единиц оружия и довольно большой боезапас.

Бой в Эль-Наранхо имел гораздо большее значение, чем показывают его конкретные результаты в цифрах потерь и захваченной добычи. Он явился последним значительным усилием вражеского контингента, располагавшегося в Санто-Доминго, с намерением продвинуться к сердцевине повстанческой территории.

Примем во внимание, что в тот момент вражеские войска оказались более опасными для нас по разным причинам: они находились ближе к Ла-Плате, были более многочисленными и лучше снаряженными, располагали самым решительным и умным командиром. Однако все эти факторы, казавшиеся благоприятными, разбились о сопротивление горстки хорошо подготовленных бойцов, исполненных решимости бороться до конца, чтобы воспрепятствовать продвижению врага в этом направлении.

Также нельзя недооценивать тот факт, что удары, нанесенные этим войскам в первой битве у Санто-Доминго, привели к возникновению пораженческих настроений и известной деморализации среди солдат и, особенно, у их тщеславного командира. На деле, после девятого числа Санчес Москера не предпринял ни малейшей попытки двинуться в каком-нибудь направлении, пока он не получил конкретный приказ покинуть Санто-Доминго 26-го числа.

Эта пассивность позволила мне переместить снова в другие сектора Кюрюно и других повстанческих бойцов, прикрывавших этот фронт, который защищался все это время отделениями Дуке, Хеонеля Родригеса, Зенена Мериньо, Убера Матоса и Аламо, а также личным составом резерва Даниэля на массиве Эль-Наранхо.

Спустя несколько дней после боя в Эль-Наранхо самый дальний край этого фронта был прикрыт разными отделениями и группами колонн № 3 и № 4 под командованием, соответственно, командиров Хуана Альмейды

и Рамиро Вальдеса, которые были распределены Камило в Агуальревес, Ла-Херингу, на так называемый перекресток Лима – пункт Маэстры, где дорога с укрепленного района пересекалась с дорогой, идущей от Пальма Моча по подъему Сантана и другим пунктам Маэстры.

Бойцы с массива Эль-Наранхо держались на своих позициях, несмотря на постоянные налеты авиации, которая широко применялась в зоне все эти дни, и беспрестанный огонь минометов, ведшийся врагом из Санто-Доминго. Одна из мин, выпущенных этими минометами, попала 11-го числа прямо в крышу дома сотрудничавшего с повстанцами крестьянина на склоне холма Сабику напротив вражеского лагеря в момент, когда боец Хуан де Дьос Самора, которому помогали бойцы Рита Гарсиа и Эва Пальма, готовили обед повстанцам. Взрывом убило повара и крайне тяжело ранило капитана Хеонеля Родригеса и лейтенанта Кариоса Маса Лопеса, известного как Карлитос Мас, которые отдыхали в доме. Доставленные быстро в ставку командования Ла-Платы, оба бойца были срочно прооперированы повстанческими хирургами, но внутреннее кровотечение не удалось остановить, и оба скончались.

«Повстанческое радио» со скорбью проинформировало 12-го числа о смерти Хеонеля и его погребении в повстанческой земле. Эта потеря была особенно горестной, так как погиб молодой студент, будущий инженер, который сотрудничал с Че по созданию «Эль кубано либре», первой партизанской газеты в Сьерра-Маэстре – скромный и смелый боец, павший не от сосредоточенного огня в бою, а по печальной случайности. До сих пор сохраняется его могила у входа в ставку командования в Ла-Плате, с останками, которые просила не тревожить его старая мать, желая, чтобы они покоились всегда там, в земле, ради обороны которой он отдал свою жизнь. На деревенском кресте, обозначающем могилу, прикреплена поход-

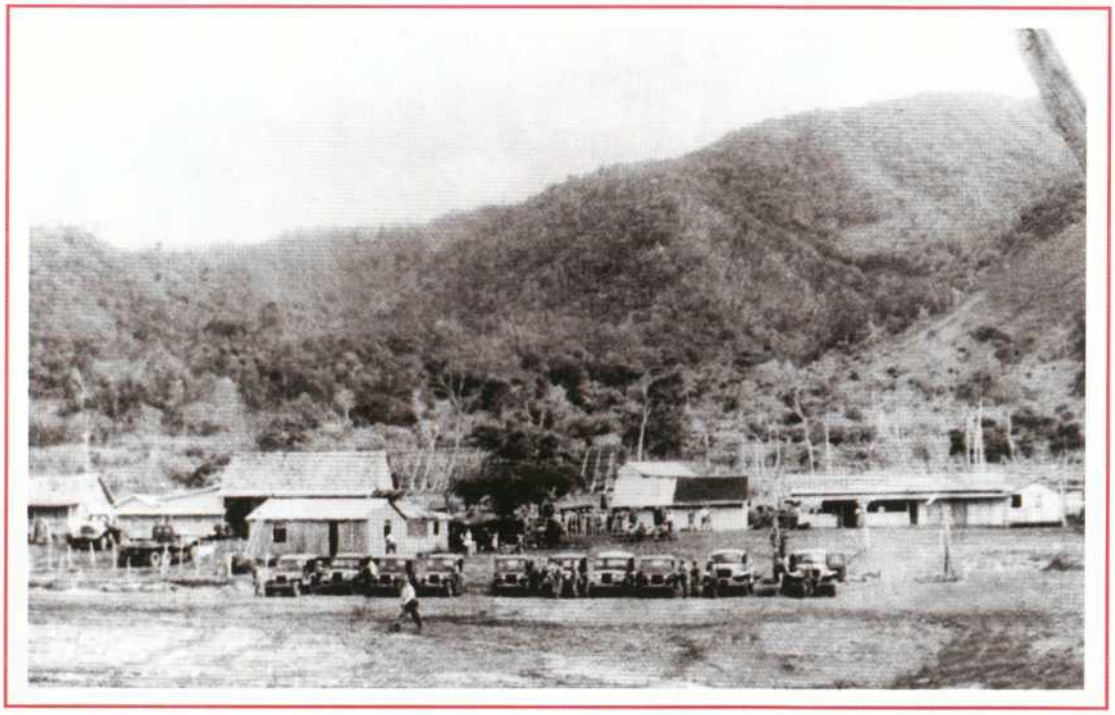
ная тарелка Хеонеля с надписью в честь его памяти, выгравированной его товарищами.

Не считая этого прискорбного инцидента, не произошло ничего чрезвычайного на этом фронте в дни, когда развертывалась битва при Хигуэ. Мое внимание было сосредоточено на том, что было приоритетной целью наших сил в тот момент: разгром батальона, окруженного на юге. Между тем, я поддерживал постоянную связь с Камило, который из Ла-Платы руководил обороной северо-восточного сектора, тогда как Че удерживал врага в зоне Минас-де-Фрио.

Фотографии

Фидель и Че в первые месяцы революционной войны в Сьерра-Маэстре, *1957 г.*

Интервью команданте Фиделя Кастро американскому подполковнику Хербергу Мэтьюсу из газеты «Нью-Йорк таймс» в усадьбе Эпиданио Диаса. *1957 г., февраль.*



Помещения казармы армии тирании в Уверо.

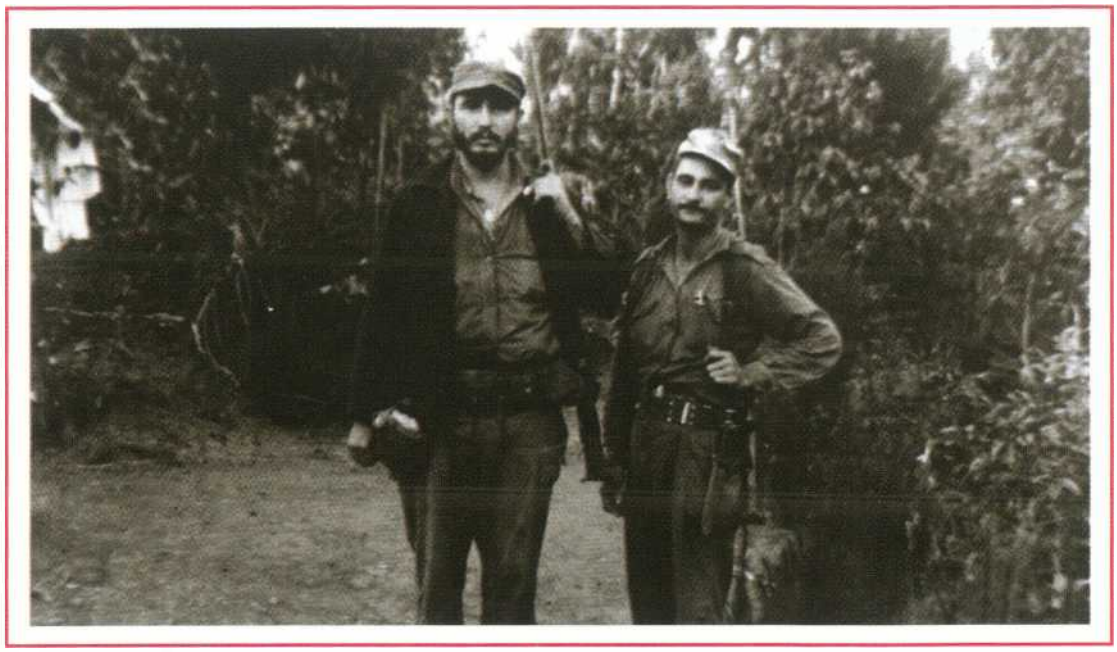
Повстанческий отряд в Уверо после победы в бою 28 мая 1957 г.

Команданте Рауль Кастро Рус с пулеметом «Томпсон».

Капитан Сиро Редондо, павший в бою при Мар-Верде. *29 ноября 1957 г.*

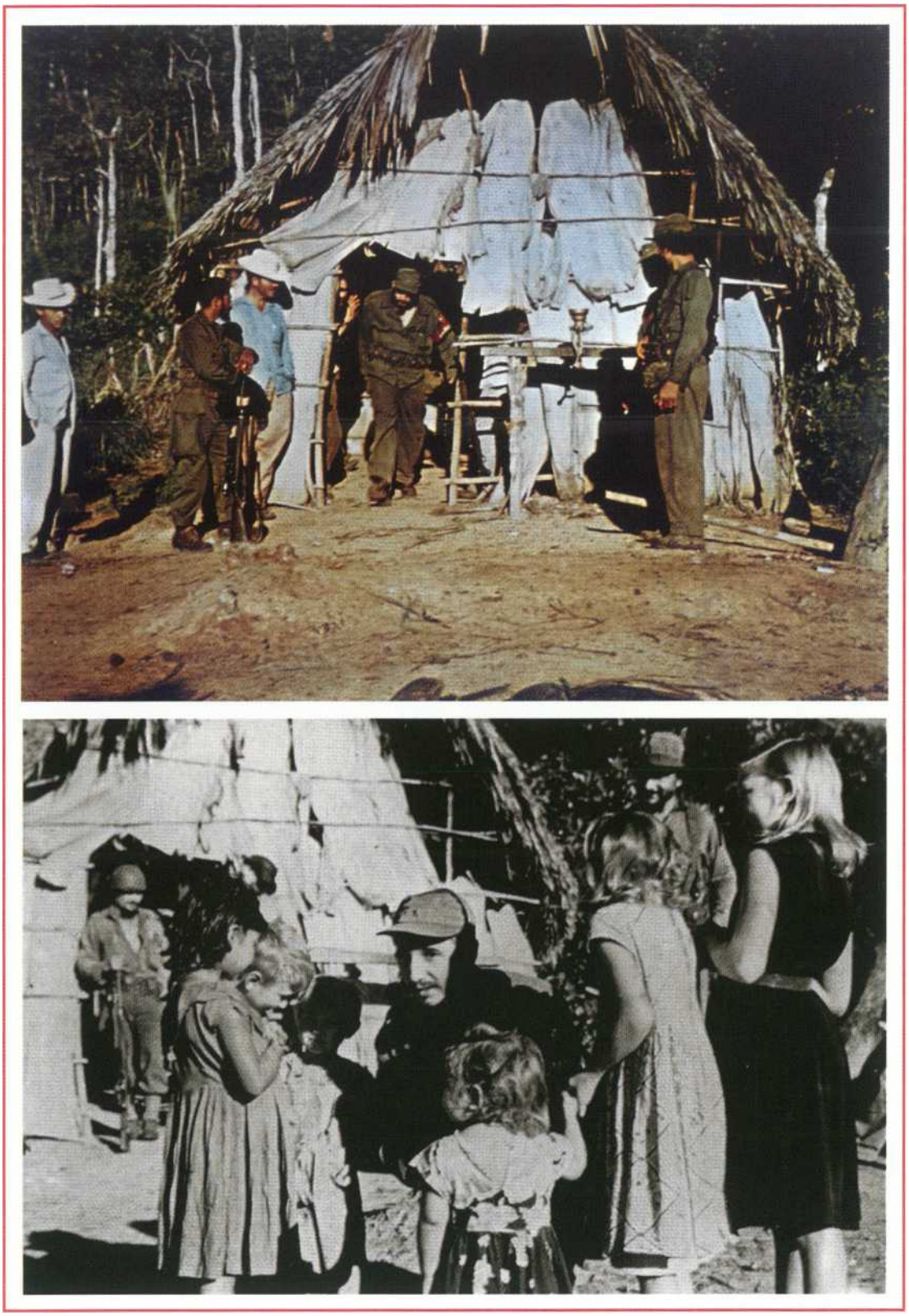
Стоят слева направо: повстанческие бойцы Игнассио Леаль Диас, Сиро Редондо и Камило Сьенфуэгос. Сидят на камнях Марсело Фернандес Фонт и команданте Фидель Кастро.

Капитан Сиро Фриас, выдающийся повстанческий боец.

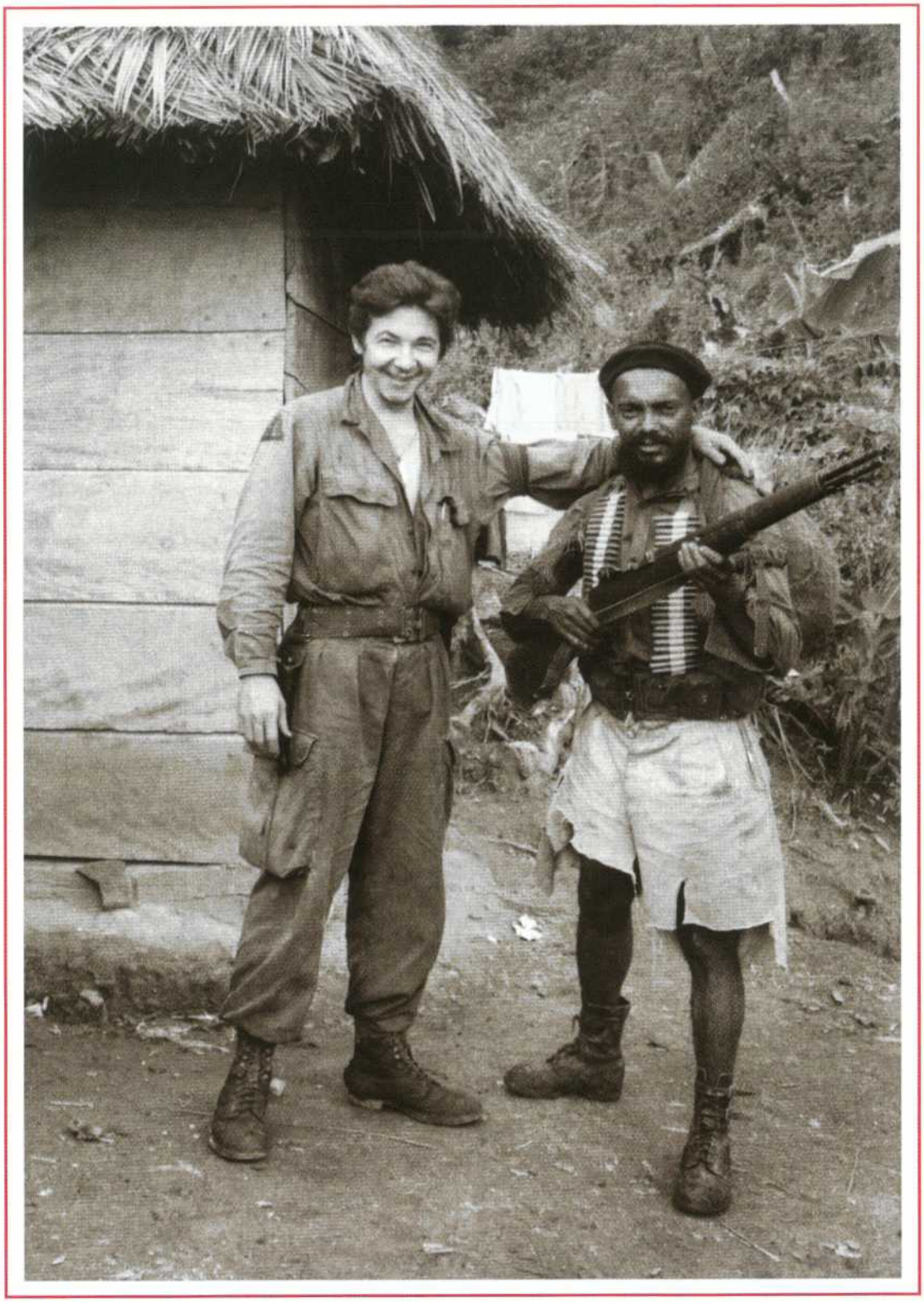


Фидель и Универсо Санчес

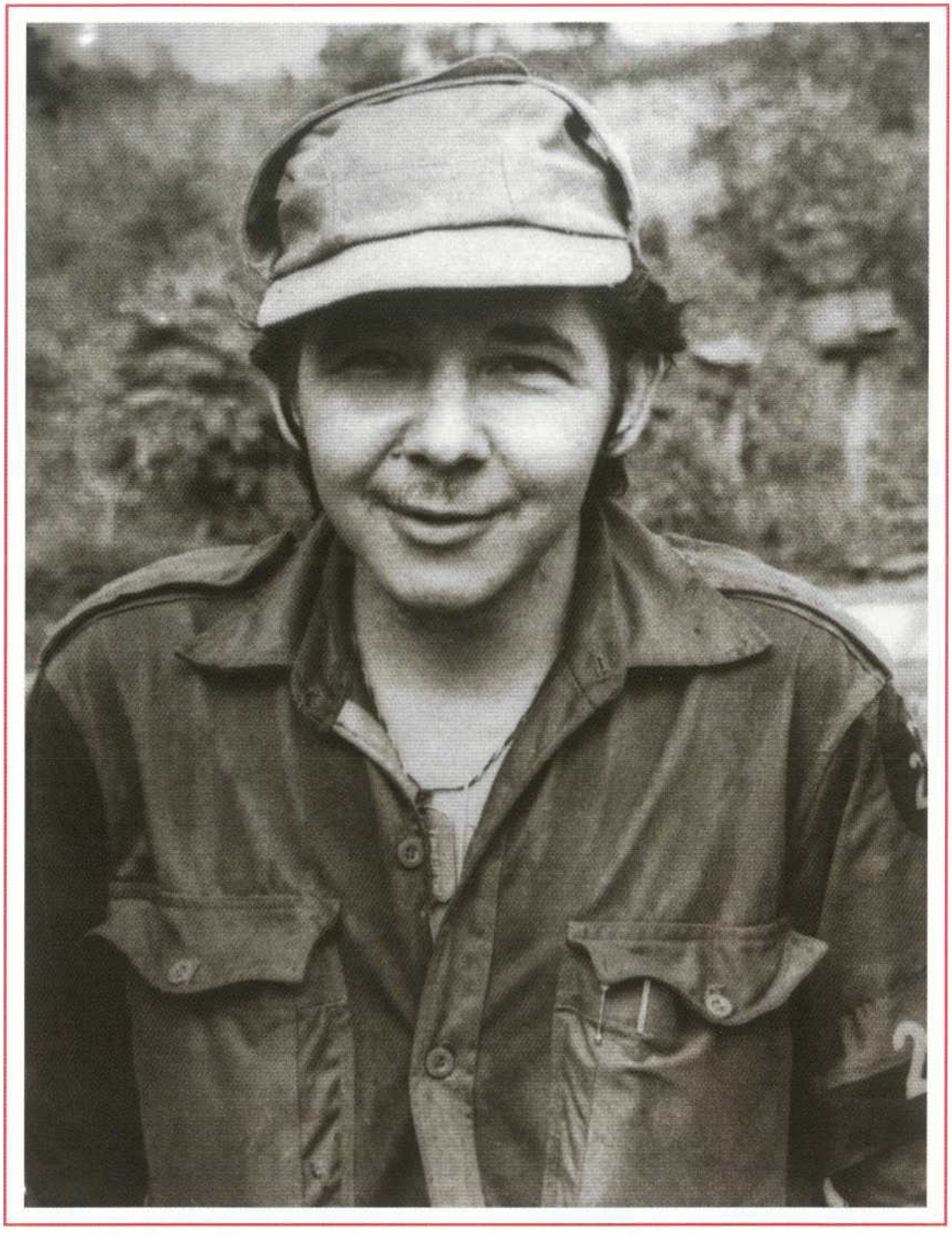
Фидель с группой бойцов, среди которых: Эфихенио Амейхейрас, Хулито Диас, Хувентино Аларкон, Хуан Сото, АдольфоМолл, Луис Баррерас, Эванхелиста Гонсалес, Рейнерио Хименес, Эмилиано Диас, Эдуардо Кастильо, Элой Родригес и Абелардо Коломé.



Передышка на войне. Команданте Фидель Кастро с крестьянскими девочками, пришедшими его приветствовать.



Рауль Кастро Рус и боец Феликс Мендоса.



Молодой Рауль Кастро в дни войны в Сьерре.

Во время войны Фидель ежедневно был в курсе событий.

Фидель и командантеАльмейда Боске.

Рауль, Фидель и Рене Рамос Латур, *Даниэль*.

Рауль Кастро Рус и Хувентино Аларкон.

Рауль с крестьянином Конрадо Энрикесом и его двумя маленькими сыновьями.

Фидель беседует с Эскалоной, сотрудничавшим с Повстанческой армией.

Гамак, вещевой мешок и винтовка, неизменные товарищи команданте Фиделя Кастро в походной жизни во время войны.

Фидель у входа в хижину.

Повстанцы на вершине пика Туркино Сьерра-Маэстры.

Фидель со своим партизанским вещевым мешком рядом с Альмейдой и крестьянами Сьерра-Маэстры.

Команданте Фидель Кастро рассматривает карты вместе с другими бойцами, среди них: Селиа, Вильма, Даниэль, Хайди, Марсель и Фаустино*.

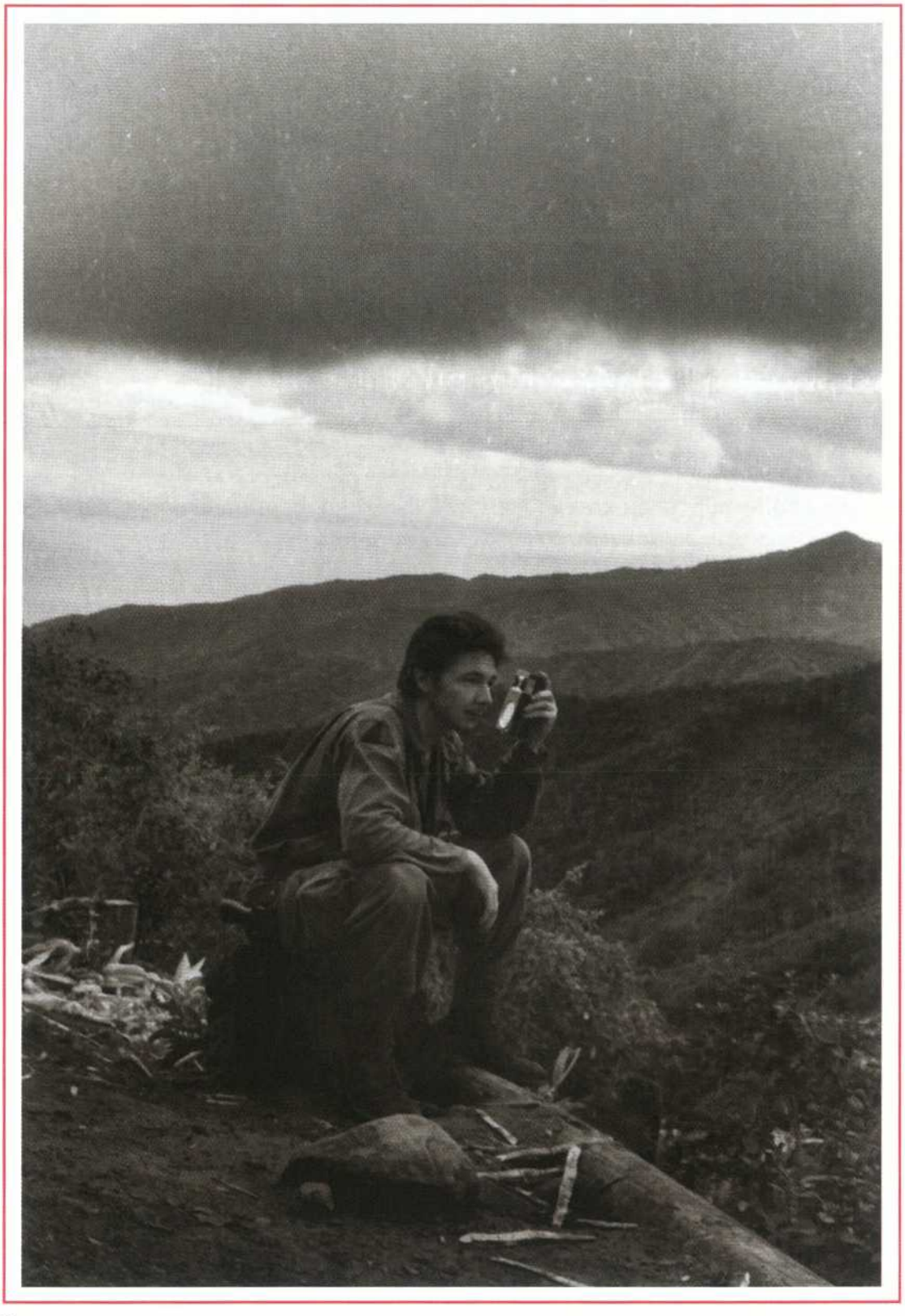
Фидель беседует, пока его стригут в импровизированной парикмахерской в Эль-Наранхо, Сьерра-Маэстра.

*На фото изображены Селия Санчес (см. примечание на стр. 10); Вильма Эспин (1930–2007) – кубинская революционерка и общественная деятельница, участница подпольной повстанческой борьбы Движения 26 июля, связник между руководителем этого Движения Ф.Паисом и братьями Фиделем и Раулем Кастро, боец-партизан в Сьерра-Маэстре, супруга министра Революционных вооруженных сил (с 1959 г.) и председателя Госсовета Кубы (с февраля 2008 г.) Рауля Кастро;Рене РамосЛатур, подпольный псевдоним Даниэль, – кубинский революционер, руководитель Движения 26 июля, участник партизанской борьбы в Сьерра-Маэстре, команданте Повстанческой армии, погиб в бою в Хобале 30 июля 1958 г.; Хайди Сантамария (1922–1980) – кубинская революционерка, участница штурма казармы Монкада в 1953 г., одна из основателей Движения 26 июля, участница боевых повстанческих действий в Сьерра-Маэстре, после победы революции основатель Дома Америк – организации по развитию культурных и общественных связей с зарубежными странами, член руководства Организации латиноамериканской солидарности, супруга министра обра-

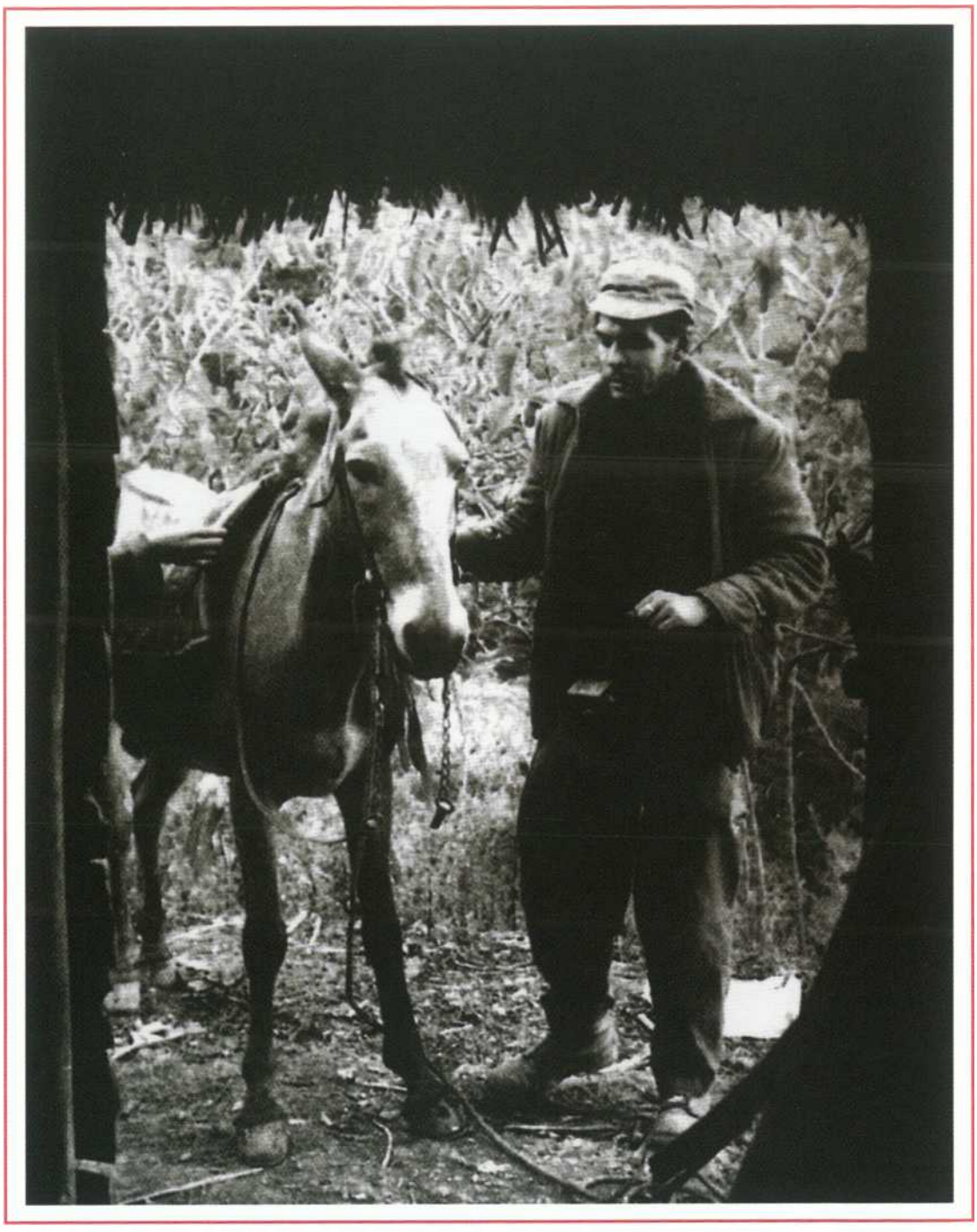
В окружении партизан кадет ЭвелиоЛафертé, плененный повстанческими войсками, отвечает на вопросы Че.

Рауль беседует с мальчиком со Сьерра-Маэстры.

зования (1959–1965), затем министра культуры Кубы (1976–1997) Армандо Харта; Марсело Фернандес Фонт (1932–2005) – участник подпольной революционной борьбы Движения 26 июля в 1956–1958 гг. и партизанской борьбы в Сьерра-Маэстре с 1958 г. После победы революции президент Национального банка и министр внешней торговли Кубы; Фаустино Перес Эрнандес (1920–1992) – кубинский революционер и политический деятель, экспедиционер «Гранмы», организатор подпольного повстанческого движения на равнине, в 1958 г. включившийся в партизанскую борьбу в Сьерра-Маэстре. *–Прим. переводчика.*

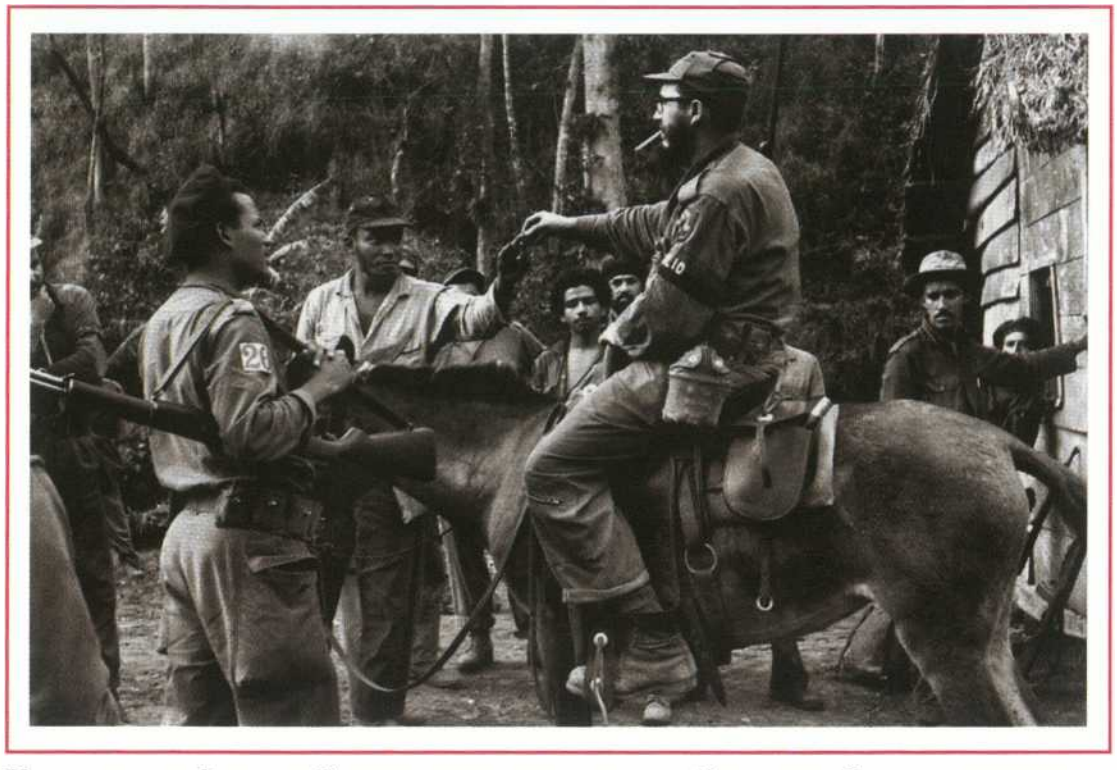


Рауль слушает новости по маленькому переносному радио.

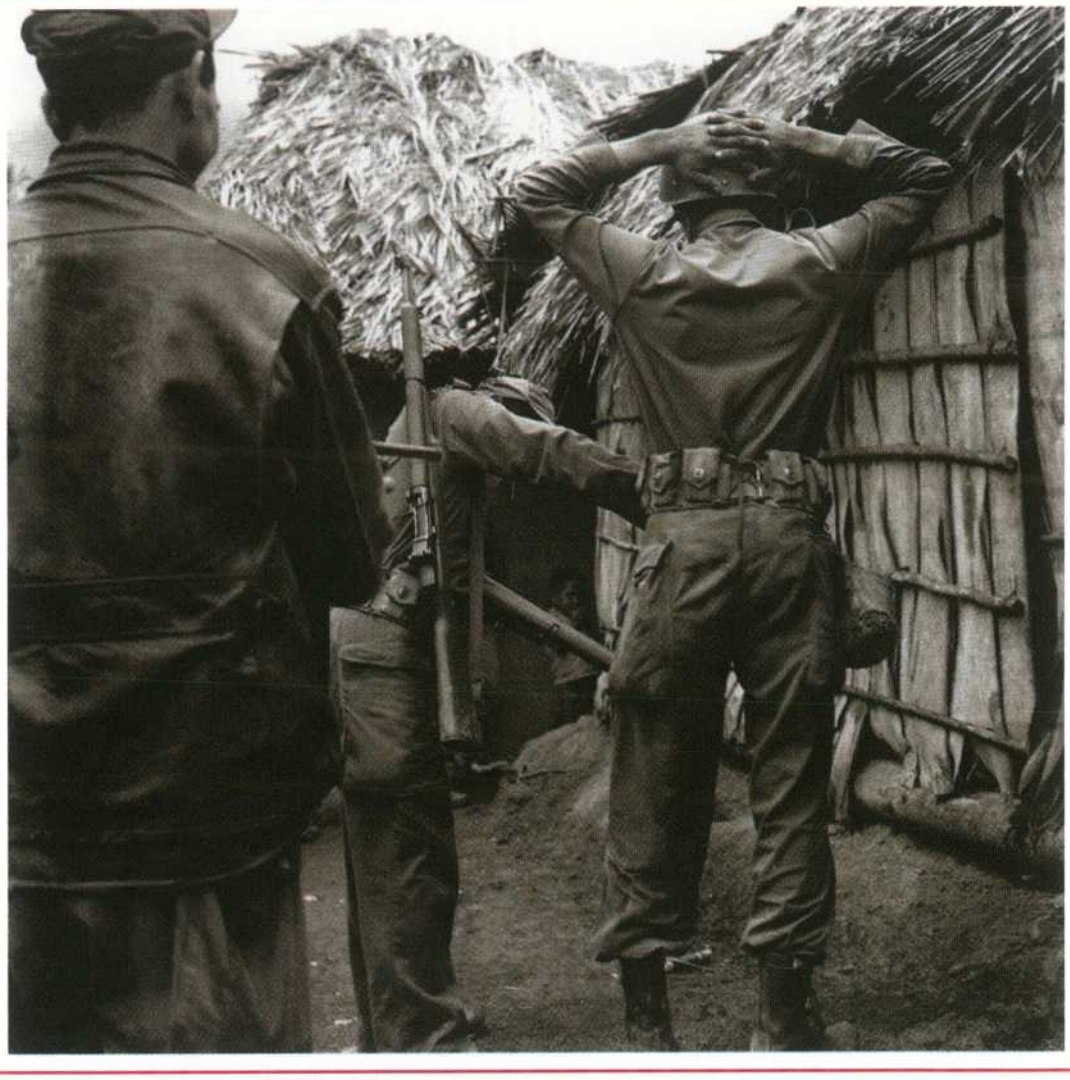


Че, чтобы избежать приступов астмы, которые вызывал подъем в горы, иногда передвигался на муле.

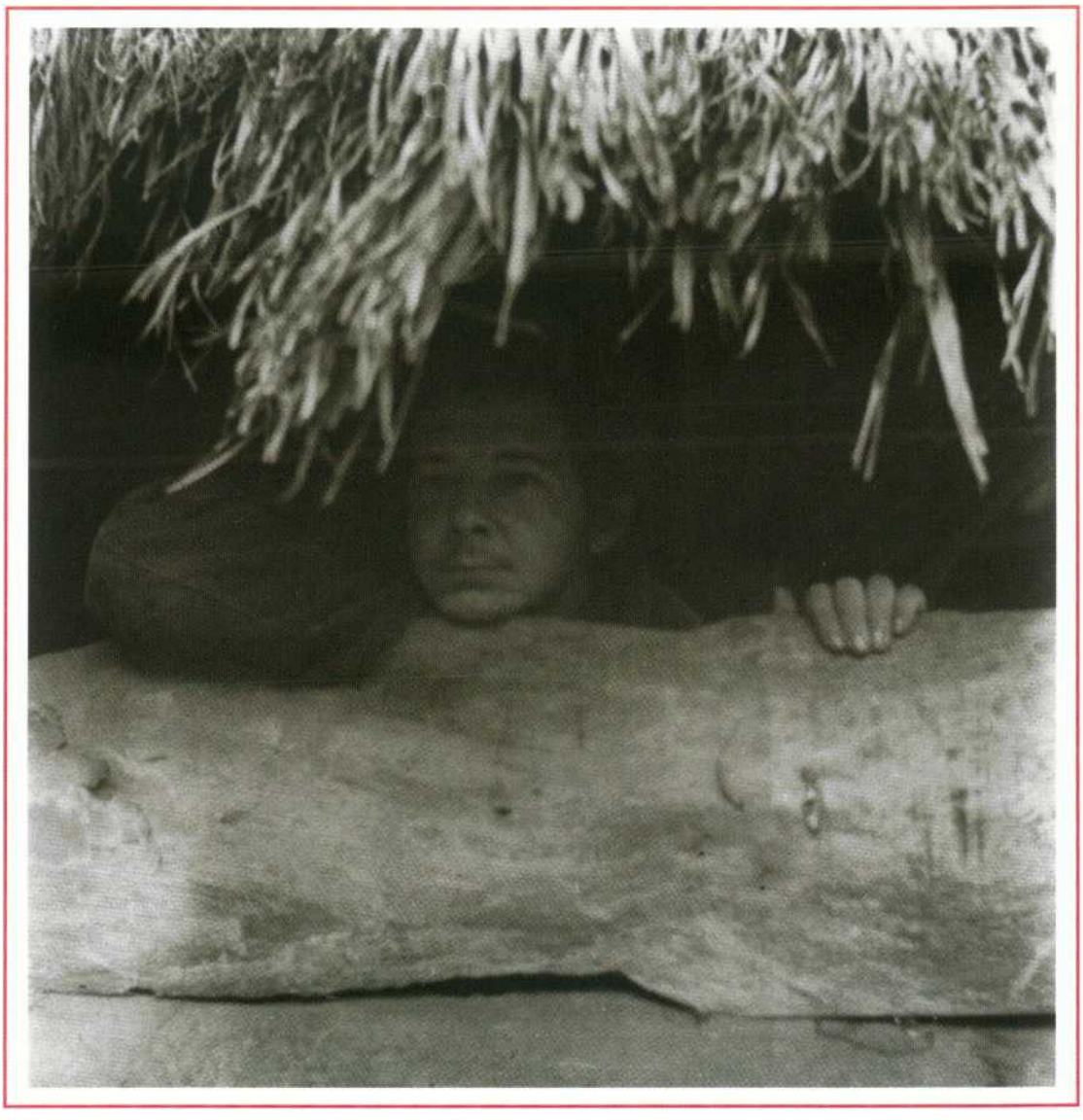
Фидель в зарослях Сьерры незадолго до второго боя в Пино-дель-Агуа. *1958 г., 16 февраля.*



Команданте Фидель Кастро в один из своих обычных объездов по горной территории.



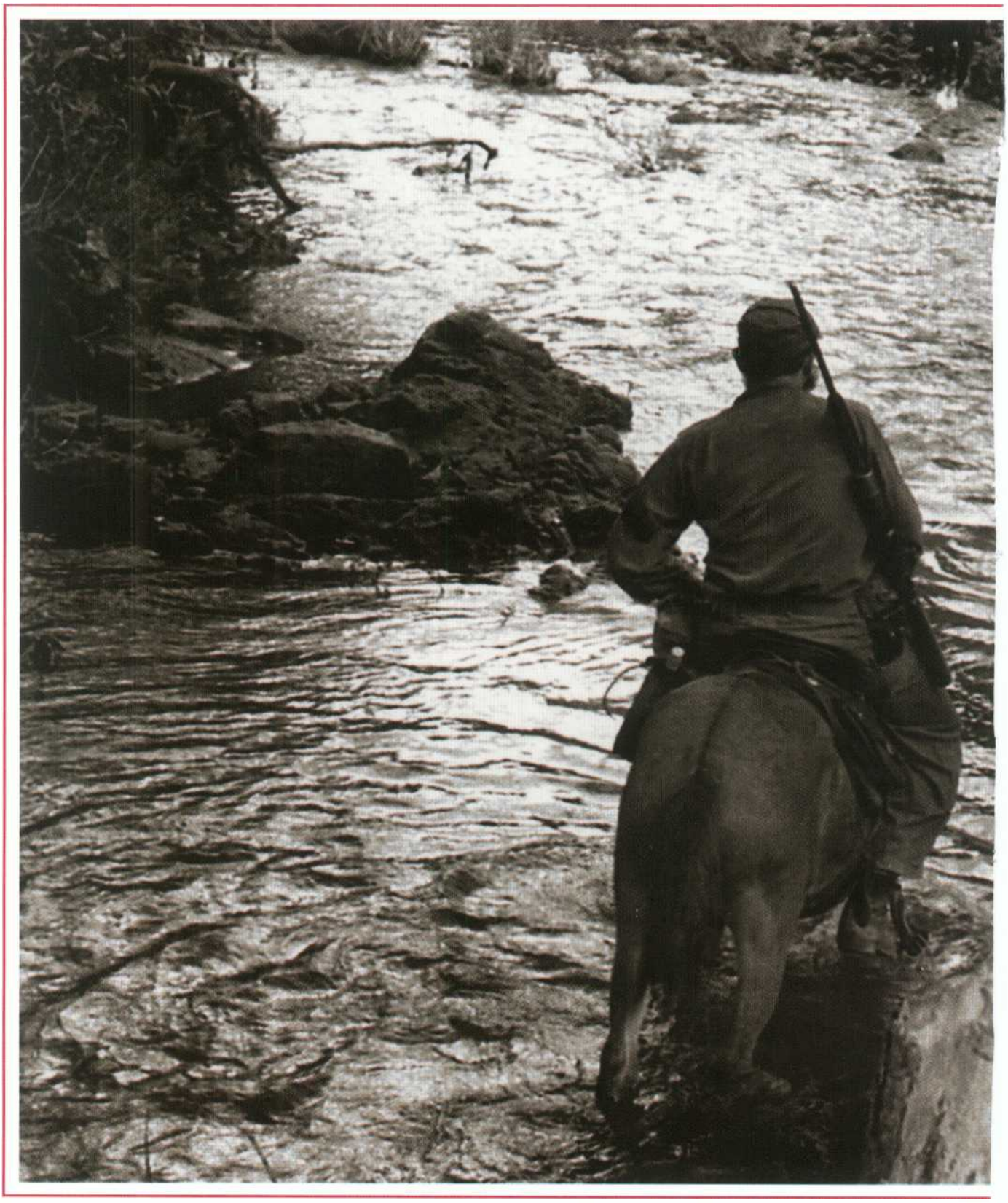
Повстанческая армия всегда отличалась уважительным
и гуманным обращением с противником, взятым в плен.



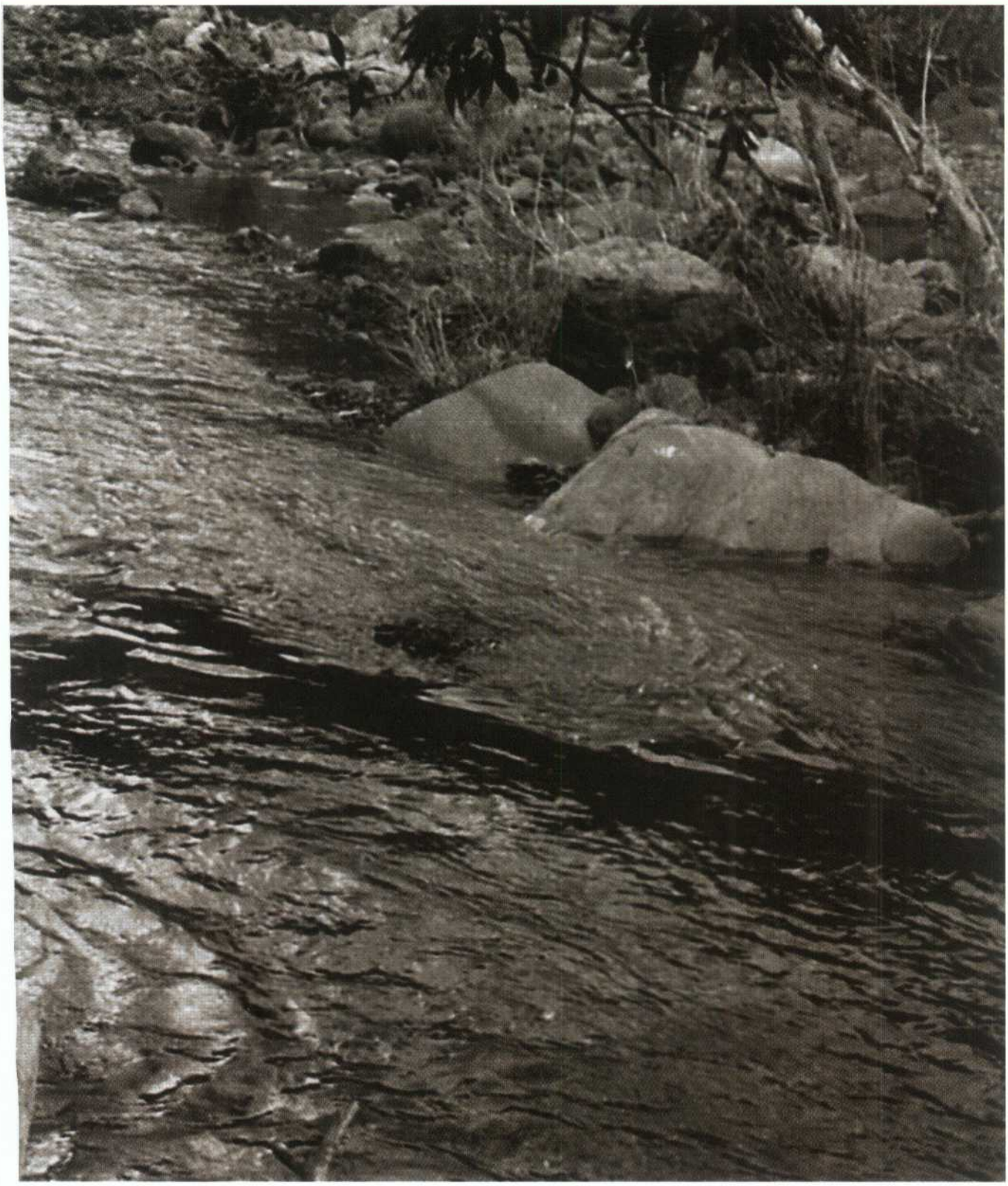
«Взгляд из хижины». Рауль наблюдает.

Команданте Фидель Кастро и боец Анхел Сотомайор, *Анго,* идут по Сьерре.

Тренировка повстанческих сил под руководством Фиделя.



Фидель пересекает реку на Сьерре.



Фидель у входа в лавку крестьянина Клементе Вардесиа, сотрудничавшего с Повстанческой армией.

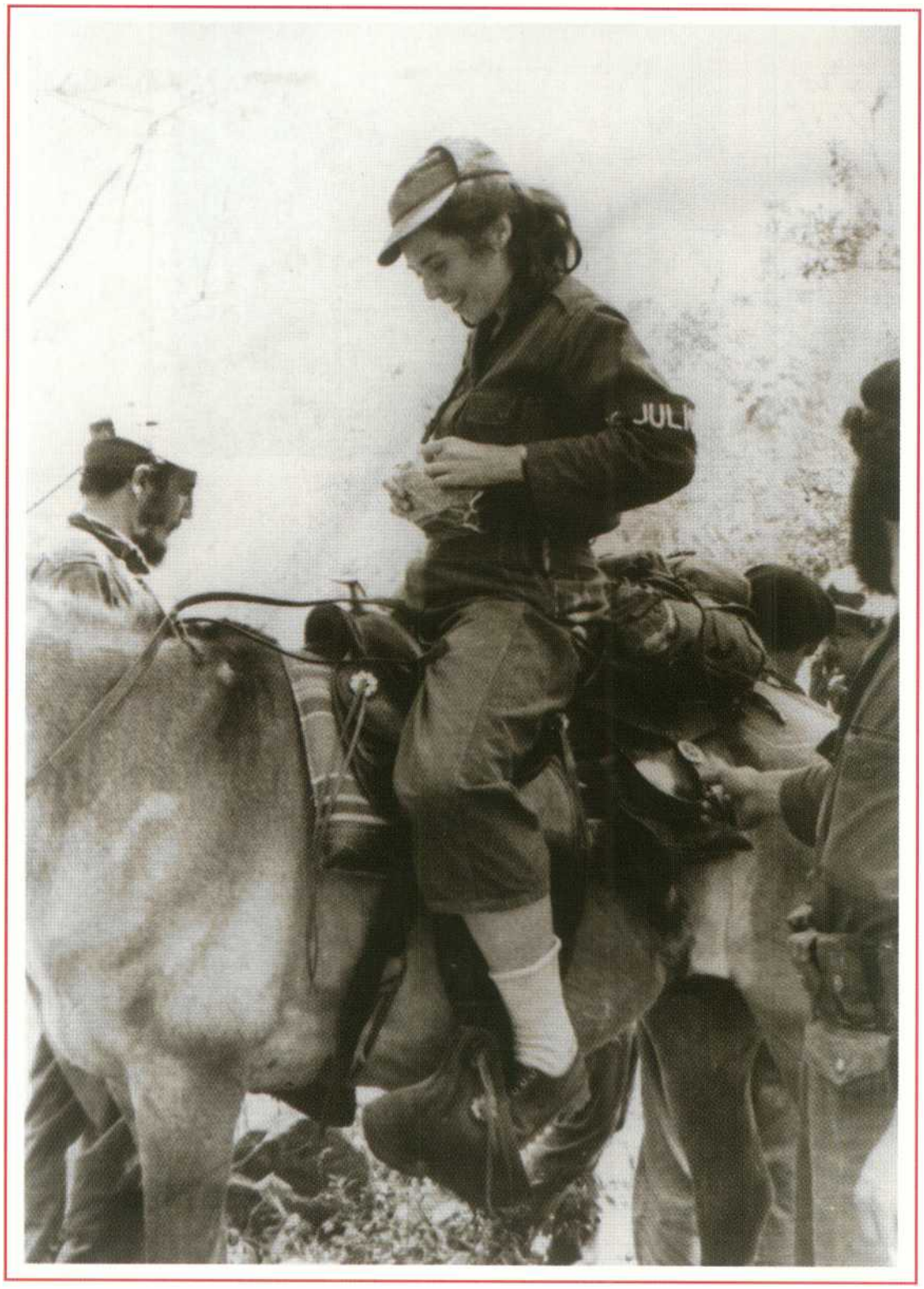
Девочка подает Фиделю стакан воды в партизанской зоне.

Фидель дает интервью аргентинскому журналисту Хорхе Рикардо Масетти в Ла-Меса, Сьерра-Маэстра. *1958 г., 14 апреля.*

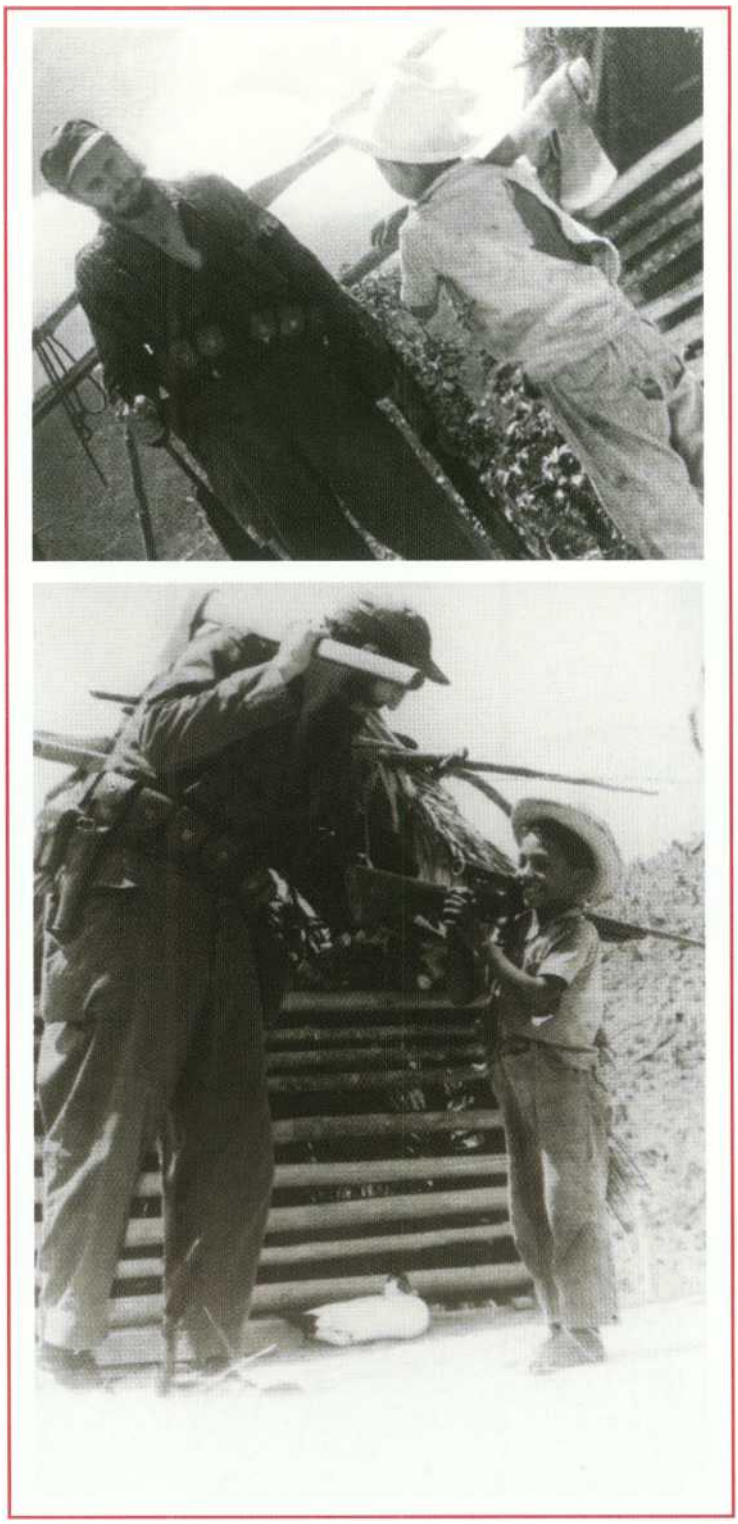
Селия Санчес, Фидель Кастро и Хайди Сантамария сидят в кофейной сушилке. 1958 г., апрель.

Дети слушают истории, которые рассказывает команданте Фидель Кастро. Девочка – дочь крестьянина Медины, участника «Повстанческого квинтета».

Фидель дарит плитку шоколада сыну крестьянина Хасито Поньяте и Анхелиты Санчес.



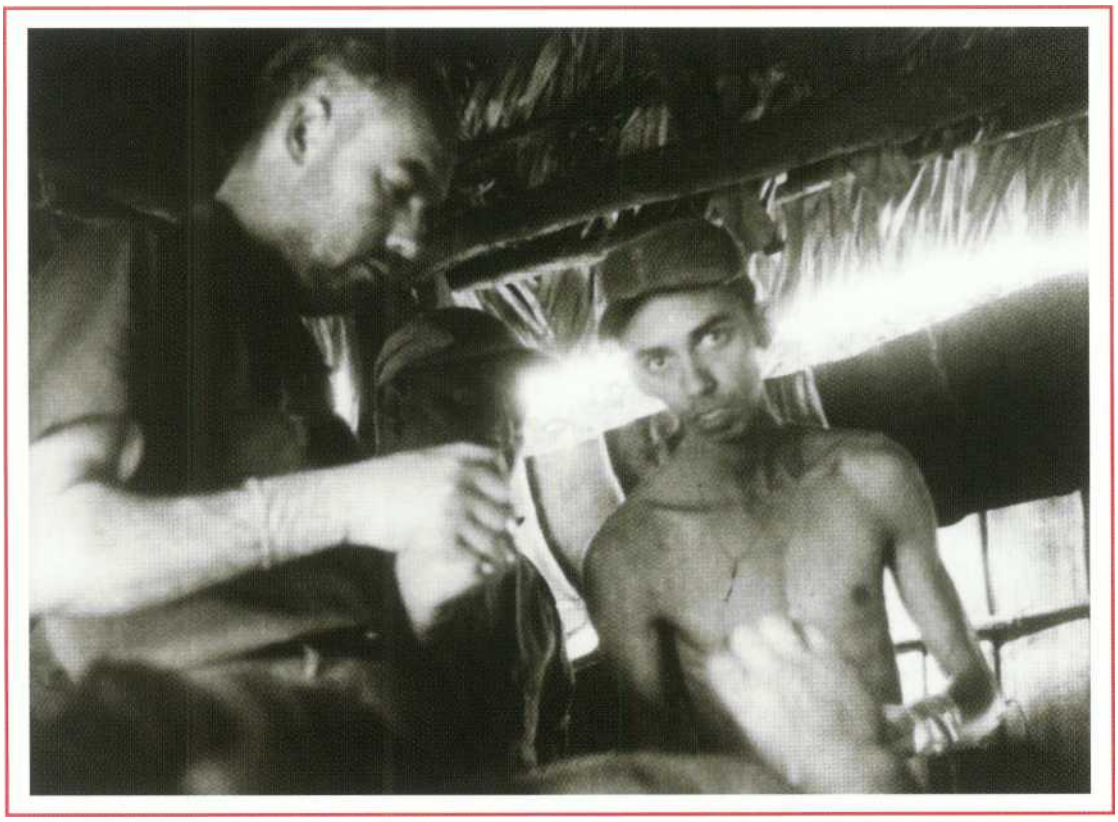
Вильма Эспин во время второго пребывания в Сьерра-Маэстре.
1958 г., март.



Фидель с мальчиком-лесорубом. Команданте обменивает свою винтовку с оптическим прицелом на топор.

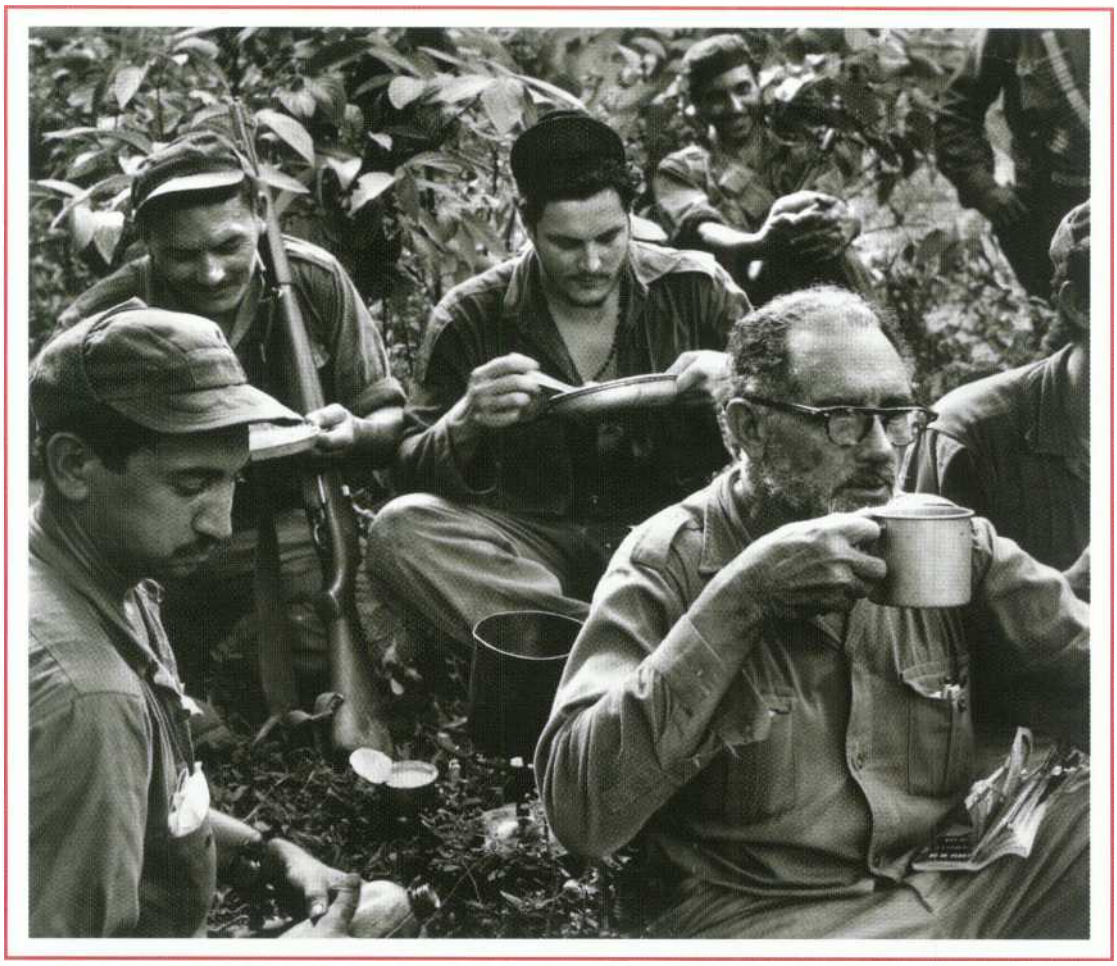
На первом плане «Повстанческий квинтет». Видны также среди бойцов Хайди, Фидель и Селия.

Луис Орландо Родригес, директор «Повстанческого радио», и дикторы Орестес Варела и Рикардо Мартинес во время передачи военных сводок.



Врачи Рене Вальехо и Мануэль Пити Фахардо в полевом госпитале Посо Асуль, Сьерра-Маэстра.

Изготовление кустарных мин в оружейной мастерской Повстанческой армии.



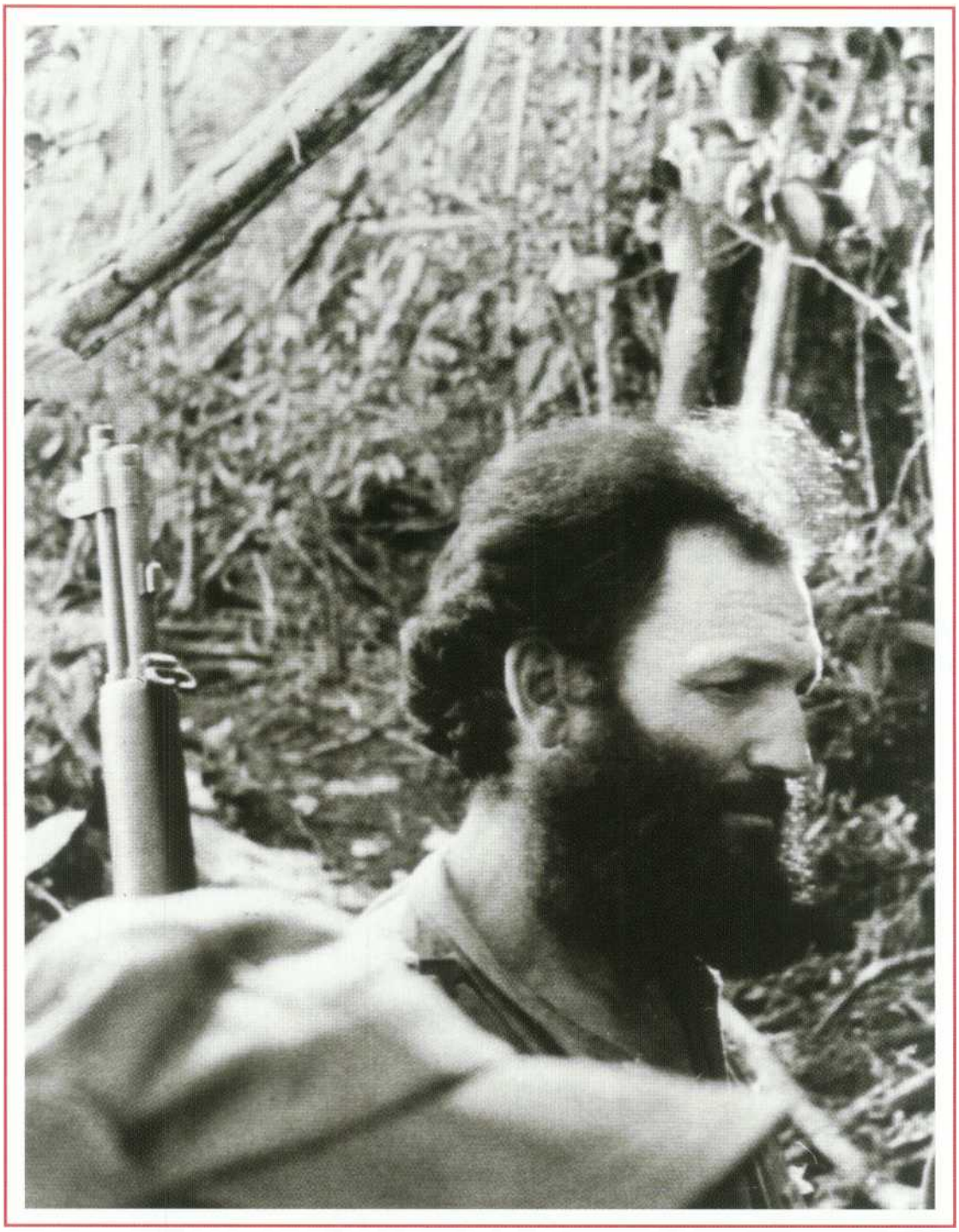
Впереди команданте Красенсио Перес, боец-ветеран с частью своих войск, слева его сыновья Серхио и Игнасио Перес.

Учащиеся школы новобранцев в Минас-де-Фрио, руководимой Че.

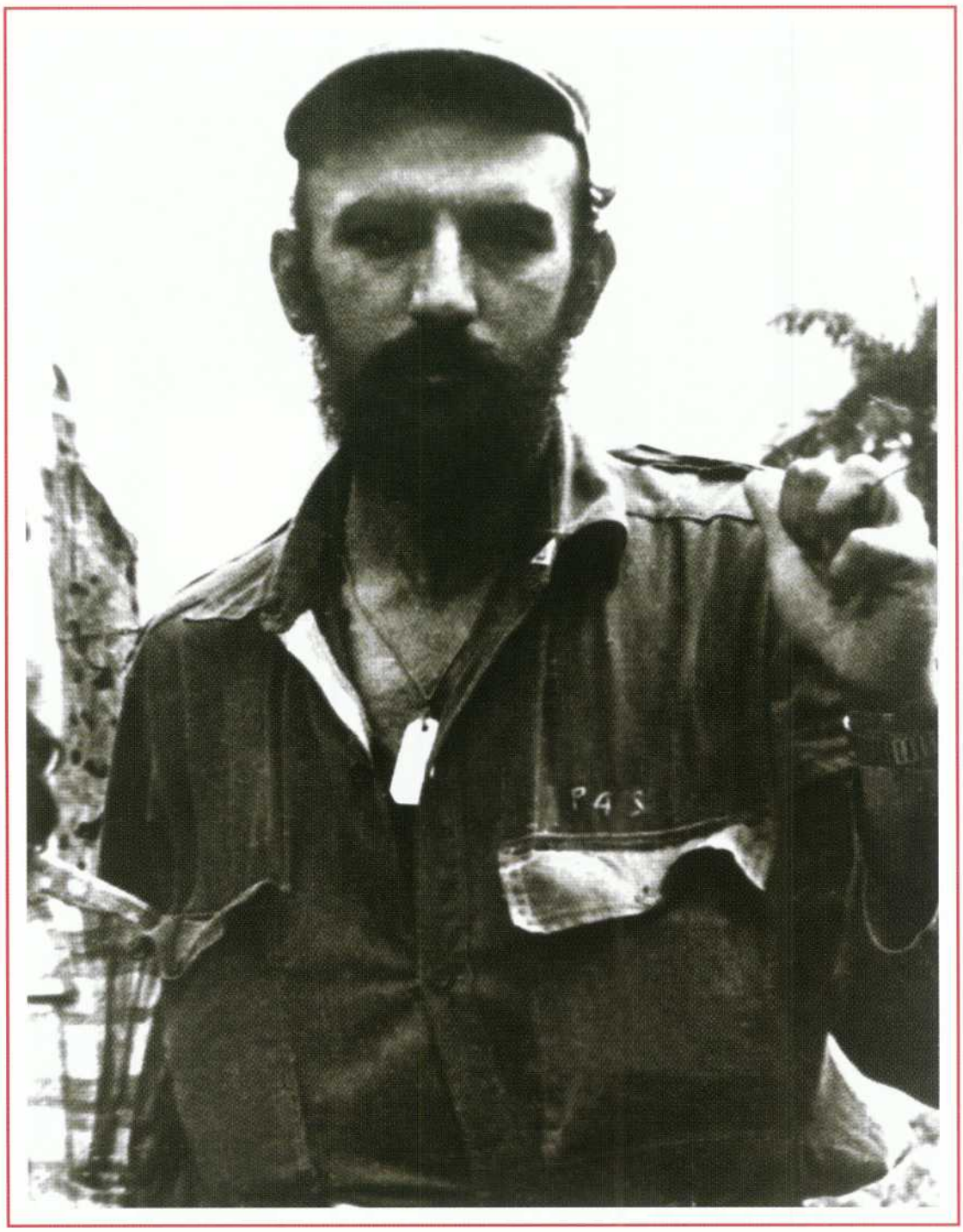
Команданте Камило Сьенфуэгос, по словам Фиделя, «храбрый и компетентный командир».

Команданте Фидель Кастро и Луис Креспо, ответственный за арсенал колонны № 1, в Эль-Наранхо.

Фидель с уборщиками кофе в Вегас-де-Хибакоа. *1958 г.,24 мая.*



Повстанческий капитан Андрес Куэвас, один из «самых эффективных, боевых и умных» командиров.



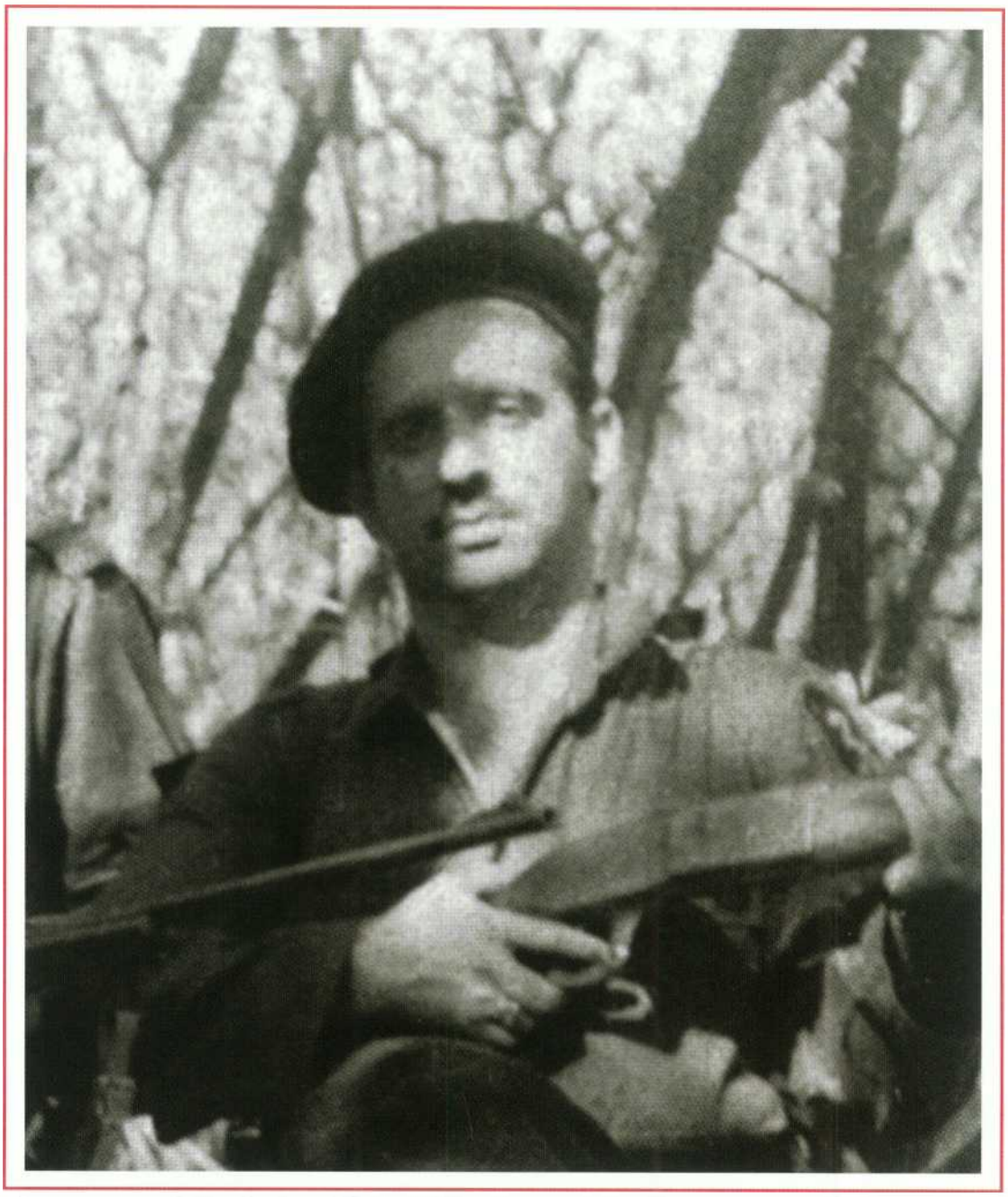
Капитан Рамон Пас, человек «испытанного ума, инициативы и решимости».

Капитан Орландо Лара.

Команданте Фидель Кастро в доме Бисмарка Галана Рейны в Вегас-де-Хибакоа.

Повстанческий лагерь. На фотографии видны команданте Рамиро Вальдес, Нене́ Лопес и другие бойцы.

Капитан Рамон Пас (стоит второй справа) с бойцами своего подразделения. Сзади, с поднятой винтовкой, Клодомира Акоста Ферраль; курит, присев, Феликс Дуке.



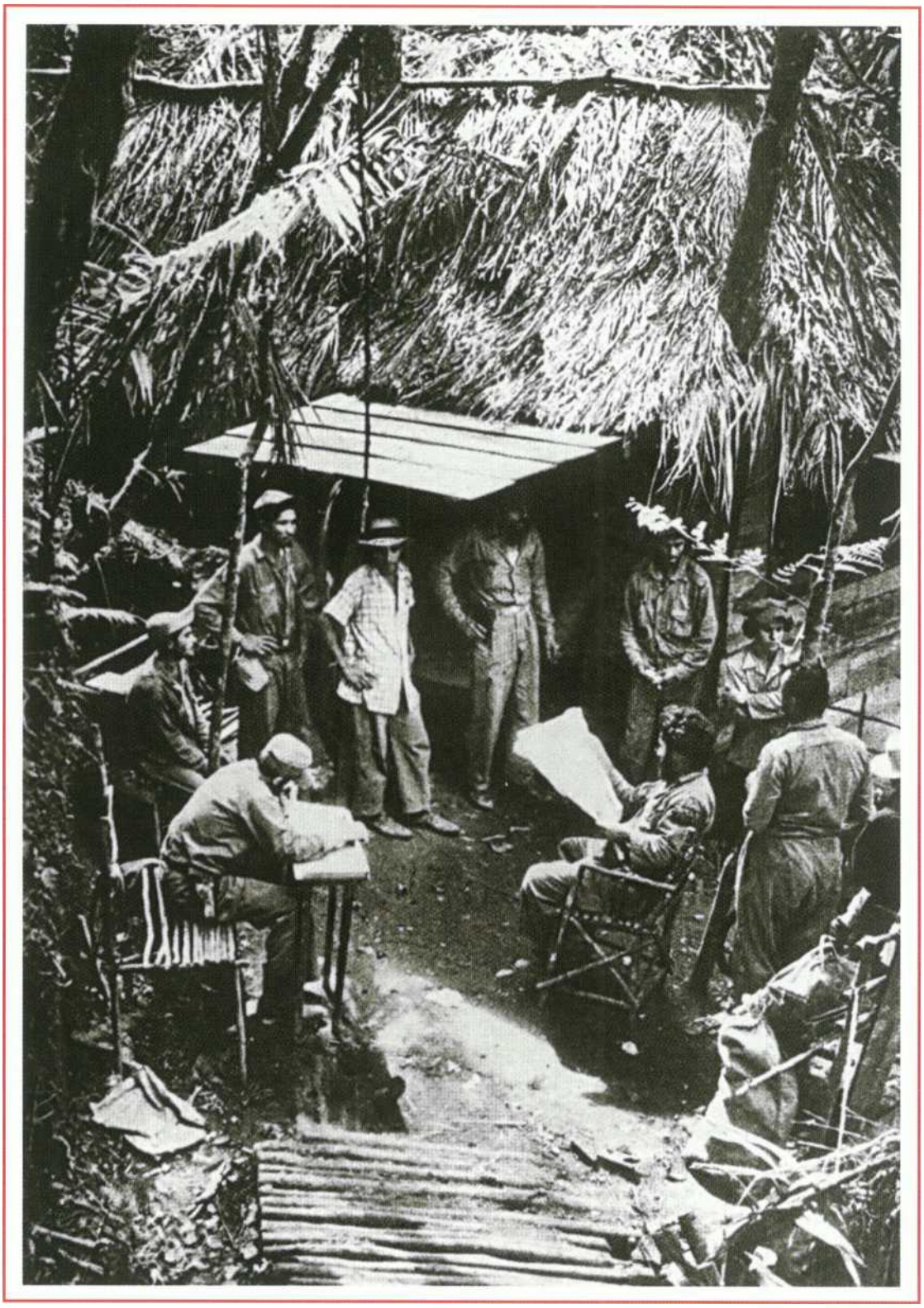
Команданте Рене Рамос Латур, *Даниэль*.

Повстанческий капитан Эдуарто Сардиньяс, *Лало.*

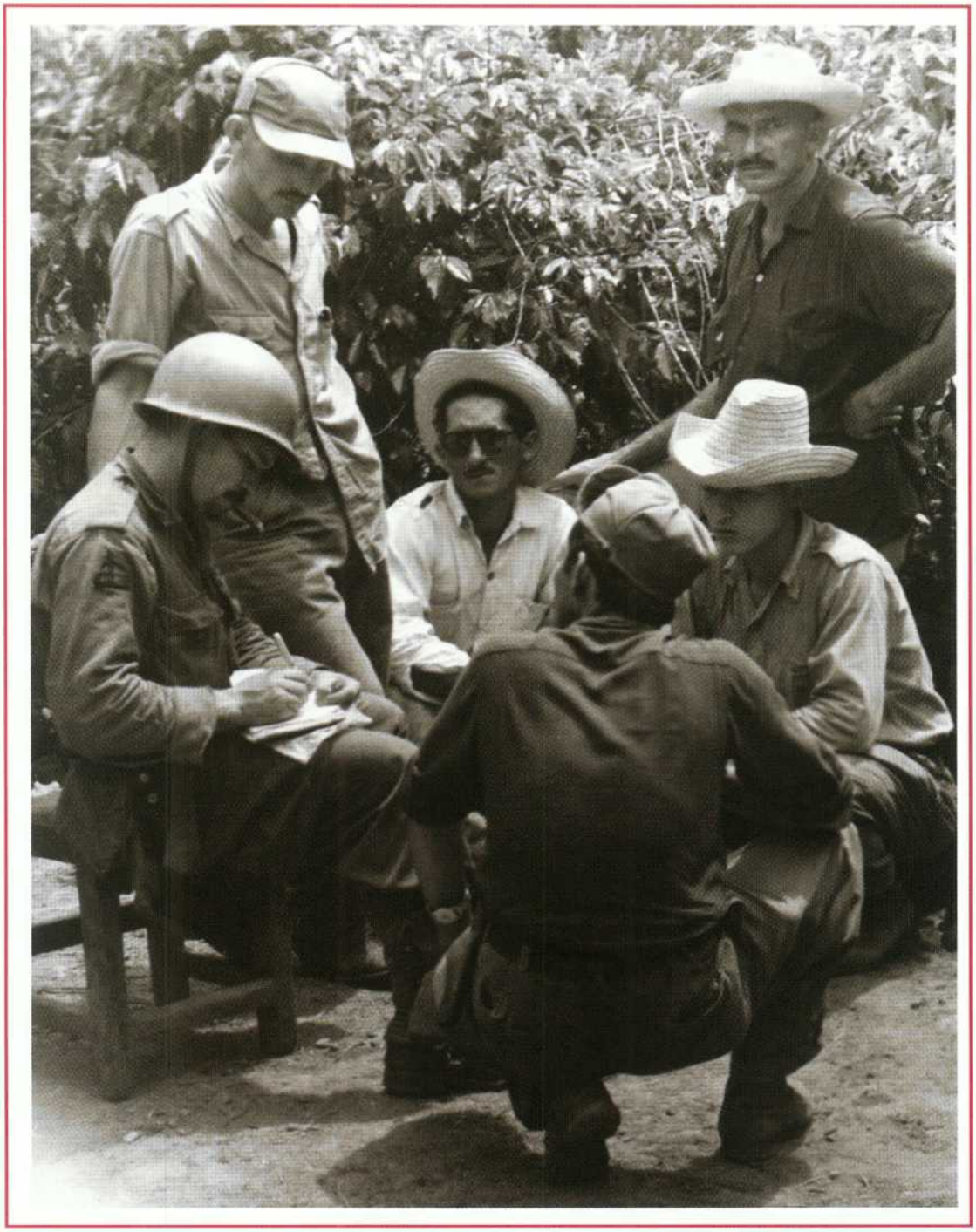
Повстанческий боец Браулио Кюрюно, эксперт-наводчик пулемета 50-го калибра.

Сесар Суарес (присевший) с повстанческими бойцами.

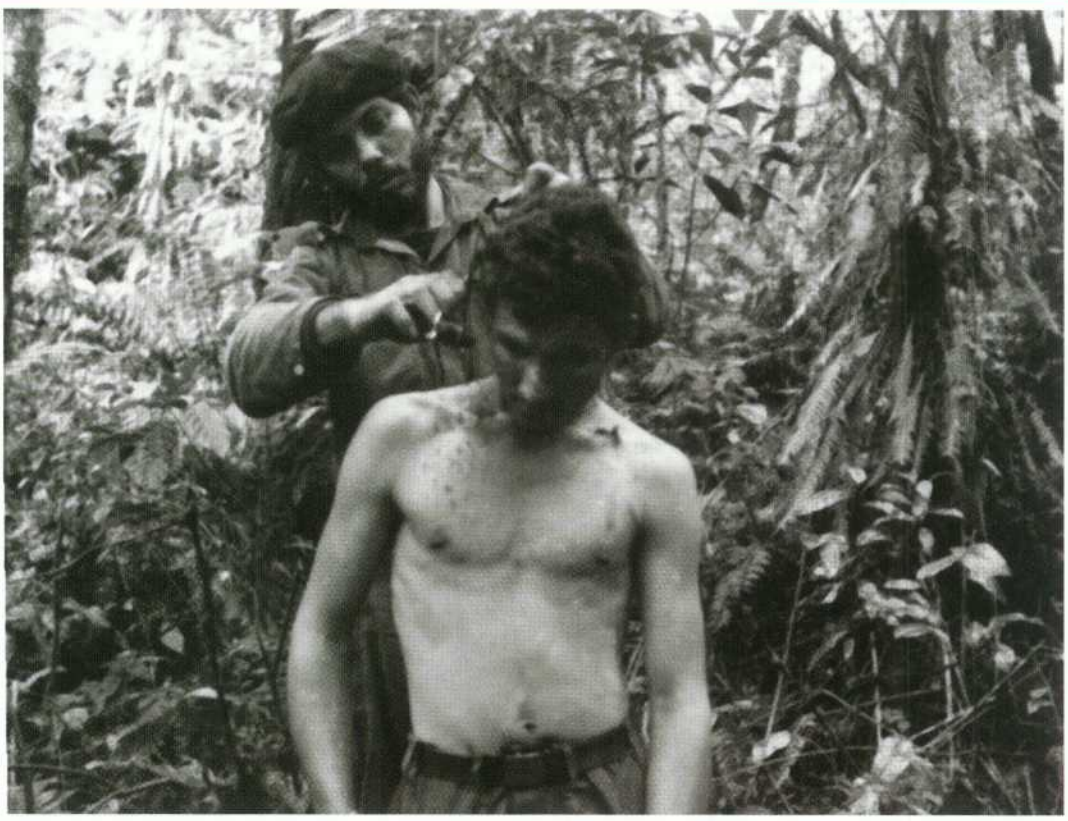
Повстанческий боец Вильфредо Лара, *Густав.* Пал в бою на массиве Каса-де-Пьедра во время наступления.



Фидель в ставке Командования Ла-Платы, разрабатывая планы обороны укрепленного района Маэстры.



Слева (сидит) повстанческий командир Гильермо Гарсиа в кругу своих бойцов.

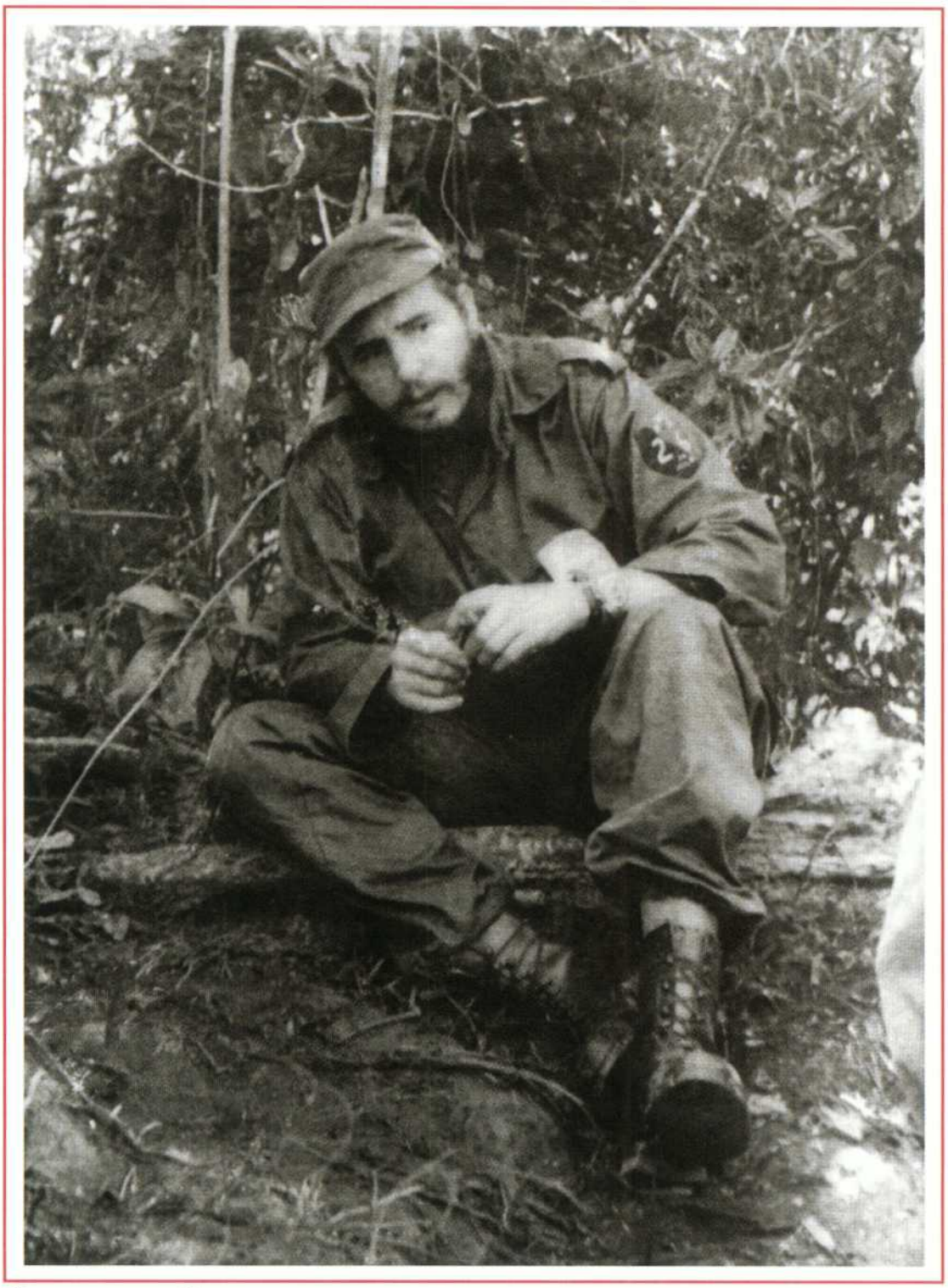


Юноши-повстанцы Адольфо Сайас, *Фонсо*, и Орландо Пупо.

Капитан Хеонель Родригес, сотрудник Че по газете «Эль кубано либре», по словам Фиделя, «скромный и храбрый боец».

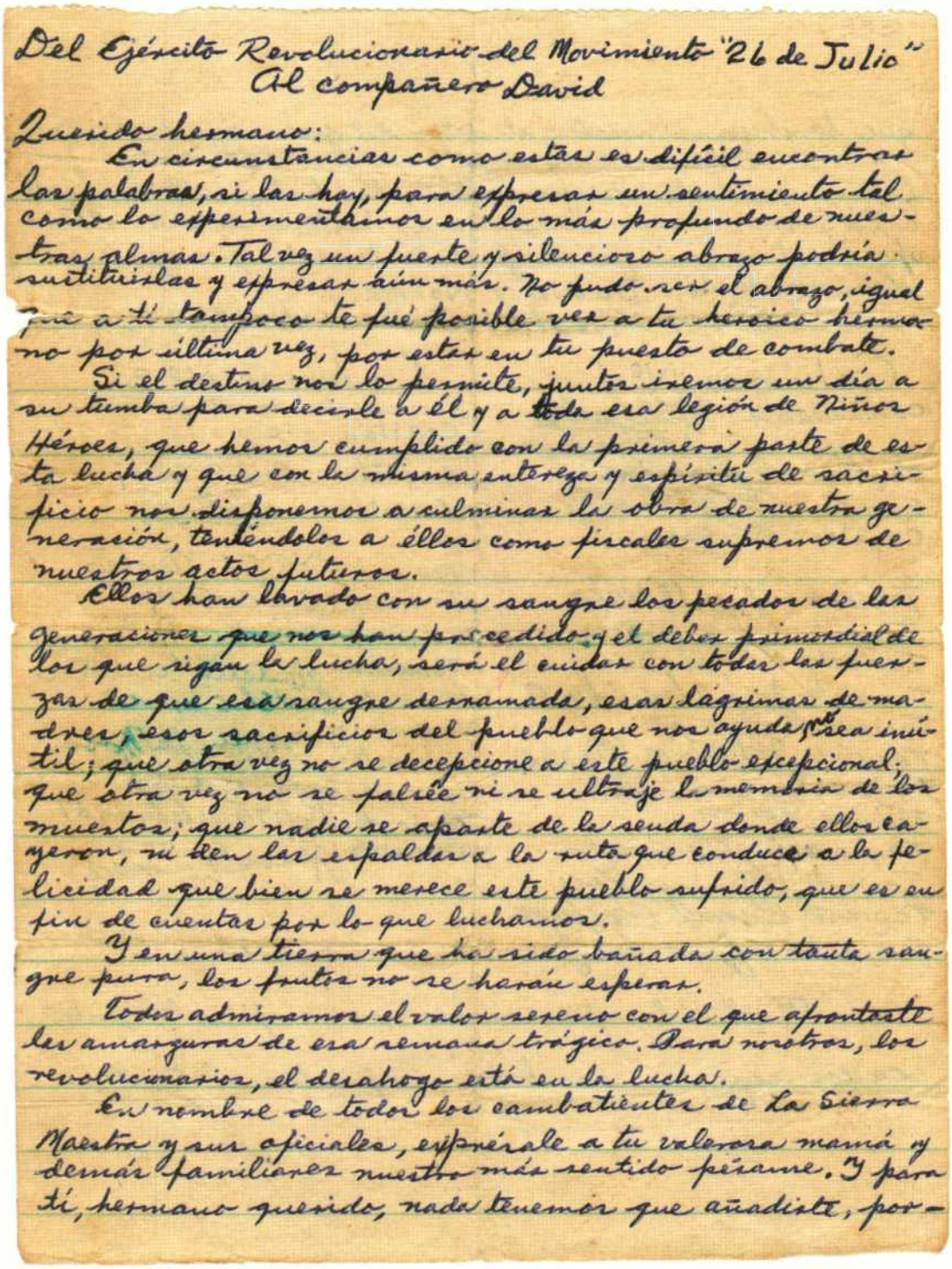
В Командовании Ла-Платы Фидель показывает бойцу Пасторите Нуньес действие бельгийской винтовки с оптическим прицелом.

Фидель внутри Командования Ла-Платы, пространство, чтобы читать и писать.



Фидель и его ботинки вечного партизана.

Исторические документы



Del Ejército Revolucionario del Movimiento "26 de Julio"
Al compañero David

Querido hermano:

En circunstancias como estas es difícil encontrar las palabras, si las hay, para expresar un sentimiento tal como lo experimentamos en lo más profundo de nuestras almas. Tal vez un fuerte y silencioso abrazo podría sustituirlas y expresar aún más. No pudo ser el abrazo, igual que a ti tampoco te fué posible ver a tu heroico hermano por última vez, por estar en tu puesto de combate.

Si el destino nos lo permite, juntos iremos un día a su tumba para decirle a él y a toda esa legión de Niños Héroes, que hemos cumplido con la primera parte de esta lucha y que con la misma entereza y espíritu de sacrificio nos disponemos a culminar la obra de nuestra generación, teniéndolos a éllos como fiscales supremos de nuestros actos futuros.

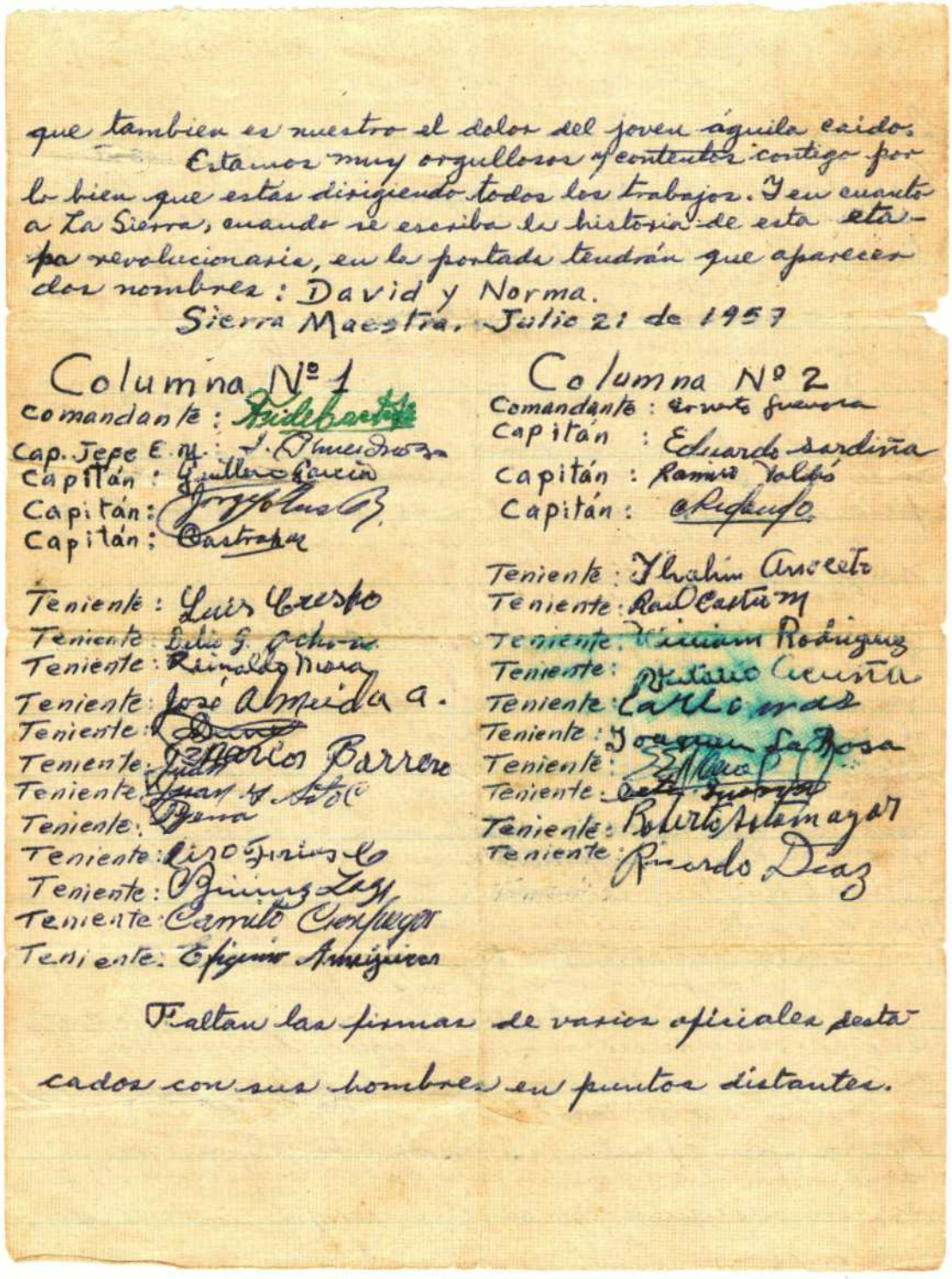
Ellos han lavado con su sangre los pecados de las generaciones que nos han precedido y el deber primordial de los que sigan la lucha, será el cuidar con todas las fuerzas de que esa sangre derramada, esas lágrimas de madres, esos sacrificios del pueblo que nos ayuda no sea inútil; que otra vez no se decepcione a este pueblo excepcional; que otra vez no se falsée ni se ultraje la memoria de los muertos; que nadie se aparte de la senda donde ellos cayeron, ni den las espaldas a la ruta que conduce a la felicidad que bien se merece este pueblo sufrido, que es en fin de cuentas por lo que luchamos.

Y en una tierra que ha sido bañada con tanta sangre pura, los frutos no se harán esperar.

Todos admiramos el valor sereno con el que afrontaste las amarguras de esa semana trágica. Para nosotros, los revolucionarios, el desahogo está en la lucha.

En nombre de todos los combatientes de La Sierra Maestra y sus oficiales, expresale a tu valerosa mamá y demás familiares nuestro más sentido pésame. Y para tí, hermano querido, nada tenemos que añadirte, por-

Письмо с соболезнованиями бойцов-партизан Франку Паису («Давиду») по случаю гибели его брата Хосуэ Паиса в боевом столкновении с агентами тирании. Сьерра-Маэстра. 1957 г.,21 июля (первая страница).



que también es nuestro el dolor del joven águila caído.
Estamos muy orgullosos y contentos contigo por lo bien que estás dirigiendo todos los trabajos. Y en cuanto a La Sierra, cuando se escriba la historia de esta etapa revolucionaria, en la portada tendrán que aparecer dos nombres: David y Norma.
Sierra Maestra, Julio 21 de 1957

Columna Nº 1
Comandante: Fidel Castro
Cap. Jefe E. M.: [illegible]
Capitán: [illegible]
Capitán: [illegible]
Capitán: Castro

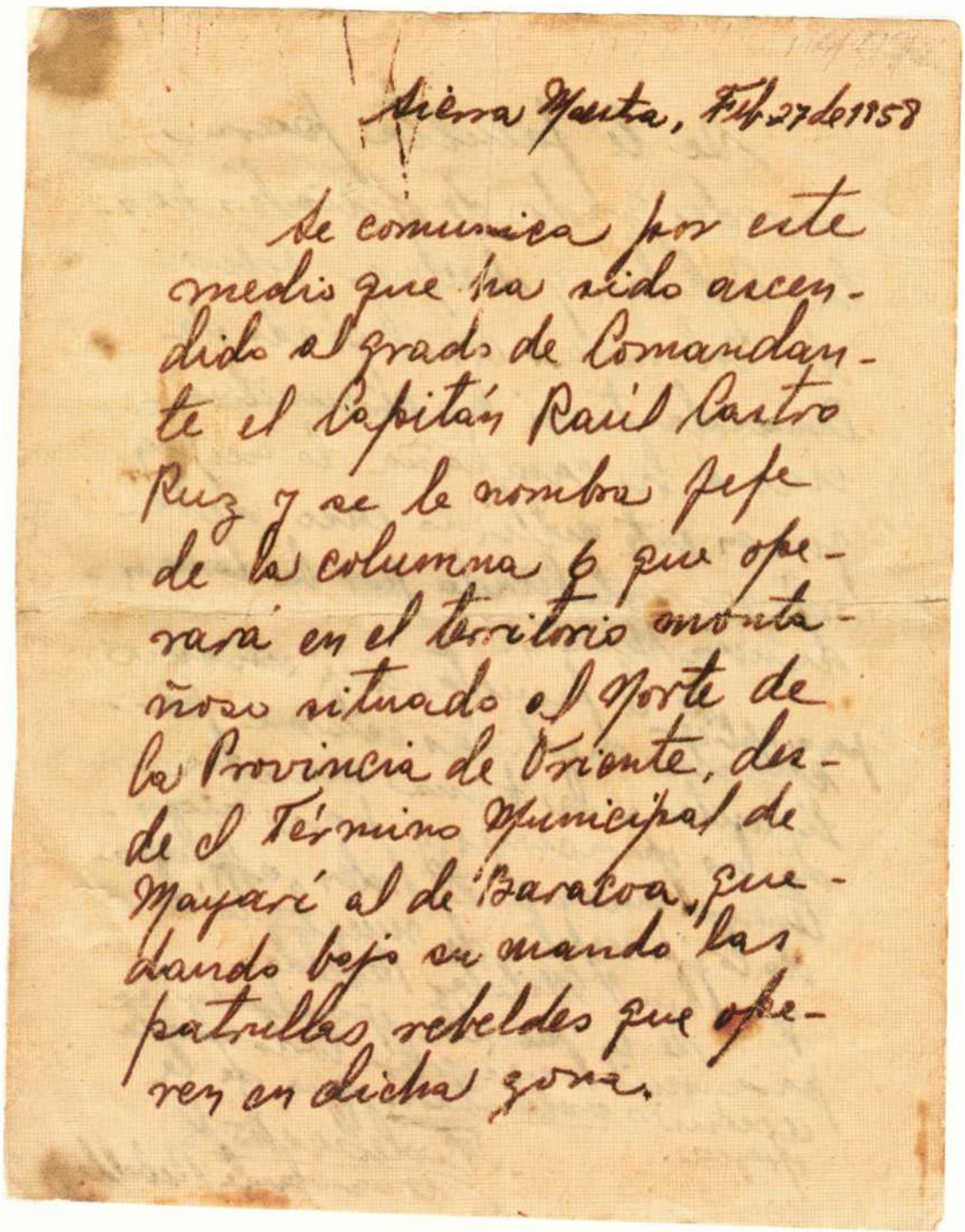
Teniente: Luis Cresto
Teniente: [illegible]
Teniente: Reinaldo Mora
Teniente: José Almeida A.
Teniente: [illegible]
Teniente: [illegible] Barrera
Teniente: [illegible]
Teniente: [illegible]
Teniente: [illegible]
Teniente: [illegible]
Teniente: Camilo Cienfuegos
Teniente: Efigenio Ameijeiras

Columna Nº 2
Comandante: Ernesto Guevara
Capitán: Eduardo Sardiña
Capitán: Ramiro Valdés
Capitán: [illegible]

Teniente: Ibrahim Ameijeiras
Teniente: Raúl Castro M
Teniente: William Rodríguez
Teniente: [illegible]
Teniente: [illegible]
Teniente: [illegible]
Teniente: [illegible]
Teniente: [illegible]
Teniente: Roberto Rodríguez
Teniente: Ricardo Díaz

Faltan las firmas de varios oficiales destacados con sus hombres en puntos distantes.

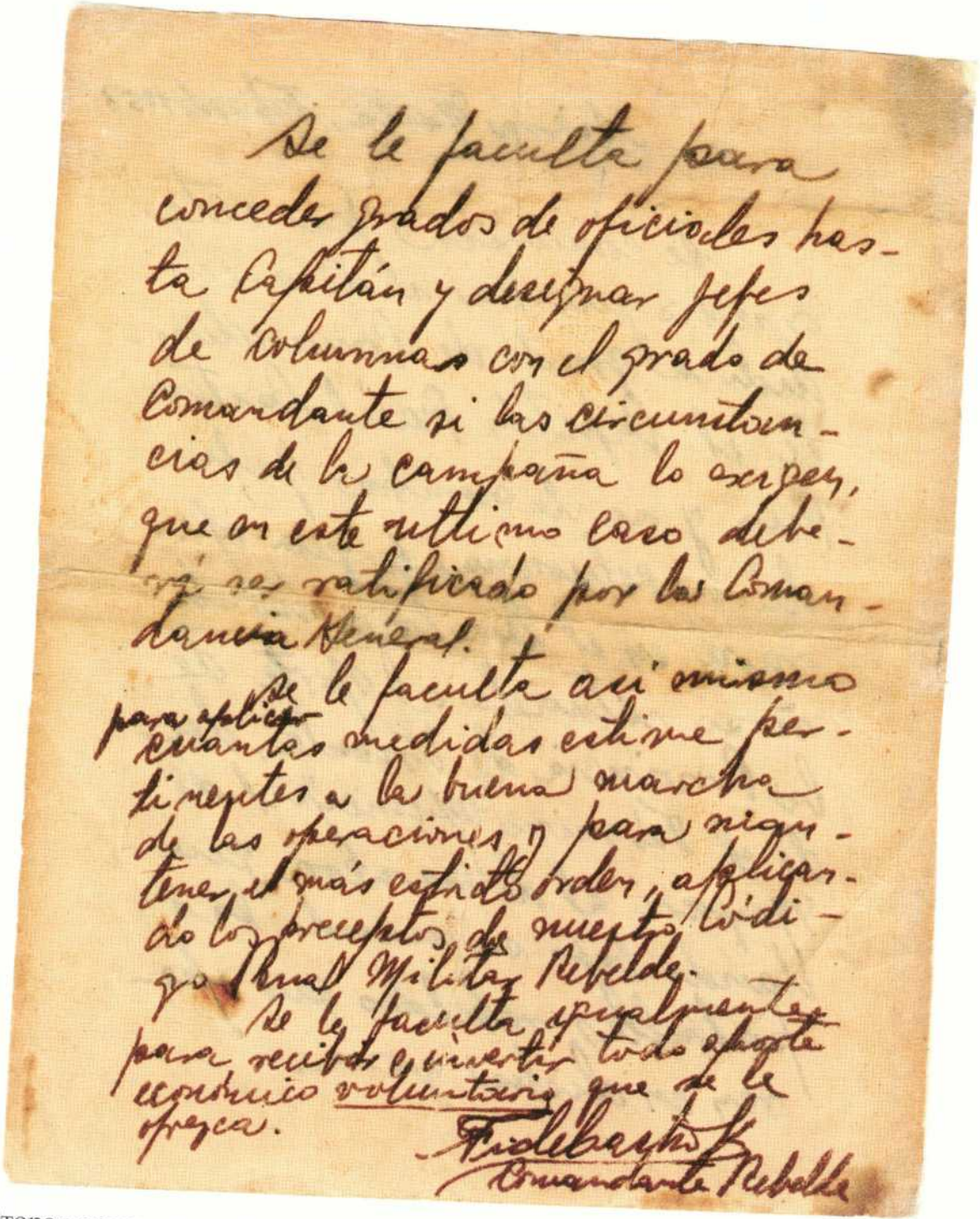
Вторая страница этого коллективного письма, подписанного офицерами Повстанческой армии, в том числе команданте Че Геварой, командиром Колонны № 2.



Sierra Maestra, Feb 27 de 1958

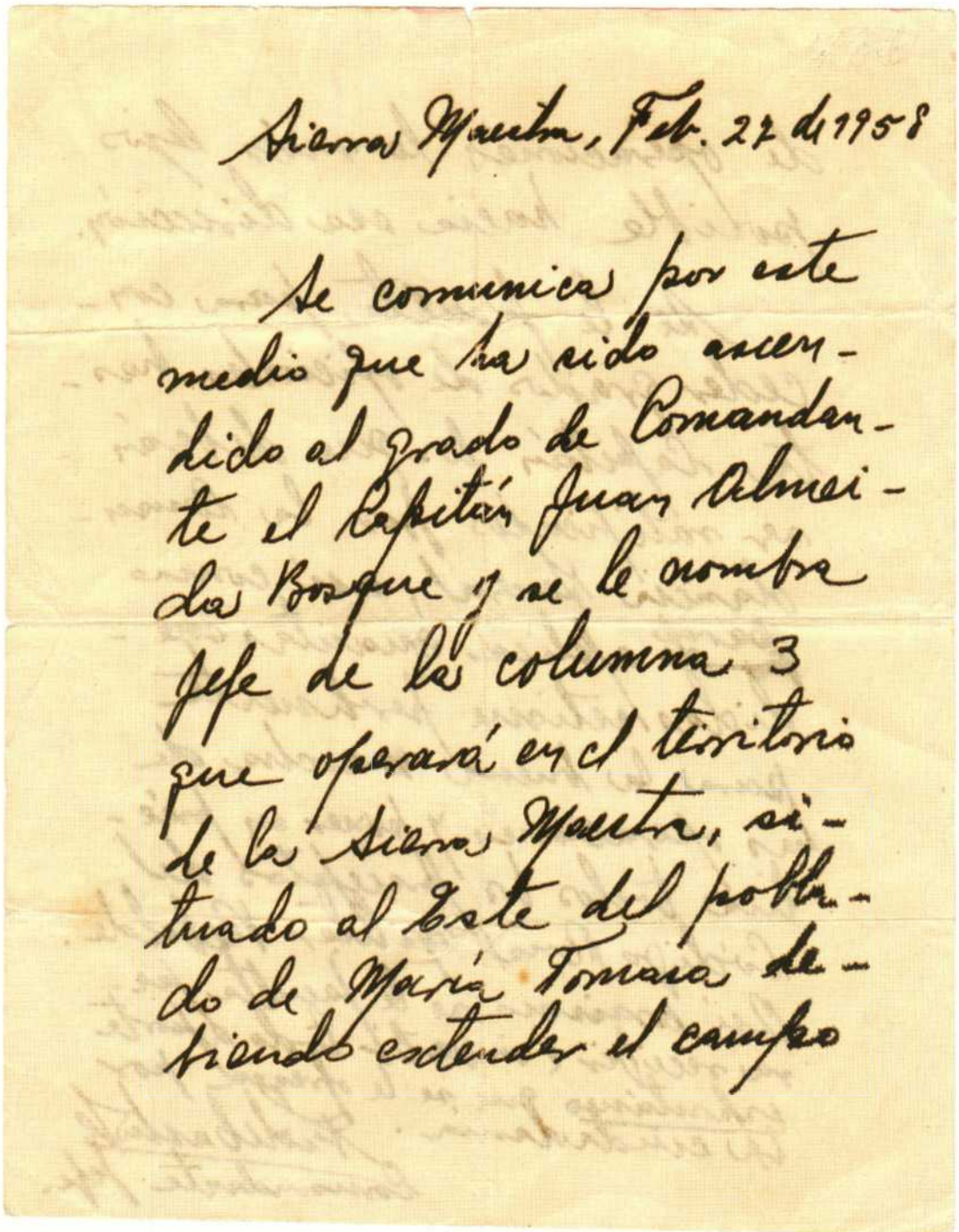
Se comunica por este medio que ha sido ascendido al grado de Comandante el Capitán Raúl Castro Ruz y se le nombra Jefe de la columna 6 que operará en el territorio montañoso situado al Norte de la Provincia de Oriente, desde el Término Municipal de Mayarí al de Baracoa, quedando bajo su mando las patrullas rebeldes que operen en dicha zona.

Приказ о возведении в чин команданте Рауля Кастро Рус, назначенного командиром Колонны № 6 для открытия Второго фронта «Франк Паис». 1958 г., 27 февраля (первая страница).



Se le faculta para
conceder grados de oficiales has-
ta Capitán y designar jefes
de columnas con el grado de
Comandante si las circunstan-
cias de la campaña lo exijan,
que en este último caso debe-
rá ser ratificado por la Coman-
dancia General.
Se le faculta así mismo
para dictar cuantas medidas estime per-
tinentes a la buena marcha
de las operaciones y para sigu-
tener el más estricto orden, aplican-
do los preceptos de nuestro Códi-
go Penal Militar Rebelde.
Se le faculta igualmente
para recibir e invertir todo ayuda
económica voluntaria que se le
ofrezca.
Fidel Castro
Comandante Rebelde

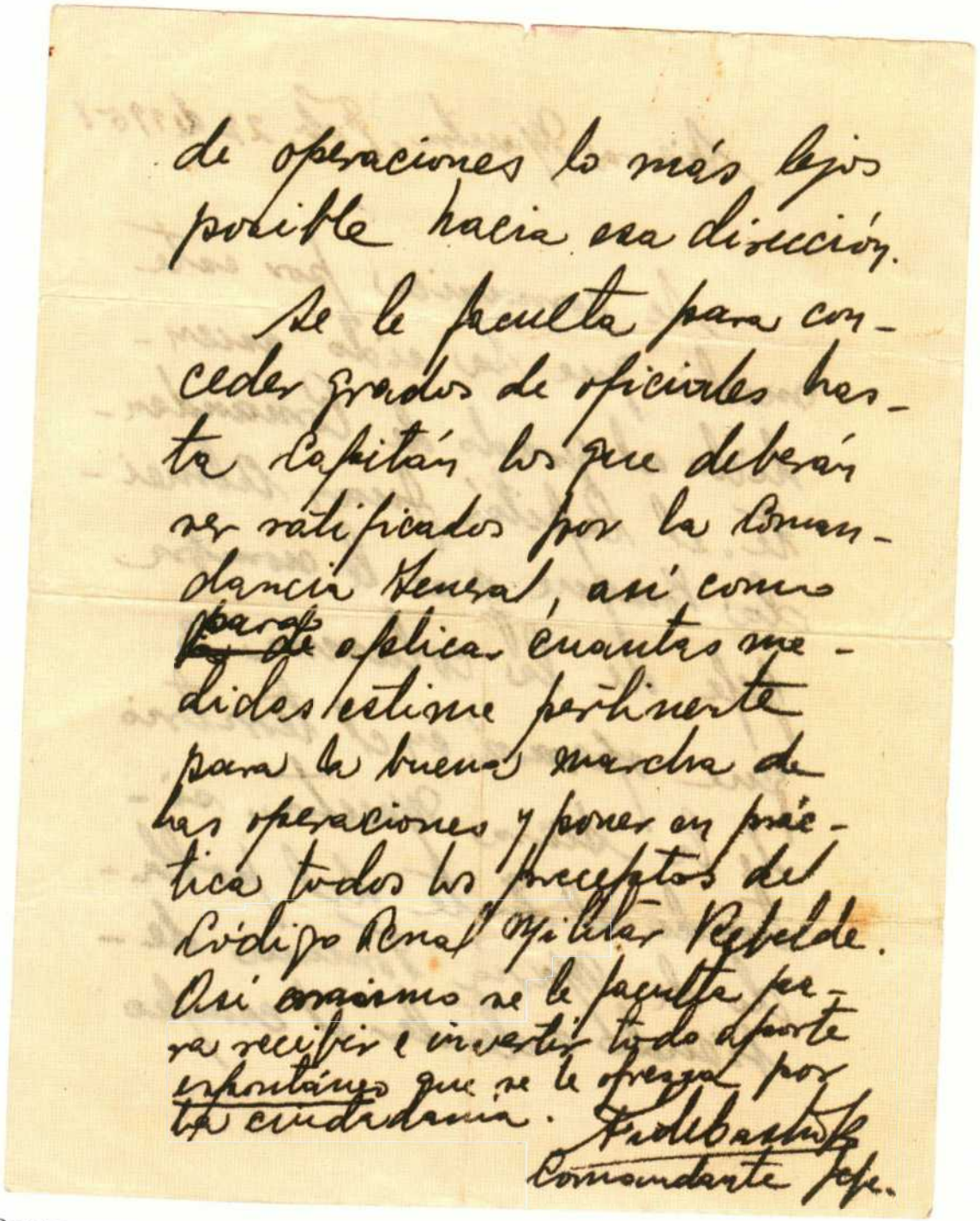
Вторая страница документа.



Sierra Maestra, Feb. 27 de 1958

Se comunica por este medio que ha sido ascendido al grado de Comandante el Capitán Juan Almeida Bosque y se le nombra Jefe de la columna 3 que operará en el territorio de la Sierra Maestra, situado al Este del poblado de María Teresa debiendo extender el campo

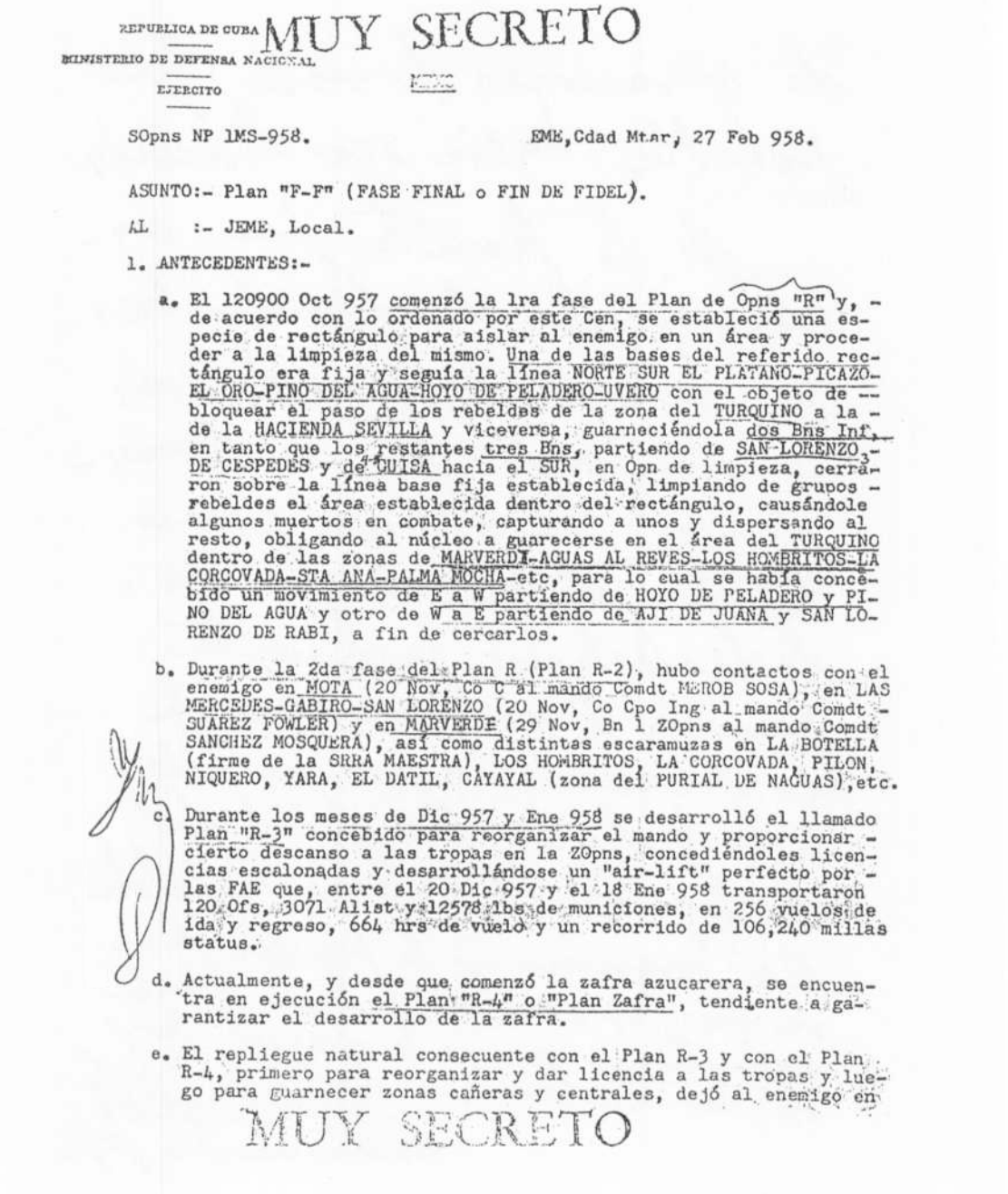
Приказ о возведении в ранг команданте капитана Хуана Альмейды Боске, назначенного командиром Колонны № 3, для открытия Третьего восточного фронта «Доктор Марио Муньос». 27 февраля, 1958 г.



de operaciones lo más lejos
posible hacia esa dirección.

Se le faculta para con-
ceder grados de oficiales has-
ta Capitán los que deberán
ser ratificados por la Coman-
dancia General, así como
~~para~~ de aplicar cuantas me-
didas estime pertinente
para la buena marcha de
las operaciones y poner en prác-
tica todos los preceptos del
Código Penal Militar Rebelde.
Así mismo se le faculta pa-
ra recibir e invertir todo aporte
espontáneo que se le ofrezca por
la ciudadanía. Fidel Castro
Comandante Jefe.

Вторая страница документа.



REPUBLICA DE CUBA
MINISTERIO DE DEFENSA NACIONAL
EJERCITO

MUY SECRETO

SOpns NP 1MS-958. EME, Cdad Mtar, 27 Feb 958.

ASUNTO:- Plan "F-F" (FASE FINAL o FIN DE FIDEL).

AL :- JEME, Local.

1. ANTECEDENTES:-

a. El 120900 Oct 957 comenzó la 1ra fase del Plan de Opns "R" y, de acuerdo con lo ordenado por este Cen, se estableció una especie de rectángulo para aislar al enemigo en un área y proceder a la limpieza del mismo. Una de las bases del referido rectángulo era fija y seguía la línea NORTE SUR EL PLATANO-PICAZO-EL ORO-PINO DEL AGUA-HOYO DE PELADERO-UVERO con el objeto de -- bloquear el paso de los rebeldes de la zona del TURQUINO a la - de la HACIENDA SEVILLA y viceversa, guarneciéndola dos Bns Inf, en tanto que los restantes tres Bns, partiendo de SAN LORENZO - DE CESPEDES y de CUISA hacia el SUR, en Opn de limpieza, cerraron sobre la línea base fija establecida, limpiando de grupos - rebeldes el área establecida dentro del rectángulo, causándole algunos muertos en combate, capturando a unos y dispersando al resto, obligando al núcleo a guarecerse en el área del TURQUINO dentro de las zonas de MARVERDE-AGUAS AL REVES-LOS HOMBRITOS-LA CORCOVADA-STA ANA-PALMA MOCHA-etc, para lo cual se había concebido un movimiento de E a W partiendo de HOYO DE PELADERO y PINO DEL AGUA y otro de W a E partiendo de AJI DE JUANA y SAN LORENZO DE RABI, a fin de cercarlos.

b. Durante la 2da fase del Plan R (Plan R-2), hubo contactos con el enemigo en MOTA (20 Nov, Co C al mando Comdt MEROB SOSA), en LAS MERCEDES-GABIRO-SAN LORENZO (20 Nov, Co Cpo Ing al mando Comdt - SUAREZ FOWLER) y en MARVERDE (29 Nov, Bn 1 ZOpns al mando Comdt SANCHEZ MOSQUERA), así como distintas escaramuzas en LA BOTELLA (firme de la SRRA MAESTRA), LOS HOMBRITOS, LA CORCOVADA, PILON, NIQUERO, YARA, EL DATIL, CAYAYAL (zona del PURIAL DE NAGUAS), etc.

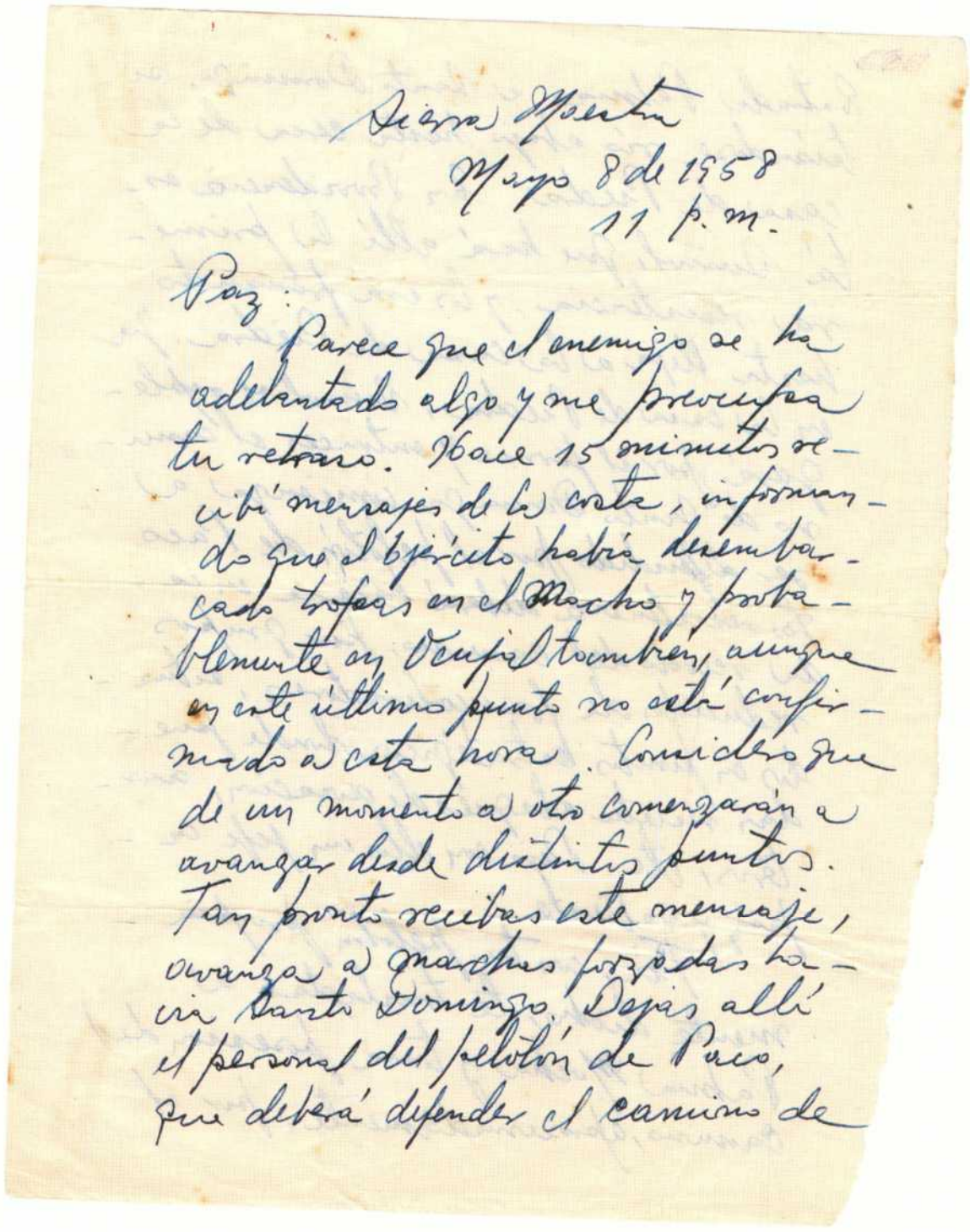
c. Durante los meses de Dic 957 y Ene 958 se desarrolló el llamado Plan "R-3" concebido para reorganizar el mando y proporcionar - cierto descanso a las tropas en la ZOpns, concediéndoles licencias escalonadas y desarrollándose un "air-lift" perfecto por - las FAE que, entre el 20 Dic 957 y el 18 Ene 958 transportaron 120 Ofs, 3071 Alist y 12578 lbs de municiones, en 256 vuelos de ida y regreso, 664 hrs de vuelo y un recorrido de 106,240 millas status.

d. Actualmente, y desde que comenzó la zafra azucarera, se encuentra en ejecución el Plan "R-4" o "Plan Zafra", tendiente a garantizar el desarrollo de la zafra.

e. El repliegue natural consecuente con el Plan R-3 y con el Plan R-4, primero para reorganizar y dar licencia a las tropas y luego para guarnecer zonas cañeras y centrales, dejó al enemigo en

MUY SECRETO

Секретный документ батистовской армии, описывающий план F–F («Финальная фаза или Конец Фиделя») и касающийся подготовки летнего наступления. 1958 г., 27 февраля.

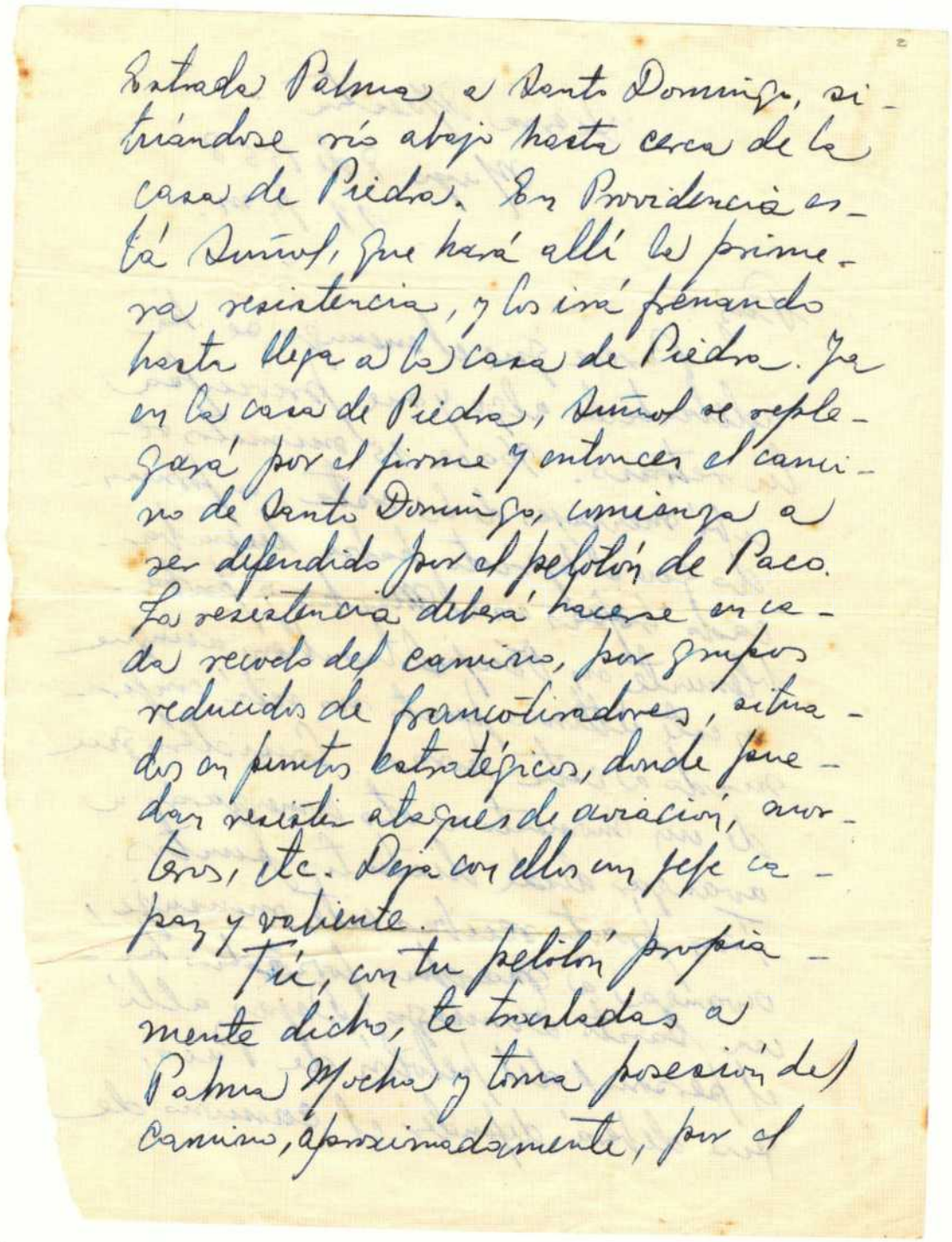


Sierra Maestra
Mayo 8 de 1958
11 p. m.

Paz:

Parece que el enemigo se ha adelantado algo y me preocupa tu retraso. Hace 15 minutos recibí mensajes de la costa, informando que el Ejército había desembarcado tropas en el Macho y probablemente en Ocujal también, aunque en este último punto no está confirmado a esta hora. Considero que de un momento a otro comenzarán a avanzar desde distintos puntos. Tan pronto recibas este mensaje, avanza a marchas forzadas hacia Santo Domingo. Deja allí el personal del pelotón de Paco, que deberá defender el camino de

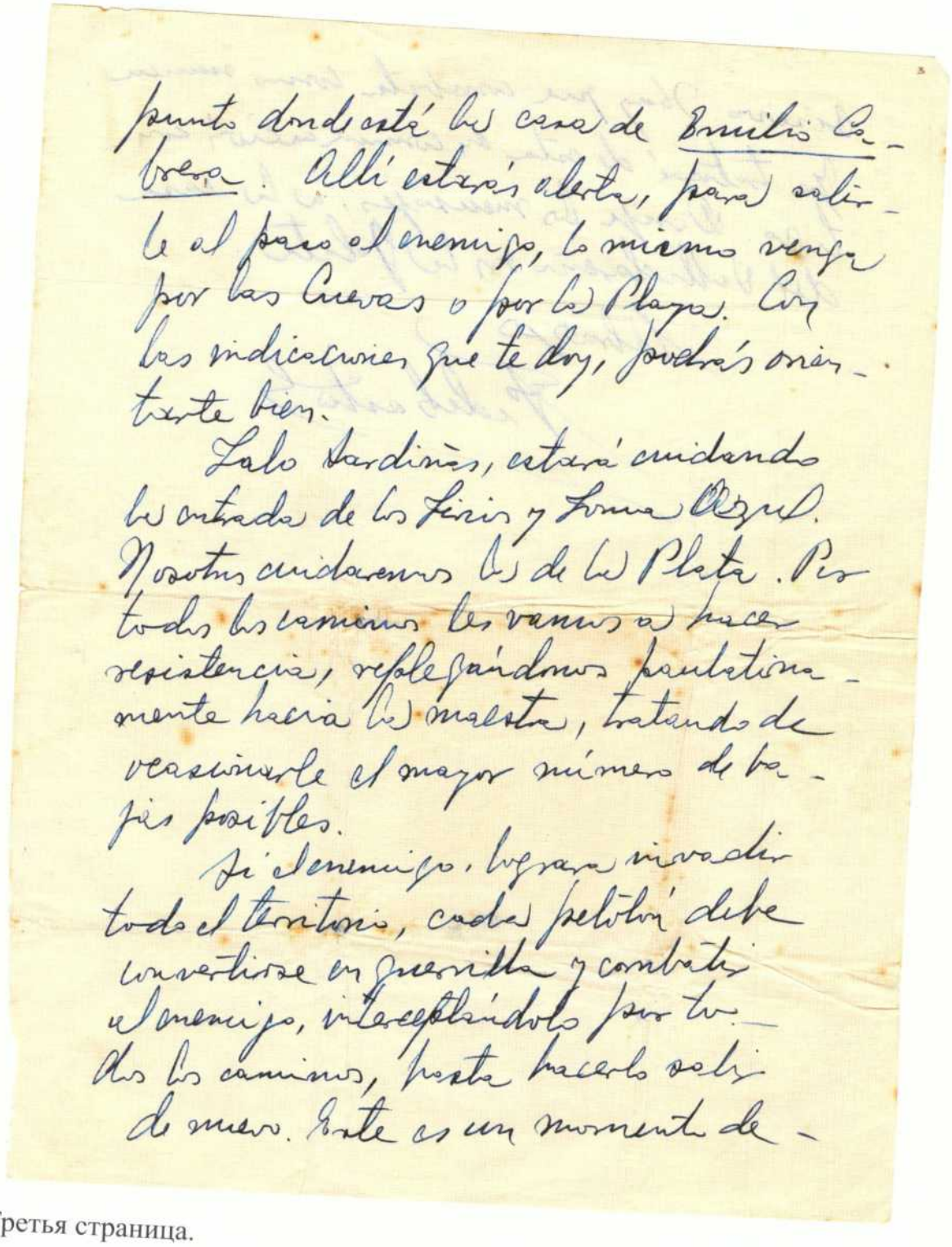
Послание Фиделя капитану Рамону Пасу в предвидении вражеских действий в зоне Эль-Мачо. 1958 г., 8 мая (первая страница).



Entrada Palma a Santo Domingo, situándose río abajo hasta cerca de la casa de Piedra. En Providencia está Dumont, que hará allí la primera resistencia, y los irá frenando hasta llega a la casa de Piedra. Ya en la casa de Piedra, Dumont se replegará por el firme y entonces el camino de Santo Domingo, comienza a ser defendido por el pelotón de Paco. La resistencia deberá hacerse en cada recodo del camino, por grupos reducidos de francotiradores, situados en puntos estratégicos, donde puedan resistir ataques de aviación, morteros, etc. Deja con ellos un jefe capaz y valiente.

Tú, con tu pelotón propiamente dicho, te trasladas a Palma Mocha y toma posesión del camino, aproximadamente, por el

Вторая страница.

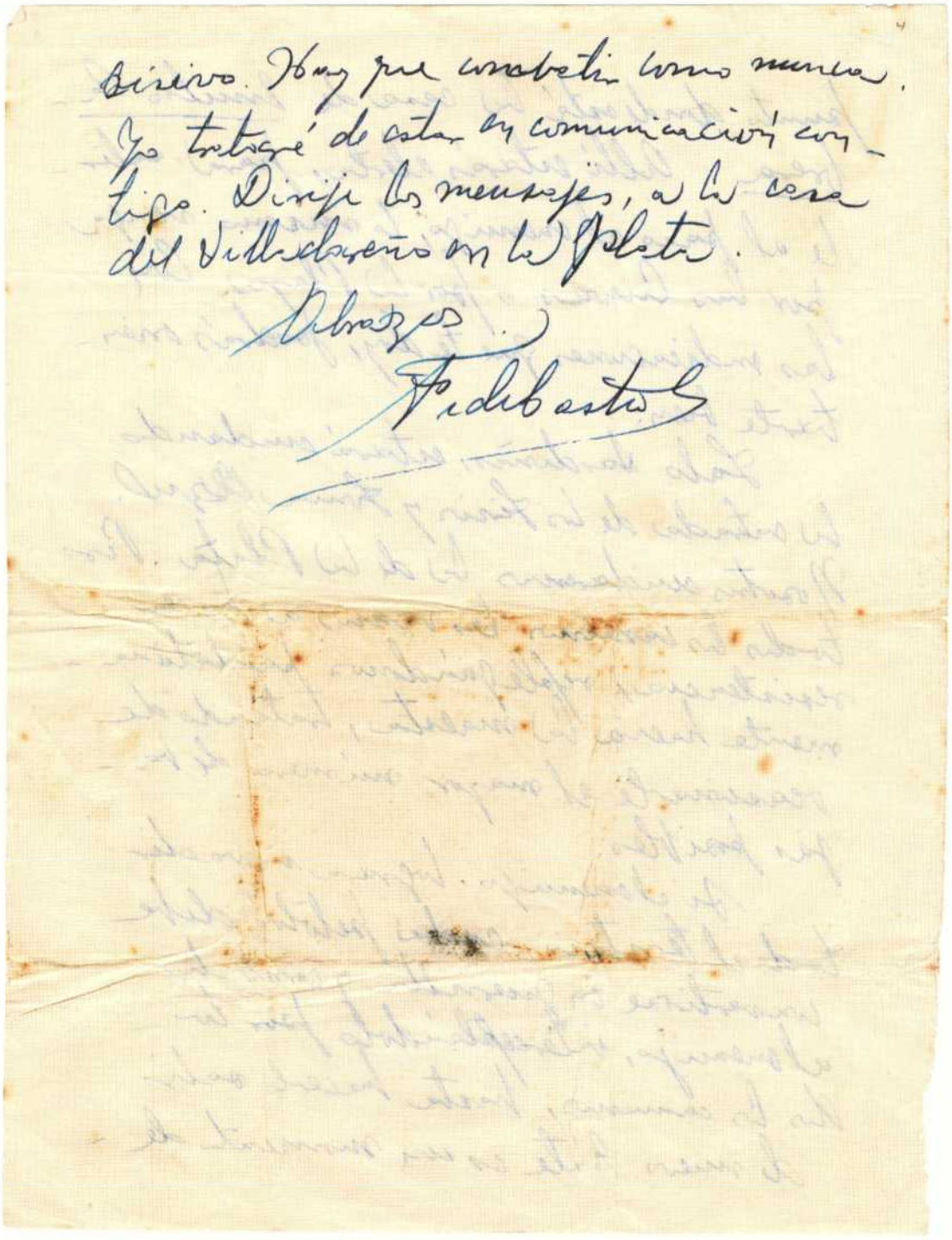


punto donde esté la casa de Emilio Cabrera. Allí estarás alerta, para salirle al paso al enemigo, lo mismo venga por las Cuevas o por la Playa. Con las indicaciones que te doy, podrás orientarte bien.

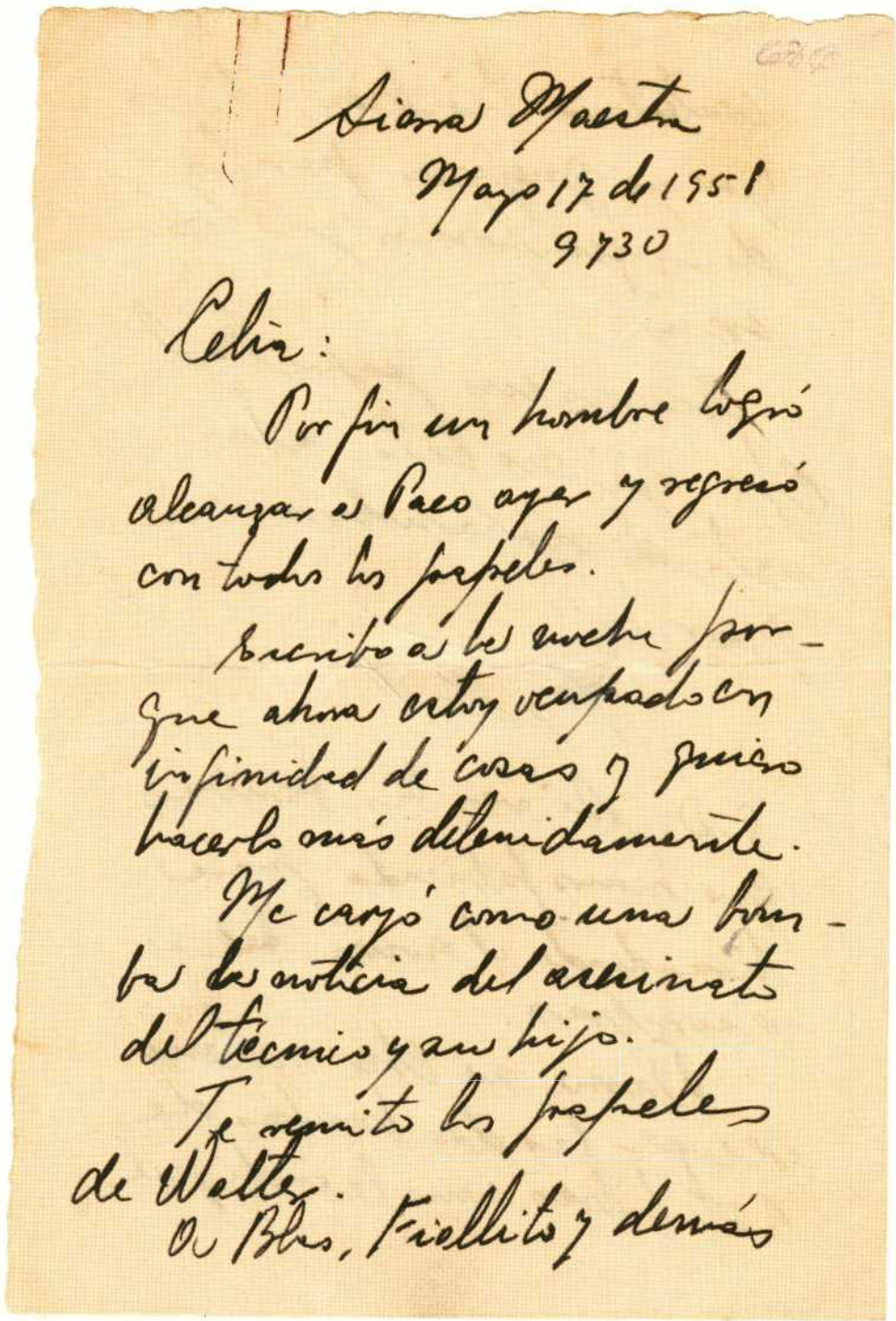
Lalo Sardiñas, estará cuidando la entrada de los Ferris y Loma Azul. Nosotros cuidaremos la de la Plata. Por todos los caminos les vamos a hacer resistencia, replegándonos paulatinamente hacia la Maestra, tratando de ocasionarle el mayor número de bajas posibles.

Si el enemigo, logra invadir todo el territorio, cada pelotón debe convertirse en guerrilla y combatir al enemigo, interceptándolo por todos los caminos, hasta hacerlo salir de nuevo. Este es un momento de -

Третья страница.



Четвертая страница.



Sierra Maestra
Mayo 17 de 1958
9:30

Celia:

Por fin un hombre logró alcanzar el Paco ayer y regresó con todos los papeles.

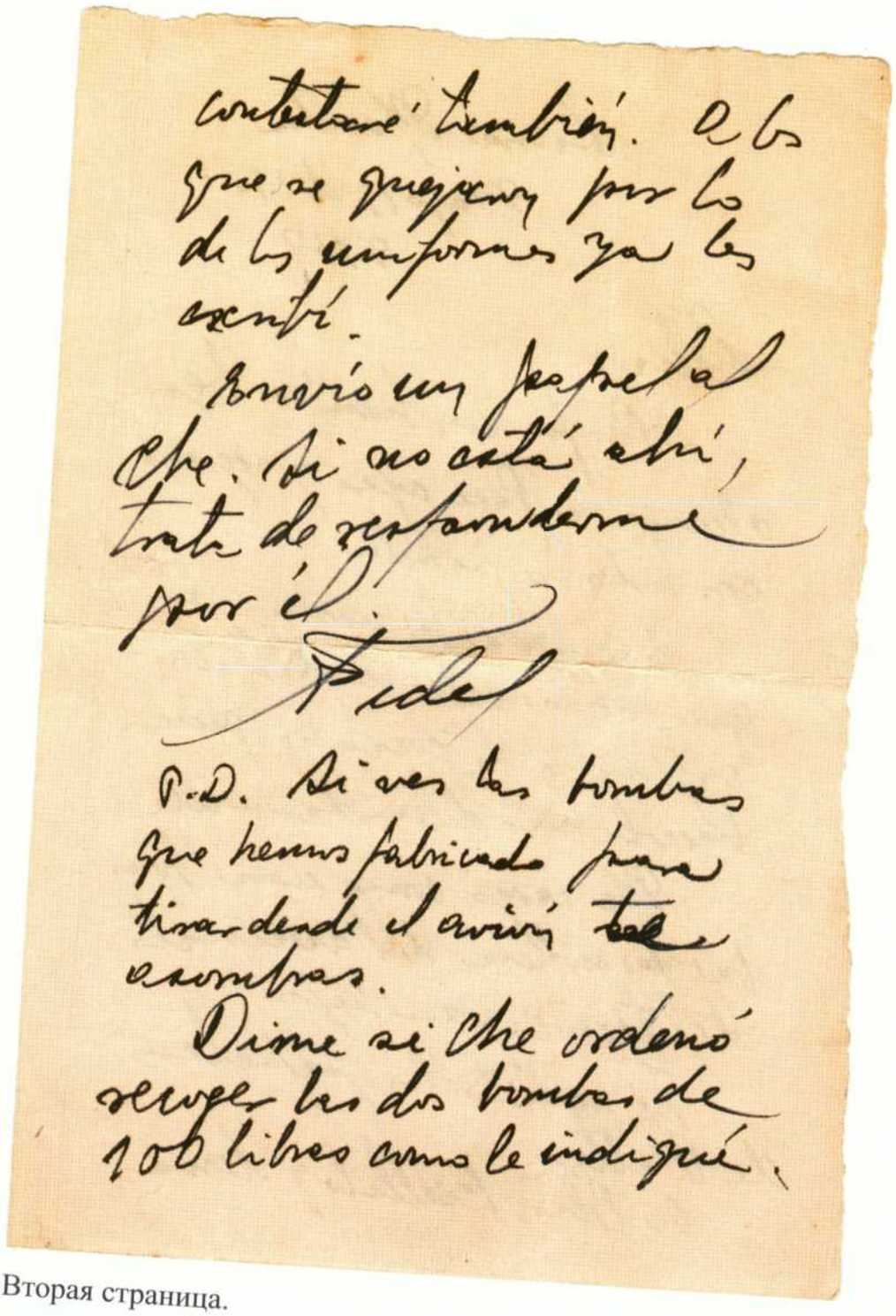
Escribo á la carrera porque ahora estoy ocupadísimo con infinidad de cosas y quiero hacerlo más detenidamente.

Me cayó como una bomba la noticia del asesinato del Técnico y su hijo.

Te remito los papeles de Walter.

Os Blas, Fidelito y demás

Послание Фиделя Селии [Санчес], в котором выделяется достигнутая Повстанческой армией способность изготавливать вооружения. 1958 г., 17 мая (первая страница).



contestaré también. A los que se quejaron por los de los uniformes ya les escribí.

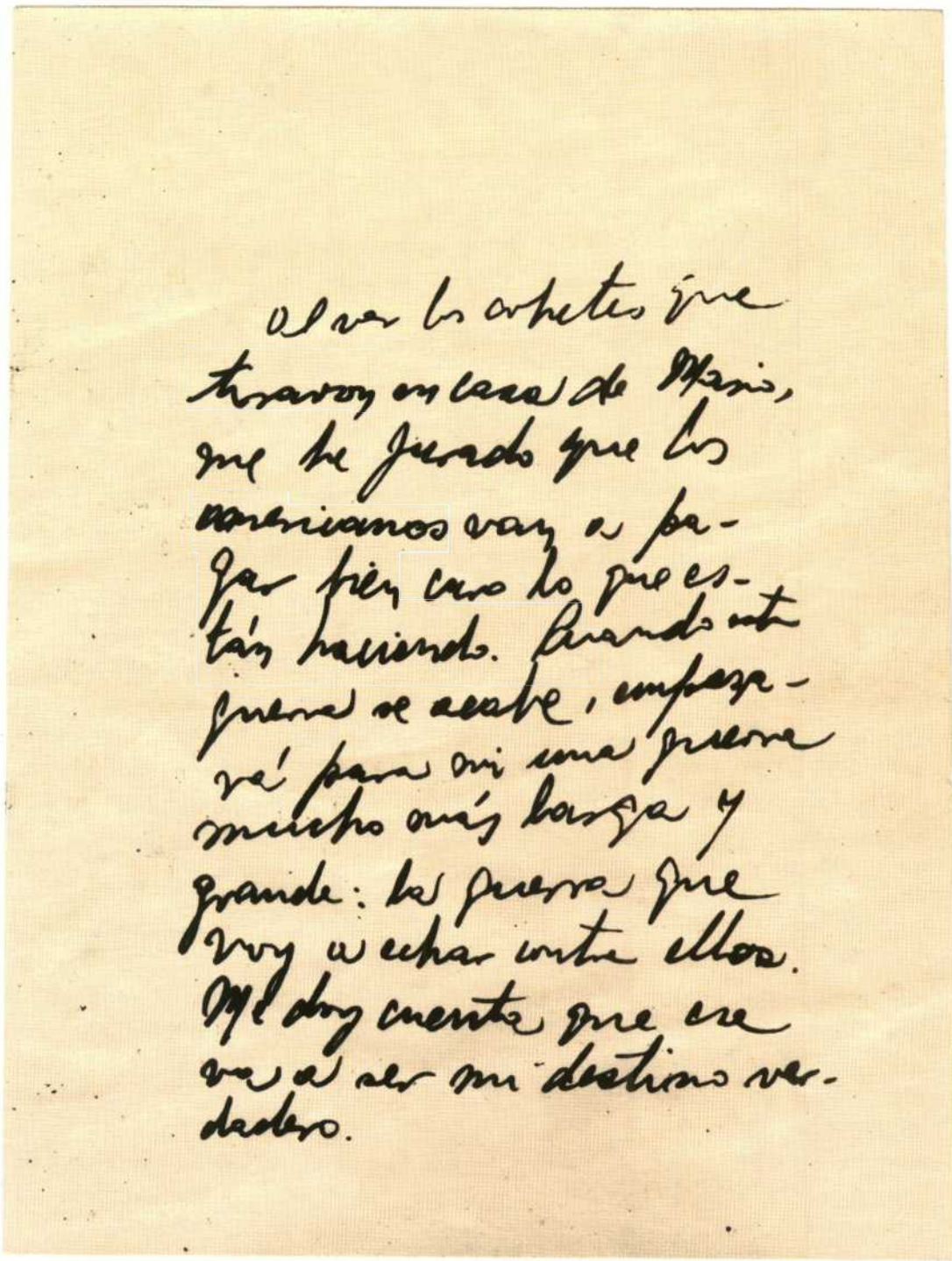
Envío un fotostat del Che. Si no está ahí, trata de reconstruirlo por él.

Fidel

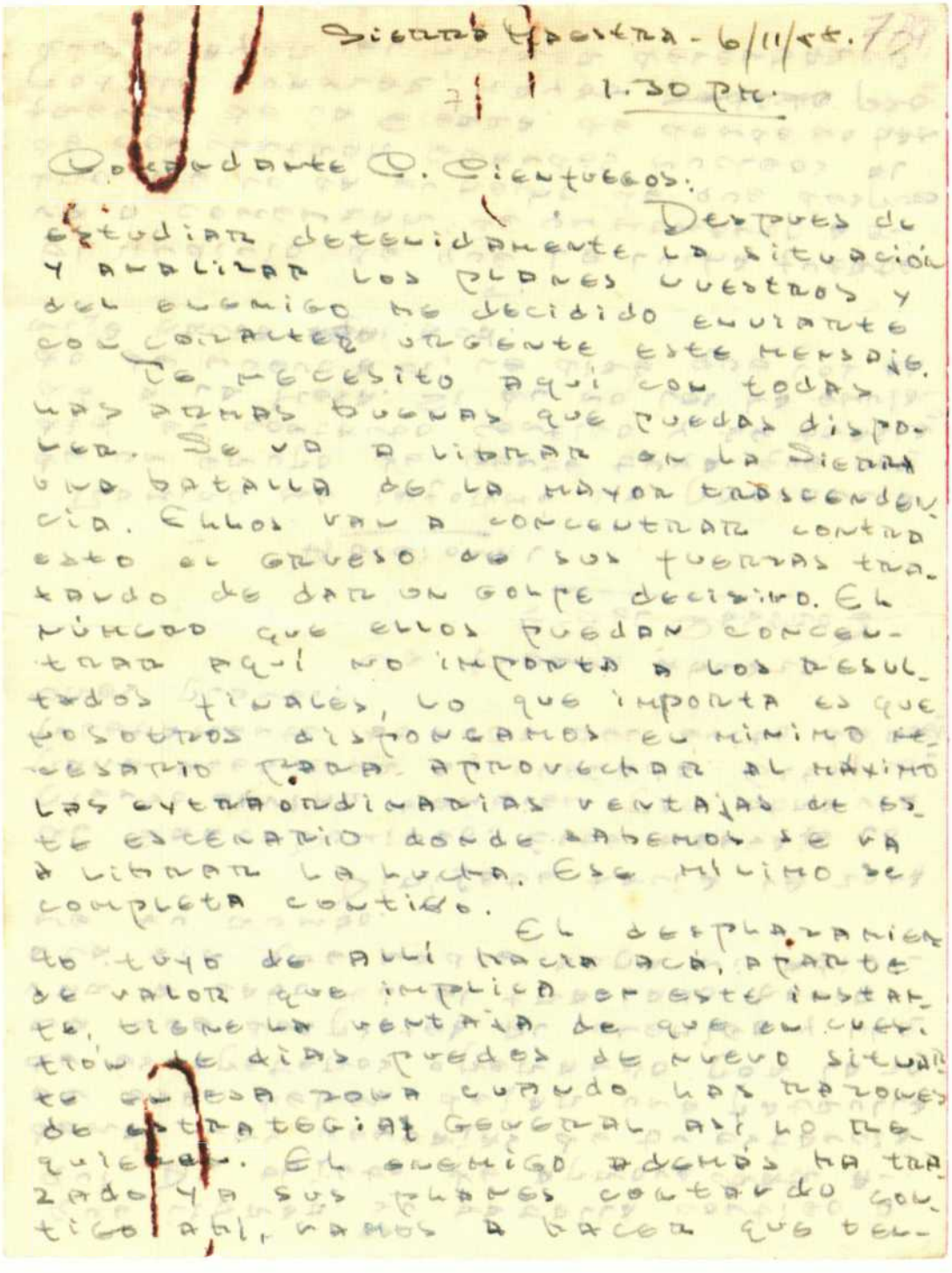
P.D. Si ves las tumbas que hemos fabricado para tirar desde el avión esas sombras.

Dime si Che ordenó pesar las dos tumbas de 100 libras como le indiqué.

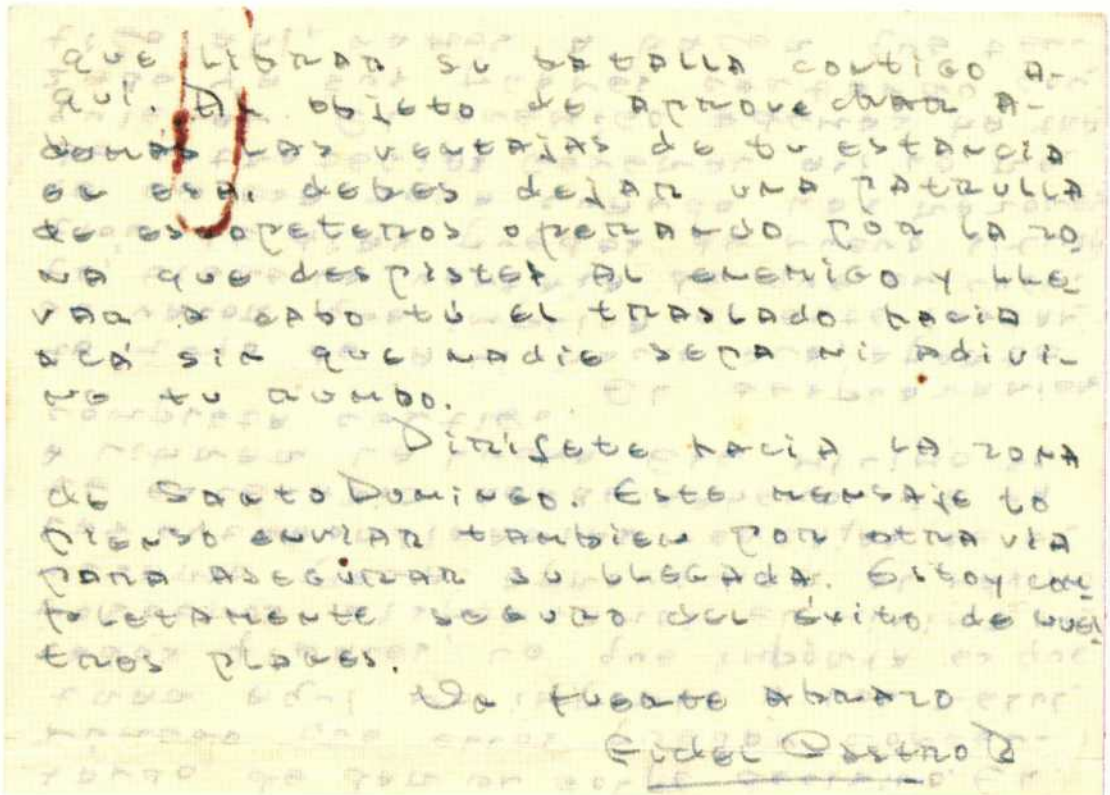
Вторая страница.



Фрагмент пространного письма, направленного Фиделем Селии после вражеской бомбардировки дома крестьянина Марио Сариола в Минас-де-Фрио. На выпущенных ракетах была надпись «сделано в США». 1958 г., 5 июня.



Приказ Фиделя Камило о перемещении с равнин Кауто в зону Первого фронта Сьерра-Маэстры с целью подкрепить обо¬рону повстанческой территории против вражеского наступления. 1958 г., 11 июня (первая страница).



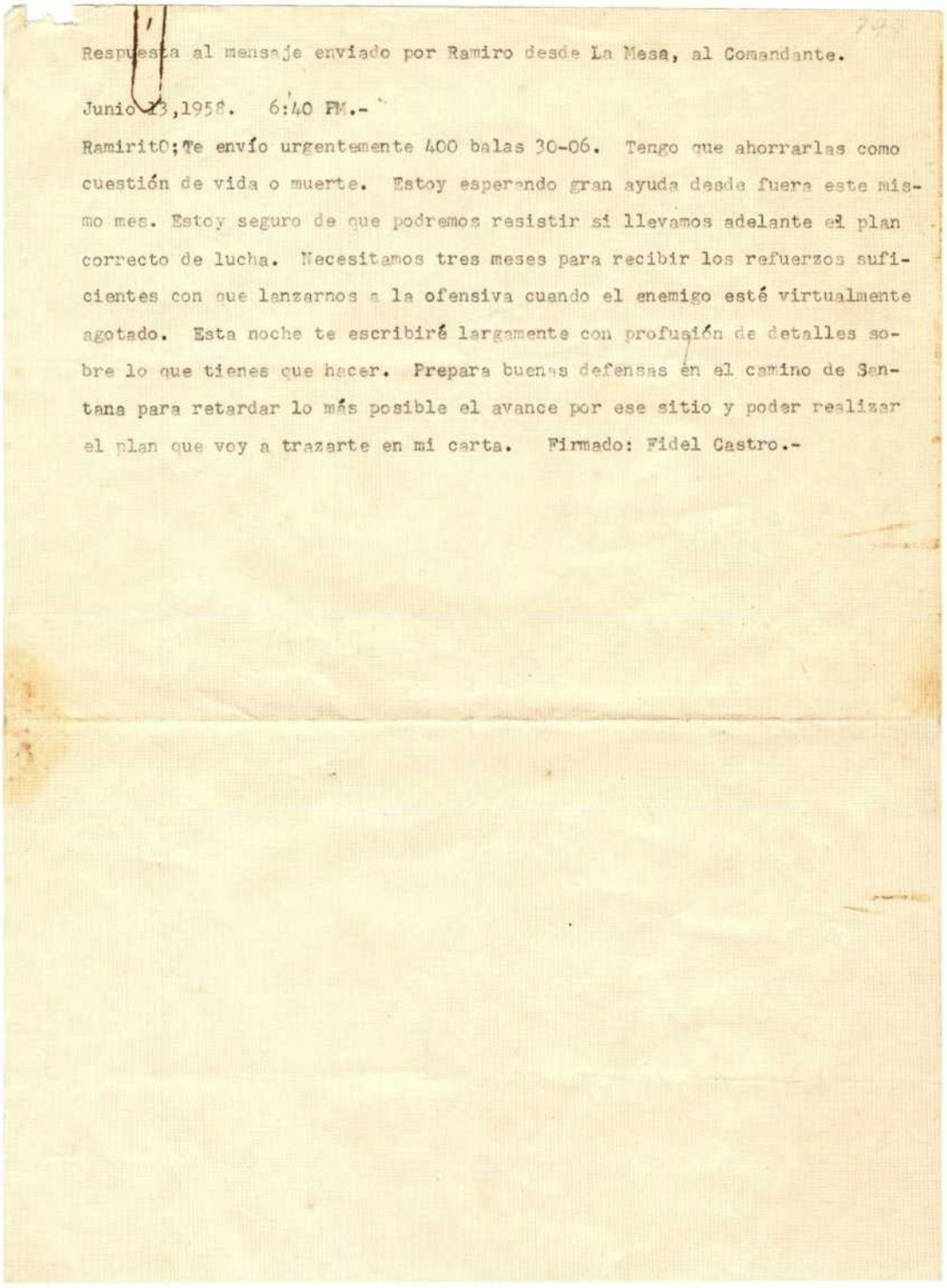
que libran su batalla contigo aquí. El objeto de aprovechar además las ventajas de tu estancia en esa, debes dejar una patrulla de exploradores operando por la zona que despiste al enemigo y lleve a cabo tú el traslado hacia allá sin que nadie sepa ni adivine tu rumbo.

Dirígete hacia la zona de Santo Domingo. Este mensaje lo hemos enviado también por otra vía para asegurar su llegada. Estoy completamente seguro del éxito de nuestros planes.

Un fuerte abrazo

Fidel Castro R

Вторая страница.

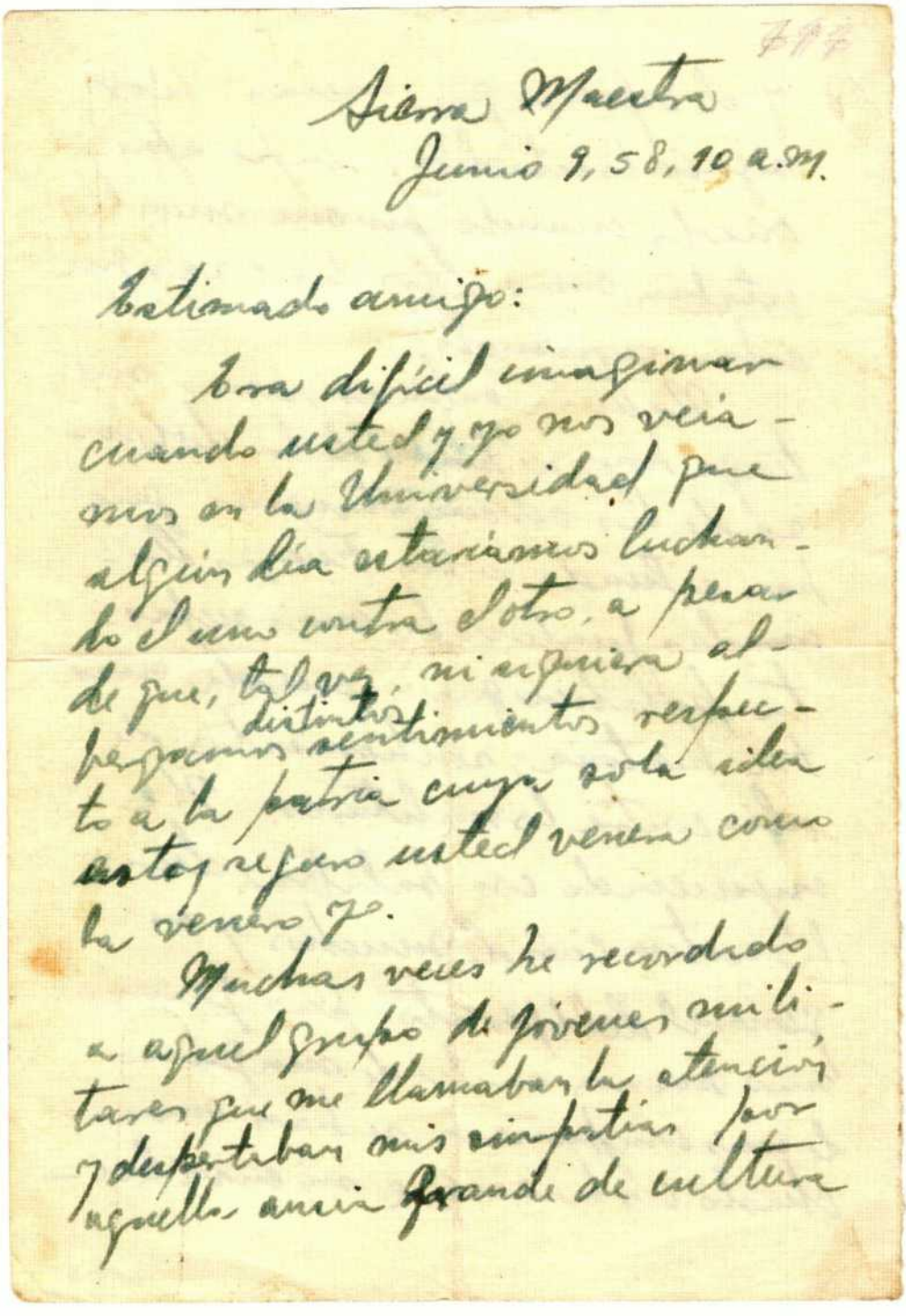


Respuesta al mensaje enviado por Ramiro desde La Mesa, al Comandante.

Junio 13,1958. 6:40 PM.-

RamiritO;Te envío urgentemente 400 balas 30-06. Tengo que ahorrarlas como cuestión de vida o muerte. Estoy esperando gran ayuda desde fuera este mismo mes. Estoy seguro de que podremos resistir si llevamos adelante el plan correcto de lucha. Necesitamos tres meses para recibir los refuerzos suficientes con que lanzarnos a la ofensiva cuando el enemigo esté virtualmente agotado. Esta noche te escribiré largamente con profusión de detalles sobre lo que tienes que hacer. Prepara buenas defensas en el camino de Santana para retardar lo más posible el avance por ese sitio y poder realizar el plan que voy a trazarte en mi carta. Firmado: Fidel Castro.-

Послание Фиделя Рамиро Вальдесу, Рамирито, о направлении 400 патрон 30-го калибра. 1958 г., 13 июня.



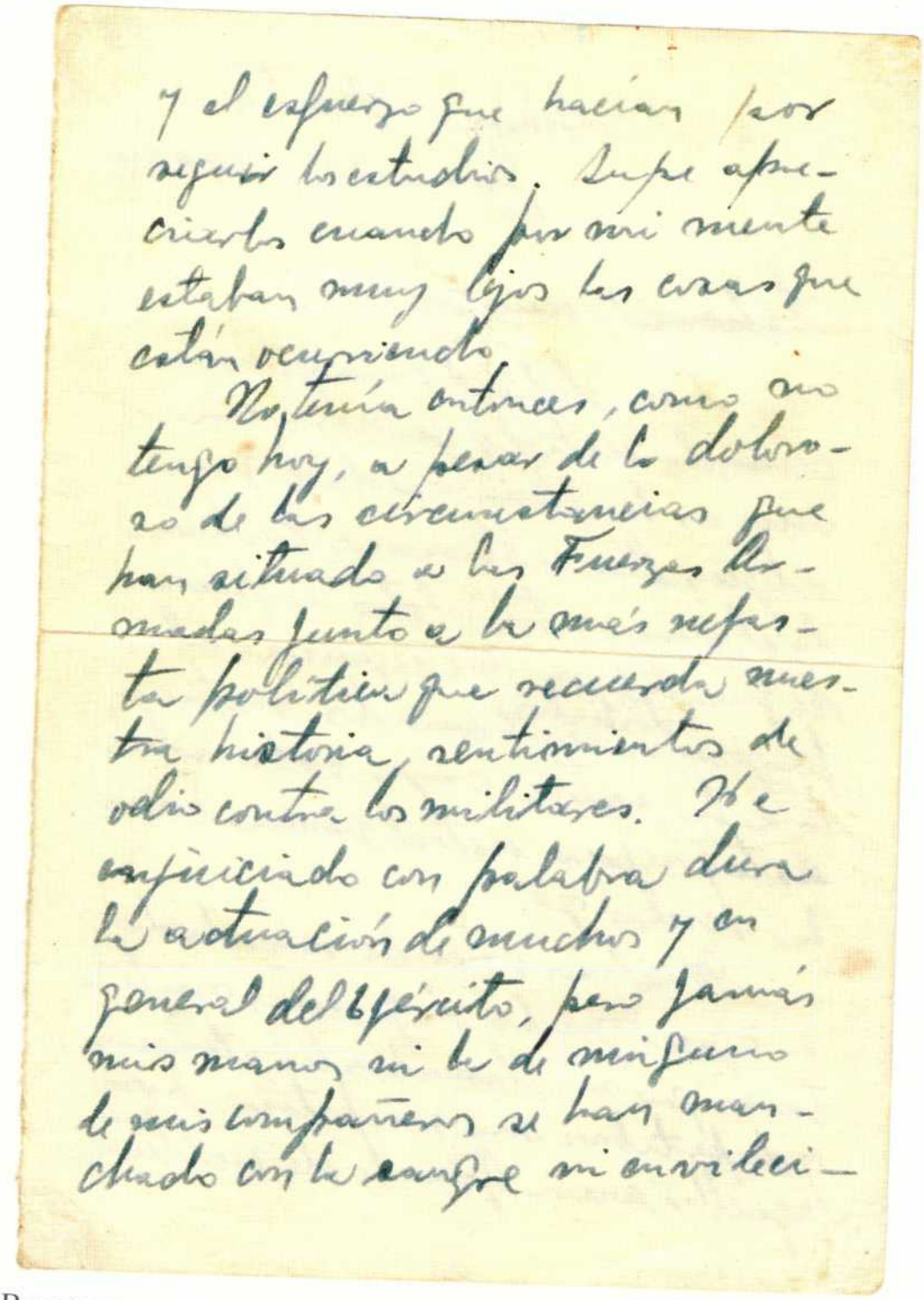
Sierra Maestra
Junio 9, 58, 10 a.m.

Estimado amigo:

Era difícil imaginar cuando usted y yo nos veía-mos en la Universidad que algún día estaríamos luchan-do el uno contra el otro, a pesar de que, tal vez, ni siquiera al-bergamos distintos sentimientos respec-to a la patria cuya sola idea ~~estoy~~ seguro usted venera como la venero yo.

Muchas veces he recordado a aquel grupo de jóvenes estudi-antes que me llamaban la atención y despertaban mis simpatías por aquella amiga grande de cultura

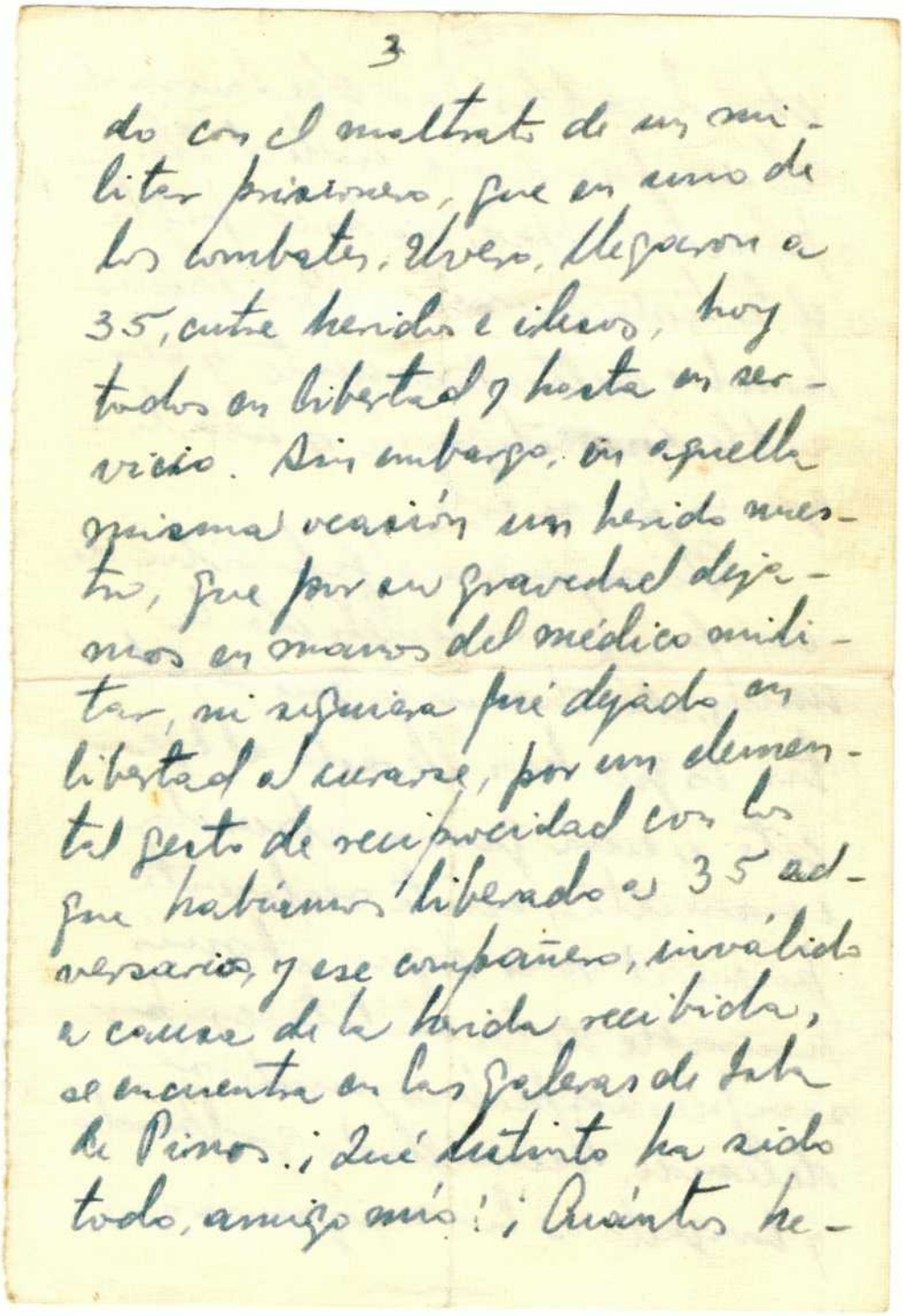
Письмо Фиделя Хосе Кеведо, командиру батальона 18 армии тирании и давнишнему товарищу по учебе, в котором Фидель взывает к патриотизму и чести военного командира. 1958 г., 9 июня (первая страница).



y el esfuerzo que hacían por seguir los estudios. Supe apreciarlos cuando por mi mente estaban muy lejos las cosas que están ocurriendo.

No tenía entonces, como no tengo hoy, a pesar de lo doloroso de las circunstancias que han situado a las Fuerzas Armadas junto a la más negra política que recuerda nuestra historia, sentimientos de odio contra los militares. He criticado con palabra dura la actuación de muchos y en general del Ejército, pero jamás mis manos ni la de ninguno de mis compañeros se han manchado con la sangre ni envileci-

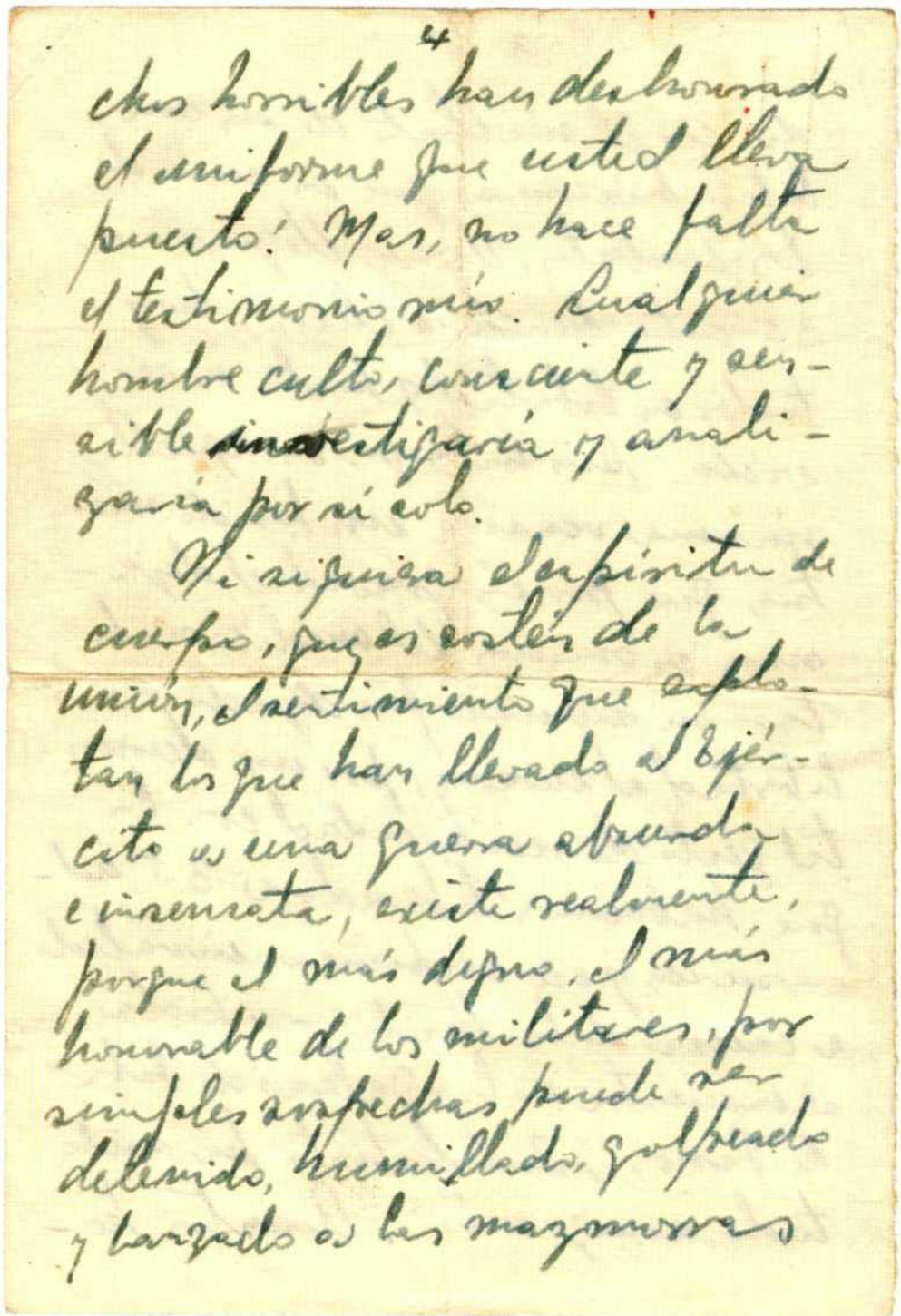
Вторая страница.



3

do con el maltrato de un mi-
litar prisionero, fue en uno de
los combates. Allero. Llegaron a
35, entre heridos e ilesos, hoy
todos en libertad y hasta en ser-
vicio. Sin embargo, en aquella
misma ocasión un herido nues-
tro, fue por su gravedad deja-
mos en manos del médico mili-
tar, mi siquiera fué dejado en
libertad de curarse, por un elemen-
tal gesto de reciprocidad con los
que habíamos liberado a 35 ad-
versarios, y ese compañero, invalida-
o a causa de la herida recibida,
se encuentra en las galeras de Isla
de Pinos. ¡Qué distinto ha sido
todo, amigo mío! ¡Cuántos he-

Третья страница.

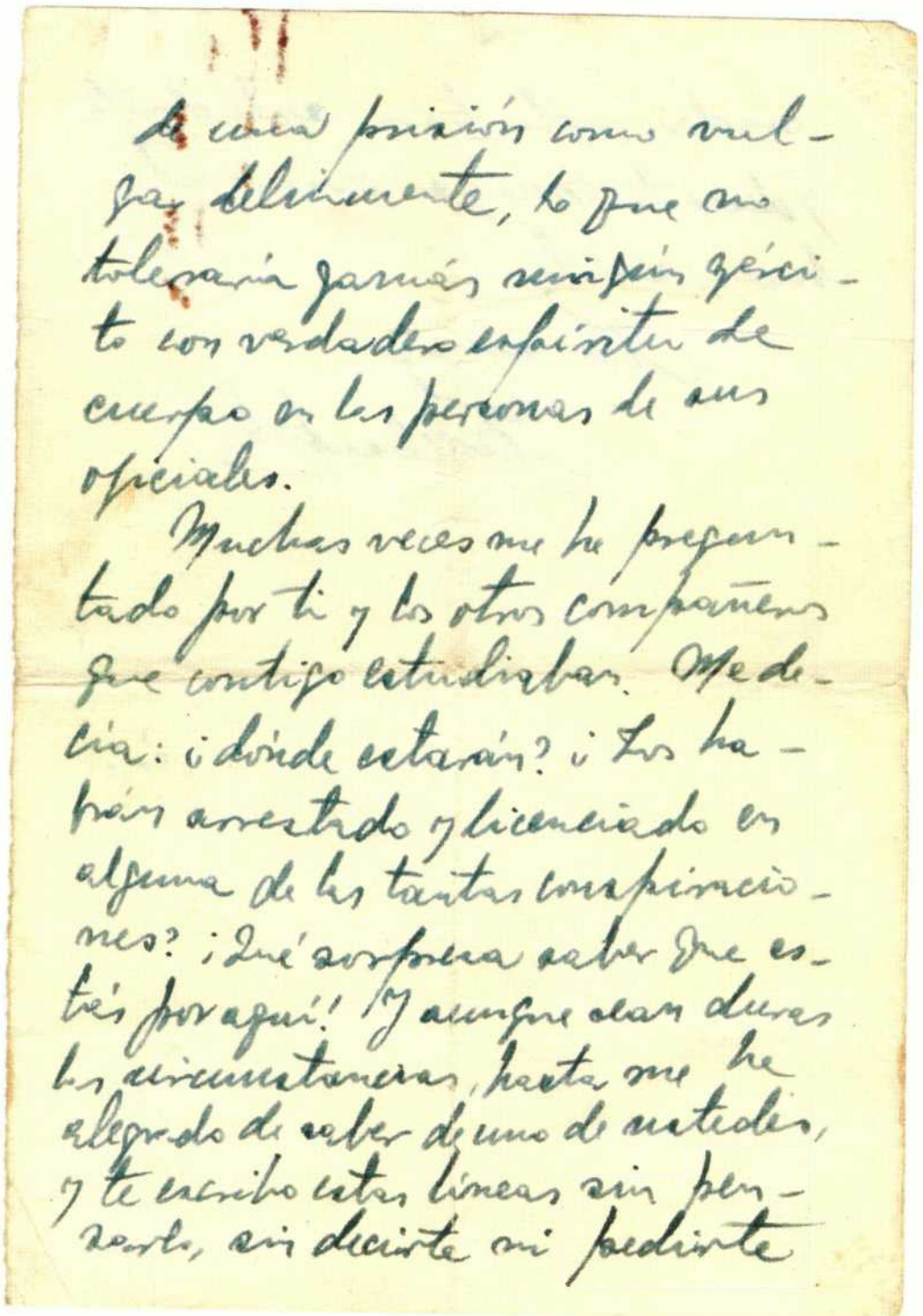


4

dos hombres han deshonrado el uniforme que usted lleva puesto! Mas, no hace falta el testimonio mío. Cualquier hombre culto, consciente y sensible investigaría y analizaría por sí solo.

Si siquiera el espíritu de cuerpo, que es ajeno de la unión, el sentimiento que explotan los que han llevado al Ejército a una guerra absurda e insensata, existe realmente, porque el más digno, el más honorable de los militares, por sinsabores sospechas puede ser detenido, humillado, golpeado y lanzado a las mazmorras

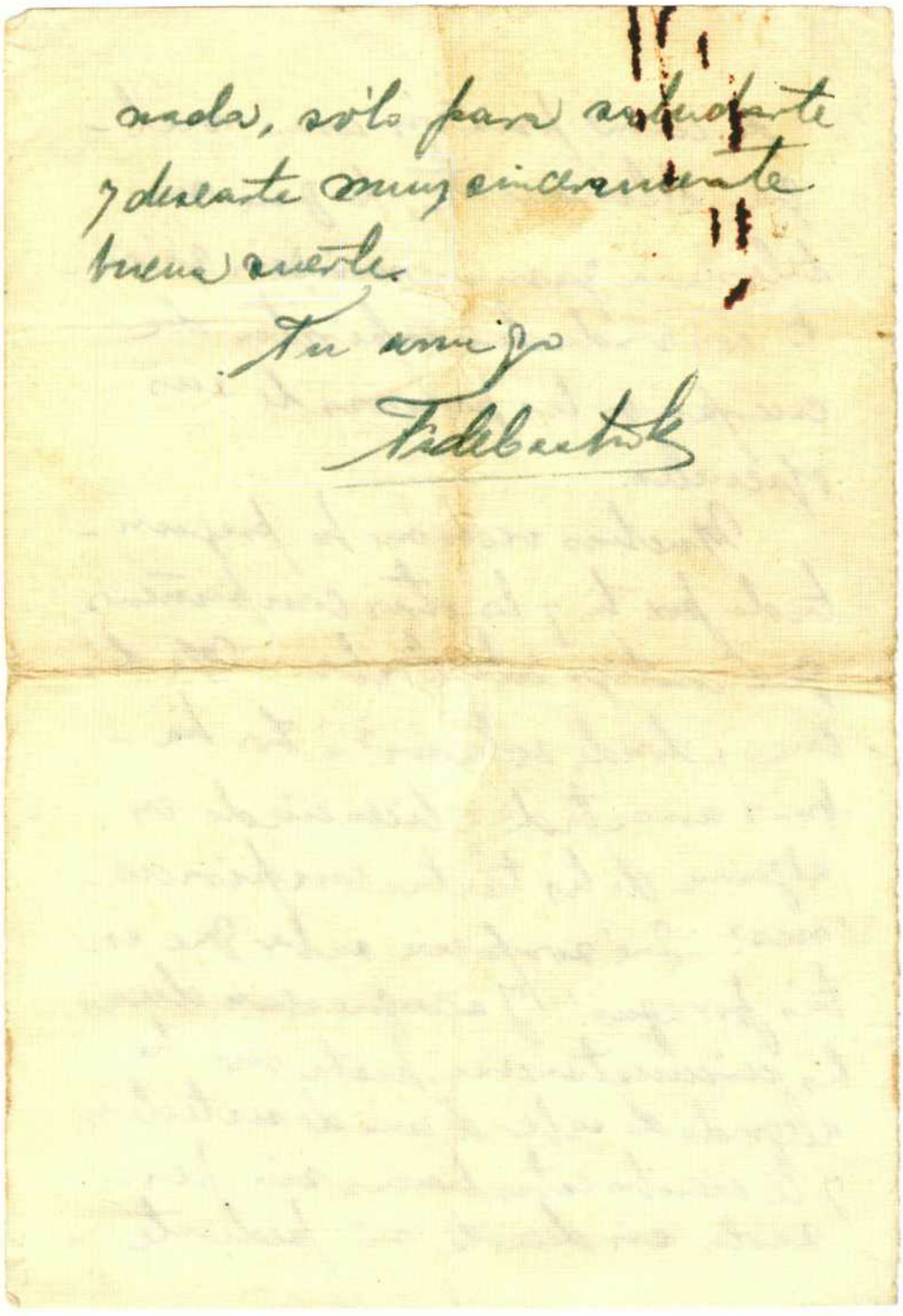
Четвертая страница.



de esa posición como vul-
gar delincuente, lo que no
toleraría jamás ningún ejérci-
to con verdadero espíritu de
cuerpo en las personas de sus
oficiales.

Muchas veces me he pregun-
tado por ti y los otros compañeros
que contigo estudiaban. Me de-
cía: ¿dónde estarán? ¿Los ha-
brán arrestado y licenciado en
alguna de las tantas conspiracio-
nes? ¡Qué sorpresa saber que es-
tás por aquí! Y aunque dadas
las circunstancias, hasta me he
alegrado de saber de uno de ustedes,
y te escribo estas líneas sin pen-
sarlo, sin decirte mi pedirte

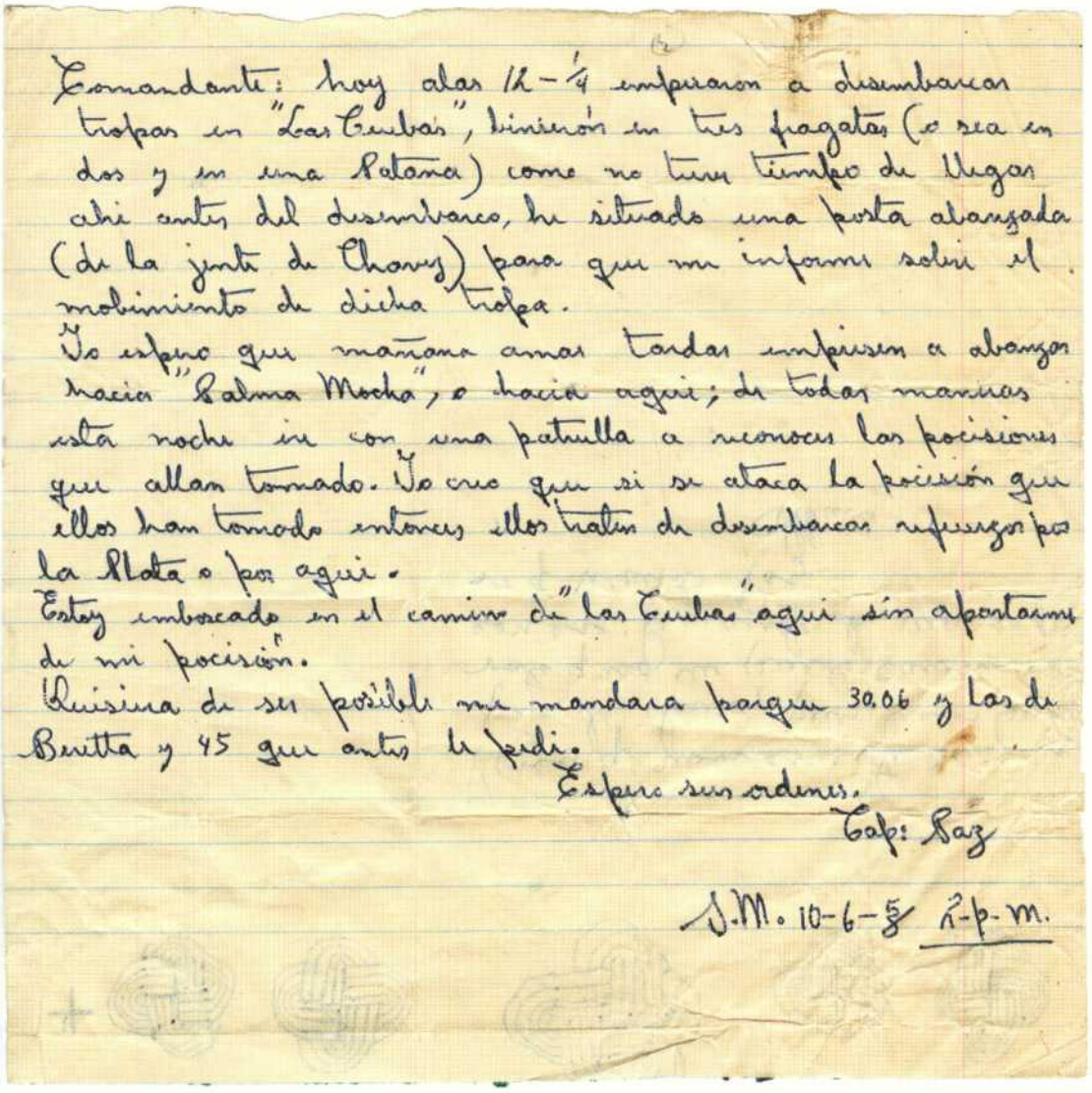
Пятая страница.


nada, sólo para saludarte
y decirte muy sinceramente
buena suerte.

Tu amigo

Fidel Castro

Шестая страница.



Comandante: hoy alas 12-¼ empiesan a desembarcar tropas en "Las Cuevas", bienen en tres fragatas (o sea en dos y en una Patana) como no tuve tiempo de llegar ahi antes del desembarco, he situado una posta abanzada (de la junta de Chavez) para que me informe sobre el movimiento de dicha tropa.

Yo espero que mañana amas tandas empiesen a abanzar hacia "Palma Mocha", o hacia aqui; de todas maneras esta noche ire con una patrulla a reconocer las posiciones que allan tomado. Yo creo que si se ataca la posición que ellos han tomado entonces ellos tratan de desembarcar refuerzos por la Playa o por aqui.

Estoy emboscado en el camino de "las Cuevas" aqui sin apartarme de mi posición.

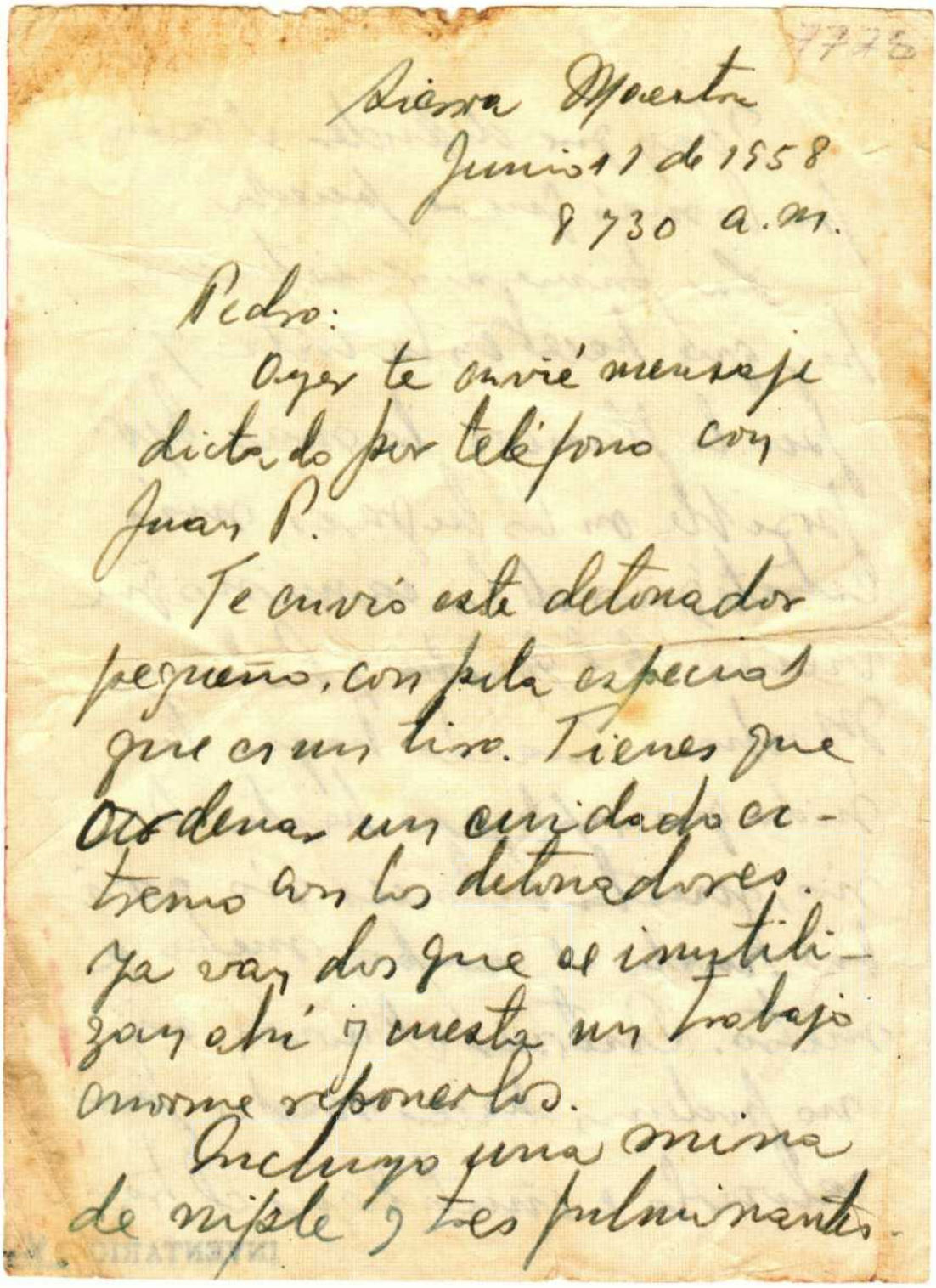
Quisiera de ser posible me mandara porque 30.06 y las de Bretta y 45 que antes le pedi.

Espero sus ordenes.

Cap: Paz

J.M. 10-6-58 2-p-m.

Послание капитана Рамона Паса команданте Фиделю Кастро, в котором он информирует Фиделя о вражеской высадке в Лас-Куэвас и принятых решениях, просит о боезапасе калибра 30.06 и сообщает, что ждет его приказов. 1958 г., 10 июня.



Sierra Maestra
Junio 11 de 1958
8 730 a.m.

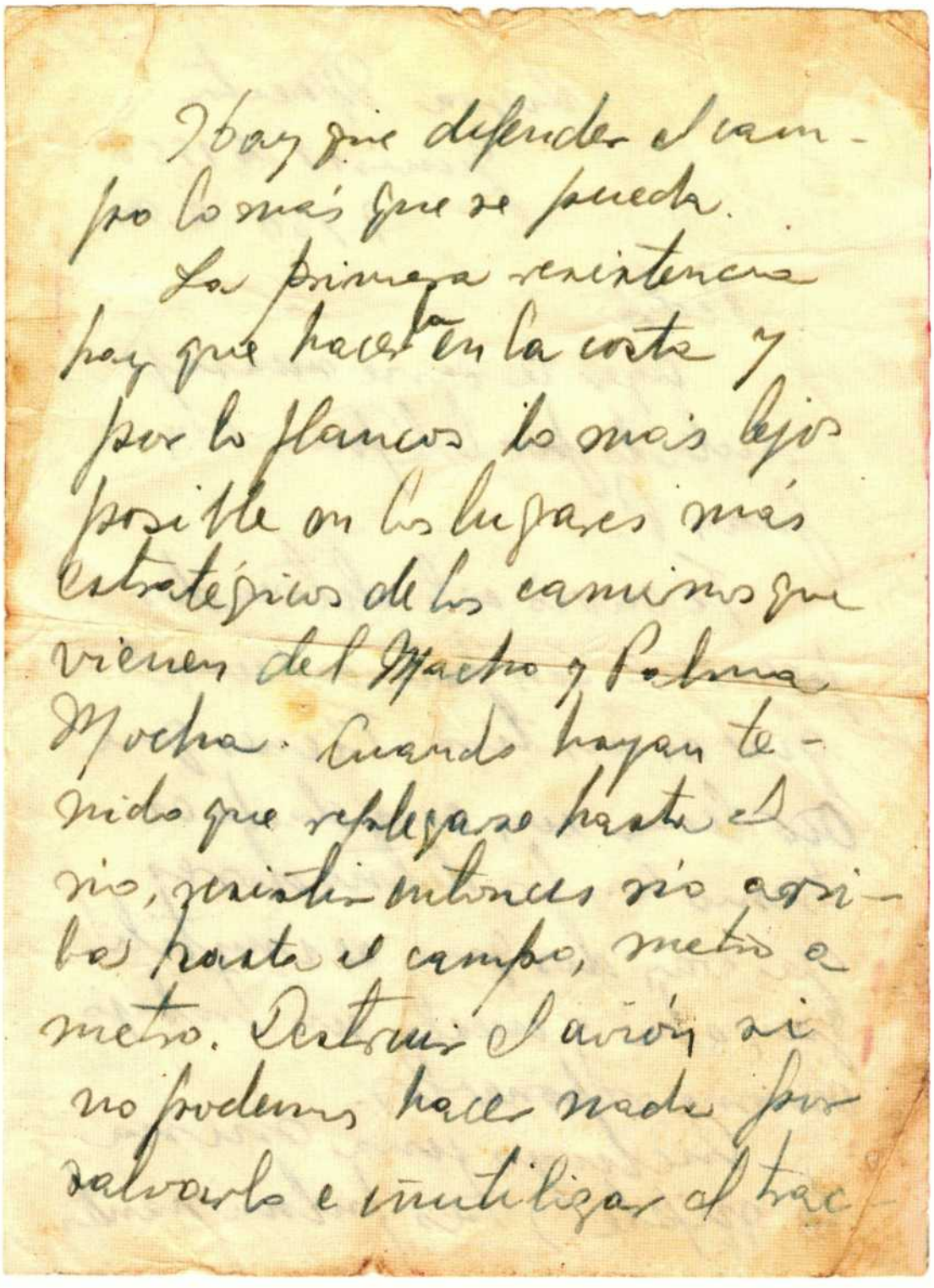
Pedro:

Oyer te envié mensaje dictado por teléfono con Juan P.

Te envío este detonador pequeño, con pila especial que es un tiro. Tienes que ordenar un cuidado extremo con los detonadores. Ya van dos que se inutilizan ahí y cuesta un trabajo enorme reponerlos.

Incluyo una onza de nitrato y tres pulminantes.

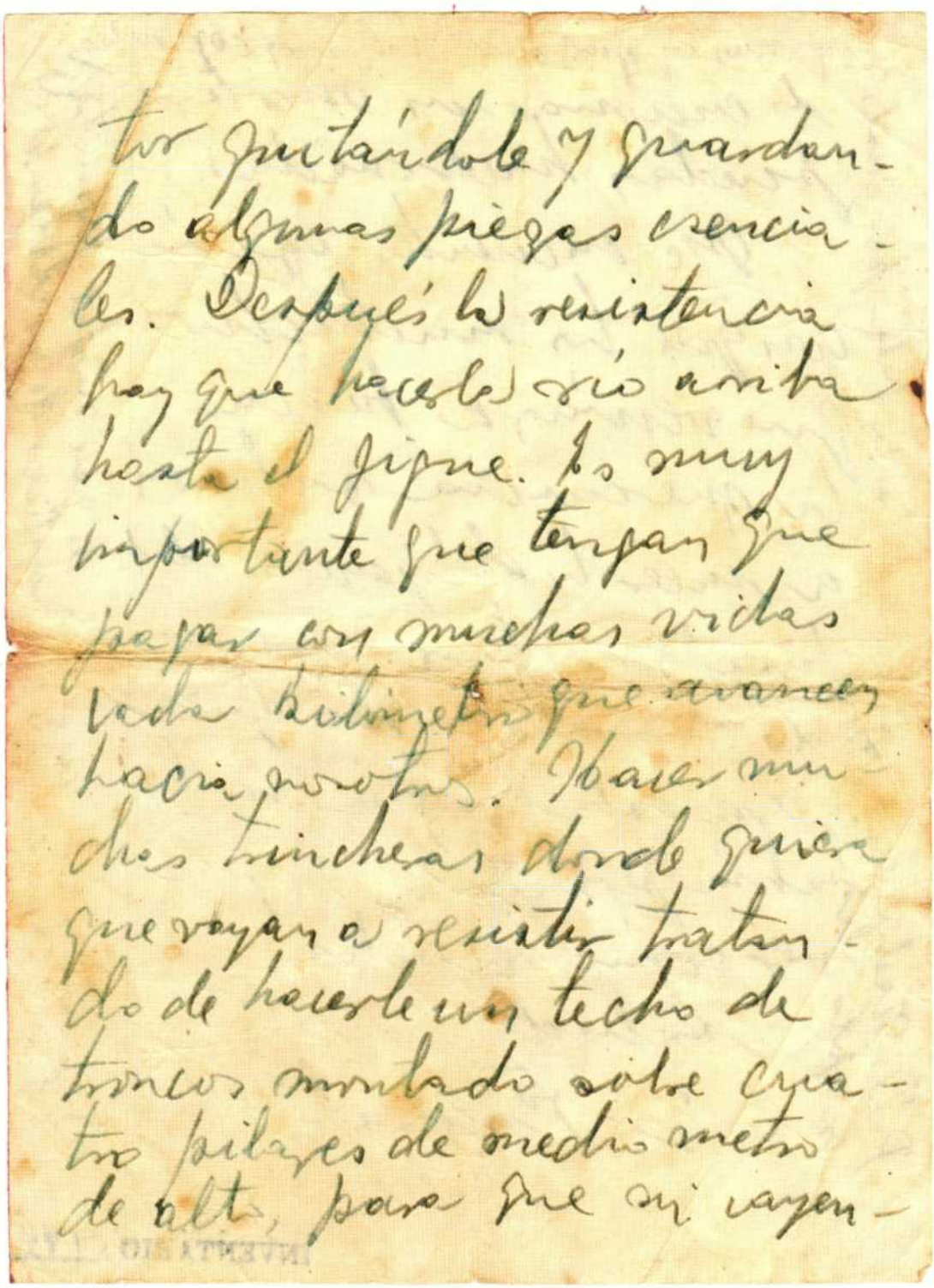
Письмо Фиделя Педро Мирету с точными указаниями о сопротивлении на побережье и направлении вооружения.
1958 г., 11 июня (первая страница).



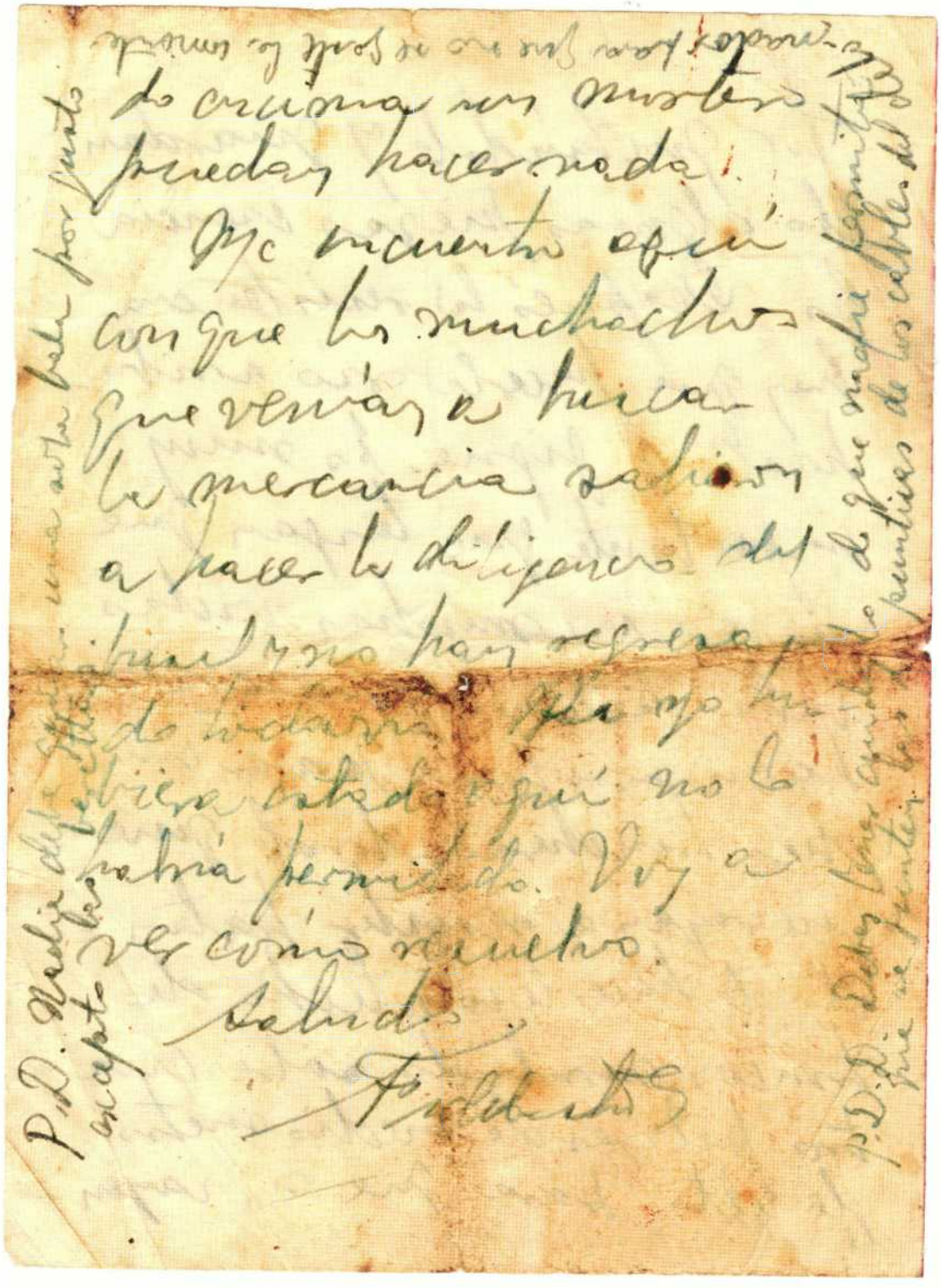
Hay que defender el campo lo más que se pueda.

La primera resistencia hay que hacerla en la costa y por los flancos lo más lejos posible en los lugares más estratégicos de los caminos que vienen del Yaguaramo y Palma Mocha. Cuando hayan tenido que replegarse hasta el río, resistir entonces río arriba hasta el campo, metro a metro. Destruir el avión si no podemos hacer nada por salvarlo e inutilizar el trac

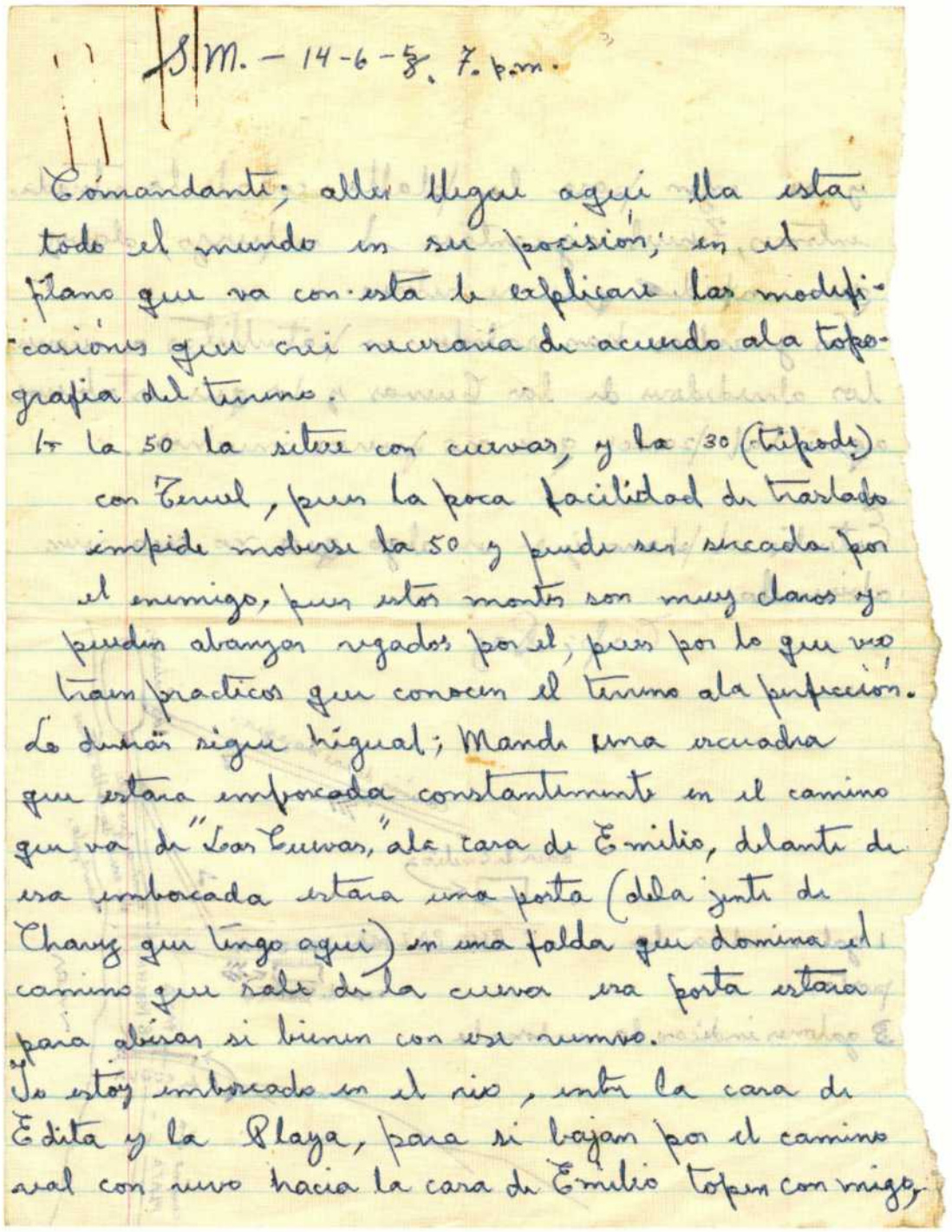
Вторая страница.



Третья страница.



Четвертая страница.



S.M. — 14-6-58. 7. p.m.

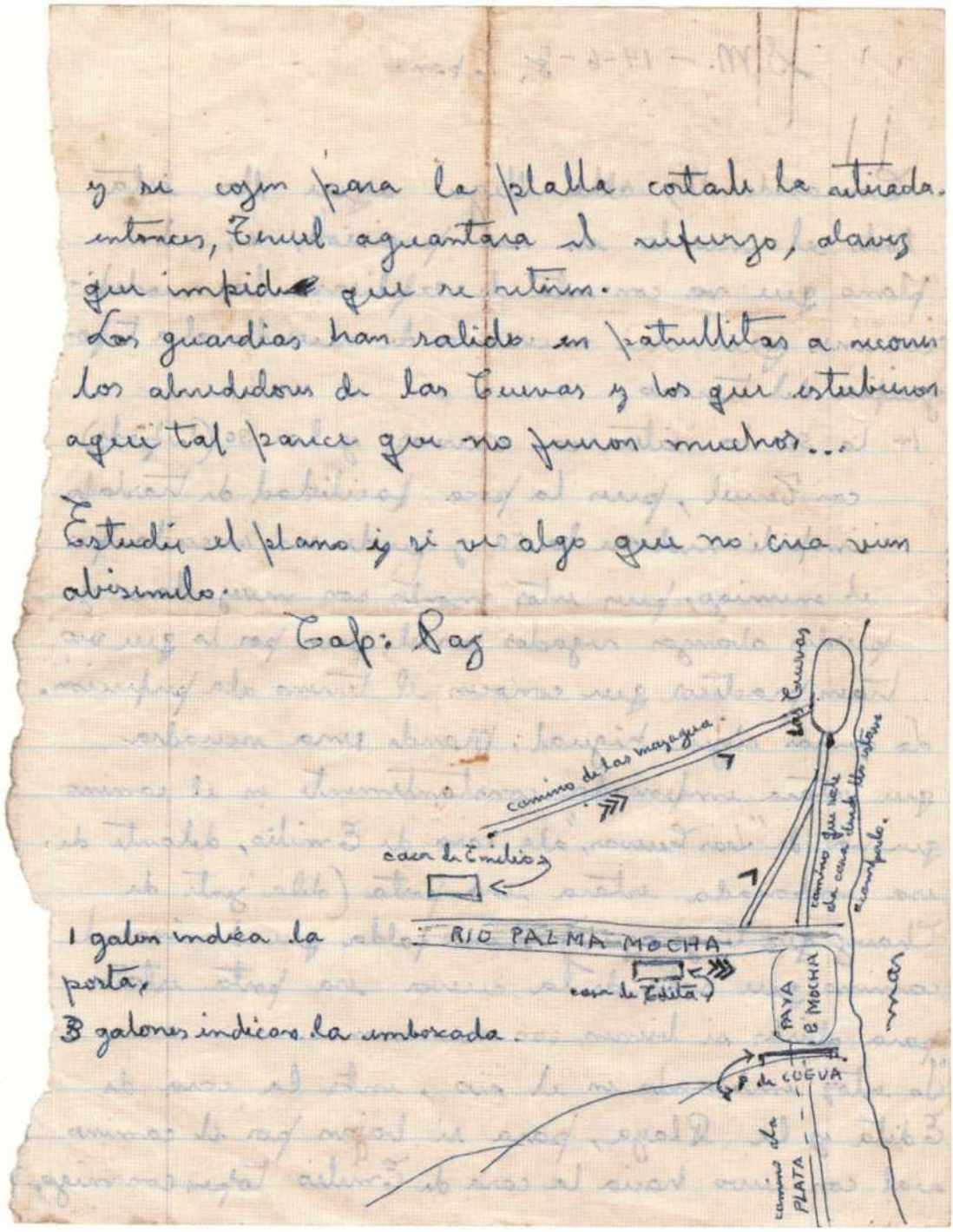
Comandante; allí llegué aquí. Ya está todo el mundo en su posición; en el plano que va con esta le explicaré las modificaciones que creí necesaria de acuerdo a la topografía del terreno.

La 50 la sitúe con cuevas, y la 30 (trípode) con Teruel, pues la poca facilidad de traslado impide moverse la 50 y puede ser cercada por el enemigo, pues estos montes son muy claros y pueden abanzar rodeados por el, pues por lo que veo traen prácticos que conocen el terreno a la perfección.

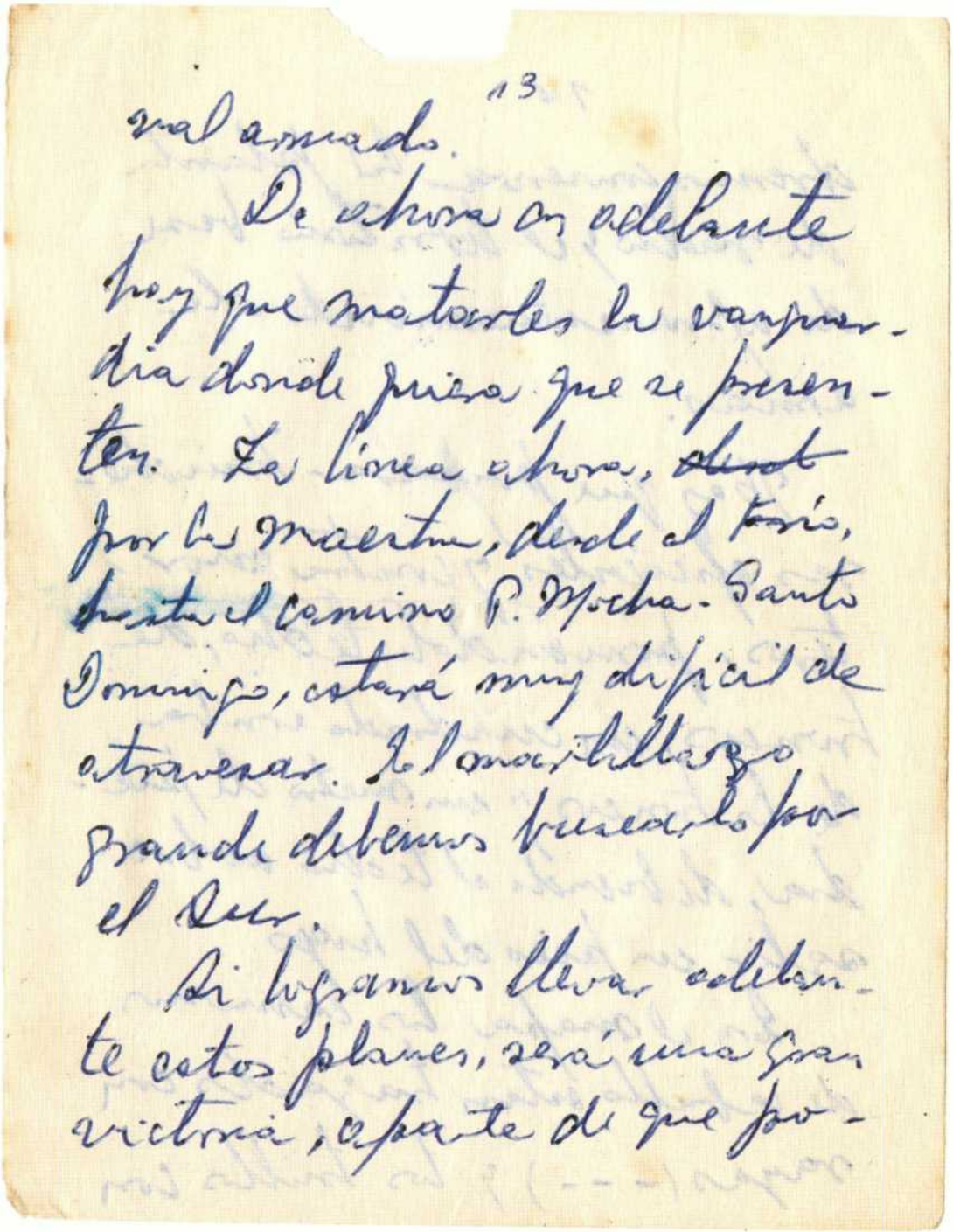
La derecha sigue igual; Mando una escuadra que estaba emboscada constantemente en el camino que va de "Las Cuevas," a la cara de Emilio, delante de esa emboscada estaba una posta (a la punta de Chavez que tengo aquí) en una falda que domina el camino que sale de la cueva esa posta estaba para abisar si venían con ese rumbo.

Yo estoy emboscado en el río, entre la cara de Edita y la Playa, para si bajan por el camino real con rumbo hacia la cara de Emilio topen conmigo.

Послание капитана Рамона Паса команданте Фиделю Кастро, в котором он информирует его о дислокации личного состава своих бойцов и о позициях пулеметов 50-го и 30-го калибра.
1958 г., 14 июня (первая страница).



На второй странице послания капитан Пас рисует план размещения повстанческих войск.



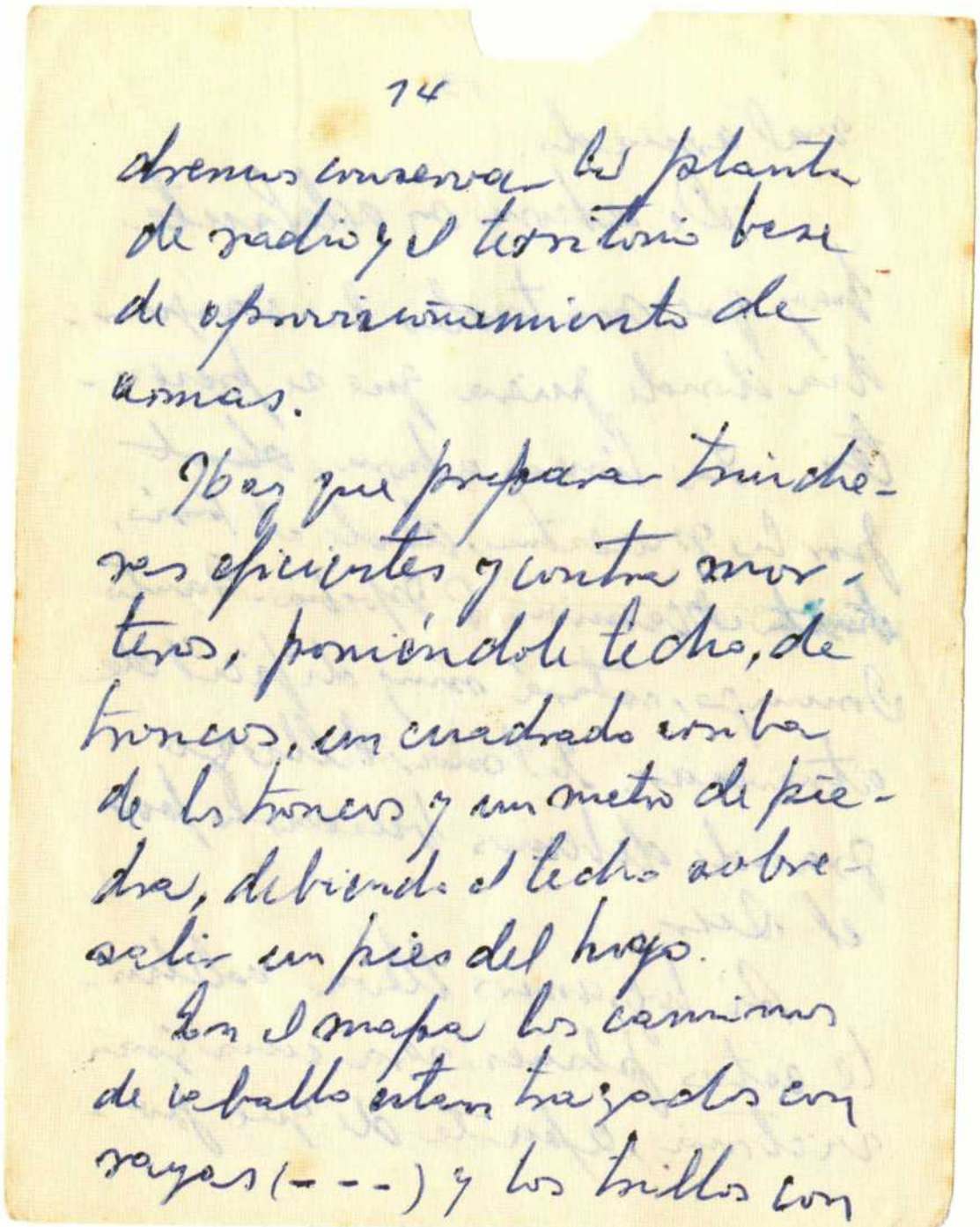
13

val armado.

De ahora en adelante hay que matarles la vanguardia donde quiera que se presenten. La línea ahora, ~~desde~~ por los maestra, desde el Turío, hasta el camino P. Mocha - Santo Domingo, estará muy difícil de atravesar. El amarillazo grande debemos buscarlo por el Sur.

Si logramos llevar adelante estos planes, será una gran victoria, aparte de que por -

Последние страницы послания Фиделя капитану Рамону Пасу, в котором он дает наставления о намечаемой стратегической обороне укрепленного района Маэстры. *1958 г., 21 июня* (первая страница).



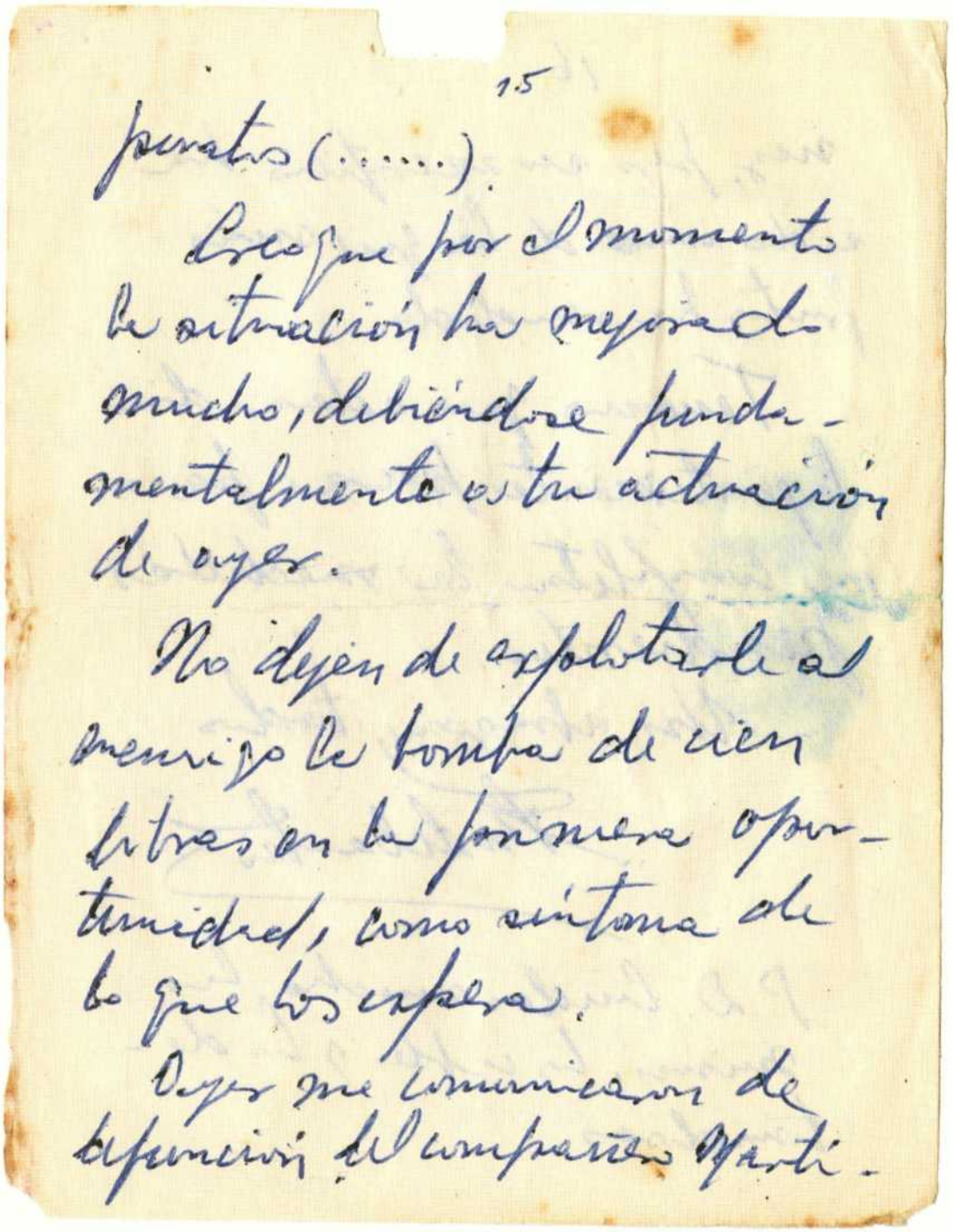
14

dremos conserva la planta de radio y el territorio bajo de aprovisionamiento de armas.

Hay que preparar trincheras eficientes y contra morteros, poniéndole techo, de troncos, un cuadrado encima de los troncos y un metro de piedra, debiendo el techo sobresalir un pies del hoyo.

En el mapa los caminos de herradura están trazados con rayas (- - -) y los trillos con

Вторая страница.



15

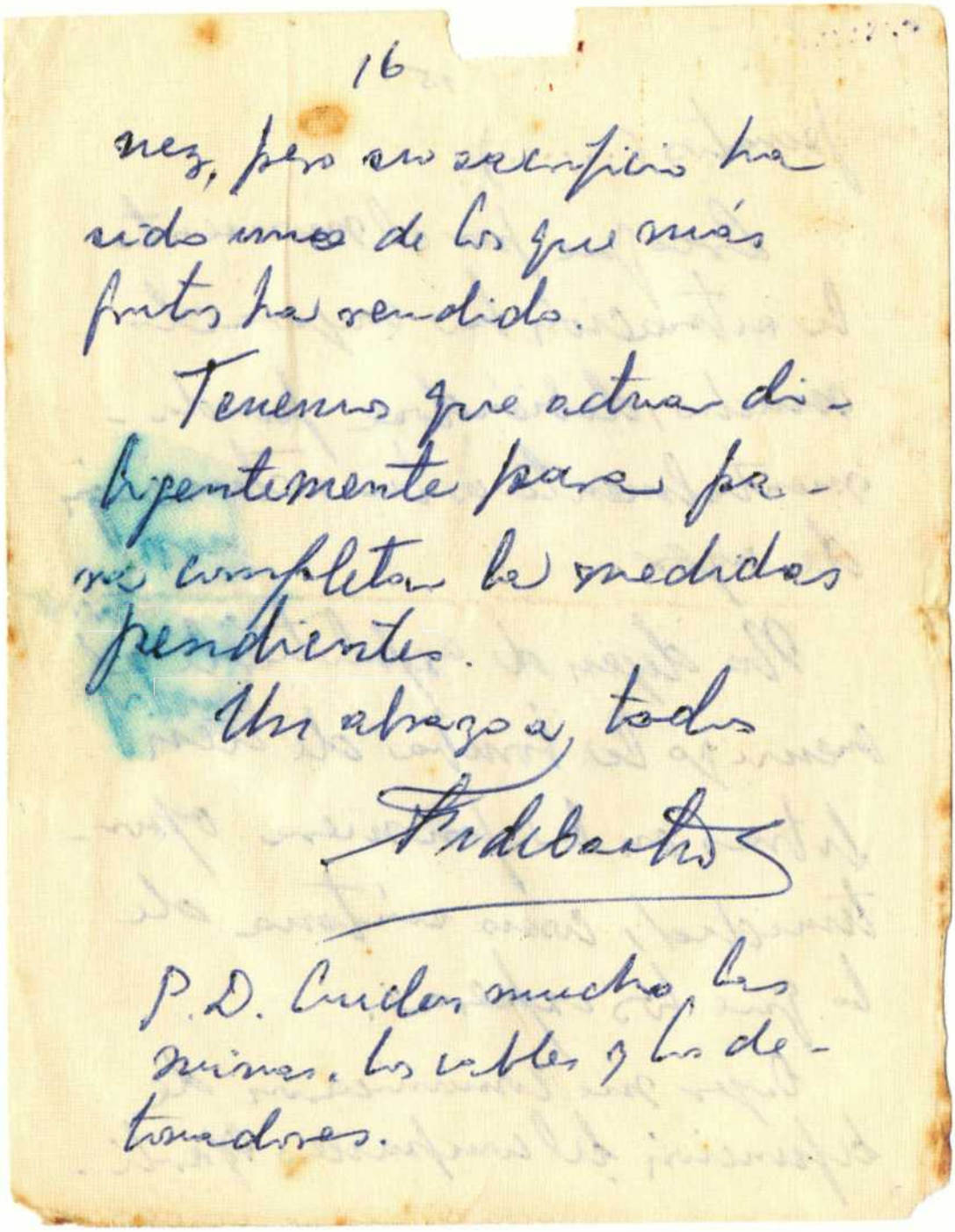
puratos (.....).

Creo que por el momento la situación ha mejorado mucho, debiéndose fundamentalmente a tu actuación de ayer.

No dejen de explotarla al enemigo la bomba de cien libras en la primera oportunidad, como síntoma de lo que los espera.

Ayer me comunicaron de la ejecución del compañero Ayala.

Третья страница.


16

vez, pero su sacrificio ha sido uno de los que más frutos ha rendido.

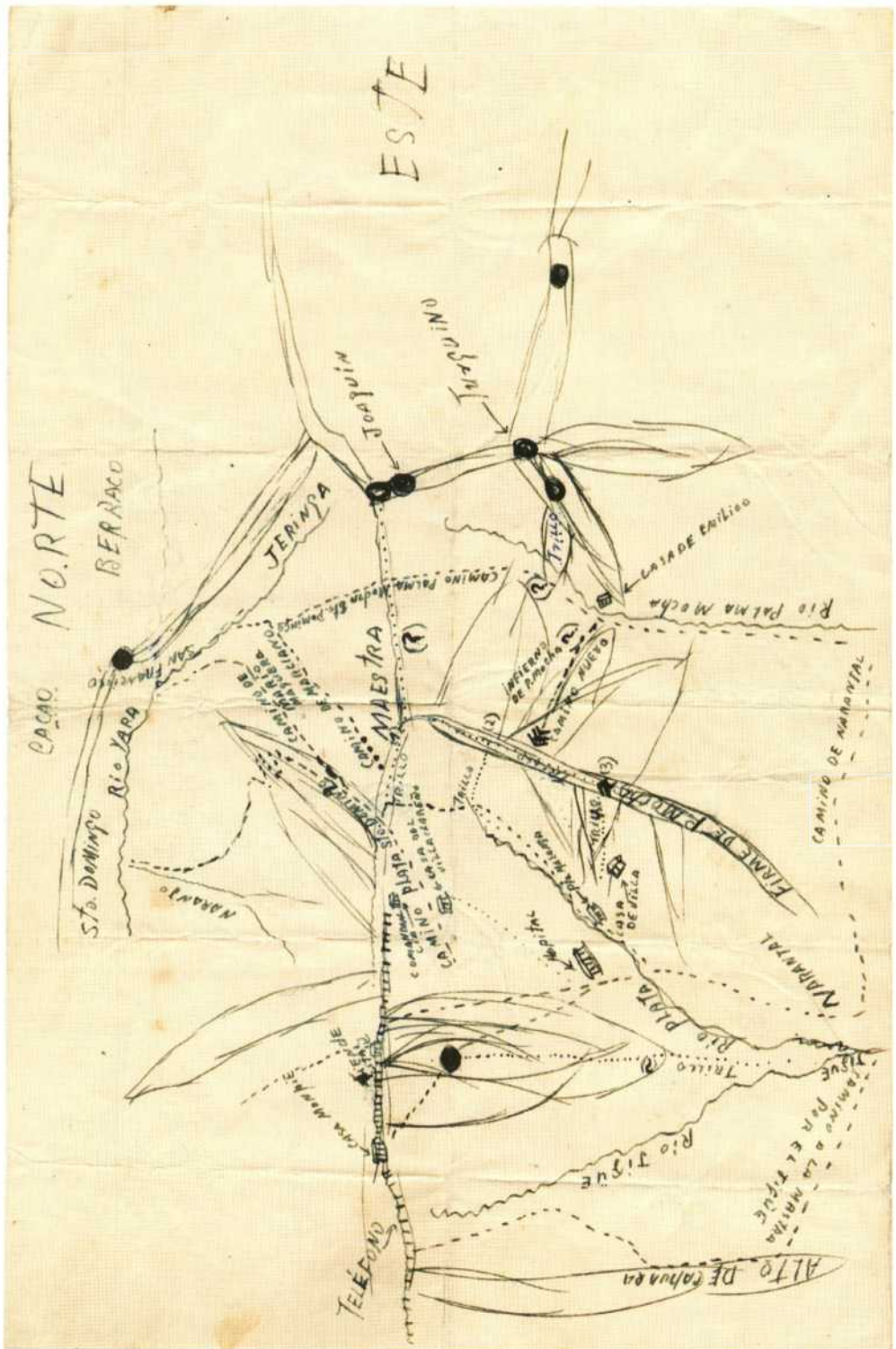
Tenemos que actuar diligentemente para poder completar las medidas pendientes.

Un abrazo a todos

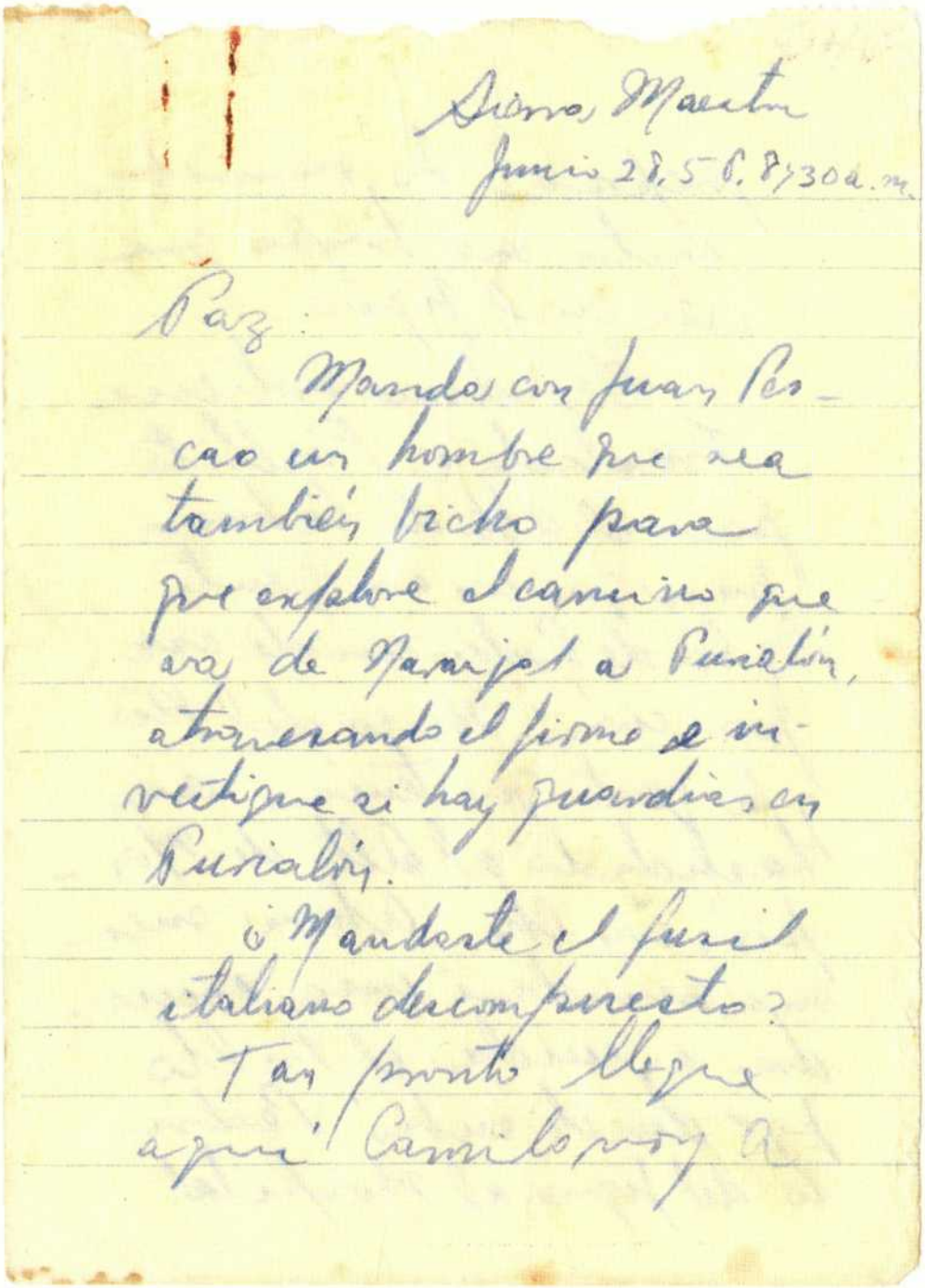
Fidel Castro

P.D. Cuiden mucho las minas. Los cables y los detonadores.

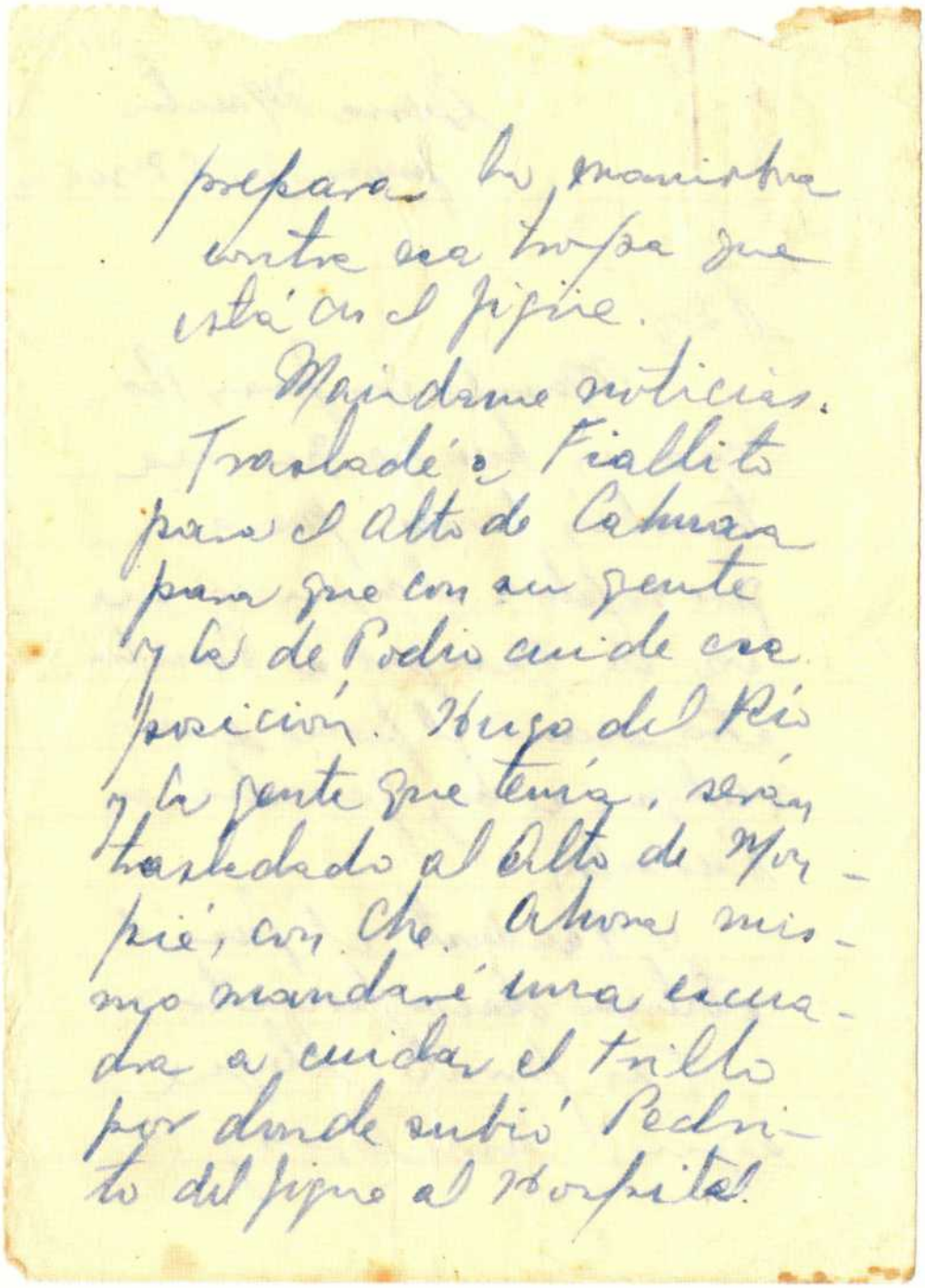
Четвертая страница.



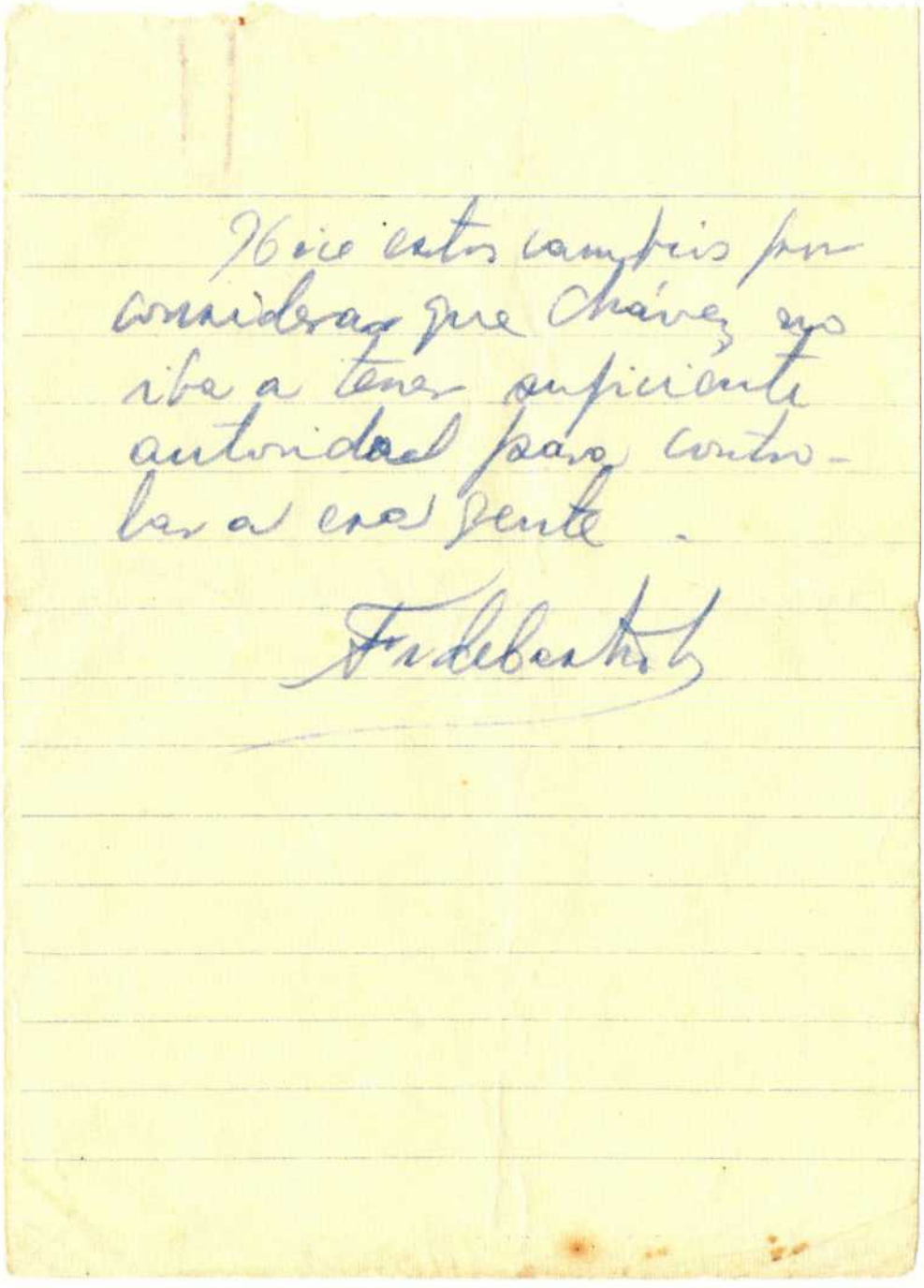
На последней странице послания капитану Пасу Фидель рисует схему зоны.



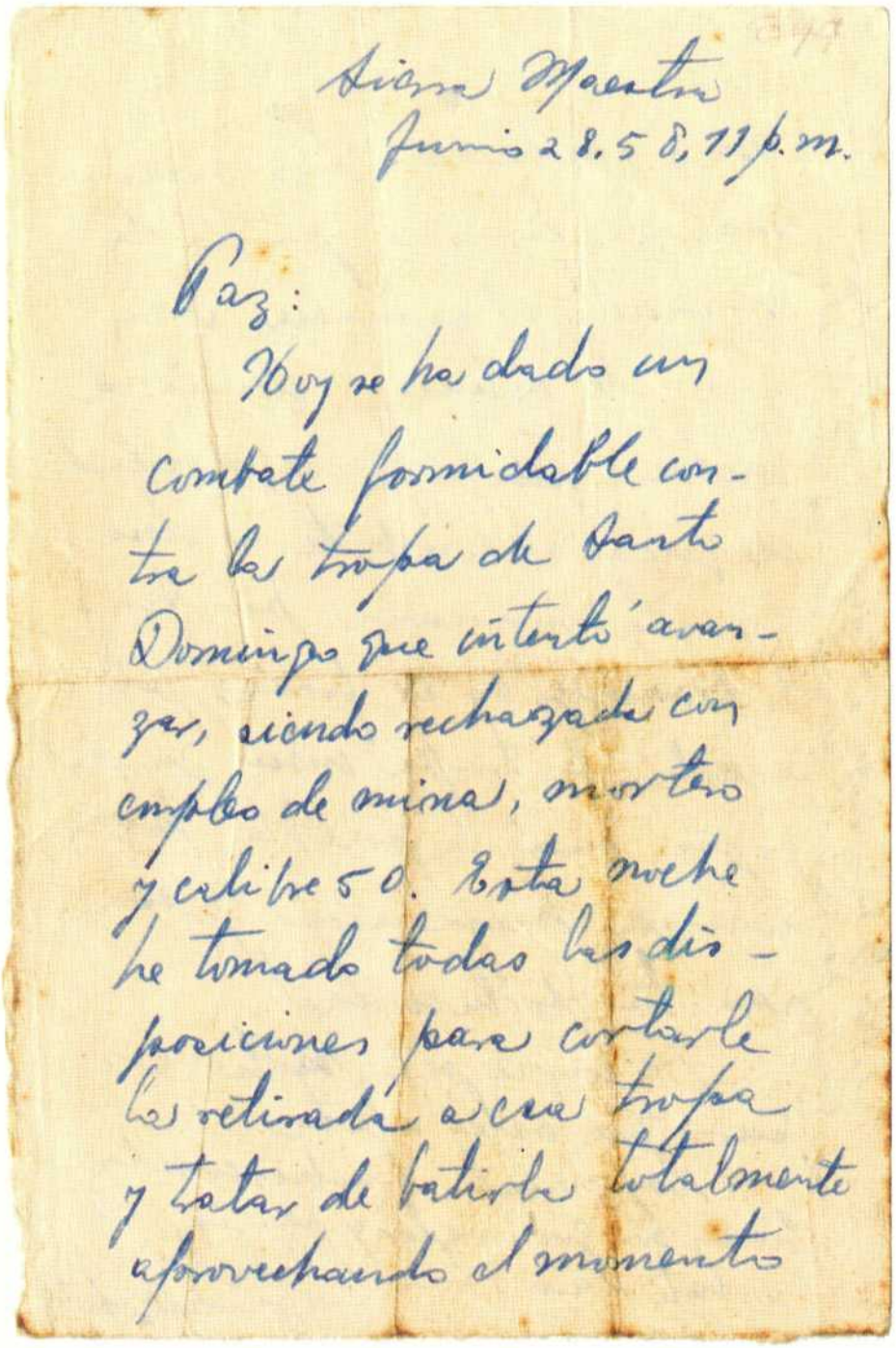
Послание команданте Фиделя Кастро капитану Рамону Пасу, в котором он сообщает ему об обновленных позициях повстанческих сил в различных пунктах и направленных инструкциях. *1958 г., 28 июня, 8.30 до полудня* (первая страница)


prepara la maniobra
contra esa tropa que
está en el pipire.
Mándame noticias.
Trasladé a Fidalito
para el alto de Cabrera
para que con su gente
y la de Pedro cuide esa
posición. Luego del Río
y la gente que tenía, serán
trasladados al alto de Mar-
pie, con Che. Ahora mis-
mo mandaré una escua-
dra a cuidar el trillo
por donde subió Pedri-
to del pipire al hospital

Вторая страница.



Третья страница.

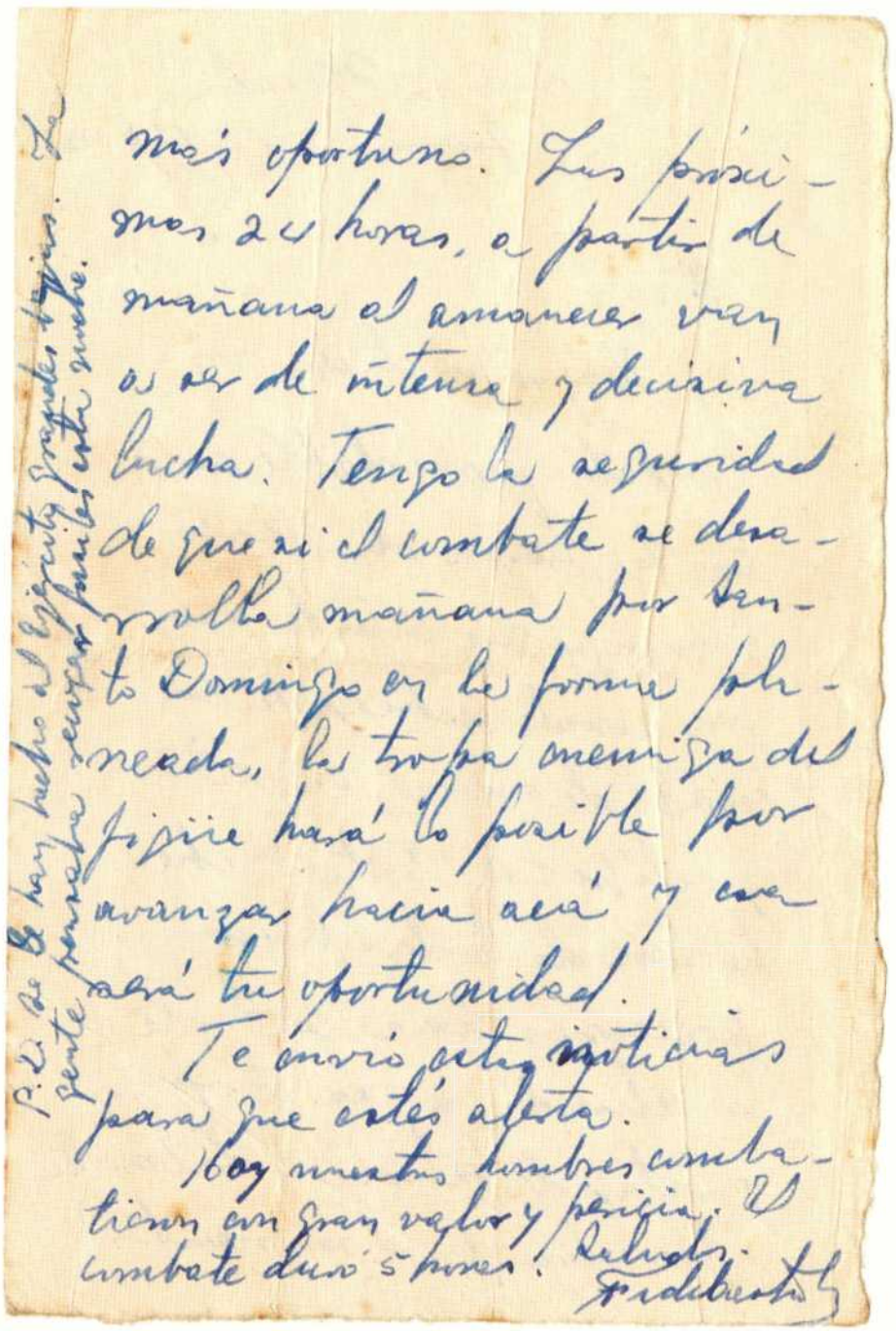


Sierra Maestra
Junio 28. 58, 11 p.m.

Paz:

Hoy se ha dado un combate formidable contra la tropa de Santo Domingo que intentó avanzar, siendo rechazada con empleo de mina, mortero y calibre 50. Esta noche he tomado todas las disposiciones para cortarle la retirada a esa tropa y tratar de batirla totalmente aprovechando el momento

Страницы послания Фиделя капитану Рамону Пасу с известием об успехе боя в Санто-Доминго и о необходимости быть начеку. *1958 г., 28 июня, 11.00 пополудни* (первая страница).



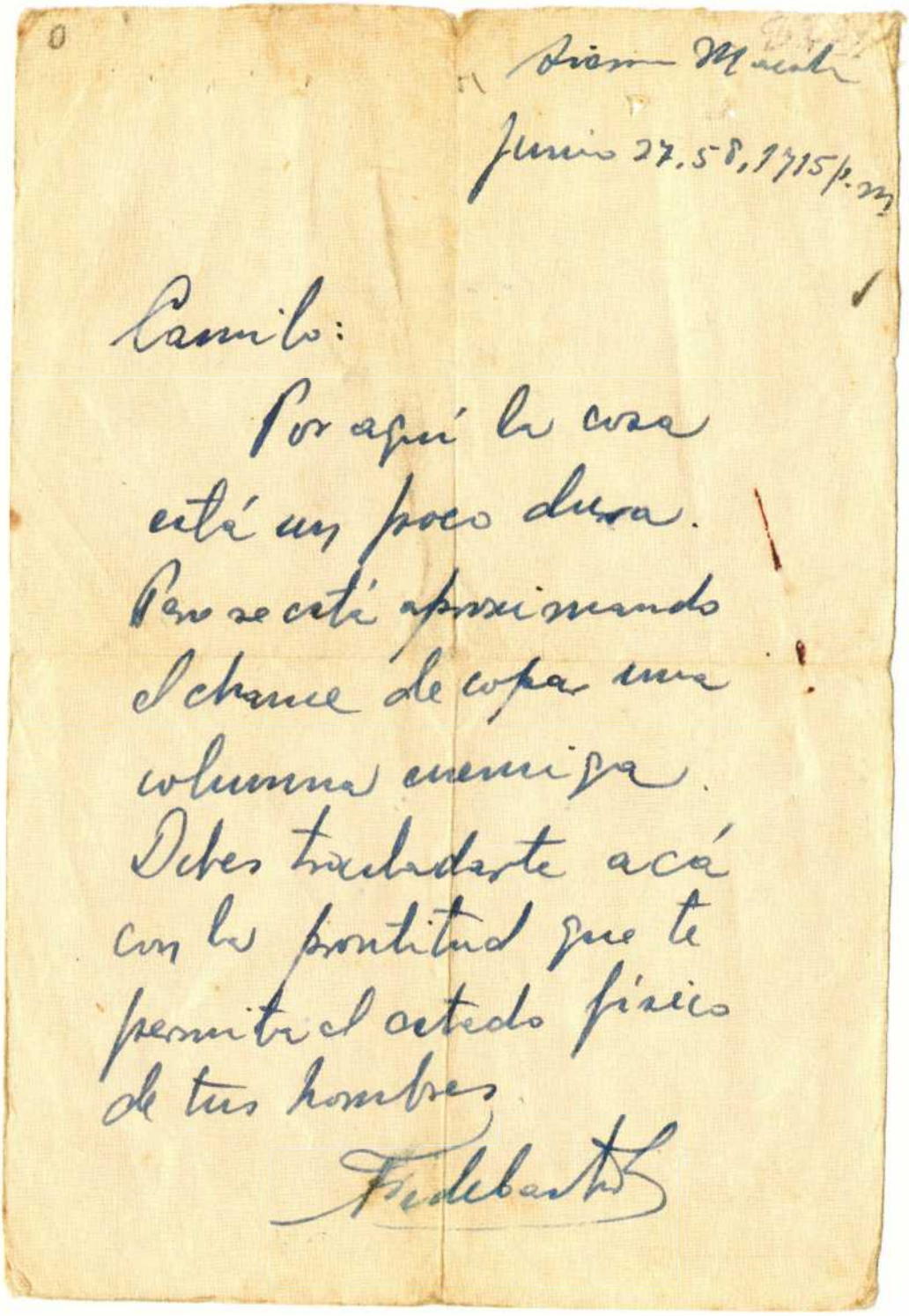
más oportuno. Les poseemos 24 horas, a partir de mañana al amanecer van a ser de intensa y decisiva lucha. Tengo la seguridad de que si el combate se desarrolla mañana por Santo Domingo en la forma planeada, la tropa enemiga del frente jamás podrá hacer lo posible por avanzar hacia acá y esa será tu oportunidad.

Te envío estas noticias para que estés alerta.

Hoy nuestros hombres combatieron con gran valor y pericia. El combate duró 5 horas! Saludos. Fidel

P.D. Se ha hecho el objetivo principal de tropas frente a nuestras posiciones este sector.

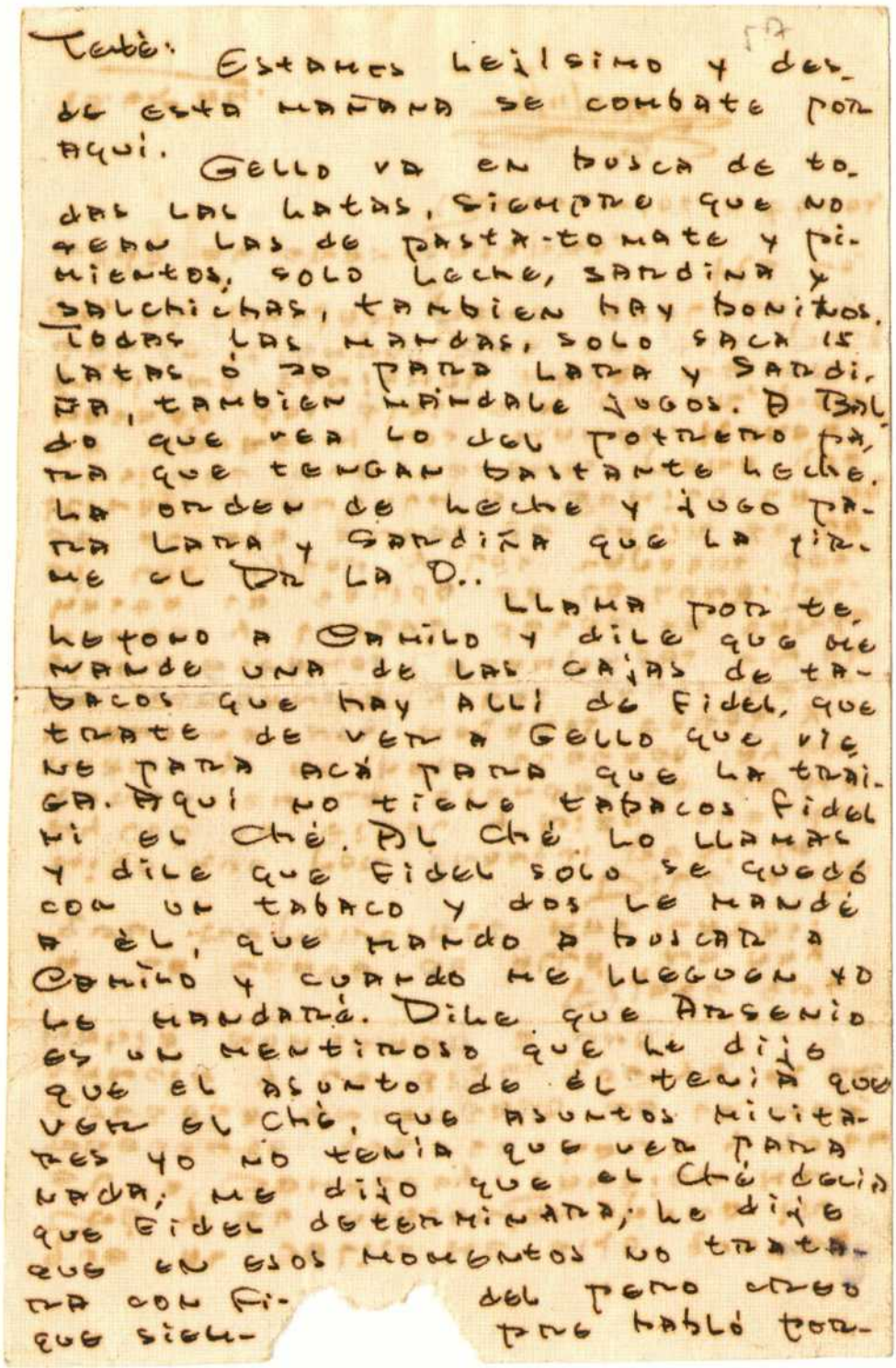
Вторая страница.



Camilo:

Por aquí la cosa está un poco dura. Pero se está aproximando la chance de coger una columna enemiga. Debes trasladarte acá con la prontitud que te permita el estado físico de tus hombres.

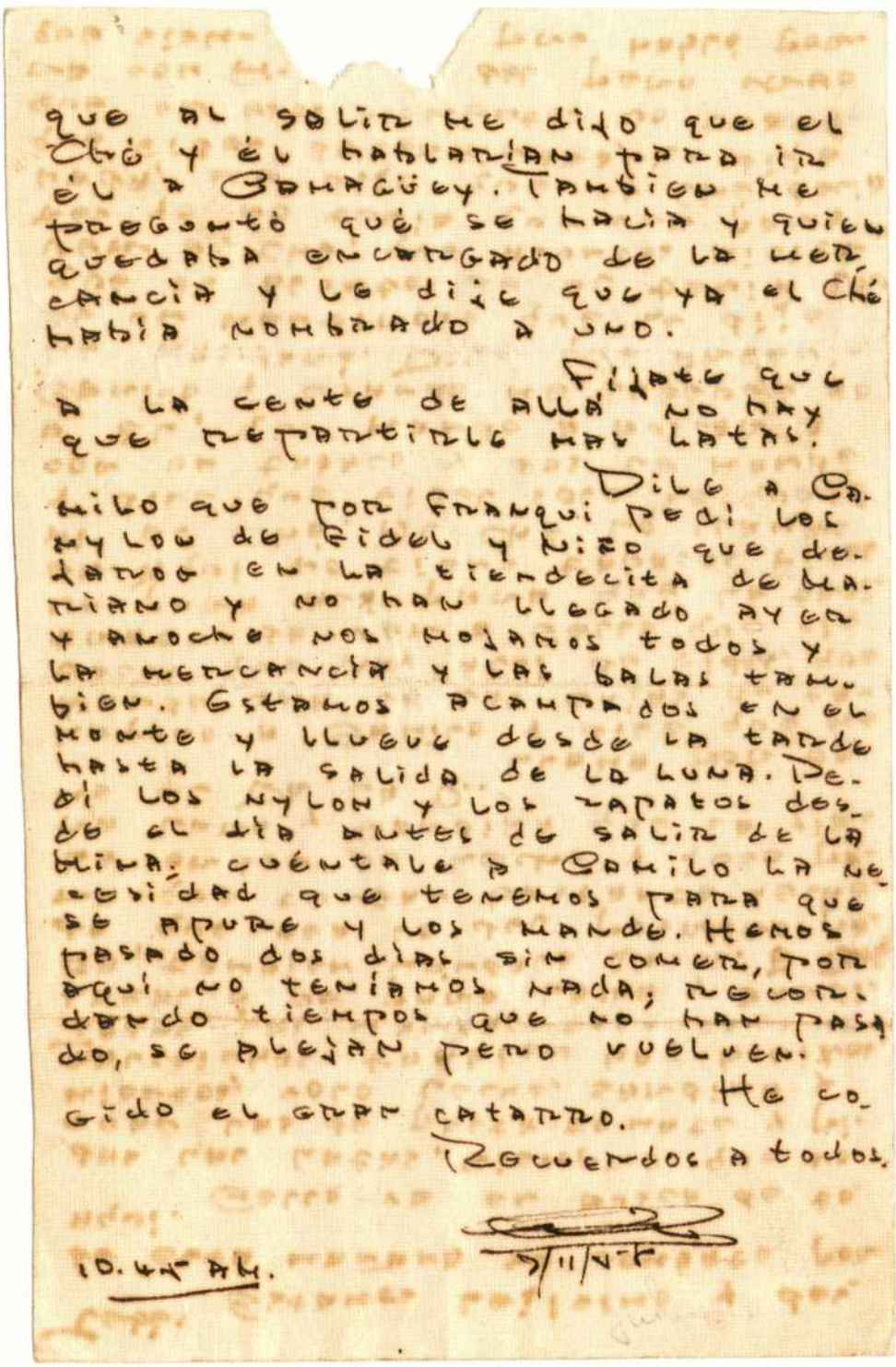
Послание Фиделя Камило, в котором он информирует о возможности нанести удар по вражеской колонне и приказывает ему переместиться в зону операции. *1958 г., 27 июня.*



Tebé: Estamos lejísimo y desde esta mañana se combate por aquí. Gello va en busca de todas las latas, siempre que no sean las de pasta-tomate y pimientos, solo leche, sardina y salchichas, también hay bonitos. Todas las mandas, solo saca 15 latas ó 20 para lata y sardina, también mándale jugos. A Baldo que vea lo del potrero para que tengan bastante leche. La orden de leche y jugo para lata y sardina que la tiene el Dr. La D..

Llama por te, le toco a Camilo y dile que me mande una de las cajas de tabacos que hay allí de Fidel, que trate de ver a Gello que vie ne para acá para que la traiga. Aquí no tiene tabacos Fidel ni el Chè. Al Chè lo llamas y dile que Fidel solo se quedó con un tabaco y dos le mandé a él, que mando a buscar a Camilo y cuando me lleguen yo le mandaré. Dile que Arsenio es un mentiroso que le dijo que el asunto de él tenía que ver con el Chè, que asuntos militares yo no tenía que ver para nada; me dijo que el Chè decía que Fidel determinara, le dije que en esos momentos no trataba con Fi- del pero creo que sien- pre habló con-

Послание Селии Тете Пуэбла, в котором она информирует о необходимости прислать нейлон и ботинки.
1958 г., 11 июля (первая страница).



que al salir me dijo que el Che y él hablarían para ir él a Camagüey. También me preguntó qué se hacía y quién quedaba encargado de la hacienda y le dije que ya el Che había nombrado a uno.

Fíjate que a la gente de allá no hay que repartirle más latas.

Dile a Camilo que por Franqui pedí los nylon de Fidel y dijo que dejamos en la tiendecita de Mariano y no han llegado ayer y anoche nos mojamos todos y la mercancía y las balas también. Estamos acampados en el monte y llueve desde la tarde hasta la salida de la luna. Pedí los nylon y los zapatos desde el día antes de salir de la selva. Cuéntale a Camilo la necesidad que tenemos para que se apure y los mande. Hemos pasado dos días sin comer, por aquí no teníamos nada; recordando tiempos que no han pasado, se alejan pero vuelven.

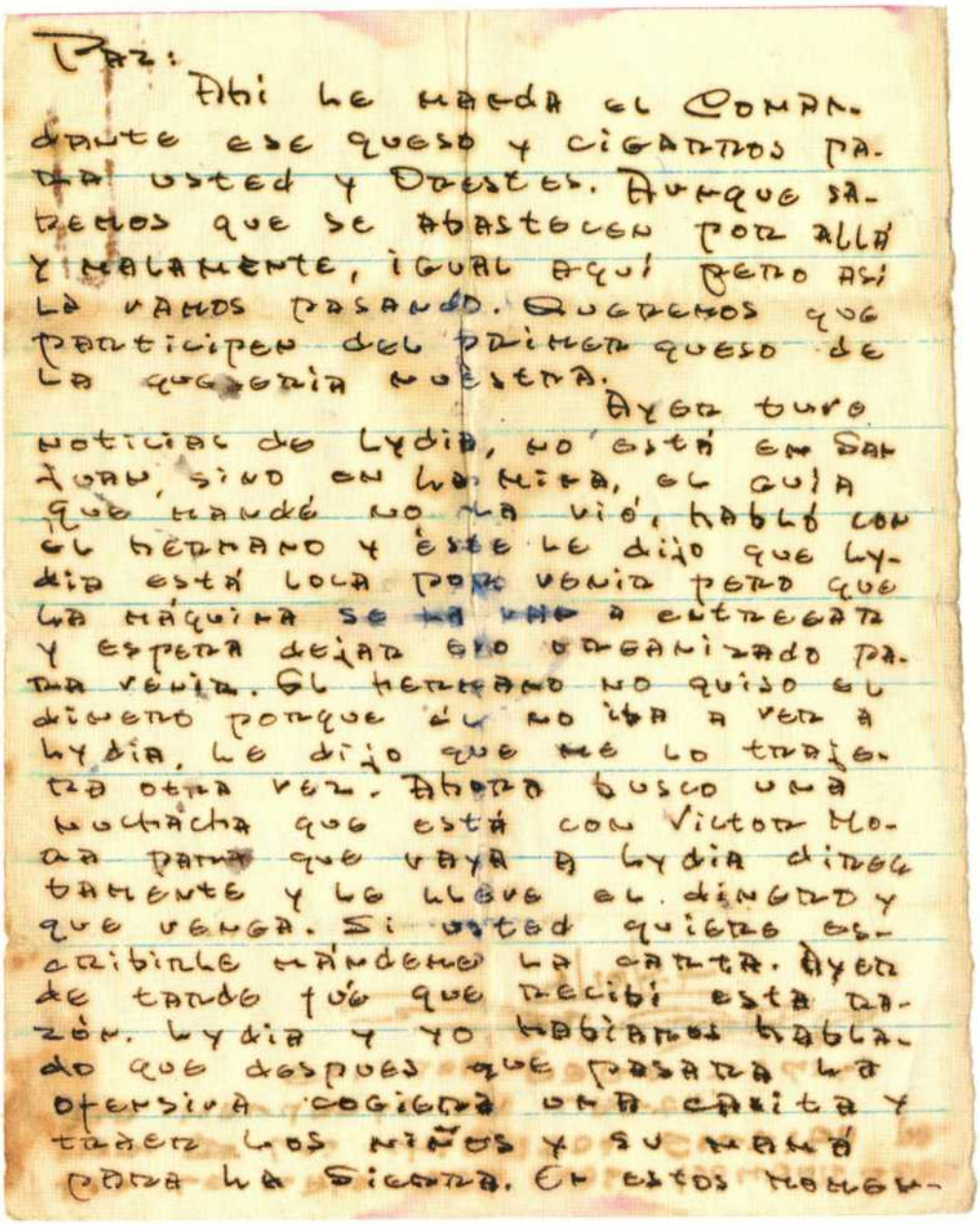
He cogido el gran catarro.

Recuerdos a todos.

10.45 AM.

5/11/57

Вторая страница.



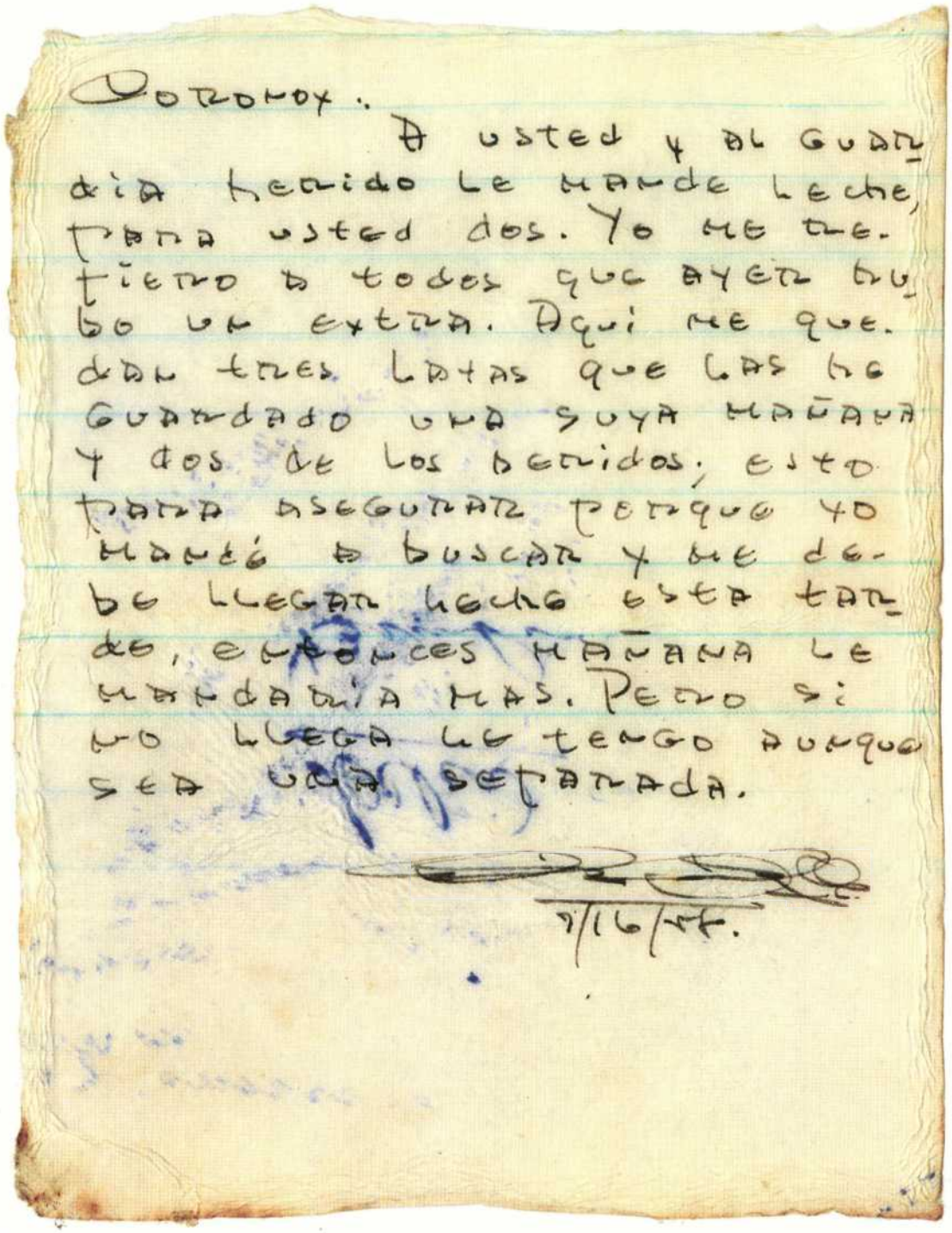
Paz:

Ahí le manda el Comandante ese queso y cigarros para usted y Duestes. Aunque sabemos que se abastecen por allá ilegalmente, igual aquí pero así la vamos pasando. Queremos que participen del primer queso de la quesería nuestra.

Ayer tuve noticias de Lydia, no está en San Juan, sino en Manzanillo, el guía que mandé no la vió, habló con el hermano y éste le dijo que Lydia está loca por venir pero que la máquina se la han ido a entregar y espera dejar eso organizado para venir. El hermano no quiso el dinero porque él no iba a ver a Lydia, le dijo que me lo trajera otra vez. Ahora busco una muchacha que está con Víctor Mora para que vaya a Lydia directamente y le lleve el dinero y que venga. Si usted quiere escribirle mándeme la carta. Ayer de tarde fué que recibí esta razón. Lydia y yo habíamos hablado que después que pasara la ofensiva cogiera una chiva y traer los niños y su mamá para la Sierra. En estos momen-

Послание Селии капитану Рамону Пасу, в котором она сообщает об отправке сыра и сигар и касается функционирования системы снабжения повстанцев. *1958 г., 12 июля* (первая страница).

Вторая страница.



Compañero:

A usted y al Guardia herido le mandé leche, para usted dos. Yo me he tenido a todos que ayer tuvo un extra. Aquí me quedan tres latas que las he guardado una suya mañana y dos de los heridos; esto para asegurar porque yo mandé a buscar y me debe llegar hecho esta tarde, entonces mañana le mandaría más. Pero si no llega le tengo aunque sea una separada.

7/16/58.

Послание Селии Браулио Кюрюно о передаче банок молока для раненого вражеского военнослужащего. *1958 г., 16 июля.*

Карты

От Алегрия-де-Пио до Синко Пальмас от 5 до 20 декабря 1956 года

Путь, пройденный экспедиционерами яхты *«Гранма»*. Группы Фиделя, Рауля и Альмейды

Условные обозначения

Группа Фиделя Кастро →

Группа Рауля Кастро Рус →

Группа Хуана Альмейды →

Временная казарма армии

Гидросамолет «Каталина»

Бомбардировщик B-26

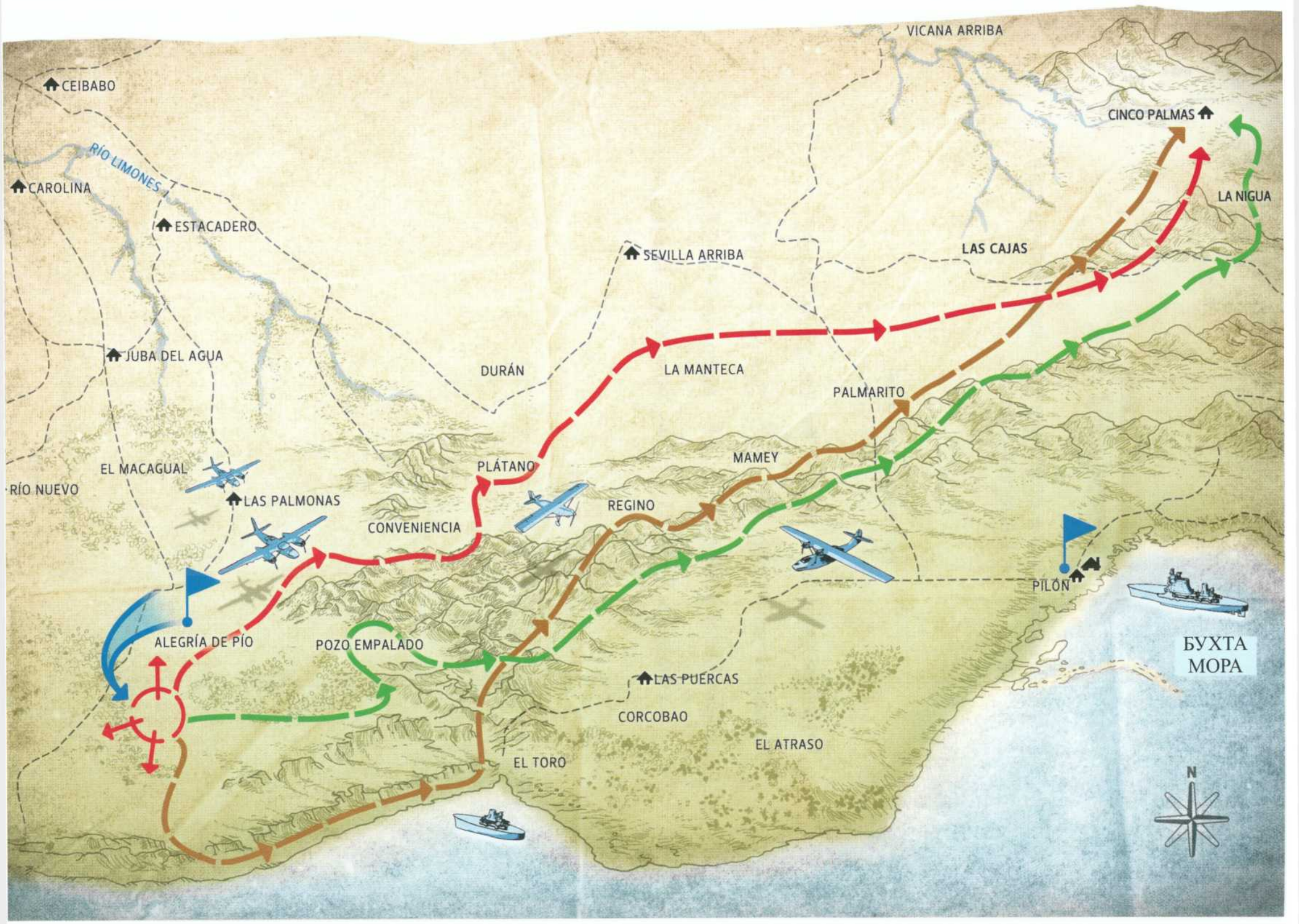
Авиетка L-20 Beaver

Фрегат F-1

Корабль береговой охраны GC-106

Поселки

Сахарные заводы

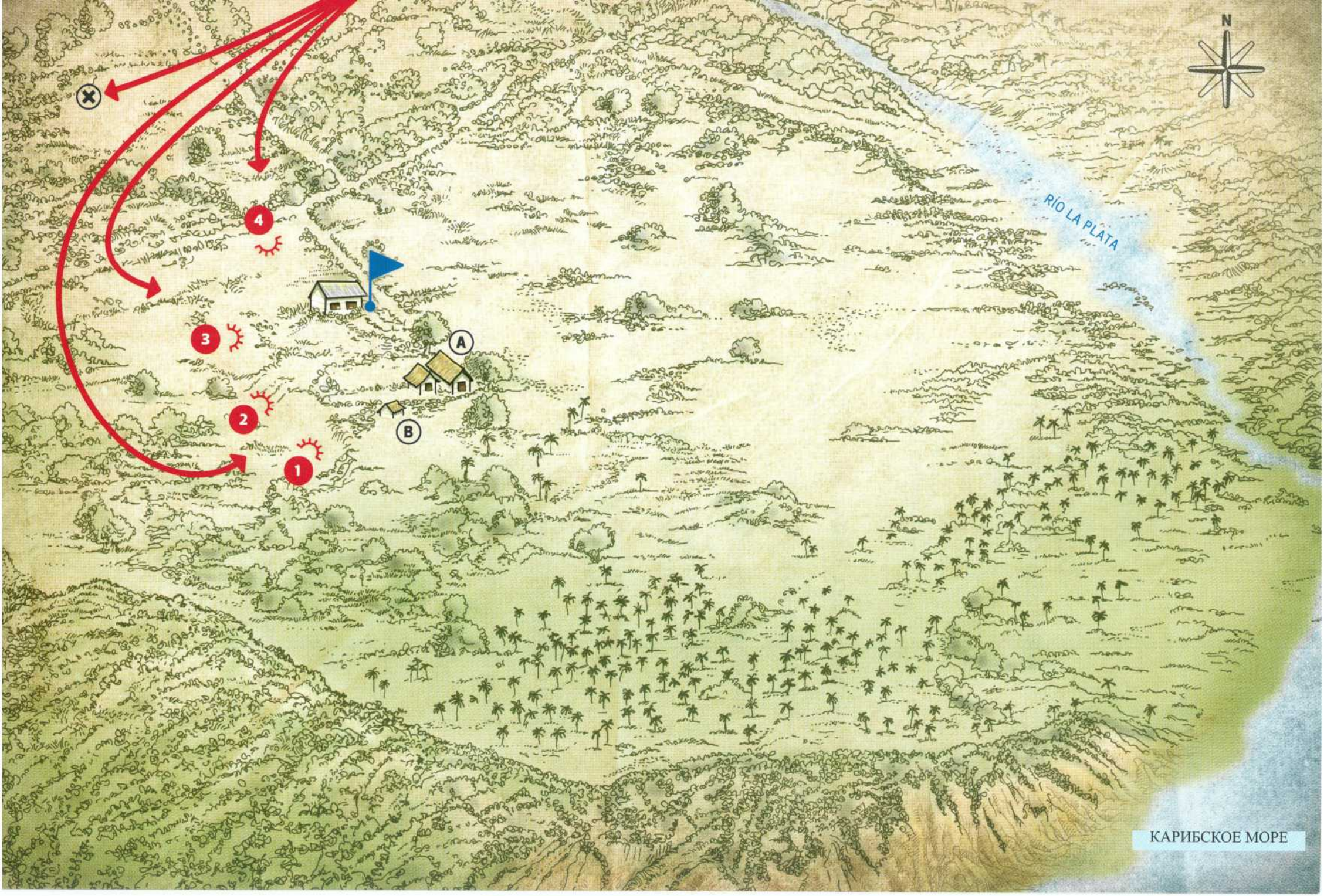

VICANA ARRIBA
CEIBABO
CINCO PALMAS
RÍO LIMONES
CAROLINA
LA NIGUA
ESTACADERO
SEVILLA ARRIBA
LAS CAJAS
JUBA DEL AGUA
DURÁN
LA MANTECA
PALMARITO
MAMEY
EL MACAGUAL
PLÁTANO
RÍO NUEVO
LAS PALMONAS
REGINO
CONVENIENCIA
PILÓN
ALEGRÍA DE PÍO
POZO EMPALADO
БУХТА
МОРА
LAS PUERCAS
CORCOBAO
EL ATRASO
EL TORO
N

Бой у Ла-Платы 17 января 1957 года

Первое победоносное действие партизан-повстанцев в Сьерра-Маэстре

Условные обозначения

- Отделение Хулито Диаса (1)
- Отделение Фиделя Кастро (2)
- Отделение Рауля Кастро Рус (3)
- Отделение Хуана Альмейды (4)
- Траншеи
- Казарма Ла-Платы
- (A) Дом Онорио Оласабаля
- (B) Склад кокосовых орехов
- Казнь убийцы Чичо Осорио


N
RÍO LA PLATA
4
3
2
1
A
B
КАРИБСКОЕ МОРЕ

Бой в Уверо
28 мая 1957 года

Свидетельство того, что партизанское повстанческое движение возмужало

Условные обозначения

Команданте Фидель Кастро

Взвод Рауля Кастро Рус 1

Взвод Хуана Альмейды 2

Отделение Камило Сьенфуэгоса 3

Отделение Эфихенио Амейхейроса 4

Отделение Эрнесто Гевара 5

Взвод Кресенсио Переса 6

Взвод Хорхе Сотуса 7

Отделение Гильермо Гарсиа 8

Винтовка-пулемет

Пулемет калибра 30

Строения деревообрабатывающего предприятия «Бабун»:

Ⓐ Дом администрации

Ⓑ Контора и склад инструментов

Ⓒ Механическая мастерская

Ⓓ Приют

Ⓔ Постоялый двор и кладовая

Ⓕ Дом Гильермо Кардеро

Ⓖ Жилища трудящихся

Ⓗ Дебаркадер для древесины

Усиленные сторожевые посты

КАРИБСКОЕ МОРЕ

N

5

H

6

4

G

3

6

E

D

C

B

A

8

1

4

5

3

2

F

2

7

1

Второй бой в Пино-Дель-Агуа 16 и 17 февраля 1958 года

В этом действии партизаны сочетали более сложные тактические приемы и передвижения

Условные обозначения

Команданте Фидель Кастро

Эрнесто Гевара 1

Пепин Кихала 2

Рауль Кастро Меркадер 3

Феликс Мендоса 4

Пако Кабрера Пупо 5

Рауль Кастро Рус 6

Эскалона Дерминио 7

Лало Сардиньяс 8

Камило Сьенфуэгос 9

Гильермо Гарсиа 10

Продвижение

Засада

Траншеи

Строения деревообрабатывающего предприятия:

- A Парикмахерская
- B Склад
- C Мастерская и конторы
- D Бензозаправочная колонка
- E Лесопильня
- F Постоялый двор

Радио для связи

Дом с солдатами

Полевые палатки

Стационарные посты

Траншеи

N

Bayamo

Yao

EL CABLE

рота 81
батальона 1

рота ЕС
подкрепления

рота 82
батальона 1

El Zapato

Peladero

La Bayamesa

PICO BAYAMESA

Hacia Uvero

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

A B C D E F

Переход колонн №6 и №3 с 1 по 11 марта 1958 года

Путь к созданию Второго и Третьего повстанческих Фронтов

Условные обозначения

Пункты отправления и назначения

Колонны №6 и №3 (путь пешком)

Колонна №6 (путь на транспорте)

Колонка 6 (путь пешком)

Города Поселки

11 марта (4:30 p.m.)
CAUTO EL PASO
LAS CUEVAS
CORNEJO
PILOTO ARRIBA
PILOTO ENMEDIO
MANGOS DE BARAGUÁ
JIMBAMBAY
JUAN MULATO
BARRANCAS
11 марта (5:30 a.m.)
BAYAMO
JIGUANÍ
VENTAS DE CASANOVA
LOS CEDROS
BAYATE
MIRANDA
SANTA RITA
BAIRE
CONTRAMAESTRE
XAVIER
PALMARITO
MONTE OSCURO
LOS PASOS
GLADYS
GUISA
CHARCO REDONDO
ALGARROBO
BUEYCITO
RIMITO
LOS NEGROS
11 марта (2:10 a.m.)
LA CAROLINA
AGUACATE
PALMA SORIANO
SAN LUIS
RAMÓN DE GUANINAO
DOS CAMINOS
BUEY ARRIBA
SAN PABLO DE YAO
MATÍAS
CAMBUTE
ALTO SONGO
CRUCE DE LOS BAÑOS
DOS PALMAS
EL CRISTO
PUERTO BONIATO
6 марта
ORO DE GUISA
LA MESETA
2 марта
4 марта
SAN LORENZO
PELADEROS
SAN MIGUEL
ALCARRAZA
PUERTO ARTURO
LA MESA
CUEVITAS
CODILLO
SIBERIA
10 марта (6 p.m.)
SANTIAGO DE CUBA
1 марта
6 марта
CHIVIRICO
3 марта
UVERO
SIBONEY
OCUJAL
N
КАРИБСКОЕ МОРЕ

Маневр, спроектированный для плана FF с февраля по май 1958 года

Планирование армии диктатуры с целью блокировать и уничтожить повстанческие силы.

Условные обозначения

Отход, предусматривавшийся для повстанческих сил

Командный пост зоны операций

Бомбардировщик B-26

Обстрел минометами

Фрегат F-1

Исходная линия

Блокирование подступов к Сьерра-Маэстре

Заключительные действия по ликвидации

Зона уничтожения

Военно-морские усиленные посты

Города Поселки Сахарные заводы Аэропорты

MUY SECRETO

REPUBLICA DE CUBA

MINISTERIO DE DEFENSA NACIONAL

EJERCITO

N

CAUTO EL PASO

CAUTO

река Kaymo

CAUTO CRISTO

LA SAL

MANZANILLO

MABAY

JULIA

BAYAMO

JIGUANÍ

SOFÍA

VEGUITAS

SANTA RITA

SALVADOR

CALICITO

YARA

ЗАЛИВ ГУАКАНАЙБО

CAMPECHUELA

GUISA

CHARCO REDONDO

BUEYCITO

SAN RAMÓN

MINAS

SANTA ISABEL

MEDIA LUNA

ESTRADA PALMA

SAN PABLO YAO

CAYO ESPINO

EL PLÁTANO

JIBACOA

NIQUERO

CIENAGUILLA

ORO DE GUISA

SANTO DOMINGO

PINO DEL AGUA

LAS MERCEDES

SANTA ANA

ALCARRAZA

SAN LORENZO

JIGÜE

BELIC

EL AJÍ

PICO TURQUINO

CHIVIRICO

OCUJAL

UVERO

PILÓN

LA PLATA

EL TORO

CABO CRUZ

КАРИБСКОЕ МОРЕ

Маневр, предпринятый для плана F-F. Май-июнь-июль 1958 года

Попытка проникнуть в повстанческую территорию с трех главных направлений в летнее наступление

Условные обозначения

Генеральное командование

Направление ударов армии тирании. Участвовали 10 000 хорошо вооруженных и оснащенных солдат

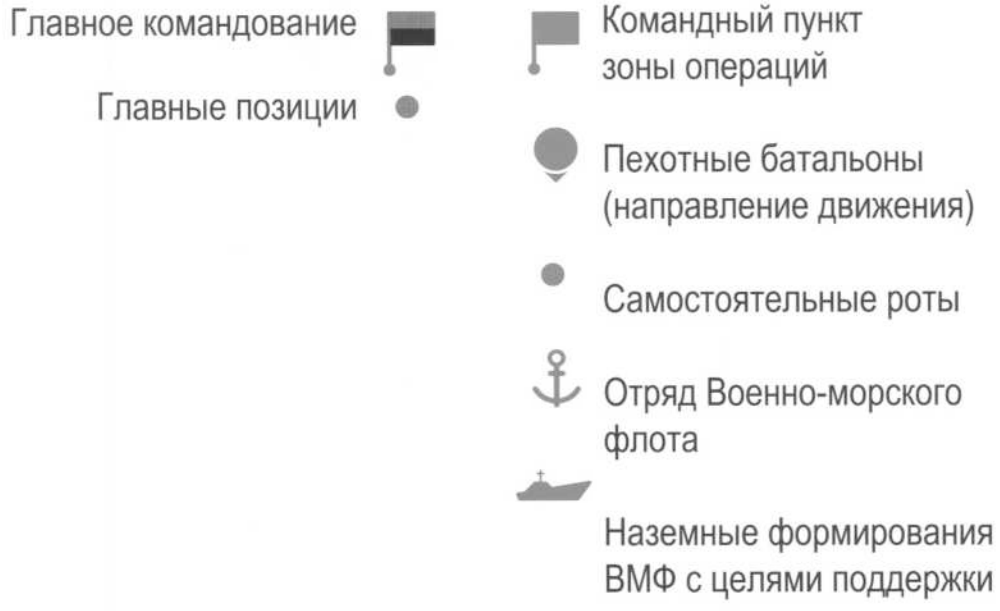
Города Поселки Сахарные заводы Аэропорты

N
ЗАЛИВ ГУАКАНАЙБО
CAUTO EL PASO
CAUTO CRISTO
CAUTO
LA SAL
MABAY
JULIA
BAYAMO
JIGUANÍ
MANZANILLO
SOFÍA
VEGUITAS
SANTA RITA
SALVADOR
CALICITO
YARA
CAMPECHUELA
GUISA
CHARCO REDONDO
BUEYCITO
SAN RAMÓN
MINAS DE BUEYCITO
ESTRADA PALMA
SANTA ISABEL
SAN PABLO YAO
CAYO ESPINO
EL PLÁTANO
MEDIA LUNA
JIBACOA
CIENAGUILLA
ORO DE GUISA
NIQUERO
LAS MERCEDES
SANTO DOMINGO
PINO DEL AGUA
SANTA ANA
ALCARRAZA
SAN LORENZO
PICO TURQUINO
BELIC
EL AJÍ
JIGÜE
CHIVIRICO
UVERO
OCUJAL
LA PLATA
PILÓN
EL TORO
CABO CRUZ
КАРИБСКОЕ МОРЕ

Позиции Повстанческой армии и противника в июне 1958 года

Расстановка противоборствующих сил в Сьерра-Маэстре в начале наступления

Условные обозначения

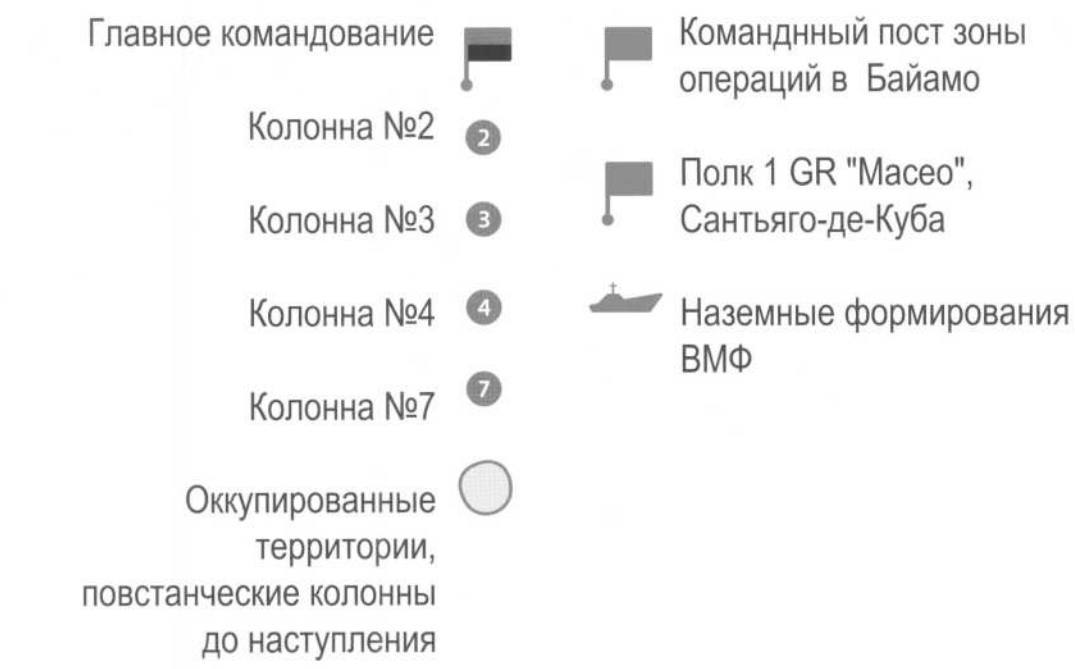


N
ЗАЛИВ ГУАКАНАЙБО
CAUTO EL PASO
CAUTO
CAUTO CRISTO
LA SAL
MABAY
JULIA
BAYAMO
JIGUANÍ
MANZANILLO
SOFÍA
VEGUITAS
SANTA RITA
SALVADOR
CALICITO
YARA
GUISA
CHARCO REDONDO
CAMPECHUELA
BUEYCITO
SAN RAMÓN
MINAS
SAN PABLO YAO
SANTA ISABEL
MEDIA LUNA
ESTRADA PALMA
CAYO ESPINO
JIBACOA
EL PLÁTANO
ORO DE GUISA
NIQUERO
CIENAGUILLA
LAS MERCEDES
SANTO DOMINGO
PINO DEL AGUA
SANTA ANA
ALCARRAZA
SAN LORENZO
JIGÜE
PICO TURQUINO
BELIC
EL AJÍ
CHIVIRICO
UVERO
OCUJAL
LA PLATA
PILÓN
CABO CRUZ
КАРИБСКОЕ МОРЕ

Стратегическая перегруппировка Повстанческой армии

Главнокомандующий сосредоточивает на Первом фронте нибольшую часть своих бойцов.

Условные обозначения



N
HOLGUÍN
TACAJÓ
DELEITE
MACEO
CACOCUM
BAGUANOS
CUETO
CAUTO EL PASO
RÍO CAUTO
RÍO CAUTO
CAUTO CRISTO
SAN GERMÁN
MARCANÉ
ALTO CEDRO
2
ЗАЛИВ ГУАКАНАЙБО
LA SAL
JULIA
BAYAMO
JIGUANÍ
MIRANDA
MANZANILLO
VEGUITAS
SANTA RITA
CONTRAMAESTRE
PALMARITO
BAIRE
SALVADOR
YARA
CHARCO REDONDO
CAMPECHUELA
CALICITO
GUISA
BUEYCITO
LOS NEGROS
PALMA
HUECA
SAN RAMÓN
ESTRADA PALMA
MINAS DE BUEYCITO
RAMÓN
DE GUANINAO
SAN LUIS
MEDIA LUNA
SANTA ISABEL
CAYO ESPINO
SAN PABLO YAO
EL PLÁTANO
MATÍAS
4
CIENAGUILLA
PURIAL
DOS PALMAS
7
ORO DE GUISA
NIQUERO
GABIRO
LAS MERCEDES
SANTO DOMINGO
PINO DEL AGUA
ALCARRAZA
3
EL COBRE
SAN LORENZO
CÉSPEDES
SANTIAGO
DE CUBA
BELIC
PICO TURQUINO
CHIVIRICO
UVERO
LA PLATA
OCUJAL
PILÓN
CABO CRUZ
EL TORO
КАРИБСКОЕ МОРЕ

Расположение повстанческих сил в конце мая-июне 1958 года

Перед угрозой вражеского наступления повстанческие силы произвели перегруппировку

Условные обозначения

Генеральное командование

1 Силы Колонны №4 и взвод Гильермо Гарсиа

2 Взвод Лало Сардиньяса

3 Силы Пако Кабрера Пупо и Феликса Дуке

4 Отделения Андреаса Куеваса, Эдди Суньола и Орасио Родригеса

5 Отделения Анхела Вердесиа и Рауля Кастро Меркадера

6 Отделения Альфонсо Сайаса и Орландо Пупо

7 Отделение Рауля Подио

8 Силы Педро Мирета, Рене Родригеса, Браулио Куруно и Сиро дэль Рио

9 Взвод Рамона Паса

10 Силы Хеонэля Родригеса, Зенена Мериньо, Виллиама Гальвеса, Хоэля Иглесиаса, Хосе Р. Сильвы, Убера Матоса и Даниэля Переса

11 Силы Лары

12 Силы Третьего фронта

13 Силы колонны №2

14 Силы колонны №7

15 Взвод Вивино Теруэля

Территория эшелонированного сопротивления

Обороняемая жизненно важная территория

Поселки

Сахарные заводы

BAYAMO
GUISA
BUEYCITO
CANABACOA
река Ява
река Буеи
река Яао
CAYO ESPINO
ESTRADA PALMA
BUEY ARRIBA
SAN PABLO DE YAO
река Хидакоа
CERRO PELADO
SAN MIGUEL
1
CANEY
EL MACÍO
VEGA GRANDE
LA ESTRELLA
NAGUAS
PURIAL
SAO GRANDE
LOS LIRIOS
BANCO
EL ORO
12
CIENAGUILLA
5
LA HERRADURA
YAREY
CAÑA BRAVA
PROVIDENCIA
EL CACAO
CALIFORNIA
LAS MERCEDES
EL SALTO
3
EL BRAZÓN
7
SANTO DOMINGO
6
4
GABIRO
PUEBLO NUEVO
11
VEGAS
13
14
SAN LORENZO
река Яра
2
O TURQUINO
LA PATA
LA HABANITA
LA MESA
MINAS DE FRÍO
MOMPIÉ
LA PLATA
MERIÑO
CAMARONCITO
PINO DEL AGUA
MAR VERDE
SANTIAGO
DE CUBA
AJÍ VIEJO
река Магдалена
река Ла-Плата
река Плата Мока
PICO CARACAS
JIGÜE
9
15
EL AJÍ
PURIALÓN
LAS CUEVAS
10
UVERO
15
OCUJAL
PALMA MOCHA
8
14
LA PLATA
EL MACHO
MAGDALENA
N
КАРИБСКОЕ МОРЕ

Начало действий в направлении Эстрада Пальма-Лас-Мерседес

25 мая 1958 года началось вражеское наступление против Повстанческой армии.

Условные обозначения

Команданте Фидель Кастро

Отделение Анхела Вердесиа, подкрепленное тремя бойцами отделения Рауля Кастро Меркадера 1

Взвод Рауля Кастро Меркадера 2

Взвод Андреса Куэваса 3

Взвод Орасио Родригеса 4

Взвод Эдди Суньола 5

Взвод Альфонса Сайаса 6

Школа новобранцев под командованием Эрнесто Гевара

Траншеи

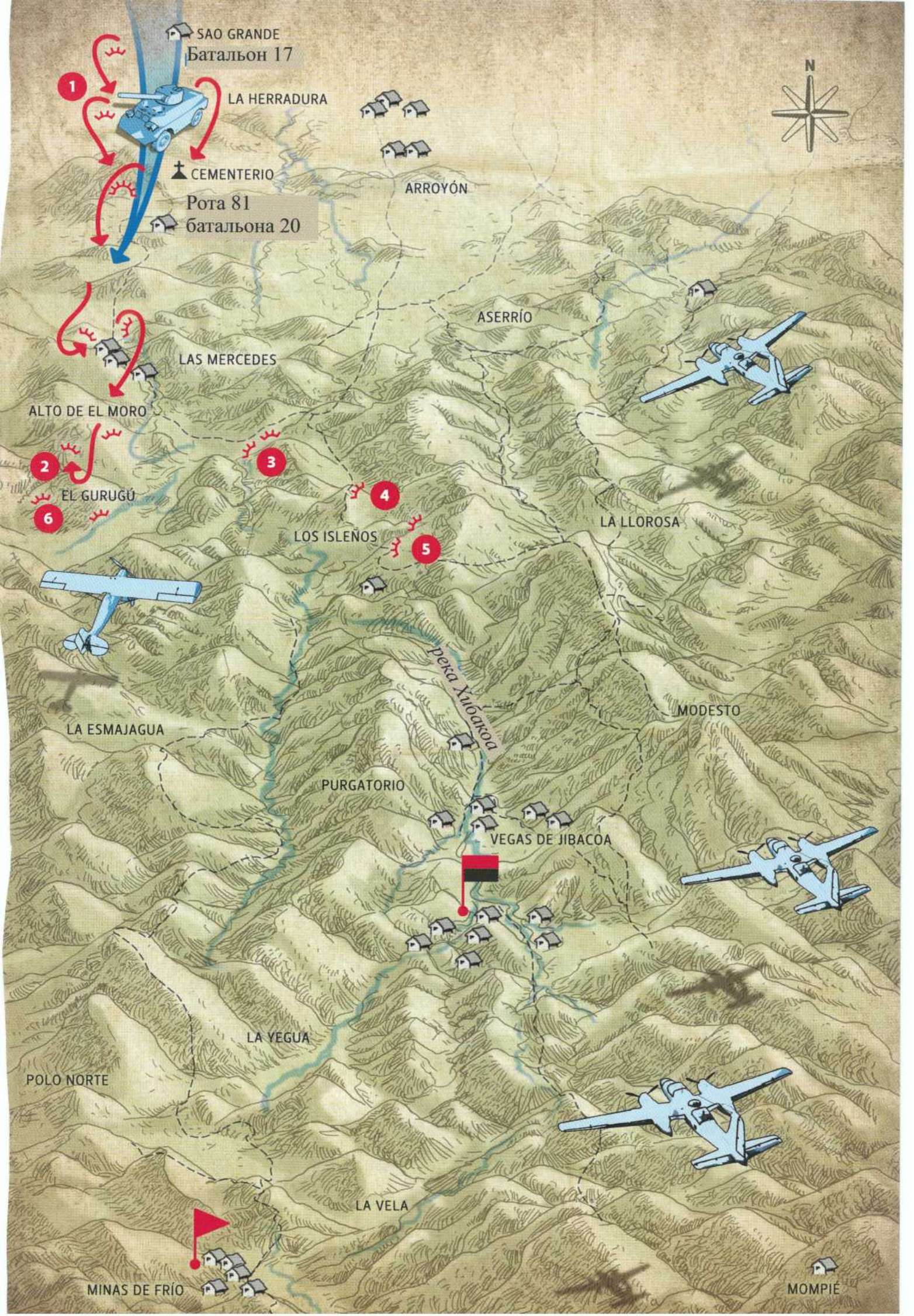
Танковый взвод (3 танкетки Т-17)

Бомбардировщик B-26

Авиетка L-20 Beaver

Поселки

Кладбища


SAO GRANDE
Батальон 17
LA HERRADURA
CEMENTERIO
Рота 81
батальона 20
ARROYÓN
ASERRÍO
LAS MERCEDES
ALTO DE EL MORO
EL GURUGÚ
LOS ISLEÑOS
LA LLOROSA
река Хибакоа
LA ESMAJAGUA
MODESTO
PURGATORIO
VEGAS DE JIBACOA
LA YEGUA
POLO NORTE
LA VELA
MINAS DE FRÍO
MOMPIÉ
N
1
2
3
4
5
6

Высадка Кеведо
10 июня 1958 года

Прелюдия серьезной угрозы для повстанческого партизанского движения с юга

Условные обозначения

Взвод Рамона Паса 1

Отделение Уго дель Рио 2

Отделение Вививо Теруэля 3

Взвод Андреса Куэваса 4

Педро Мирет, Браулио Кюрюно и Рене Родригес 5

Пулемет 30-го калибра

Повстанческие траншеи

Высадка, разведка и продвижение батальона 18

Отвод, отход и обратное погружение батальона 18

Бомбардировщик B-26

Истребитель-бомбардировщик F-47

Гаубицы 75 мм

Фрегат

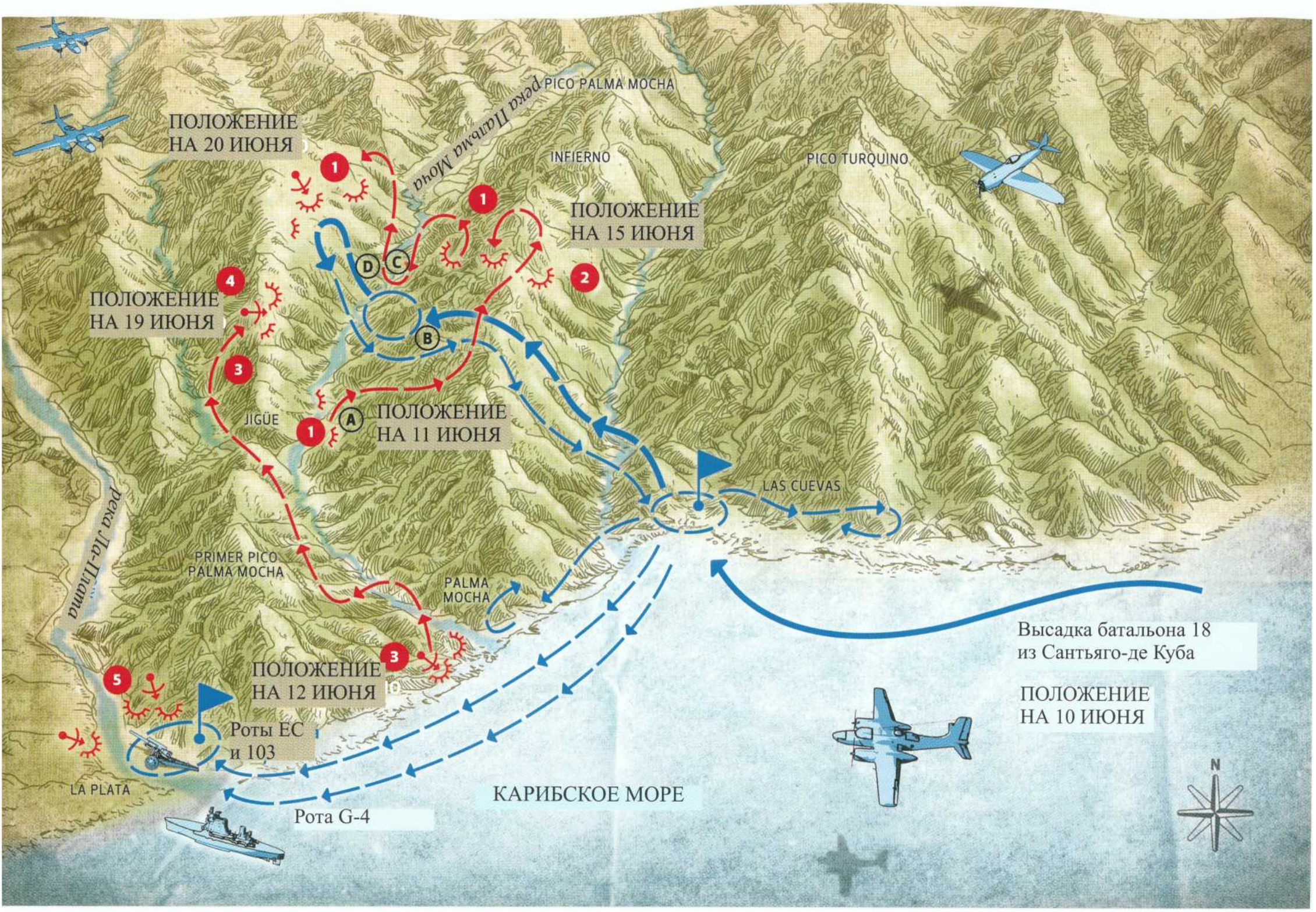
Дома крестьян:

Агриппино Кордеро (A)

Эсуарины Диас (B)

Филиберто Моры (C)

Грассилиано Йерресуэло (D)


ПОЛОЖЕНИЕ
НА 20 ИЮНЯ
ПОЛОЖЕНИЕ
НА 19 ИЮНЯ
ПОЛОЖЕНИЕ
НА 15 ИЮНЯ
ПОЛОЖЕНИЕ
НА 11 ИЮНЯ
ПОЛОЖЕНИЕ
НА 12 ИЮНЯ
ПОЛОЖЕНИЕ
НА 10 ИЮНЯ
Высадка батальона 18
из Сантьяго-де Куба
Роты EC
и 103
Рота G-4
КАРИБСКОЕ МОРЕ
PICO PALMA MOCHA
INFIERNO
PICO TURQUINO
LAS CUEVAS
JIGÜE
PRIMER PICO
PALMA MOCHA
PALMA
MOCHA
LA PLATA
Река Ла-Плата
Река Палма Моча
A
B
C
D
1
2
3
4
5
N

Первая битва у Санто-Доминго 28, 29 и 30 июня 1958 года

Бои в Пуэбло Нуэво и Каса-де-Паедра, важная победа партизан

Условные обозначения

Команданте Фидель Кастро

Гильермо Гарсиа 1

Рейнальдо Мора 2

Андрес Куэвас 3

Лало Сардиньяс 4

Зенен Мерино 5

Аламо Перес 6

Родригес Geonel 7

Браулио Curuneaux 8

Рене Рамос Латур 9

Каликсто Гарсиа 10

Камило Сьенфуэгос и Феликс Дуке 11

Хубер Матос 12

Смерть Хеонеля Родригеса и Карлоса Маса

Повстанческие траншеи

Пулемет 50-го калибра

Громкоговорители

Ⓐ Дом Лукаса Кастильо

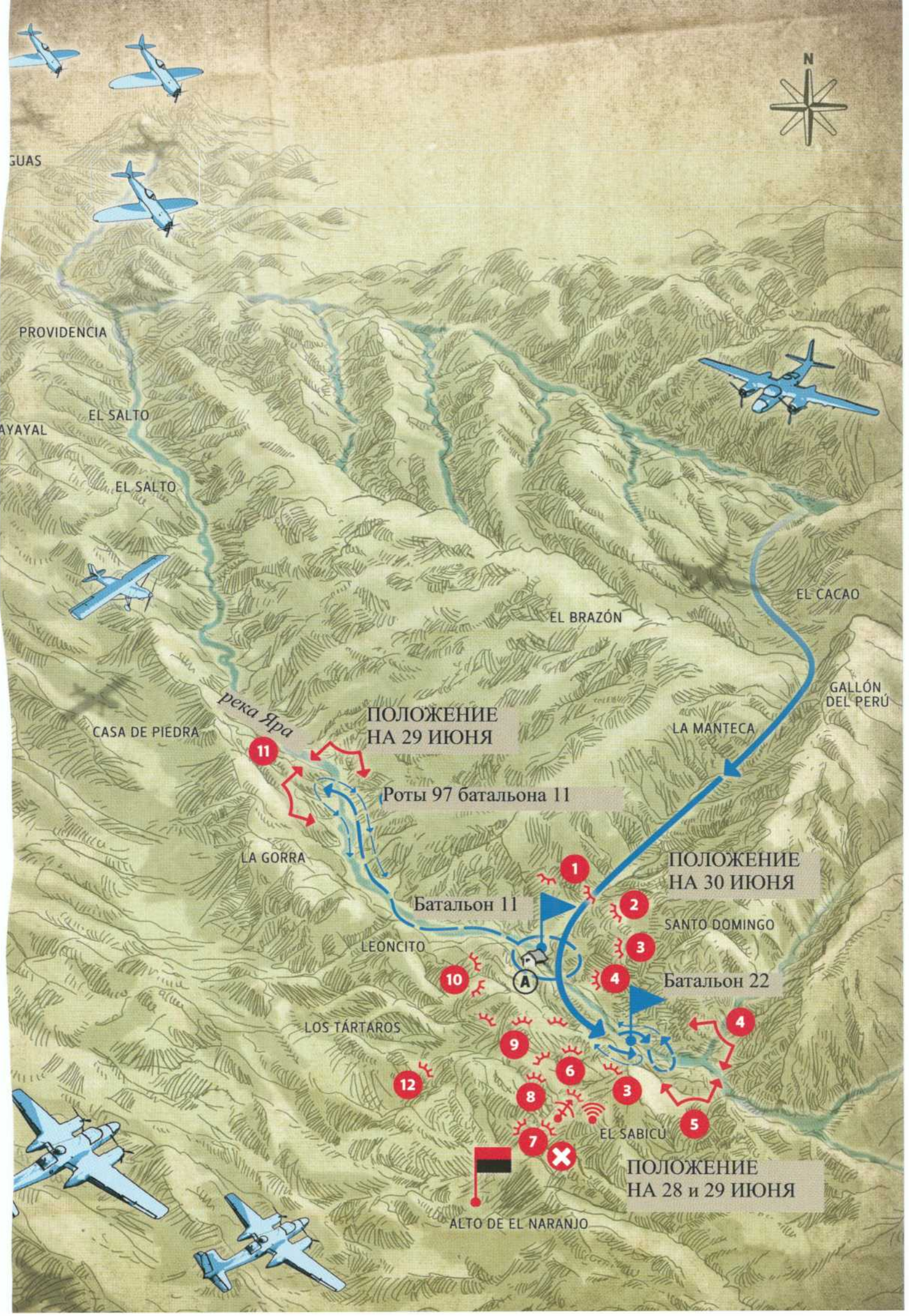
Движение войск

Отход войск

Бомбардировщик B-26

Истребитель-бомбардировщикF-47

Авиетка L-20 Beaver


N
GUAS
PROVIDENCIA
EL SALTO
AYAYAL
EL SALTO
EL BRAZÓN
EL CACAO
GALLÓN DEL PERÚ
LA MANTECA
CASA DE PIEDRA
река Яра
ПОЛОЖЕНИЕ НА 29 ИЮНЯ
Роты 97 батальона 11
LA GORRA
ПОЛОЖЕНИЕ НА 30 ИЮНЯ
Батальон 11
SANTO DOMINGO
LEONCITO
Батальон 22
LOS TÁRTAROS
EL SABICU
ПОЛОЖЕНИЕ НА 28 и 29 ИЮНЯ
ALTO DE EL NARANJO
A
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

15

Повстанческий тыл

В этом рассказе о крупном вражеском наступлении обязательно должна быть глава, посвященная усилиям тылового аппарата наших военных действий, деятельность которого, без сомнения, была одним из источников нашей победы.

Раньше я уже говорил, что в работе тыла решающую роль сыграла Селия. Благодаря ей и ее сотрудникам я часто мог освобождаться от тысячи мелочей, которые способствовали лучшему исполнению задач нашими формированиями в военном плане, и сосредоточить внимание на стратегических и тактических аспектах операции.

Существенной проблемой, которую должен был решить наш тыловой аппарат, пожалуй, самой важной, было обеспечение поставок, необходимых как для поддержания боевых действий – оружия, патронов и других военных припасов, так и продовольствия и иных вещей – одежды, обуви и снаряжения.

Что касается оружия, моя озабоченность не была столь велика. Жизнь и опыт борьбы в Сьерре продемонстрировали – и сделали это более ясным во время наступления, что главным поставщиком оружия всех типов являлся враг, у которого мы вырывали оружие в бою.

После действий в первой битве в Санто-Доминго мы значительно увеличили свой арсенал, вновь нарастили

его ощутимо после победы в Хигуэ и в заключительных действиях нашего контрнаступления. Таким образом, приобретение оружия не было приоритетным делом для нашего тыла.

Тем не менее, поскольку никогда не оказывалась лишней любая помощь в этом отношении, я не переставал настаивать перед нашими организациями за рубежом, чтобы они продолжали прилагать усилия к собиранию оружия и боеприпасов.

Думая о приеме тех, кто прибудет к нам воздушным путем, мы устроили авиационную площадку, названную Альфа, на реке Ла-Плата. Я даже оповестил их, что в случае, если Альфа будет захвачена армией тирании, всегда оставалась возможность продолжать доставку оружия партизанам в какой-то пункт в горах, не занятый врагом. Правда, однако, что во время всего наступления мы не получили ни одной партии оружия из-за границы. Хватало того, что мы захватили в бою.

В общем, не стало большой заботой добыть патроны, так как нашим главным поставщиком был опять-таки враг. Однако для меня фундаментальное значение имело сбережение патронов. На этих страницах отражена важность, которую я придавал экономии боезапасов, и большое раздражение, которое у меня вызывало чрезмерное и бесполезное расходование патронов, допускаемое иногда некоторыми бойцами.

Например, 5 июня я написал Селии:

> «Думаю, что планы обороны довольно далеко продвинулись вперед. Проблема, которая меня на сегодня больше заботит, это то, что люди не осознают, что при осуществлении непрерывной и эшелонированной обороны нельзя выстреливать за два часа патроны, которых должно хватить на месяц.
>
> Единственное, что мне остается делать, так это хорошенько хранить те, что у меня остались, и не давать

> больше ни одного патрона никому, пока это не станет вопросом жизни или смерти из-за того, что ни у кого не останется ни одного патрона. Помнишь день, когда мы направились повидаться с Орасио [Родригесом], на второй день боя в Лас-Мерседес и услышали стрельбу из винтовок? Так вот: за эти пятнадцать минут только Рауль Кастро [Меркадер] произвел тридцать выстрелов из своей винтовки. Я не устаю настаивать на этой проблеме, которая поистине является нашей "ахиллесовой пятой"».

Мое навязчивое внимание к этой проблеме дошло до того, что я решил создать в Ла-Плате центральный резерв патронов, которым распоряжался лично. Одна из задач, которую выполнял Рамиро во время значительной части наступления, – быть администратором этого резерва с четкими инструкциями не выдавать ничего без моего разрешения. Эта моя скупость была понята не всеми подчиненными командирами, но многие другие, как Че, сознавали, что столь крайняя строгость в деле использования боезапаса была необходимой политикой.

На этих страницах я цитировал высказывания, свидетельствующие об озабоченности, которую я выражал по этому поводу, например, Браулио Кюрюно, который часто мне представлял сводку о точном количестве патронов, использованных в бою, и с большой точностью о тех, что оставались. И это Кюрюно, прекрасный боец и мастер рационального и эффективного применения пулемета 50-го калибра – нашей единственной «артиллерии», пока мы не достали минометов и базук, которые за самыми редкими исключениями были образцом строгой экономии боезапаса. В чем должна была отличаться наша тыловая служба, так это в обеспечении снабжением другого рода, особенно продовольственного.

Я уже упоминал, что в предвидении наступления мы создали в поселке Хименес, около Ла-Платы, на ферме

сотрудничавшего с повстанцами Радамеса Чарруфа, фабрику вяленого мяса «Лавочка в Хименесе» под руководством бойца Хельо Анхели́са. Действовала она во время всего наступления, даже когда проникновение с юга батальона 18 привело врага очень близко к Хименесу. Благодаря постоянному отбору и транспортировке скота под бомбардировками и шрапнельным обстрелом вражеской авиации производство и поставка вяленого мяса нашим силам на первых линиях боя никогда не прекращалась.

То же самое можно сказать о производстве сыра, организованном Селией в различных пунктах территории, и его распределении среди наших бойцов. Свидетельство налаженного производства молочных продуктов содержится в послании, направленном Селией 12 июля с высоты Кауара Рамону Пасу (см. документ на с. 393), который в тот момент занимал позиции в Пуриалоне в ожидании подкрепления, которое должно было прийти на помощь вражеским войскам, осажденным в предыдущие дни в Хигуэ:

> «Команданте направляет этот сыр, а также сигары для Вас и Орестеса [Герры]. Хотя знаем, что снабжение там у вас, как и здесь, плохонькое, но что поделаешь. Хотим, чтобы отведали первый сыр из нашей сыроварни».

Также из дней битвы при Хигуэ и тоже касательно молока, другое показательное послание от Селии Кюрюно (см. документ на с. 403), который в тот момент находился на первой линии боя с целью окружения войск, осажденных в этом месте:

> «Вам и раненому правительственному солдату послала молоко, для Вас две [банки]. Здесь у меня остаются три банки, которые я сохранила, одна ваша на завтра и две раненым. Это про запас, потому что я запросила

и мне должны доставить молоко сегодня, тогда пришлю еще. Но если не доставят, то для Вас у меня есть хотя бы одна отложенная банка».

Благодаря распорядительности Селии и ее строгому и организованному управлению снабжением наши скуднейшие ресурсы распределялись в соответствии с приоритетными нуждами каждого момента. И раз я уже упомянул банки сгущенного молока, должен сказать, что в нашем ограниченном продовольственном снабжении это был один из предметов, который пользовался особым спросом. Сгущенное молоко по своей энергетической ценности и столь ценимому вкусу было для нас продуктом роскоши, и его распределение осуществлялось по моему личному указанию. Один пример: в предвидении тяжелого пешего перехода, который должны были совершить люди Лало Сардиньяса из окрестностей Санто-Доминго, когда я приказал Лало переместиться, не теряя времени, в Мериньо, чтобы довершить окружение войск, проникших в это место, я послал Селии указание вручить каждому из бойцов взвода Лало две банки сгущенного молока. Без этого моего личного указания никакого сгущенного молока самоотверженным бойцам взвода Лало не получить бы.

Другим стратегическим продуктом, который должен был обеспечить наш тыл, стала соль. Мы нуждались в ней не только для нормального потребления наших продуктов, но также для функционирования «лавки вяленого мяса» и даже для работы маленькой кожевенной фабрики, которую нам тоже удалось создать. Напомню, что в предвидении наступления Селия организовала производство достаточного количества соли в разных пунктах побережья. Некоторые из этих кустарных солеварен, располагавшихся вблизи устьев рек Ла-Плата и Пальма Моча, пришлось покинуть после высадки батальона 18 в этой

зоне, но другие, находившиеся в Окухале, Ла-Магдалене, Эль-Мачо и Эль-Масио, продолжали функционировать во время всего наступления и покрывали наши основные потребности. Это был ещё один подвиг нашего тыла.

Однако не всегда дело шло, как нам хотелось. Потребность в быстрой доставке чего-либо для осуществления в полной мере операций и руководства ими как, например, битва при Хигуэ, возвращала нас порой, с точки зрения материальных условий, окружавших аппарат повстанческого командования, к ситуации, характерной для первых месяцев войны. Никогда это не было столь очевидно, как в течение одиннадцати дней, когда я находился на высоте Кауара, руководя операцией при Хигуэ. Там пришлось организовать в лесу подобие более или менее постоянного командного пункта, создавая минимальные условия для деятельности Командования и снабжения его кухни и персонала, во время операции по окружению батальона 18. Свидетельством мелких и крупных повседневных проблем в те дни служит это послание Селии, которое она отправила из Кауары Делсе Пуэбле, для нас «Тете́» (см. документ на с. 399) в Момпье в первый день битвы при Хигуэ:

> «Позвони по телефону Камило [в Ла-Плату] и скажи ему, чтобы прислал одну из коробок сигар, которые есть там, у Фиделя, чтобы он попытался увидеться с Хельо [Архели́с], направляющимся сюда, чтобы привез ее. Здесь нет сигар ни у Фиделя, ни у Че. Че позвони [в Минас-де-Фрио] и скажи ему, что у Фиделя осталась только одна сигара, а две я ему послала, что поручаю разыскать Камило и, когда получу, пошлю ему».

В том же послании Селия касается других, более серьезных проблем, чем сигары:

«[...] ночью мы все промокли – и товар, и патроны тоже. Мы устроились лагерем в лесу, и дождь идет с полудня до появления луны. Попросила нейлоновые чулки и туфли за день до того, как покинули Мину; расскажи Камило, что нам надо, чтобы поторопился и прислал их, у нас здесь ничего нет, вспоминаем о прошедших временах, отдаляются, но возвращаются. Подхватила сильный насморк».

В ту ночь вода обрушилась на ставку Командования.

Одним из последствий строгой блокады Сьерра-Маэстры, установленной врагом, как части его наступления, стало то, что мы перестали получать денежные взносы, отправлявшиеся нам с равнины и собиравшиеся из пожертвований землевладельцев, предпринимателей, торговцев и других источников, а также самих подпольных активистов Движения [26 июля].

Эти деньги использовались для добросовестной оплаты товаров, приобретавшихся у крестьян, особенно еды и других продовольственных продуктов. Однако, несмотря на добровольную бесплатную их передачу многими жителями в театре операций, мы быстро нашли некоторые альтернативы, чтобы преодолевать недостаток денежных средств.

Пример тому виден из следующего послания, присланного мне Рамиро 28 мая из колонны № 4:

«Разрешил ответственному и серьезному человеку переговорить с возделывателями кофе в обширной зоне о получении средств. Армия грозит им в этой зоне, и момент подходящий, чтобы заняться этим делом, поскольку они ожидают защиты. Дал инструкции направленному человеку сказать, чтобы возделыватели кофе не думали, что их экономическую поддержку обменяют на нашу защиту. Если у тебя есть

план, касающийся будущего урожая кофе, дай мне знать, чтобы осуществить его.

Уже получил ответ на одно из моих ходатайств: 2000 песо кредита в одном из складов в Байамо; уже вышла первая отправка товара сюда».

Фактором большой важности и во многих случаях определяющим в нашем успешном осуществлении предпринимавшихся повстанческими силами действий во время вражеского наступления была роль повстанческих посланцев. На протяжении этих страниц мы видели и будем в дальнейшем видеть многочисленные случаи, когда оказалось возможным вовремя принять важные решения, чтобы обеспечить успех определенной операции, благодаря быстроте и энергичности, с которыми посланцы передавали соответствующие приказы или указания, либо доставляли мне сообщения, направленные командирами с боевых фронтов.

В главе о подготовке обороны нашей территории я уже объяснял, что в предвидении наступления нам удалось установить телефонную связь между Ла-Платой, «палаточкой» Маэстры и Момпье, которую уже в разгаре наступления смогли довести до Минас-де-Фрио благодаря смелым усилиям отвечавшей за это группы. Таков был масштаб нашей телефонной сети, которая, несмотря на его ограниченность, оказалась очень полезной в разных случаях. Враг имел в тот момент в своем распоряжении все существовавшие средства беспроводной связи, особенно микроволновое оборудование, что обеспечивало ему немедленную связь между его различными войсковыми частями, а также между ними и командным постом в Байамо или передовыми постами в Эстрада Пальма, Сьерро Пеладо, Сьенагилье и другими пунктами. Нам же приходилось зависеть от умения, хитрости и физической выносливости наших посланцев, способных преодолевать

большие расстояния в горах, почти всегда пешком, за удивительно короткое время.

Часто наши послания отправлялись с каким-либо бойцом, избранным командиром наших отделений или взводов, обладавшим только что упомянутыми качествами. Но обычно, когда речь шла о посланиях, отправляемых мной оттуда, где в определенный момент я устанавливал временный командный пост или просто находился в то время, наш обмен посланиями осуществлялся избранной группой бойцов, задачей которых было действовать в качестве посланцев. Из всех них, пожалуй, самым доверенным по своей быстроте и ответственности был находчивый Хуан Пескао, уже упоминавшийся на этих страницах. Не могу не отметить других, это Эдилберто Гонсалес Рохас и Элиéсер Техеда Пенья, оба подчиненные Рамихи Альвареса Фигередо, который выполнял обязанности главы этой маленькой группы посланцев на службе Командования.

По отношению к ним и многим другим наша повстанческая армия должна испытывать огромную признательность. Может, многие не сделали ни одного выстрела, не участвовали ни в одном бою, но все заслуживают с лихвой признания их как бойцов, ибо тоже решительно способствовали нашей победе.

Нельзя также забывать о работе, проделанной нашими погонщиками, отвечавшими за перевозку на своих мулах всевозможных грузов, включая иногда и оружие, снаряжение и другие военные припасы. Это была работа большой ответственности и чреватая опасностью, так как в любой момент эти вереницы мулов, обычно сопровождаемые безоружными погонщиками, могли попасть во вражескую засаду или стать целью воздушной атаки. Вспоминаю сейчас Эдуардо Радригеса Варгаса, *Пипе*, доверенного погонщика Селии, который благодаря своему прекрасному знанию всех уголков гор в течение многих лет после

победы Революции оказывал неоценимые услуги как проводник команды исследователей истории, способствовавших своей тщательной работой реконструкции исторического прошлого Сьерры, и на чей труд я опирался при написании этих страниц.

Специального упоминания в этом повествовании заслуживают повстанческие врачи. В крайне неблагоприятных условиях, иногда без минимально необходимых средств, они совершали настоящие подвиги. Раненые, как повстанцы, так и вражеские военнослужащие, захваченные после боя, а также дети и другие жители гор во многих случаях обязаны жизнью самоотверженному и действенному старанию врачей, несших службу в наших рядах.

Доктора, такие как Рене Вальехо, Мануэль Пити Фахардо, Хулио Мартинес Паэс, Бернабе Ордас, Висенте Де ла О, Серхио дель Валье, Фабио Васкес, Рауль Трильо и стоматолог Луис Борхес Алудсин, среди других, не могут не быть отмечены на этих страницах. Некоторые из них, к примеру Вальехо, Пити Фахардо и Де ла О, в ряде случаев выполняли задачи по поддержке наших действий, не связанных с их медицинской профессией.

В театре операций наступления на Первом фронте действовало только два учреждения, которые могли бы рассматриваться как стационарные полевые госпитали: госпиталь Посо Асуль под управлением доктора Вальехо, который в определенный момент пришлось перевести в зону Лимонес из-за угрозы занятия вражескими войсками, дошедшими до Агуакате, в пяти километрах от его расположения, и госпиталь Ла-Платы, сначала действовавший в Камаронсито, которым ведал доктор Мартинес Паэс, рядом с рекой Ла-Плата, почему его пришлось переместить из-за серьезного разлива реки.

Тогда он был размещен в Ринкои Кальенте, на полпути между ставкой Командования и поселком Хименес.

С июня этот маленький госпиталь был размещен в самой ставке Командования, для функционирования во время наступления во временных помещениях, где оказывали медицинскую помощь, помимо Мартинеса Паэса, доктора Ордас, Фахардо, Де ла О и Трильо. В Командовании Ла-Платы сохраняются до сих пор прекрасный госпиталь, построенный после наступления как постоянное учреждение, и примитивный закуток из вытоптанной земли, служивший зубным кабинетом доктора Борхеса Алдусина. Помимо этих госпиталей работа наших врачей осуществлялась главным образом на самом поле битвы.

Отдельного упоминания при рассказе о тыловой деятельности заслуживают женщины. В то время еще не возникла идея создания женского взвода, которая претворилась в жизнь в сентябре, после наступления, когда по моей инициативе, вопреки мнению некоторых, был образован взвод «Мариана Грахалес»*. Женщины состояли в наших рядах во время наступления, многие из них вошли позднее в состав взвода «Мариана», выполняя в то время задачи по поддержке разного рода как ассистентки врачей, посланцы, повара, помощницы в деле снабжения, починки формы и обуви, часовые, в общем, оказывали все эти ценнейшие услуги.

Отличной была работа помощницы Селии Тете́ Пуэблы, которая к тому же, как увидим дальше, успешно выполнила миссию посланца, направленного Че во вражеский лагерь в Вегас-де-Хибакоа, чтобы удостовериться о деталях передачи пленных и раненых, осуществленной 23 июня, еще в разгар битвы против наступления.

Другими женщинами, отличившимися на этом этапе, были Рита Гарсиа и Эва Пальма, чудом выжившие после выпущенной из миномета мины, убившей Хеонеля

---

* Грахалес и Коэльо, Мариана (1808–1893) – кубинская патриотка, мать национального героя Кубы Антонио Масео, участница Десятилетней войны против испанского господства (1868–1878). – *Прим. переводчика.*

Родригеса; Оросиа Сото и Хуана Пенья, помощницы врачей, Ольга Гевара, Анхелина Антолúн и Ада Белья Помпа.

Важнейшая роль, как части нашего тыла во время наступления, принадлежала «Повстанческому радио». Радиостанция, которая, напомним, была перемещена в конце апреля из Пата-де-ла-Меса, в зоне Че, в Ла-Плату, действовала на протяжении 74 дней боев как средство информации других повстанческих фронтов, подпольных бойцов на равнине и всего народа о том, что день за днем проходило в горах Сьерры.

Почти ежедневно «Повстанческое радио» передавало военную сводку, часто составленную мной, о развитии и результатах боевых действий. Таким образом, его слушатели на Кубе и вне страны получали абсолютно достоверную информацию о том, что происходило, и могли не поддаваться лживым сообщениям, преувеличениям, упущениям и дезинформации, распространяемым средствами пропаганды вражеской армии.

В этой работе «Повстанческого радио» участвовали, играя определяющую роль, Луис Орландо Родригес, штатный директор радиостанции, главный техник Эдуардо Фернандес, которому помогали Орландо Пайрет, Луис Гонсалес и Отто Суарес, сумевшие обеспечить регулярное функционирование радиостанции, несмотря на все трудности; ассистент Алисия Сантаколома, машинистка и редактор; дикторы Хорхе Энрике Мидоса, Орсетес Валера, Рикардо Мартинес и Виолета Касальс, которые своими голосами сумели стать символическими выразителями повстанческой борьбы.

Кстати, насчет дикторов. Среди бумаг сохранилась моя записка Орестесу Валере, которую привожу на этих страницах, чтобы показать пристальное внимание, с которым я следил за работой «Повстанческого радио» как раз из-за важности, придававшейся этой работе мной, хотя к

нам уже затесался будущий предатель Карлос Франки*, который, дезертировав из Коммунистической партии – тогда Народно-социалистической, – был по ошибке привлечен Движением 26 июля и оказался в действительности перебежчиком и честолюбцем, пытавшимся сеять в наших рядах антикоммунистический раздор:

> «Орестес, ты приобретаешь по радио тон и высокопарность, похожие на дикторов Диаса Баларта [Рафаэль Диас Баларт, главный глашатай батистовского режима]. Не обижайся на это. Хочу только, чтобы ты попытался избавиться от этого. Ты знаешь, что декламация – это искусство. У тебя звучный голос и хорошая дикция, но ты напоминаешь напыщенность человека, наслаждающегося фразами. Рикардо [Мартинес] придает более любезную высокопарность, хотя менее энергичную. Мне кажется, что превосходным для наших передач является любезный тон и энергичная высокопарность. Можешь ты этого добиться? Вчера мне понравилось больше чтение Рикардо. Приложи усилия! Когда есть условия, все является вопросом воли».

Другой важнейшей функцией «Повстанческого радио» была служба для связи с заграницей, особенно с группами революционных изгнанников в Соединенных Штатах, Венесуэле и других американских странах. Из этого источника мы узнавали, среди другой важной информации, о скором прибытии груза с оружием и припасами, который, например, прибыл в самолете, приземлившемся 10 мая на нашей импровизированной авиационной площадке возле реки Ла-Плата, в устье ручья Манакас, которую мы окре-

---

* К. Франки в 1960-х годах выступил против революционного курса Ф. Кастро. В 1968 г. вместе с семьей покинул Кубу. Скончался в Пуэрто-Рико в апреле 2010 г. в возрасте 89 лет. – *Прим. переводчика.*

стили кодовым названием Альфа. Уже с предыдущего дня я предполагал, что вскоре прибудет самолет, так как меня запросили через «Повстанческое радио», были ли готова Альфа, и я дал утвердительный ответ.

В первые дни вражеского наступления у нас возникли проблемы с кодированной связью «Повстанческого радио». Случилось то, чего я всегда опасался и о чем предупреждал в нескольких случаях, а дело в том, что для дешифровки некоторых посланий мы не располагали соответствующим кодом. Так произошло у нас с важным посланием, которое надо было расшифровать с помощью двух книг и ручки, которые прибудут из Сантьяго-де-Куба. Никто не смог дать мне объяснений, куда делись книги, и я вынужден был ответить, что оказалось невозможным расшифровать послание из-за отсутствия необходимых элементов. Другое послание, пришедшее из Майами, зашифрованное цифровым кодом, которым владел Че, я должен был отправить в Минас-де-Фрио, чтобы он это сделал, и попросить, чтобы прислал кого-нибудь обратно, чтобы объяснить мне, как действует этот код.

Но за исключением этих единичных неудач связь с заграницей действовала довольно хорошо во время наступления благодаря «Повстанческому радио» и его преданному персоналу.

Хорошим примером этого было интервью продолжительностью более часа, которое я дал в начале июля группе венесуэльских журналистов. Напомню, что народ Венесуэлы только что освободился тогда от зверской диктатуры Маркоса Переса Хименеса. Из этого длинного интервью мне кажется уместным процитировать следующий фрагмент:

> «Венесуэльцы и кубинцы очень хорошо понимают друг друга, потому что и те, и другие знают горе угнетения и цену свободы. После кубинского народ, судь-

ба которого больше меня трогает в эти мгновения, это народ Венесуэлы. Глубокое восхищение, которое я испытал к этой стране, где родился самый великий человек этого континента, возросло под влиянием исключительного примера гражданственности, который она только что продемонстрировала миру, когда многим казался далеким день ее прекрасного пробуждения.

К восхищению присоединяется признательность за гостеприимство, которое встречают там преследуемые кубинские политики, внимание, уделяемое им в уже свободной печати Венесуэлы, сообщения, которые не может публиковать лишенная права голоса пресса Кубы, и горечь, которую испытывает братский народ, как будто наши страдания, его собственные.

А к признательности присоединяется надежда: надежда, что Венесуэла будет двигаться дальше по пути, который себе наметила, и надежда, что нам поможет с тем же духом, с которым Боливар помогал другим угнетенным народам, чтобы искать в союзе свободных наций Латинской Америки солидарность и силу, оберегающие нас от серьезных опасностей слабости, разрозненности, тирании и колонизации».

В том же интервью, конечно, я сказал следующее, относительно попытки забастовки 9 апреля того года:

«Мобилизация народа на забастовку имеет свои собственные приемы, к которым надо приспособиться и которые несовместимы с секретностью, строгостью и неожиданностью, требуемыми вооруженными действиями. Тогда как успех военного действия может зависеть от многих неуловимых факторов, мобилизация народа, когда имеется революционное сознание, осуществляемая правильными методами, даст нужный результат и не зависит от случайностей.

У всеобщей забастовки была исключительно благоприятная обстановка, но забастовочный комитет совершил фундаментальную ошибку, подчинив мобилизацию масс внезапным действиям вооруженных отрядов милиции. Чтобы сделать возможными эти действия неожиданного характера, пожертвовали мобилизацией народа [...].

Забастовка – самое великолепное оружие народа в революционной борьбе, и другая борьба должна ей подчиняться. Нельзя вести народ к битве, как нельзя вести армию, если ее не мобилизовать соответствующим образом в момент действия. И это произошло 9 апреля. [...] ошибка снова не повторится.

Мы не отказались от всеобщей забастовки как решающего орудия борьбы против тирании».

Один из венесуэльских интервьюеров спросил меня, касаясь развернувшегося тогда вражеского наступления, правда ли, что «в связи с резким поворотом событий подумал покинуть Сьерра-Маэстру». Вот мой ответ:

«Повстанческая армия никогда не покинет своих позиций в Сьерра-Маэстре, разве только чтобы двинуться на остальную часть национальной территории. Служить победе – это единственная альтернатива, которую принимаем. Без свободы и без родины никто из нас не хочет жить. Мыслью покинуть Сьерра-Маэстру не удалось соблазнить меня, даже когда я оказался с тремя людьми и двумя винтовками. В этом духе выковалось сознание наших бойцов. Мы научились одолевать невозможное. Здесь, если потребуется, падут со славой от первого до последнего повстанца. Родину не покидают, чтобы спасти жизнь. Пример это всегда больше, чем человек».

Венесуэльские интервьюеры с неутоляемым аппетитом затрагивали другие представлявшие интерес темы, среди них такую существенную, как единство и планы будущего революционного правительства, но не хочу слишком далеко отступать от темы этой главы, посвященной роли повстанческого тыла во время наступления.

В заключение мне остается заметить, что также в разгар наступления начали закладываться основы административного аппарата. Уже в сентябре он был учрежден Командованием Ла-Платы под названием «Гражданская администрация свободной территории» (ГАСТ), во главе которой до конца войны находился Фаустино Перес. Эта администрация занялась необходимым управлением экономической и социальной жизнью повстанческого горного района, обширной окончательно освобожденной территории, население которой было лишено почти абсолютно всего, и обзавелась восемью департаментами, ведающими аграрными и крестьянскими делами, образованием, здравоохранением и социальной помощью, юстицией, содействием развитию, общественными работами, снабжением и финансами. Заметными участками этой работы были медицинская помощь, охват школьным образованием, преодоление неграмотности, развитие инфраструктуры для производства продуктов питания и создания не менее тридцати пяти крестьянских кооперативов.

Как и учреждения, созданные Раулем на Втором фронте, гражданская организация, развивавшаяся в Сьерра-Маэстре в последние месяцы войны, подняла на более высокий уровень существовавшие с начала борьбы в горах отношения между повстанческой армией и крестьянами и явилась зародышем нового государства, которое возникнет вслед за революционной победой, будучи верным демократическому и народному духу Революции.

16

Битва при Хигуэ: первые действия по окружению

ИЮЛЬ 1958

вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	**11**	**12**
13	**14**	**15**	**16**	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31	–	–

На рассвете пятницы 11 июля, в тот же день, когда миной из 80-мм миномета были смертельно ранены в зоне Командования Ла-Платы Хеонель и Карлитос, начал осуществляться план, разработанный с целью захвата вражеского батальона, ставшего лагерем в Хигуэ. Около 5:30 утра того дня из двадцати повстанческих винтовок был открыт огонь по строю солдат, готовившихся начать день в лагере. Обстрел длился пятнадцать минут, а потом, как было предусмотрено, на наших позициях на склоне высоты Кауара наступила тишина, чтобы создать впечатление, что это было просто тревожащее действие.

Смысл этой атаки заключался в том, чтобы вызвать потери среди солдат, которые вынудили бы командира батальона эвакуировать раненых в район пляжа. Такого случая ожидал Гильермо, занимавший со своими людьми позиции на дороге у реки с намерением устроить засаду для тех, кто будет сопровождать эту эвакуацию, и попытаться уничтожить их.

Как мы узнали потом, в результате того обстрела лагеря оказался легко раненным пулей, задевшей его щиколотку, только один солдат. Наши бойцы, новички на самом деле, не были хорошими стрелками. Однако находясь под впечатлением произведенного обстрела, командованием батальона решило эвакуировать раненого на пляж, пользуясь тем, что на тот же день был запланирован выход двух взводов с задачей пополнения припасов.

Таким образом, наш план сработал, как было задумано. Два взвода вышли на дорогу к пляжу и всего лишь через полчаса после выхода из вражеского лагеря натолкнулись на засаду Гильермо (см. карту на с. 728), должным образом устроенную на расстоянии менее двух километров. В итоге за несколько минут боя – мы слышали его с высоты Кауара – бойцы-повстанцы смогли нанести заметные потери авангарду, среди них пять убитых и двое пленных, один из них был тяжело ранен и вскоре скончался, а также захватили шесть единиц оружия и некоторый боезапас. Враг был отбит, и ему пришлось возвратиться в лагерь.

К моменту, когда разразились эти действия в Хигуэ, уже были сформированы две линии в Пуриалоне с задачей задержать и, если окажется возможным, разгромить подкрепления, которые направил бы враг с побережья на помощь окруженному батальону. Внизу, на реке и на склонах, господствовавших над дорогой, подымавшейся от пляжа, занимали позиции люди из взводов Андреса Куэваса и Лало Сардиньяса, оснащенные полуавтоматическими винтовками и двумя пулеметами тридцатого калибра на треногах.

В свою очередь, подготовили засаду бойцы Рамона Паса на массиве Манакас, довольно далеко от дороги, с задачей спуститься к реке, как только начнется бой, чтобы отрезать отход подкрепления, атоковать его и уничтожить. Такое относительно большое сосредоточение сил отвечало плану нанесения главного удара именно по подкреплениям.

Между тем в зоне окружения держались повстанческие силы в сокращенном количестве, которые в то утро вели спорадическую стрельбу по вражескому лагерю с соответствующих позиций, занимавшихся различными патрулями, сформированными с этой целью. Однако меня заботило то, что эти сокращенные силы могут не выдержать вражеского движения в направлении высоты Кауара в возможной попытке разорвать в этом направлении кольцо. С другой стороны, могло оказаться необходимым увеличить мощность нашего огня по осажденным войскам, чтобы нарастить психологическое и физическое давление. С целью подкрепления наших позиций на склоне Кауары тем же утром попросил Че, чтобы он оценил ситуацию в своем секторе, и если придет к выводу об отсутствии опасности в этой зоне, направил мне отделение из одиннадцати человек из людей Камило, которые сражались вместе с ним в Мериньо. Кроме того, Че информировал меня, что Кюрюно – на пути в Хигуэ со своим пулеметом 50-го калибра, как я просил. В полдень 11-го числа попросил его переместить маленькую группу под командованием Рохелио Асеведо с ее пулеметом 30-го калибра в зону, где я находился, для подкрепления повстанческой линии на склоне высоты Кауара и усиления мощи огня в окружении вражеского лагеря.

Я указал также Че, чтобы он приказал Рамиро Вальдесу расположить пятнадцать хорошо вооруженных бойцов из колонны № 4 для охраны дороги от Пальма Моча к Санто-Доминго на высоте самого укрепленного района Маэстры на позиции, которую, напомним, занимали люди Куэваса до их перемещения в зону Мериньо, и где до этого находился Альмейда с несколькими своими бойцами.

Эта позиция была стратегической по двум соображениям: во-первых, расположенные там повстанцы смогут помешать занятию укрепленного района какими-либо силами врага, попытавшимися неожиданно двинуться либо

с севера, из зоны Сантаны, либо с юга, от реки Пальма Моча; во-вторых, потому что там эти люди смогут в нужном случае придти на помощь нашим линиям как в зоне Санто-Доминго, так и в самом Хигуэ.

Что касается других позиций окружения, то вечером 11-го числа Эль Вакерито во исполнение моего приказа занял более близкое место к северу от вражеского лагеря, на самом слоне высоты Эль-Пино. Отделение Уго дель Рио, которое до этого момента находилось в Эль-Наранхале, в свою очередь расположилось 12-го числа на самом большом из уступов, нависавшем над рекой Ла-Плата, к северо-востоку от правительственных войск.

В послании в тот день Че указывал ему, что он должен был действовать в полном согласии с Эль-Вакерито:

> «Вам следует все более приближаться к правительственным солдатам и отвоевывать местность, когда здесь возобновится борьба. Мы их полностью окружили. Теперь надо все больше отнимать у них местность и не давать им ни есть, ни спать».

В предыдущем послании Че, в полдень первого дня действий в зоне Хигуэ, я вновь подтвердил ему мои намерения, связанные с начатой операцией, и объяснял в следующих выражениях смысл всех этих диспозиций:

> «Если обстоятельства этого потребуют, могло бы оказаться целесообразным переместить личный состав школы, вывести гарнизон из Мины [Минас-де-Фрио], опоясать Маэстру траншеями сюда ближе от Пино [высота, называемая также Эль-Какао, между Минас-де-Фрио и Момпье] и переместить сюда возможно большее количество личного состава, занятого в той зоне. По моему мнению, наша стратегия должна заключаться в том, чтобы обескровить и истребить вра-

жеские подкрепления, в то время как мы ослабляем, сокращаем и заставляем сдаваться осажденные войска. Армия вынуждена идти на большие усилия в момент, когда выглядит исчерпавшей свои силы. Меня немного заботит сторона Пальма Моча, которую малым числом людей можно будет здорово укрепить. С резервами здесь на высоте Кауара меня не беспокоит сторона Ла-Магдалены и Эль-Мулато. Похоже, будет трудно, если снова войдут через Мериньо».

Затем возвращался к тактической теме:

«Я предполагаю, что это войско предпримет некоторые попытки ускользнуть. Когда его отбросят по частям, двум или трем, оно будет морально сломленным и его можно легко ликвидировать».

Остальную часть утра этого первого дня повстанческие группы окружения продолжали вести спорадическую стрельбу по вражескому лагерю, чтобы досаждать солдатам и не дать им ни на мгновение снять напряжение. Все же примерно с 2:30 дня по моему приказу прекратился весь огонь, и установилась абсолютная тишина на наших позициях на склоне Кауары. Замысел состоял в создании у вражеского командования впечатления, что мы отошли после результативного утреннего удара. Этим мы преследовали цель вызвать настроение успокоенности среди офицеров окруженного батальона, которое побудило бы их в какой-то момент, может на следующий день, провести какую-то разведку или осуществить новый выход из лагеря, предоставив нам случай, которого мы ждали, чтобы снова ударить по ним возможно сильнее.

В то время мне уже пришла на ум мысль об использовании как еще одного средства в бою против окруженных войск громкоговорителей «Повстанческого радио». Поскольку наступал момент, когда правительственные военнослужащие начинали чувствовать себя деморализо-

ванными из-за невозможности прорвать осаду, мне представлялось несомненным, что на них окажут большое психологическое воздействие услышанные из леса передачи, сопровождаемые национальным гимном, которые призывали бы к сдаче с полной гарантией для их жизней и, пожалуй, даже использование, как это было в Санто-Доминго, заразительных песен с определенным подтекстом «Повстанческого квинтета».

В полдень того первого дня я поручил доставить с Ла-Платы громкоговоритель и маленькую электросиловую установку Командования вместе с частью персонала и дикторами, и предупредил их, чтобы они ждали в Момпье новых инструкций. В ту же ночь Камило информировал из Ла-Платы об отправлении оборудования и запрошенного персонала в этот пункт. А «Повстанческий квинтет» был направлен к Хигуэ по моему приказу утром 14-го числа.

Другим важным элементом в этом психологическом воздействии была возможность располагать кодами и микроволновым коммуникационным оборудованием, захваченным в Санто-Доминго. Мы обратили внимание на то, что не было связи между осажденным батальоном и пляжем, где находилась рота G-4 этого подразделения. Показательно в этой связи, что до полудня 13 июля на сцене не появился ни один вражеский самолет.

От пленника, уцелевшего в бою, который произошел этим утром на реке, и немедленно отправленного Гильермо на мой командный пункт на высоте Кауара, я узнал первые детали о войсках, которые мы решили окружить и захватить. Установили, что речь шла о двух ротах батальона 18, располагавших двумя минометами – один 81-мм, а другой 60-мм – и одной базукой, как оружием поддержки, и что снабжение питанием стало намного хуже. От этого пленного я узнал также, что эти войска располагались в Маффо до начала наступления и что командиром под-

разделения был майор Кеведо, мной прежний товарищ по университетской учебе.

Кюрюно прибыл на высоту Кауара на рассвете 12-го числа и сразу же расположился со своим 50-мм пулеметом на уступе, господствовавшем над всем вражеским лагерем. Ему было приказано соблюдать тишину, которая скрупулезно соблюдалась нашими людьми с середины вчерашнего дня. Я был абсолютно убежден, что командование батальона, сбитое с толку этим поведением, предпримет очень скоро новую попытку выйти к побережью в поисках снабжения, что приведет снова к попаданию в засаду Гильермо (см. карту на с. 730).

Стало быть, эта повстанческая сила была призвана во второй раз взять на себя наибольшую ответственность. После действия утром 11-го числа позиции Гильермо укрепились занятием боковых массивов, господствовавших над флангами его главной засады на дороге у реки. Вместе с тем на рассвете 12-го числа личный состав взвода Хайме Веги, включенный в окружение, уже занял уступ на склоне Кауара, откуда мог не только обстреливать вражеский лагерь, когда будет отдан приказ делать это, но и прийти на помощь Гильермо с правого фланга продвижения правительственных войск, если те опасно атакуют повстанческие позиции на реке. В крайнем случае, если врагу удастся прорвать линию и продолжить продвижение вниз по реке или если в этом же направлении через какой-то другой пункт просочатся солдаты, Гильермо – согласно полученным инструкциям – должен был преследовать их, чтобы перехватить в Пуриалоне при поддержке людей Лало и Куэваса. Таким образом, оказывались предусмотренными все возможности.

Однако враг не предпринял каких-либо движений 12 и 13 июня. Оба дня были использованы нами для совершенствования диспозиций окружения. Из-за неверно-

го первоначального толкования моих посланий Асеведо и его отделение – расчет пулемета 30-го калибра – не получили приказ переместиться в Хигуэ до вечера 12-го числа и прибыли на высоту Кауара во второй половине следующего дня. В тот момент мы уже располагали на различных позициях окружения почти восемьюдесятью бойцами из состава взводов и отделений Рамона Фиальо и Рауля Подио, Хайме Веги, Кюрюно, Асеведо, Эль Вакеро, Уго дель Рио и Игнасио Переса. Последний входил также в состав подразделений, занимавших различные позиции на склоне высоты Кауара. У Гильермо было более сорока бойцов на засаде у реки, тогда как Лало, Куэвас и Пас вместе имели на позициях сильную группу в общей сложности почти из семидесяти человек.

К полудню 13 июля меня стало беспокоить бездействие врага. Нам удавалось поддерживать тишину на наших линиях, но я уже принял решение об открытии огня из пулемета Кюрюно на следующий день, если до этого не произойдет никакого движения. Другой мерой стало сужение кольца окружения в результате занятия всех небольших высот, окружавших вражеский лагерь, с нескрываемой целью воспрепятствовать даже доступу к любой из двух рек, между которых находились осажденные, – Ла-Плате и ее притоку Хигуэ, и помешать снабжению водой, «[...] чтобы не дать им даже дышать», как я писал в послании Пасу 13-го числа.

С каждым моментом крепло мое убеждение в том, что комбинированный удар, который мы думали нанести в этой битве, – сдача окруженного батальона и разгром подкреплений – будет иметь определяющее значение для хода войны и, следовательно, для конца тирании. В моих посланиях тех дней различным капитанам, участвовавшим в операции, я продолжал жестко внушать, почему нам надо осуществить это решающее действие. Например, Лало Серданьясу я писал 14-го числа:

«Нужно приложить большие усилия, так как эта битва может стать триумфом Революции».

В тот же день 14-го числа произошло второе важнейшее событие противостояния. Командование вражеского батальона решило, наконец, отправить на побережье второй контингент в поисках припасов и для эвакуации раненых в предыдущих боевых действиях. На этот раз речь шла о полной роте – 103-й – из трех взводов около ста человек. Марш был организован со многими предосторожностями, чтобы избежать прежней беды.

Один взвод продвигался по твердому грунту, а другой – по склону левого берега реки, тогда как третий шел по дороге с мулами и ранеными.

Выход был намечен примерно на два часа дня в надежде, что в этот час устроители повстанческой засады окажутся менее бдительными, привыкнув к тому, что передвижение солдат происходит на рассвете.

Однако спустя лишь час после начала марша этих сил из вражеского лагеря, а мы видели, как они выходили оттуда, снова произошло столкновение с засадой Гильермо на реке и на суше (см. карту на с. 730). Бой оказался упорным и длился всю вторую половину дня и часть вечера, пока правительственные солдаты не отошли еще раз к своему лагерю в Хигуэ, откуда вышли. Только десяти или двенадцати солдатам удалось просочиться через линии Гильермо и ускользнуть в сторону юга, но большинство их, а также несколько мулов и их погонщики, которым дали пройти во время перестрелки, попали в руки людей Лало и Куэваса ниже по реке в Пуриалоне. Один из ускользнувших солдат убил на следующий день бойца Эухенио Седеньо из подразделения Лало Сердиньяса, пополнившего короткий список павших повстанцев при отражении вражеского наступления.

Остальной окруженный батальон не предпринял никакой попытки прийти на помощь своим товарищам во

время этого боя. С нашей стороны, когда началось боевое действие, я направил группу бойцов с полуавтоматическим оружием под командованием Хайме Веги, чтобы они спустились по одному из уступов к реке с задачей отрезать солдатам путь, но они не нашли подходящих позиций.

С точки зрения ощутимых результатов итог этого второго боя на реке Ла-Плата был очень значительным. Враг потерял не менее пяти человек убитыми и более десяти ранеными, 21 человек взятó в плен. Кроме того, враг лишился пяти погонщиков и 39 мулов, из которых 32 были захвачены живыми, а также двадцати единиц оружия, включая несколько полуавтоматических винтовок «Гаранд» и одну автоматическую винтовку «Браунинг». Но еще бóльшим, чем материальный, был моральный результат этого боя. Никто лучше, чем командир этих сил, майор Кеведо, не пояснит этого:

> «Уже не оставалось сомнений, что мы окружены и что окружение полное, так как подвергались постоянному обстрелу со всех направлений. У нас оставалась одна альтернатива из двух следующих: весь батальон пытается прорвать окружение и уйти к побережью, либо оказывать сопротивление максимально возможное время в ожидании подкреплений. Решение было тяжелым, но у нас не было сомнений, чтобы принять то, которое считали самым правильным, то есть второе».

Кеведо привел доводы в пользу этого решения. Во-первых, попытаться прорвать окружение было прямым нарушением дисциплины, так как означало опрометчивое неподчинение полученному приказу дойти до повстанческой тюрьмы в Пуэрто Маланга и до укрепленного района Маэстры; во-вторых, попытка прорвать окружение имела очень мало шансов на успех. Несомненно, рассуждение было здравым. Командиру окруженного батальона

во все более плачевных условиях лишь оставалось ждать подкрепления, которое должно прийти спасать его в какой-то момент, что было логично предположить.

Что касается возможностей упомянутого подкрепления, вызывает удивление, что вражеское командование, когда события достигли такого развития, не сделало ни шага, чтобы помочь своему окруженному батальону. В первые дни этой битвы полностью отсутствовала авиация, не было даже наблюдательной авиетки. Мы знали, что командир батальона не имел обычая связываться со своей тыловой ротой на побережье и еще меньше с командным постом в Байамо или другой частью, принимавшей участие в операциях, поэтому он мог делать это только с помощью авиетки, когда та летала над лагерем.

Таким образом, разумно предполагать, что вражеское командование недостаточно представляло себе очень тяжелое положение своего батальона 18, и тем более удивительно, что оно не позаботилось даже установить с ним контакт с помощью авиетки.

После завершения битвы мы узнали, что майор Кеведо в известной мере разрешил ситуацию. Он отправил одного из своих проводников ночью 14 июля на побережье с задачей просочиться сквозь наши линии и информировать командира роты G-4 о состоянии осажденного подразделения с тем, чтобы тот сообщил это на командный пост. Посланец, кажется, смог обойти в ту ночь наши позиции, как на реке, так и в Пуриалоне, избежать наших часовых в этих местах и добраться до пляжа. Надо также напомнить, что некоторые из военнослужащих разметанного Гильермо на части во втором бою у реки взвода сумели достичь пляжа. Прямым результатом стало появление первый раз утром 15-го числа вражеской авиации над Хигуэ.

Сначала появился разведывательный самолет, а за ним боевые самолеты: первая волна из двух бомбардиров-

щиков B-26 и двух истребителей F-47, ее сменила другая, потом еще одна. С шести утра до часа дня авиация подвергала наши позиции самой ожесточенной атаке, в которой использовались зажигательные напалмовые бомбы. Кеведо очень выразительно описал случившееся тем утром:

> «[...] мы увеличивали плотность огня по вражеским позициям, и это действительно было впечатляющим. Пикирование самолетов, залетающих в ущелье между гор, грохот взрывов, отдающихся эхом на высоте, разрывы гранат и перекрестный огонь из винтовок и автоматического оружия превращали ту часть кубинской земли в подобие ада. Но каждая атака или пулеметный обстрел авиации вместо того, чтобы погасить вражеский огонь, казалось, его усиливали, как будто ничего не достигая, и никто не отходил. Повстанцы выкрикивали нам всевозможные непотребности, сопровождая это яростной стрельбой, мы отвечали им огнем и ругательствами».

Вечером 14-го июля я отдал приказ всем повстанческим позициям нарушить тишину, которую мы строго соблюдали в течение 72 часов, и открыть прицельный огонь по вражескому лагерю. Когда стемнело, почти все наши линии двинулись и сжали кольцо окружения.

Поэтому описание перестрелки 15-го числа, данное майором Кеведо, до известной степени точно, правда, у меня создалось впечатление, что он преувеличил плотность огня, ведшегося по правительственным войскам, так как наши люди хоть и имели разрешение стрелять, получили до этого очень точные инструкции: беречь запас и вести огонь, когда у них будут определенные цели, и постоянно досаждать вражеским позициям.

Мой командный пост располагался на маленьком массиве, с восточного края которого я мог наблюдать

за лагерем батальона 18, расположенным очень близко к мелководной реке Хигуэ в настоящей котловине среди гор.

В отличие от того, что всегда происходило после первых выстрелов боя, авиация не появилась. Батальон Кеведо не имел связи ни с вышестоящим командованием, ни с ротой G-4 на пляже и напрасно ожидал полета авиетки.

Враг сосредоточивался в зоне Санто-Доминго и на других фронтах. В течение четырех полных дней самолеты не появились. Когда обнаружили случившееся, стали атаковать с необыкновенной силой. На пятый или шестой день окружения тяжелая бомба упала в сорока метрах от северной стороны массива, где на южной стороне находился в лесу мой командный пост, на нас обрушилась груда камней и деревяшек. Спустя несколько минут прибыл Педрито. Оказалось что он был ранен, но шел сам, прижимая руку к груди. Он находился на пункте наблюдения в траншее, и пуля во время пулеметного обстрела с самолетов рикошетом попала ему в грудную кость, не проникнув в грудь. Это была чистая случайность, а не неосторожность.

К счастью, эти интенсивные действия вражеской авиации причинили вред только Педрито Мирету.

К пятому дню осады положение окруженных в лагере Хигуэ становилось все тяжелее. От пленных мы знали, что еда кончилась и солдаты испытывали голод. С другой стороны, спорадический огонь наших стрелков и пулеметов, установленных на склоне высоты Кауара, вынуждал вражеских солдат держаться весь день в траншеях, создавая неудобство от тесноты, жары и бездействия. Солдаты были вынуждены даже справлять физиологическую нужду в своих траншеях, чтобы не стать мишенью для наших выстрелов. Для меня сдача осажденных войск была вопросом еще двух или трех дней, если только мы сумеем

поддерживать это давление на лагерь и воспрепятствовать прибытию подкрепления.

Вторник, 15 июля, характеризовавшийся такой активностью в зоне окружения, был также отмечен малоприятными новостями из сектора Минас-де-Фрио. С 13-го числа вражеские силы, расположенные в Сан-Лоренсо, начали продвигаться в направлении Минас и 15-го числа после упорного сопротивления малого числа повстанческих групп, которыми располагал Че для обороны этого сектора, им удалось занять его. Но больше не сделали ни шага. Продвижение вражеских войск в этом направлении держало нас в течение всех этих дней настороже в отношении возможных вариантов действия вражеского командования, особенно если противник предпримет какую-то попытку прийти с северо-востока на поддержку силам, осажденным в Хигуэ. Мы еще увидим, какие в связи с этим диспозиции были приняты или предусматривались.

В возникшей сложной ситуации я надеялся, что правительственные войска не смогут обойти с фланга линии сдерживания, создаваемые нами в Эль-Робле, Ла-Магдалене, Эль-Коко или Момпье, упоминая только некоторые из пунктов, через которые враг мог бы попытаться проникнуть в направлении Хигуэ. В течение всего этого времени я стремился аккуратно поддерживать постоянную связь с Че, детально информировать его о ходе операции, получая от него подробные доклады о том, что происходило в его секторе. Поэтому, когда Че сообщил мне утром в тот же вторник 15-го числа, что враг не смог снова занять Мериньо, я понял со всей определенностью, что кризис в этом секторе и вызванная им угроза для нашей главной операции были практически преодолены, поскольку, хотя вражеские войска и могли бы дойти до Минас, им было бы невозможно продолжать свое продвижение. Минас-де-Фрио в самом деле пал после полудня 15-го числа, но враг не мог двинуться оттуда.

Наряду с давлением огнем и связывающими действиями в отношении вражеского лагеря в тот же день 15-го числа я решил использовать другие запланированные средства психологической войны. По окончании бомбардировки и пулеметного обстрела авиацией я отдал приказ разместить устройства «Повстанческого радио» в заранее избранном пункте, вне досягаемости вражеского огня, откуда они без труда будут услышаны осажденными.

Ранним утром 16-го числа леса и косогоры вокруг вражеского лагеря в Хигуэ снова огласились, но на этот раз не грохотом оружейного огня, а голосами наших дикторов. Помимо имевших свой смысл торжественных изречений и обращений, которые начали передаваться без перерыва, другим искомым эффектом было сорвать отдых солдат, чтобы иным способом продолжать подрывать их расположенность к сопротивлению. Первый раз мы применили это средство в Сьерра-Маэстре, но здесь, в Хигуэ, впечатление оказалось просто пугающим и должно было произвести огромное воздействие на вражеские войска.

В передачи этим ранним утром было включено чтение следующего письма, подготовленного мной для командира окруженного батальона майора Хосе Кеведо (см. документ на с. 643), товарища по университетской учебе:

> «С глубокой печалью узнал от первых пленных, что Вы командир осажденных войск.
>
> Знаем, что Вы рыцарски настроенной военный и культурный офицер, выпускник Академии, доктор права. Вы знаете, что дело, ради которого жертвуют собой и умирают эти солдаты и Вы сами, несправедливое.
>
> Вы, военный чести и знаток законов, знаете, что Диктатура – это нарушение всех понятий человеческих прав своего народа.
>
> Вы знаете, что у Диктатуры нет права жертвовать солдатами Республики, чтобы сохранять режим, кото-

рый угнетает нацию, отнимает свободы и держится террором и преступлениями; у Диктатуры нет права отправлять солдат Республики сражаться против своих собственных братьев, которые только призывают к тому, чтобы жить в условиях свободы и с достоинством. Мы не ведем войну против Армии, мы ведем войну против Тирании. Мы не хотим убивать солдат; мы глубоко сожалеем о каждом солдате, который умирает, защищая неблагородное и постыдное дело.

Думаем, что Армия для того, чтобы защищать Родину, а не Тиранию.

Политики-воры, министры, сенаторы и генералы находятся в Гаване, не подвергая себя риску, не занимаясь трудом, тогда как их солдаты осаждены в стальном кольце окружения, переживают голод и находятся на краю гибели.

Вас и солдат отправили умирать, заведя в настоящую ловушку, бросив в яму, откуда нет никакого спасения и не двинется ни один солдат, пытаясь вырваться из ловушки.

Умрете от голода, умрете от пули, если битва будет продолжаться.

Жертвовать жизнью людей в проигранной битве, во имя неблагородного дела – это преступление, которое чувствующий человек, справедливый и достойный, не может совершить.

В этой ситуации предлагаю вам сдачу. Со всеми Вашими людьми будут обращаться с большим уважением и вниманием. Офицеры смогут сохранить свое оружие. Примите предложение, Вы сдадитесь не врагу родины, а искреннему революционеру, бойцу, борющемуся во имя добра всех кубинцев, даже тех самых солдат, что сражаются с нами, сдадитесь товарищу по университетской учебе, желающему Кубе того же самого, что и Вы».

Тем вечером было также зачитано письмо, адресованное одним из наших врачей, доктором Ренге Вальехо своему коллеге из окруженных войск, доктору Чарльзу Вольфу, который тоже был его товарищем по учебе на медицинском факультете Гаванского университета:

«Я узнал, что ты офицер – врач этого войска, которое осаждено без надежды на спасение. Все солдаты, которые попытались выйти, были захвачены нами. Как врача и достойного человека, каким, как мне известно, ты являешься, и в силу обязательства, взятого нами на себя по нашей профессии, – спасать человеческие жизни, – призываю тебя посоветовать твоим товарищам, чтобы они сдались. Даю тебе мое слово чести, что со всеми будут обращаться с уважением и как с людьми. Не колеблись сделать это, будучи уверен, что исполняешь свой священный долг перед родиной и твоими товарищами».

Наряду с этими двумя обращениями были зачитаны и другие послания, а также говорили некоторые из пленных, подтвердившие гуманное обхождение с ними до этого момента и бесполезность сопротивления перед невозможностью прорвать окружение, установленное нами. Далее привожу целиком текст послания, составленного мной и предназначенного солдатам, в котором мы детально излагали условия сдачи осажденного войска:

«Повстанческая армия, уверенная, что всякое сопротивление бесполезно и привело бы только к еще большему кровопролитию в этой битве, которая длится уже пять дней, и поскольку речь идет о борьбе между кубинцами, предлагает вам следующие условия сдачи.

1. Будет отобрано только оружие. Все остальные личные принадлежности сохраняются при вас.

2. Раненые будут переданы Международному Красному Кресту, как делается с пленными солдатами, ранеными в битве при Санто-Доминго.
3. Все пленные солдаты, сержантский состав и офицеры будут освобождены в срок не более пятнадцати дней.
4. Раненые до того, как будут приняты Красным Крестом, будут находиться в наших госпиталях под присмотром квалифицированных врачей и хирургов.
5. Все состоявшие в этом осажденном войске получат сигары, питание и все, в чем безотлагательно нуждаются.
6. Ни один пленный не будет подвергнут допросу, плохому обращению или унижен словом либо действием, и все встретят великодушное и гуманное обращение, которое всегда получали от нас пленные солдаты.
7. Направим немедленное сообщение по радио супругам, матерям, родителям и близким каждого из вас, проливающим в эти моменты слезы отчаяния, не получая вестей от вас и не зная вашей участи.
8. Если принимаются эти условия, пришлите человека с белым флагом, кричащего громким голосом: «Парламентер! Парламентер!»

С тем же смыслом, что и призыв к сдаче осажденным вражеским военнослужащим, но в несколько отличном тоне, было зачитано также послание, обращенное к солдатам на военной службе (см. документ на с. 644):

«Солдат!
Если твои командиры заставляют тебя жертвовать собой в битве, которая проиграна и без малейшей надежды спастись для любого из вас, сдавайся на милость победителя. Можешь выйти вперед с подняты-

ми руками и оружием за спиной, в каком бы направлении ты ни шел, встретишь наши силы.

Если будет ночь, иди к этим громкоговорителям, говоря громко: «Не стреляйте, я солдат и согласен сложить оружие».

В соответствии с этими призывами мы объявили по громкоговорителям утром 16-го числа, что в двенадцать часов мы прекращаем огонь со всех наших позиций на три часа и после этого, если не сдадутся и не будет признаков такого намерения, возобновится бой. Я дал соответствующие инструкции всем нашим группам в различных секторах окружения, включая категорическое запрещение стрелять в какого-либо вражеского солдата, который выйдет из траншей и окажется на виду в течение этих трех часов.

Так и произошло, а вражеские солдаты воспользовались передышкой, чтобы размять мускулы, погреться немного на солнце, почистить свои траншеи, поговорить со своими товарищами и прогуляться по лагерю, и при этом не случилось никаких инцидентов. Я понял, что были даже личные контакты с некоторыми из наших людей, занимавших ближайшие позиции.

Эта передышка последовала за утром, когда вражеская авиация снова совершила яростный налет на наши позиции, были применены 500-фунтовые бомбы напалм, ракеты и плотный пулеметный огонь, превратившие все окрестности в настоящий ад. Но авиация еще раз продемонстрировала свою неэффективность в горах при действиях против партизанских сил, укрывающихся в лесу и использующих траншеи и подходящие убежища. На этом этапе войны огромное большинство наших бойцов уже давно научилось не бояться самолетов и их, казалось бы, смертоносных атак.

Тогда мы начали применять уже упоминавшийся обман вражеской авиации с использованием коммуникаци-

онного оборудования, которым располагали и которое в руках Кюрюно превращалось в эффективный инструмент дезинформации, исходя из вероятности, что оборудование командира окруженного батальона вышло из строя или лишилось питания. Замысел заключался в нарушении коммуникационной связи между ним и наблюдательными летательными аппаратами, чтобы указывать в качестве цели атаки позиции правительственных войск. Я не давал соответствующих инструкций Кюрюно с предыдущего вечера, но в действительности прием в какой-то мере сработал, так как некоторые самолеты сбросили свои бомбы внутри или вблизи периметра вражеского лагеря. Но, кажется, что этот маневр не дал конкретных результатов и скорее произвел психологический эффект.

Когда мы увидели, что среди вражеских солдат еще не было готовности принять наши условия сдачи, я отдал приказ по громкоговорителям возобновить огонь через час после истечения срока передышки, то есть предоставлялся еще час. Такой исход предвиделся весьма маловероятным: как бы ни были деморализованы эти войска, какой упорный командир решил бы сдаться при первой возможности? Как я написал в одном из своих посланий Че, на этот раз на рассвете 16 июля, почти за двенадцать часов до передышки (см. документ на с. 646):

> «Не строю себе иллюзий. Надо нажать на них еще сильнее, но они уже в очень неблагоприятных условиях. Приказал подготовить позиции с единственной стороны, которая остается вне досягаемости нашего огня. У них несколько дней назад кончились продукты питания. Не имеют даже чуточки соли. Вероятно, умирают с голода».

До этого момента воздействие на вражеский лагерь поддерживалось главным образом спорадическим огнем

двух пулеметов – 50-го калибра Кюрюно и 30-го калибра Асеведо – и примерно 25 винтовок, распределенных по позициям на склоне Кауара и отделений Игнасио Переса и Эль Вакерито. Чтобы можно было еще больше сжать окружение, следовало, во-первых, добиться большей плотности огня именно с этих позиций и, во-вторых, занять еще пустые позиции. На одну из них – на склоне массива Манакас, который смотрел на вражеский лагерь с востока, с другой стороны реки Ла-Плата, – я просил Альмейду и Рамиро направить некоторых бойцов из своих резервов. Но самая важная мера в сжатии окружения до предела уже была принята мной до составления послания Че. Тем же ранним утром я приказал Гильермо, чтобы он покинул свою засаду на нижнем течении реки, – уже не имеющую какого-либо военного значения с того момента, как командование осажденных войск оказалось не в состоянии осуществлять попытки нового выхода к пляжу, – и замкнул окружение с юга, расположившись над врагом на склонах, которые господствовали прямо над его позициями с другой стороны реки Ла-Плата. Тем самым цель воспрепятствовать вражеским солдатам дойти даже до воды, полностью достигалась и окружение приобретало характер неминуемого удушения. Теперь следовало только ждать. Как написал также Че в ранее процитированном послании: «[...] думаю, что если сможем помешать прибытию подкреплений в течение 48 часов, они непременно сдадутся».

Наступал конец боя против подкреплений.

17

Сдерживание в Минас-де-Фрио

ИЮЛЬ 1958						
вс	**пн**	**вт**	**ср**	**чт**	**пт**	**сб**
–	–	1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	**14**	**15**	**16**	**17**	**18**	**19**
20	**21**	**22**	**23**	**24**	**25**	**26**
27	28	29	30	31	–	–

13 июля, на второй день начала действий в Хигуэ, я получил на моем командном посту на высоте Кауара информацию о том, что силы вражеского батальона 17 стали продвигаться из Сан-Лоренсо в направлении Минас-де-Фрио. Сообщение обеспокоило. Если врагу удастся занять Минас, он окажется в выгодной позиции для проникновения в сердцевину нашей территории. Из Минас они попытались снова занять Мериньо и продолжить путь к Эль-Робле с возможностью обрушиться с тыла на наши позиции в Хигуэ, что могло бы поставить под угрозу операцию против батальона 18 и означало бы разделение нашей территории, к чему они стремились и раньше, предпринимая операцию в Мериньо.

Однако в этой опасной ситуации я очень верил в способность Че и повстанческих сил под его командованием в этом секторе помешать врагу достичь своей цели. Между тем мое личное внимание должно было оставаться направленным на разгром войск, окруженных в Хигуэ, и отбрасывание любых подкреплений, направляемых с побережья им на помощь.

То было не единственное плохое известие, полученное мной в этот день. В два часа дня Че информировал меня из Момпье:

> «Вражеские войска стали подниматься по высоте Мериньо. Дал информацию Раулю [Кастро Меркадеру], чтобы он отправил людей Анхелито Вердесиа (который был в Минасе) закрыть эту дорогу. Кажется, возникла путаница, и Анхелито попал в засаду, в которой был убит, потеряв оружие; по словам одного из отделившихся от группы, двое других, шедших с ним, не появились.
>
> Если правительственные солдаты будут продвигаться и прорвут эту линию, там нет подкреплений».

Произошло вот что: когда солдаты поднимались к высоте Мериньо, Анхелито Вердесиа и некоторые сопровождавшие его люди были застигнуты врасплох на дороге, которая поднимается к Эль-Табако. В столкновении враг потерял четырех человек, в том числе двух тяжелораненых, но смелый повстанческий капитан был убит. Сопровождавшие бойцы разбежались и оставили труп своего командира во власти солдат.

Горестная гибель Анхелито Вердесиа очень опечалила и раздосадовала меня, но еще больше было мое раздражение из-за обстоятельств, в которых это произошло. Не зная деталей, я приказал Че расследовать случившееся и выяснить, на ком лежит ответственность:

> «Мне нечего сказать тебе. Пришло не вызывающее никаких сомнений сообщение о том, что вражеские солдаты стали подниматься из Сан-Лоренсо в Мериньо, Анхелито сказали, чтобы он отправился перехватить их на высоте, не учитывая, что у них было гораздо больше времени, чем у него, чтобы прибыть в этот пункт, и как раз там с ним разделались.

Когда покидал Мину, сказал, чтобы охраняли дорогу от Эль-Моро ближе в эту сторону от высоты. Ты сказал мне, что лучше всего будет установить пост на самой дороге, поднимающейся от Сан-Лоренсо к Мериньо, чтобы охранять ее, и я был согласен. Как тогда могли застать врасплох Анхелито в засаде? Может, поднялись по какой-то тропе и вышли там ближе к высоте? Тогда что произошло с теми, кто должен был находиться на высоте с постом?»

В тот же день вражеские силы батальона 17 забрались на массив Мериньо, об этом мне сообщил Че в 7:05 вечера:

«Сегодня пополудни вражеские солдаты забрались на массив, и Рауль [Кастро Меркадер] говорит, что, по сообщениям, уже находятся в Мериньо, хотя я не верю. Мне кажется, необходимо одно подкрепление или предварительно эвакуировать из Минас все лишнее. Ты скажешь, что делать».

Рано утром следующего дня Че меня информировал: «Из Мериньо пока нет новостей, солдаты в поселке, и у них массив; отдал приказ об отходе к Минас всех других».

Че добавлял в своем послании, что, как казалось, вина в неожиданном столкновении, в котором погиб Анхелито Вердесиа накануне, на самом Анхелито или на шедшем с ним проводнике, так как решили пройти гораздо ниже того места, где находились солдаты. Подтвердилось, согласно одному из тех, кто сопровождал Анхелито, что армия потеряла четырех человек.

В 11:55 утра Че срочно сообщил мне известие, полученное на его командный пост в Момпье:

«Хотя и не могу сказать тебе как, но вражеские войска находятся в Минас. Едва отправил сообщение, при-

шло известие о том, что они находились только на высоте массива. Тогда отдал приказ об общем отходе и чтобы Сиро [дель Рио] защищал эту позицию вместе с людьми, которые были у Анхелито Вердесиа. Однако через полчаса мне сообщили, что солдаты находились на массиве Эль-Моро наверху, а люди Анхелито оказались изолированы между двух войск на массиве. Послал подтвердить известие, потому что мне казалось невозможным, но через пять минут сообщили, что солдаты уже в Мине, что прекращают связь; я больше не мог говорить».

Сильное сопротивление, которое оказывало этим утром бывшее отделение Анхелито Вердесиа – всего из семи человек – вражеским войскам на высоте Эль-Моро, заставило предполагать, что солдаты заняли Минас-де-Фрио, хотя в действительности они затратят еще несколько часов, чтобы добиться этого. Согласно докладам, которыми он располагал, Че объяснял мне в деталях положение своих сил в обороне этого сектора:

«Положение следующее: Рауль [Кастро Меркадер], Сиро [дель Рио] и Анхелито Фриас сражаются решительно. Люди Анхелито остаются между двух сил с возможностью выхода к Мериньо; Фонсо [Альфонсо Сайас], Сесар [Суарес] и Роберто [Фахардо] остаются окруженными лишь с возможностью спуститься по склону выпасов между Вегас и Миной; Орландо [Пупо] должен взобраться на трудный массив, но ему не грозит большая опасность. У Даниэля [Реадиго] и его людей легкий отход. Все зависит от того, чтобы Рауль [Кастро Меркадер] не потерял голову и смог бы уведомить товарищей. С людьми, которые у нас остались, можно хорошо защищать дорогу, но нельзя защищать что-то другое кроме Ла-Магдалены. Эль-Робле и Ла-Кандела остаются незащищенными».

В качестве предостерегающей меры Че приказал перевести школу новобранцев из Минас-де-Фрио в Ла-Магдалену и сам возглавил его оборону. Однако он спросил меня, сколько времени необходимо оказывать сопротивление в том секторе перед угрозой, что вражеские силы вознамерятся продолжить продвижение к Хигуэ, идя на помощь своим окруженным товарищам.

В 3:05 дня я ответил Че с моего командного пункта на Кауаре:

> «Посмотри, как можешь собрать остатки этих отделений и восстановить фронт.
>
> Подтвердил бы мне, располагаем ли четырьмя днями, прежде чем эти войска могут проникнуть сюда. Я думаю, что, если появятся люди Фонсо, Вердесиа и Суареса, им можно было бы поручить Маэстру и располагать Сиро, Раулем [Кастро Меркадером] и Пупо, чтобы использовать их в обороне дорог, которые ведут сюда. Пока же делай, что можешь, и старайся держать меня информированным».

В 8:00 вечера Че пояснил мне в послании, что солдаты еще не взяли Минас, но были близки сделать это, и подтвердил, что распределил своих людей, чтобы оказывать сопротивление. Немного спустя, в 8:25 вечера, изложил мне больше деталей:

> «В состязании увидеть, кто больше дрейфит и нерешительный, у нас снова победили солдаты. Отделение, которое раньше было Анхелито (7 человек), удерживало на высоте Эль-Моро армию. Приказал Сиро, чтобы отправился подкрепить этот пункт, но он вернулся, так как был «атакован» и «слышал свист пуль», и отошел. Выстрелы на высоте заставили всех думать, что уже находились наверху. Пятьсот метров протя-

нутого кабеля оборвались, и телефон, кустарно присоединенный мной, не работает; посмотрю, наладят ли его завтра. Приказал всем взводам двинуться вперед, чтобы восстановить позиции. У меня в резерве остаются Анхелито Фриас и Рауль [Кастро Меркадер]; всего десять единиц оружия.

Если попытаются продвигаться с фронта или через Вегас, сможем оказать хорошее сопротивление, если обойдут с фланга через Мериньо, от него уйдут. На данный час не знаю, есть ли солдаты в этом пункте. Я остаюсь здесь; желаю вам скорого успеха».

На следующее утро повстанческие силы под командованием Че продолжали сражаться против вражеских войск, которые продвигались в направлении к Минас-де-Фрио. В результате неразберихи Сиро, пока проводил разведку, оказался раненным другим повстанцем, сидевшим в засаде. В 9:05 утра Че проинформировал меня:

«В этот момент люди подвергаются атаке на массиве Каса-де-Моро. Идет перестрелка не очень плотная, но непрерывная. Сиро дель Рио был ранен в легкое одним товарищем, который его спутал. Пока что убито два солдата, согласно [Хосе Рамону] Сильве. Дорога из Эль-Робле не охраняется, но кажется, что сосредоточивают свои усилия на высоте».

Два часа спустя направил мне другое послание:

«[...] солдаты взяли у нас массив и продвигаются на Мину, но не сегодня, насколько знаю, в Мериньо, и надеюсь удержать их, чтобы не дошли даже до школы [школа новобранцев в Минас-де-Фрио]. Все зависит от решимости, с которой сражаются люди, имеются хорошие возможности. Думаю, можно рассчитывать на два дня передышки, включая сегодняшний».

Сообщения о продвижении солдат в направлении Минас-де-Фрио заставили меня, занимавшегося планированием деталей операции в Хигуэ, рассмотреть возможные варианты действий вражеского командования, особенно, попытаются ли они прийти с северо-востока на поддержку силам, осажденным в Хигуэ. В возникшей сложной обстановке был полностью уверен, что у вражеских войск не будет материальной возможности обойти с фланга линии сдерживания, которые будут противостоять им в Эль-Робле, Ла-Магдалене, Эль-Коко или Момпье, упоминая лишь некоторые из объектов, через которые враг мог бы попытаться проникнуть в направлении Хигуэ.

В это время я старался поддерживать постоянную связь с Че, которого подробно информировал о ходе операции в Хигуэ и от которого получал детальные доклады о событиях в его секторе. Когда Че мне сообщил этим утром, что врагу еще не удалось занять Минас-де-Фрио, я убедился, что трудная ситуация, возникшая в этом секторе с вытекающей из нее угрозой для главной операции в Хигуэ, практически была преодолена. Хотя вражеские войска могли бы, в конце концов, достичь Минас, для них окажется почти невозможным продолжать продвижение оттуда.

В 11:20 утра 15 июня я отправил Че послание, в котором одобрительно воспринимал его усилия и информировал его о мерах, принятых в предвидении дальнейшего продвижения врага:

> «Поздравляю тебя с тем, что сумел преодолеть возникший там кризис, что значительно подняло наш дух, так как поняли: с этой стороны опасность нам не грозит. Если окажутся в Мериньо и попытаются спуститься сюда, ты должен отправить ко мне посланца верхом, чтобы быстро уведомить меня. Я приказал

делать траншеи за Коко, и мы можем схватить их между двух огней. Во всяком случае, при следовании по дороге из Эль-Робле они должны быть обстреляны с фланга.

Если не смог бы удержать Мину*, не забудь распределить отделения, как указал тебе, чтобы одна группа оберегала Маэстру, а другая – Ла-Магдалену».

16-го числа войска, занявшие Минас-де-Фрио, не предприняли никакого движения. В 10:00 утра со своей позиции на склоне холма Ла-Магдалена Че передал мне, пользуясь телефоном из Момпье, отремонтированным после нескольких дней перерыва:

«Че сообщает, что солдаты, кажется, не намереваются продвигаться дальше сегодня. Что получил подкрепление из шести хорошо вооруженных человек, которых использует в необходимом случае, чтобы подкрепить тех, кто оберегает Ла-Магдалену.

Что, если попытаются идти низом, он лично займется тем, чтобы помешать их продвижению».

А несколькими часами позднее, в 5:20 дня, снова информировал:

«Че говорит, что в Мериньо нет ни одного солдата, что из Мины ушли примерно сорок солдат, что не видно движения солдат из Вегас до Мериньо и что пока не видно попытки продвигаться. Не было никакой опасности в Мине, что, если попытаются продвинуться, помешает, насколько окажется возможно».

20 июля, убедившись, что диспозиции, принятые вокруг Минас-де-Фрио, достаточны, чтобы сдержать дальнейшее продвижение врага, Че вернулся в Момпье. В этот день в Хигуэ уже осуществлялись необходимые формальности

---

* Имеется в виду Минас-де-Фрио. – *Прим. переводчика.*

для сдачи батальона 18, о чем я уже проинформировал Че, как и о моем намерении предпринять немедленно и одновременно действия против других вражеских сил, находящихся еще внутри нашей территории, а именно батальона 11 Санчеса Москеры в Санто-Доминго и роты 92 батальона 19 в Вегас-де-Хибакоа.

Что касается рот 91 и 93, которым удалось проникнуть до Минас-де-Фрио, по моему мнению, в тот момент принятыие Че меры обеспечивали сдерживание армии, а вражеское командование, вероятно, убедится, что их позицию невозможно удержать и примет решение об отходе с нее. Если же не так, то мы были в состоянии добиться их сдачи, как только отпадет угроза в Санто-Доминго, в тот момент наиболее опасная.

Вечером Че направил мне послание:

«Я в Момпье. Все спокойно. Прибыл повидать тебя, потому что твои двойные проекты мне кажутся слишком рискованными. Надеюсь, что скажешь, где будешь завтра, чтобы задать мне работу на вечер».

На следующий день в Минас-де-Фрио все оставалось спокойным. В тот день, как увидим в последующих главах, я находился в пути к Ла-Плате с пленным военнослужащим батальона 18, а Че был занят подготовкой к передаче пленных Красному Кресту, как мы договорились с этой гуманитарной организацией.

В послании, полученном мной этим вечером, Че объяснил мне, что было проделано, чтобы произвести передачу пленных в Вегас-де-Хибакоа, и в конце добавлял почти вскользь: «Форт Минас без новостей». Это была его манера сказать мне, что ситуация остается прежней, что вражеские солдаты не сделали ни одного шага дальше Минас-де-Фрио.

В последующие дни не произошло ничего нового на фронте Минас. 27 июля, пока развивалась битва против сил, спасавшихся бегством в Санто-Доминго, вражеское

командование, как часть нового плана операций, которого коснусь позднее в другой главе, приказало войскам, занимавшим позиции в Минас-де-Фрио, покинуть это место и отойти обратно в Сан-Лоренсо и Лас-Мерседес. Это было как раз то, что я предвидел.

В 3:35 дня Че проинформировал меня о движении вражеских войск:

> «[...] правительственные войска в Мина произвели движение отхода, дойдя до массива Эль-Моро. Не было бы странным, если бы сделали то же самое в Вегас [...].
>
> Отдаю приказ Раулю [Кастро Меркадеру], чтобы продвигался одновременно с уходом правительственных войск».

Незадолго до этого Че проинструктировал Рауля Кастро Меркадера в предвидении, что эти войска могли бы пойти на помощь роте, окруженной в Вегас-де-Хибакоа:

> «Ты должен быть начеку, чтобы занять позиции, упреждая солдат по мере того, как они отходят.
>
> Если покинем массив Эль-Моро, ты должен расположиться на Маэстре, на распутье Сан-Лоренсо; если останутся на высоте Эль-Моро, надо занять у них массив с правой стороны, там, где построена дорога к Вегас, чтобы досаждать им, если попытаются спуститься там».

Однако эти предостережения оказались ненужными. Вражеские войска отошли прямо до Сан-Лоренсо и даже при поддержке роты, присланной из Лас-Мерседес командиром батальона 17 майором Корсо Исагирре. Эти войска, плюс силы, находившиеся в Сан-Лоренсо, завершили свой отход до Лас-Мерседес.

Таким образом, не только Минас, но, кроме этого, вся обширная территория в северо-западном секторе, включая Мериньо, Эль-Табако, Сан-Лоренсо, Габиро и Ла-Эсмахагуа, оказалась освобожденной. Стало очевидно, что враг не мог снова проникнуть на нее. Эта была еще одна наша победа, на этот раз без необходимости сражаться.

18

Битва при Хигуэ: бой против подкреплений

ИЮЛЬ 1958						
вс	**пн**	**вт**	**ср**	**чт**	**пт**	**сб**
–	–	1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	**16**	**17**	**18**	**19**
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31	–	–

В течение первых шести дней битвы при Хигуэ, пока развивались начальные действия окружения, включая два боя Гильермо Гарсиа на реке Ла-Плата, повстанческие силы, сосредоточенные в Пуриалоне в ожидании подкреплений, которые должны были прибыть с пляжа, чтобы поддержать осажденные войска, пребывали почти все время в бездействии. Им представился случай действовать только в дни 15 и 16 июля, участвуя в захвате большей части вражеских солдат, избежавших второй засады Гильермо 14-го числа (см. карту на с. 730). В одной из этих стычек погиб 15 июля, как я уже говорил, боец Эухенио Седеньо, *Хеньо*, из взвода Лало Сардиньяса. Действительно, почти все оказавшиеся потом в плену в результате этого боя были захвачены нашими людьми в Пуриалоне, как и бóльшая часть взятого оружия.

К ночи в среду, 16 июля, Кюрюно проинформировал меня в своем сообщении, что перехватил вражеские переговоры, указывавшие, что войска, сосредоточенные на пляже, получили приказ продвигаться в направлении Хигуэ,

чтобы прорвать окружение осажденного подразделения. Было неясно, состояло ли их намерение в его подкреплении с тем, чтобы оно выполнило свою первоначальную задачу, что, судя по тому, как развивались события, представлялось полным абсурдом, или же, наоборот, в помощи спастись бегством. Это сообщение явилось первым конкретным признаком того, что столь ожидаемое подкрепление, направляемое с пляжа, было уже в пути.

Тем же вечером я передал информацию нашим трем капитанам, отвечавшим за линию сдерживания подкрепления в зоне Пуриалона. В интерпретации Кюрюно речь шла о вражеском батальоне, который будет продвигаться с пляжа. Поэтому в моем послании Куэвасу, Лало и Пасу я говорил (см. документ на с. 652):

> «Один батальон для вас ничто. В Санто-Доминго был разгромлен один гораздо меньшим числом людей, а Пас с восемью людьми два раза отбросил армию. Дай бог, чтобы послали один только батальон, чтобы он стал вашим пленником».

На деле вражеское командование распорядилось о направлении не батальона, а собственно роты G-4 – тыловой роты на пляже. Но это мы узнали после боя. По нашей оценке, в тот момент, с точки зрения врага, к этому времени стало очевидным, что требовался больше, чем один батальон, чтобы дойти туда, где находится окруженное подразделение, и иметь какую-то реальную возможность вызволить его. Поэтому известие, что речь шла только об одном батальоне, вселяло в нас определенную уверенность до такой степени, что в ответе, посланном мною Кюрюно, я написал, доверившись его сообщению: «Если направили всего лишь один батальон, оставайся на дороге».

Стоит в свете того, что случилось потом, остановиться на инструкциях, содержавшихся в послании капитанам в Пуриалоне:

«Исключительно важно, чтобы ручей Манакас, расположенный с той стороны высоты, где находится Пас, был взят нами, что не позволит им попытаться там обойти нас. Считаю нужным подкрепить Паса, по крайней мере, одним отделением, чтобы вместе с еще некоторыми своими людьми он разместил его на этом ручье в шестистах или восьмистах метрах от дороги. Пас пускай расположится на возможно более высоком месте пункта, который указал ему, стараясь, чтобы вражеские солдаты не вступали в соприкосновение с ним в первые моменты, в случае чего находящиеся на ручье Манакас должны атаковать с фланга солдат, которые достигнут высоты, где располагается он.

Превосходно, если солдаты повернут, не столкнувшись с Пасом, и бой начнется, когда они попадут в засаду Лало и Куэваса, чтобы оказались запертыми; вы уже знаете, что случается, когда это происходит, – нет никого, кто придет, чтобы их вызволить. Лало и Куэвас должны хорошенько занять все массивы и высоты, которые могут попытаться занять, чтобы их полностью отбросить. Не переставайте использовать мины, особенно стофунтовые бомбы.

Займите все диспозиции пораньше, чтобы у них хватило времени. Пусть вас не заботит ничего больше. Сосредоточьте внимание на вашей задаче. Возможно, что самолет начнет пулеметный обстрел первым, это заставит их прийти более уверенными в себе».

В приписке к этому документу я пояснял им: «Хочу добавить, что атаки с фланга может осуществить Пас с высоты, а люди с ручья Манакас снизу».

Рауля Подио, расположившегося за два дня до этого на позициях на массиве Гран Тьерра, справа от реки Ла-Платы, также уведомил тем же вечером об объявленном движении вражеских солдат и детально объяснил ему, что он должен был делать в случае, если часть войск подкрепления попытается продвинуться через этот массив. Смысл этих инструкций сводился к тому, что он не мог отступить ни на шаг, чего сможет добиться, если будет действовать с умом и отвагой.

Мое послание Куэвасу, Лало и Пасу заканчивалось такими словами (см. документ на с. 652), свидетельствовавшими о намерении, которое я питал, и об уверенности, что оно может осуществиться:

> «Я не хотел снять оттуда ни одного человека, потому что наша цель в этой решающей битве должна быть очень амбициозной – не только заставить сдаться осажденные войска, но и разгромить подкрепления.
>
> Это может стать концом Батисты.
>
> Больше выдержки, больше силы духа и удачи вам!»

Та же уверенность отражается в послании, направленном тем же вечером Че, которого всегда подробно держал в курсе развития событий. И стоит обстоятельно процитировать его, чтобы дать точное представление о нашем состоянии духа накануне того, что мы считали решающим боем для последующего хода войны:

> «Под вечер мы перехватили послание с авиетки командиру батальона, размещающегося на пляже, с указанием продвигаться, чтобы занять ключевые пункты, то есть высоты, и охранять силой взвода вереницу мулов.
>
> Сегодня же вечером только что направил послание Куэва [су], Лало и Пасу, информируя их об этом.

На троих они располагают 76 хорошо вооруженными людьми с самым высоким боевым духом, хорошими позициями и знают свою задачу. Редко, когда раньше, пожалуй, никогда, ожидали врага в лучших для нас условиях. Что больше привлекает меня из всей этой операции, так это разгром подкреплений, откуда бы они ни приходили.

Имея осажденные вражеские войска на краю катастрофы и правительство, вынужденное идти им на помощь, мы должны постараться превратить эту операцию в решающую битву. Армия уже большего не может сделать, подошла на этих днях к пределу своих возможностей; больше бомб, больше шрапнели, больше ракет, больше напалма и больше минометов не может использовать; также нет больше войсковых колонн; ощущается ее бессилие. При твоем расположении на вершине Мины, а Камило на Ла-Плате, с подкреплением Альмейды и Рамиро под рукой у нас не может быть лучше перспектив для победы».

Я стал вселять ту же уверенность в Кюрюно – чье участие во всей операции оставалось столь заметным – утром того дня, когда вражеские войска с пляжа должны были уже находиться в движении:

«Посмотрим, каков результат битвы против подкреплений. Если разгромим подкрепления, эти [вражеские войска, окруженные в Хигуэ] неизбежно сдадутся без особых усилий с нашей стороны. Это подходящий случай полностью разнести в щепы Диктатуру, который может означать ее падение. Они вынуждены направлять подкрепления, а подкрепления мы можем ликвидировать.

Личный состав роты G-4 под командованием капитана Хосе Санчеса Гонсалеса начал свое продвижение от устья реки Ла-Плата в шесть часов утра в четверг, 17 июля. Шли, поддержанные в своем движении огнем фрегата *«Максимо Гомес»*, располагавшегося напротив пляжа, и под наблюдением с авиетки, постоянно облетавшей зону. В течение нескольких часов вражеские войска поднимались вдоль реки и по боковым склонам, в тех местах, где наклон позволял продвижение, не встречая сопротивления повстанцев.

Около 11:00, обойдя широкую излучину реки в Пуриалоне, вражеский авангард натолкнулся на повстанческую засаду и начался бой (см. карту на с. 732). Бойцы Лало и Куэваса стойко бились на своих позициях, откуда их не могли вытеснить ни винтовочным огнем, ни обстрелом из армейских минометов, и вскоре они стали наносить первые потери вражеским войскам. Фактически уже через пятнадцать минут боя первые взводы роты были полностью разметаны, а многие солдаты пустились в беспорядочное бегство.

Это отступление остатков вражеского войска оказалось возможным в значительной степени потому, что повстанческая группа Рамона Паса, занимавшая позиции на массиве Манакас, не передвигалась во время боя. Из-за неверного толкования моих приказов Пас не выполнил возложенную на него задачу спуститься по направлению к реке, как только начнется боевое действие, с целью закрыть врагу путь с тыла, помешать отходу, опоясать его огненным кольцом, поставив перед выбором: полностью сдаться или быть ликвидированными. Из-за этой ошибки первая акция в Пуриалоне не обернулась для армии крахом. К этой теме вернусь чуть позднее.

Несмотря на эту неудачу, бой 16 июля в Пуриалоне означал заметную повстанческую победу (см. карту на с. 732). Во-первых, была достигнута главная цель: задержать подкрепление и помешать ему дойти до батальона, осажденного в Хигуэ.

Во-вторых, хотя и не удалось, как уже сказано, разгромить подкрепление, верно то, что роте G-4 был нанесен такой урон, что она перестала считаться противодействующей силой. Первая сводка, присланная Куэвасом на наш командный пост на высоте Кауара в 2:20 дня, указывала на двоих убитых солдат и четырнадцать пленных. Однако окончательный счет захваченных поднялся до двадцати четырех человек. Несомненно, было определенное число раненых, эвакуированных солдатами при их отходе.

В-третьих, надо особо отметить трофеи, захваченные в этом первом бою против подкреплений. В наших руках осталось не менее 84 единиц длинноствольного оружия: семнадцать винтовок «Спрингфилд», десять карабинов «Сан Кристобаль», четыре полуавтоматические винтовки «Гаранд», две винтовки-пулемета «Браунинг», пулемет 30-го калибра на триподе, помимо 18 тысяч патронов и 48 гранатометных зарядов. К тому же, в наши руки попали почти все припасы, которые рота везла с собой на веренице мулов, чтобы облегчить положение окруженного батальона.

Повстанческий личный состав не понес в этом бою никаких потерь, что свидетельствует о качестве позиций, подготовленных Лало и Куэвасом для засады.

Из первых полученных докладов я понял, что операция развивалась не так, как было запланировано. Вначале я решил подождать сведений Паса, так как был убежден, что такой ответственный, способный и решительный командир, как он, выполнит досконально свою задачу и что, может быть, случилось так, что он отрезал путь солдатам

намного ниже, не успев проинформировать о результате. Однако вечером по получении доклада Паса стало ясно, что полный успех операции оказался невозможен из-за бездействия этого повстанческого подразделения, которому отводилась очень важная роль в осуществлении плана. Но я был так убежден в способностях этого командира, что следующим утром направил ему послание, в котором говорил, что, кажется, произошла путаница с приказами, просил его прислать мне мое вечернее послание от 16-го числа, содержавшее инструкции ему, Куэвасу и Лало, и призывал его не падать духом, ибо ему предстояло много чего сделать.

Пас ответил мне со смешанным чувством огорчения и недовольства. Его ответ стоит воспроизвести:

> «Дело в том, что мы поняли так, чтобы я расположился наверху, ведь Вы знаете, что я неспособен ни избегать боя, ни перестать выполнять ваш приказ, хотя бы это мне стоило жизни; ведь человек моих убеждений не захочет сохранять жизнь в день, когда сочтет недостойным носить форму нашей славной армии.
>
> Сейчас мне больно, что я не смог захватить никакого оружия, а у меня девять безоружных людей.
>
> Присылайте мне приказы, но чтобы они были приказами воевать».

К сожалению, Пас истолковал мой приказ от вечера 16-го числа в том смысле, что надо было разместиться на высоте массива и не передвигаться оттуда в предвидении, что часть вражеского войска и подкрепления будет продвигаться там.

На его послание я ответил снова:

> «Тебе не надо говорить мне о том, что я слишком хорошо знаю – о твоей смелости, боевой и командир-

ской способности, потому что ты сумел это доказать много раз.

Я попросил тебя прислать мое послание, чтобы убедиться, в какой форме я направил инструкции, так как на мне лежит ответственность за любой промах, который может случиться [...]. Моя забота о том, чтобы ты расположился как можно выше на вершине, была от того, что я думал о подходящем месте, чтобы солдаты не вступили в соприкосновение с тобой прежде, чем с Куэвасом. Инструкции, которые им дали с самолета, – занять ключевые пункты. Мы приняли меры предосторожности, которых требовала ситуация. Ожидалась обычная атака, а не направление одинокой роты, которая шла, как будто проходит торжественным маршем по Пасео-дель-Прадо*. Абсурдные вещи из тех, что творит враг.

Моим намерением было перерезать им путь с тыла, надвигаясь с твоей высоты и от ручья Манакас. Если бы вражеская колонна была бы очень длинной, тогда атака была бы больше не с тыла, а с фланга.

Их отход также, кажется, был слишком быстрым, хотя патруль, располагавшийся на ручье Манакас в 600 или 800 метрах от дороги, мог бы вовремя отрезать им путь».

Очень застенчивый человек, Пас был крайне расстроен тем, что произошло, но я захотел, чтобы он понял, что для меня было ясно: произошедшее стало следствием неверного толкования моего приказа, и я никогда не думал, что это результат инертности или трусости с его стороны.

Когда перечитываю мой ответ сейчас, думаю, что, пожалуй, мог объяснить ему более внятно, какова была его задача, и не огорчил бы настолько такого достойного

---

* Центральная улица Гаваны, на ней расположено здание Национального Капитолия. – *Прим. переводчика.*

человека. Используя захваченное оружие, оказалось возможным вооружить почти сорок бойцов из тех, кого распорядился попросить у Альмейды, и новобранцев школы в Минас-де-Фрио. Безоружные бойцы из взводов Куэваса и Лало также получили оружие в результате боя, благодаря чему удалось подкрепить еще больше повстанческую линию в Пуриалоне и направить группу из пятнадцати бойцов на дополнительные позиции в главном окружении в Хигуэ.

Опять над нами всё время самолеты. Они не могли, однако, атаковать бойцов, осаждавших батальон, так как те укрывались в траншеях очень близко от его позиций.

Против осажденных войск использовались многие средства психологического воздействия, включая громкоговорители, призывы и обращения, письма, захваченные у входивших в подкрепление или отправленные пленными. Выстрелы, в том числе, некоторые из оружия 50-го калибра, строго рассчитывались, и расход боезапаса отмерялся. В конечном счете, осажденные остались без воды и без еды.

Вследствие провала 17 июля первой попытки послать подкрепление батальону 18 вражеское командование начало готовиться на следующий день к новому движению своих сил. На этот раз оно поручило выполнение миссии так называемому батальону «Лос Ливианос»* под командованием капитана Ноэлио Монтеро Диаса. Речь шла об ударной силе в составе рот I, K и L пехотной дивизии, расквартированных в военном лагере «Колумбия» и до этого момента действовавших в зоне операций как самостоятельные подразделения, к которым добавились остат-

* «Легкие на подъем». – *Прим. переводчика.*

ки роты G-4. Этот контингент был не только более многочисленным, но к тому же лучше тренированным и оснащенным, чем разгромленная в бою 17-го числа рота (см. карту на с. 732). То была выигрышная карта врага в этой операции, задуманной с иллюзорной целью – вызволить окруженный батальон из его отчаянной ситуации. В тот же день высадилась в Ла-Плате большая часть состава батальона с несколькими 75-мм артиллерийскими орудиями.

С помощью нашего коммуникационного оборудования мы могли перехватывать вражеские сообщения, связанные с подготовкой этого второго и решающего подкрепления. В тот день я подтвердил трем капитанам в Пуриалоне предыдущие приказы и оповестил Подио, что грядет новая вражеская попытка.

«Лос Ливианос» двинулись с пляжа Ла-Платы чуть позже рассвета в субботу, 19 июля, и начали подниматься, по тому же пути, что и рота G-4 двумя днями раньше. Во всяком случае, командир контингента развернул несколько шире свои фланги, особенно правый, по склонам теснины Ла-Платы. Правда, на этот раз продвижение врага сопровождалось поддержкой огня как с фрегата, так и из артиллерийских орудий, размещенных на пляже, и особенно возросшей поддержкой авиации. Без сомнения, то был день наибольшей активности авиации за всю битву и, возможно, самых интенсивных ее действий за всю войну (см. карту на с. 734).

Специальной целью авиации были позиции, где, как предполагало вражеское командование, по информации, полученной от офицеров и командиров роты, разгромленной 17-го числа, сохранялись повстанческие засады на реке. С первых часов утра происходил очень сильный пулеметный обстрел и бомбардировка зоны Пуриалона. Но наши бойцы не дали себя запугать и держались на своих позициях. Около полудня незадолго до начала боя

500-фунтовая бомба взорвалась рядом с траншеей, где находились бойцы Виктуро Алоста, *Эль Байамес*, и Франсиско Луна, в тылу позиций Куэваса, и они мгновенно погибли.

Около двух часов дня вражеский авангард натолкнулся на людей Куэваса в Пуриалоне, и завязался бой. Это второе боевое действие против повстанцев батальона 18 стало одним из самых острых за всю войну (см. карту на с. 734). Враг, должным образом подготовленный и предупрежденный, оказал упорное сопротивление и даже попытался несколько раз прорвать повстанческие линии. Но всякий раз, когда солдатам удавалось перегруппироваться и начинать атаковать, их с большими потерями отбрасывали бойцы Куэваса и Лало.

Между тем Рамон Пас, как помним, располагался на высоте Манакас в ожидании начала действий и теперь безукоризненно осуществил маневр, предусмотренный для предыдущего боя, и, спустившись со всех ног к реке, запер врага с тыла. Одновременно некоторые из людей Паса, находившихся на полусклоне массива Манакас, попытались задержать продвижение вражеского взвода через это место, но в какой-то момент решили отойти на несколько метров к лучшим позициям. Во время этого отхода по открытому выпасу был сражен выстрелом и погиб боец Роберто Корриа из взвода Паса.

Под вечер, после более чем трех часов тяжелого боя, солдаты стали, наконец, обнаруживать признаки обессиливания. В их рядах послышались перемежаемые все более редким вражеским огнем крики о сдаче. Восприняв это, вероятно, как признак того, что правительственные войска деморализованы и склонны к сдаче, и побуждаемый пылом боя, капитан Куэвас вышел из своей траншеи и начал двигаться к солдатам с намерением, казалось, ускорить сдачу. Однако, сделав всего несколько шагов, он был сражен очередью выстрелов с вражеской позиции и упал замертво.

Гибель Куэваса на какое-то время привела в замешательство повстанческих бойцов и сорвала вероятную сдачу в тот же день второго подкрепления. Такая беда случилась с одним из наших самых смелых и действенных командиров. Как я написал Че (см. документ на с. 659), информируя его о результатах первого дня боя: «[...] надеюсь, что вражеским солдатам нанесено огромное поражение, но смерть Куэваса наполняет всех здесь печалью, и почти верная победа оказывается для нас горькой». В тот же день после обеда, узнав о его гибели, выпустил следующий приказ:

> «Возводится посмертно в ранг команданте Повстанческой армии за примерное поведение военного и героическую доблесть капитан Андреас Куэвас, погибший сегодня, когда надвигался на врага. В дальнейшем его имя будет упоминаться в ранге команданте. Отметить место его погребения для возведения там обелиска, который увековечит неизгладимую память о нем всех его боевых товарищей».

Этот приказ был выполнен по всем пунктам. Ныне Революция возвела в Пуриалоне, в нескольких метрах от места, где Андреас Куэвас пал, сражаясь лицом к лицу с врагом, прекрасный монумент в память о том, кто был одним из самых закаленных в боях и самых способных командиров Повстанческой армии.

Во второй половине дня, получив первые доклады Лало Сардиньяса, я распорядился о направлении в Пуриалон группы из более чем двадцати только что прибывших безоружных бойцов под командованием Рене де лос Сантоса с тем, чтобы их оснастили частью захваченного оружия. Сообщил Лало, чтобы он передал взвод Куэваса под командование бойца Антонио Санчеса Диаса, известного

как Пинарес, который был заместителем командира этого подразделения.

После оценки ситуации на основе полученной информации направил следующие инструкции Лало Сардиньясу:

> «Этот момент решающий. Товарищи должны преисполниться мужеством несмотря на потери. Если отступим, потеряем возможность вписать одну из самых славных страниц в историю Кубы, если выдержат наши люди, эта армия не сможет продвинуться и Батисте конец. Верю в тебя, что тебе достанет мужества и ума, чтобы справиться с ситуацией. Если люди завтра встретят утро впритирку к вражеским солдатам, самолеты не смогут бомбардировать их, а если продолжат обстреливать из пулемета по реке, могут отдалиться от дороги, но занимая позиции, чтобы отрезать солдат, пытающихся продвинуться вперед.
>
> [...] Если бы в каких-нибудь обстоятельствах пришлось уступить местность, надо стойко сопротивляться чуть подальше. Никоим образом дорога не должна оставаться свободной для врага. Я уверен [в том], что после разгрома, который вы учинили им сегодня, войска не пройдут. Большого присутствия духа и большой доблести, ибо это возможность для всех вас вписать страницу в Историю!»

Предварительный итог боя на рассвете в воскресенье 20 июля: семеро убитых и двадцать один вражеский пленный, более двадцати единиц оружия и изрядный боезапас калибра 30.06; со стороны повстанцев четверо убитых – Куэвас, Акоста, Луна и Корриа и несколько раненых.

На второй день боя бойцы Лало и Панареса, приблизившие ночью свои позиции к позициям вражеских солдат, снова отразили утром слабые попытки прорвать повстанческое окружение. Люди Паса, в свою очередь, продолжа-

ли оказывать давление с тыла, хотя ночью многим вражеским солдатам удалось ускользнуть на пляж. В полдень, спустя почти двадцать четыре часа после начала боя, всякое сопротивление прекратилось. Число убитых у врага возросло до семнадцати, а в наших руках оказались четырнадцать винтовок «Сан Кристобаль», десять винтовок «Гаранд», два ящика мин к минометам 81-мм калибра и вереница мулов с припасами.

Но самым значительным результатом стало то, что второе и последнее подкрепление для окруженного батальона в Хигуэ было отброшено. С этого момента участь этого войска была решена, а с этим, как думали все мы, решилась, можно сказать, и судьба батистской тирании.

19

Битва при Хигуэ: сдача батальона 18

ИЮЛЬ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31	–	–

В среду 16 июля, накануне ожидавшегося боя против подкрепления, которое по полученному сообщению, появится с пляжа, попытаясь прийти на помощь батальону, осажденному в Хигуэ, уже начали осуществляться диспозиции, касающиеся сжатия кольца окружения. Гильермо Гарсиа занял со своим взводом указанные ему позиции на склоне массива Манакас, прямо над вражеским лагерем. Мое намерение состояло в том, чтобы на следующий день эти повстанцы открыли огонь, что послужит сигналом для бойцов, размещавшихся на склоне высоты Кауара и на остальных позициях, сделать то же самое, включая расчет пулемета 50-го калибра Браулио Кюрюно.

Кюрюно имел также инструкции продолжить использование ухищрений по связи с авиеткой с целью дезинформировать вражескую авиацию о действительном расположении правительственных войск и попытаться добиться, чтобы бомбы были сброшены и пулеметный огонь обрушен не на наши позиции, а на окруженный батальон.

Напомним, что эта уловка была использована с относительным успехом в тот же день, 16-го числа.

К сожалению, в этот решающий момент мы не могли располагать одним из наших самых важных психологических средств. Утром 17-го числа бойцы, занимавшиеся полевыми установками «Повстанческого радио», проинформировали меня, что испортился усилитель и авария оказалась столь серьезной, что его надо было доставить в ставку Командования Ла-Платы для ремонта. Порча оборудования дала о себе знать в тот же день пополудни, когда начали получать сообщения о провале, постигшем первое подкрепление. Нет сомнения, если бы была возможность довести эту информацию до осажденных военнослужащих, то это произвело бы значительный психологический эффект.

На рассвете получил подтверждение от Гильермо о том, что тот занял свои позиции, со следующей оценкой, конечно, довольно четкой:

> «Теперь-то [вражеские солдаты] не могут двинуться, так как занимаю полностью господствующую над ними позицию. Не могут также опуститься к реке, там у меня пост в ста метрах от дома внизу, думаю, что им приходится заляпывать себя грязью в траншеях».

В течение всего утра наши люди продолжали занимать новые позиции, еще более приближенные к врагу. Переместились, среди других, расчет пулемета 30-го калибра Рохелио Асеведо, отделение Игнасио Переса и люди Кюрюно. Против осажденного лагеря поддерживался с перерывами огонь.

Подкрепление, запрошенное у Альмейды, прибыло в зону Хигуэ 18-го числа. Это было отделение из десяти бойцов, восемь из них вооруженные, под командованием капитана Виталио Акуньи Нуньеса, Вило, которые сразу

же были размещены на другой стороне реки, напротив позиции солдат и справа от Гильермо.

Этот день также прошел относительно спокойно. В центре событий был Пуриалон и бой против первого подкрепления. Повстанцы из окружения поддерживали беспокоящий огонь по осажденным войскам и занимались улучшением своих траншей и приближением их к вражеским позициям.

В течение этих дней во вражеском лагере не наблюдалось какого-либо движения. Этой ночью некоторые позиции еще больше приблизились к траншеям правительственных солдат, некоторые до расстояния метров сорока. С боезапасом, добытым в бою против первого подкрепления, улучшилось положение наших бойцов в окружении, имевших винтовки, что позволило увеличить мощность огня против вражеского лагеря.

Хотя к этому времени я не был очень озабочен присутствием вражеских войск в Минас-де-Фрио и вероятностью, что они могут предпринять продвижение к Хигуэ, чтобы поддержать своих осажденных товарищей, все же не переставал неизменно учитывать эту опасность среди бесчисленных вопросов, требовавших первоочередного внимания и вытекающих из событий в главной битве, которая шла во всей зоне между Хигуэ и Пуриалоном. Пополудни 18-го числа я направил новые инструкции Че, так как, если враг попытается продвигаться от Минас-де-Фрио в направлении к Хигуэ, он должен был оказать первое сопротивление, пока бойцы, разместившиеся на позициях в зоне Кауара, готовили линию обороны на уровне Ла-Магдалена Арриба. Че и его люди должны были тогда отойти через холм Ла-Иглесиа и ждать, когда вражеские войска натолкнутся на эту нашу линию, чтобы атаковать их с тыла.

Дорога из Ла-Магдалены, по моему мнению, об этом я писал в послании к Че, направленном с другими инст-

рукциями, «превосходно подходила для устройства ловушки». Я был уверен, что такой маневр осуществим без того, чтобы подвергать опасности наши позиции в окружении, ибо осажденные войска были не в состоянии взять на себя инициативу какого-либо действия. А с юга ситуация тоже оставалась ясной. Чтобы успокоить Че, всегда переживавшего, когда дело шло об осуществлении двух одновременно операций, для которы, он считал, мы не располагали достаточной силой, я говорил ему в том же послании: «Между морем и Хигуэ у нас целая армия, чтобы помешать прибытию подкреплений».

Попытки прийти на выручку батальону 18 с севера были почти обязательным маневром. Однако все меры предосторожности оказались невостребованными, так как по неизвестным соображениям вражеские войска за все эти дни не двинулись из Минас. Подобное поведение могло проистекать только из деморализации или вопиющей бездейственности вражеского командования.

19-го числа Альмейда занял с маленькой группой людей дорогу из Пальма Моча в Эль-Наранхаль на траверсе массива Пальма Моча. С нашей стороны была излишней предосторожность, поскольку почти невероятной представлялась возможность проникновения какой-либо вражеской силы в театр операций с направления Пальма Моча или Ла-Каридад, чтобы таким путем выйти в тыл повстанческих позиций в Пуриалоне.

Ситуация в окружении в этот день существенно не изменилась. Повстанческие бойцы продолжали беспокоить своими выстрелами вражеский лагерь, тогда как правительственные солдаты отвечали беспорядочной стрельбой. Одна из очередей пулемета 30-го калибра сразила намертво в середине того дня лейтенанта Теодоро Бандераса из отделения Вило Акуньи.

Однако около полудня произошла своего рода не установленная формально передышка в секторе окруже-

ния, наиболее близком к позициям вражеских войск на склоне высоты Кауара. Некоторые повстанческие бойцы даже вошли в периметр вражеского расположения, чтобы побеседовать с солдатами и дать им сигары.

Не оставалось сомнений, что необходимо было, наконец, разрешить ситуацию, так как она слишком затянулась. Существовала еще опасность, что вражеское командование в отчаянном и неразумном порыве предпримет против наших позиций в Хигуэ массированную воздушную атаку, даже с применением напалма, которая могла бы нанести ущерб. Было вполне уместно сразу же захватить оружие и боезапасы, которые потребуются, чтобы проводить последующие операции против вражеских сил, проникших внутрь повстанческой территории. С другой стороны, наши люди также уже начали ощущать неприятное воздействие голода и усталости.

Другим вариантом, который стоило рассмотреть в плане ускорения развязки, был фронтальный штурм. В безусловном успехе атаки у нас не оставалось сомнений. Перед волей к борьбе наших людей ничего не могли бы поделать истощенные и деморализованные вражеские войска. Даже Че рекомендовал мне такой ход действий в одном из своих посланий. Однако для решения подобного рода следовало очень хорошо взвесить цену, которую нам придется заплатить потерями среди наших бойцов в подобных операциях. Убежденный в том, что сдача окруженных войск будет вопросом часов, я принял в итоге решение подождать результат боя против второго подкрепления.

Тем вечером, получив первые сообщения о разгроме, учиненном этому подкреплению, я решил направить письмо майору Кеведо. После напоминания об участи контингентов, направленных вражеским командованием с пляжа, не скупясь на доводы, я изложил следующие соображения о бесполезности затягивать сопротивление с его стороны:

«Путь из Ла-Платы, Вы знаете, это как Фермопильский проход, который тысячи солдат не смогли бы обойти с фланга.

Если бы Вы не были рыцарем, каким являетесь, гуманным и достойным человеком, который с таким доброжелательством обращался с гражданами, где бы ни находился; если бы Вы не были любимым командиром для своих солдат за то, как Вы к ним относитесь; если бы Вы не были военным с патриотическими и демократическими чувствами, вынужденным горькими обстоятельствами вести эту кампанию против разума, права и справедливости, в которой не сможете обрести никакой чести и славы, хотя бы Вас сопровождала военная фортуна, – меня не удивило бы, если бы Вы погибли от голода и шрапнели со всеми своими солдатами, которые, в конечном счете, служат позорному делу тирании, стоившему жизни многим добрым патриотам.

Но моя совесть честного человека, мои гуманные чувства к другим людям в противостоянии налагают на меня, по крайней мере, обязанность сделать что-то ради этих людей, которые находятся здесь и которые в своем большинстве обмануты и верят в грубые измышления, выдуманные теми, кто торгует кровью солдат Республики, и ради Вас – того, кого, к нашей горечи, мы поставили в это тяжелое положение, даже не зная, что речь идет о Вас, об одном из самых достойных военных, каких я знаю в армии и который всей душой стремился беречь свою честь, что оправдано только в защите Родины и справедливых дел, жертвует своей жизнью и жизнью своих людей во имя гнусности.

У меня тоже есть свой интерес: беречь жизни моих людей. Будьте уверены, мне было бы достаточно приказать пойти на массовый штурм силами, вдвое пре-

восходящими те, что у Вас остались, и мы возьмем эту позицию, каким бы упорным ни было сопротивление нам, ибо наши войска распалены и нам благоприятствуют все тактические преимущества. Но имели бы право ожидать Ваши солдаты того же обращения, если нас заставляют принести в жертву многочисленных товарищей в битве, которую они уже проиграли? Между тем, понимаете ли Вы, что с нашими людьми, укрывшимися в неприступных траншеях на массивах и в теснинах, попытка вызволить эти войска означала бы гибель сотен ваших товарищей по оружию без надежды достичь своей цели.

Знаете ли Вы, что войска изнурены, а число задержанных за дезертирство в ходе операций исчисляется сотнями, и в таком плачевном состоянии дела не могли бы одолеть наше упорное и решительное сопротивление? Если за два месяца они не смогли проникнуть в определенные зоны, как они будут проникать по гораздо более защищенным дорогам в благоприятной для нас местности? Разве Вы не видите, что авиация, единственный род войск, за который вы еще можете ухватиться, не наносит ни малейшего ущерба нашим рядам и что наши люди расположены так близко от вас, что не могут подвергнуться пулеметному огню и бомбардировкам так, чтобы вы тоже не пострадали?

Какую надежду можете питать Вы, майор, чтобы она оправдывала принесение в жертву стольких ваших и наших жизней?

Военная честь! Не думаете ли Вы, что военная честь требует, прежде всего, чтобы армия Республики и ее офицеры из Академии никогда не ставились на службу преступлению, воровству и угнетению?

Вы культурный человек и знаете, что я говорю с Вами разумом и сердцем. Наберитесь смелости быть искренним со своей совестью, быть верным ей, Роди-

не и человечеству, а не умирать в безвестности так, чтобы нация и ваши сограждане не отблагодарили Вас, не восхищались Вами, ведь человеческое существо имеет право преследовать более благородные цели. Ваша смелость и Ваша жизнь, честность и способность человека, в котором нуждается родина, не должны приноситься в жертву напрасно.

Есть много раненых, пленных из вашего батальона, а в сегодняшнем бою уже оказались в наших руках четырнадцать ваших тяжелораненых товарищей, которые не могли быть эвакуированы и остались без необходимой медицинской помощи, пока продолжается битва, при той обременительной работе, которую налагают на нас персональные военные обязанности.

Мы сосредоточиваем всех раненых пленных для передачи Международному Красному Кресту, представители которого прибывают с охранными свидетельствами командующего операциями во вторник, 25-го числа. Материально мы не можем сделать большего для них. Направьте на нашу линию, если того желаете, своего врача, чтобы он засвидетельствовал то, что я говорю.

Соблаговолите прислушаться к этим доводам не случайного противника, а друга и своего товарища по университетской учебе и своего искреннего соотечественника, для которого победа, поскольку Вы имели отношение к этим событиям, когда было пролито столько крови, не может не отдавать более горьким вкусом.

Ожидаю от Вас как человека воинской чести, что возвратите доставившего это письмо, который несет его Вам, просто выполняя мой приказ [...]».

Такова окончательная версия письма, направленного майору Кеведо вечером 19 июля. Письмо доставил плен-

ный солдат, кажется, повар, который нес также сообщение о том, что наши люди приостановят огонь до десяти часов утра следующего дня.

Посланец прибыл по назначению на рассвете 20 июля и вернулся утром с ответом Кеведо. Командир батальона 18 благодарил за послание, но сообщал, что не примет никакого решения до шести часов пополудни, так как обещал вышестоящему командованию ждать до этого часа результата боя с подкреплением.

Спустя немного времени Рамиро проинформировал меня, что разговаривал с майором Кеведо, который сказал ему, что будет сопротивляться до 6:00 пополудни и что, если к этому часу обещанное подкрепление не прибудет, он расположен договариваться о своей сдаче. Сообщение, хотя и ожидавшееся, не переставало быть очень обнадеживающим. Начинала просматриваться более близкая победа. Все зависело от успеха боя против этого второго подкрепления, в исходе которого у нас не было ни малейшего сомнения.

Рамиро удалось установить контакт с Кеведо благодаря передышке, объявленной нами, которая фактически была продлена до 10:00 утра, когда мы узнали об ответе на предложение о сдаче. Во время приостановки огня многие повстанческие бойцы, среди них наши капитаны Браулио Кюрюно, Гильермо Гарсиа и Игнасио Перес, вошли во вражеский лагерь и братались с правительственными солдатами.

В тот же день пополудни направил «Повстанческому радио» сводку, объявлявшую о предстоящей победе в битве с батальоном 18, которая расценивалась нами как решающая. Я не захотел давать пока сообщение о сдаче – решение об этом принималось – из опасения, что вражеское командование отреагирует бомбардировкой своих собственных военнослужащих. Кроме того, дать информацию сразу же означало поторопить с отдачей приказа

о немедленном отводе остальных вражеских сил, проникших на повстанческую территорию, – конкретно речь шла о размещавшихся в Санто-Доминго, Вегас-де-Хибакоа и Минас-де-Фрио, – не оставляя нам времени подготовить условия, чтобы воспрепятствовать этому.

Тогда же, в послеобеденное время, приказал также сосредоточить в самом Хигуэ весь личный повстанческий состав зоны, включая силы, которые сражались в Пуриалоне. Предвидя, что о сдаче будет договорено этим вечером, я намеревался отправиться оттуда на рассвете в Ла-Плату с частью людей, которые будут участвовать в предстоящих действиях в зоне Санто-Доминго, тогда как другая часть двинется в направлении Момпье для участия в окружении и захвате вражеских войск в Вегас-де-Хибакоа.

Кеведо оповестил меня через Кюрюно, что в пять часов пополудни поднимется для встречи со мной с целью договориться о сдаче и попросил прислать ему двух лошадей, на которых могли бы осуществить подъем он и доктор Вольф, врач батальона. В ответ на эту просьбу я направил Агилериту во вражеский лагерь с двумя мулами и какой-то едой и в согласованный час спустился на встречу с прежним товарищем по учебе.

Беседа была сердечной. Кеведо выглядел утомленным, но еще прилагал усилия сохранить вид энергичного человека. Подробно объяснил ему все случившееся с начала битвы, что, по моему убеждению, сопротивление осажденных войск было бесполезным, так как после разгрома двух подкреплений их участь была решена. В конечном счете он согласился со сдачей на условиях, которые ему предложили, состоявших, в основных чертах, в гарантии физической неприкосновенности и медицинской помощи раненым и больным из личного состава, передаче как можно скорее всех пленных, за исключением командира батальона, Красному Кресту, что мы уже делали, изъятии всего оружия, исключая короткое холодное оружие у офи-

церов. Кеведо обязался обсудить эти условия со своими подчиненными офицерами и уведомить меня об окончательном ответе тем же вечером.

Битва завершилась раньше, чем была официально оформлена договоренность о сдаче осажденных войск. Мы с Кеведо еще беседовали, а группа вражеских военнослужащих уже поднялась на наши позиции, чтобы готовить еду для своих товарищей. Повстанцы и солдаты перемешались во вражеском лагере. Около полуночи я сам спустился и втиснулся между правительственными солдатами, проявив явную неосторожность, так как все в тот момент еще сохраняли свое оружие. Я пробыл там какое-то время, беседуя с ними, и не произошло ни малейшего инцидента.

Только перед рассветом начали отбирать оружие и собирать остальные военные трофеи. Всего накопилось столько, что пришлось попросить вереницу мулов у лавки вяленого мяса в Хименесе, чтобы увезти груз.

Всего было взято 158 единиц оружия, включая два пулемета 30-го калибра на треногах, базуку, один 81-мм миномет и один 60-мм, большой боезапас для всех них и ручные гранаты. Общее количество оружия, взятого во время всей битвы, составило 249 единиц.

Что касается пленных, то в Хигуэ сдались 146 военнослужащих. Всего же, считая захваченных во время всей битвы, оказалось более двухсот сорока человек, из них около тридцати раненых. Приблизительный подсчет вражеских потерь со смертельным исходом составил сорок один человек.

Большинство пленных отправилось вместе с персоналом из повстанцев в зону Ла-Платы. Другие были направлены в дом сотрудничавшего с повстанцами крестьянина Сантоса Переса в Хигуэ Арриба, где находились также раненые в предыдущих боях. Намерения состояли в передаче всех этих вражеских пленных в Вегас-де-Хибакоа

Международному Красному Кресту 22-го числа, как было, наконец, с ним условлено.

С повстанческой стороны нам пришлось сожалеть о гибели в боевых действиях как в Хигуэ, так и в Пуриалоне шести товарищей: Андреса Куэваса, Теодора Бандераса, Роберто Корриа, Эухенио Седеньо, Винтуро Акосты и Франсиско Луны. Несколько бойцов получили незначительные ранения, среди них Педрито Мирет. На следующий после сдачи день при переезде людей в зону Ла-Платы погиб от случайного выстрела седьмой повстанец – Луис Энрике Карраседо.

Как и планировали, на рассвете в понедельник, 21 июля, предприняли поход к Ла-Плате. Со мной в центре длинной колонны шагали майор Кеведо и его личный адъютант – капрал по фамилии Гамба, который настоял, чтобы остаться со своим командиром. Вечером мы устроились лагерем в госпитале Мартинеса Паэса, около Командования Ла-Платы. На следующий день Кеведо продолжил путь в направлении тюрьмы Пуэрто Маланга, так как поведал мне о своем двойном интересе – поприветствовать содержавшихся там пленных правительственных военнослужащих и ознакомиться с местом, занятие которого было конкретной целью его миссии в Сьерра-Маэстре. Я же проследовал в ставку Командования, куда прибыл пополудни 22 июля.

Известие о сдаче батальона 18, о подавляющей повстанческой победе в Хигуэ было объявлено, наконец, по «Повстанческому радио» 23 июля (см. документ на с. 661).

На следующий день дикторы радиостанции зачитали военную сводку, составленную мной в Ла-Плате, в которой подводился подробный итог битвы.

Так закончилось одно из решающих действий всей войны. После Хигуэ у меня не оставалось никаких сомнений в исходе вражеского наступления и в относительно близком разгроме тирании.

20

Разгром Санчеса Москеры

ИЮЛЬ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	**23**	**24**	**25**	**26**
27	**28**	**29**	30	31	–	–

20 июля в полдень, когда еще не сдались войска в Хигуэ, я написал в послании Че:

«Нам уже не надо переносить больше сегодняшние бомбежки. Отправь в зону Ла-Платы, где находится госпиталь, тех, кто хочет вооружиться, хочу собрать все винтовки «Мендоса», вооружить «Спрингфилдами», «Гарандами» и «Кристобалями» людей; распределить автоматическое оружие среди самых старых ветеранов и немедленно отрезать отход вражеских солдат из Санто-Доминго и Вегас».

Мой план на самом деле состоял в том, чтобы продолжить немедленно после победы в Хигуэ, без перерыва, действия по ликвидации угроз, еще существовавших из-за присутствия двух других вражеских группировок внутри нашей территории – войск батальона 11 Санчеса Москеры в Санто-Доминго и двух рот батальона 10 майора Суареса Фаулера, все еще находившихся в Вегас-де-Хибакоа, – операции, которые после исхода битвы при Хигуэ мы были в состоянии осуществить одновременно.

Как я объяснил в предыдущей главе, как только была достигнута сдача батальона 18, в тот же день мы предприняли перемещение всех повстанческих сил, участвовавших в битве в Хигуэ и Пуриалоне, на новые позиции, которые они должны были занять для развертывания ближайших предусмотренных действий (см. документ на с. 665).

Что касается Санто-Доминго, с самого момента моего возвращения в Ла-Плату 23 июля я начал организовывать окружение батальона 11 Санчеса Москеры и готовить диспозицию для отбрасывания и разгрома подкреплений, которые наверняка направит ему на помощь вражеское командование.

Напомним, что во время развертывания битвы при Хигуэ в зоне Санто-Доминго оставались маленькие повстанческие силы Рене Рамоса Латура, Феликса Дуке, Хеонеля Родригеса, Зенена Мериньо, Убера Матоса и Даннея Переса Аламо. Этих сил было достаточно, так как после боя в Эль-Наранхо, 9 июля, вражеский батальон, размещенный в Санто-Доминго, не попытался осуществить какое-то движение.

Среди самых важных одобренных мной после Хигуэ диспозиций было приказание Гильермо, чтобы он снова прикрыл со своими бойцами северный сектор готовящегося окружения от высоты Ла-Мантека до высоты Ла-Сейба, составлявшей уже последнюю часть массива холма Эль-Брасон. Справа от Гильермо расположилось отделение Вило Акуньи. Таким образом было сформированно окружение вражеского лагеря к северу и северо-востоку. К югу и юго-востоку продолжали держаться на своих позициях Данней Перес Аламо, Зенен Мериньо и Убер Матос, к которым добавилось теперь отделение Эль Вакерито.

Наконец, что касается других приказов по окружению в Санто-Доминго, я направил инструкции Феликсу Дуке,

чтобы он занял со своим отделением позиции в Леонсито, на реке Яра, около двух километров вниз по реке от вражеского лагеря. Это была бы первая сила, с которой столкнулась бы армия, если бы попыталась, следуя вдоль реки, избежать соприкосновения.

Предполагая применить тот же способ сосредоточения главного удара на подкреплениях, могущих прийти на помощь окруженному батальону, я передал 23-го числа из Ла-Платы приказ Рамону Пасу, который после действий в Пуриалоне переместился со своими людьми в Пуэрто Маланга, чтобы он как можно быстрее занял новые позиции на уровне Каса-де-Пьедра.

В тот же день я распорядился о перемещении Даниэля и его людей также к Каса-де-Пьедра, где они должны были подкрепить сильную засаду, которую подготовит Пас для войск, пытающихся подняться по реке Яра на помощь батальону 11. Для этой засады я предназначил, кроме того, отделение под командованием Уго дель Рио, добавив к нему отделение Уилиама Гальвеса.

К этому времени у меня уже не было ни малейшего сомнения в том, что следующими движениями врага будут: во-первых, направить подкрепление войскам, запертым в Санто-Доминго, чтобы помочь им выбраться, и, во-вторых, попытка Санчеса Москеры вырваться из смертельной ловушки, в которой он находился.

Возникал единственный вопрос: какой путь решит избрать вражеское командование, чтобы спастись? Естественным путем была река, но такой командир, как Санчес Москера, вероятно, заранее понял бы, что на этом пути мы лучше всего приготовились, чтобы помешать ему.

Но прежде должен рассказать о некоторых делах, имевших важные последствия.

Точно так же путь по реке был самым естественным для направления подкрепления из Эстрада Пальмы батальону Санчеса Москеры в Санто-Доминго. В этом случае Пас и Даниэль имели бы задачу задержать подкрепление на траверсе Каса-де-Пьедра, тогда как Суньол и Пинарес должны были занять позиции в Эль-Сальто, ниже по реке, и отрезать отход войскового подкрепления, которое натолкнулось бы на засаду в Каса-де-Пьедра. Эта вторая часть операции оказывалась решающей, так как снова моим намерением было не только задержать подкрепление, но также блокировать его и разгромить.

В тот же день, вернувшись в Ла-Плату после битвы при Хигуэ, я проинструктировал Пинареса о его задаче и направил занять новые позиции, а в послании Суньолу указал, чтобы он переместился в Эль-Сальто и присоединился к бойцам Пинареса. Напомним, что Пинарес принял командование взводом Куэваса после гибели последнего в Пуриалоне. Оба были очень хорошими бойцами.

Тогда же я отдал приказ о перемещении взвода Сардиньяса в Эль-Какао. Мой замысел состоял в том, что при столкновении с подкреплением в Каса-де-Пьедра, Лало поддержал бы действия Пинареса и Суньола, спустившись с Провиденсии с двойной целью: помешать спастись вражеским солдатам, которые не избежали бы ловушки в Эль-Сальто, и предотвратить появление второго подкрепления на помощь первому.

Важность, которую я придавал этой операции против подкрепления, становится очевидной из послания, направленного мной Пинаресу пополудни 24-го числа (см. документ на с. 666):

> «Миссия твоя и Суньола – это атаковать вражеских солдат с фланга или с тыла, когда они столкнутся с

Пасом. Должны разместиться на позициях, где вас не могут видеть, и оттуда идти вперед и атаковать неожиданно врага, когда он столкнется с Пасом. У вас достаточно людей. Вы не группа, которую могут легко обойти.

Лало находится у Эль-Какао, чтобы также атаковать солдат с тыла, пройдя через Провиденсию. Нельзя позволить пройти этим войскам».

Пополудни я отдал приказ Даниэлю о перемещении в Каса-де-Пьедра, чтобы подкрепить Паса. В этот момент он находился на уступе массива Гамбоа – более или менее там, где располагалось раньше отделение Дуке. Туда, на прежние позиции я вернул его как часть подготовки к окружению вражеских войск в Санто-Доминго. Выразителен текст послания, которое я направил ему:

«Переместись достаточно рано со всеми своими силами на подкрепление позиции Паса. Похоже, что солдаты станут подниматься завтра, и это может оказаться хорошей возможностью, так как мы располагаем силами, готовыми атаковать с различных направлений. Ещё один сильный удар в эти моменты был бы смертельным для Батисты».

Тем же вечером Даниэль отправился со своими людьми в Каса-де-Пьедра. Взял с собой мое следующее послание Пасу:

«Направляю на эту позицию взвод подкрепления с хорошими людьми. Сторожи́ хорошенько массивы и не отступай ни на шаг. Предупреди Пиналя [Пинареса] и Суньола, чтобы хорошо спрятались и солдаты их не обнаружили, и что они должны атаковать после того, как те завяжут бой с тобой, не стреляя, пока не окажутся достаточно близко от врага».

Чтобы занять эти позиции на уступе Гамбоа, которые оставались пустыми после перемещения Даниэля, я сам спустился тем же вечером с Ла-Платы с маленькой группой бойцов.

Должен заметить, что мои ожидания в отношении запланированной операции против подкрепления были велики. Если сработает, как надо, ловушка, подготовленная между Каса-де-Пьедра и Эль-Сальто, еще одно вражеское подразделение окажется смятым. Хороший удар такого рода мог бы стать достаточным, чтобы привести, так же, как произошло и в Хигуэ, к сдаче окруженного батальона. Хотя, конечно, условия были не те же самые.

Однако 24-го числа стали очевидными некоторые колебания среди повстанцев в Эль-Сальто, которые будут иметь важные последствия в час боя. Свидетельством этого служит следующее послание, направленное в тот же день Суньолом Пасу:

> «У меня нет ничего, кроме винтовки-пулемета, другая такая винтовка у Пинара [Пинареса]. Этим вечером я шел сюда [на позицию Паса в Каса-де-Пьедра], но это далеко и идет дождь. В нашей ситуации ничего хорошего, ведь не одна колонна движется сюда, их две [...]. Я не знаю, что с нами будет, учитывая, что их две. Думаю, атакуем с тыла первое, а если подойдет второе, отойдем, чтобы оно вошло, а потом посмотрим, откуда его атакуем. Это очень плохо, трудно выпутаться из такого положения, так как вполне понятно, что могут схватить нас, где захотят. Посмотрим, что будет».

Озабоченный пессимистическим тоном этого послания, Пас переслал его мне в Ла-Плату, откуда я уже отбыл. Поэтому его послание дошло до меня очень поздно. Но что я получил в тот день, так это записку Пинареса, в которой он информировал меня о своем несогласии

с позициями, где расположил своих людей Суньол. Читая ее, я принял решение спуститься к Каса-де-Пьедра, чтобы попытаться оттуда наладить осуществление ловушки в Эль-Сальто. Но прежде отправил следующее послание Пасу:

> «Должен сказать им, что не можешь позволить, чтобы солдаты увидели их до столкновения с тобой. И, особенно, чтобы не совершали ошибок и думали головой. Хорошенько предупреди Суньола и Пиналя [Пинареса], что потребую ответить за любую допущенную ошибку; что их задача – атаковать врага с фланга и они должны выполнить ее полностью и эффективно».

В результате не смог отправиться в Каса-де-Пьедра до позднего вечера 25-го числа, после того, как произошел бой Паса и Даниэля против подкрепления. Правда, то была ночь, когда я в первый и в последний раз заблудился в Сьерре.

С командного пункта на массиве Гамбоа я слышал бой Паса с ротой Р пехотной дивизии под командованием капитана Абона Ли – того самого, который оказал упорное сопротивление Камило в казарме Ягуахай* в конце войны. Этой роте было поручено вышестоящим командованием прийти на помощь батальону, окруженному в Санто-Доминго. Она везла с собой обильный запас продовольствия. Я услышал сильный взрыв мины, выстрелы минометов и базук, плотный огонь пулеметов и полуавтоматического оружия в длинной долине реки. Бой продолжался около четырех часов, но у меня не было связи

---

* Битва в г. Ягуахай в провинции Лас-Вильяс в центральной части Кубы происходила с 21 декабря 1958 г. Казарма, мощная крепость, ставшая последним оплотом батистовского режима, была взята после упорных боев в городе войсками колонны № 2 «Антонио Масео» под командованием Камило Сьенфуэгоса 31 декабря, за семь часов до падения тирании. – *Прим. переводчика.*

с Пасом, пришлось ждать посланцев, которые, без сомнения, прибудут на следующий день.

Я решил отправиться почти ночью в нетерпении узнать результаты и удалось ли Пинаресу и Суньолу блокировать подкрепление. Двинулся на северо-запад, по лесу, в поисках пути. В лесу нельзя было разглядеть человека в двух метрах. Худшее сложилось, когда, пытаясь сократить дистанцию, мы наткнулись на «пелуа», так называли крестьяне прогалину, место, где раньше что-то возделывалось, а теперь покрытое непроходимыми спутанными зарослями сорной травы. В довершение всего начался сильнейший и затяжной ливень. Нам пришлось ждать рассвета и искать дорогу, которая привела бы на встречу с Пасом.

Только на рассвете 26-го числа смогли сориентироваться. Оказались у холма Ла-Чорра, все еще на значительном расстоянии от позиций Паса и Даниэля в Каса-де-Пьедра. Из сообщений по микроволновой связи, пойманных в Хигуэ, мы заранее знали о движениях, планировавшихся врагом, и в частности о направлении из Эстрада Пальмы подкрепления войскам Москеры в Санто-Доминго. Среди прочего я услышал во время боя приказ войскам в Санто-Доминго выйти на помощь подкреплению под командованием Абона Ли, приказ, который Санчес Москера, знающий местность и осведомленный о присутствии повстанческих сил, заблокировавших его проход, не выполнил. Также услышал приказ командиру подкрепления беречь мулов, на которых везли продукты и военные припасы, чтобы не потерять их и не дать попасть в наши руки.

А произошло вот что. 25-го числа рота отправилась на грузовиках из Эстрада Пальмы и уже в Провиденсии начала марш по главной дороге вверх по реке, как мы и предвидели; в полдень прибыла в Каса-де-Пьедра и натолкнулась на сильную засаду Паса и Даниэля, подкреп-

ленную к тому же накануне отделениями Уго дель Рио и Уилиама Гальвеса.

Завязался яростный бой, начавшийся взрывом мины, заложенной на дороге, и первыми очередями пулемета 30-го калибра, установленного между камнями у реки, которым управлял боец Орландо Авилéс. Ожесточенное столкновение, в котором погиб боец Элинор Теруэль, длилось четыре часа, и повстанцам удалось сдержать все попытки прорвать фронтальную линию обороны и продвинуться вперед. Наконец, враг отказался от своих намерений, отошел вниз по течению и оставил весь свой обоз, понеся значительное число потерь и убедившись в бесполезности своих усилий.

Эта часть плана сработала замечательно. Пас еще раз продемонстрировал свои исключительные способности командира и бойца, пользуясь решительной поддержкой своего личного состава и других повстанцев, участвовавших во втором бою в Каса-де-Пьедра (см. документ на с. 736).

Однако другая часть плана, то есть действие сил Суньола Пинареса из Эль-Сальто, с целью заблокировать подкрепление, не сработала. Необъяснимо, почему Суньол вместо того, чтобы продвинуться к Каса-де-Пьедра, когда ощутил начало боя, покинул свои позиции и убедил Пинареса, чтобы тот следовал за ним. Несомненно, в его душе возобладали пессимистические настроения, проявившиеся в послании Пасу 24-го числа, уже цитировавшемся. Неоправданное опасение оказаться зажатым между войсками, ведущими бой в Каса-де-Пьедра, и другими, которые появятся вслед за ними, – мнимыми войсками, которых никогда не существовало. Вместе с Пасом Суньол и Пинарес располагали почти 150 бойцами, с которыми могли ликвидировать даже целый двигавшийся батальон. Напомним, что сделали Лало и Зенен Мериньо, располагая лишь тридцатью бойцами во время первой битвы у Сан-

то-Доминго, с ротой батальона 22 майора Эухенио Менендеса, которая была ликвидирована. Из-за этого колебания не было достигнуто ожидаемого результата: полного разгрома подкрепления и его сдачи. Поэтому бой продолжался столько часов.

Все же результат этого второго боя в Каса-де-Пьедра имел огромное значение. Согласно докладам, присланным Пасом, враг потерял убитыми не менее одиннадцати человек и неопределенное, но немалое количество раненых. Было захвачено 24 пленных, базука с четырнадцатью гранатами, 29 винтовок «Гаранд», девять карабинов «Сан Кристобаль», четыре винтовки «Спрингфилд», пистолет, четыре ручных гранаты и 39 гранат «Гаранд». Были взяты, кроме того, тринадцать мулов, груженных продуктами, тридцать полевых вещевых мешков военной формы, одеяла, нейлоновые накидки, радиоустановка с шифром, который начинал применяться как раз в тот день. Это были весьма значительные трофеи. Но самый важный результат состоял в том, что мы не допустили прибытия подкрепления в Санто-Доминго. Суньол и Пинарес вынудили меня решиться на одну из самых горьких критических проработок, которые когда-либо я позволял себе.

Я вернулся в зону Санто-Доминго. До этого Санчес Москера распустил слух, что находился на центральном пункте Эстрада Пальма для контакта с высшим командованием. Только после боя с Пасом я точно установил, что он оставался в Санто-Доминго с окруженным батальоном. В бою у Каса-де-Пьедра была захвачена корреспонденция, присланная Москере, и даже бутылка коньяка для него. Пас срочно сообщил мне с посланцем, что задержится с прибытием, следуя по самому надежному пути через Ла-Плату. В тот же день полковник Санчес Москера получил приказ покинуть Санто-Доминго и направиться в Провиденсию, где будет заниматься фортификацией местности и займет позиции рядом с новым, переформированным батальо-

ном 22 под командованием майора Эухенио Менендеса Мартинеса, так как прежний командир пострадал в аварии.

После краха с подкреплением Абона Ли подполковник Санчес Москера узнал, что его вышестоящее командование уже не сможет подкреплять и снабжать его в Санто-Доминго. Хитрый командир батальона 11 не пытался выйти по дороге у реки, чтобы добраться до этого пункта. Разделил свои силы на три группы и начал подниматься к массиву Эль-Брасон через три различных пункта.

Одна из групп сил Москеры продвинулась к возвышению через второстепенный массив Ла-Сейба. Атака застала врасплох защитников траншеи лейтенанта Ама́ндиса, и она была занята, хотя отделение оказывало сопротивление примерно в течение часа. Там погиб боец Хуан Васкес. Враг не смог занять главный массив Эль-Брасон, укрепленный и обороняемый силами Гильермо Гарсиа.

Получив сведения об этом бое и о пути, избранном Санчесом Москерой, чтобы улизнуть, я приказал Лало Сардиньясу присоединиться к силам Гильермо и обоим неуклонно преследовать врага, который продвигался вдоль всего холма Эль-Брасон, с тем чтобы нанести ему возможно больше потерь и застопорить его отход, чем дать время организовать линию сдерживания и отбрасывания, которая, учитывая обстоятельства, могла быть подготовлена только на траверсе Провиденсии. Путь, избранный Санчесом Москерой, действительно неизбежно привел бы его в Провиденсию, где имелась возможность закрыть с высот, рядом с этим поселением, единственный созданный природой выход – каньон реки Яра, между массивами Провиденсии и Пика-Пика.

На рассвете 27-го числа силы Гильермо и Лало продолжали преследование батальона 11, который отчаянно боролся за свое спасение. Они не могли знать, что командир подразделения, которое они преследовали, был ранен в голову, о чем я узнал из переговоров по микроволновой связи

благодаря аппаратуре, захваченной накануне у роты Р Абона Ли. Оказалось невозможным информировать их об этом в тот же день пополудни, что было бы очень важно для них.

Высшее вражеское командование изменило свои планы и отказалось от мысли фортификации местности на позициях батальонов 11 и 22 в Провиденсии, месте очень близком к равнине и Эстрада Пальма. С остальной частью батальона 11 шли почти две роты батальона 22. Гильермо оценил, что насчитывалось около шестисот человек. Начальник командного поста в Байамо генерал Эулохно Кантильо 26 июля 1958 г. подписал один, но о многом говорящий документ (см. документ на с. 668–669). Процитирую только наиболее существенные его части:

«ВРАГ:
Качество: враг имеет очень хорошо тренированное войско для типа операций (герилья), которые он проводит, так как почти все происходят из соответствующего региона, а командиры уже много времени находятся в зоне и очень хорошо знают местность [...].

Количество: оценки значительно различаются, но могут колебаться от 1000 до 2000 бойцов первого класса, довольно хорошо вооруженных. К тому же почти каждый проживает в контролируемой ими высотной зоне, где каждый является осведомителем, посыльным или информатором (мужчина, женщина или ребенок).

Вооружение: для этой операции враг запросил у каждого начальника зоны направить ему лучших людей, с лучшим вооружением, сосредоточивая своих лучших людей и снаряжение [...]».

Затем Кантильо в этом документе обвиняет во всем командиров войск и рот, которыми он бессмысленно пожертвовал:

«Организация: типичные для герильи маленькие группы, которые скрываются и проникают в расположение наших войск на марше, а иногда и на отдыхе. В последнее время скрываются в деревнях и сорной траве, также нападают неожиданно на части и разоружают их. Объединяются в большом количестве для нанесения определенного удара.

Здоровье: плохое санитарное состояние; очень истощенные от плохого питания, но большой физической выносливости. Могут выдержать несколько дней в одном месте, не двигаясь, без еды и воды.

Моральное состояние: последний успех в блокировании и принуждении частей к сдаче намного подняли их моральное состояние; приобрели большое количество вооружения, боезапаса и продуктов питания; это сделало их более дерзкими; приобретали также наши мини-паки* и PRC-10**.

АРМИЯ:
Качество: качество нынешнего Солдата почти всех уровней более чем на 75 процентов четвертого класса для этого типа операций, который предполагает большую физическую выносливость при усилиях [...] и постоянную волю искать врага и победить.

[...] Целесообразно отводить части на более благоприятную местность, где можно маневрировать, сокращая вместе с тем дистанцию для поддержки и снабжения, где могли бы, если враг будет следовать за нами и поддастся нашей игре, решить исход кампании.

В разделе, касающемся РЕШЕНИЯ, перечисляются части, которые должны быть отведены с гор.

---

* Устройство для защиты от прослушивания телефонных переговоров. – *Прим. переводчика.*

** Аппарат микроволновой связи. – *Прим. переводчика.*

ПЛАН:
Привлекать врага в район, который благоприятен для нас и располагает укрепленными пунктами, связанными между собой, и возможностью маневра и незатруднительностью снабжения. Кроме того, совершать множество маневров на нашем Западном фланге, сохранять резерв и обеспечить главный пункт снабжения в ЭСТРАДА ПАЛЬМА.

Реорганизовать наши силы, сократить наши линии, удлинить линии врага и поставить его в невыгодные положения.
[...]
«ЗА СВОБОДУ КУБЫ»
(подпись)
Э.А. Кантильо,
генерал-майор, командующий оперативной зоной».

Я догадался о движении Москеры по интенсивной стрельбе, которая происходила на противоположной стороне от пункта, где мы находились. Там была линия сил из сорока человек под руководством Гильермо, которые прибыли в зону с Третьего восточного фронта в начале вражеского наступления.

У Гильермо уже имелся опыт боев с Москерой вместе с колонной под командованием Рамиро Вальдеса на северо-востоке нашего фронта. Затем участвовал в битве при Хигуэ. Его войско удвоилось после той битвы и было хорошо вооружено. Недалеко оттуда, дальше к западу, располагались люди Лало Сардиньяса, готовые принимать участие как в бою против подкреплений, так и в сжатии кольца окружения.

Немедленно направил посланца, чтобы найти Гильермо, так как не существовало другого способа связи с повстанческими командирами. Иногда включал радиоаппаратуру, захваченную у врага, с целью перехватить пере-

говоры между самолетом и командованием операциями, а также наземными воинскими формированиями, но только на необходимое время, чтобы не разрядить батареи.

Пока не пришли сообщения, которые наверняка задержатся, по выстрелам, доносившимся из различных пунктов (а визуальное наблюдение было здесь невозможно), я понял, что разворачивался сильный бой. Силы армии насчитывали около 900 человек, включая батальон Москеры и то, что осталось от батальона 22. Наши силы, Гильермо и Лало, составляли около 130 бойцов. Там абсолютно не было вероятного пути для какого-то подкрепления.

С этой стороны массива Эль-Брасон, через который начал свой отход Москера, находились минометы, базука, отделение Кюрюно с пулеметом 50-го калибра и мины.

Мы начали двигаться в направлении Провиденсии, подвергаясь риску столкнуться с каким-либо подразделением Москеры и даже с основной силой на марше к Провиденсии, если, встретив сопротивление, он последует по другому, более прямому пути. Наш авангард должен был продвигаться со всеми необходимыми предосторожностями в том же направлении.

В середине того же дня я прослушал переговоры между батальоном 11 и авиеткой высшего командования операциями:

– Полковник ранен в голову! Полковник ранен в голову! Пришлите колибри! Пришлите колибри!

– Колибри не может опуститься! Колибри не может опуститься!

Это был единственный ответ, к тому же вполне логичный. Хотя мы захватили последний код у войск Абона Ли, в нем не было нужды. «Колибри» означало вертолет. Люди Гильермо и Лало атаковали пулеметами 30-го калибра, на треногах, винтовкой-пулеметом и многими полуавтоматическими винтовками. Спуститься вертолету на такой пересеченной местности было невозможно! Но у

нас не было никакой другой информации о том, что происходило. Приближалась ночь, когда пришли известия, что отходящий враг продвигался по тропе, выходившей по склону от дома Рикардо Риаса в направлении Провиденсии.

Дуке, маршировавший вместе с нами, получил задание произвести разведку и попытаться перехватить войска в каком-то пункте склона массива Эль-Брасон. Во исполнение этого приказа Дуке, как всегда, возбужденный и отважный, быстро отправился по созданному природой на местности проходу со своими бойцами, так как для нас было крайне важно обнаружить врага.

Решили ждать результата его разведки. Прошло тридцать, сорок, пожалуй, пятьдесят минут – в таком напряжении было невозможно определить время. Вдруг раздалось несколько выстрелов, и трассирующие пули пролетели над нами на высоте пятнадцати или двадцати метров. Снова тишина. Все оставались начеку. Вернулись некоторые бойцы из взвода Дуке, но никто из них не принес известий о произошедшем. Шагая, не глядя назад, они потеряли контакт со своими собственными людьми. Никто не знал, что с ними. Откуда были сделаны те выстрелы? Жив или погиб Дуке?

Темной безлунной ночью, как и в предыдущий день, стали делать какие-то движения, подвергаясь риску столкнуться с какой-то силой, своей или вражеской. Не могли двинуться. Дуке не подавал признаков жизни. Снова надо было дожидаться рассвета.

Едва рассвело, кто-то объявил о появлении Дуке. Он был жив, но натолкнулся на лагерь отчаявшегося отходившего войска. Заметил, что его обнаружили, и начал возвращаться. Прошел несколько десятков метров и встретил вооруженных винтовками людей, начал разговаривать с ними, думая, что это бойцы из его войска, шедшие сзади. Когда понял, что это не его товарищи, а он беседовал

с вражескими солдатами, часовыми у лагеря, то попытался воспользоваться своим пулеметом, но солдаты набросились на него. Он стал отбиваться от одного из них и крепко зажал его, однако трое других попытались в темноте бить его прикладами по голове, пока Дуке не высвободился и не побежал вниз. Трассирующие пули, которые мы видели, были выстрелами тех солдат.

Дуке стал неузнаваем из-за ударов, полученных в голову, лоб, лицо и шею. Свалился в обморок, истощенный, в каком-то месте, где его пробудил зарождавшийся рассвет. Каким же ценным оказалось его открытие! Мы располагали более мощным оружием. Враг находился очень близко. Мы могли бы обнаружить его на восемь или десять часов раньше, не дав ему отдыха той ночью и окружив его до рассвета.

Какой же это был день 27 июля, через пять лет и один день после атаки на Монкаду, все еще с надеждой ликвидировать батальон 11!

Гильермо с более чем тридцатью людьми и Лало Сарриньяс с более чем пятьюдесятью разместились на господствующем возвышении. Пожалуй, враг никогда не дошел бы до Провиденсии, где Пас стоял на страже при поддержке почти двухсот бойцов.

Кроме того, в тот день Вило Акунья продвинулся вперед по массиву со своим отделением и попытался образовать линию сдерживания на последнем возвышении холма Эль-Брасон перед тем, как склон начинает спускаться к поселку Провиденсиа. Но Вило не располагал достаточными силами, и после короткого боя, в котором погиб боец Хиралдо Апонте, *Эль Маринеро**, вражеским солдатам удалось обойти с фланга позицию Вило и продолжить свое поспешное бегство. Однако Гильермо, который и дальше их преследовал, атаковал с тыла и нанес им потери –

* По-испански – «моряк». – *Прим. переводчика.*

по крайней мере еще двое были убиты, и захвачены три винтовки «Спрингфилд», вещевые мешки и ящик патронов.

Вечером остатки батальона 11 стали лагерем на последних отрогах холма Эль-Брасон, на виду у поселка Провиденсия.

На следующее утро, 28-го числа, враг сжег весь свой обоз, включая часть боезапаса. С массива Эль-Брасон бойцы Гильермо и Лало, уже объединившиеся вечером, созерцали зрелище огромного костра и непрерывные взрывы. Очевидно, намерением раненого командира и тех, кто его замещал, было облегчить груз, транспортируемый его людьми, чтобы ускорить бегство даже в ущерб мощности своего огня. Бойцы Лало и Гильермо продолжили преследовать и беспокоить своими выстрелами с массива вражеские войска на параллельном им пути, нанося новые потери убегающему войску.

В течение всего дня с раннего утра боевая авиация армии не прекращала активные действия. Для поддержки отходящих войск авиация произвела шесть волн налетов с бомбардировкой и пулеметным обстрелом, длившихся до предвечерних часов с участием двух бомбардировщиков B-26 и двух истребителей F-47. На театре боя появился также реактивный истребитель T-33. Для наведения на цели в тот день использовался транспортный самолет DC-3, действовавший в качестве командного поста. Крыло этого летательного аппарата пострадало от попавших в него пуль повстанцев.

Пополудни того же дня я также приказал Дуке оставить свою позицию в Каса-де-Пьедра, куда переместил его накануне, и разделить свои силы на две части. Одна, под командованием Рауля Баранделы, должна была еще больше подкрепить позиции Паса в Провиденсии. С Баранделой направил следующее послание Пасу (см. документ на с. 670) в тот же день 27-го числа, которое в одном из своих абзацев оказалось пророческим:

«Думая, что надо устроить там [в Провиденсии] неуязвимую линию и что из-за неизвестности точной позиции вражеских войск эти люди Дуке могут оказаться незадействованными и к тому же с тыла продвигается наш сильный контингент, я решил послать тебе этих 43 человека, чтобы укрепить твою линию. Полагаю, стало быть, что там нет никого, кто мог бы сдвинуть тебя оттуда.

Помни, что очень важно устроить две сильных засады на дорогах, которые идут от дороги Пальмы, чтобы вам прикрывали спины. Участники этих засад не должны покидать свою позицию ни в коем случае и, если ты увидишь, что какая-то из этих засад подвергнется сильной атаке, подкрепи ее.

Москеда [Москера] идет раненый пулей в голову. Если это войско натолкнется на вас, его надо ликвидировать».

Пас не ставит «две сильные засады на дорогах, которые идут от Эстрада Пальмы, чтобы вас охраняли с тыла».

С другой частью своих сил Дуке должен был попытаться перехватить вражеские войска в каком-либо пункте на склонах Эль-Брасона, так как имелись сообщения, что спасающийся бегством враг продвигается по тропе на середине склона, выходившей к дому крестьянина Риккардо Риоса в направлении к Провиденсии.

Пока все это происходило в Эль-Брасоне, я определил необходимые диспозиции для создания возможно более прямой линии в Провиденсии и для того, чтобы воспрепятствовать бегству неудачливого и пустившегося вроссыпь войска.

В тот же день пополудни я приказал Пасу и Даниэлю, чтобы они со всеми своими силами двинулись в поселок и после быстрого ознакомления с местностью заняли самые подходящие позиции. Пас решил разместиться на

возвышенной части массива Провиденсии, лицом к поселку и господствуя над руслом реки справа, откуда, как он правильно посчитал, должны будут появиться вражеские солдаты. Не замкнул полностью засаду, расположив бойцов на склоне высоты Пика-Пика, с другой стороны реки, так как получил информацию от Агилериты, который был послан на разведку, что враг уже взял эту высоту. Это известие оказалось неверным, солдаты никогда не занимали высоту Пика-Пика. В конечном счете, Эль Вакерито расположился на краю склона Пика-Пика, с другой стороны реки и поселка Провиденсия.

В спешке, пытаясь занять возможно скорее лучшую позицию, Пас также не проявил предосторожности по прикрытию своего тыла, оставляя некоторых людей с другой стороны массива Провиденсии, где начинался спуск к равнине. Эта непредусмотрительность оказалась фатальной.

Слева от Паса Даниэль развернул все свои силы вдоль боковых возвышений массива. Еще дальше налево, начиная замыкать засаду, расположился лейтенант Вильям Гальвес со своим маленьким отделением на возвышении, где находилось кладбище поселка.

Немного спустя после рассвета 28 июля вражеские солдаты стали спускаться по склонам холма Эль-Брасон к реке и поселку Провиденсиа. Когда они оказались на расстоянии выстрела от повстанческих позиций, начался бой (см. карту на с. 736). Новые потери добавились в тот день к уже понесенным батальоном 11 при его бегстве. Боевое действие длилось несколько часов, в течение которых удалось сдержать продвижение врага.

Но пока развивалось это действие, силы переформированного батальона 22, размещенные в Эстрада Пальма, переместились к Провиденсии, чтобы поддержать выход остатков батальона 11.

Не встретив сопротивления, они смогли подняться с равнины на массив Провиденсии и занять край, противо-

стоящий склону высоты Пика-Пика. С помощью этого маневра фактически они оказались за спиной и за правым флангом позиции Паса. В результате неожиданного огня в то время, как они вели бой с теми, кто надвигался с фронта, пали команданте Пас, лейтенант Фернандо Чавес и боец Федерико Хадфег.

Подвергаясь давлению с тыла, люди Паса отошли на позиции взвода Даниэля, который, в свою очередь, отдал своевременный приказ отвести повстанческие силы с этого места. Все участники засады двинулись в направлении кладбища и к Пальма Криолья, вверх по течению реки Провиденсиа.

Между тем остатки батальона 11 попытались выйти по реке Яра, но лишь после отхода людей Паса смогли, наконец, продвинуться, не опасаясь попасть под партизанский огонь. Группа с носилками Санчеса Москеры задержалась с другой стороны поселка, а когда дорога освободилась, проследовала по направлению к реке. Обогнули другую сторону массива Провиденсии и прошли чуть больше километра до Эль-Гинеаля уже по равнине, где сел вертолет, присланный командным постом в Байамо, чтобы забрать раненого и перевезти его в Сантьяго-де-Куба для оказания первой помощи.

Как мы узнали позднее, Санчеса Москеру вследствие ранения разбил паралич конечностей, но со временем к нему вернулась некоторая подвижность. 1 января 1959 г. он сбежал в Майами, где преступники с Кубы всегда находят надежное убежище.

Смерть Паса и смерть Куэваса десятью днями раньше лишили нас двух из числа самых эффективных, боевых и умных командиров, которыми располагала наша колонна. Без сомнения, это был тяжелый удар, который добавился к утрате Анхелито Вердесиа и к той, что понесли спустя два дня с гибелью Даниэля, одной из самых ощутимых наших потерь во время всего вражеского наступления.

Тот факт, что четыре повстанческих командира погибли в бою, многое говорит об отваге и моральных качествах наших командиров, которые не уклонились от нахождения на первой линии вместе со своими людьми.

Из Пальма Криолья бойцы Паса под командованием Даниэля развернулись и начали преследование и беспокоящие действия в отношении врага, который поспешно отошел в направлении Сьерро-Пеладо.

Это преследование продолжалось до Пеладеро, около Нагуас, в нескольких километрах от Эстрада Пальмы, уже целиком на равнине. Было невозможно сделать большее.

В ранее цитированном докладе, отправленном мной Селии вечером 28 июля (см. документ на с. 674), я писал ей:

> «Усилия схватить и разгромить целый батальон Москеры, который отчаянно боролся за свое спасение, оставляя убитых на всём пути, были титаническими. Сегодня они располагали поддержкой батальона подкрепления с внешней стороны и пересекли наше окружение через Провиденсию, пустившись в бегство по всем направлениям.
>
> Москеру смогли вытащить совсем недавно на вертолете. Пулемет 50-го калибра не прибыл, как и 81-мм миномет. В течение дня продолжались бои [...]. Захвачены оружие, патроны, мины к минометам и прочее. Люди Москеры сожгли много винтовок своих убитых, а также почти весь боезапас для миномета и миномет, чтобы не попали в наши руки. Сражаемся, как одержимые. Пока не могу дать полные результаты. Следил за всеми вашими действиями с помощью мини-паков и PRC-10».

И в послании Че 29-го числа (см. документ на с. 685) смог привести больше деталей:

«В битве у Санто-Доминго потеряли семь человек, среди них Пас. В целом итог всей операции – более пятидесяти единиц оружия. Весь боезапас, истраченный при преследовании Москеры, восстановлен. Во время преследования он потерял убитыми человек тридцать. Но по-настоящему жаль, что из-за ряда ошибок наших людей, проистекавших из-за избытка уверенности, не ликвидировали весь батальон».

29 июля, на следующий день после завершения битвы, «Повстанческое радио» передало пространную сводку, составленную мной, о военной ситуации (см. документ на с. 688), из которой процитирую некоторые фрагменты:

«По окончании битвы при Хигуэ немедленно началась другая битва большой важности против двух батальонов тирании, которые принимали участие в операциях от Провиденсии до Санто-Доминго, под командованием подполковника Санчеса Москеры.

В течение четырех дней длилась борьба, которая началась 25-го числа в полдень против вражеских войск, шедших на подкрепление батальону 12 [11], стоявшему лагерем в Санто-Доминго, и завершилась вчера в два часа дня в месте, известном как Пеладеро, около Нагуас, в нескольких километрах от сахарозаводческого хозяйства Эстрада Пальма. Преследование батальона 12 [11] продолжалось 48 часов подряд. Санчес Москера, тяжело раненый в голову, был эвакуирован вертолетом вчера, 28-го числа, в 7:30 утра. Батальон 12 [11] оставил по всему пути множество мертвых и тащил за собой длинную вереницу раненых. По дороге сжег свой собственный боезапас, миномет и базуку [...], чтобы не дать им попасть в наши руки. Соединившись дальше за Провиденсией, остатки батальона 12 [11] вместе с другим батальоном, который

пришел ему на помощь, пустились в бегство к Эстрада Пальма под огнем наших войск, которые боролись с исключительной решимостью.

Хотя пока не все повстанческие формирования, разбросанные по широкому фронту, доложили о полных результатах этой битвы, до вчерашнего дня враг потерял 46 человек убитыми, 24 пленных, было захвачено 29 винтовок «Гаранд», 16 пулеметов «Кристобаль», 8 винтовок «Спрингфилд», тысячи патронов, одна базука с 20 гранатами, два ящика мин к миномету 60-мм калибра, 15 мин к миномету 81-мм калибра, более ста вещевых мешков и другое снаряжение.

Зоны Санто-Доминго, Эль-Сальто и Провиденсии были полностью освобождены от вражеских войск. Наши силы потеряли в этой кровопролитной битве 7 человек убитыми и 11 ранеными.

[...] Повстанческая армия в исключительной степени увеличила свой боевой состав и продолжает борьбу с остатками вражеских сил, начавших самое крупное военное наступление, которое можно было вообразить в нашей Республике, с участием 14 пехотных батальонов и семи дополнительных рот, поддержанных авиацией и бронетанковыми войсками.

Вооруженные теперь захваченными у врага базуками, наши колонны могут сражаться с танками тирании.

Наступление врага превратилось в его отчаянное бегство».

Как говорилось в сводке, зачитанной по «Повстанческому радио», во всех этих действиях, не считая боя против подкрепления в Каса-де-Пьедра (см. документ на с. 736), враг потерял не менее 100 человек, из них 48 убитыми и 24 – пленными. Захвачено более 50 единиц оружия и тысячи патронов. Хотя не удалось достичь полного разгрома батальона 11, верно то, что с ним уда-

лось расправиться и расчленить его и подразделение перестало существовать как боевое формирование. Но самое важное – это то, что враг оказался вынужденным покинуть горы, а северо-восточный сектор нашей базовой территории был окончательно освобожден. Поэтому мы считаем, что итогом этой второй битвы у Санто-Доминго, которая, строго говоря, должна бы называться Битвой при реке Яра, так как она разворачивалась вдоль всей реки, от Санто-Доминго до Провиденсии, стала выдающаяся повстанческая победа (см. карту на с. 736).

Однако не буду отрицать: у меня тогда осталось горькое чувство, так как не удалось полностью разгромить батальон 11.

Ошибки, допущенные некоторыми нашими капитанами, способствовали тому, что не был достигнут более убедительный результат, которого мы были в состоянии добиться.

Самый явный пример представляли промахи Пинареса и Суньола, которые дали себя сбить с толку слухом о присутствии в их тылу вражеской силы и не заблокировали основную часть батальона Абона Ли, который столкнулся с Пасом в Каса-де-Пьедра, что послужило мотивом для одной из самых суровых критических оценок, высказанных мной во время всей войны, даже до того, как обе роты, которым дали ускользнуть, атаковали Паса с высот, за массивом Провиденсии, когда он готовил линию боя, чтобы воспрепятствовать бегству батальона 11. Я слышал, как с самолета DC-7 отдавали приказ стрелять с высот, которые я распорядился занять достаточно заблаговременно, чтобы позиция Паса не была уязвимой. Испытал очень горькое чувство: слышал приказы, отдаваемые врагом, но не мог связаться по радио с командирами наших бойцов.

Другим случаем был необдуманный порыв Дуке, ибо его отделение могло бы оттянуть просачивание вражеских солдат или даже не дать им уйти.

Но не стоит останавливаться сегодня на этих ошибках, которые в свое время всем нам послужили уроком. Что важно, так это то, что в то время была полностью устранена серьезная угроза, возникшая в двух из трех секторов вражеского наступления, – двух, находившихся в самом критическом положении из-за непосредственной опасности для центрального ядра нашей территории вокруг Ла-Платы. Теперь оставалось устранить такую угрозу в третьем секторе, для чего мы находились в отличных условиях.

21

Победа в Вегас-де-Хибакоа

ИЮЛЬ 1958						
вс	**пн**	**вт**	**ср**	**чт**	**пт**	**сб**
–	–	1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	**21**	**22**	**23**	**24**	**25**	**26**
27	**28**	29	30	31	–	–

В уже цитировавшемся послании, направленном мной Че за несколько часов до сдачи батальона 18 в Хигуэ, я сообщал ему, что предпримем две одновременные операции против вражеских сил в Санто-Доминго и Вегас-де-Хибакоа, и уведомлял его также, что он возглавит вторую из них. Че ответил мне известием, что просит лично переговорить со мной, так как мои «двойные проекты» казались ему «слишком рискованными».

В итоге он остался убежденным, что мои проекты были не только стоящими, но и осуществимыми, когда узнал объем трофеев, захваченных в Хигуэ и Пуриалоне, и реальную возможность располагать, начиная с этого момента, более чем 300 вооруженными людьми.

Я решил отдать приоритет операции против войск в Санто-Доминго прежде всего потому, что они представляли наибольшую опасность и ее устранение станет очень серьезным, почти смертельным ударом по врагу как в материальном, так и моральном плане. А кроме того мы договорились с Международным Красным Крестом о передаче в Вегас-де-Хибакоа 22 июня правительственных военнослужащих, взятых в плен в Хигуэ.

О подготовке к этой передаче Че отправил мне 21 июля послание, в котором среди прочего писал следующее:

> «Помни, что надо наметить план на завтра, так как Красный Крест запросил, в котором часу это будет. Надо доставить всех раненых снизу и направить посланца в Вегас. План был следующим. Сообщить коменданту Вегас через посланника-женщину час, когда начнется передача, и уведомить его, что это будет в доме Бисмарка; предварительно занять возвышения у дома Бисмарка и массив напротив парой отделений; предупредить, что если авиация продолжит оставаться такой активной, то мы не сможем произвести передачу в этот час и придется ждать до вечера; согласись, что в доме Бисмарка должен быть представитель Красного Креста с представителями властей без демонстрации силы и сообщить ему примерное количество раненых, предупредив, что на предстоящих передачах будет передано больше больных пленных».

Вместе с тем Че жаловался в послании на отсутствие сообщений от меня: «[...] твое молчание уже слишком». Почти мимоходом он информировал меня, что в Минас-де-Фрио без новостей, и заканчивал такими словами, красноречиво отражавшими наше состояние духа после победоносных событий в Хигуэ: «Нужно выпить, чтобы отметить это достойно».

Посланницей-женщиной, которую упоминал Че, оказалась Тете́ Пуэбла, деятельный сотрудник Селии, принявшая заметное участие в этом эпизоде, а в дальнейшем – заместитель командира женского взвода «Мариана Грахалес». А упоминаемый дом был лавкой крестьянина, сотрудничавшего с повстанцами, Бисмарка Галана Рейны, служившей долгое время командным пунктом Селии в ее задачах по обеспечению наших партизанских усилий,

пока не пришлось его эвакуировать из-за надвигавшейся угрозы появления врага в Вегас-де-Хибакоа.

В тот же день «Повстанческое радио» сообщило:

«Завтра, во вторник 22 июля, в два часа дня надеемся передать Международному Красному Кресту раненых военных, взятых в плен Повстанческой армией за последние несколько дней.

По согласованию с вражеским командующим операциями о том, чтобы передача раненых пленных произошла в зоне Вегас-де-Хибакоа, куда могут прибыть моторизованные транспортные средства и делегат Международного Красного Креста г-н Пьер Жекье [Пьер Жакье] с сопровождающими, упомянутых пленных начали доставлять по свободной территории Кубы в эту зону.

Остается только, чтобы упомянутый командующий операциями приказал вражеским самолетам приостановить пулеметный обстрел и бомбардировки, пока осуществляется передача раненых делегату Международного Красного Креста.

В эти дни именно этот регион был одним из самых пострадавших от напалма и взрывов бомб.

Как только закончится передача раненых, самолеты тирании могут возобновить свои пулеметные обстрелы и бомбардировки. На нас, повстанцев, эти воздушные налеты впечатления не производят, мы к ним более чем привыкли.

Наш протест против бомбардировок относится только к их преступному применению против беззащитного крестьянского населения.

Повстанческие врачи приложили невероятные усилия ради спасения и улучшения состояния этих раненых солдат, во многих случаях добившись этого несмотря на нехватку медицинских средств и количество раненых. [...]

Надеемся, что завтра эти раненые пленные будут под гуманитарной защитой Международного Красного Креста».

Утром 22-го числа Че получил следующее послание от капитана Карлоса Дурана Батисты, командира войск, размещенных в Вегас, с которым Че уже установил переписку в духе взаимного уважения:

«Командующему Колонной № 8
Сьерра-Маэстра
Сеньор! В ответ на ваше письменное обращение должен информировать Вас, что получил приказы генерала, командующего Зоной операций, с гарантиями как для раненых, так и для людей другого рода, которые прибудут на этот пост. Соглашение по линии Международного Красного Креста, как и всякие другие между рыцарски и гуманно настроенными сторонами, всегда будут уважаться мной и войсками под моим командованием.

Должен также информировать Вас, что к этому часу делегат Красного Креста не прибыл на этот пост, но мы уже осведомлены, что в ближайшее время прибудет. Тем не менее, если Вы так полагаете, можно эвакуировать раненых, которых сочтете готовыми, и им пока что будет предоставлен уход со стороны департамента здравоохранения во всем, в чем можно, и с такой же гарантией Красного Креста.

Поверьте мне, что с нашей стороны мы приняли к должному сведению Ваше письмо и информировали вышестоящие инстанции о том, чтобы оно исполнялось и другими подразделениями.

С уважением и почтением, которых Вы заслуживаете, ещё раз приветствую».

Стоит обратить внимание на тон этого послания и подспудное признание в его адресате со стороны проти-

востоящего вражеского командира не главаря банды беглых преступников, а настоящего достойного и организованного противника. Надо заметить, что капитан Дуран Батиста не совершал преступлений и противозаконных действий во время своего пребывания в Вегас, а после его захвата Че попросил капитана остаться среди нас и тот занимал достойную и благородную позицию до конца войны.

Че незамедлительно ответил на это послание пространным обращением, которое было доставлено в Вегас на вражеский командный пост лично Тете́ Пуэбла. Учитывая его значение, уместно воспроизвести его полностью на этих страницах:

«Уважаемый капитан! Срочно отвечаю на Ваше сообщение от этого же числа, чтобы прояснить некоторые положения вашего письма и объявить Вам также, что, принимая во внимание предложенные Вами гарантии, отправляю наиболее серьезно раненых, не ожидая прибытия Международного Красного Креста.

Эти раненые находятся несколько далеко от того поста, и, учитывая, насколько плохи дороги Сьерры, не могу заранее указать точный час прибытия. Должны находиться в состоянии ожидания этой ночью, если мы сможем доставить их в это время. Подтверждаю Вам заверение в том, что передышка будет строго соблюдаться нами. Тем не менее, мы хотим знать точную ее продолжительность, чтобы воздержаться от военных передвижений в этой зоне, избегая этим столкновений, которые могли бы омрачить этот замечательный акт братания и скорби.

Нам нужно 48 часов начиная с прибытия делегата Международного Красного Креста, назначенного, как объявлено по радио, на два часа пополудни завтрашнего дня. С этого момента будут автоматически прерваны все действия, если не последует четкого обрат-

ного указания. Должен пояснить Вам, кроме того, что для нас передышка существует строго в зоне Вегас, просим Вас сообщить мне до шести часов утра, на какую ее продолжительность согласен Ваш штаб.

Обозначая район ответственности, должен сообщить Вам, что раненых будут транспортировать в зонах между следующими точками: Вегас, Минас-де-Фрио и Альтос-де-Хигуэ; если повторится бомбардировка и пулеметный обстрел, которые в этой зоне происходили сегодня, могут возникнуть достойные сожаления осложнения.

Я не преувеличиваю, предупреждая Вас об этом, так как по четкому приказу нашего Главнокомандующего Фиделя Кастро помимо раненых мы передадим всех оставшихся в живых из пехотного батальона 18, которым командовал майор Кеведо, сдавшихся нашим войскам. Мы приняли это решение, основываясь на гуманитарных соображениях, из-за истощения от голода, постигшего эти войска во время противостояния десятидневному окружению в героическом, но бесплодном самопожертвовании [...].

С желанием пожать Вашу руку в более счастливых для Кубы обстоятельствах и в кругу товарищей, сердечно прощаюсь с Вами

Че

Командующий Колонной № 8 "Сиро Редондо"».

Генерал Эулохио Кантильо, командующий зоной операций, подписал 22 июля на командном посту в Байамо директиву об эвакуации раненых и пленных, в которой устанавливал, что операция состоится на следующий день в два часа дня. Представитель Красного Креста отправится из Мансанильо или Байамо до Яры и Эстрада Пальма, и будет образован конвой из грузовиков и джипов, чтобы прибыть в Вегас в тот же день или на следующий день

утром. В этой директиве генерал Кантильо пояснял следующее:

> «Обращение с повстанцами, если они будут сопровождать раненых, должно быть вежливым, но строгим, не позволяя им выдвигаться за передовой отряд части, брататься с войсками и требуя их возвращения, как только они передадут раненых и пленных».

23 июля в утренние часы Фаустино Перес и Карлос Франко прибыли с группой раненых в Вегас и подписали от имени Повстанческой армии акт о передаче этих первых пятнадцати наиболее тяжелораненых вражеских военнослужащих. В течение дня, после прибытия конвоя Красного Креста во главе с его делегатом Пьером Жакье, начала выступать из леса и вливаться во вражеский лагерь впечатляющая по численности масса из 238 пленных, включая 42 раненых. Всего было передано в тот день 253 человека. Важно отметить, что передача прошла нормально, без инцидентов, и согласованная передышка соблюдалась обеими сторонами.

Если среди вражеских солдат вызвало возбуждение присутствие женщины-партизанки – Тете́ Пуэблы, то еще больший эффект произвело неожиданное появление Че, который спустился от Момпье на муле и провел порядочное время в доме Бисмарка с представителями Красного Креста и командирами осажденной роты. Даже по доброму глотку коньяка выпили вместе, чем Че скрепил свое предложение отметить недавние победы. Че уже начал превращаться в легенду, а военнослужащие противника не пренебрегли возможностью увидеть партизанского команданте-аргентинца.

Нет нужды повторяться, говоря о значении акта передачи раненых и пленных, который, разумеется, замалчивала вражеская пропаганда. Однако сразу же по рядам

всех воинских формирований, участвовавших в наступлении, пошли разговоры о состоявшейся передаче этих военнослужащих как о живом свидетельстве гуманного обращения с ними, так и о действительном потенциале повстанческих сил, способных разгромить и вынудить к сдаче целый батальон, ликвидировать шедшие к нему подкрепления и захватить в бою такое количество пленных. С нашей стороны речь шла о красноречивом проявлении этики, придерживаясь которой вела борьбу Повстанческая армия. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что эта первая передача пленных в Вегас-де-Хибакоа оказала важное влияние на последующий ход событий.

Покончив с этим вклинившимся в нашу жизнь эпизодом, мы были в состоянии возобновить операции, чтобы добиться сдачи вражеских войск, окруженных в Вегас-де-Хибакоа – единственных к этому времени оставшихся внутри гор после отхода к Лас-Мерседес 27 июля сил, занявших ранее Минас-де-Фрио, и даже сил, стоявших в Сан-Лоренсо во исполнение нового оперативного плана врага, которого я уже коснулся в предыдущей главе.

Уже 25 июля Че распределил все свои силы на высотах, окружавших вражеский лагерь, втиснувшийся между домами Бисмарка и Сантьяго Торреса на маленькой равнине. В этом секторе действовали отделения Хоэля Иглесиаса, Хосе Рамона Сильвы и Луиса Креспо. Че и другие повстанческие отделения расположились на склоне холма Эль-Десайуно, прямо над единственной дорогой, по которой должны были пойти вражеские солдаты роты 92, если бы захотели улизнуть. С этих позиций Че полностью контролировал любое движение и был готов не только закрыть в Эль-Десайуно ход к бегству, но также ударить по отходящим войскам с тыла. В свою очередь, следуя нашей уже испытанной стратегии, Камило и его люди расположились на внешнем склоне холма Ла-Льороса, готовые отра-

зить любую попытку направить подкрепление для осажденных войск как от батальона 17 из Лас-Мерседес, так и от батальона 23 из Арройона.

Напомним, что единственный подступ к Вегас с равнины проходил по узкой дороге, которая шла по холму Эль-Манго, а затем пересекала холм Эль-Десайуно, где проходила вдоль теснины между обрывистыми склонами этого холма и каньоном реки Хибакоа, которая в этом месте текла среди огромных камней и таила в себе большие омуты, в том числе самые впечатляющие на всей Сьерре.

На этом участке дороги, которая позволяла проехать только одной машине, можно было подготовить эффективное сопротивление при попытке пройти в Вегас. Однажды это не удалось, но я был решительно настроен на то, чтобы на этот раз местность была максимально использована нашими силами и в результате была бы одержана новая победа. К тому же руководили операцией ничуть не менее способные командиры, чем Че и Камило, а я хорошо знал, что им незнакомо слово «сомнение».

Важно то, что, если это был единственный путь подступа к Вегас, он также становился единственным исходом для осажденных войск в этом месте. Представлялось немыслимым, чтобы армия попыталась искать другой путь, ибо любой вариант привел бы ее внутрь гор, а к этому времени, учитывая физическое и моральное состояние вражеских войск в Вегас, не оставалось абсолютно никакой другой возможности, чтобы попробовать спастись. С другой стороны, идти не по этой дороге означало решиться на почти невозможное – взобраться на впечатляющую громадину Ла-Льороса или на не менее обрывистый склон Эль-Десайуно. Командир роты 92 не мог подражать Санчесу Москере и предпринять неожиданный маневр вне существующей дороги.

26 июля, в тот же день, когда начался отход батальона 11 из Санто-Доминго, Че меня информировал в послании, что войска в Вегас полностью осаждены, и даже предлагал предпринять против них тем же вечером атаку по всем правилам, уверенный, что они сдадутся за пару часов. Но изменил свой замысел и решил подождать, так как получил известие, что капитан Дуран Батиста, поняв безнадежность своего положения, был готов вступить в переговоры.

В среду 28 июля Че попросил моего согласия на договоренность с вражеским капитаном о выходе осажденных войск при предварительной сдаче всего оружия и припасов. В тот же день Че получил сообщение от майора Армандо Гонсалеса Финале́, командира батальона 23, располагавшегося в Арройоне, в котором он предлагал Че встретиться. Че сразу же отправил посланца со следующей запиской капитану Дурану:

> «Получил сообщение от майора Фирнале [Финале́], в котором он приглашает меня переговорить. Вы знаете, что завтра для этого будет поздно, а я стараюсь беречь кровь [...]. Должны также знать, что окружены и не можете ждать помощи извне, это только обернется большей кровью для обеих сторон, но главным образом для вас.
>
> Если Вы в действительности не согласны на встречу, то в соответствии с моим рыцарским поведением я должен посоветовать вам оставить дома и укрыться в траншеях, так как все высоты наши. Я предлагаю вам выйти со всеми людьми и, сохраняя короткое холодное оружие, без выполнения формальностей сдаться в плен; это наибольшее, что я могу предложить, учитывая количество моих людей в этом пункте и абсолютную уверенность в безнадежности вашего положения.
>
> Взываю к вашим патриотическим чувствам, чтобы [не] ставили превыше всего напускную гордость и избежали бесполезного кровопролития».

Дуран ответил Че, что на следующий день пришлет ему свой ответ или лично прибудет на встречу, но прежде должен информировать о предложении своего непосредственного командира и что, кроме того, он ожидал подхода конвоя с припасами, и поэтому ему было невозможно покинуть место в этот момент.

Но события ускорили свой ход. Высшее командование тирании решило направить батальон 23 на помощь осажденной роте в Вегас. Это и был «конвой с припасами», о котором упоминал Батиста и который неизбежно натолкнулся на засады Камило в Эль-Манго (см. карту на с. 736). В тот же день, 28 июля, перед боем против подкрепления Камило направил мне следующее послание:

> «Я на позиции, которую мне указал Че, хорошо все разведал и прошу, чтобы какой-нибудь неведомый бог послал бы мне войска через это место. У меня есть приготовленный «Jamo»*, чтобы подловить по крайней мере 25 или 30 солдат; вчера, когда был большой огонь в Санто-Доминго, те из Арройона разбегáлись, как сумасшедшие, паника охватила вражеские войска. Новости распространяются стремительно, кажется, уже все знают, как мы их в последнее время отдубасили».

В тот же день несколько грузовиков с солдатами и припасами выехали из лагеря в Арройоне. Конвой подкрепления, состоявшего из трех пехотных рот, поддерживался двумя легкими танкетками Т-17 и батареей 75-мм гаубиц, расположенных на высоте Ла-Гуира. Колонной командовал подполковник Феррер да Сильва. Впереди нее шла одна танкетка, в которой находился капитан Викторио

---

* Jamo – известная датская фирма – производитель акустических систем, названная по первым буквам фамилий своих основателей Якобсона и Мортенсена. В данном случае имеется в виду «громкоговорящее» оружие. – *Прим. переводчика.*

Гомес Окендо, командир танковой роты командного пункта в Байамо. Колонна продвигалась беспрепятственно до слияния с дорогой, поднимавшейся из Лас-Мерседес, и продолжила свое осторожное продвижение в направлении к Лос-Исленьос и далее к холму Эль-Манго.

Со своих позиций на склоне Ла-Льороса люди Камило увидели, как приближался враг. Сверху авиация подвергла бомбежке и пулеметному обстрелу позиции, где подразумевалось нахождение повстанческих бойцов. Внизу, прямо над дорогой, приготовив мины и выкопав рвы, чтобы воспрепятствовать проезду машин, находились отделения капитанов Орестеса Герры и Ласаро Сольтуры. Когда конвой достиг участка, где дорога сужалась между утесом холма и каньоном реки Хибакоа, повстанцы открыли огонь. Грузовики остановились, а солдаты спрыгнули на землю и стали искать укрытие. Танкетка продолжала продвижение, пока находившиеся в ней чувствовали себя под защитой брони. Но с другой стороны реки, с позиций, занимавшихся на холме Эль-Десайуно отделением Сесара Суареса из войск Че, послышался глухой звук, характерный для выстрела из базуки. К удивлению всех, однако, танкетка не отступила. Но через несколько секунд, когда казалось, что бронированная машина подала назад, танкетка ускорила свой ход, спустилась к реке, пересекла ее и стала подниматься по дороге к Эль-Десайуно. Два или три выстрела из базуки не попали в цель, и вскоре Т-17 преодолела винтовочный огонь повстанцев и смогла проникнуть в Вегас под гвалт передовых постов вражеского лагеря.

Со своей стороны люди Камило набросились на остановившийся конвой. Некоторые солдаты предпочли ринуться к реке, и им удалось убежать. В итоге основная часть подкрепления была задержана, а припасы захвачены. Враг потерял шестнадцать человек убитыми. Многие были ранены, в том числе подполковник Феррер да Сильва.

После отхода врага повстанцы подожгли джип, трактор и командный грузовик. Они также захватили винтовки, ящики с рационом питания, гранаты для базук, гранаты, патронташи и патроны.

С вражеской танкеткой, которой удалось пробраться до Вегас-де-Хибакоа, произошел анекдотический случай, достойный быть упомянутым на этих страницах. Капитан Гомес Окендо был встречен товарищами по оружию восторженными возгласами признательности за его смелость и решимость. Окендо, человек простой и скромный, – после того, как был схвачен на следующий день, он попросил остаться в наших рядах, – скоро прервал поздравления и объяснил следующее, как нам потом рассказал и подтвердил сам Гомес Окендо:

> «Нет, нет, подождите, пожалуйста, произошло то, что, услышав первый выстрел из базуки и не сумев определить, откуда стреляли, я дал приказ двинуться назад. Но у водителя сдали нервы, заело включение заднего хода, и мы никак не могли сдвинуться с места. В такой ситуации мы стали бы легкой целью для базуки. Тогда я отдал приказ ехать вперед на всем ходу, и нам повезло проскочить».

На самом деле это был «побег вперед».

На следующий день после боя на холме Эль-Манго и отражения попытки подкрепления войскам, осажденным в Вегас, Че принял двух офицеров роты 92, присланных капитаном Дураном. В переданном ими ответе сообщалось, что командир войска благодарит за предложение Че, но не принимает его, поскольку «военная честь» не позволяет ему сдавать свое оружие без боя. Ввиду этого Че объявил возобновленными военные действия.

В тот же день пополудни, успев сжечь свой провиант и часть боезапаса, рота 92 попыталась начать побег. Че не-

медленно приказал всем своим отделениям приступить к преследованию и обстрелу отступавших войск, тогда как повстанческие силы на холме Эль-Десайуно пытались закрыть врагу путь к спасению при поддержке сил Камило с Эль-Манго (см. карту на с. 738). В преследовании вражеских войск участвовали, среди других, отделения капитана Хоэля Иглесиаса, Хосе Рамона Сильвы и Луиса Креспо, а с Эль-Десайуно и Эль-Манго закрыли выход отделения капитанов Сесара Суареса, Орестеса Герры и Ласаро Сольтуры. Камило и остальные его бойцы сдержали и отбили попытки батальона 23 из Арройона прийти на помощь войскам в Вегас.

Упорный бой продолжался до наступления ночи. Предварительный итог, подведенный той же ночью Че, и доклад, который мне прислали, содержали цифры о сорока пленных, восьми убитых и пяти раненых. В конечном счете, общее количество пленных возросло до 98 человек, практически полная рота. Были захвачены танкетка Т-17, почти нетронутая, с 57-мм пушкой, миномет с 80 минами, два пулемета 30-го калибра с треногами, несколько автоматических винтовок «Браунинг», 20 карабинов «Сан Кристобаль», 40 винтовок «Спрингфилд» и 20 тысяч патронов среди прочего оружия и аммуниции. В ходе боя был взят в плен капитан Гомес Окендо. У нас же был только ранен боец Анхелито Фриас.В момент, когда составлялся этот доклад, капитан Дуран не был захвачен, но имелась информация о его ранении. На следующий день его пленили. Этот смелый и рыцарски благородный офицер также изъявил желание остаться с нами в Сьерре, и как он, так и Гомес Окендо вместе с майором Кеведо оказали ценные услуги в течение последних месяцев войны в контактах и переговорах с вражескими командирами.

В результате этой акции Вегас-де-Хибакоа был окончательно освобожден, а новое вражеское подразделение (рота 92), оказалось разгромленным и ликвидированным

как боевое формирование. Это была еще одна несомненная победа. Теперь поблизости от гор остались только вражеские солдаты из батальона 23 под командованием майора Финале́, стоявшего лагерем в Аррайоне, и солдаты батальона 17 под командованием Корсо, располагавшегося с начала наступления в Лас-Мерседес. В этом коридоре мы и решили немедленно начать действовать, видя перед собой окончательную победу.

22

Бой при Хобале

ИЮЛЬ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	**29**	**30**	**31**	–	–

Под вечер 29 июля, на следующий день после завершения действий против батальона 11 Санчеса Москеры, я прибыл с 250 бойцами на позиции Камило на холме Ла-Льороса. Никогда раньше за всю войну не собиралось столько повстанческих бойцов. Из Провиденсии спустились со мной силы командантов Гильермо Гарсиа и Лало Сардиньяса, которых произвел в этот ранг соответственно 22 и 23 июля, как и выдающегося бойца Рамона Паса 26-го числа того же месяца, а также люди Даниэля, в подчинение которому перешло войско, ранее находившееся под командованием Паса, отделения под командованием капитанов Панареса, Каликсто Гарсиа, Убера Матоса и Эдди Суньола и лейтенантов Уго дель Рио, Уилиама Гальвеса, Феликса Дуке, Эль Вакерито и других.

Моим первоначальным намерением было атаковать подкрепление, которое попытается поддержать выход войск, осажденных в Вегас. Но, узнав исход действий этого дня, решил определить необходимые диспозиции, чтобы сразу же продолжить блокирующий захват и разгром вражеских войск, осажденных в Арройоно.

В связи с этим моей непосредственной заботой стало узнать, достиг ли, наконец, Че какой-то договоренности с командиром этих войск майором Армандом Гонсалесом Финале́. После получения известий о том, что не было достигнуто никакого соглашения, наши руки оказались свободными, чтобы подготовить операцию с целью ликвидировать эту вражескую силу, действовавшую за пределами окружения Вегас-де-Хибакоа.

В тот же вечер я распределил приведенных мной людей и направил их на соответствующие позиции. Гильермо и Лало со 130 бойцами и базукой должны были разместиться в зоне Куатро Каминос, на середине дистанции между Серро Пеладо и Арройоном. Им была поставлена задача сдержать и отбросить любое подкрепление из Серро и Эстрада Пальмы, которое попытается прийти на помощь батальону 23, если последний подвергнется атаке. У нас имелись сведения, что в Эстрада Пальму прибыли многочисленные вражеские силы, очевидно, с намерением помочь войскам в Арройоне и Лас-Мерседес. Гильермо расположил своих людей на склоне холма Лос-Попа, тогда как Лало распределил своих бойцов на холме Эстрелья Бельо. Оттуда они господствовали над дорогой, шедшей от Серро к Арройону, где должно было пройти подкрепление.

В свою очередь, Даниэль получил поручение подготовить крупную засаду в каком-либо избранном им пункте между Арройоном и Куатро Каминос. Его миссией было задержать выход батальона 23 из Арройона. Я был убежден, что попытка спасти эти войска будет следующим шагом армии в ее провалившемся наступлении. Во всяком случае, если бы этого действия не произошло, Даниэль напал бы на следующий день на вражеские позиции, тогда как Камило атаковал бы с Эль-Манго и Ла-Льоросы с тыла. В любом из двух вариантов победа была обеспечена.

Для этой части операции Даниэль располагал около 120 бойцами, так как к нему присоединились, среди других, силы Пинареса и отделения Уго дель Рио, Уилиама Гальвеса и Каликсто Гарсиа. Спустя немного времени после рассвета Даниэль наконец-то решил расположить свою засаду в Хобале (см. карту на с. 740) в пункте, где дорога от Арройона спускается в маленькую расщелину и пересекает ручей под тем же названием. Заложил мину на пересечении дороги с ручьем и распределил своих людей вдоль массивчика, простирающегося с другой стороны расщелины. Бойцы едва успели подготовить несколько неглубоких траншей. Местность, на которой они находились, была почти равнинной с преобладанием выпасов и редкими изолированными островками леса.

В нескольких метрах от дороги, на самой линии повстанческой засады, располагался дом крестьянина Порфирио Энрикеса, который вместе со своей супругой любезно принял бойцов и угостил их кофе. Сегодня грубая деревянная скамья, на которую уселся Даниэль, чтобы выпить кофе, сохраняется в маленьком музее Лас-Мерседес. Когда крестьянская супружеская пара узнала, что вскоре состоится бой, спокойно спрятали свое скудное имущество в лесу, простились с бойцами и отправились в поисках надежного укрытия.

Находясь в доме Порфирио Энрикеса, Даниэль получил послание с известием, что Лало и Гильермо покинули свои позиции ввиду сдачи врага в Вегас и двинулись к высоте Эль-Эспехо. Даниэль сразу же решил направить Пинареса с 40 бойцами на прикрытие дороги, идущей от Эстрада Пальмы, чтобы защитить свой тыл. Но спустя немного времени, после ухода Пинареса пришло дру-гое послание, в котором его информировали о моем приказе Лало и Гильермо снова занять свои позиции, и Даниэль приказал найти Пинареса, чтобы тот возвратился.

«Это конец Батисты», – заметил я в послании, направленном Лало и Гильермо на рассвете 30-го числа, когда они уже были в пути. В том же послании я подтвердил им направленные инструкции и информировал, что остальные люди, прибывшие со мной, размещались на холме Ла-Эррадура как часть окружения.

Утром 30 июля я направил Селии, остававшейся в Ла-Плате, пространное послание, в котором сообщал ей об одобренных диспозициях и добавлял:

> «Хотя мне очень хотелось отправиться сегодня на рассвете в Вегас, чтобы получить удовольствие снова увидеть его в наших руках, спустился с людьми, которых привел, чтобы распределить их ниже Арройона и на массиве Ла-Эрредура, напротив Лас-Мерседес с целью блокировать оставшиеся войска.
>
> Наши люди приложили исключительные усилия: переходили от одной битвы к другой на протяжении пяти следовавших друг за другом недель.
>
> Невероятно, как они это выдержали.
>
> Полагаю, у тебя тоже будет желание спуститься в Вегас, если я смогу прибыть туда ночью или на рассвете.
>
> У меня ощущение, что все закончится скоро, и среди радости от побед, представляющих кульминацию стольких эпизодов и усилий, чувствую себя опечаленным».

Как я и предвидел, вражеские силы в Арройоне начали этим утром движение в направлении Серро и Эстрада Пальма. К этим войскам присоединилось подкрепление из Лас-Мерседес. Возглавлял шествие майор Роберто Барраган. В авангарде маршировала рота 84 батальона 21 под командованием капитана Бонильи Леона. За ней шли

роты 91 и 93 батальона 19 с танкеткой Т-17, по-видимому, обе силы подкрепили несколькими днями раньше батальон 17 в Лас-Мерседес. Прикрывал тыл длинной колонны батальон 23 майора Армандо Гонсалеса Финале́. Войска шли в сопровождении танкетки Т-17, батареи из четырех 75-мм гаубиц и батареи минометов.

Около 11:30 утра голова колонны достигла пересечения с ручьем Хобаль (см. карту на с. 740).

Мина, заложенная в этом месте, не взорвалась. Даниэль приказал стрелять, и начался бой. Вражеский авангард был застигнут врасплох винтовочными выстрелами повстанцев и огнем пулемета 30-го калибра, которым управлял Орландо Авилес, нанесший первые потери. По прошествии получаса повстанцы заметили, что плотность вражеского огня уменьшается, чем воспользовались, чтобы призвать солдат к сдаче.

Даниэль приказал приостановить огонь и с группой бойцов преодолел дистанцию, отделявшую его от дороги. Оттуда они смогли увидеть, что из 32 человек, составлявших головную часть колонны, только один стоял, хотя был ранен в ноги. Остальные были мертвы или тяжело ранены, среди них лейтенант.

Даниэль распорядился, чтобы его бойцы перенесли раненых в домик у дороги, и с остальными людьми стал с опаской надвигаться на основную часть вражеского войска, откуда не прекращалась стрельба. Им удалось продвинуться метров на сто до ранчо, где жил крестьянин Мануэль Родригес. Даниэль решил установить рядом с ранчо пулемет 30-го калибра и автоматическую винтовку «Браунинг».

Кажущееся уменьшение вражеского огня объяснялось тем, что майор Финале́ приказал развернуть свою батарею гаубиц всего в каких-то пятистах метрах от повстанческих позиций. Артиллерия начала тогда прямой огонь по нашим линиям. С воздуха авиация стала настой-

чиво вести пулеметный обстрел и бомбардировку. В смертоносном нападении с применением бомб, ракет и патронов 50-го калибра на повстанческие позиции участвовали в тот день два бомбардировщика B-26, истребитель F-47 и два реактивных истребителя T-33.

Между тем батальон 20 под командованием капитана Каридад Фернандеса – убийцы из Мансанильо, виновного, среди многих других преступлений, в убийстве Хуана Мануэля Маркеса* при высадке с «Гранмы», – вышел из Серро на помощь войскам в Арройоне, но спустя немного времени попал в засаду, устроенную в Куатро Каминос силами Гильермо и Лало. После упорного боя было сдержано продвижение этого подкрепления, которое позже отошло.

В Хобале (см. карту на с. 740) повстанцы продолжали энергично сражаться и сумели задержать отход армейских войск, несмотря на град снарядов из гаубиц 75-мм калибра, обрушившийся на их позиции.

С самого переднего края повстанческой линии, едва защищенного стенкой из пальмовых стволов ранчо Мануэля Родригеса, Даниэль стрелял и непрерывно подбадривал своих людей.

---

* Маркес, Хуан Мануэль (1915–1956) – кубинский революционер, с юных лет выступавший за независимое и демократическое развитие страны. В 1930-х годах неоднократно приговаривался реакционными властями к тюремному заключению. После штурма казармы Монкада 26 июля 1953 г., в котором не участвовал, за революционную позицию подвергался усиленным преследованиям. В 1955 г. после освобождения Фиделя Кастро из тюрьмы между ними установилось взаимопонимание и тесное взаимодействие. В созданном в том же году Движении 26 июля становится членом его Национального руководства. Находясь в политической эмиграции в Мексике, присоединился к группе кубинских революционеров во главе с Ф. Кастро, готовившим на шхуне «Гранма» экспедицию на Кубу для развертывания вооруженной борьбы с диктаторским режимом Батисты. Через три дня после высадки на острове 2 декабря 1956 г. участвовал в неудачном бою экспедиционеров с правительственными войсками в Алегриа-де-Пио, прикрывал отход своих товарищей, израсходовав все патроны, а затем пытался, изможденный, найти путь в Сьерра-Маэстру. Преследуемый батистовскими солдатами, был схвачен и убит 15 декабря 1956 г. – *Прим. переводчика.*

Часть его товарищей состояла из жителей Саньягоде-Куба, участников подпольных организаций этого города, для которых Даниэль был также командиром в борьбе на равнине, и они испытывали особое восхищение тем, как замечательно он возглавил руководство Движением 26 июля и борьбу в Сантьяго после убийства Франка Паиса ровно год назад, 30 июля 1957 г.

Вражеская мина попала прямо в ранчо, где располагался Даниэль. Взрыв не убил его мгновенно, но раны были такие тяжелые, а внутреннее кровотечение такой силы, что героический партизанский командир остался бездыханным. Миной был также тяжело ранен Орландо Авилес. Обоих бойцов их товарищи перенесли к расщелине.

Тем временем по рядам повстанцев пробежали возгласы с оттенком тревоги: «Убили командира! Убили командира!»

Смерть Даниэля, их любимого командира, вызвала замешательство среди повстанцев. Огонь против врага стих. Некоторые даже стали отходить, другие, среди них Пинарес, Фернандо Весино и Ригоберто Фернандес, известный как Риго Мантаньес, быстро пришли в себя и попытались активизировать сопротивление. Пинарес кричал во все горло, чтобы вселить боевой дух в подавленных бойцов.

Восклицания о смерти повстанческого лидера были слышны на вражеских линиях, и это побудило командира их войск удвоить усилия, чтобы спастись. Добавившееся общее ослабление сопротивления позволило правительственным солдатам обойти с фланга повстанческие позиции и продолжить свой отход в направлении Сьерро Пеладо. Ввиду превосходящей численности врага, раскрытия своих позиций и охватившего повстанцев упадка духа Пинарес приказал отойти.

После боя против подразделения Лало и Гильермо отступили со своих позиций к холму Эстрелья Бельо, а враг смог завершить свой уже организованный отход, хотя до этого понес новые потери.

Умирающего Даниэля отнесли в дом Антонио Эстрады в Ормигеро, откуда немедленно послали за повстанческим врачом в Вегас-де-Хибакоа. Че, а за ним и Серхио дель Велье бегом спустились из Вегас, узнав о случившемся. Но уже ничего нельзя было сделать, и Даниэль скончался в 6:00 вечера.

Из-за его гибели не удалось блокировать и разгромить вражеские войска в Арройоне. Тем не менее была достигнута стратегическая цель операции – вытеснить эти войска с их позиции и освободить этот обширный сектор предгорья. Враг потерял не менее двадцати человек убитыми и семнадцать ранеными. Еще одно его воинское формирование оказалось выведенным из строя и деморализованным.

Батарея гаубиц едва не попала в наши руки. В военной сводке, составленной мной и зачитанной по «Повстанческому радио» 1 августа, сообщалось следующее о бое при Хобале и смерти Даниэля:

> «В четыре часа дня наши силы вновь вступили в соприкосновение с повсеместно отходящими вражескими войсками, нанеся им новые потери. В боевом действии погиб, когда шел впереди во главе своих людей, повстанческий командир Рене Рамос – Даниэль, как его знали по подпольной кличке, и исполнительный секретарь руководства Движения 26 июля.
>
> Таким образом, в том бою мы потеряли еще одного ценного товарища, смерть которого ровно через год после гибели его предшественника на этом посту Франка Паиса представляет ощутимую утрату для нашей организации и нашей Армии.
>
> Но, в отличие от Франка Паиса, Даниэль не пал убитым безоружным, а умер с оружием в руках на поле битвы, и это служит утешением среди горя».

В послании, направленном Че 31 июля, я писал ему:

«Вчера вечером никуда не двигался, потому что физически больше не мог, и остальные люди чувствовали себя так же. К тому же думаю, что отдача людей намного меньше, чем в предыдущие дни [как] последствие общего изнурения и смерти различных офицеров. Вчерашняя смерть Даниэля не дала осуществить лучшие результаты засады».

На следующий день после боя у Хобаля, я переместился на высоту, примыкающую к лесопилке братьев Гонсалесов в Хобаль Арриба. Один из них, Луис Гонсалес, за несколько дней до этого установил с нами контакт и изъявил готовность сотрудничать. В этом месте я решил установить мой командный пост, пока будет длиться последующая операция, которую нам осталось осуществить, – окружение батальона 17 в Лас-Мерседес.

23

Битва при Лас-Мерседес: первые четыре дня окружения

ИЮЛЬ 1958

вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	**31**	–	–

АВГУСТ 1958

вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	–	–	–	**1**	**2**
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31	–	–	–	–	–	–

В тот же день, 29 июля, когда я распорядился о перемещении Даниэля для устройства засады с целью сдерживания войск из Аройона, а Гильермо и Лало – на устройство засады против вероятного вражеского подкрепления, я направил другую хорошо оснащенную силу в Лас-Мерседес. Короче говоря, операция при Лас-Мерседес была задумана по той же схеме, уже с успехом опробованной в предыдущих случаях, то есть окружение главных сил и прочная линия сдерживания, отбрасывание любого возможного подкрепления, которое могло бы идти на помощь окруженным войскам. Но в данном случае надо было учесть новые соображения.

Во-первых, операция при Лас-Мерседес должна была развиваться на местности со специфическими чертами: рельеф в Лас-Мерседес, хотя и не полностью равнинный, был намного менее пересеченным, чем внутри гор. Ма-

ленький поселок Лас-Мерседес, где стояли лагерем вражеские силы, был почти полностью окружен волнообразным пространством из небольших низин и возвышений или холмов с выпасами, в большинстве лишенными леса. С юго-запада высоты Ла-Гуира – где Куэвас вел успешный бой 1 июня – у Хигуэ, разумеется, другое Хигуэ, а не то, у которого состоялась большая битва на юге, замыкая дугу пейзажа. С северо-востока, от самого поселка, местность внезапно поднималась к высоте Эль-Моро, а дальше холм Эль-Кургу́ с позициями, занимавшимися в предыдущее время отделениями Рауля Кастро Меркадера и других повстанческих капитанов на подъеме к массиву Маэстры в зоне Сан-Лоренсо. Однако на высоте местность неожиданно спускалась к равнине, устремлявшейся в зону Бахо Ларго и дальше, к Эль-Хибаро и Хибакоа. С северной стороны Лас-Мерседес был отделен от равнины длинной дугой холма Ла-Эрродура, где свое первое действенное сопротивление оказало отделение Анхелито Вердесиа в первый день вражеского наступления в этом секторе.

Во-вторых, исходя из предпосылки, что любое подкрепление, которое попыталось бы прийти на помощь войскам, осажденным в Лас-Мерседес, будет, вероятнее всего, использовать автомобильную дорогу из Эстрада Пальмы и Эль-Серро до этого поселка, операция против подкрепления должна развиваться на полностью равнинной местности, лишенной к тому же значительной лесной растительности.

И, в-третьих, сами особенности местности и существование этой дороги позволили бы врагу использовать механизированные средства, которыми могло бы располагать это подкрепление. Я имею в виду не только грузовики и легкие танки, но и тяжелые. Это была вполне конкретная возможность, которая обязательно должна была фигурировать в наших планах. Следовательно, надо

было извлечь наибольший результат от того количества мин, которые мы могли бы заложить, базук, которые мы сумели бы использовать, чему большой помехой было отсутствие людей, освоивших это оружие.

Режим Батисты не смог противодействовать окружению и разгрому своего самого знаменитого боевого батальона 11 и его самого опытного командира, находившегося в наших руках. Также не помешал захвату его батареи гаубиц и остальных сил, окруженных в Арройоне.

Учитывая эти факторы, 29 июля, когда я распределил 250 человек, которых привел с собой к Ла-Льоросе, предназначил не менее ста из них для операции при Лас-Мерседес. Решил поручить Че руководство окружением. На следующий день после захвата войск в Вегас, пока развертывались действия в Хобале и Куатро Каминос, Че двинулся со всеми своими людьми к Лас-Мерседес и прикрыл весь южный сектор окружения от высоты Эль-Моро до высоты Хигуэ. Здесь Че распределил позиции между отделениями Хоэля Иглесиаса, Хосе Рамона Сильвы и других командиров, которые потом вошли в колонну вторжения. Начало вырисовываться кольцо окружения, хотя пока еще оно не могло считаться полным в са́мой равнинной зоне. Для подкрепления его в этом секторе утром 31 июля я направил отделение под командованием Рейнальдо Моры, которое расположилось рядом с дорогой из Эль-Хибаро в предвидении любого продвижения врага из Кайо Эспино по дороге из Пуриаль-де-Хибакоа и Эль-Хибаро.

Что касается отбрасывания подкрепления, я решил расположить главную линию на возвышении Сао Грандо, приблизительно в двух километрах от Ла-Эррадуры, уже полностью на равнине. По моему мнению, это было самое подходящее место на всем этом промежутке или, лучше будет сказать, наименее опасное из неподходящих. В этом пункте дорога пересекала маленький поселок Сао Гранде

и, по крайней мере, делала некоторые повороты, которые могли бы позволить устроить какие-то неожиданности для продвигающегося врага.

Туда сначала я направил Феликса Дуке, Эль Вакерито, Луиса Креспо, Эдди Суньола и другие группы. Всего около пятидесяти человек, к которым тем же вечером присоединился боец Фелипе Кордуми, располагавший базукой. Спустя немного времени я распорядился о перемещении Креспо и его отделения для еще большего подкрепления в северо-восточном секторе окружения в Лас-Мерседес, казавшемся мне самым уязвимым.

В тот же день действий в Хобале и Куатро Каминос, не теряя ни одной минуты, дал указания о перемещении Гильермо и наиболее опытных бойцов из сил Даниэля, теперь в подчинении Пинареса, в трудную зону окружения Лас-Мерседес: холмы вокруг кладбища между поселком и внутренним склоном холма Ла-Эррадура. Не надо было быть провидцем, чтобы предвидеть, что здесь будет сектор, через который враг попытается прорвать окружение, ибо именно это направление привело бы его напрямую к относительной защите со стороны сил, размещавшихся в Сьерро и Эстрада Пальм. Стало быть, этот сектор требовал большего подкрепления.

Другая резервная сила, бойцы Лало Сардиньяса, двинулась тем же вечером к высоте Хигуэ с инструкциями поддержать Гильермо в случае попытки прорыва окружения через сектор кладбища. Напомним, что взводы Гильермо Гарсиа и Лало Сардиньяса с предыдущего дня были размещены в Куатро Каминос как часть операции против войска в Арройоне.

Все эти передвижения были осуществлены, несмотря на то что пока, к вечеру 30 июля, у нас не было уверенности во вражеском присутствии в Лас-Мерседес, так как были получены некоторые смутные сообщения о том, что правительственные войска оставили позицию на выходе из

Арройона. Чтобы прояснить ситуацию, в тот же вечер, пока я передвигался по зоне Хигуэ вокруг Лас-Мерседес, Че послал Рауля Кастро Меркадера с несколькими бойцами провести разведку поблизости от вражеского лагеря, в результате которой выяснилось, что в Лас-Мерседес действительно находятся значительные вражеские силы.

В 2:30 на рассвете 31 июля Че направил послание Камило, который еще находился на склоне холма Ла-Льороса, в котором информировал:

> «В Лас-Мерседес остаются вражеские войска, будем их атаковать. Оповести Фиделя, чтобы он мобилизовал миномет, который был бы нам очень полезен, а ты тоже можешь спуститься, так как там ничего не делаешь. Тренога нам особенно к месту.
>
> Нужен контакт с Фиделем. Даниэль умер в шесть часов дня. Пришли мне срочно детонатор для бомбы».

Через которые время, уже в 3:30 на рассвете того же дня, Камило ответил:

> «Че, детонатор взял Фидель вместе с бомбой. Попытаюсь установить контакт с ним, никто не прибыл, и я не знаю, где может быть. Должен оставить нескольких людей здесь, чтобы, если придет какое-то послание, его нам сразу же передали.
>
> Сейчас же мобилизую людей, чтобы спуститься как можно скорее.
>
> Нам надо будет разыскать Фиделя в пути, у меня никого нет, пожалуй, кто знает дорогу».

В этом же ответе Камило предупредил Че о планах атаки:

> «[...] ты должен быть очень осторожным при продвижении. Планы Фиделя состояли также в том, чтобы

окружить вражеские войска в Лас-Мерседес. Остерегайся путаницы и убедись, что перед тобой вражеские войска. Мне не кажется самым верным идти вперед, не координируя свои планы».

Действительно, вечером 30 июля Че и Камило потеряли контакт со мной на несколько часов. Я двинулся к высоте Хигуэ, за Лас-Мерседес, в тот же вечер. Меня сопровождали около сорока бойцов, в том числе Педро Мирет с двумя минометами и пулеметом 50-го калибра Кюрюно. Моим намерением было обстрелять из минометов вражеские позиции на рассвете. В конечном итоге мы этого не сделали. С одной стороны, из-за неопытности наших импровизированных минометчиков, а с другой стороны, потому что мы поняли, что мины миномета 60-мм калибра находились в непригодном состоянии.

Хотя Камило и не получил сообщений от меня, его люди подготовились немедленно, вечером 30 июля, покинуть Ла-Льоросу и двинуться к Лас-Мерседес, выполняя указание Че, который в 6:45 утра 31-го числа отвечал Камило на его озабоченность, чтобы не попал под огонь повстанцев:

«Атаки скоординированы, поскольку имею контакт с людьми Суньола, через него с Убером, также установил контакт с Лало и Гильермо. Лас-Мерседес осажден, мы не знаем, сколько солдат будет, но хорошо окопались и распределились.

Проблема с детонатором серьезная, так как не могу установить контакт ни с кем, у кого имелся бы хороший, и была бы гарантия, что Суньол не даст пройти подкреплению или войскам изнутри. Сейчас даю инструкции, чтобы не производили ни одного выстрела, если не попытаются выйти.

Ты можешь прибыть вечером и послать этот план Фиделю. Работа по ремонту танка не продолжилась из-за суеты, и боюсь, что меня подведут».

План, который упоминает Че, это составленная им схема первых позиций окружения.

Че решил начать действия тем же вечером, даже если вражеские солдаты не предпримут какого-либо движения днем. Об этом проинформировал Камило в том же послании: «Этим вечером можно атаковать скоординированно в один и тот же час все посты. Давай».

Прибыв в Лас-Мерседес 26 мая, майор Корсо Исагирре, командир батальона 17, установил свой командный пункт в самом центре поселка в хорошем доме, принадлежавшем Сарите Альварес, которая оказала бесчисленные услуги нашим силам. С тех пор Корсо пребывал в течение двух месяцев в относительно спокойном состоянии. Но настал час вступить в действие, и он это знал.

Ввиду событий предыдущих дней майор Корсо осознавал, что каждая минута пребывания в Лас-Мерседес означала угрозу его войскам, и у него не оставалось альтернативы, кроме как покинуть горы.

Прежде чем продолжить рассказ, я должен заметить, что после освобождения Лас-Мерседес дом Сериты Альварес использовался в течение нескольких недель Че как его собственный командный пункт, и там он завершил реорганизацию свей колонны № 8 «Сиро Редондо»*. В этом месте произошла вторая передача пленных – после завершения битвы. У входа в этот дом погиб в конце августа боец из Мансанильи Бето Писант, у которого взорвалась в руках минометная мина, когда он попытался ее разобрать.

---

* 21 августа 1958 г.Че Гевара получил приказ Ф. Кастро встать во главе колонны № 8 («колонны вторжения на Запад»), спуститься со Сьерра-Маэстры и пройти по равнине в провинцию Лас-Вильяс к горам Эскамбрай. – *Прим. переводчика.*

Очень вовремя были определены все дислокации по подготовке к окружению, так как майор Корсо, не долго думая, попытался 31 июля, на следующий день после боя при Хобале и бегства батальона 23, выйти из мышеловки, в которой он находился. С этого действия началась битва при Лас-Мерседес (см. карту на с. 742) – следующая операция знаменитого наступления, которая продлилась всю неделю, когда бои не приостанавливались ни на один день.

В девять утра батальон 17 попытался прорвать кольцо. Завязался бой, продолжавшийся весь день до наступления вечера, и, несмотря на все его усилия, враг, в конечном счете, был снова отброшен к Лас-Мерседес. В военной сводке, переданной по «Повстанческому радио» 1 августа, содержалась следующая информация:

> «Битва продолжалась весь вечер, день, ночью и сегодня на рассвете. Вражеские подкрепления осуществляют марш из Эстрада Пальмы в отчаянной попытке помешать тому, чтобы этот батальон также погиб под сокрушительным напором наших сил. Битва развертывается с применением авиации, танков и артиллерии со стороны врага и использованием минометов и базук с нашей стороны. Битва идет уже на равнине, с каждым разом все дальше от горного массива Сьерра-Маэстры».

В действительности мы несколько опережали события. В тот день не было борьбы против какого-либо подкрепления, и нам не пришлось еще применять базуки. Хотя кажется невероятным, что вражеское командование не сделало ни малейшей попытки прийти на помощь войскам, которые отчаянно пытались ускользунть. Напрашивается единственный вывод: еще не собрали в Эстрада Пальме столько сил, сколько считали достаточным.

Может, ожидали прибытия из Байамо более тяжелых танков – «Шерман».

В конце той же сводки «Повстанческое радио», правда, объявило ошибочно по своей инициативе:

> «Подтверждаем наш срочный призыв к Международному Красному Кресту, с тем чтобы он направил делегатов на сахароперерабатывающее предприятие «Эстрада Пальма» для проведения передачи 160 пленных, многие из которых ранены, некоторые тяжело».

В чем вовсе не содержалось преувеличения в информации «Повстанческого радио», так это в том, что касалось применения минометов с нашей стороны, ибо, как я уже упоминал, мы намеревались использовать их с вечера 30 июля.

В тот же день, 31 июля, пока происходили первые бои, я получил через пленных вражеских военнослужащих точную информацию о том, что осажденные войска насчитывают 370 солдат с обильным вооружением, включая танкетку Т-17, две базуки, два миномета 81-мм калибра и двенадцать пулеметов 30-го калибра. Кроме того, они основательно окопались на стратегических позициях, и в случае попытки взять штурмом позиции это стоило бы многих жизней. Поэтому я приказал всем повстанческим силам копать траншеи и начать беспокоящие действия и систематическое сжатие вражеского лагеря.

Также я решил, разделяя оценку Че, что прежние позиции Камило на Ла-Льороса и Эль-Манго уже потеряли смысл после сдачи вражеских войск в Вегас-де-Хибакоа. Однако в схеме, которую я разрабатывал, фигурировало направление Камило на замену Лало, а Гильермо – на позиции у Куатро Каминос. По моему мнению, эти позиции в том месте имели ключевое значение для боя с подкреплением, так как, когда наступит момент, они позволяли не только оказывать давление с фланга, но и обойти подкреп-

ление с тыла. На рассвете 31 июля мне удалось перехватить Камило при движении к Лас-Мерседес приказом, чтобы он занял позиции в Куатро Каминос с целью действовать против подкрепления.

В 1:00 дня 31-го числа Камило получил известие о моем прибытии на лесопильню в Хобале Арриба. Сразу же проинформировал меня в послании:

> «[...] В Лас-Мерседес идет сражение с утра, у нас двое легко раненых. Здесь Гильермо и Лало какое-то время ждали прибытия [Рейнальдо] Моры. Посылаю Вам план, который мне направил Че. Нам нужен детонатор. Все идет хорошо. Следующее послание надеемся отправить из Байамо».

В 1:10 дня, прежде чем получить это послание от Камило, я написал Че:

> «С этого утра у меня готова артиллерия, пулемет 50-го калибра и 40 человек. Нахожусь на высоте, откуда просматривается зона боя. Но невозможно сдвинуть мулов, чтобы их не заметили самолеты.
>
> На минометы 60-мм калибра едва ли можно рассчитывать, ибо взрывается одна из пяти мин. Поэтому не смог их обстреливать вчера на рассвете. Но надеюсь, что 81-миллиметровый даст приличные результаты.
>
> Надо сковывать движение вражеских солдат до ночи. Пополудни у меня будет войско, чтобы следить за входом любого подкрепления через Куатро Каминос, а вечером мобилизую его, чтобы подготовить атаку при поддержке миномета.
>
> Этим утром я направил взвод Рейнальдо Моры к Лас-Мерседес.
>
> Гильермо также прошел в этом направлении. С Лало не имел контакта, но он знает, что должен двинуться туда».

И в конце я сообщал ему:

«Судя по перехваченным сообщениям, Корсо заперт в Лас-Мерседес. Их танк, кажется, пострадал от трех попаданий. Попросили патроны для пулеметов 30-го калибра и бойки для «Кристобаль».

Я поднимусь по дороге из Арройона к холму Хигуэ, если только солдаты не снимутся с места, в этом случае попытаемся перехватить их в любом направлении».

В приписке добавлял ему: «На этот раз, думаю, дам тебе шанс удалить мне коренной зуб, так как он меня совсем довел».

С моего командного поста в Хобаль Арриба все время следил за движениями врага с помощью захваченной микроволновой установки. Оттуда в 3:50 дня я смог отправить послание Че, в котором информировал его:

«Идет подкрепление с двумя танками, хотя не знаю точного пункта, но предполагаю, что по дороге из Сао Гранде. Один танк передавал другому, чтобы тот принял меры предосторожности, «особенно подойдя к реке».

Если появится подкрепление и сможет войти, дело будет за базуками. Я не думаю, что проследуют к пункту, где должны подходить подкрепления. Этим вечером можем совершить на них общую атаку при поддержке минометов».

И заканчивал: «Получил план. Буду там после 8:15 вечера».

Но только после 9:00 вечера смог прибыть с сопровождающими меня бойцами на высоту Хигуэ. Там установил быстрый контакт с Че, проинформировал его о принятых мерах, включая направление Камило в Куатро

Каминос, и ознакомился в деталях с диспозицией окружения войск в Лас-Мерседес.

После обмена впечатлениями о ситуации Че отправился с Педро Миретом и отделением минометов с намерением расположить их там, где можно было осуществить на рассвете атаку на вражеский лагерь.

Мирет занял позиции, чтобы начать атаку, но из-за того, что не было проведено предварительной разведки местности, первые произведенные выстрелы оказались неэффективными. Ввиду этого Педро решил отойти, чтобы не растрачивать больше мины, и в ожидании лучшего определения целей в расположении врагов.

На рассвете того же дня Че приказал провести новую разведку вражеского лагеря в Лас-Мерседес, на этот раз поручив ее патрулю из взвода Лало Сардиньяса под командованием Сильвио Гарсиа Планаса. Группа приблизилась настолько к расположению солдат, что рассвет застал их на неудобной позиции на берегах реки Хибакоа, откуда они не могли отойти без риска быть обнаруженными. Сильвио и его люди оказались скованными в своих действиях и были вынуждены прятаться целый день на берегах ручья Хибакоа, чтобы попытаться отойти, когда наступит ночь.

В 5:25 утра Че прислал мне следующее донесение:

> «Получены новости от людей, прибыл один из них. Забрался в ручей и не мог выйти до ночи. В танке [...] у них другая микроволновка; было бы очень важно для меня, чтобы принять быстрые решения.
>
> Из остальных мест ничего не сообщалось. Плохо, что Педрито и эти люди ушли. Теперь не могут изучить позицию, чтобы стрелять, и ночью происходят такие вещи, как сегодня. Танк был бы очень полезен днем, но ночью от него нет толку, так как он не может дойти до позиции солдат, а они очень хорошо окопа-

лись, их, наверное, 50 на каждом массиве. Что действительно мог бы сделать, это взять Лас-Мерседес, но необходима поддержка базуки для его коллеги».

Че упоминает танкетку, захваченную в Вегас-де-Хибакоа, которую с тех пор пытались наладить, чтобы использовать в битве.

На рассвете авиация начала пулеметный обстрел повстанческих позиций, хотя без каких-либо заметных результатов. В тот день враг не предпринял никакой попытки прорвать окружение, а повстанческие силы продолжали беспокоящие действия против вражеского лагеря.

Че приказал расположить пулемет 50-го калибра Кюрюно, которым на этот раз управлял Гонсало Камехо, на близком массиве, но его расчет ошибся местом и занял слишком открытую позицию, легко уязвимую для авиации, огня пулеметов 30-го калибра и вражеских минометов, размещенных в хорошо фортифицированных пунктах, в силу чего было решено без промедления сменить позицию. В 9:30 утра Че проинформировал меня о предварительном результате этого маневра:

«Авиация не дала особого жару, но все наши действия оказались никудышными. Массив, который выбрали, был не тот, и оказалось, что пулемет 50-го калибра находился под огнем пулеметов 30-го, без траншей, из минометов стреляли куда попало».

Во второй половине этого дня, выполняя инструкции Гильермо, Убер Матос переместил вперед свои позиции на холме Ла-Эррадура, немного сжав окружение вокруг вражеского лагеря.

На моем командном посту я узнал по микроволновой установке, что вражеское подкрепление находилось в пути из Эстрада Пальмы, пытаясь спасти от гибели батальон,

окруженный в Вегас-де-Хибакоа. Днем направил послание Суньолу, чтобы предупредить его об этом, и добавил:

> «Верю, что не дадите пройти там [через Сао Гранде] солдатам. Окопайся хорошенько. Эта битва выигрывается, если не дать подойти подкреплениям.
>
> Со стороны Куатро Каминос имеется сильное войско.
>
> Есть патруль, которому поручено обстреливать солдат с тыла, когда столкнутся с тобой».

Сильное войско в Куатро Каминос было, как я уже сказал, войском Камило. Патруль был из отделения под командованием Рафаэля Вердесиа, *Пунго*.

2 августа, в третий день битвы, вражеские войска в Лас-Мерседес вновь попытались три раза прорвать окружение и три раза были отброшены людьми Гильермо и вынуждены вернуться в свои траншеи.

В тот день Че посоветовал Гильермо:

> «Если будет возможно, дай выйти войску, чтобы поддать им вне траншей. Приостанови неприцельную стрельбу. Не спускай глаз с танков, из которых два внизу, а тот, что наверху, кажется, поломан. Если им удастся уйти, надо напасть на них сзади, куда бы ни шли».

Че уже предвидел возможность того, что подкрепление, поддержанное танками «Шерман», о прибытии которых в Эстрада Пальму мы уже знали, могло бы добиться прорыва повстанческого окружения и вытащить осажденные войска. Отсюда его указание беспощадно преследовать отходящих солдат до Эстрада Пальмы, если потребуется. Что касается вражеской танкетки в Лас-Мерседес, в тот день она была окончательно выведена из строя метким выстрелом из базуки бойца Хермана Маркса с вы-

соты Эль-Моро, североамериканца из войск Че, с опытом владения базукой со времен службы в корейской войне. Эта вражеская танкетка – вещественное доказательство, свидетельство повстанческой победы в борьбе с наступлением – до сих пор находится в Лас-Мерседес на том же месте, где получила сокрушительное попадание гранаты из базуки.

Авиация продолжала настойчиво атаковать повстанческие позиции. В тот день жертвами воздушных атак стали лейтенант Кодофредо Вердесия из бойцов Гильермо и получивший ранение боец Феликс Мендоса из сил Че. Однако, несмотря на атаки вражеской авиации, в течение всего дня повстанцы продолжали беспокоящие действия против окруженного батальона.

Ввиду неудачной попытки применить пулемет 50-го калибра со своего командного пункта в Хобаль Арриба я приказал как можно скорее найти Браулио Кюрюно и расчет пулемета. Для меня было ясно, что это оружие будет более эффективным в бою против подкрепления. Я намеревался встретиться с Кюрюно на лесопильне Гонсалесов, дать ему точные инструкции и в тот же вечер направить его на новую позицию.

Хотя всё, казалось, указывало на то, что главные усилия прийти на помощь осажденным войскам будут предприняты со стороны Эстрада Пальмы, нельзя было исключать, что вражеское командование попытается произвести дополнительное действие с направления Сьенагильи и Эль-Хибаро, где сосредоточены некоторые силы. Поэтому немного позже полудня я направил Че следующее послание:

«Только что получил твои две заметки о Фонсо [Альфонсо Сайас] и о миномете.

Я посоветовал направить его в зону Сьенагильи, полагая, что те войска предназначались для направле-

ния в качестве подкрепления, и мне казалось уместным, чтобы, как только они двинутся, встретели сопротивление и не смогли легко дойти до Хибаро. Поскольку они отвели войска из Пуриаля [де-Хибакоа], мне представляется наиболее логичным, что теперь они попытаются направить подкрепления по тому же пути.

Хорошо сделал, по моему разумению, задержав Фонсо, пока не подкреплен Сильва. Как только произойдет это, я склоняюсь к тому, чтобы Фонсо приблизился, насколько возможно, к Сьенагилье, устраивая засаду на дороге, идущей туда. Геррите [Фелипе Герра Матос] поручил подготовить засаду в тылу Сьенагильи. Если ты не считаешь достаточно сильной линию с той стороны, собери людей из тех, кто там появляется, и используй также кого-то из тех, кто между Мерседес и Маэстрой, так как там, вероятно, они нам совсем не нужны».

Случилось так, что днем я получил информацию о том, что вражеские войска, располагавшиеся в Пуриаль-де-Хибекоа, отошли. Известие мне принес Фелипе Герра Матос, который действовал как своего рода второй человек в командовании колонны Кресенсио Переса. Напомним, что Кресенсио получил задание прикрыть как раз подступ к Лас-Мерседес со стороны равнинных зон к юго-востоку от поселка. Тем же вечером я написал Че:

«Геррита здесь. Информирует меня, что два дня назад войска ушли из Пуриаля. Взвод Альфонсо [Сайас] должен заняться беспокоящими действиями в отношении войск из Сьенагильи, продвигаясь туда и стараясь устроить им засаду с тыла.

Если указанная операция уже не нужна, так как патруль Герриты ее осуществил, тогда Фонсо пусть устроится в засаде как можно ближе к тем войскам на

дороге, ведущей сюда. Мора и Креспо должны расположиться в условленном пункте, чтобы упреждать любые продвижения из Кайо Эспино по дороге из Пуриаля и Хибаро».

То, что произошло в действительности, было движением вражеских сил, предусмотренным в новом оперативном плане, подписанном 26 июля на командном посте Байамо, который мы уже упоминали в предыдущих главах. Среди предписаний этого плана намечалось, что пехотный батальон 12 должен был уйти из Пуриаль-де-Хибакоа в направлении Сьенагильи.

В тот день, 2 августа, я решил также применить тактику, подобную использованной в битве при Хигуэ, которая состояла в полном приостановлении огня в окружении с целью сбить с толку врага и заставить думать, что повстанческие силы отошли, и этим мы спровоцировали бы вражеских солдат на выход из своих траншей.

В 4:00 дня я направил Че следующее послание:

«При этом направляю два миномета и одного минометчика, другой болен. У Лало есть парень, которого зовут Эмилио [Родригес], который умеет хорошо управляться с минометом, так как много времени был с Педро [Миретом] и очень смелый. Попытайся разыскать его, со своей стороны, а я попытаюсь со своей.

Если мы полностью приостановим огонь в окружении, тогда лучше использовать пулемет 50-го калибра против подкреплений, ведь ничего не достигаем, переставая стрелять из винтовок, если ведется стрельба из пулемета 50-го калибра, зато если он внизу, то может нагнать больше страха. Минометы, которые у тебя, нужно использовать при любой попытке выхода солдат».

К тому времени все старания отремонтировать и задействовать захваченную в Вегас танкетку оказались безуспешными, но я продолжал настаивать. Этим днем распорядился отправить танкетку с помощью трактора к моему командному пункту в Хобале Арриба, чтобы и дальше пытаться ее починить. Об этом сообщил Артуро Агилере в 6:45 дня:

«Я около танка. Думаю отправиться на лесопильню этим вечером и взять танк. Хочу, чтобы пригнали трактор, чтобы увезти танк как можно скорее».

В послании Гильермо, отправленном в 9:00 вечера 2 августа, проинформировал его о применении новой тактики:

> «Будем придерживаться тактики, подобной той, что была в Хигуэ. Приостановим полностью огонь, чтобы заставить думать противника, что мы ушли. Оповещу всех людей с этой стороны.
>
> Никто не должен стрелять. Все должны стараться, чтобы их не видели, чтобы солдаты не заметили их присутствия. Быть начеку, если они попытаются выйти, и открыть огонь, только если они попробуют ускользнуть с какой-то стороны. Так сэкономим боезапас и собьем с толку врага».

Как я и указал, когда нашли горючее для трактора, тот начал медленно тащить танкетку. Но сильный ливень привел к тому, что трактор стал скользить в грязи, и оказалось невозможным продолжать движение.

В 11:45 ночи, огорченный новой неудачей, проинформировал Камило (см. документ на с. 702):

> «Два дня ожидаю проклятый танк, чтобы совершить набег вглубь вражеского тыла. Педрито должен обстрелять этой ночью Эстрада Пальму из Дос Груас,

чтобы осложнить и сорвать сосредоточение вражеских войск».

И в конце рекомендация: «Посылаю тебе мину, детонатор, кабель и запал. Помни, что мина противотанковая, ее надо устанавливать посреди дороги, зарывая в землю».

Такова была ситуация на рассвете четвертого дня битвы. В течение всей ночи повстанческие позиции, задействованные в окружении, соблюдали приостановку огня.

В 4:45 дня 3 августа Че направил мне другое послание:

«Сделаю все, как мне говоришь. Дорога, что идет в Кайо Эспино, не проходя через Хибаро, обязательно должна проходить через Ла-Эррадуру.

Не думаю, что нужно больше ослабить окружение, так как могли бы предпринять отчаянный выход и прорвать наши линии в каком-то уязвимом пункте со спасением части войск, которые не должны спастись».

И дальше добавлял:

«Мне кажется, что определенное значение будет иметь здесь пулемет 50-го калибра через пару дней, так как можно прихватить разведчика [...]. В противном случае он бесконечно будет сбрасывать им еду и боезапас».

Че имел в виду вражескую разведывательную авиетку, которая, помимо наведения на цель при обстреле и бомбардировке, безнаказанно спускала в осажденный лагерь на парашютах припасы и амуницию.

В заключение Че попросил меня в том же послании заняться делом, которое его сильно расстраивало:

«Должен просить тебя, чтобы ты попытался найти моего мула, так как кто-то его увел, а я не намерен этого позволить. Здесь плюют на все при таком ди-

ком беспорядке, прошу тебя, пришли мне мула с тем, кто его взял, чтобы он извлек пользу из воздержания от еды».

Этим утром Гильермо приказал силам Убера Матоса оставаться в засаде вдоль массива Ла-Эррадура, чтобы не допустить выхода вражеского батальона. В тот день специально для меня Убер Матос направил ко мне двух женщин, задержанных его бойцами, которые несли письма, лекарства и белье осажденным солдатам. Посты Суньола позволили им пройти через Сао Гранде, не имея на то разрешения. Остаток утра и часть дня до вечера авиация подвергала пулеметному обстрелу без разбора зоны Кабиро, Вегас-де-Хибакоа, Арройона, Ла-Эррадуры и другие близко расположенные пункты. Однако в Лас-Мерседес только разведывательная авиетка облетела вражеский лагерь.

Между тем Камило и его люди продолжали находиться в засаде на холмах Эстрелья Бельо и Лос-Попа, в Куатро Каминос, ожидая подкреплений. Че написал Камило в послании:

«Здесь все хорошо. Сегодня авиация дала нам отдых.

[...]

Не желаю тебе, чтобы ты захватил танк, так как Фидель отнимет его у тебя».

24

Битва при Лас-Мерседес: три последних дня

АВГУСТ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	–	–	–	1	2
3	**4**	**5**	**6**	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31	–	–	–	–	–	–

Утром в понедельник 4 августа сохранялось установленное за пять дней до этого раньше окружение, батальона 17, размещенного в Лас-Мереседес, а также засады в ожидании подкреплений, которых на помощь осажденным войскам должно было направить вражеское командование.

В течение этих дней бóльшую часть времени я находился на командном посту, установленном на высоте рядом с лесопильней Луиса Гонсалеса в Хобаль Арриба. Там мне составляли компанию только Селия, несколько посланцев и маленькое отделение Командования, в которое, среди других, входили Мануэль Фахардо Сотомайор, Универсо Санчес и Марсиано Ариас Сотомайор. Не помню, располагали ли мы уже к этому времени услугами повара Мигелито Миланеса, кулинарное творчество которого иногда не было чем-то выдающимся, но симпатичные остроты всегда меня развлекали.

В 6:45 утра этого дня я направил послание Эдди Суньолу, который продолжал находиться в засаде со своими бойцами в Сао Гранде (см. документ на с. 704):

«[...] я знаю, что люди совершают много ошибок, но на этот раз промахи не останутся безнаказанными. Предупреди лейтенантов и всех людей, которые там могут дать пройти вражеским солдатам, с какой бы целью они ни шли, что я не допущу извинений никакого рода. Если нужно больше людей, я их пришлю, но единственное, чего не допущу, это того, чтобы прервали эту линию. Если позиция раскрыта, надо соорудить новые траншеи несколько впереди, но никогда не отступать ни на дюйм.

У меня двадцать человек около Эль-Сьерро с задачей атаковать с фланга любые войска, которые столкнутся с вами, и, если смогу сегодня запустить танк, мы разнесем их в щепы. Камило занимает позиции в Куатро Каминос».

Двадцать человек у Сьерро Пеладо были, напомним, патрулем под командованием Пунго Вердесиа.

По тону этого послания можно ясно заключить, что я не был удовлетворен действиями личного состава повстанцев, предназначенного для устройства главной засады против вероятного вражеского подкрепления. Это было ключевым элементом для определения исхода всей битвы. Как нам недоставало в этот момент людей, подобных Пасу или Куэвасу! Однако положение вещей сложилось таким образом, что, мне казалось, было уже поздно совершать новые движения. Отсюда моя настойчивость в упрочении морального духа Суньола и людей под его командованием и в том, чтобы они полностью осознали свою фундаментальную роль во всей стратегии, намеченной с целью воспрепятствовать бегству этих последних вражеских войск.

Повстанческие силы, прямо участвовавшие в окружении войск в Лас-Мереседес (см. карту на с. 742), продолжали находиться под непосредственным руководством

Че, который доказал, что заслуживает полного доверия, оказанного ему мной. Я был уверен, что при отношениях, сложившихся между Че и решительными капитанами, действовавшими в окружении, – в том числе Гильермо, Лало и Рауль Кастро Меркадер, – можно было нисколько не опасаться, что на этом фронте что-то получится плохо.

Тем утром Че меня проинформировал:

> «Месторасположение мула обнаружил вчера, вследствие чего у меня прошла фиделевская вспышка плохого настроения. Здесь все спокойно, делаю траншеи по дороге вниз, ведь она приближает нас к Лас-Мерседес. Пулемет 50-го калибра – необходимый зверь, чтобы сбить разведчика».

Немного погодя после получения этой записки я ответил ему информацией о безуспешных усилиях починить танкетку, захваченную в Вегас, – дело, практически превратившееся для меня в не приносящую ожидаемых результатов навязчивую идею в течение последних дней, поскольку я осознавал, что́ могло бы означать вступление в строй этого оружия:

> «Ты со своим мулом, я с «моим» танком. Искали солярку, достали солярку, а трактор оставался бессильным. На танк, который уже хорошо шел своими собственными силами, обрушился ливень, и он стал скользить. Сегодня я распорядился запрячь быков, чтобы вытащить его. Потеря времени приводит в отчаяние».

В том же послании я объяснил ему, как всегда, некоторые новые диспозиции, которые думал одобрить, и дал ответ по поводу пулемета 50-го калибра:

> «Эстрада Пальма, кажется, является центром сосредоточения врага. Этим вечером приказываю обстрели-

вать ее из 81-мм [миномета] и устроить засаду между Сьерро и Эстрада Пальма. Кроме того, укрепим линию Ла-Эррадуры и Сао Гранде. Владение Куатро Каминос очень выгодно для нас, так как угрожает с фланга подкреплению, которое придет через Сао Гранде. На счет танка, если он все-таки прибудет, имеются другие планы.

Пошли подготовить позицию с траншеями, чтобы установить пулемет 50-го калибра, а вместе с пулеметом 50-го калибра установи зенитный пулемет от танка, он у Хоэля [Иглесиаса] и, насколько я понимаю, стреляет с фантастической скоростью.

С двумя пулеметами на хорошей позиции можно положить конец безобразию с парашютами. Но должны укрываться в хороших траншеях. Прикажи выполнить эту работу этим же вечером».

У нас уже была информация о том, что в течение нескольких дней командование армии взялось за задачу сосредоточить людей, танки и другие боевые средства в сахарозаводческом хозяйстве «Эстрада Пальма», в часе езды от Лас-Мерседес по равнинным и просторным дорогам, где танки могли действовать без затруднения. Уверенность в том, что враг бросит в бой все эти средства в попытке добиться хотя бы жалкой победы, спасая батальон, окруженный в Лас-Мерседес, вселила в меня убеждение, что будет трудно сдержать огонь и отразить это крупное развертывание сил. Тем не менее я еще сохранял надежду, что с базукой, размещенной в Сао Гранде, и несколькими минами, которые приготовился направить туда, умелыми действиями наших бойцов в этой линии обороны что-то можно будет сделать. Со своей стороны, линии окружения в секторе кладбища Лас-Мерседес, где находились Гильермо и Лало, и линия поддержки в Ла-Эррадуре, где располагался Убер Матос, без сомнения, посодей-

ствуют тому, чтобы бегство батальона 17 и его подкрепления не стало военным парадом, на что рассчитывал враг.

Как и в битве при Хигуэ, у меня зародилась идея использовать оборудование и громкоговорители «Повстанческого радио» для психологического воздействия на осажденных солдат, и об этом я также проинформировал Че в послании:

> «Два дня назад я распорядился подготовить громкоговоритель с его персоналом. У двух женщин мы обнаружили связку писем для осажденных солдат, которые мы можем с успехом использовать, зачитывая с указанием имен солдат, которым они предназначались, родственников, написавших эти письма, и приглашая прислать кого-нибудь забрать их».

Незадолго до полудня 4 августа Лало Сардиньяс сообщил мне, что замкнул западный сектор окружения и что несколько дальше справа Гильермо приоткрыл в окружении брешь в сторону Ла-Эррадуры, там, где занят массив. Если осажденные войска попытаются выйти через эту брешь, то можно будет разделить их на две части, а Лало с тыла сможет занять их траншеи. Но пока что солдаты не попытались выйти. В то утро Лало наблюдал, как с авиетки сбрасывали парашюты над вражеской позицией, а вертолет спускался на лагерь, и поэтому просил разрешения стрелять, если он снова появится.

В моем ответе Лало на это послание писал ему:

> «Прибытие вертолета – верный сигнал, что солдаты верят, что мы ушли, что авиация закончила свое дело и т.д. и т.п. Теперь надо ожидать, когда выйдут, чтобы хорошенько им поддать. Неважно, что вертолет улетит и прилетит, когда захочет, если только не попытается эвакуировать войско по воздуху.

Когда снова начнется бой, у нас будет пулемет 50-го калибра и зенитный пулемет с танка, чтобы не дать доставлять что-то, сбрасывать даже на парашюте. Между тем у нас уже готовы люди, чтобы продолжать наступление на равнине. Хорошенько следи за тем, чтобы не прошли через твою линию, и используй вечером время для устройства траншей».

Около полудня у засады Эдди Суньола в Сао Гранде был задержан подозрительный человек, который сказал, что он из Габиро, и заверил, что солдаты продвигаются к Лас-Мерседес. Суньол отправил его под конвоем одного бойца в дом, где находился Эль Вакерито, но, не застав последнего, Суноьол оставил его на позиции, занимавшейся Рубеном Фонеской, не предупредив, что человек был задержан. Через несколько минут субъект сбежал, кажется, в направлении Серро. Можно было предполагать, что он выдаст позицию повстанцев. После шести часов дня Суньол и Дуке информировали меня о случившемся. Тогда я распорядился заменить Суньола и приказал Дуке отвечать за засаду в Сао Гранде.

Вражеская авиация в течение дня продолжала пулеметный обстрел повстанческих позиций. В Сао Гранде очередью был ранен в живот боец отделения Даннея Переса Аламо из войска подразделения Дуке.

Наконец, вражеское командование решило, что с помощью окруженного батальона 17 можно бросить в действие самую мощную из созданных до сих пор группировок. От Эстрада Пальмы начал продвигаться в направлении Эль-Канай, Сао Гранде и Лас-Мерседес штурмовой батальон, оснащенный автоматическим оружием, в авангарде которого шли средние танки «Шерман», за ним следовал батальон 12 под командованием майора Педрахи Пардона с двумя танкетками Т-17 впереди, а в арьергарде двигался батальон 25. Всего было около девятисот солдат.

Сзади, дальше к западу, из Сьерро Пеладо в направлении Куатро Каминос и Арройона продвигался батальон 10 майора Нельсона Карреско Артилеса примерно из трехсот солдат. В общей сложности, таким образом, вражеское подкрепление насчитывало четыре батальона, три танка «Шерман» и две танкетки Т-17, составлявшие группировку из примерно 1200 человек.

Во второй половине дня вражеское подкрепление стало лагерем на полпути, приблизительно на территории, занимаемой сегодня Школьным городком «Камило Сьенфуэгос» в Эль-Каней-де-Лас-Мерседес, с намерением продолжить свое продвижение на следующий день. Со своей позиции на холмах Куатро Каминос Камило мне сообщал:

> «Мне поступают сведения, что по дороге в Лас-Мерседес идут войска; стали лагерем в пальмовой роще, идут два танка или танкетки, впереди около ста пятидесяти солдат, сзади – другая машина, еще два танка или танкетки и другая группа из 100 или 150 солдат, но уже два часа, как они стоят. У меня Вердесиа следит за продвижениями, чтобы двинуться и атаковать их с фланга или с тыла, когда по ним откроют огонь.
>
> Мы ожидаем некоторых завтра. Жаль, что не подходят сегодня, праздник с минометом 81-мм был бы полным. Педро [Мирет] отправляется рано на объект».

В 7:15 вечера Камило в нетерпении снова информировал:

> «Есть войска, их, пожалуй, триста человек, ставшие лагерем поблизости. Было бы здорово, мне кажется, обстрелять их этой ночью. У Педро та же мысль.
>
> Ждем, чтобы сказал, что делать.

Эти войска на пути к Лас-Мерседес. У них несколько танков, думаю, три или четыре. Думаю, завтра двинутся вперед [...]. Вердесиа метрах в трехстах от них».

Еще занятый попыткой сдвинуть захваченную у врага танкетку, вечером я скупо ответил Камило (см. документ на с. 708):

«Мобилизовал даже быков, чтобы сдвинуть проклятую танкетку. Если удастся, сегодня же вечером отправлю тебе. Педрито пусть остается там, поддерживая тебя».

Затем, в 8:25 вечера, я направил послание Че, в котором информировал относительно подкрепления и новых предпринимаемых действиях:

«Принимаю меры, чтобы упредить ситуацию. Среди прочих приказал Дуке принять командование бойцами, оберегающими эту дорогу. С проклятым танком все еще не распутался, теперь он мне действительно нужен, чтобы запустить его вместе с Камило сзади солдат.

Пулемет 50-го калибра встретит рассвет на позиции Гильермо, которая представляется самой близкой между Хибаро и Пуриалем, с инструкциями отправиться подкрепить Сильву. Все эти люди должны подготовить хорошие траншеи в стратегических пунктах и хорошенько изучить местность, так как есть дорога, ведущая к Кайо Эспино, не проходя через Хибаро, хотя думаю, что до этого должна пройти через Ла-Эррадуру».

Затем я передал Че некоторые соображения о распределении сил, произведенном до этого момента:

«Было ошибкой расположить столько людей в окружении; расходовали боезапас без какого-либо контроля; у Гильермо есть люди только с пятнадцатью выстрелами, а это может оказаться очень серьезным сейчас и после. Не хочу думать о Креспо и Рауле [Кастро Меркадере], как у них будут идти дела. Отдал приказ Рамиро не давать ни одного патрона без моего четкого разрешения. Предпочтительно переносить неудобства обращения с просьбой, чем после совсем остаться без патронов».

А дальше в том же послании я вернулся к этой теме:

«Другие беспокойства, связанные с многочисленностью личного состава в окружении, помимо чрезмерного расходования патронов, это сосредоточение людей при угрозе обстрела и бомбардировок и слабость позиции при попытках проникновения подкреплений.

Линия окружения не должна быть сильной, так как осажденное войско очень редко оказывает нажим и может быть атаковано отовсюду, едва попытается сделать это. Нам надо понемногу высвобождать личный состав».

К сожалению, я пришел к этому убеждению слишком поздно. Если бы сейчас меня спросили, почему требуется столько наших сил для окружения, я не нашел бы логичного ответа. В Хигуэ силы, предназначенные для окружения, были намного меньше, чем выделенные силы для отбрасывания подкреплений, и такая тактика применялась нами с прекрасными результатами во всех наших предыдущих операциях. Пожалуй, на этот раз на меня повлиял подсознательно тот факт, что окружение Лас-Мерседес осуществлялось на местности с иными характеристиками, где осажденные войска имели больше воз-

можностей для маневра. Но к этому времени битвы я изменил свое мнение. Проблема состояла в том, что уже ничего нельзя было изменить.

В том же послании я писал Че:

«Что касается использования 60-мм минометов, мы должны включить их в приостановку огня. Иначе мы не сможем создать у них впечатление отхода, хотя более важным, чем это, все еще остается экономия боезапаса, и мне кажется, что, если минометы будут продолжать стрелять, это вызовет замешательство среди наших, и не будет выполняться призыв к приостановке огня.

Можешь открыть огонь из минометов и остального оружия, если ты считаешь это целесообразным в случае ведения битвы с отходом по всем правилам; другое дело, если они задействуют один взвод или два для прощупывания, в таком случае лучше подождать, пока они натолкнутся на линию обороны.

Если мы продолжим наступательные действия, время будет на нашей стороне и, атакуя другие пункты или угрожая им, будем отвлекать самолеты на другие направления. В день боя, задуманного ими около Эстрада Пальмы, самолеты, летевшие к Лас-Мерседес, сбросили там все свои бомбы. На мой взгляд, армия слишком запугана, и нам надо этим воспользоваться.

Сегодня утром прибыла, наконец, солярка для трактора, можно будет сдвинуть танк, и, думаю, что-то сможем сделать. Это была сущая потеря времени, но, к счастью, враг действительно в нокдауне».

В заключение я настаивал на необходимости разместить какие-то силы, остерегаясь возможного продвижения врага от Сьенагильи:

«Упустил сказать тебе, что Фонсо, находясь на позиции у Эль-Агуакате, около Сьенагильи, сможет оказывать беспокоящие действия с фланга или с тыла на любые войска, которые будут продвигаться из Кайо Эспино в Лас-Мерседес, следуя по дороге, идущей из Агуакате в Пуриаль через Купеял, что займет у них всего не более полутора часов. Это, разумеется, теоретически, так как на практике люди упускают возможности, о которых жалеют потом всю жизнь».

В тот вечер я проинформировал Камило:

«Недавно направил тебе послание, в котором сообщал, чтобы Педрито ничего не делал этой ночью и оставался с тобой с целью поддержать тебя минометом. Я был бы сторонником того, чтобы, если вражеские войска продвинутся вперед и столкнутся с нашими людьми в Сао Гранде, разнести их в щепы с тыла при поддержке базуки и иметь наготове миномет с целью продолжить праздник, если еще подойдут солдаты подкрепления или [если] они отступят.

Ты должен действовать, как тебе подсказывают обстоятельства. Посылаю мины к миномету, которые остались здесь. Не знаешь, чего мне стоит борьба за то, чтобы отправить танк, но, если он не прибудет сегодня, прибудет завтра вечером наверняка, так как соберу столько упряжек быков, сколько здесь будет».

Следующим утром, 5 августа, как и следовало ожидать, мощная группировка, которая шла на помощь батальону 17, продолжила свое продвижение по дороге из Сао Грандо в направлении к Лас-Мерседес. С рассвета авиация стала с особой яростью бомбардировать и обстреливать из пулеметов позиции, на которых подозревалось наличие повстанческих бойцов. Около полудня взводы

Феликса Дуке и Эдди Суньола, находившиеся в засаде в Сао Гранде, вступили в бой против вражеского авангарда, который продвигался с танками. Мощная мина, которую я послал прошлым вечером для закладывания на дороге, не взорвалась, кажется, из-за дефекта электрического детонатора, и первый танк избежал подрыва.

Два выстрела из базуки, из которой стрелял Фелипе Кордуми, не попали в цель. Солдаты двинулись развернутым строем под повстанческим огнем, который нанес первые потери вражескому авангарду.

Бойцы Дуке и Суньола более часа оказывали сопротивление продвижению противника далее, даже под давлением танка, возглавившего атаку, и развернувшейся пехоты. Из своей траншеи Фелипе Кордуми снова выстрелил из базуки три гранаты по танку и, наконец, вывел его из строя. Но другой танк обнаружил бойца и сделал несколько выстрелов, одним из них прямым попаданием уничтожил храброго воина, разворотив его базуку и ранив Суньола и двух других повстанцев, занимавших ту же траншею.

Перед превосходством врага и уже не располагая базукой, чтобы задержать продвижение танков, бойцы Дуке и Суньола вместе с отделением Эль Вакерито и Рубена Фонсаки вынуждены был отойти в направлении холма Ла-Эррадура.

В 1:30 дня я направил следующую информацию Че:

> «С двенадцати часов начался бой с подкреплениями, продвигавшимися через Сао Гранде. Перед этим сильно бомбили и подвергали пулеметному обстрелу зону. С моего наблюдательного пункта я смог заметить различные очаги огня вдоль пути. На что больше надеюсь, так это на атаку взвода под командованием [Рафаэля Пунго] Вердесиа, который вечером устроился лагерем в трехстах метрах от вражеских войск,

следуя за ними. Уберу я рекомендовал, чтобы он разместил различные группы по флангам. На первый взгляд, очевидно, что продвижение остановилось. Один из танков остался без бензина. Думаю, что у них есть еще два.

Камило я сказал, чтобы он бросил одну группу в тыл с базукой и расположил другую с 81-мм минометом, чтобы атаковать любое новое подкрепление.

Не могу пока ничего тебе гарантировать в этот момент».

Часом позже я сообщил Камило:

«В Сао Гранде вражеские войска, похоже, отвоевали какой-то участок, только атака этим вечером против подкрепления может определить ситуацию. Проинформируй ясно, какие меры ты там принял».

Мощное вражеское подкрепление продолжило продвижение по дороге в направлении холма Ла-Эррадура, пользуясь условиями местности для развертывания по фронту в несколько сотен метров. Повстанческие силы, оборонявшие эту позицию вместе с теми, кто отошел сюда из Сао Гранде, оказали слабое сопротивление. Авиация продолжала прочесывать массив бомбами с шрапнелью, Убер Матос приказал отойти своим людям вдоль массива Ла-Эррадура в направлении Бахо Ларго. Ввиду этого у Дуке не осталось, альтернативы, кроме как отойти к позициям Гильермо.

В этой фазе боя мы понесли некоторые потери. Были убиты бойцы Лоренсо Велис и Гауденсио Сантиэстебан. В тот же день погибли боец Николас Ул и сотрудничавший с повстанцами крестьянин Ибраим Эскалона, когда пытался разобрать неразорвавшийся снаряд, выпущенный одним из вражеских танков по позициям бойцов Рауля Кастро Меркадера на высоте Эль-Моро. После отхода повстанцев с Ла-Эррадуры вражеские войска про-

должили свое продвижение, все более приближаясь к позициям, которые оборонял взвод Гильермо с другой стороны массива.

В 4:05 дня Че направил срочное послание Гильермо:

«Прослушана беседа между двумя группами армии, в которой говорилось, что пошлют две группы с базуками для атаки позиции, которую подготавливали «по-нахальному». Думаю, что это должна быть твоя траншея, и оповещаю тебя, чтобы ты принял все необходимые меры.

Думают атаковать одной базукой, пока заряжают другую».

Позднее, в 5:15, Че меня проинформировал:

«Перехватили беседу, в которой сообщали командиру, что имелась группа, устраивавшая траншеи «по-нахальному», и что задействуют по ней две базуки. Понял, что имелся в виду Гильермо, и направил ему срочное послание, но позже пришло известие (тем же путем), что выстрелы были результативными. Командный пост спрашивал, где находился «караван подкрепления», но мы не смогли перехватить ответ.

Если нужны люди, могу прислать два отделения – одно Камило, другое Лало, – которые здесь у меня, готовые ударить по ним сзади [...]. Я на моем первоначальном месте, на холме Хигуэ, внизу. Сюда можешь присылать мне сообщения. У меня есть пулемет и двадцать единиц оружия».

Гильермо и его люди развернули свои позиции на другую сторону и при поддержке бойцов взвода Лало Сардиньяса и бойцов Дуке, которые уже к ним присоединились, оказали стойкое сопротивление вражескому продвиже-

нию. В ожесточенном бою повстанцы понесли некоторые потери, среди них гибель бойца Лусиано Тамайо.

К северу, в Куатро Каминос, Камило Сьенфуэгосу и его людям удалось сдержать попытку врага занять ближайшие к дороге высоты. Камило меня проинформировал:

> «[...] здесь все хорошо. Армия пошла наверх, и, как договорились, Вердесиа последовал за ними, когда ливень начался поблизости, но только с семью бойцами. Ещё одна группа двинулась в другом направлении, и они здесь ничего не сделали. У тех, что пошли с Вердесиа, есть один раненый, но легко в руку, Вердесиа не прибыл. Не знаю, что мог сделать. Базуки не трогал, так как услышал шум машин, позднее прошли танк и большая группа солдат. Сейчас пытаются – группа, которая осталась, не знаю, сколько человек – взять массив от нас слева, где находился Вердесиа, посылаю людей в этом направлении. Если возьмут это место, будут легко господствовать над всем этим. Думаю, [что] люди придут раньше, чем они. Некоторое время назад подвергали пулеметному обстрелу и из минометов этот массив.
>
> Мы видели солдат у Сао Гранде, и, как сообщил прежде, до этого прошла другая большая группа и еще часть остается на месте, где стали лагерем вечером (эта группа прошла намного позже, после того, как начался огонь).
>
> Люди, зашедшие с тыла (восемь из них), не сделали ни одного выстрела; говорят, что не знали, где были солдаты и где наши люди. Все сделали шиворот-навыворот, потому что, когда один прибыл сообщить мне, что последуют за врагом, вместо того, чтобы подождать, так как я размещал отделение на дороге, идущей от Сао Гранде к месту, где умер Даниэль, ушел, не дожидаясь меня, и оставил меня без проводника.

[...] Сторожим дорогу и не видим, чтобы солдаты возвращались».

Несмотря на сопротивление бойцов Гильермо, мощное вражеское подкрепление продолжало продвигаться вперед, и к вечеру, после почти пяти часов боя, штурмовой батальон и танки, наконец, вошли в Лас-Мерседес, не избежав до этого многочисленных потерь. Остальные вражеские силы заняли позиции вдоль дороги от Лас-Мерседес до Серро Пеладо, чтобы прикрыть отход и избежать также окружения подкрепления, как произошло раньше в Вегас-де-Хибакоа.

С нашей стороны сообщалось в этот день о гибели четырех бойцов и около десяти раненых, в том числе тяжело. В полдень я получил весьма неодобрительную докладную от Гильермо о действиях повстанцев, располагавшихся на Ла-Эррадуре:

«В этот момент прибыл Убер, чтобы переговорить со мной об отходе. Сказал мне, что приказал отвести людей Суньола, потерявшего двенадцать человек, насколько он мог видеть. Я приказал ему оказывать максимальное сопротивление на массиве Ла-Эррадура, но по состоянию духа вижу, что не будут сопротивляться совсем.

Думаю, все это сделали бомбардировки. Говорит, что танки прочесывают пушками и пулеметами 50-го калибра, а армия поливает пулями все выпасы.

Я вечером прибуду туда в зависимости от ситуации».

Если не считать поведения людей, занимавших позиции на массиве Ла-Эррадура, о чем сообщал Гильермо, надо добавить, что наши силы сражались в этот день со смелостью и упорством. Их нельзя было винить в том, что авангард подкрепления добился своей цели. Группировка, собранная вражеским командованием, была очень силь-

ной, тем не менее, наши люди заставили ее заплатить высокую цену потерь. Хотя повстанческие силы вдоль дороги из Эстрада Пальмы совершили тактические отходы, верно то, что удерживалась осада вражеского лагеря, было оказано сопротивление, которого, наверняка, вражеские войска не ожидали, и, самое важное, осталась почти нетронутой диспозиция для действий в момент отхода осажденного батальона и того, что прибыл на выручку. Хотя не удалось достичь цели воспрепятствовать вступлению в Лас-Мерседес подкрепления, мы могли чувствовать себя удовлетворенными действиями наших людей в этот день, 5 августа.

У меня не оставалось ни малейшего сомнения, что на следующий день будет предпринята попытка бегства вражеских сил, сосредоточенных в Лас-Мерседес. Я был убежден, что вражеское командование уже не в состоянии собрать новые силы, чтобы вернуть какую-то инициативу. С другой стороны, для батальона 17 и его подкрепления оставаться в Лас-Мерседес, помимо того, что это было бы самоубийством, уже не имело никакого смысла с военной точки зрения.

В 7:45 того же вечера я направил пространное послание Че (см. документ на с. 709), в котором, прокомментировав довольно детально развитие действий до этого момента, информировал о принятии самых ближайших мер в уверенности, что враг попытается отойти на следующий день:

> «Вражеские войска прошли. Приблизительно в двенадцать натолкнулись на засаду, которая, как оказалось, не была для них секретом. Мина, большая, которую я прислал вечером, не взорвалась. Кажется, детонатор был дефектным, так как все остальное готовилось здесь. Парень, которому поручалось взорвать ее, был ранен после того, как тщетно пытался это сделать.

Кордоби́ [это Фелипе Кордуми] выстрелил пять гранат из базуки, вывел из строя один танк. Но другой танк атаковал его, стреляя из пушки, убил и разнес также базуку. Суньол, Висо и другой парень, находившийся в той же траншее, были ранены. Суньол – серьезно, но не смертельно, Висо и другой ранены несерьезно. Есть еще семеро раненых и один из бойцов Гильермо, а другой – из пятидесяти раненых в окружении. Из них по крайней мере трое ранены серьезно. Потери, следовательно, тринадцать на четырнадцать. Люди, оставшись без базуки перед танками, отошли. Люди были храбрыми и отошли в порядке. Дух высокий. Дуке и Убер отошли на высоте Ла-Эррадура к той стороне.

Гильермо несколько сдвинулся, чтобы лучше прикрыться, но держится на позиции окружения вблизи от врага. Лало остается на том же месте. Важно, чтобы Убер держал высоту Ла-Эррадура с западной стороны от дороги. Ты должен попытаться связаться с ним этой ночью, чтобы держал, как только можно, часть массива с той стороны, которая самая высокая. Если Убер не появится, надо послать какой-нибудь другой взвод. Проблема в сохранении окружения, чтобы им пришлось отходить по коридору под огнем.

Состояние дел с этой стороны таково. Лало на своей позиции, Гильермо – на своей, а люди, находившиеся в засаде в Сао Гранде, будут располагаться на линии, которая прикрывает спину Гильермо от любого обхода из Сао Гранде или с части, занимаемой солдатами на высоте Ла-Эррадура. Лало и Гильермо будут атаковать с этой стороны, когда попытаются отойти.

Подкреплю Камило 40 людьми, которых держал здесь в резерве, их целью будет атаковать снизу, когда будут отходить, помимо каких-то других действий, если представятся благоприятные обстоятельства».

Немного раньше Гильермо проинформировал меня о ряде правильных решений, которые принял ввиду прибытия подкрепления:

«Убера разместил частично на самой дороге от Эррадуры, а Дуке со своими силами располагается по всему массиву до соприкосновения с Рейнальдо Морой, находящимся на реке, что течёт к Хибаро, я на массиве напротив армии с наибольшей силой, сосредоточенной на краю кладбища, чтобы, когда они двинутся вперед и столкнутся с Убером, атаковать их по центру с целью разделить на две колонны. У меня подготовлены несколько людей Лало, чтобы послать их, когда начнется огонь, по выпасам с этой стороны дороги для тех, кто рассеется или попытается уйти, минуя Куатро Каминос и Сао Гранде. Лало расположился с правого фланга с целью занять их траншеи, когда выйдут».

В том же послании, что я отправил Че в 7:45 пополудни, сообщил ему о намерении прибыть этой ночью на позиции Камило, чтобы обменяться с ним впечатлениями, и добавил:

«Планы далеки от того, чтобы получилось так, как мы желали, но надо продолжать бороться.

Наше положение, в общем, не внушает опасности, и это не выглядит как решающая битва, которая в противном случае может свести на нет достигнутые успехи. У нас еще остается возможность переломить ситуацию».

В те моменты я еще сохранял надежду завести захваченную у врага танкетку, так как десять упряжек быков находились в пути, чтобы вытащить ее. Если бы это случилось, на следующий день мы могли бы преподнести

войскам неприятный сюрприз. Но последнее известие раз и навсегда похоронило мое желание. В приписке к этому посланию Че говорилось:

> «Только что получил неприятное известие о том, что сумели вытащить из грязи танк, но при проведении операции у него испортился руль и им поэтому нельзя управлять. Надежды рухнули. Уже давно не строил себе таких напрасных иллюзий».

Получив мое послание, Че написал мне после 9:10 вечера:

> «Ждал до этого часа, чтобы написать тебе, надеясь сообщить несколько более свежие новости. В семь вечера перехватили последнюю беседу, в которой информировали Корсо, что прибыл авангард с двумя танками, не имеющими определённой цели, с очень большими пушками. Корсо спросил о потерях, и ему сказали, что было пять убитых, среди них один лейтенант и несколько раненых, что сражались четыре часа. У него батальон, и им командует полковник Мероб Соса. Потом договорились в восемь часов сообщить новые детали, но не сделали этого, как и сейчас, в девять часов».

Далее Че информировал меня о мерах, принятых в его секторе ввиду возможности, что враг продолжит свое продвижение к Вегас-де-Хибакоа на следующий день:

> «Заставил сделать два противотанковых рва на этой дороге и один на дороге Рауля [Кастро Меркадера] на всякий случай. Если попытаются подняться, Вегас почти без гарнизона, я бы оказал второе сопротивление на холме Эль Ойо, а третье – перед Эль-Десайуно, но не вижу, как могут пройти танки, ты скажешь, по-

кажет положение вещей, и надо ли быстро делать рвы на этой дороге или нет».

В 11:00 ночи я ответил Че:

«Думаю, меры предосторожности, которые ты принял против танков, очень хорошие. Однако не думаю, что они попытаются пройти дальше, тем более если туда придет Мерок [Мероб] Соса. Если завтра вечером не уйдут, мы можем устроить интенсивный обстрел из миномета, чтобы новый батальон также получил свою долю.

По информации Камило, которую послал тебе, должен быть в пути другой батальон.

Чтобы они могли осуществить удобный отход, должны будут взять штурмом наши позиции окружения, а это не так просто, так как по пересеченной местности не могут продвигаться с танками. Люди здесь сделали хорошие траншеи».

И далее замечал:

«Исключительно важно, чтобы мы занимали часть массива Ла-Эррадура, которая находится с той стороны; оснащенную хорошими траншеями, ее можно было бы с успехом оборонять, и у них остался бы только узкий коридор для выхода, и им пришлось бы покидать Лас-Мерседес под огнем. Ввиду новых обстоятельств я мог бы переместить сюда миномет 81-мм калибра, так как не располагаю танком, трудно пойти в наступление из Куатро Каминос, как думал, а миномет был бы сейчас более полезен здесь, чем там. После того, как поговорю с Камило, решу об этом.

По-настоящему жаль, что не подорвался один из этих танков на мине, которая была заложена.

Нам не очень везет в эти дни».

Уже несколько дней я не мог заснуть, будучи в курсе событий. И в эту ночь также не стал бы спать в ожидании решающего боя на следующий день и из-за моего решения переместиться на позицию Камило на высотах Куатро Каминос с целью координировать с ним операции в этом секторе, чтобы попытаться отрезать врагу отход до Серро. Камило проинформировал меня лично, что направил Пунго Вердесиа занять высоту около Серро, метрах в трехстах от дороги, где находились вражеские войска, и разместить на этой высоте базуки и 81-мм миномет.

Кроме того, с согласия Камило распорядился о направлении пятидесяти человек, чтобы перерезать дорогу через ручей, а также об установке там двух мин.

Спустя немного времени после возвращения на мой командный пост я получил послание Камило, в котором он информировал меня, что не удалось подготовить засаду, которая предусматривалась:

> «Вернулся Вердесиа и говорит [что] армия на месте засады и сделать ничего нельзя. Бомбу не смогли подложить, на дороге две машины, и никакое другое место, по словам Пинара, не подходит для засады. Направил группу на подкрепление массива, где у меня базука, остальные сторожат фланг, параллельный дороге из Лас-Мерседес. Дал им инструкции провести разведку и двинуть группу в пункт, который сочтет благоприятным для атаки на врага, когда откроется огонь на холме, если попытаются взять массив, где находятся стреляющие из базуки. Сейчас слышится шум моторов, согласно сведениям, их машин, еще некоторые солдаты движутся в Лас-Мерседес.
>
> Если до ночи не будет проблем, скажите мне, можем ли обстреливать их из миномета и атаковать их с массива, уверен, [что] можем нанести им какие-то потери».

С моего командного поста в Хобаль Арриба я наблюдал довольно рано утром движение во вражеском лагере, которое указывало на намерение покинуть поле битвы. Относительно этой ситуации я ответил Камило в 8:45 утра:

«Сейчас, когда я получил твое послание, вражеские войска в Лас-Мерседес обнаруживают намерение уйти, поджигая все свои траншеи.

Если это случится, с этого момента начнется интенсивнейшая борьба преследования, в которой не должно быть никакой передышки.

Задача твоих сил: поддерживать бдительность в отношении пункта, предназначенного для засады, чтобы занять его, если в какой-то момент враг его покинет, и нанести там первый сильный удар по отходящим войскам. Если не удастся занять эту позицию, основная часть твоих сил, базука и миномет должны быть наготове, чтобы атаковать с наибольшей силой с голого холма вдоль всего фланга отходящие вражеские силы, как только они покажутся там.

При существующем положении вещей нельзя атаковать и обстреливать гранатами и минами врага оттуда, пока осажденные войска и подкрепление не будут полностью вовлечены в отход, ибо если мы раскроем позицию раньше и надо будет затем покинуть ее из-за того, что она плохо защищена, у врага останется свободным путь. Стало быть, надо атаковать, когда отходят, и атаковать в этом случае с возможно большей скоростью».

И в приписке к тому же посланию я повторил ему, что основная цель его позиции в эти моменты только одна – «попытаться отрезать или сделать возможно более трудным отход врага, который будет преследоваться отсюда другими силами».

Не счел необходимым направлять в этот момент какие-либо указания Че, так как он, наверняка, понял намерения противника и в этом случае уже знал свою задачу и задачу всех своих сил в окружении – начать неумолимое преследование бегущего врага.

Из-за неточности информации, свойственной обстановке войны, Че информирует меня в 11:45 о ситуации вокруг вражеского лагеря, где оказался убитым миной боец войска Рауля Кастро Меркадера:

> «Здесь нас обстреливали из минометов и пулеметов, не нанеся до сих пор потерь, но праздник продолжается. Рауль потерял человека от попадания мины в хижину.
>
> Этим утром группа [солдат] спрашивала другого, что будет делать, а этот им отвечал: «Думаю, что пойдем в «рощицу». Потом дали инструкции к отходу, сообщив, что выходят все вместе, а танки в конце, в авангард послали базуку и сказали, что выход будет через одну сторону». Послал срочное оповещение Сильве и Гуахиро [Луису Креспо], чтобы были готовы помочь ему [...]».

В действительности павшим бойцом был тот самый Николас Ул, но не от выстрела из миномета, а из-за взрыва танкового снаряда, когда пытался разрядить его, о чем мы уже сказали на страницах этой книги. Че продолжал комментировать в своем послании:

> «[...] предполагаю, что Уберу не нужна позиция (я не получил ответа на срочное послание, направленное мной ему вечером) и солдаты выйдут без помех, так как я лишен возможности много сделать с людьми, которыми располагаю».

Действительно, Убер Матос отошел со своими людьми и некоторыми бойцами Дуке до Габидо Арриба, далеко от поля боя.

В 2:45 дня отправил ответ Че, сообщив ему о моем визите предыдущим вечером на позицию Камило и одобренных диспозициях, и проинформировал его:

«От Гильермо и Лало также пока не получал известий. Все готовы атаковать, как только начнут отходить».

Что касается путаного послания Луиса Креспо, полученного Че, о наличии солдат в зоне Кайо Эспино, я пояснил ему:

«Новость, которую сообщаешь мне сейчас о Гуакиро [Луис Креспо], очень меня беспокоит, особенно отсутствие данных. Возможно, войска прошли через Сао Гранде до Кайо Эспино, пользуясь дорогой, о которой говорил тебе немного раньше. Но Убер и Дуке должны где-то находиться. Надеюсь, все-таки, что заняли высоту. Если это не так, [у солдат] дорога будет открыта».

И в заключение добавлял:

«Здесь шел сильный дождь в течение двух часов. Не знаю, как им удастся вытащить танки.

Если не смогут уйти сегодня, мы начнем интенсивный обстрел из миномета на протяжении всей ночи. Пошли попросить у Рамиро 30 или 40 мин 60-го калибра. Попробуй нацелить твои, когда будет вечереть и еще можно наблюдать за выстрелом. Я думаю переместить 81-миллиметровый этим вечером сюда, чтобы выстрелить как можно больше мин в качестве прощания. Неужели возможно, чтобы мы не смогли захватить у них даже вещевые мешки?»

Но к этому времени последние солдаты батальона 17 и недавно прибывшие подкрепления покидали траншеи Лас-Мерседес в общем бегстве, поддержанные огнем других батальонов, расположившихся вдоль дороги, и авиацией. Однако отход вражеских войск был нелегким, так как по всему пути их преследовали и не давали покоя своими действиями повстанческие силы, правда, с другой стороны, их положение облегчало то, что Ла-Эррадура не была прикрыта силами Убера Матоса, которые должны были запереть там выход войск врага.

Приблизительно в четыре часа дня вражеские силы попытались взять высоту, которую обороняли бойцы Камило около Куатро Каминос, но после одночасового упорного боя они были вынуждены отойти. Во время этого боевого действия погиб повстанческий боец Хосе Диас по прозвищу *Эль Гальего Пинин*.

Случилось то, чего опасался. Все, чему научились в битве при Хигуэ, мы забыли. Когда попытался выправить положение, оказалось поздно. Мне стало грустно, потому что удар, нанесенный врагу, был таким быстрым, что война шла к тому, чтобы завершиться. Так бы и произошло, если бы к батальону 11 полковника Санчеса Москера мы применили тот же рецепт, что и к батальону 18 Кеведо. И стало грустно не только из-за репутации его командира и боевитости его войск, но и из-за почти четырехсот единиц автоматического и полуавтоматического оружия, которым он обладал. Другие батальоны, побывавшие в Сьерра-Маэстре, при минимальном нажиме сложили бы оружие. Из-за наших ошибок ему удалось сбежать. Враг был разгромлен, но не ликвидирован.

Избыток людей в окружении Лас-Мерседес означал большее количество подверженных воздушным атакам, больший расход патронов, большее количество целей для вражеских минометов, пулеметов и винтовок; большее число взводов, отделений и командиров для боевых дей-

ствий против подкреплений. Камило пришлось оснащать не только базуками, минометами и минами, но даже пулеметом 50-го калибра Кюрюно.

Битву можно было выиграть, сражаясь с вражескими подкреплениями и их тяжелыми танками на самой равнине. Этого мы не умели тогда, научились этому потом, когда у нас не осталось другой возможности. В 16:15 дня я написал Камило:

> «Слышали по радио, что солдаты там увязли, просят прислать тракторы и что «с тыла в них стреляют миллионами пуль». Постарайся вытерпеть их – ведь с тыла идут сто наших человек, а там еще сто других, – чтобы посмотреть, захватили ли уже танки. Педрито пусть ждет там. Сейчас важно не дать им двигаться, чтобы наброситься, когда покажется луна».

В этот час 6 августа войска армии удалялись в поспешном бегстве. Повстанческие силы снова заняли высоту и открыли огонь по отходящему врагу, ускоряя их бегство и нанося новые потери.

В шесть часов дня Камило информировал меня в другом послании, которое я получил позже:

> «Вражеские войска попытались взять голый массив, люди отошли без приказа, когда появилась авиация: увижу их, наверное, через час, из-за нестерпимой ситуации отошли.
>
> Прикажу людям отодвинуться немного назад. У нас убили испанца. Часа полтора назад снова поднялись на массив, когда один человек мне сказал, что наверху группа тех, кто отходил, по ним был открыт плотный огонь, думаю, больше не осталось.
>
> Захватили винтовку «Спрингфилд», три патронных обоймы от «Кристобаля», один револьвер 45-мм калибра вместе с винтовкой «Спрингфилд».

Вроде нанесли какие-то потери, так как имелись следы крови и бинты.

Мы на том же месте, тут «куча» людей Фиальо, Пинара и Вердесиа, которые сами не появляются, мне приходит записка от Вилиама [Гальвеса], который сообщает, что там находятся рассредоточенными.

[...] Правда, что массив было трудно оборонять, находясь под действием авиации, танков и пуль. Имел базуку на массиве, но произвели только один выстрел, потом стрелявший из базуки сказал мне [что], что устал от осечек и не стрелял».

Преследование спасающегося бегством врага продолжалось и дальше Серро Пеладо, это всего четыре километра от Эстрада Пальмы. В тот же день пополудни наши войска заняли Лас-Мерседес (см. карту на с. 742).

В 11:00 ночи я сообщил Че:

«Поскольку, возможно, там уже никого нет, не чувствую побуждения идти пешком, не поспав ни минуты уже два дня. Прошу Альмейду сделать усилие, чтобы установить контакт с Камило, узнать о ситуации и связаться со мной.

В случае, если, как я полагаю, не осталось вражеских солдат по дороге, будем считать контрнаступление оконченным».

А Камило проинформировал в другом послании в 11:15 ночи:

«Направлялся туда, отложил поездку после твоего послания с впечатлением, что уже все ушли.

В случае если еще в пути и существуют несомненные возможности успеха, атакуй их, свяжись с Че, который прибывает через Сао Гранде, и сообщите план.

Если уже ушли, контрнаступление завершилось».

Так окончилась 6 августа битва при Лас-Мерседес (см. карту на с. 742) после семи дней практически беспрерывных действий. Для нас итог битвы был дорогостоящим: 8 убитых и 17 раненых. В ходе действий насчитали двадцать четыре вражеских трупа и не установленное число раненых; были захвачены двое пленных, несколько винтовок, выведены из строя один танк и одна танкетка.

Хотя эта битва не оставила, как другие, многочисленных военных трофеев, она, несомненно, – одна из замечательных побед повстанческих сил. То было неравное противоборство с танками и авиацией, которая на протяжении семи дней подряд подвергала пулеметному обстрелу и бомбежке повстанческие позиции. В бой были пущены все военные ресурсы тирании, но с ними они не добились того, чтобы повстанческие бойцы уступили их упорному натиску.

Другое вражеское формирование – батальон 17 – оказалось расчлененным. Но самым значительным стратегическим результатом было то, что последний участок территории Сьерра-Маэстры, занятый врагом, был окончательно освобожден.

Как я сказал Камило и Че в адресованных им посланиях, наше контрнаступление с целью нанести подавляющий разгром крупному вражескому наступлению завершилось.

25

Окончательный итог битвы

АВГУСТ 1958						
вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб
–	–	–	–	–	1	2
3	4	5	6	**7**	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31	–	–	–	–	–	–

Это была полная победа наших партизанских сил.

Отход последних воинских формирований армии тирании из Лас-Мерседес означал подавляющий и окончательный разгром крупного вражеского наступления против повстанческой территории Первого фронта Сьерра-Маэстры, в которое военное командование диктатуры бросило свои самые мощные средства в последней попытке сокрушить центральное партизанское ядро.

Смелость, упорство, героизм и изобретательность повстанческих бойцов в крепкой и организованной обороне позиций и умелое применение всех тактических форм партизанских действий сорвали наступление за 74 дня непрерывной и напряженной битвы.

В совокупности этих блестящих действий всех наших бойцов их победоносному исходу в особенности способствовала группа обстрелянных и целеустремленных капитанов, которые, демонстрируя находчивость и мужество, шли в первой линии боя, во главе своих людей.

Подводя этот окончательный итог, я должен выделить в первую очередь Че и Камило, которые прекрасно справились со своей ролью моих заместителей в различные моменты, а также Андреса Куэваса, Рамона Паса, Даниэля, Анхелито Вердесиа, Рамиро Вальдеса, Гильермо Гарсиа, Лало Сардиньяса и Пинареса.

Как я уже писал в сводке, зачитанной по «Повстанческому радио» (см. документ на с. 717) уже на следующий день по завершении битвы при Лас-Мерседес:

> «Наступление было ликвидировано. Самая крупная военная операция, имевшая место в нашей Республиканской истории, закончилась самым ужасным крахом, который мог вообразить надменный Диктатор, чьи войска, во всю пустившиеся в бегство после двух с половиной месяцев следовавших одно за другим поражений, ознаменуют последние дни его ненавистного режима.
>
> Сьерра-Маэстра была полностью освобождена от вражеских сил».

Разгром вражеского наступления после 74 дней непрерывных боев означал стратегический поворот в войне. С этого момента судьба тирании была окончательно предрешена, поскольку становилась очевидной неотвратимость ее военного коллапса.

В тот же день я составил письмо, адресованное генерал-майору Эулохио Кантильо, который руководил всей вражеской кампанией с командного поста зоны операций, учрежденного в Байамо. Я подтвердил Кантильо, что в руках наших сил находилось около ста шестидесяти пленных солдат, среди них многие раненые, и что мы расположены немедленно вступить в соответствующие переговоры об их передаче.

После сложных хлопот эта, вторая, передача пленных состоялась спустя несколько дней в Лас-Мерседес.

За 74 дня упорных боев с целью отражения и разгрома крупного вражеского наступления наши силы потеряли убитыми 31 человека. Печальные вести никогда не колебали боевой дух наших сил, хотя победа нередко имела горький привкус.

Но при этом потери бойцов могли стать намного бóльшими, учитывая интенсивность, продолжительность и ожесточенность боевых действий на земле и воздушных атак, и, если этого не случилось, то благодаря необыкновенному мастерству наших партизан в суровых природных условиях Маэстры и солидарности самих повстанцев. Неоднократно тяжелораненые были спасены, прежде всего потому, что их товарищи совершали невозможное, чтобы доставить их туда, где им могли оказать помощь врачи, и все это, несмотря на труднопроходимую горную местность и под свист пуль во время боя.

На протяжении этих страниц я не переставал упоминать имена павших. Но хочу снова перечислить их всех здесь, чтобы представить полную картину с нашими мучениками, заслуживающими вечную память, уважение и восхищение всего народа. Это:

Команданты: Андрес Куэвас, Рамон Пас и Рамос Латур, *Даниель*.

Капитаны: Анхел Вердесиа и Хеонель Родригес.

Лейтенанты: Теодоро Бандерас, Фернандо Чавес, *Эль Артиста*, Годофредо Вердесиа и Карлос Мас Лопес.

Бойцы: Мусаил Мачадо, Фернандо Мартинес, Албио Мартинес, Вилфредо Лара, *Густаво*; Вилфредо Гонсалес, *Паскуалито*; Карлос Лопес Мас, Эухонение Седеньо, Виктуро Акоста, *Эль Байамес*; Франсиско Луна, Роберто Корриа, Луис Энрике Карраседо, Элинор Теруэль, Хуан Васкес, *Чан Куба*; Хиралдо Апонте, *Эль Маринеро*; Федерико Хадфег, Фелипе Кордуми, Лоренсо Велис, Гауденсио Сантиэстебан, Николас Ул, Лусиано Тамайо, Анхел Сильва Сокоррас и Хосе Диас, *Эль Гальегито*.

Крестьяне, сотрудничавшие с повстанцами: Лукас Кастильо, другие члены его семьи, Хуан де Диос Самора и Ибраим Эскалона Торрес.Честь и вечная слава, бесконечное уважение и признательность тем, кто погиб тогда.

Потери врага исчисляются более чем тысячью человек, из них более трехсот убитыми и 443 пленными, и не менее пяти полных крупных воинских формирований его сил были ликвидированы, захвачены или расчленены. В наших руках оказалось 507 единиц вооружения, включая два танка, десять минометов, несколько базук и двенадцать пулеметов 30-го калибра.

Ко всему этому надо добавить моральное воздействие этого исхода и его значение в ходе войны: с этого момента стратегическая инициатива окончательно оказалась в руках Повстанческой армии, к тому же абсолютного хозяина обширной территории, о захвате которой враг не попытался бы даже снова помышлять. Сьерра-Маэстра действительно осталась навсегда освобожденной.

Победа над крупным вражеским наступлением летом 1958 г. ознаменовала неотвратимый поворот в войне. Повстанческая армия, побеждающая и исключительно усилившаяся благодаря огромному количеству захваченного оружия, оказалась в состоянии начать свое финальное стратегическое наступление.

Этими событиями открывался новый и последний этап в освободительной войне, характеризующийся вторжением в центр страны, созданием Четвертого восточного фронта и Фронта Камагуэя. Борьба распространилась на всю страну.

Большое финальное наступление Повстанческой армии привело – с молниеносной кампанией в Орьенте* и Лас-Вильяс к окончательному разгрому армии тирании и, как

---

* Одна из провинций Кубы (дословно «Восток»), располагавшаяся на восточной оконечности острова. – *Прим. переводчика.*

следствие, к военному краху батистского режима, к взятию власти победе Революции.

В победоносном контрнаступлении в декабре этого года был достигнут решительный успех около трех тысяч человек, оснащенных оружием, отнятым у врага.

Колонны Че и Камило, продвигаясь вперед по равнинам Кауто и Камагуэя, дошли до центра страны. Прежняя Колонна № 1 вновь обучила более тысячи новобранцев в школе Минас-де-Фрио, и с командирами, выдвигавшимися из их собственных рядов, они брали поселки и города на Центральной автостраде между Байамо и Пальма Сориано. Новые танкетки Т-17 были подбиты, тяжелые танки и боевая авиация не могли помешать взятию городов в сотни раз бóльших, чем маленький поселок Лас-Мерседес.

К продвигавшейся вперед Колонне № 1 присоединились силы Второго восточного фронта «Франк Паис». Так был занят город Пальма Сориано 27 декабря 1958 г.

Действительно, 1 января 1959 г. – дата, указанная в письме Хуану Альмейде до начала последнего наступления диктатуры против Сьерра-Маэстры, – всеобщая революционная забастовка, объявленная через «Повстанческое радио» из Пальма Сориано, парализовала страну. Че и Камило получили приказы двинуться по Центральной автостраде к столице, и не было сил, которые оказали бы им сопротивление.

Кантильо на встрече со мной, Раулем и Альмейдой признал, что диктатура проиграла войну, но спустя короткое время он предпринял в столице путчистские, контрреволюционные и проимпериалистические маневры, чем нарушил договоренности о перемирии. Несмотря на это, за три дня в нашем распоряжении оказалось сто тысяч единиц оружия, корабли и самолеты, которые чуть раньше оказали поддержку и позволили сбежать последнему батальону, проникшему в Сьерра-Маэстру.

Мы выпустили на свободу, без каких-либо условий, военнопленных, которым мы сохранили жизнь и о чьем здоровье заботились, когда они были ранены, оберегая их жизнь в то время, когда шли бои.

Мы вошли в столицу 8 января 1959 г. Мне хотелось бы, чтобы многие из тех профессиональных военных, которые не были виновными и могли быть полезными, присоединились бы к нам, но это уже было невозможно. Прилив революционного народа пополнил наши войска и вместе с ветеранами Монкады, «Гранмы», равнин и Сьерры обогатил здоровыми, новыми и напористыми людьми ряды того, что спустя недолгое время стало нашими Революционными вооруженными силами. Жизнь, в конечном счете, оказывалась более щедрой, чем предсказания и грезы.

11 ноября 1958 г. я вышел из Ла-Платы с тридцатью вооруженными людьми и тысячью безоружных новобранцев на завоевание родины, которую страстно желали иметь Мамби*, с целью на этот раз непременно войти в Сантьяго.

1 января 1959 г., после эпопеи, сотворенной в горах, на полях и в городах, ничто не смогло помешать победе окончательной независимости и справедливости на Кубе.

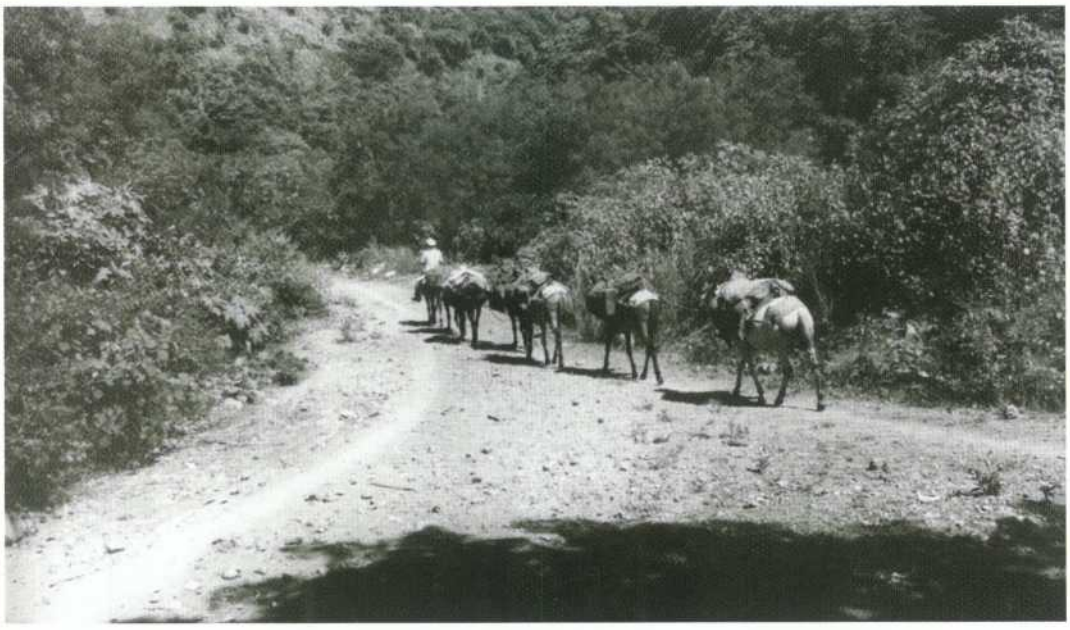
---

* Испанское слово «мамби» происходит от имени Эутимио Мамби, возглавлявшего на Санто-Доминго (ныне Доминиканская республика) борьбу за независимость от колониального владычества Испании в начале XIX в. На Кубе это наименование использовалось участниками Десятилетней войны 1868–1878 гг. против испанского колониального гнета. – *Прим. переводчика.*

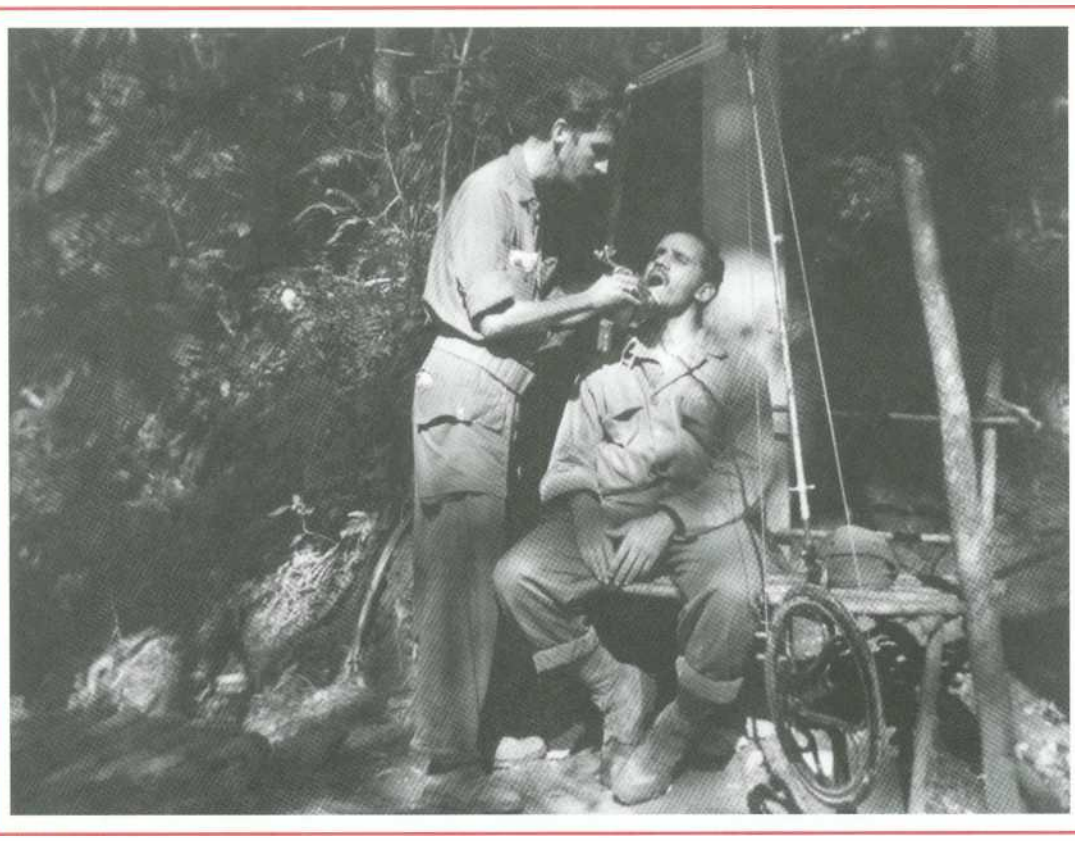
Фотографии

Часть коллектива «Повстанческого радио». В центре стоит диктор Виолета Касальс.

Эдуардо Фернандес, техник радиостанции «Повстанческое радио».

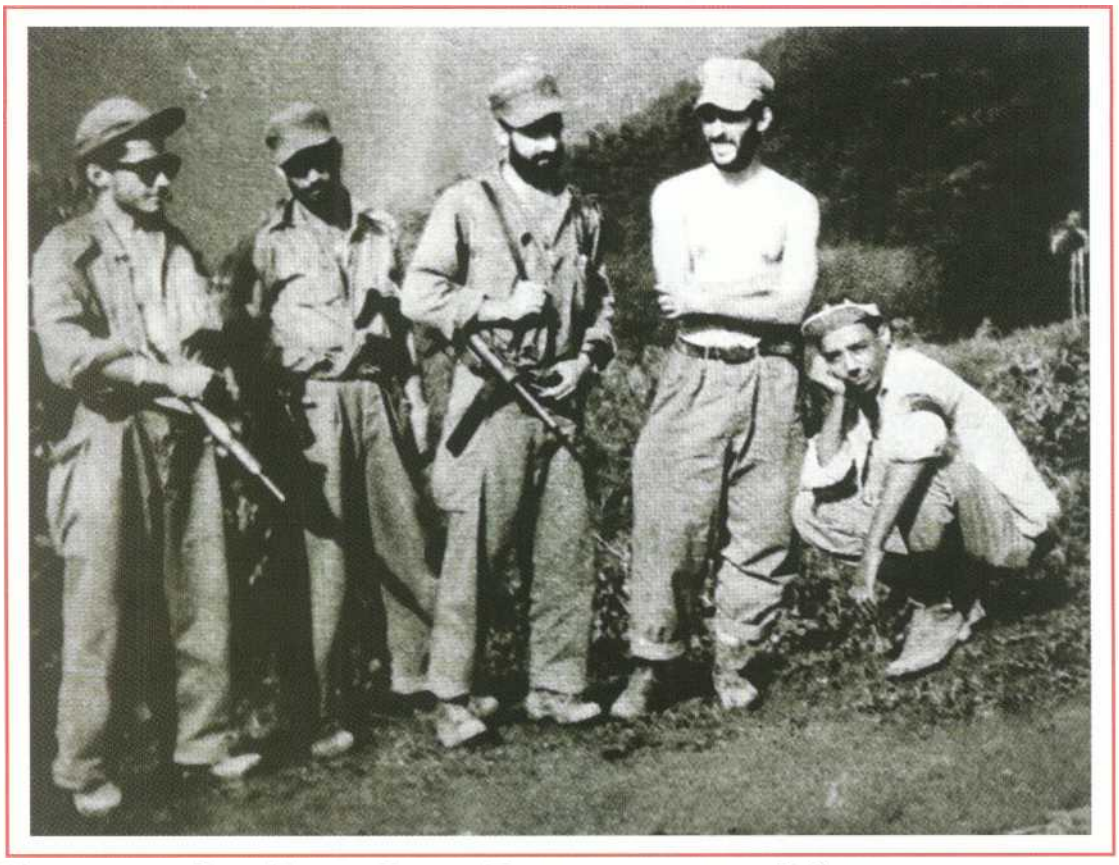


Погонщики безропотно помогали партизанам в перевозке припасов.



Доктор-стоматолог Луис Бохес Алдусин оказывает помощь Эвелио Лафертé.

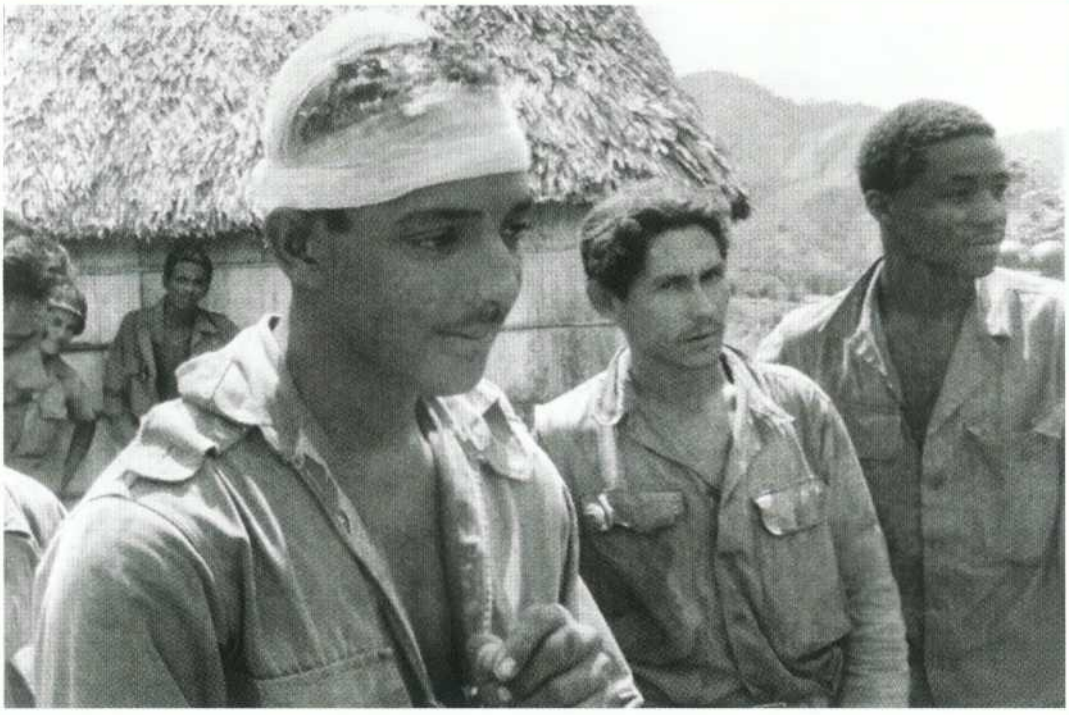
Слева: Вило Ахунья, боец, участник битвы в Хигуэ. Входил в партизанский отряд команданте Че Гевары в Боливии и погиб, борясь в этой стране. Справа: партизан Игнасио Перес Самора, командир взвода, отличившийся в битве при Хигуэ. Пал в бою у Сан-Хосе-дель-Ретиро, в Хигуани. Посмертно был возведен в ранг команданте в декабре 1958 г.



Команданте Рене Рамос Латур, *Даниэль* со своими бойцами во время боевых действий в Провиденсии.

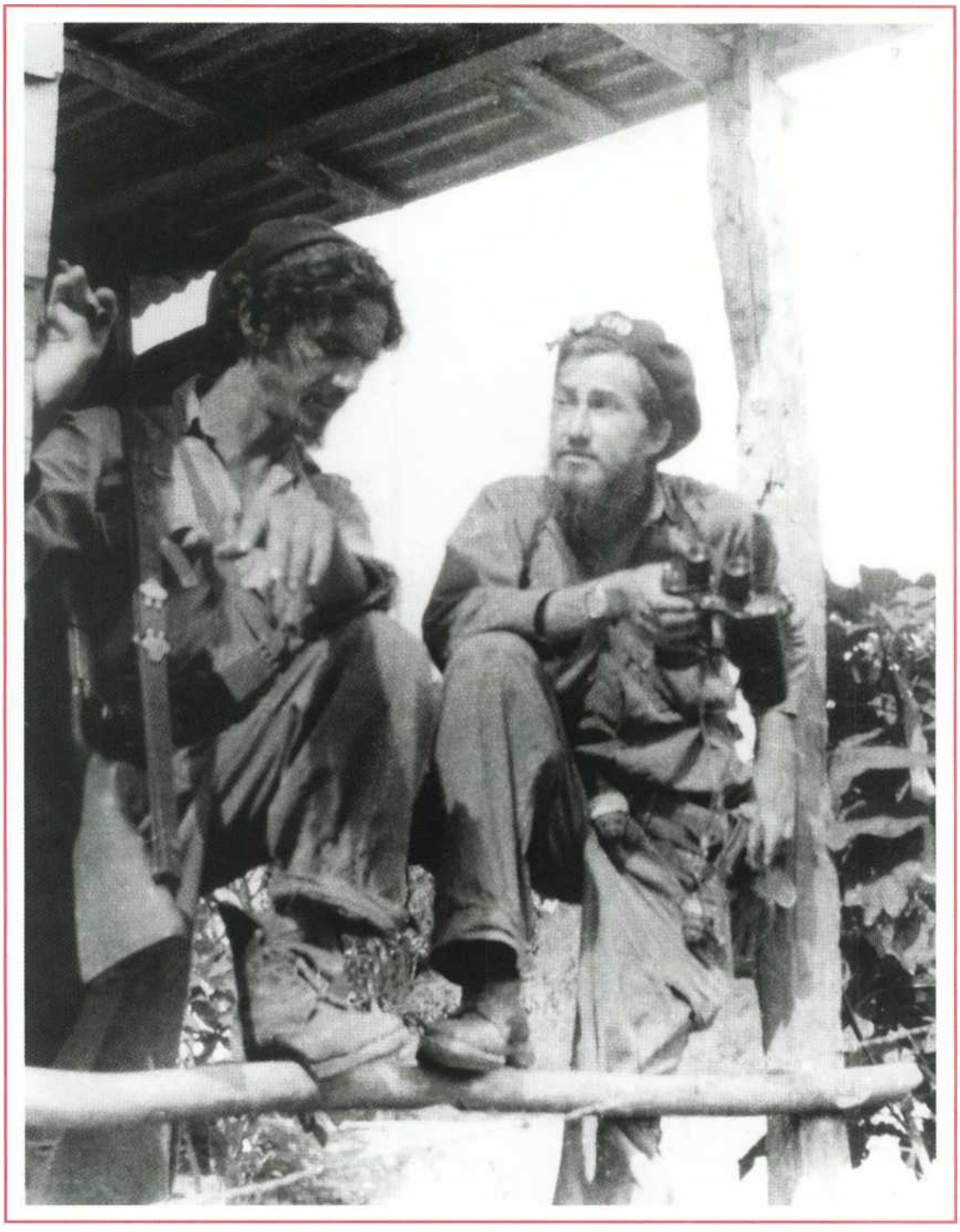
Братья Сиро и Уго дель Рио, бойцы Повстанческой армии.

Смелый капитан Рамон Пас пал в бою, сражаясь в Провиденсии. Незадолго до этого был возведен в ранг команданте.

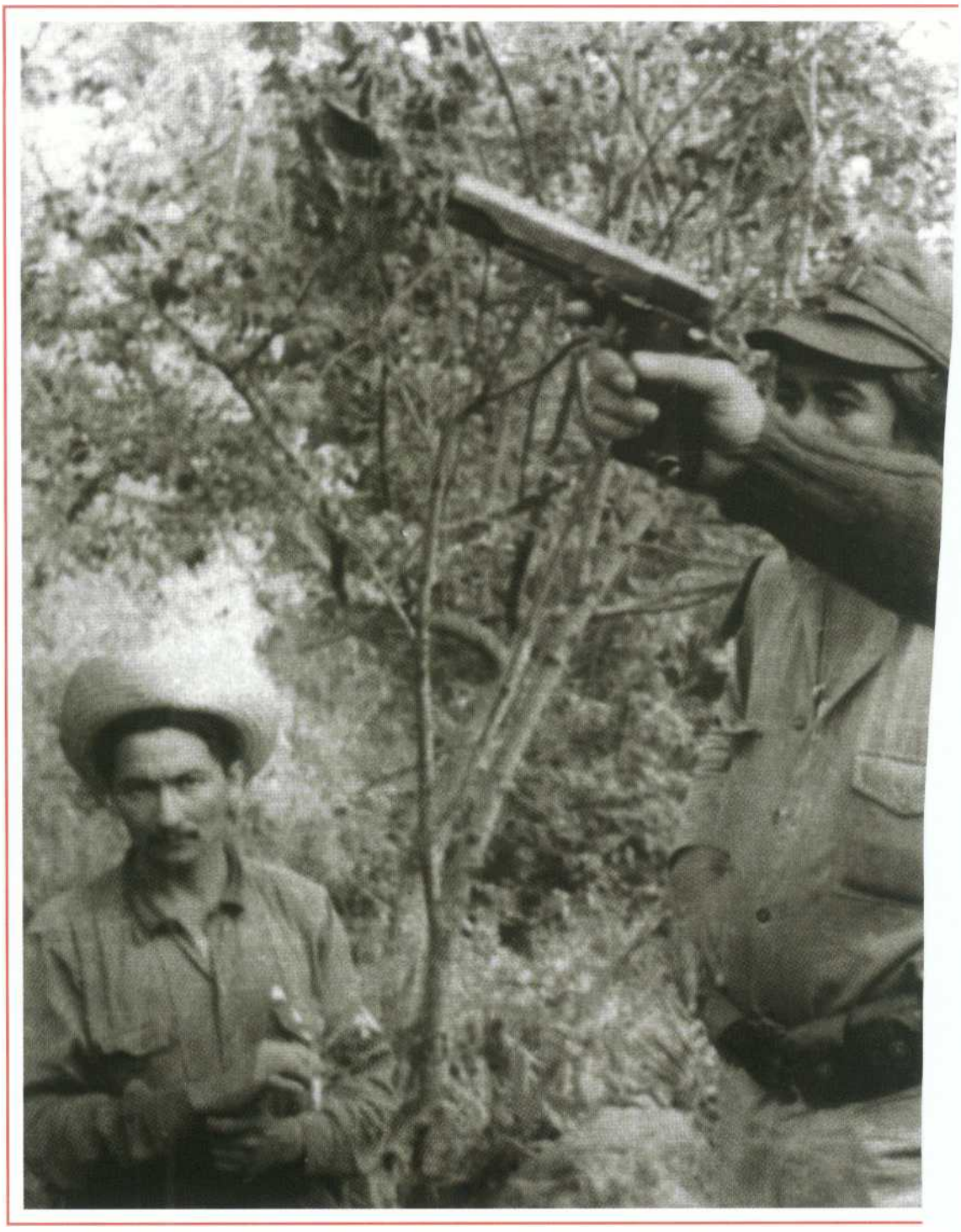


Передача пленных в Вегас-де-Хибакоа.

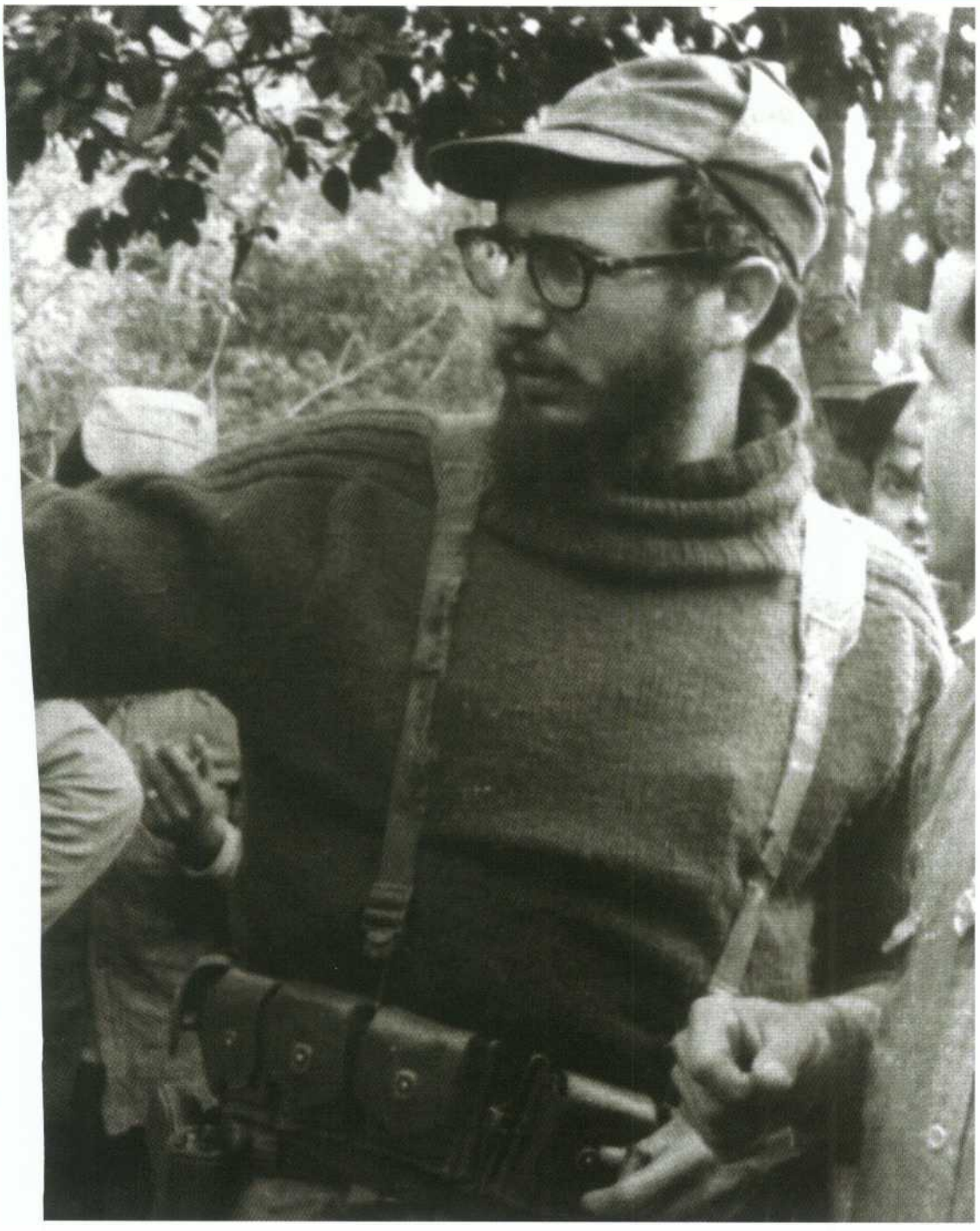
Сидит, крайний справа, капитан Сесар Суарес рядом с другими бойцами Повстанческой армии.

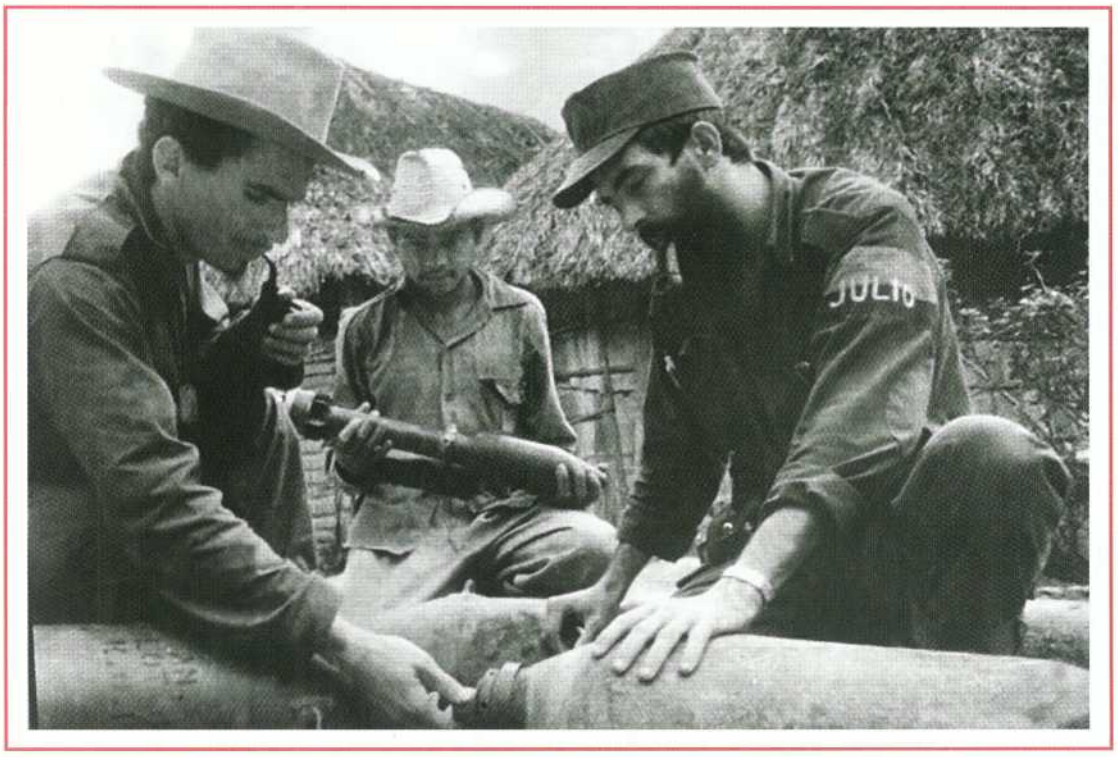


Повстанческие бойцы Антонио Санчес Диас, *Пинал* или *Пинарес,* и Уильям Гальвес Родригес во время действий против вражеского наступления.



Тренировка в стрельбе в горах Маэстры, Фидель стреляет из «Браунинга».





Команданте Камило Сьенфуэгос и Рамиро Вальдес, бойцы-ветераны Повстанческой армии.

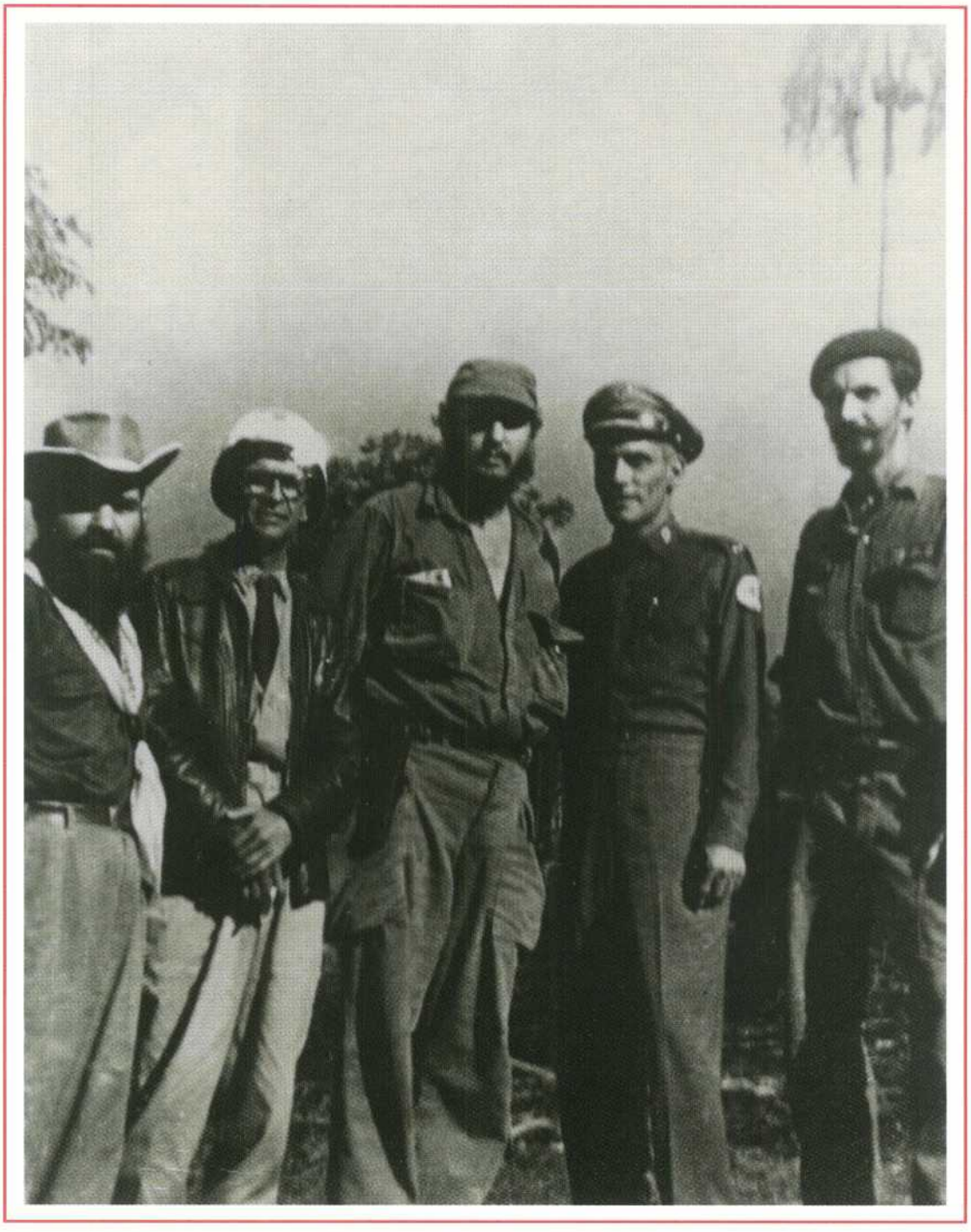
Целится Орестес Герра, боец, отличившийся в действиях против вражеского наступления.

Передышка в ожидании боя.

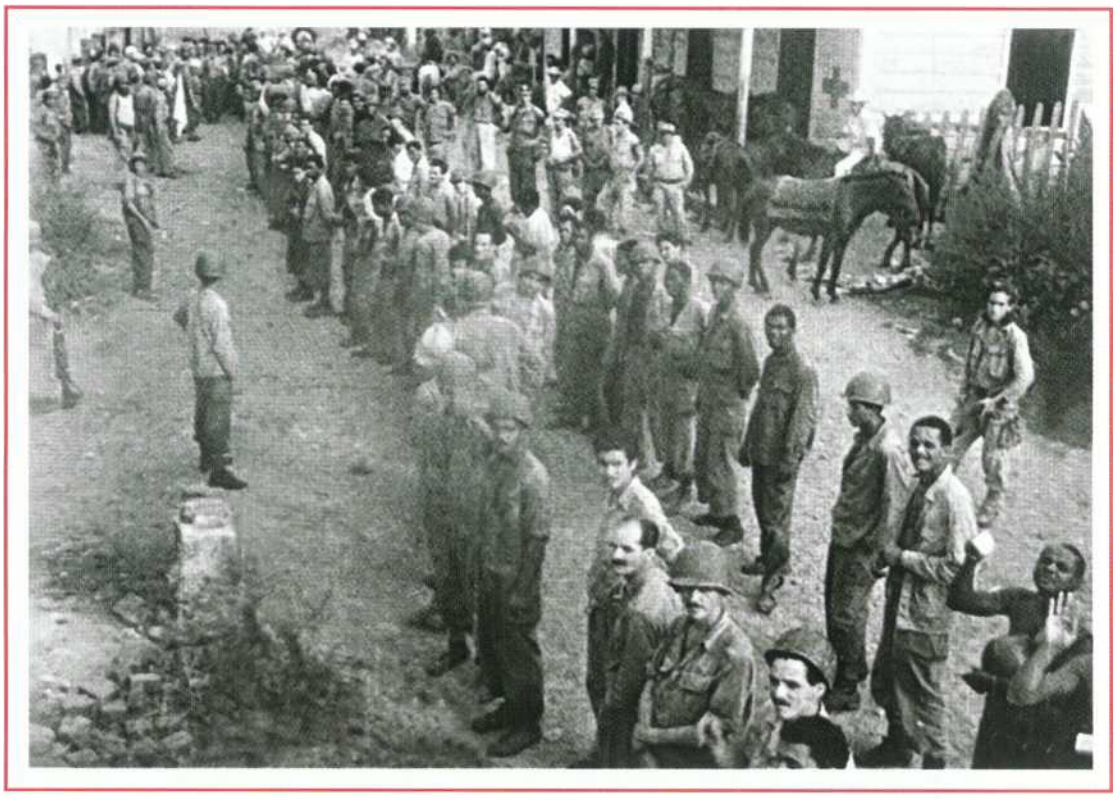
Капитан Фелипе Герра Матос и команданте Кресенано Перес.

На первом плане справа налево лейтенант Эдди Суньол и боец Фидель Варгас среди повстанцев.

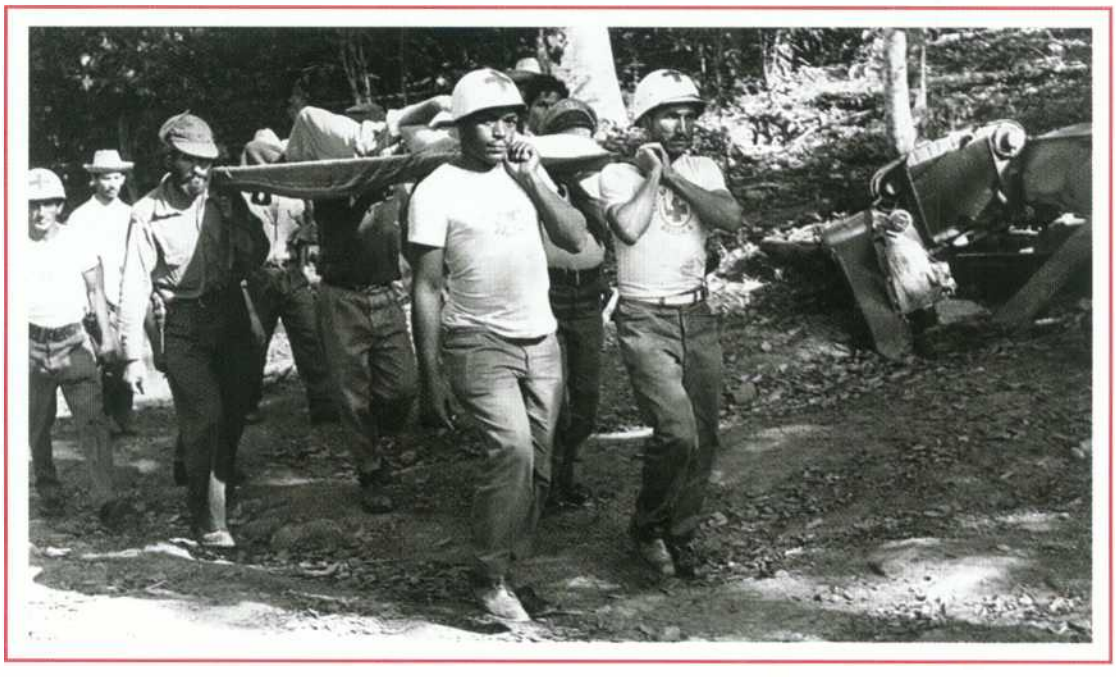
Боец-повстанец Роберто Родригес, *Эль Вакерито.*



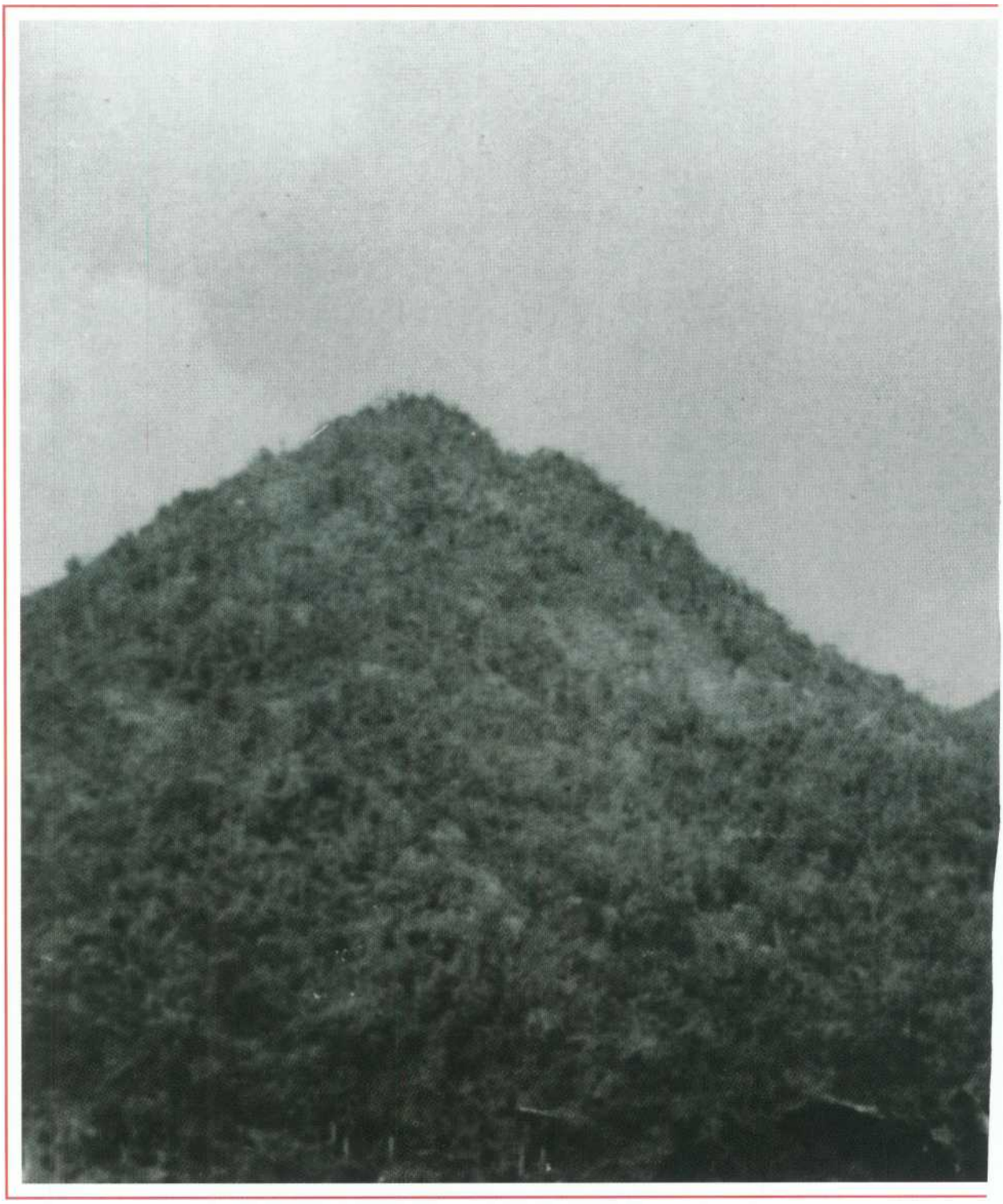
Команданте Фидель на встрече с сотрудниками Международного Красного Креста и Кубинского Красного Креста. По краям стоят доктора Бернабé Ордас и Борхес Алдусин.



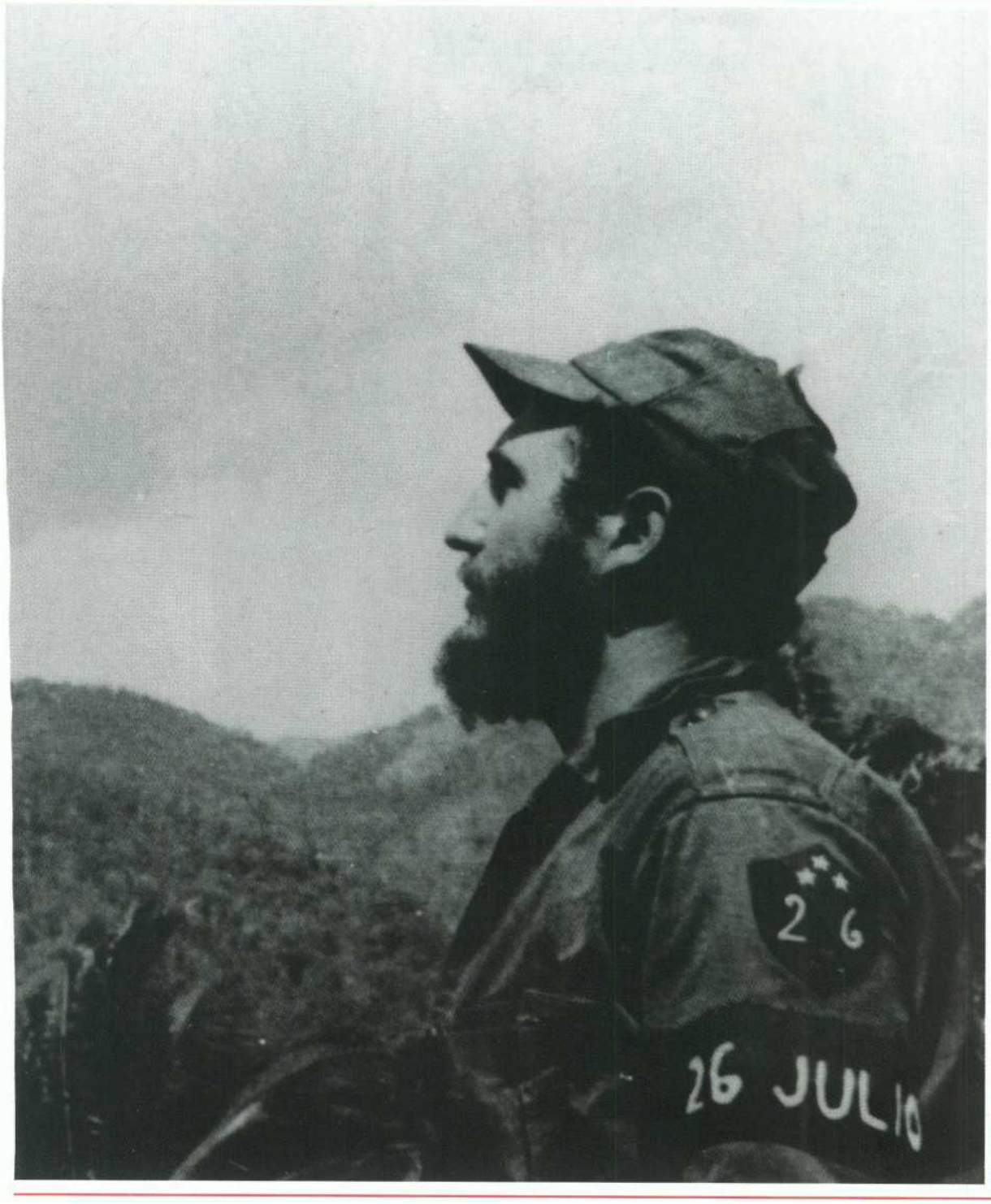
Передача пленных Повстанческой армией Международному Красному Кресту в Лас-Мерседес.

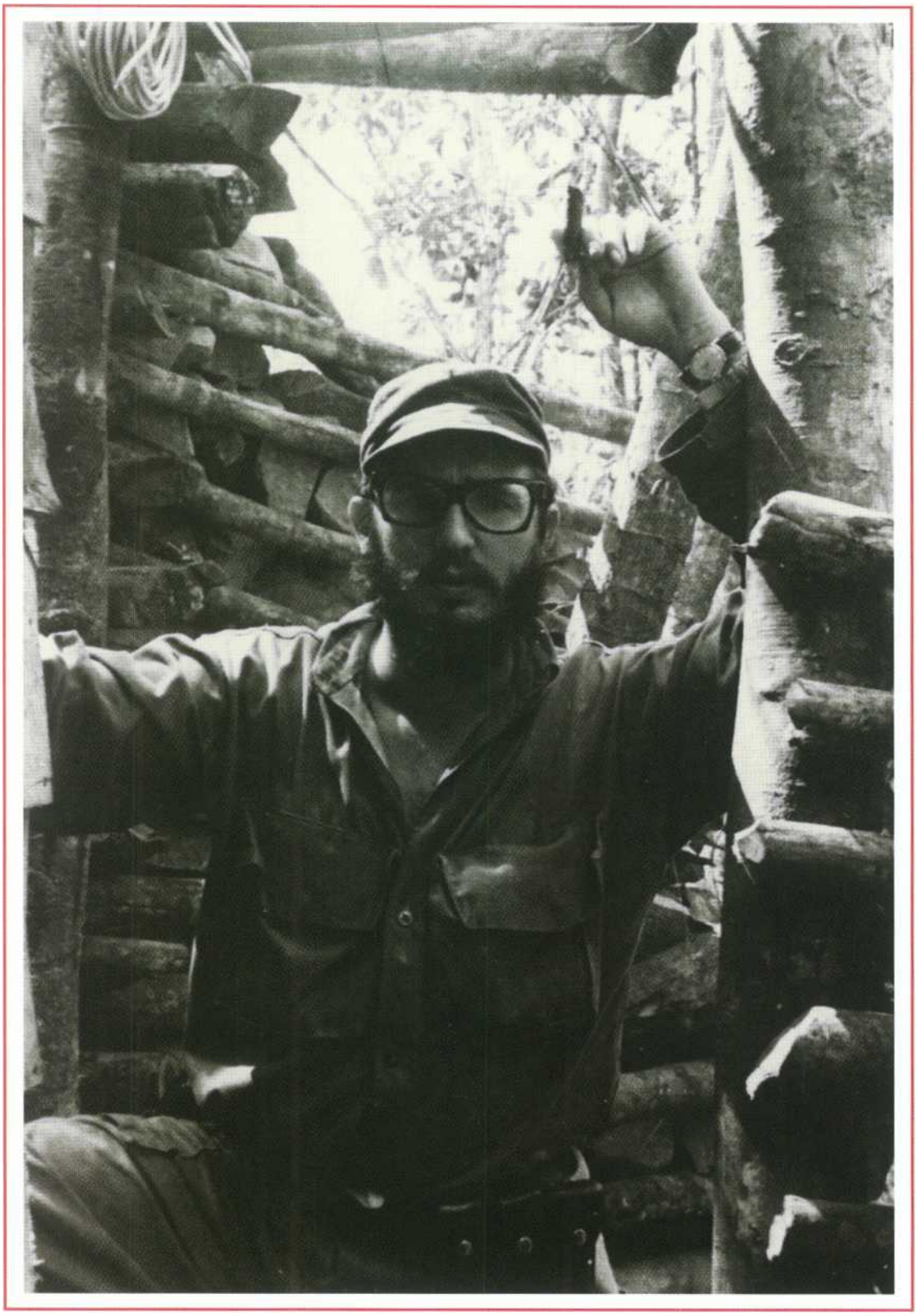


После осмотра повстанческим врачом раненые пленные передаются Международному Красному Кресту.



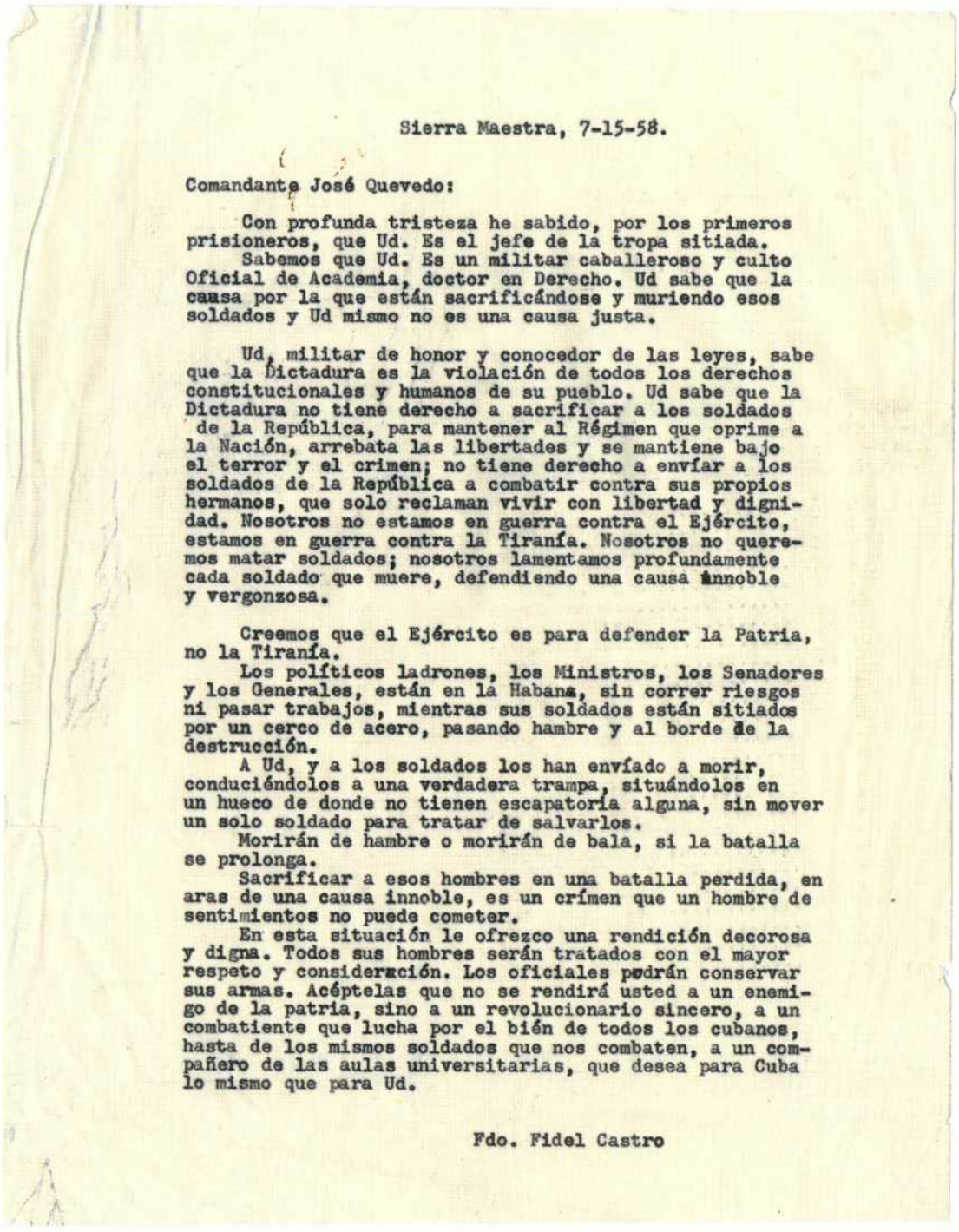
Фидель перед величественным пейзажем Сьерры.


26 JULIO



Фидель в доме, где был установлен передатчик «Повстанческого радио», в ставке Командовании Ла-Платы.

Исторические документы



Sierra Maestra, 7-15-58.

Comandante José Quevedo:

Con profunda tristeza he sabido, por los primeros prisioneros, que Ud. Es el jefe de la tropa sitiada.

Sabemos que Ud. Es un militar caballeroso y culto Oficial de Academia, doctor en Derecho. Ud sabe que la causa por la que están sacrificándose y muriendo esos soldados y Ud mismo no es una causa justa.

Ud, militar de honor y conocedor de las leyes, sabe que la Dictadura es la violación de todos los derechos constitucionales y humanos de su pueblo. Ud sabe que la Dictadura no tiene derecho a sacrificar a los soldados de la República, para mantener al Régimen que oprime a la Nación, arrebata las libertades y se mantiene bajo el terror y el crimen; no tiene derecho a envíar a los soldados de la República a combatir contra sus propios hermanos, que solo reclaman vivir con libertad y dignidad. Nosotros no estamos en guerra contra el Ejército, estamos en guerra contra la Tiranía. Nosotros no queremos matar soldados; nosotros lamentamos profundamente cada soldado que muere, defendiendo una causa innoble y vergonzosa.

Creemos que el Ejército es para defender la Patria, no la Tiranía.

Los políticos ladrones, los Ministros, los Senadores y los Generales, están en la Habana, sin correr riesgos ni pasar trabajos, mientras sus soldados están sitiados por un cerco de acero, pasando hambre y al borde de la destrucción.

A Ud, y a los soldados los han envíado a morir, conduciéndolos a una verdadera trampa, situándolos en un hueco de donde no tienen escapatoría alguna, sin mover un solo soldado para tratar de salvarlos.

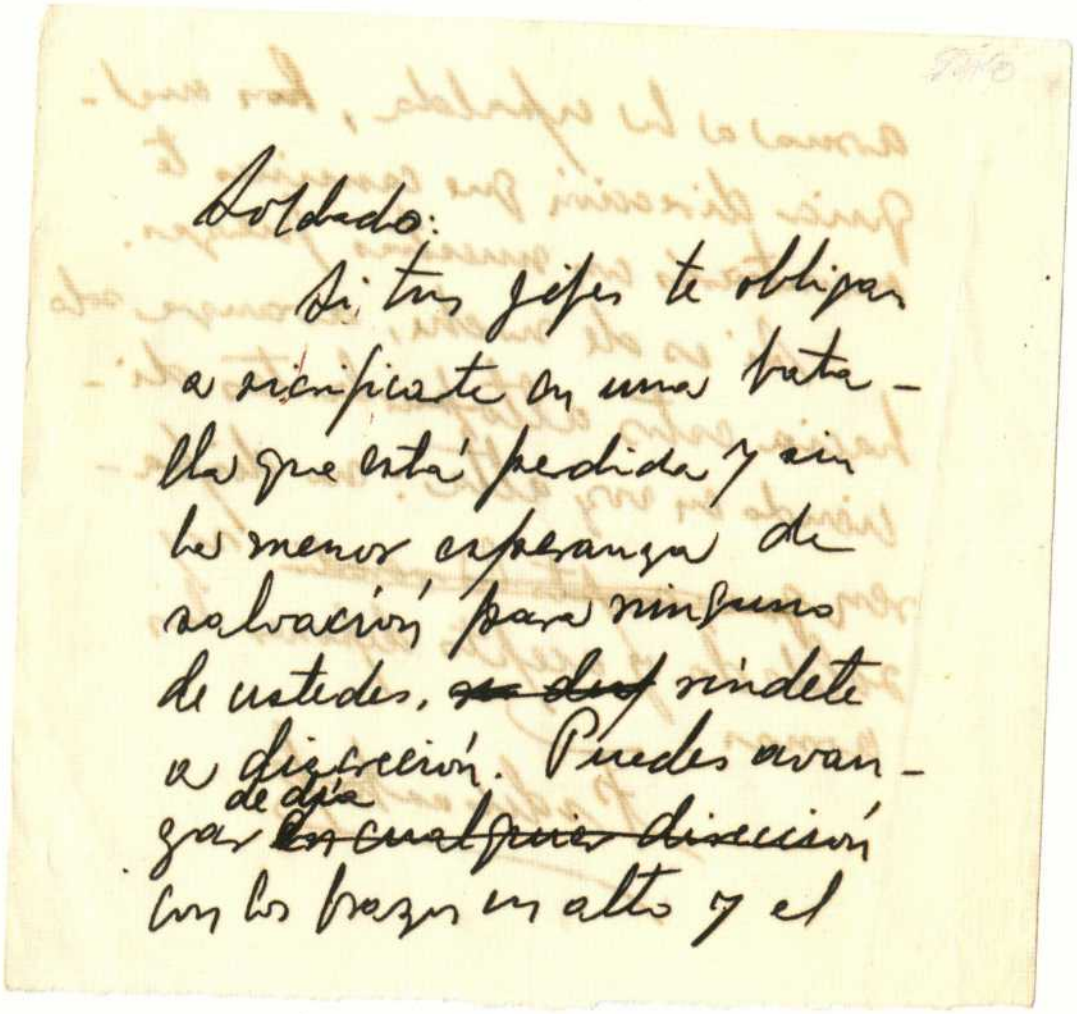
Morirán de hambre o morirán de bala, si la batalla se prolonga.

Sacrificar a esos hombres en una batalla perdida, en aras de una causa innoble, es un crímen que un hombre de sentimientos no puede cometer.

En esta situación le ofrezco una rendición decorosa y digna. Todos sus hombres serán tratados con el mayor respeto y consideración. Los oficiales podrán conservar sus armas. Acéptelas que no se rendirá usted a un enemigo de la patria, sino a un revolucionario sincero, a un combatiente que lucha por el bién de todos los cubanos, hasta de los mismos soldados que nos combaten, a un compañero de las aulas universitarias, que desea para Cuba lo mismo que para Ud.

Fdo. Fidel Castro

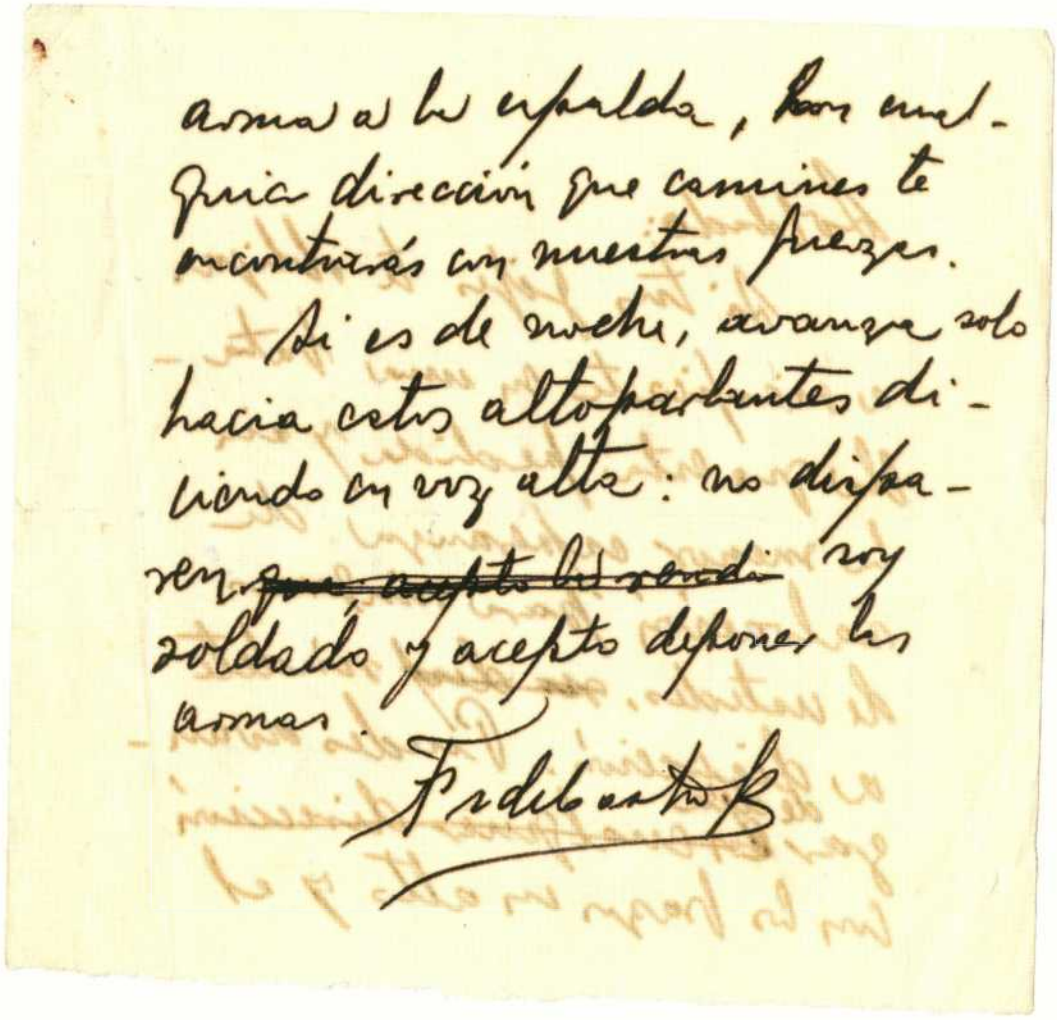
Письмо Главнокомандующего Фиделя Кастро Хосе Кеведо, командиру батальона 18, стоявшего лагерем в Хигуэ, в котором предлагает ему достойную сдачу. *1958 г., 15 июля.*



Soldado:

Si tus jefes te obligan a rendirte en una batalla que está perdida y sin la menor esperanza de salvación para ninguno de ustedes, ~~rindete~~ rindete a discreción. Puedes avanzar de día ~~en cualquier dirección~~ con los brazos en alto y el

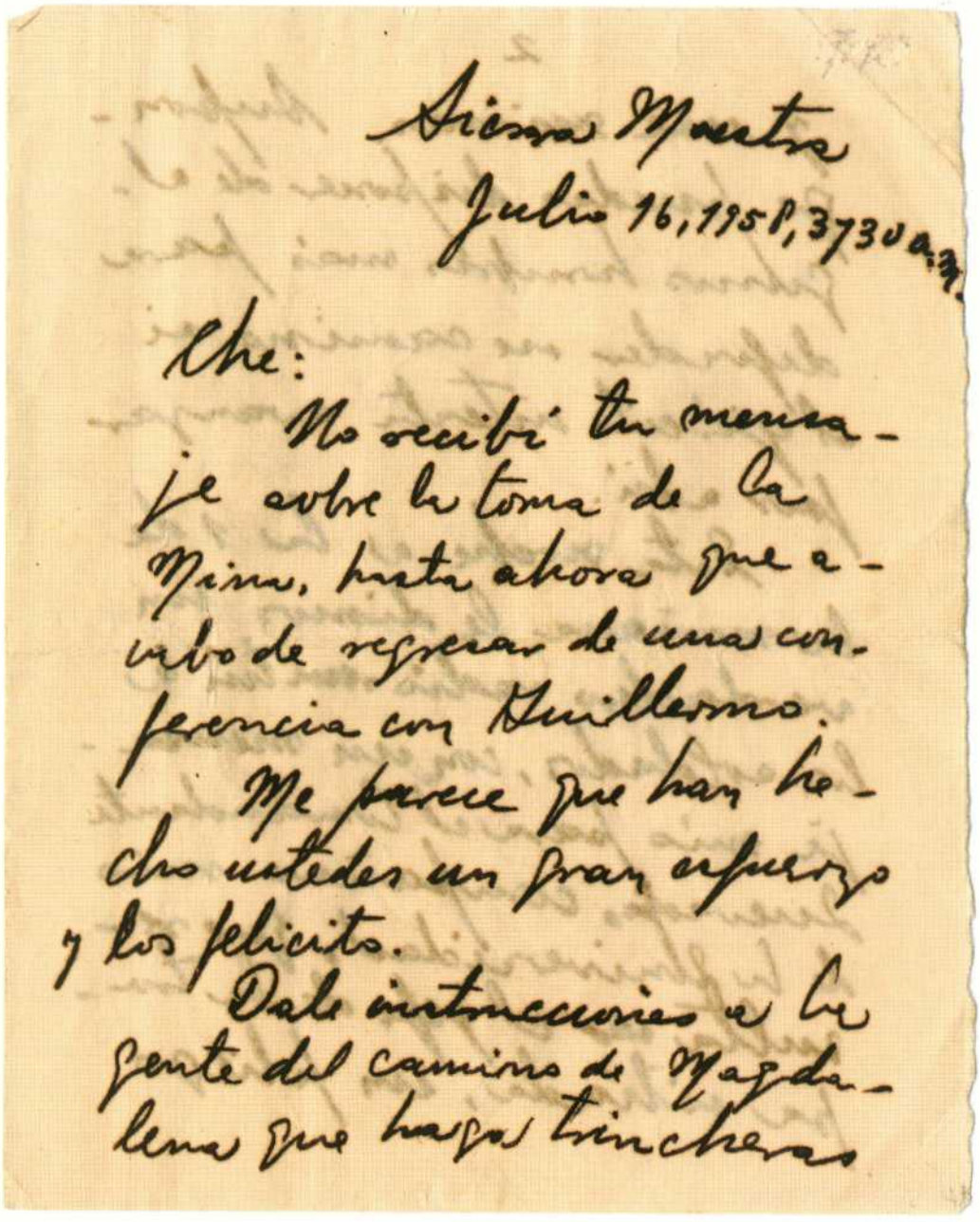
Послание Фиделя солдатам батальона 18, в котором призывает их к достойной сдаче (первая страница).


arma a la espalda, hacia cualquiera dirección que camines te encontrarás con nuestras fuerzas.

Si es de noche, avanza solo hacia esos altoparlantes diciendo en voz alta: no disparen ~~que acepto la rendición~~ soy soldado y acepto deponer las armas.

Fidel Castro R

Вторая страница.



Sierra Maestra
Julio 16, 1958, 3730 a.m.

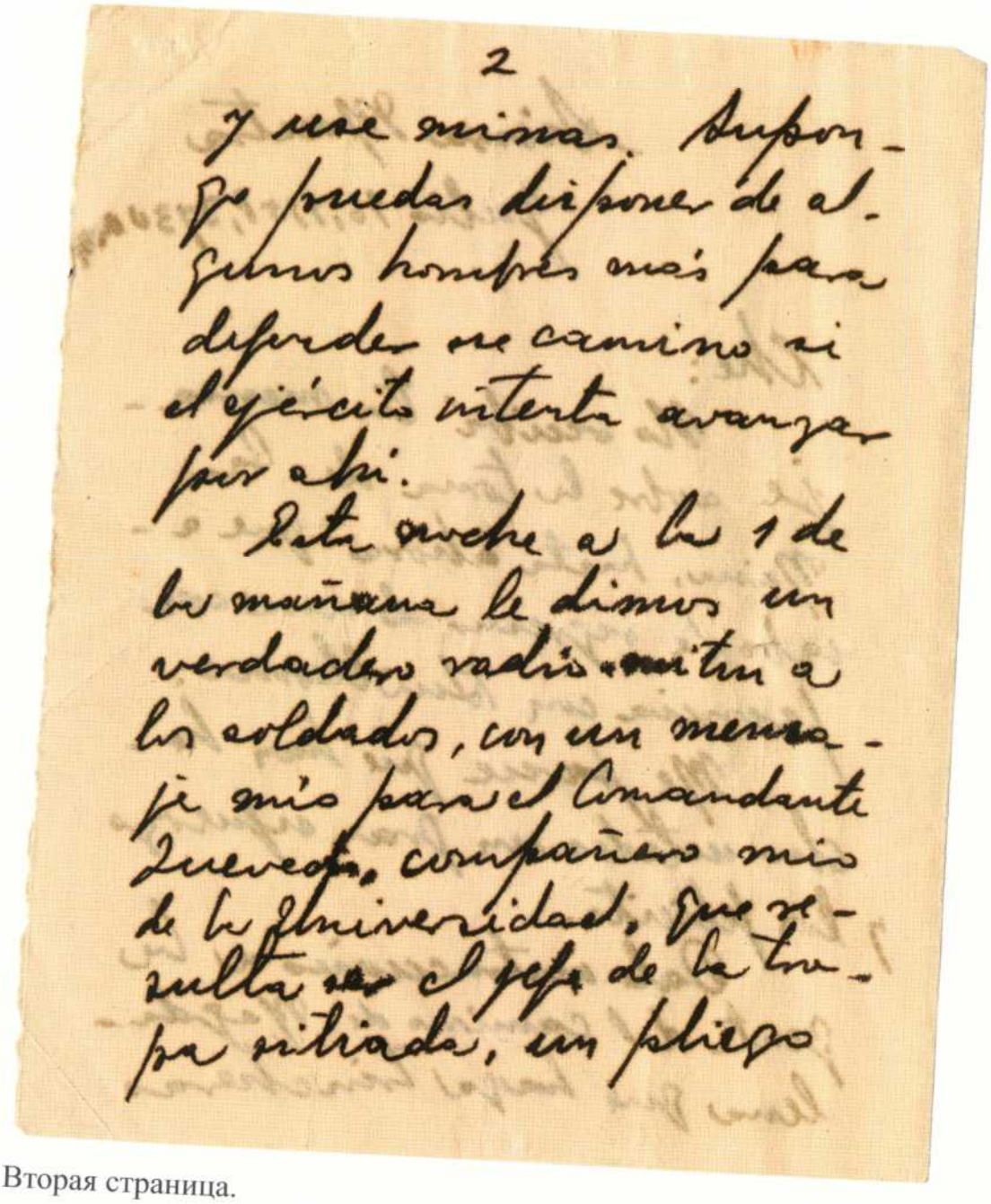
Che:

No recibí tu mensaje sobre la toma de la Mina, hasta ahora que acabo de regresar de una conferencia con Guillermo.

Me parece que han hecho ustedes un gran esfuerzo y los felicito.

Dale instrucciones a la gente del camino de Magdalena que haga trincheras

Послание Фиделя Че, в котором он поздравляет его за его усилия, передает инструкции, вводит в курс событий и своих планов в Хигуэ. *1958 г., 16 июля* (первая страница).

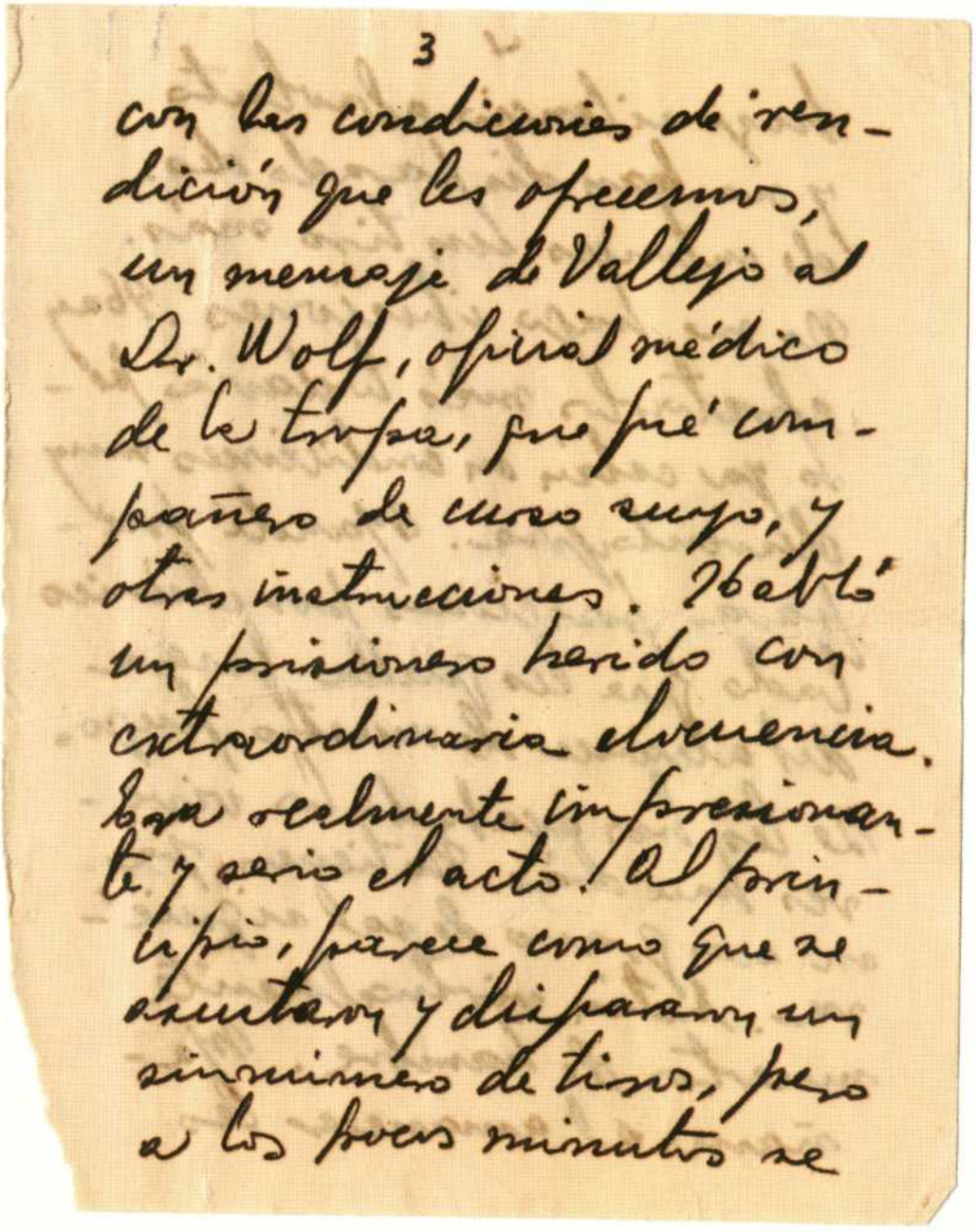


2

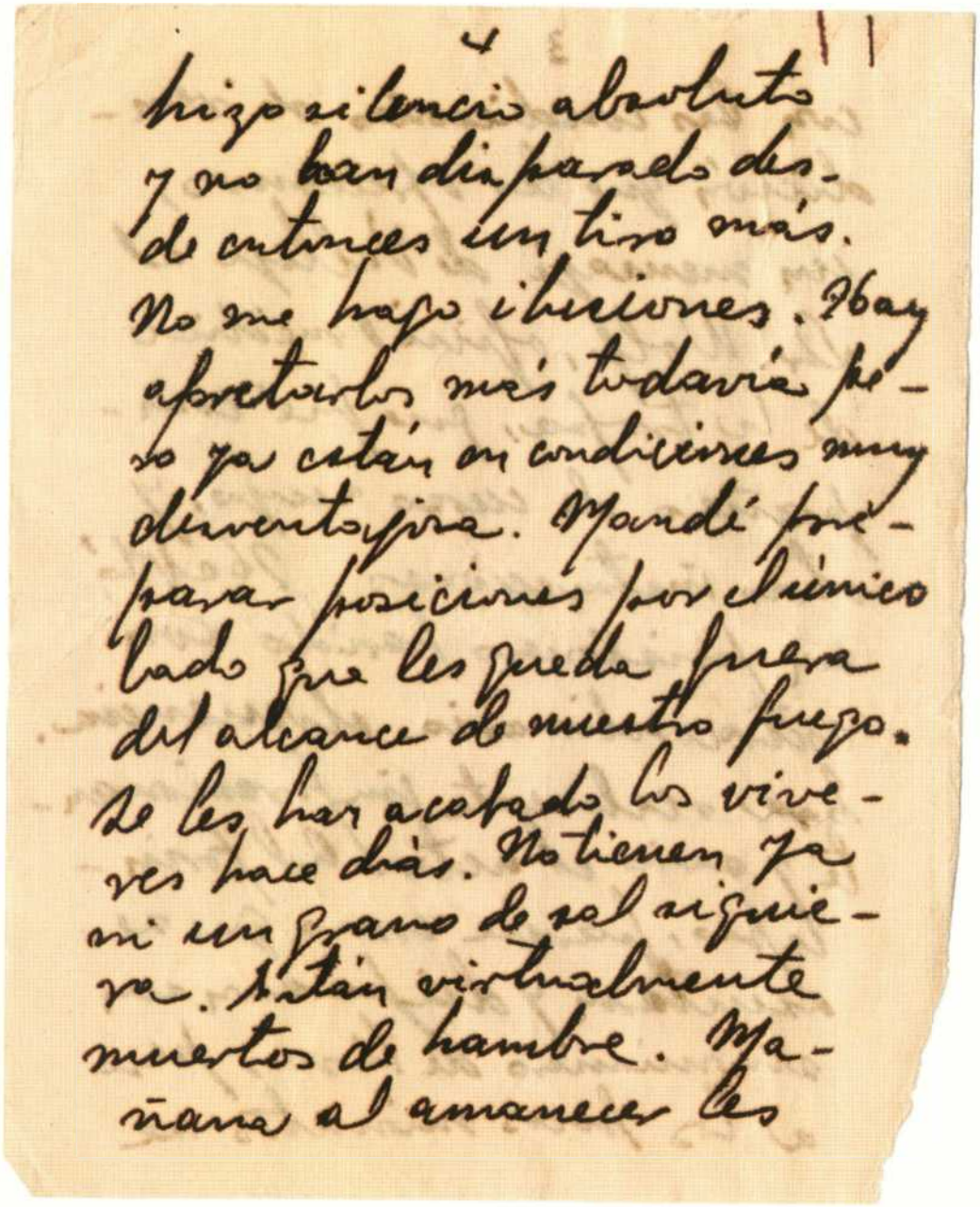
y esas mismas. Supongo
que puedas disponer de al-
gunos hombres más para
defender ese camino si
el ejército intenta avanzar
por ahí.

Esta noche a las 1 de
la mañana le dimos un
verdadero radiotazo a
los soldados, con un mensa-
je mío para el Comandante
Quevedo, compañero mío
de la Universidad, que re-
sulta ser el jefe de la tro-
pa sitiada, un pliego

Вторая страница.

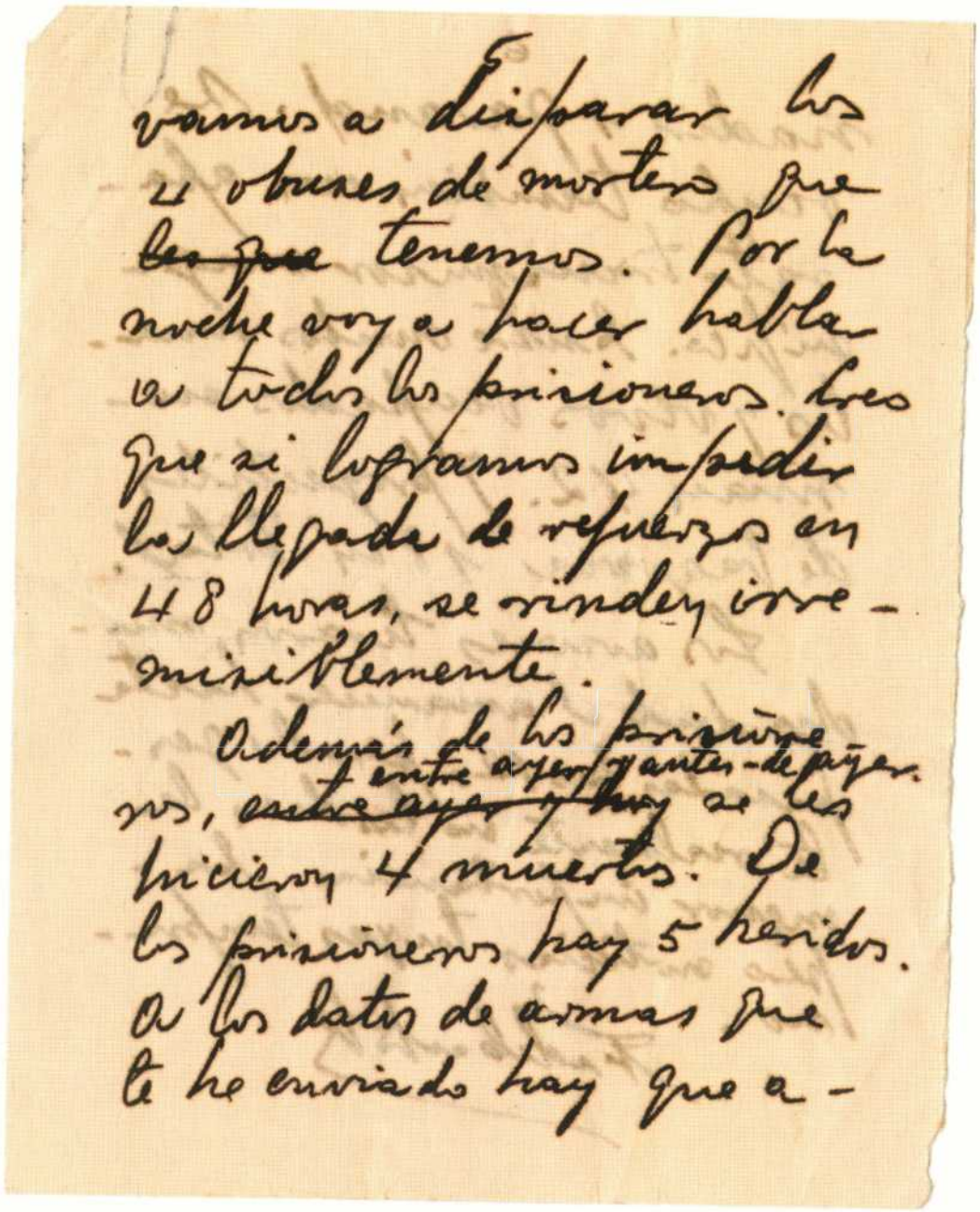

3
con las condiciones de ren-
dición que les ofrecemos,
un mensaje de Vallejo al
Dr. Wolf, oficial médico
de la tropa, que fué com-
pañero de curso suyo, y
otras instrucciones. Habló
un prisionero herido con
extraordinaria elocuencia.
Fué realmente impresionan-
te y serio el acto. Al prin-
cipio, parece como que se
asustaron y dispararon un
sinnúmero de tiros, pero
a los pocos minutos se

Третья страница.



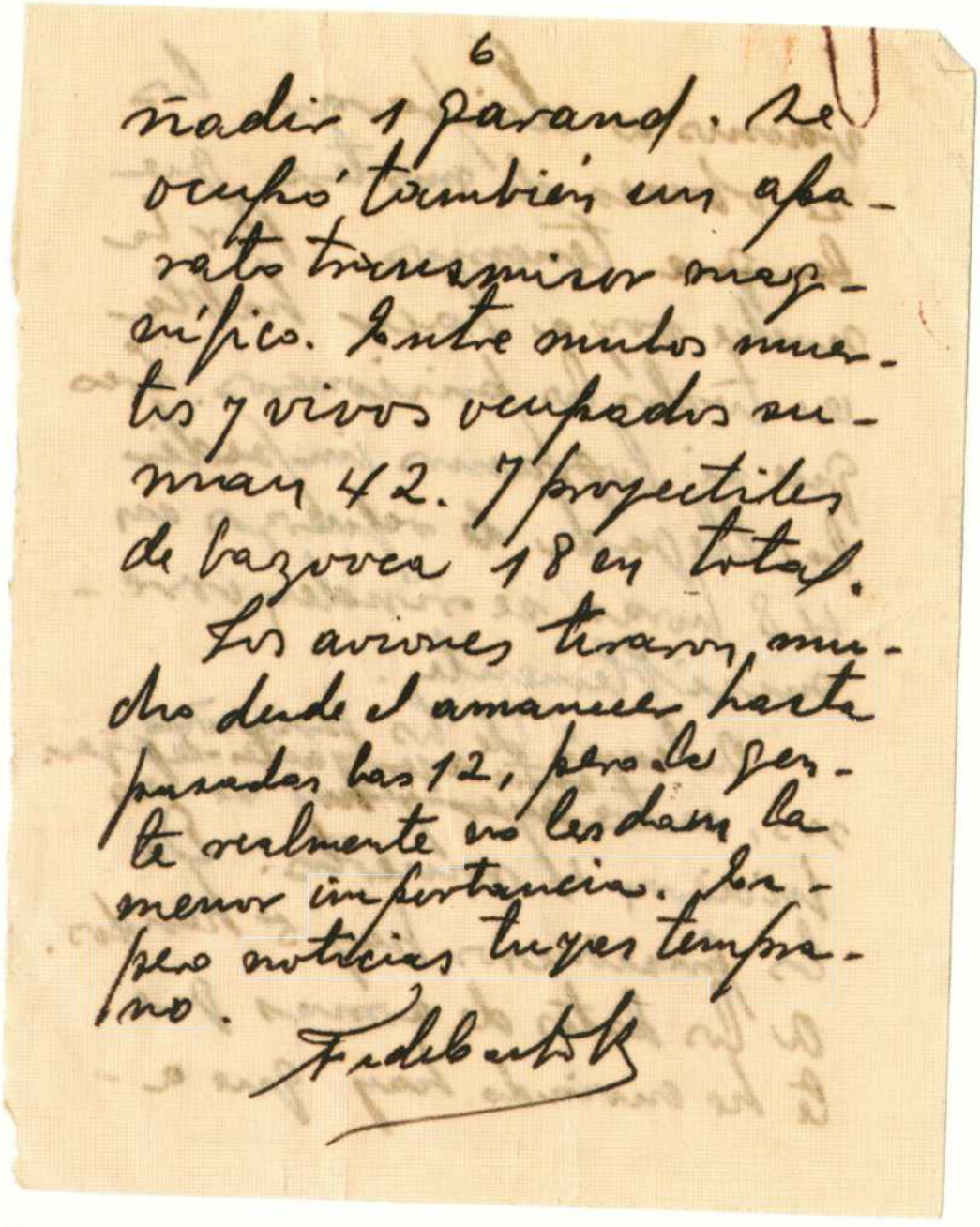
hizo silencio absoluto
y no han disparado des-
de entonces un tiro más.
No me hago ilusiones. Hay
aprietan más todavía pe-
ro ya están en condiciones muy
desventajosa. Mandé pre-
parar posiciones por el único
lado que les queda fuera
del alcance de nuestro fuego.
Se les han acabado los vive-
res hace días. No tienen ya
ni un grano de sal siquie-
ra. Están virtualmente
muertos de hambre. Ma-
ñana al amanecer les

Четвертая страница.



vamos a disparar los
11 obuses de morteros que
~~tenemos~~ tenemos. Por la
noche voy a hacer habla
a todos los prisioneros. Creo
que si logramos impedir
los llegada de refuerzos en
48 horas, se rinden irre-
misiblemente.
Además de los prisione-
ros, ~~entre ayer y hoy~~ entre-ayer-y-ayer.
hicieron 4 muertos. De
los prisioneros hay 5 heridos.
A los datos de armas que
te he enviado hay que a-

Пятая страница.

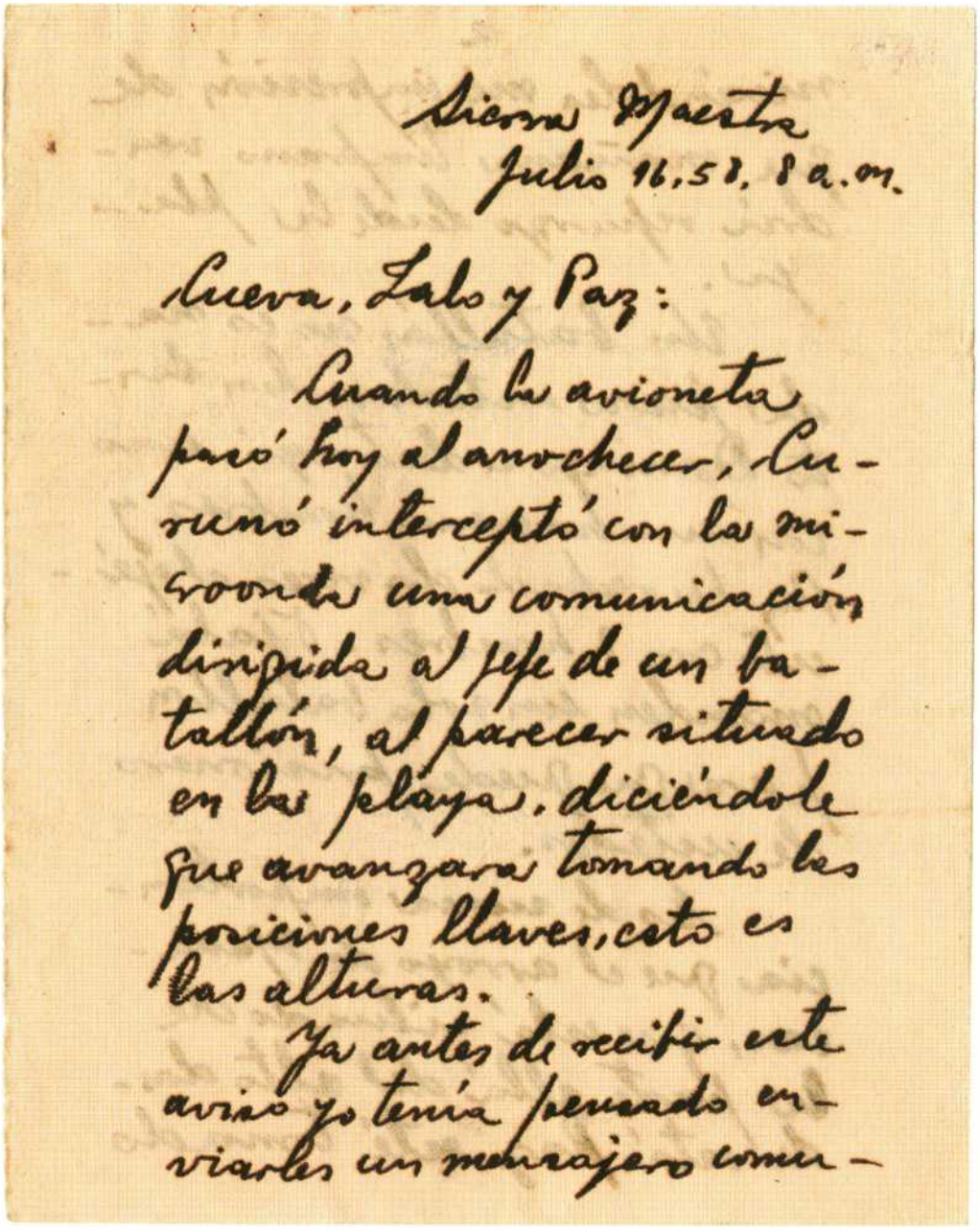

6

ñadir 1 parand. Se
ocupó también un apa-
rato transmisor mag-
nífico. Entre muer-
tos y vivos ocupados en-
mas 42. 7 proyectiles
de bazooca 18 en total.

Los aviones tiraron mu-
cho desde el amanecer hasta
pasadas las 12, pero de ver-
te realmente no les dan la
menor importancia. Lo-
pero noticias tuyas temprano.

Fidel

Шестая страница.



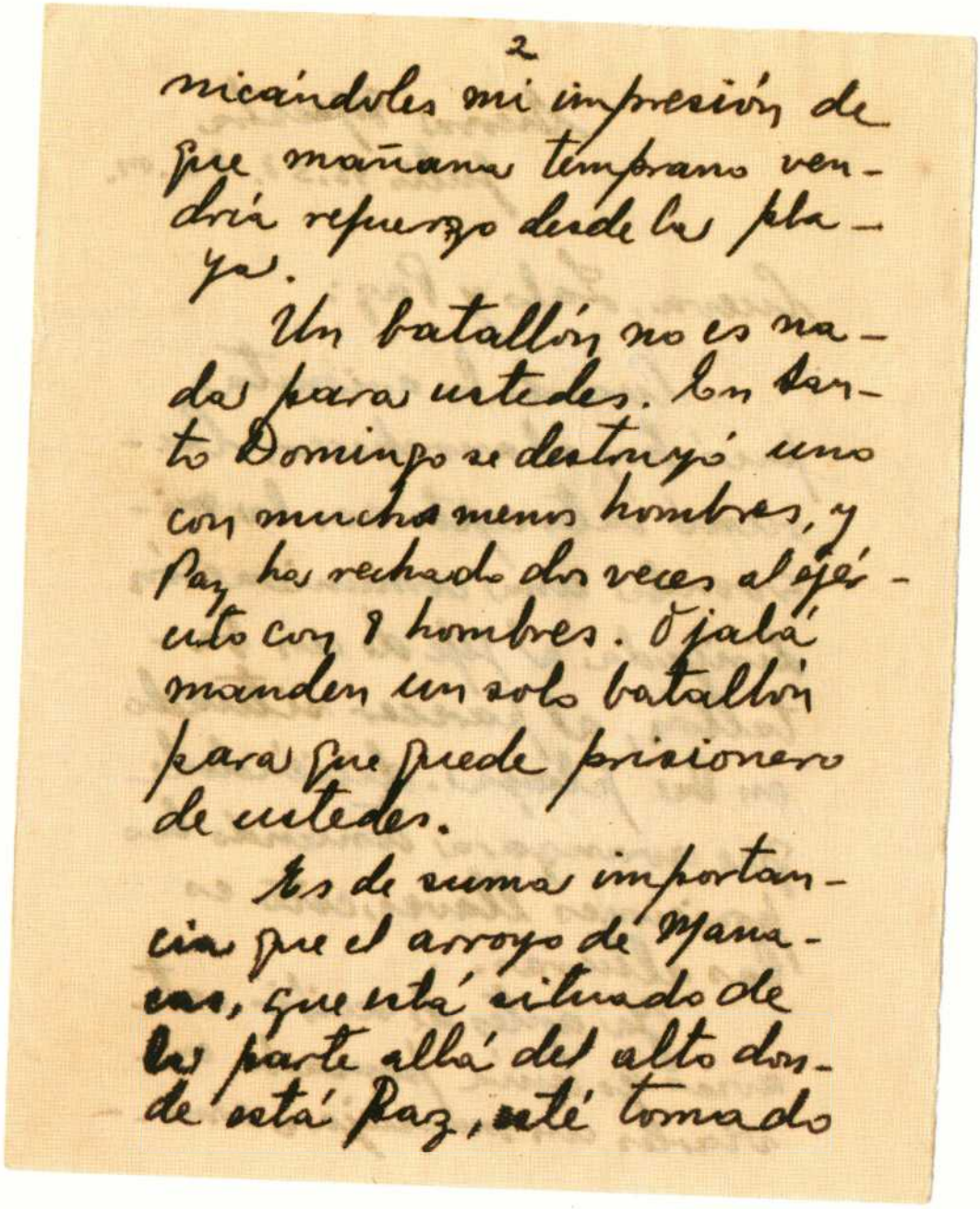
Sierra Maestra
Julio 16, 58, 8 a.m.

Cueva, Lalo y Paz:

Cuando la avioneta
pasó hoy al anochecer, Cu-
reñó interceptó con las mi-
croondas una comunicación
dirigida al jefe de un ba-
tallón, al parecer situado
en las playas, diciéndole
que avanzara tomando las
posiciones llaves, esto es
las alturas.

Ya antes de recibir este
aviso yo tenía pensado en-
viarles un mensajero comu-

Страницы послания Фиделя, направленного капитанам Андресу Куэвасу, Лало Сардиньясу и Рамону Пасу, в которых он передает приказы и указывает позиции и передвижения с целью отбросить вражеские подкрепления. *1958 г., 16 июля* (первая страница).



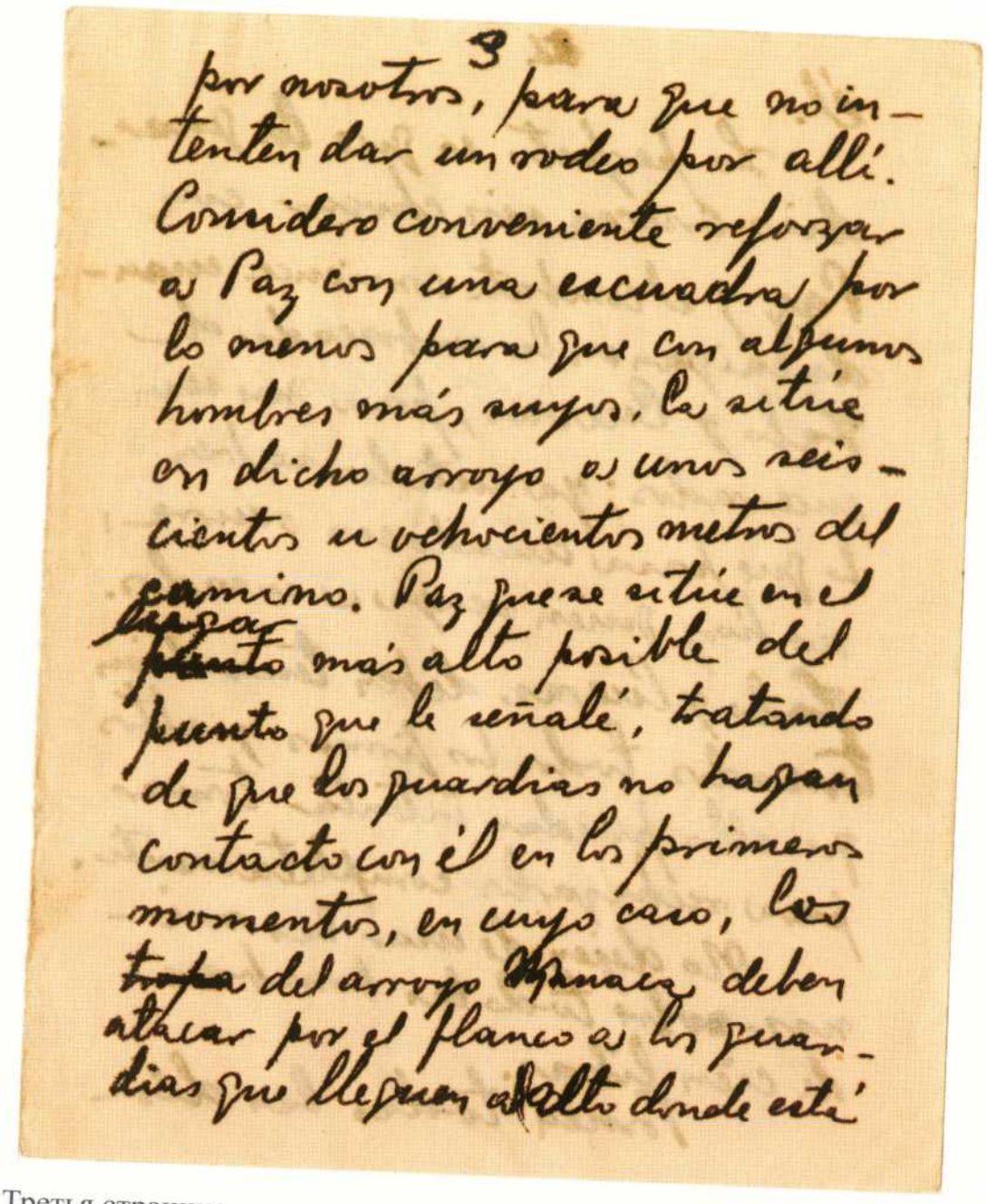
2

nicándoles mi impresión de
que mañana temprano ven-
dría refuerzo desde la pla-
za.

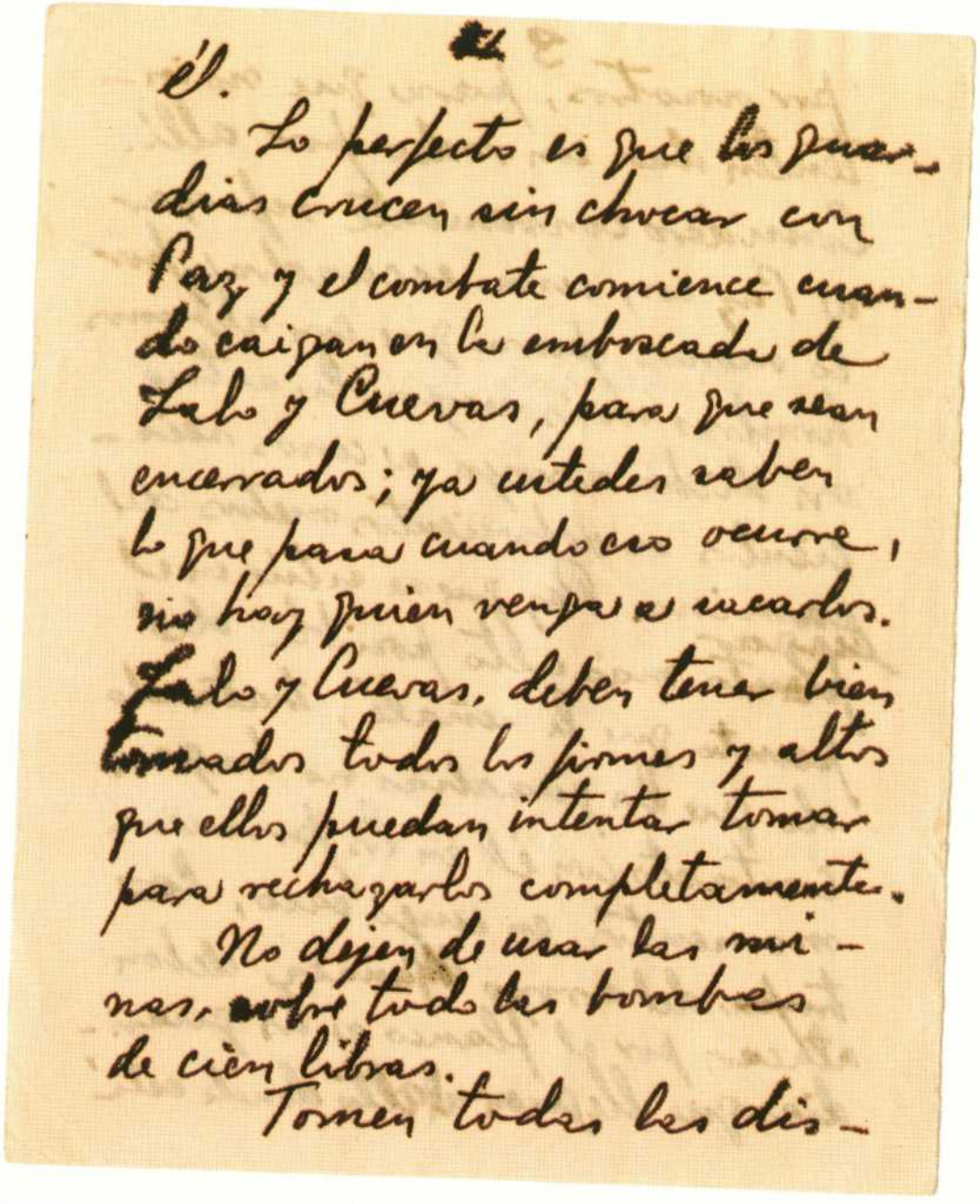
Un batallón no es na-
da para ustedes. En San-
to Domingo se destruyó uno
con muchos menos hombres, y
Paz ha rechazado dos veces al ejé-
cito con 9 hombres. Ojalá
manden un solo batallón
para que quede prisionero
de ustedes.

Es de suma importan-
cia que el arroyo de Mana-
cas, que está situado de
la parte allá del alto don-
de está Paz, esté tomado

Вторая страница.


3
por nosotros, para que no in-
tenten dar un rodeo por allí.
Considero conveniente reforzar
a Paz con una escuadra por
lo menos para que con algunos
hombres más suyos, la sitúe
en dicho arroyo a unos seis-
cientos o ochocientos metros del
camino. Paz puede situarse en el
~~lugar~~ punto más alto posible del
puente que le señalé, tratando
de que los guardias no hagan
contacto con él en los primeros
momentos, en cuyo caso, los
~~tropa~~ del arroyo Pavón deben
atacar por el flanco a los guar-
dias que lleguen al alto donde está

Третья страница.



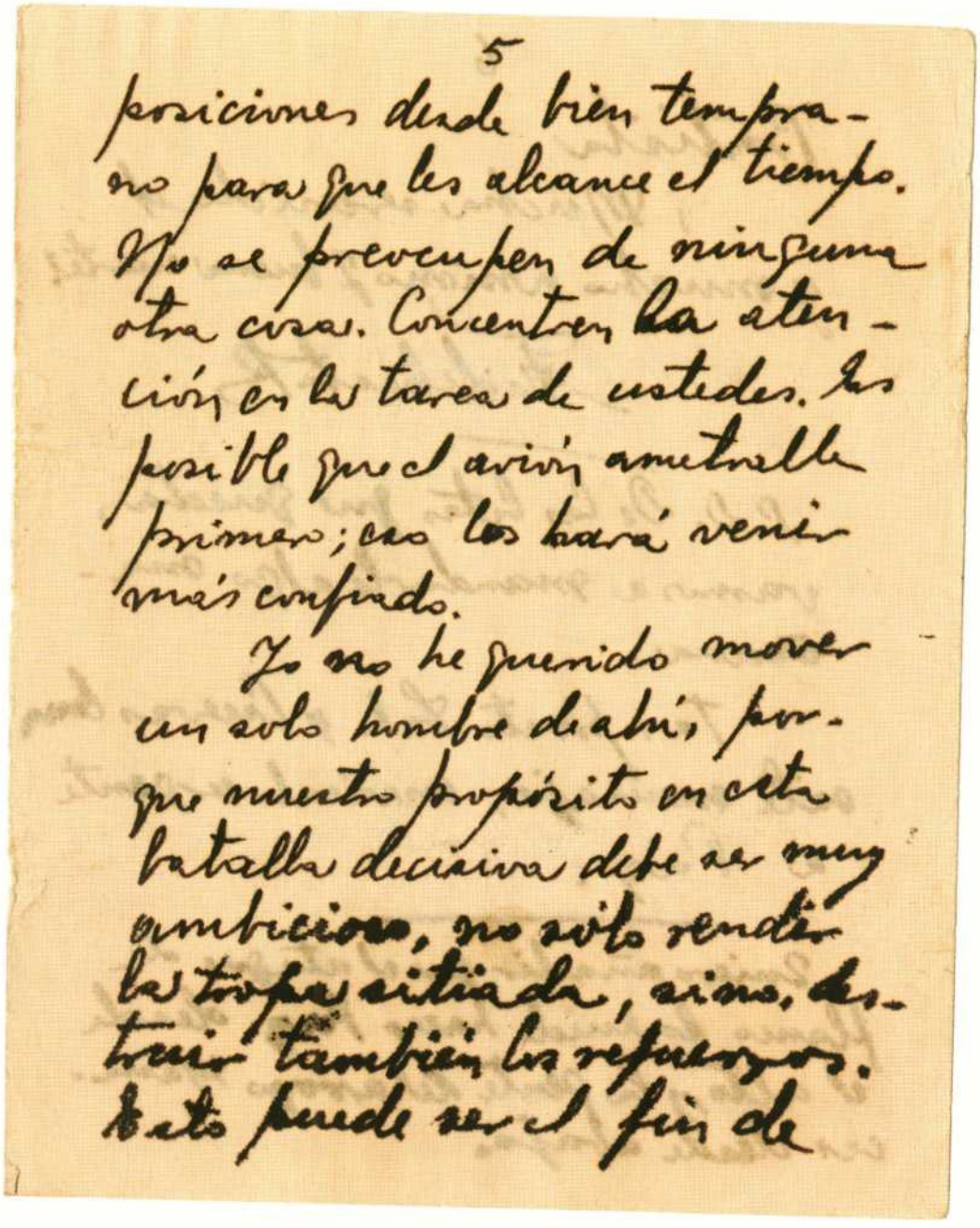
él.

Lo perfecto es que los guar-
dias crucen sin chocar con
Paz y el combate comience cuan-
do caigan en la emboscada de
Zalo y Cuevas, para que sean
encerrados; ya ustedes saben
lo que pasa cuando eso ocurre,
no hay quien venga a sacarlos.
Zalo y Cuevas, deben tener bien
ocupados todos los pinos y altos
que ellos puedan intentar tomar
para rechazarlos completamente.

No dejen de usar las mi-
nas, sobre todo las bombas
de cien libras.

Tomen todas las dis-

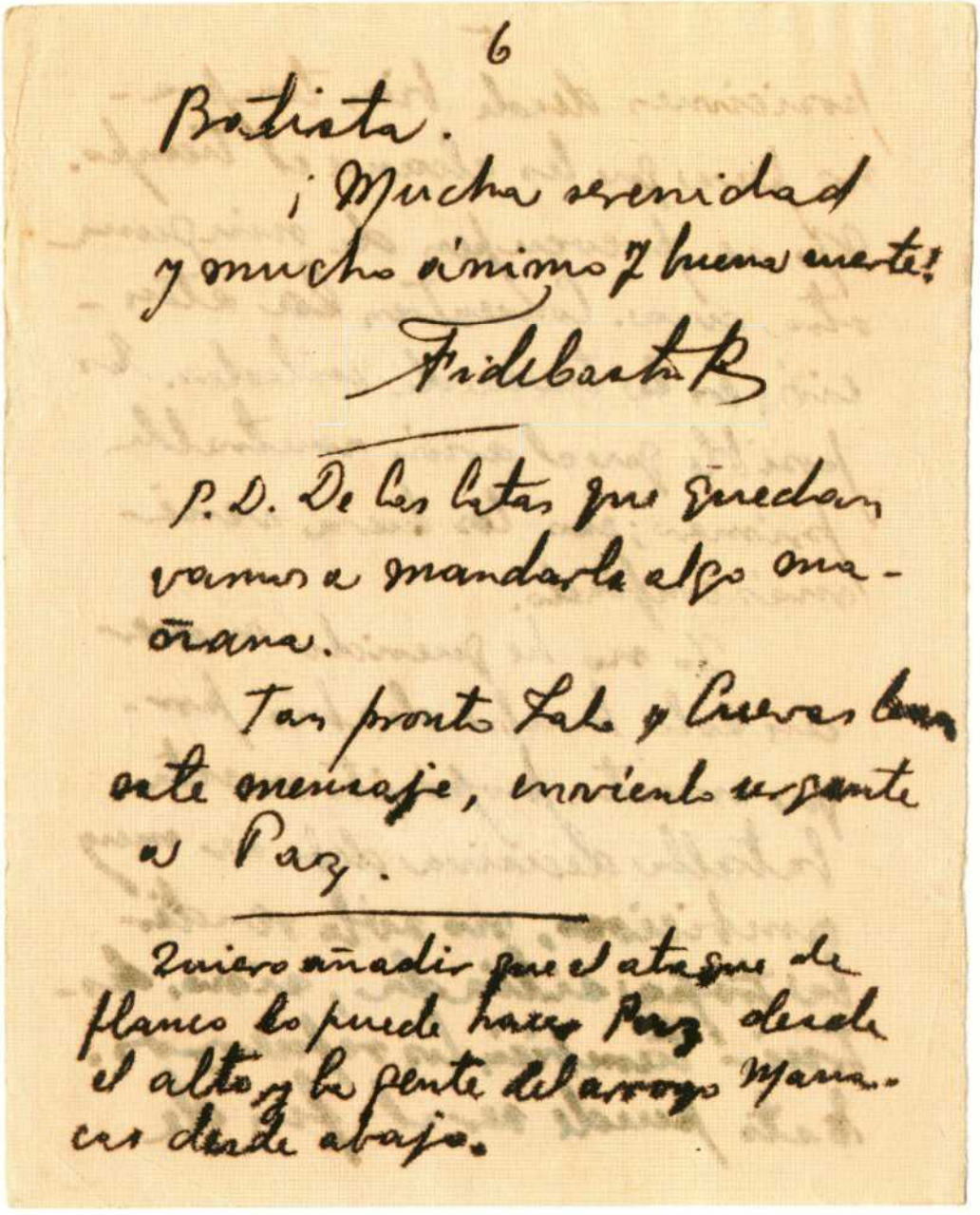
Четвертая страница.


5

posiciones desde bien tempra-
no para que les alcance el tiempo.
No se preocupen de ninguna
otra cosa. Concentren la aten-
ción en las tareas de ustedes. Es
posible que el avión anuncie
primero; eso los hará venir
más confiados.

Yo no he querido mover
un solo hombre de ahí, por-
que nuestro propósito en esta
batalla decisiva debe ser muy
ambicioso, no solo rendir
las tropas sitiadas, sino, des-
truir también los refuerzos.
Esto puede ser el fin de

Пятая страница.



6

Batista.

¡Mucha serenidad
y mucho ánimo y buena suerte!

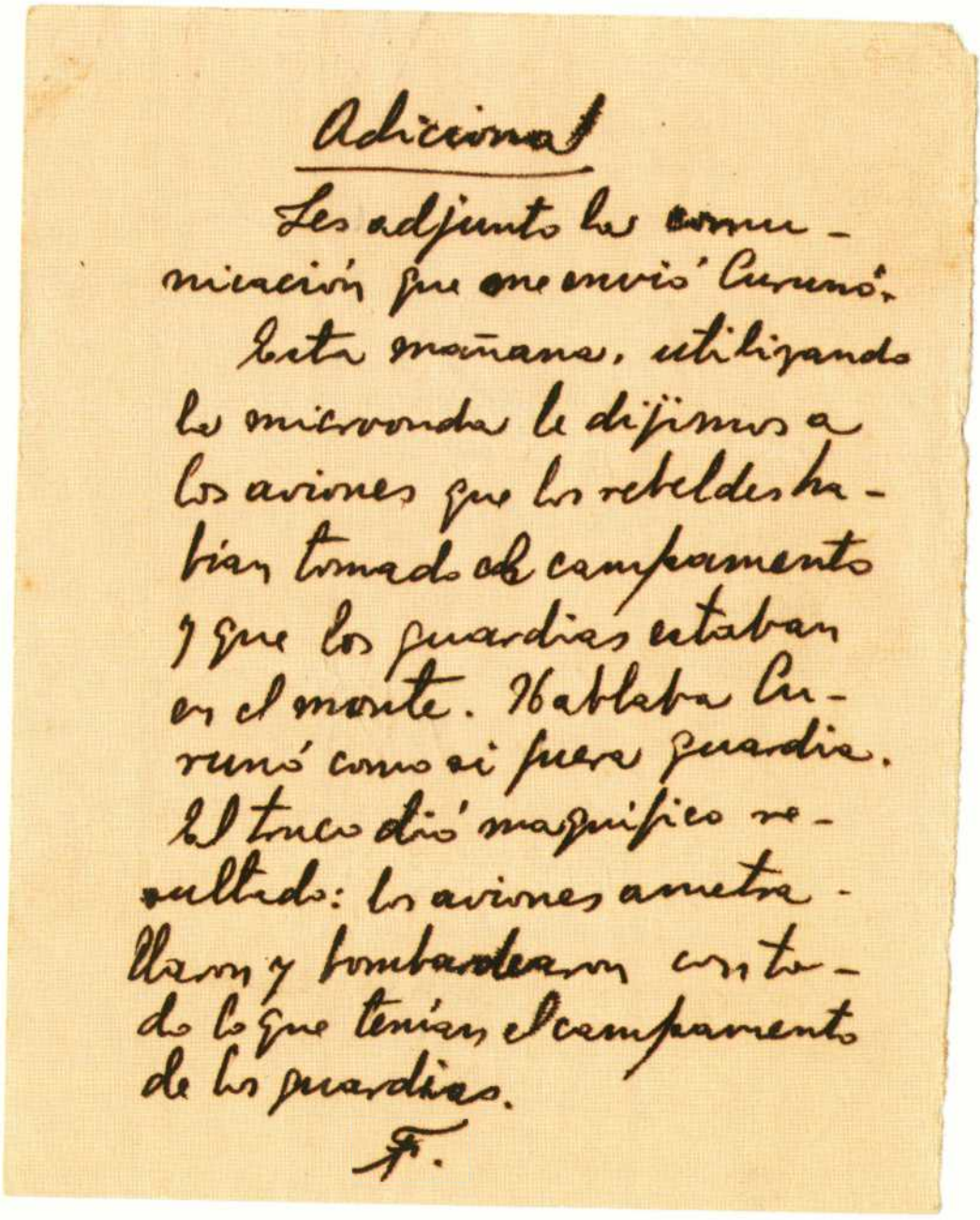
Fidel Castro R

P. D. De las latas que quedan
vamos a mandarle algo ma-
ñana.

Tan pronto Lalo y Cuevas lean
este mensaje, envíenlo urgente
a Paz.

Quiero añadir que el ataque de
flanco lo puede hacer Paz desde
el alto y la gente del arroyo Mana-
cas desde abajo.

Шестая страница.



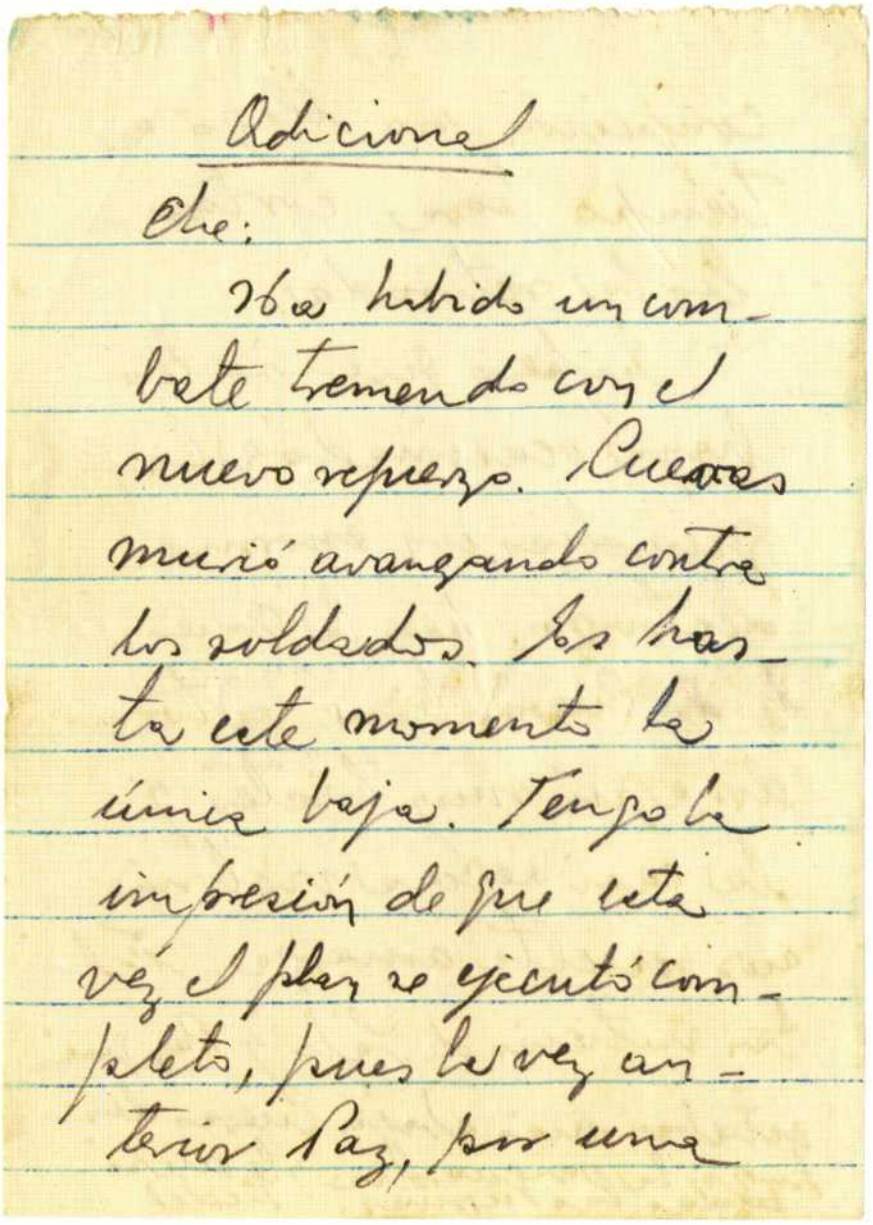
Adicional

Les adjunto la comunicación que me envió Curumó.

Esta mañana, utilizando la microonda le dijimos a los aviones que los rebeldes habían tomado el campamento y que los guardias estaban en el monte. Hablaba Curumó como si fuera guardia. El truco dió magnífico resultado: los aviones ametrallaron y bombardearon todo lo que tenían el campamento de los guardias.

F.

Седьмая страница.

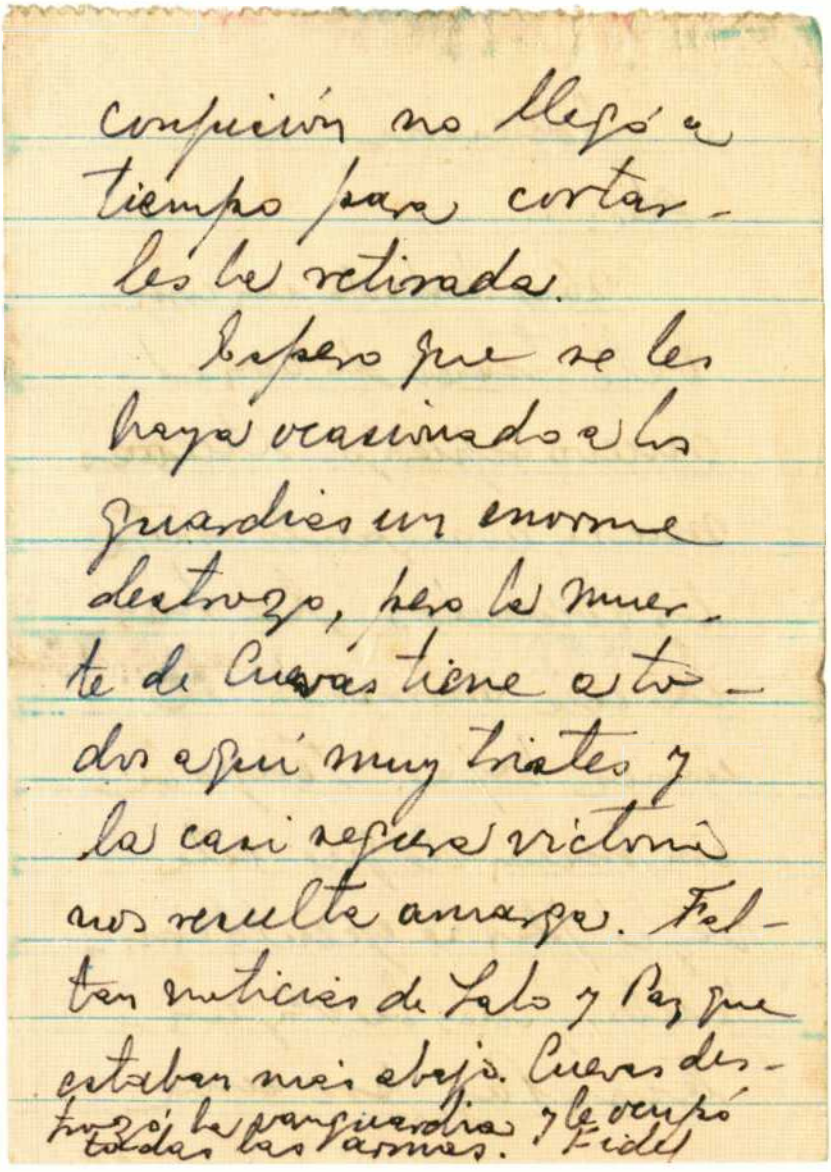


Adicional

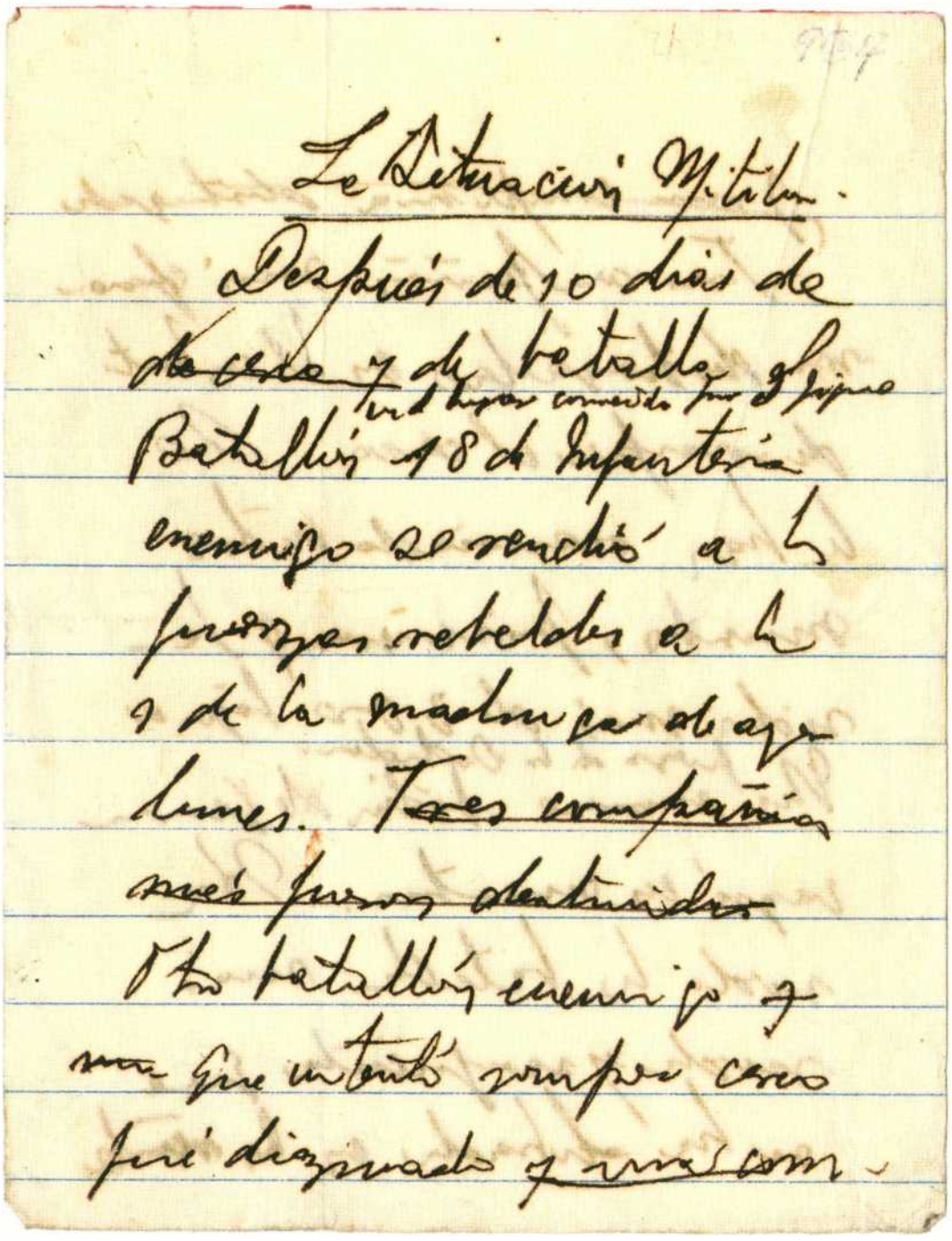
Che:

Ha habido un com-
bate tremendo con el
nuevo refuerzo. Cuevas
murió avanzando contra
los soldados. Hasta
la hora de la
última baja. Tengo la
impresión de que esta
vez el plan se ejecutó com-
pleto, pues la vez an-
terior Paz, por una

Послание Фиделя Че, в котором он сообщает о гибели в бою капитана Андреса Куэваса. *1958 г., 16 июля* (первая страница).



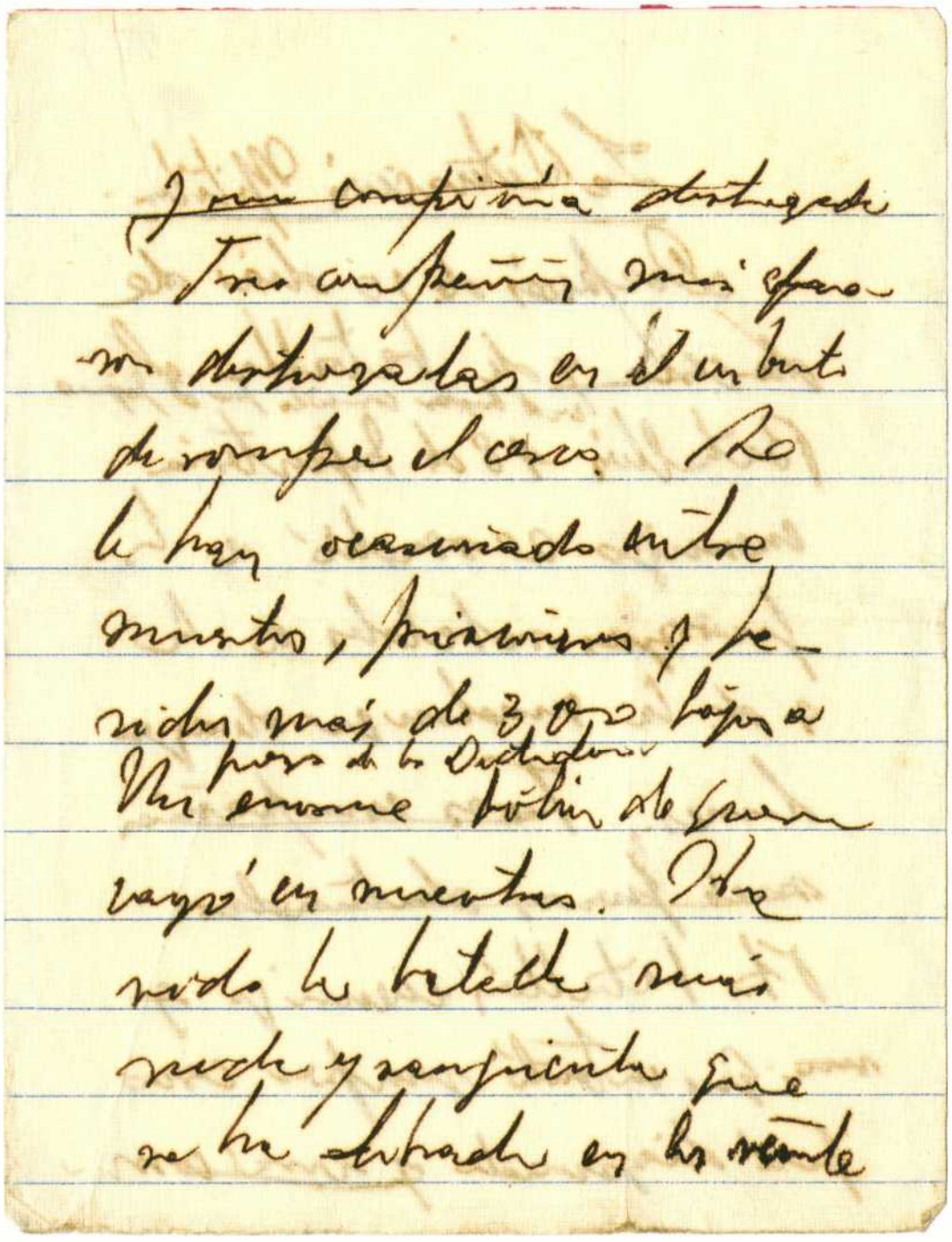
Вторая страница.



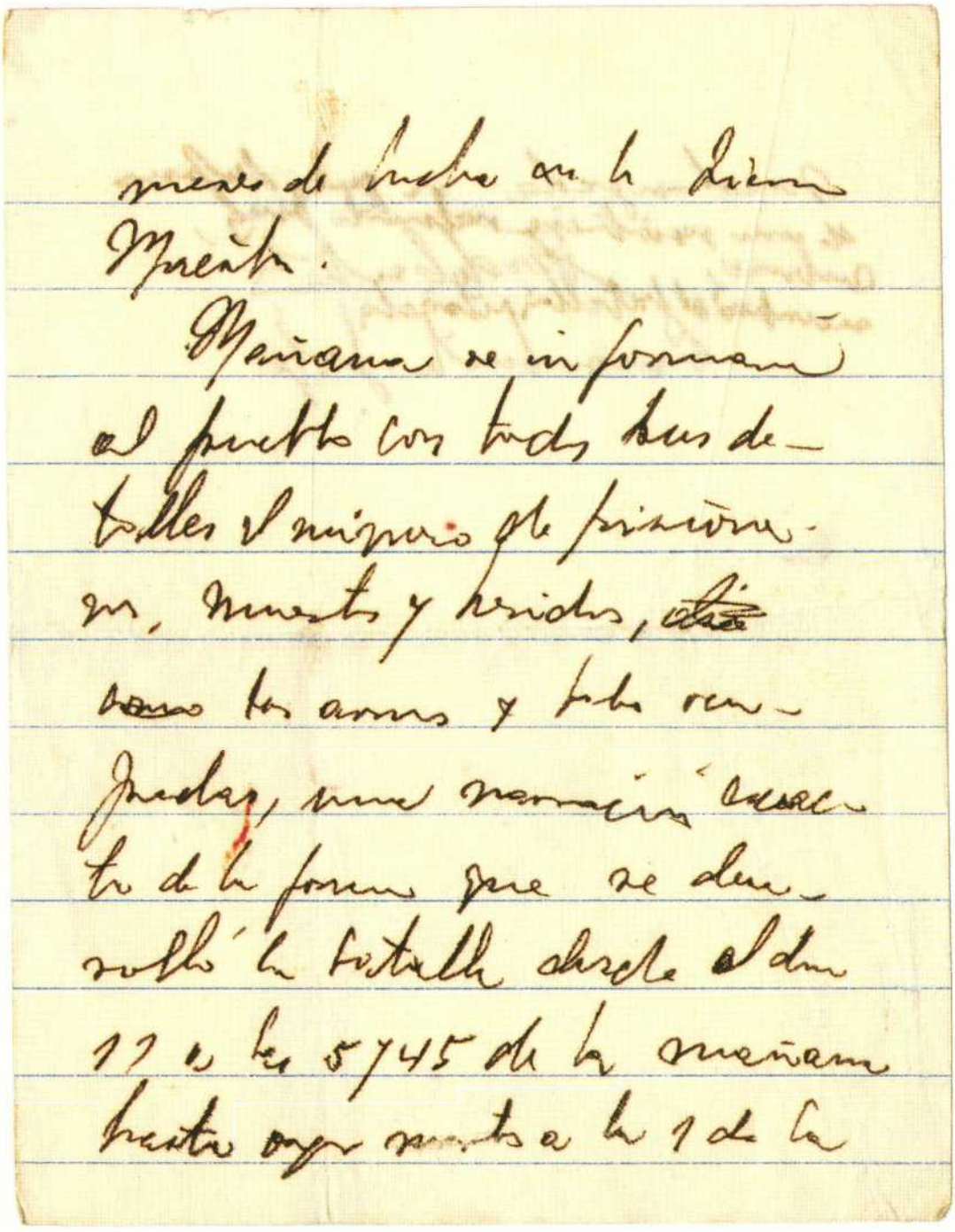
Le Detracción Militar.

Después de 10 días de
de cerco y de batalla, el Jefe
Batallón 18 de Infantería
enemigo se rindió a las
fuerzas rebeldes a las
y de la madrugada de ayer
lunes. Toda compañía
que fuerza destruida
Un batallón enemigo y
una que intentó romper cerco
fue diezmada y una com-

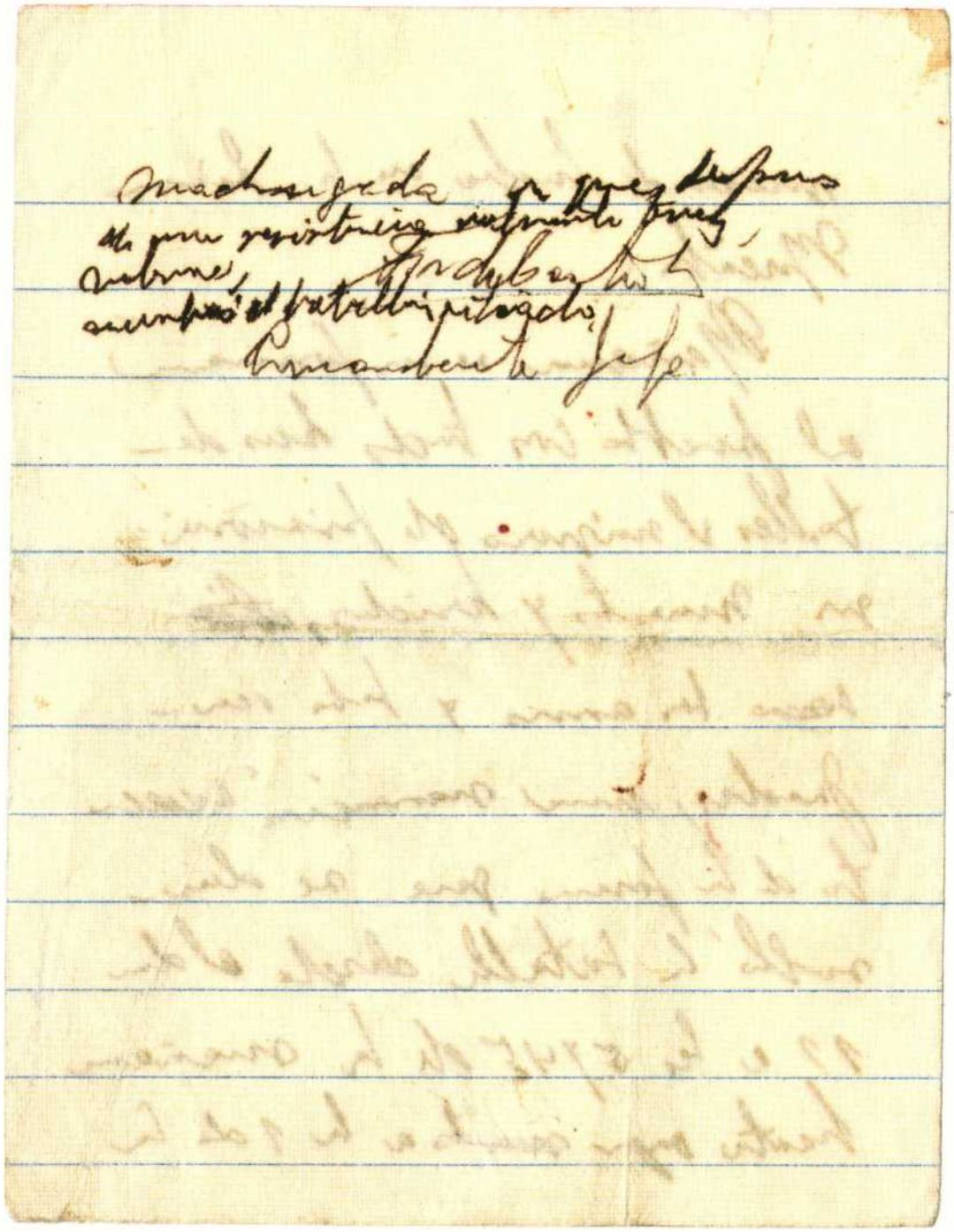
Военная сводка, подписанная Фиделем, который информирует в ней о боях в Хигуэ и предрекает решающую победу Повстанческой армии (первая страница).



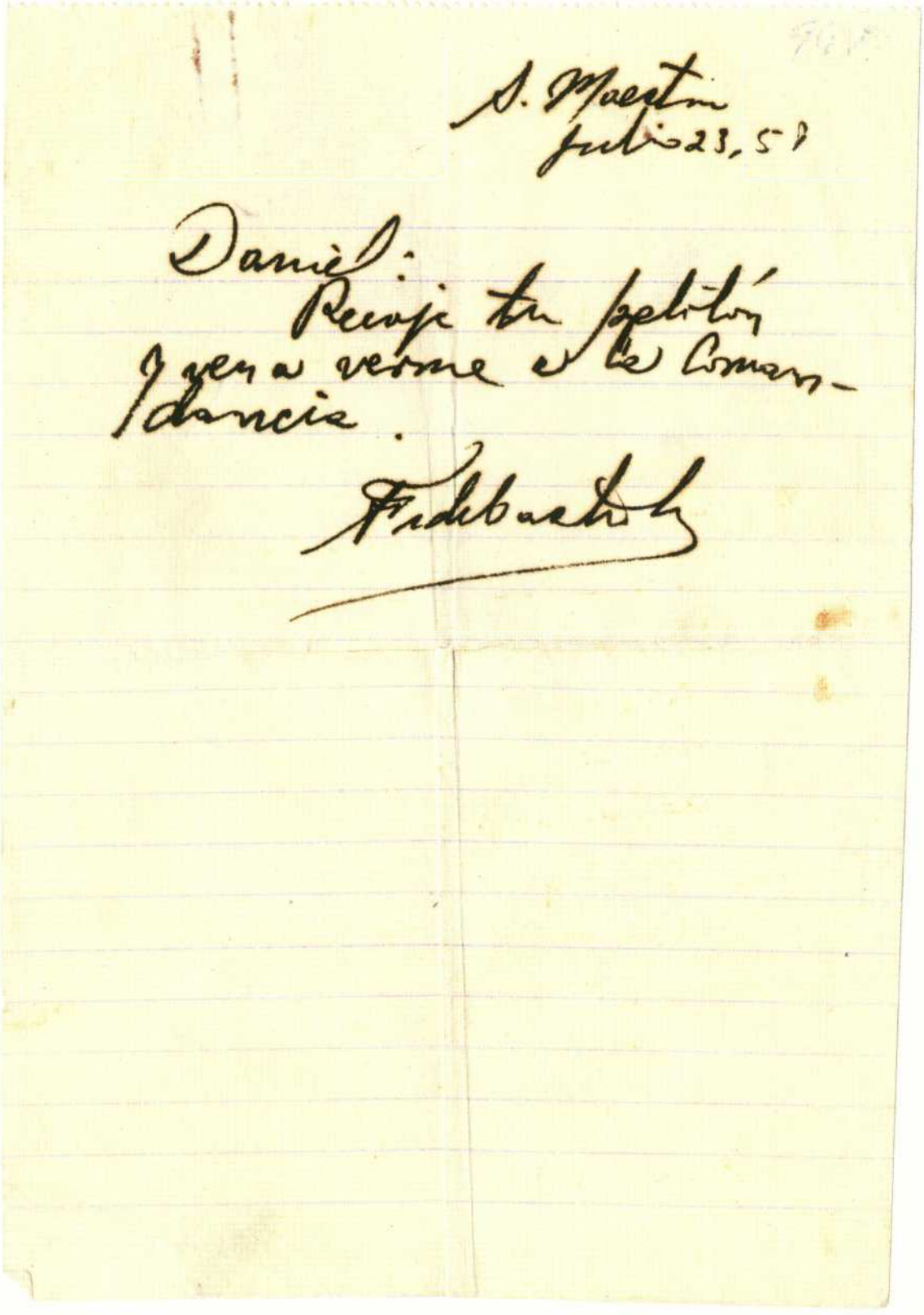
Вторая страница.



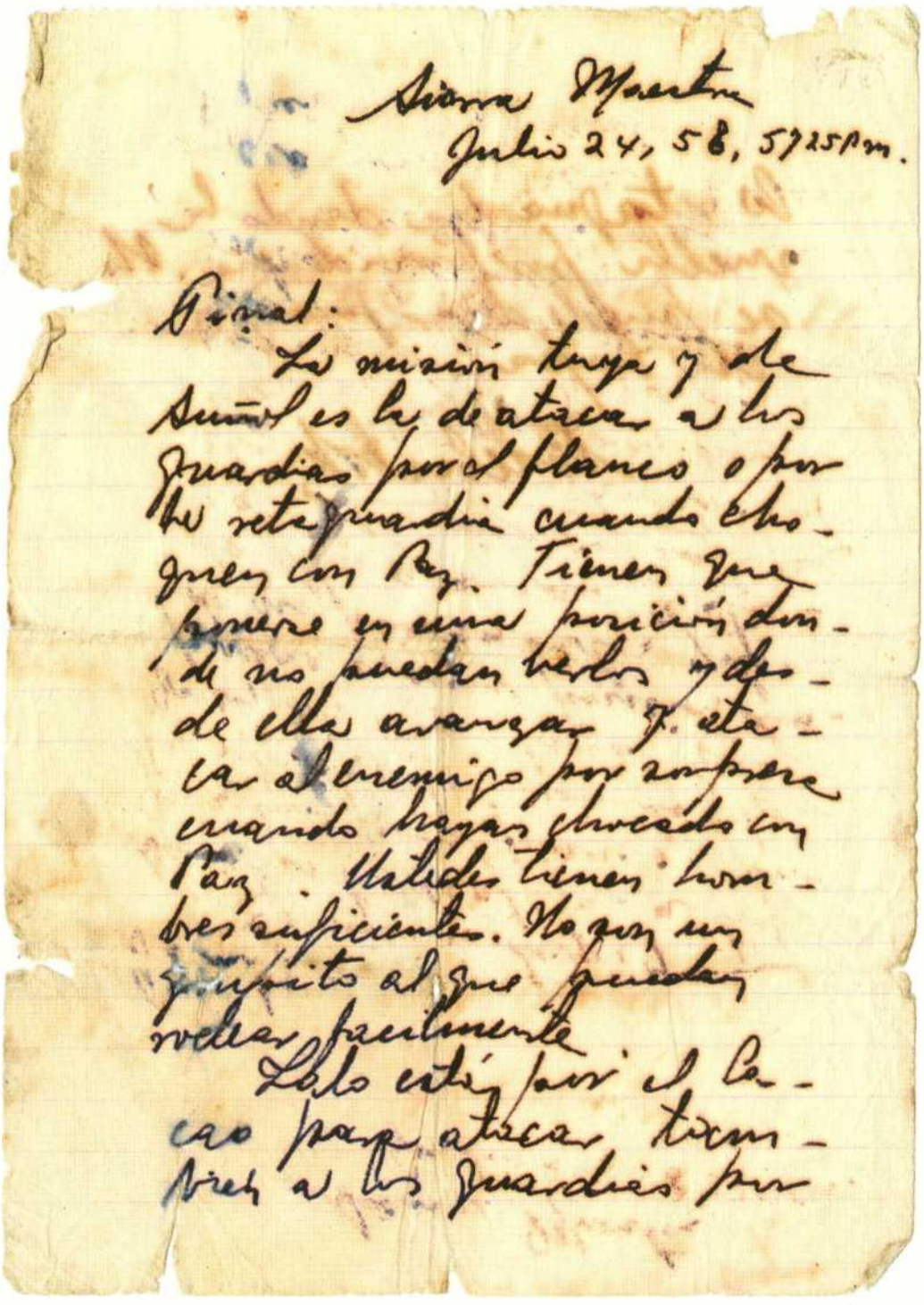
Третья страница.



Четвертая страница.



Послание Фиделя команданте Даниэлю с просьбой явиться со своим взводом. *1958 г., 23 июля.*

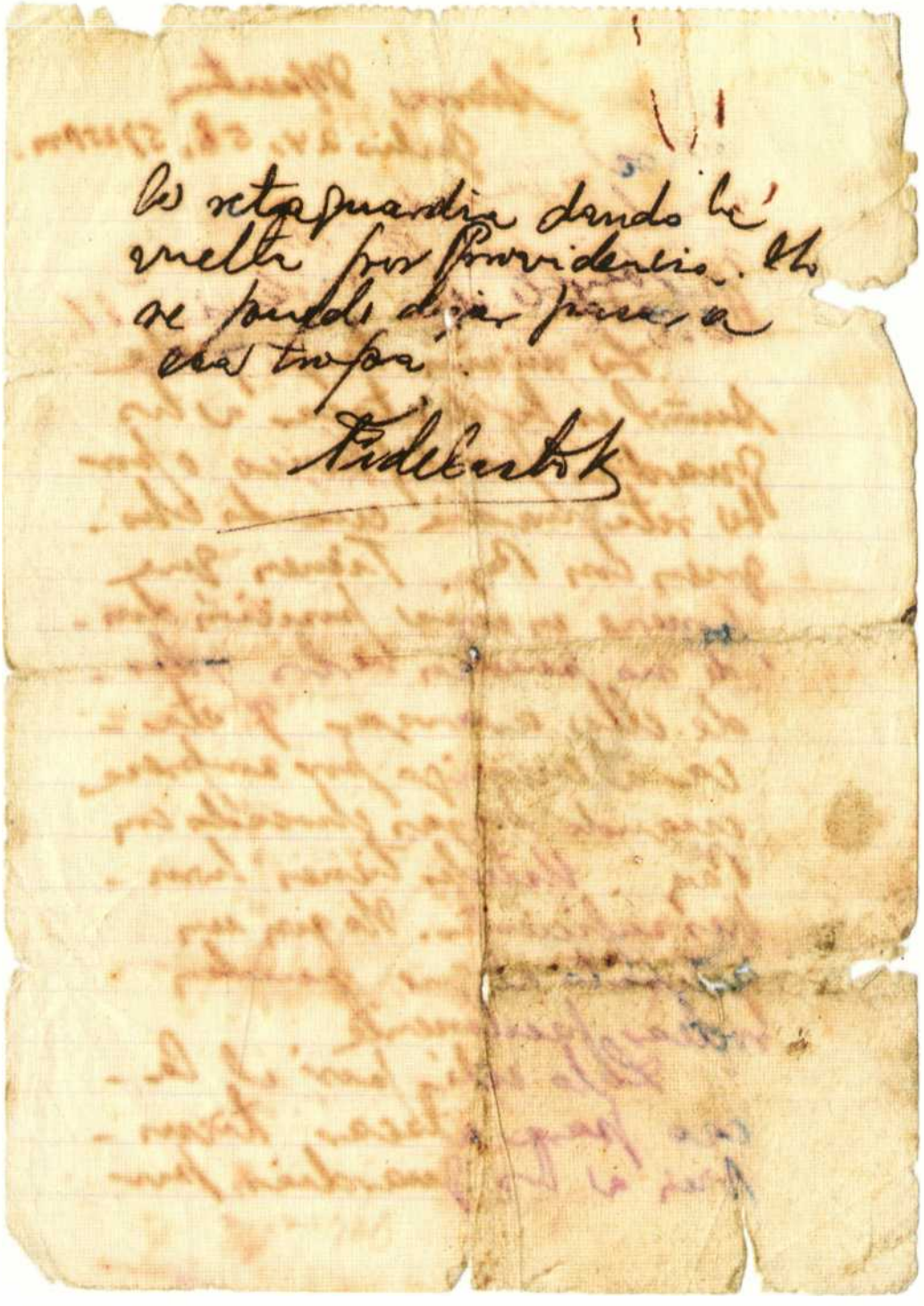

Sierra Maestra
Julio 24, 58, 5:25 Pm.

Pinal:

La misión tuya y de Sumol es la de atacar a los guardias por el flanco o por la retaguardia cuando choquen con Paz. Tienen que hacerse en una posición donde no puedan verlos y desde ella avanzar y atacar al enemigo por sorpresa cuando hayan chocado con Paz. Ustedes tienen suficientes. No pierdan un minuto al que puedan volar fácilmente.

Solo están para el caso para atacar también a los guardias por

Послание команданте Фиделя Антонио Санчесу Диасу, известному как Пинал или Пинарес, с точными приказами.
1958 г., 24 июля (первая страница).



Вторая страница.

ANEXO 64

Secc G-3 No 5-MS-958

Pto Mando Zona Opns
Bayamo, 26 Jul 958

PLAN DE OPERACIONES

ENEMIGO:

Calidad: El enemigo posee tropas muy bien entrenadas para el tipo de operaciones (Guerrilla) que desarrolla, puesto que casi toda es natural de la región, y los Jefes llevan mucho tiempo en zona y son muy conocedores del terreno. Además, en espera de la Ofensiva FC concentró a su alrededor los mejores jefes a quienes hizo venir de muy lejos con tropas escogidas.

Cantidad: Varía mucho el cálculo, pero pueden considerarse entre 1000 y 2000 combatientes de primera clase, bastante bien armados. Además casi todo habitante de la zona alta dominada por los rebeldes es confidente, correo o informante (hombre, mujer o niño).

Armamento: Para esta Operación el enemigo solicitó de cada Jefe de zona, le mandara el mejor personal, con el mejor armamento, haciendo una concentración de su mejor personal y equipo. A esto se agrega el armamento tomado a los prisioneros de SANTO DOMINGO y el de las dos Cos que incalificablemente fueron entregadas, y entregados intactos y con todo su parque al enemigo por el Comandante QUEVEDO; además del que se le tomó a la Co G-4 del propio Bn cuando intentó subir al JIGUE; y parque y armamento regado que deja la tropa cuando ha huído en escaramuzas o combates.

Organización: La típica de la Guerrilla: Pequeños grupos que se esconden y se infiltran dentro de nuestras tropas en marcha y a veces en alto. Ultimamente se esconden en árboles y malezas, y a la vez se lanzan sobre la Unidad sorprendiéndola y desarmándola. Se reunen en cantidad para un golpe determinado.

Salud: Estado sanitario malo; muy desnutridos pero con mucha resistencia física. Pueden soportar días enteros en un lugar sin moverse, comer, ni tomar agua.

Moral: Los últimos éxitos en copar y rendir Unidades les ha levantado mucho la moral; han adquirido gran cantidad de armamentos, parque y comida y los ha hecho más atrevidos; han adquirido también Mini-packs y PRC-10 nuestros.

EJERCITO:

Calidad: La calidad del Soldado actual, en casi todos los grados, es en más de un 75% de 4ta. clase para este tipo de operaciones, que supone gran resistencia física al esfuerzo y las privaciones; mucha iniciativa en todos los grados, y la voluntad constante de buscar el enemigo y vencer.

Cantidad: La Ofensiva General planeada incluía 2 Bns más, que servirían para descanso en rotación, para tapar una brecha en caso necesario, o para

Первая страница Оперативного плана противника, в котором признаются хорошая тренированность, физическая выносливость и моральный дух партизан, а также низкие боевые качества солдат батистской армии.
1958 г., 26 июля (первая страница).

se extiende, fue perdiendo impulso a medida que llegaba al final, hasta el actual impases.

El terreno favorece al enemigo, y sus éxitos lo hacen audaz.

Es aconsejable retirar Unidades a terreno más favorable, donde se pueda maniobrar, disminuyendo a la vez las distancias de apoyo y abastecimientos, y donde pudieramos, si el enemigo nos sigue y cae en nuestro juego. decidir la Campaña.

DECISION

Bn No 11 Inf se mueve hoy SABADO hasta cerca de PROVIDENCIA, donde fortificará el terreno y ocupará posiciones con el Bn 22 Inf.

Bn No 17 Inf se mueve de LOMA DEL FRIO a SAN LORENZO a LAS MERCEDES y ocupa posiciones este último lugar.

Co 93 baja del GABIRO a LAS VEGAS DE JIBACOA y se incorpora a su Bn.

Co 91 baja de LAS MERCEDES a LAS VEGAS DE JIBACOA y se incorpora a su Bn.

Co 51 al llegar el Bn No 17 Inf a LAS MERCEDES se incorpora a su Bn en ARROYON.

Bn No 12 Inf regresa al área de CIENEGUILLA.

Todas las Unidades que estaban en LA PLATA se reembarcan a SANTIAGO, al Puesto de Mando, para ser utilizadas en el área de ESTRADA PALMA y CANABACOA.

PLAN:

Atraer al enemigo hacia un área que nos favorece y que estará formada por puntos fuertes enlazados entre sí y con capacidad de maniobra y facilidad de abastecimientos. Además una masa de maniobras en el flanco OESTE nuestro y una reserva y Punto de Abastecimiento principal en ESTRADA PALMA.

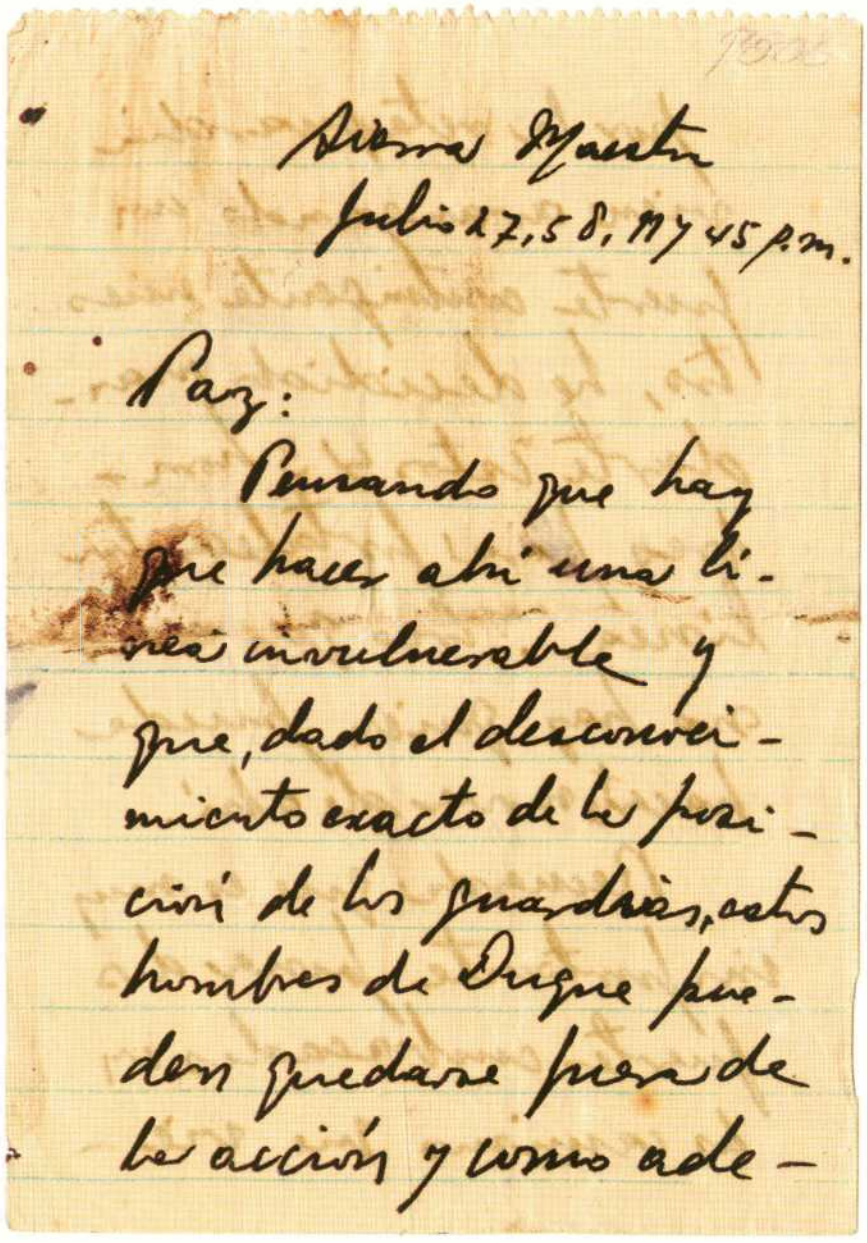
Reorganizar nuestras fuerzas, acorta nuestras líneas, alargar las del enemig y ponerlo en situación desventajosa.

De usted respetuosamente,

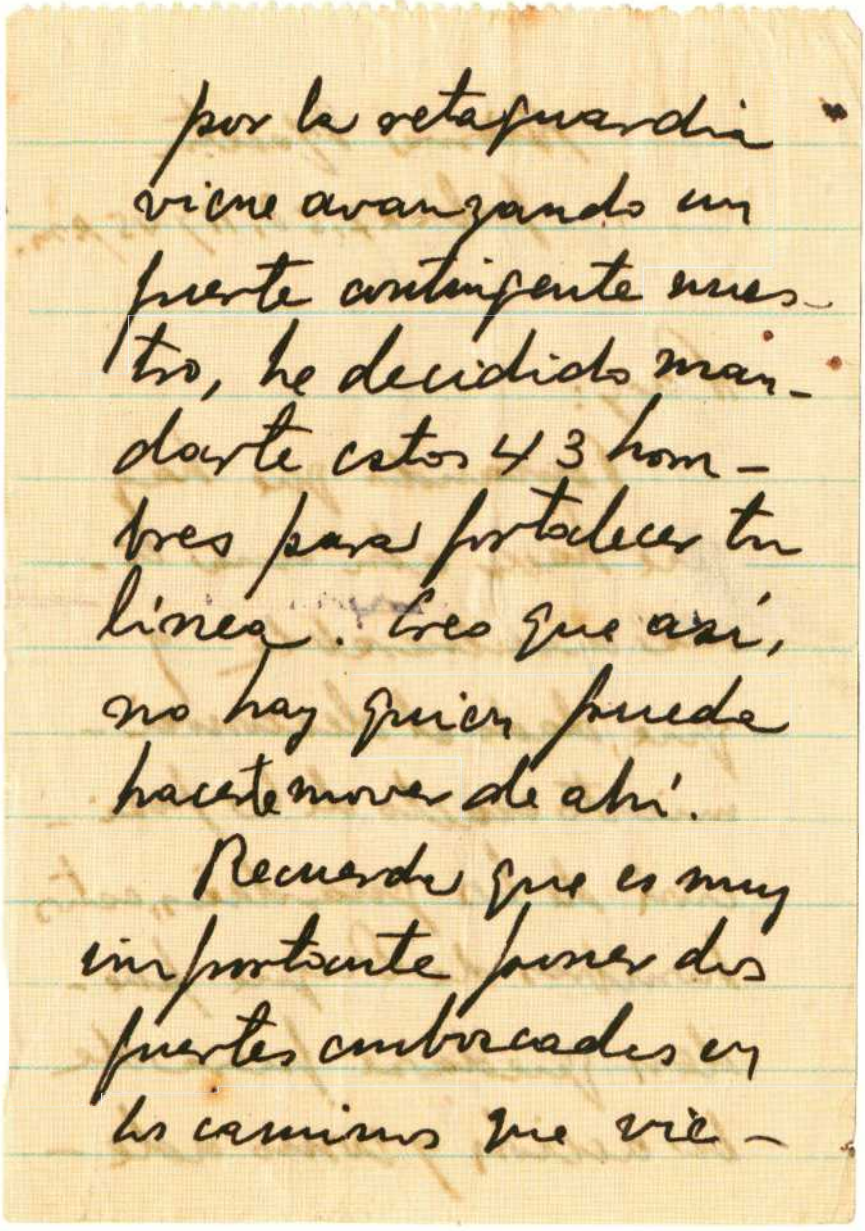
"POR LA LIBERTAD DE CUBA".

(Fdo.)
E. A. Cantillo,MMN y P
May Gen Jefe ZOpnes.

Последняя страница Оперативного плана тирании с позициями армии. *1958 г., 26 июля* (вторая страница).

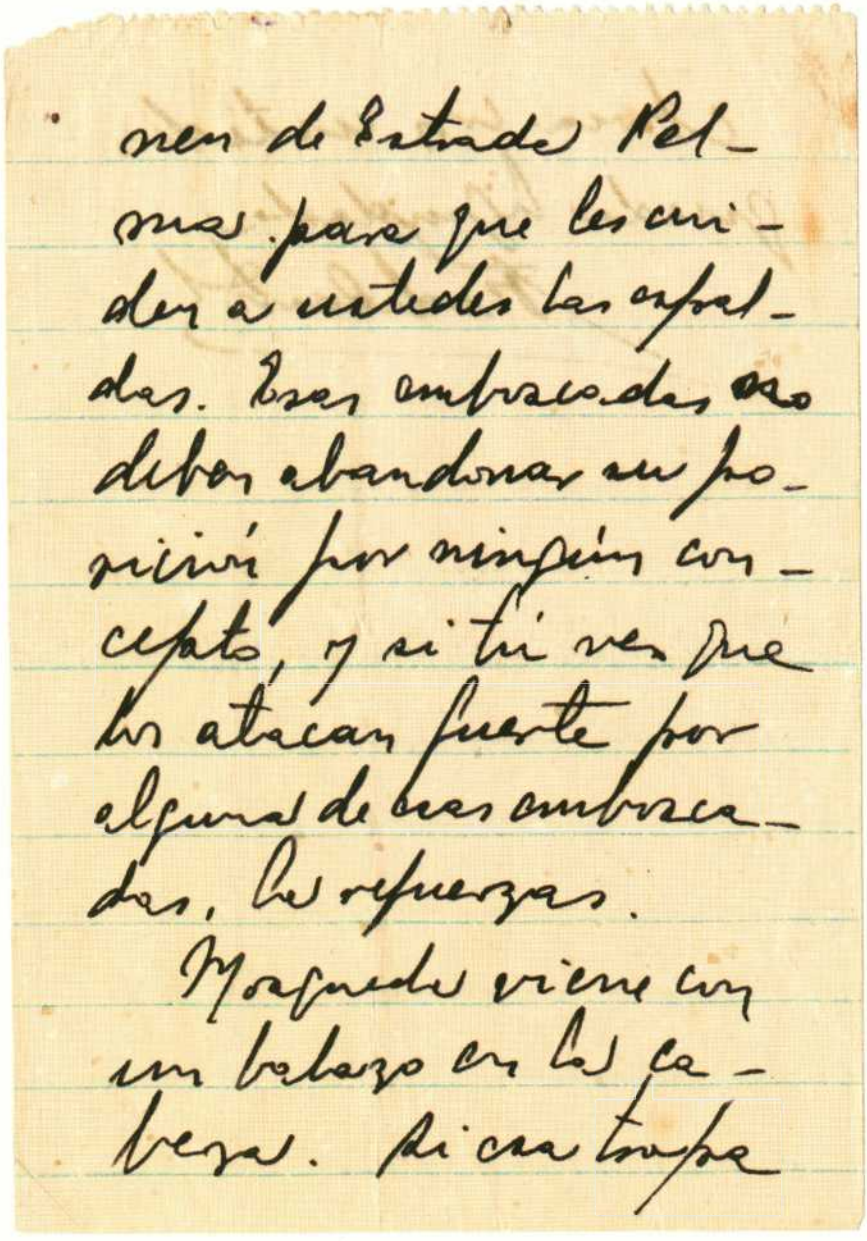


Послание Главнокомандующего капитану Рамону Пасу с инструкциями о занятии позиций.
1958 г., 27 июля (первая страница).

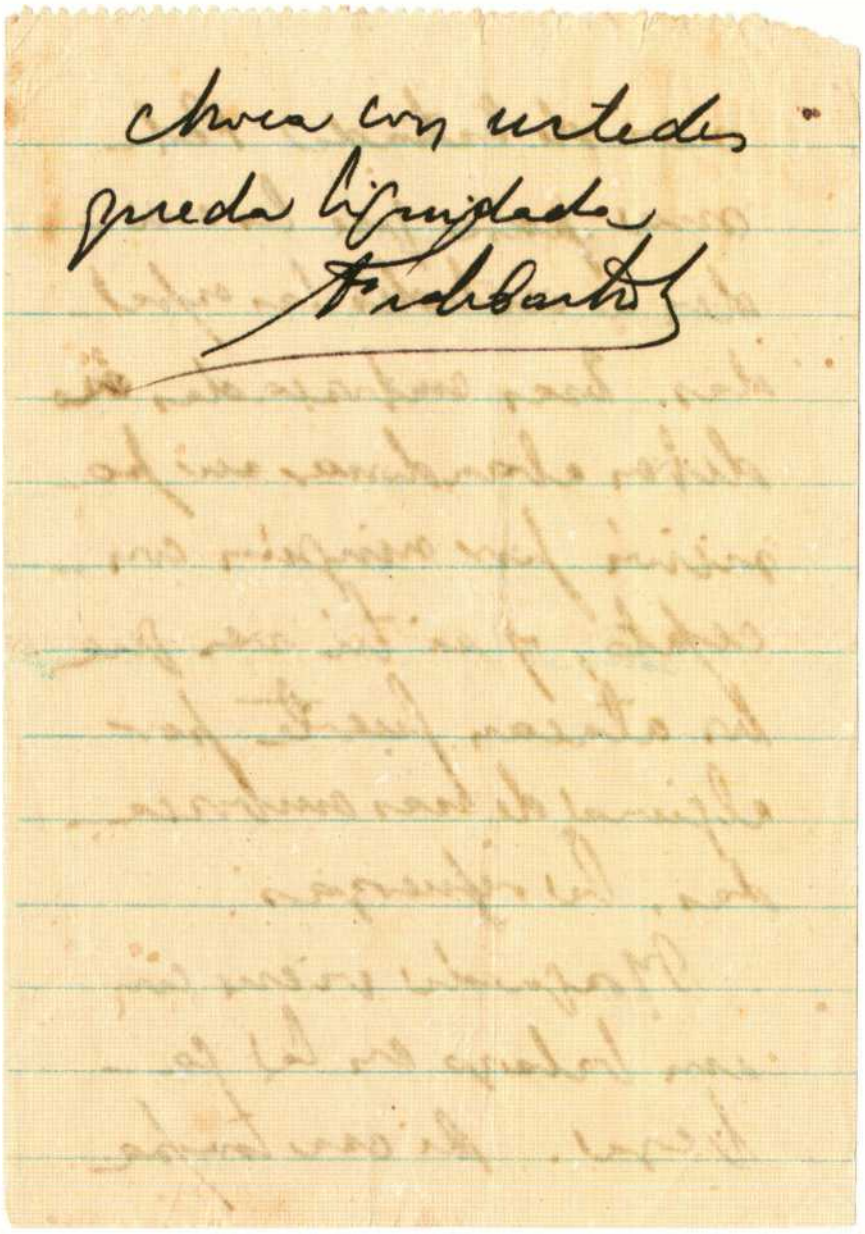


por la retaguardia
viene avanzando un
fuerte contingente nues-
tro, he decidido man-
darte estos 43 hom-
bres para fortalecer tu
línea. Creo que así,
no hay quien pueda
hacerte mover de ahí.
Recuerda que es muy
importante juntar dos
fuerte embrecados en
los caminos que vie-

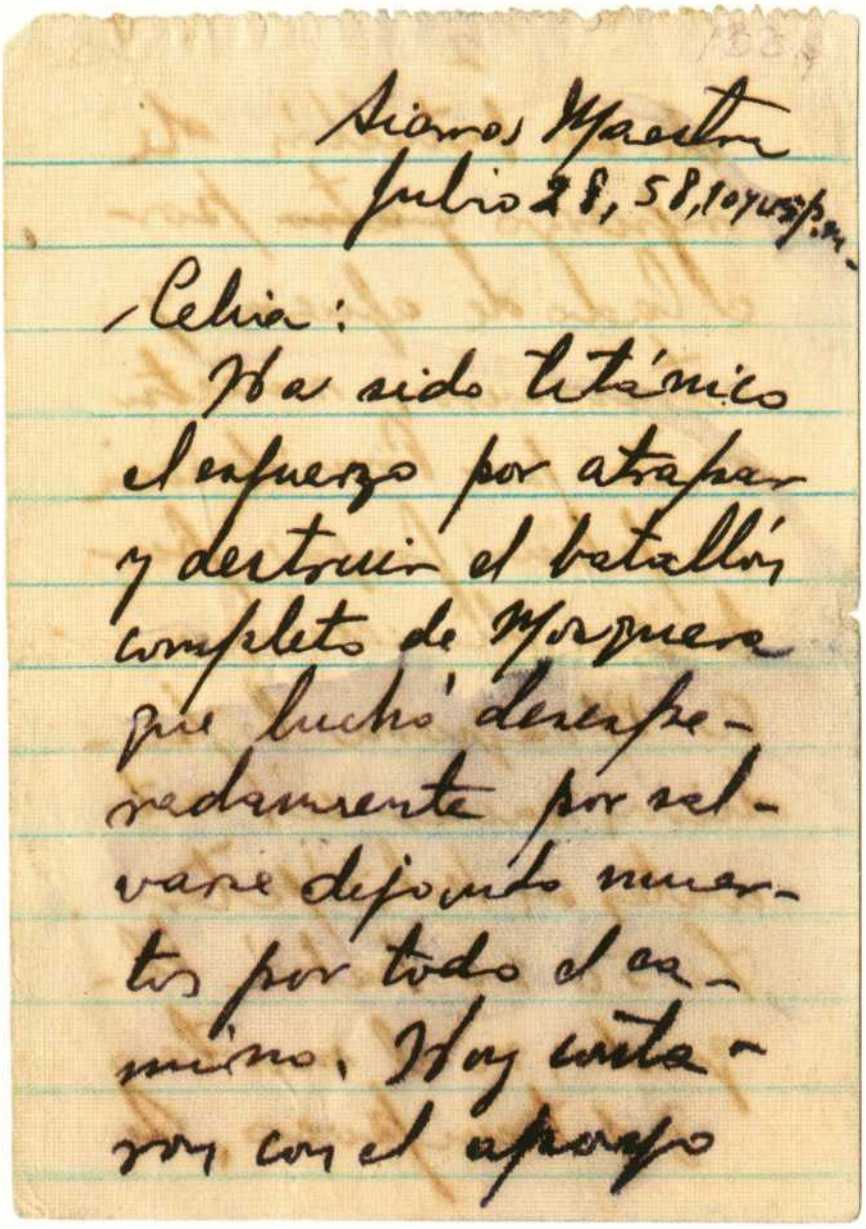
Вторая страница.


ren de Estado Pel-
mas. para que les cui-
den a ustedes las espal-
das. Esas embarcaciones no
deben abandonar su po-
sición por ningún con-
cepto, y si ti ves que
les atacan fuerte por
alguna de esas embarca-
ciones, les refuerzas.
Magnedo viene con
un balazo en la ca-
beza. Si esa tropa

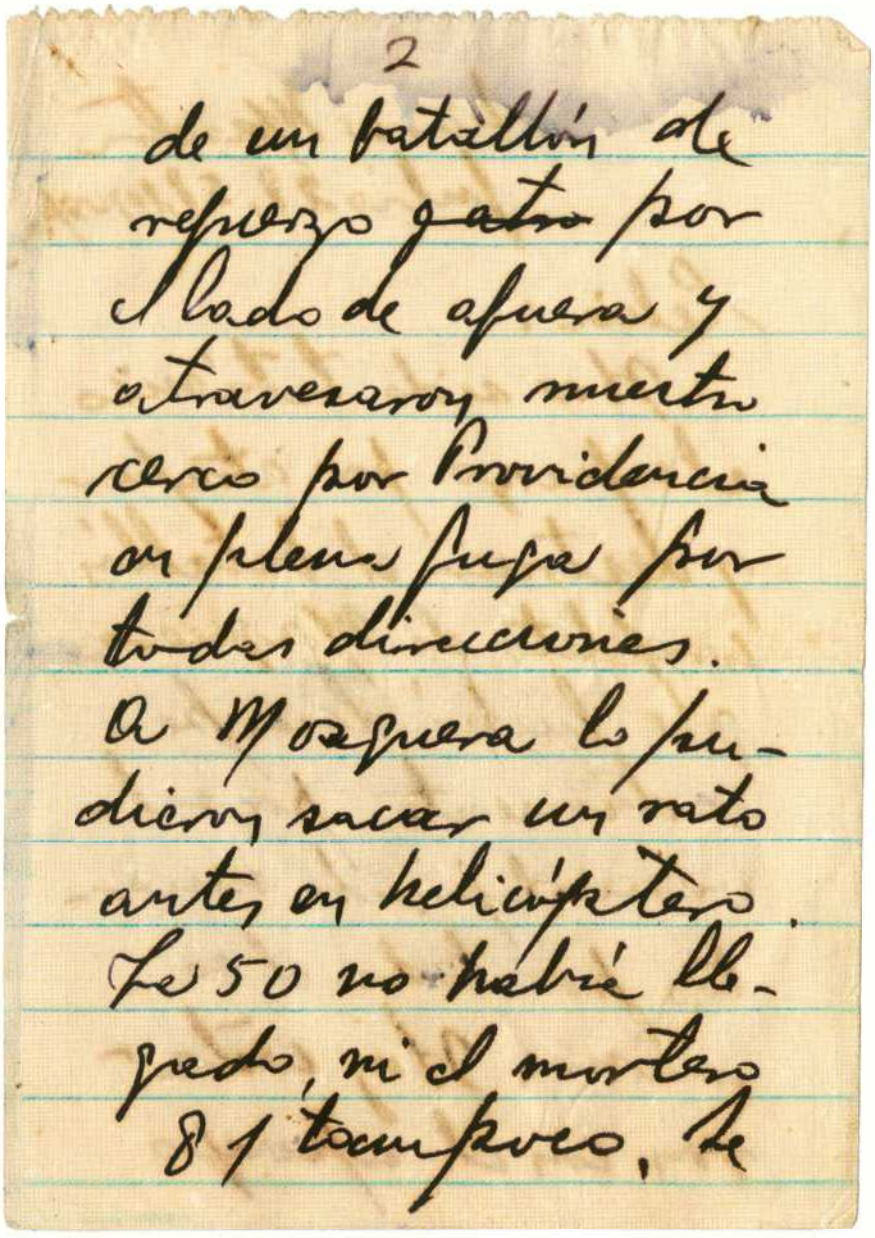
Третья страница.



Четвертая страница.

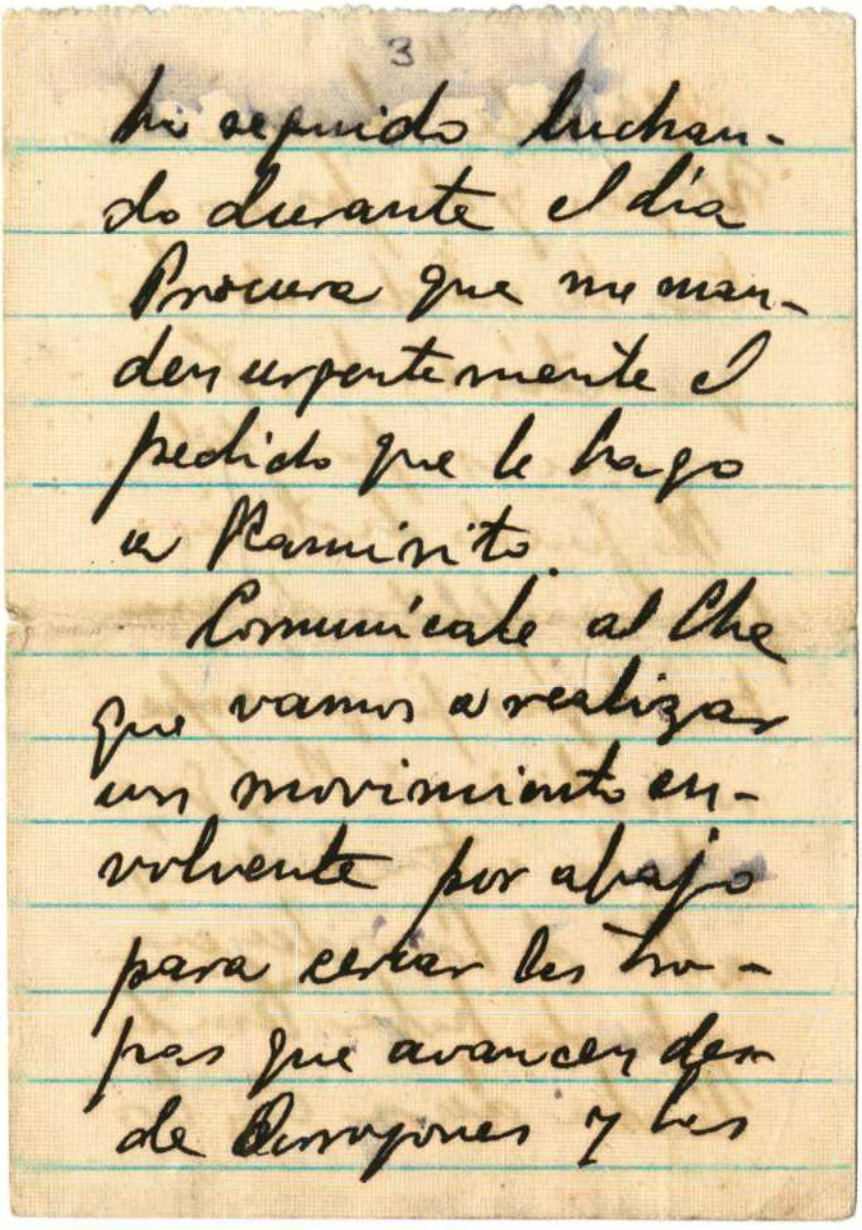


Послание Фиделя Селии с объяснением случившегося ночью 28 июля 1958 года (первая страница).

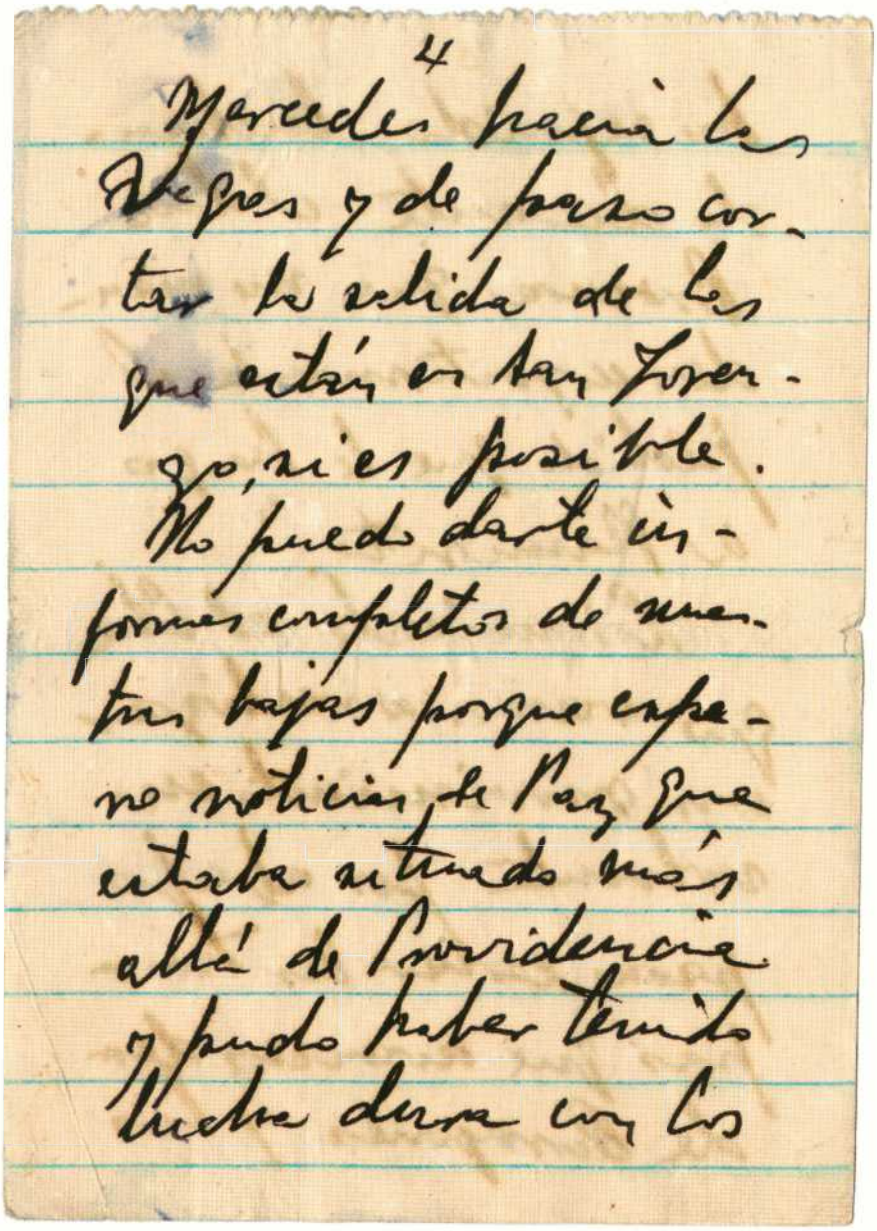

2

de un batallón de
refuerzo ~~para~~ por
el lado de afuera y
atravesaron nuestro
cerco por Providencia
en plena fuga por
todas direcciones.
A Moscova le pu-
dieron sacar un rato
antes en helicóptero.
Fe 50 no habría lle-
gado, ni el mortero
81 tampoco. Le

Вторая страница.

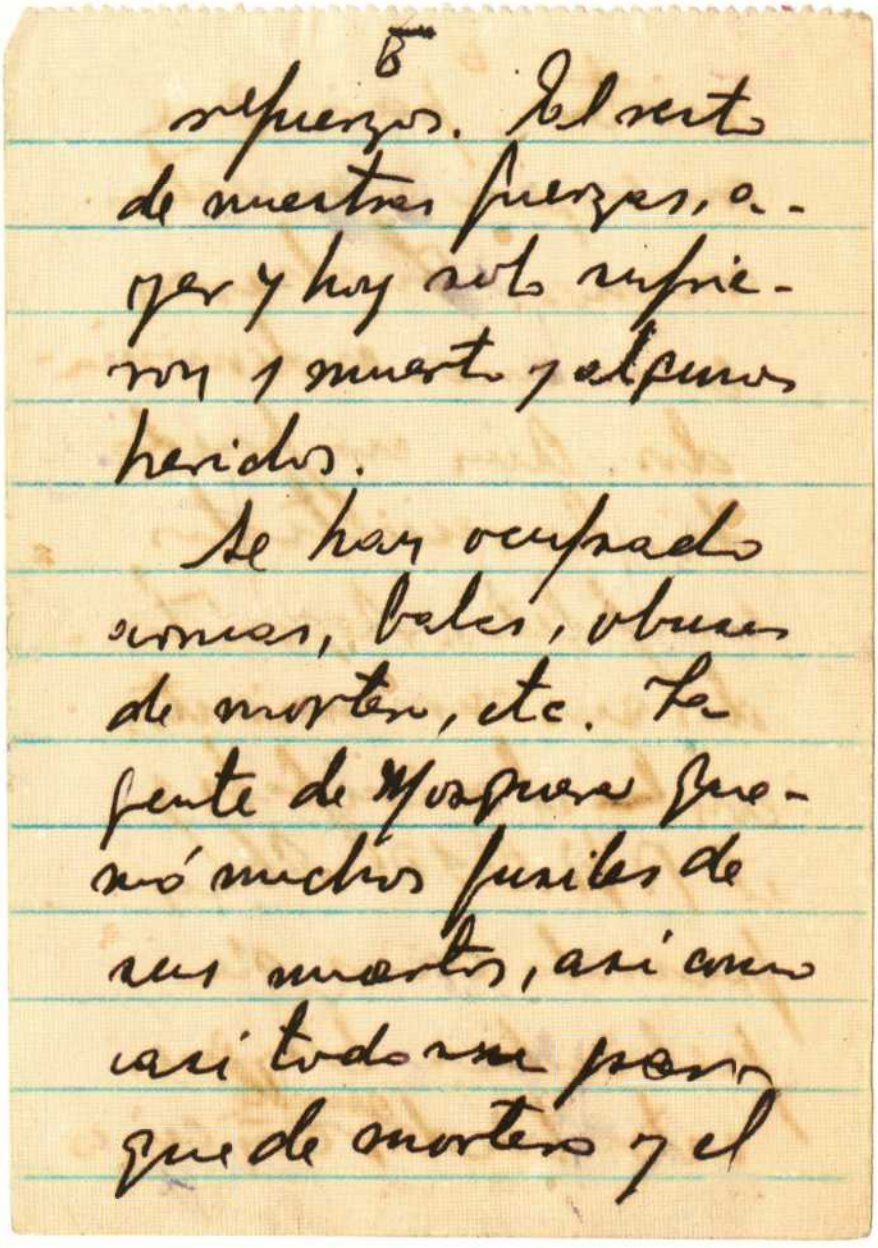

3
ha seguido luchan-
do durante el día
Procura que no man-
den urgentemente el
pedido que le hago
a Ramirito.
Comunícale al Che
que vamos a realizar
un movimiento en-
volvente por abajo
para cerrar las tro-
pas que avancen des-
de Remedios y las

Третья страница.


4

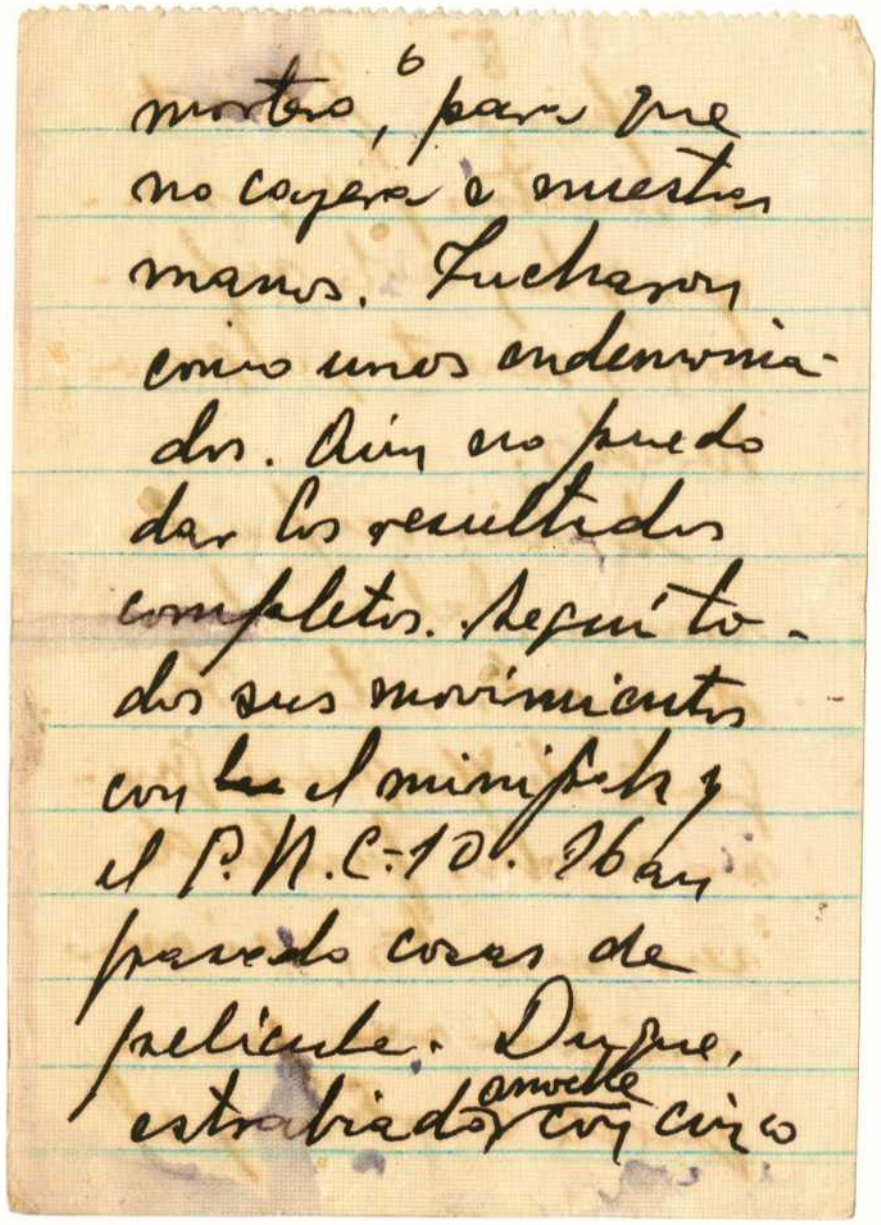
Mercedes para las
Vegas y de paso cor-
tar la salida de los
que están en San Jeró-
go, si es posible.
No puedo darle in-
formes completos de nues-
tras bajas porque espe-
ro noticias de Paz que
estaba situado más
allá de Providencia
y pudo haber tenido
fuerte lucha con los

Четвертая страница.

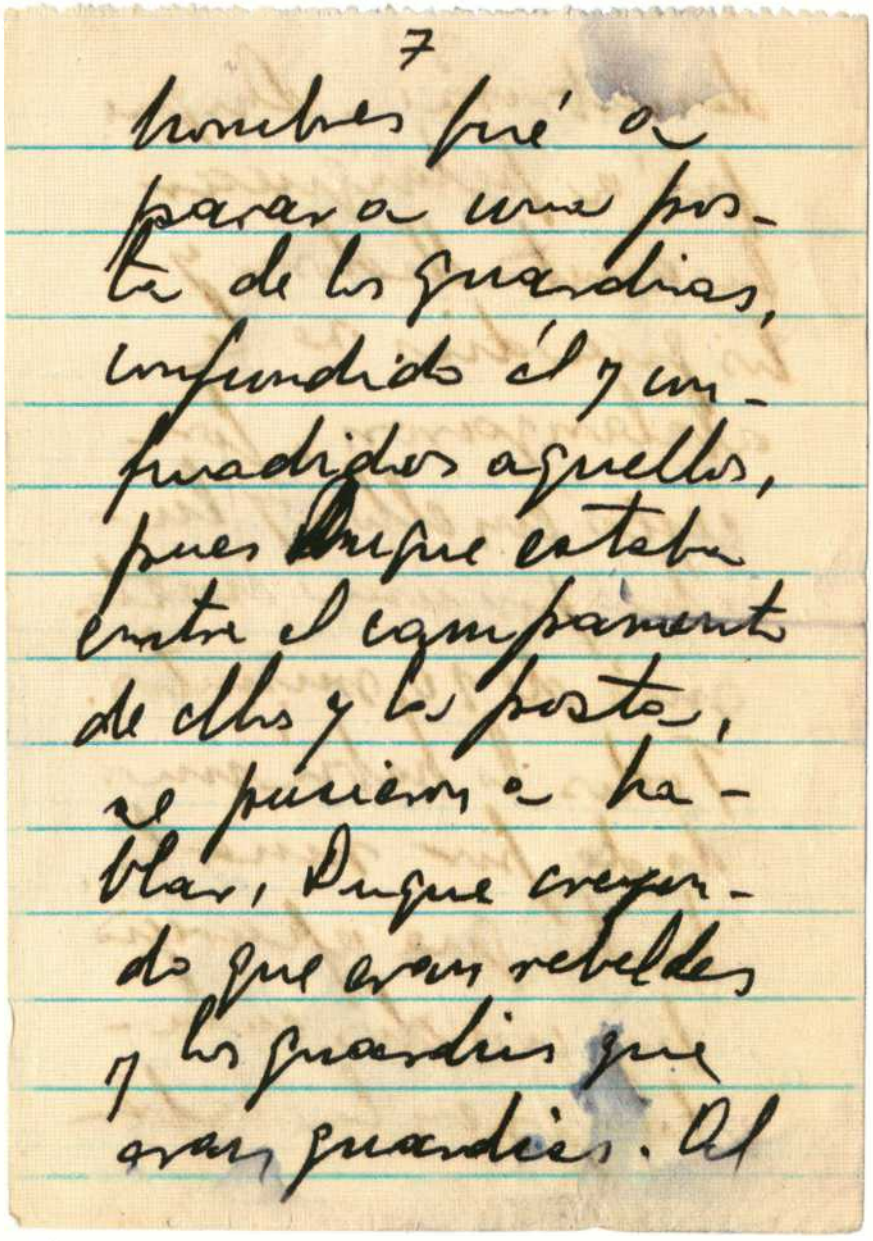

5
refuerzos. Del resto de nuestras fuerzas, ayer y hoy solo resultaron 1 muerto y algunos heridos.

Se han ocupado armas, balas, obuses de mortero, etc. La gente de Mosquera gastó muchos fusiles de sus muertos, así como capitularon porque de morteros y el

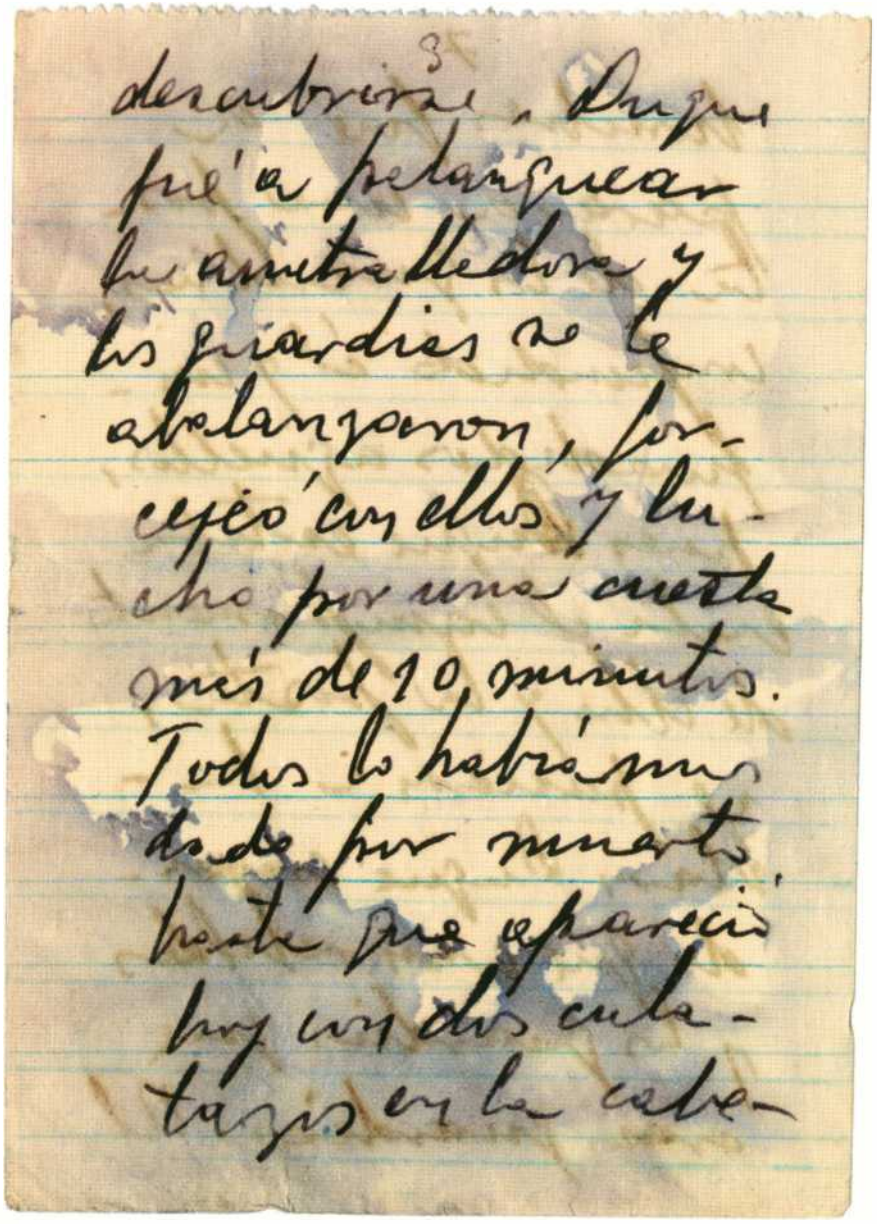
Пятая страница.


6
muerto, para que
no cogera a nuestras
manos. Luchamos
como unos endemonia-
dos. Aun no puedo
dar los resultados
completos. Repasé to-
dos sus movimientos
con la ametralladora y
el P.N.C. 10. Pa-
pando cosas de
película. Dupue,
estrabiado anoche con civiles

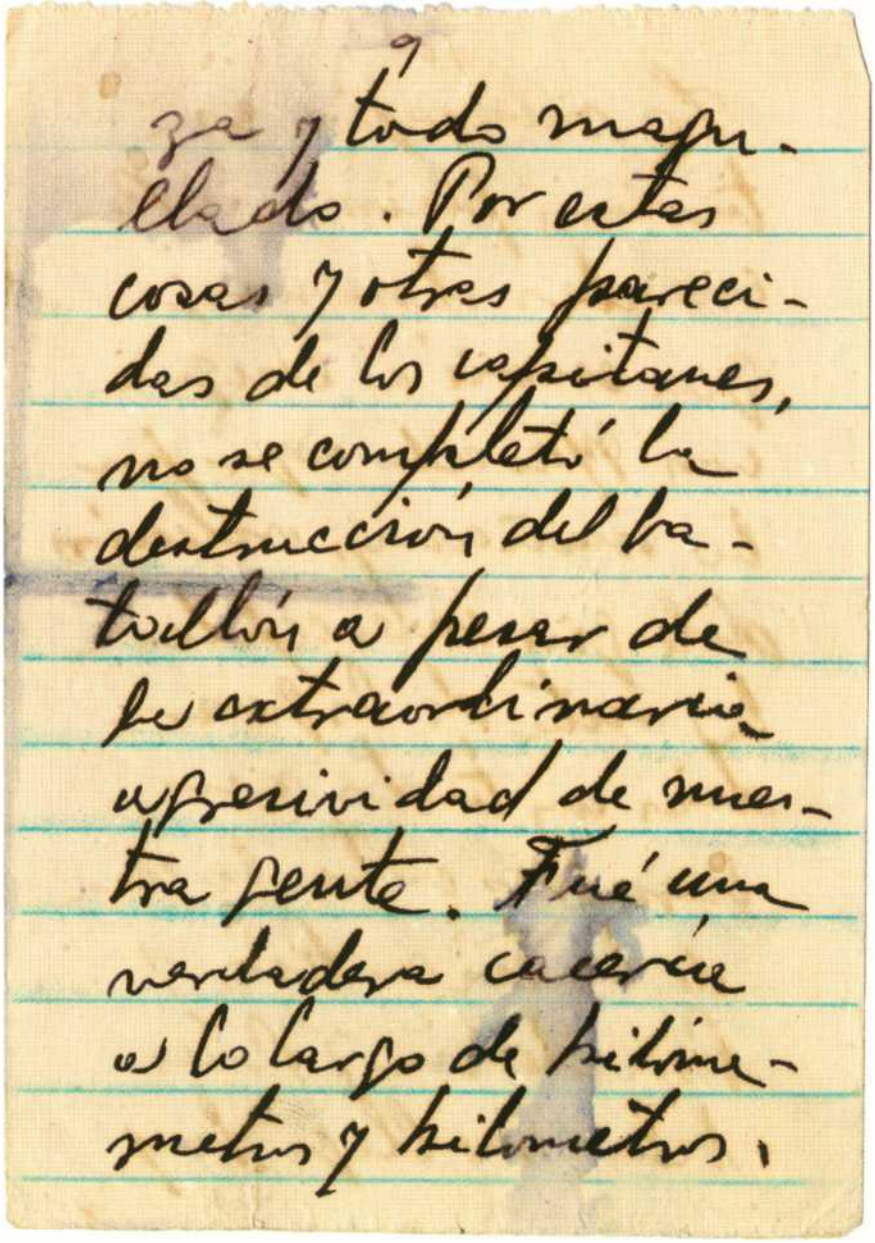
Шестая страница.


7
hombres fué a
parar a una pos-
ta de los guardias,
confundido él y con-
fundidos aquellos,
pues porque estaba
entre el campamento
de ellos y los postas,
se pusieron a ha-
blar, porque creyen-
do que eran rebeldes
y los guardias que
eran guardias. Al

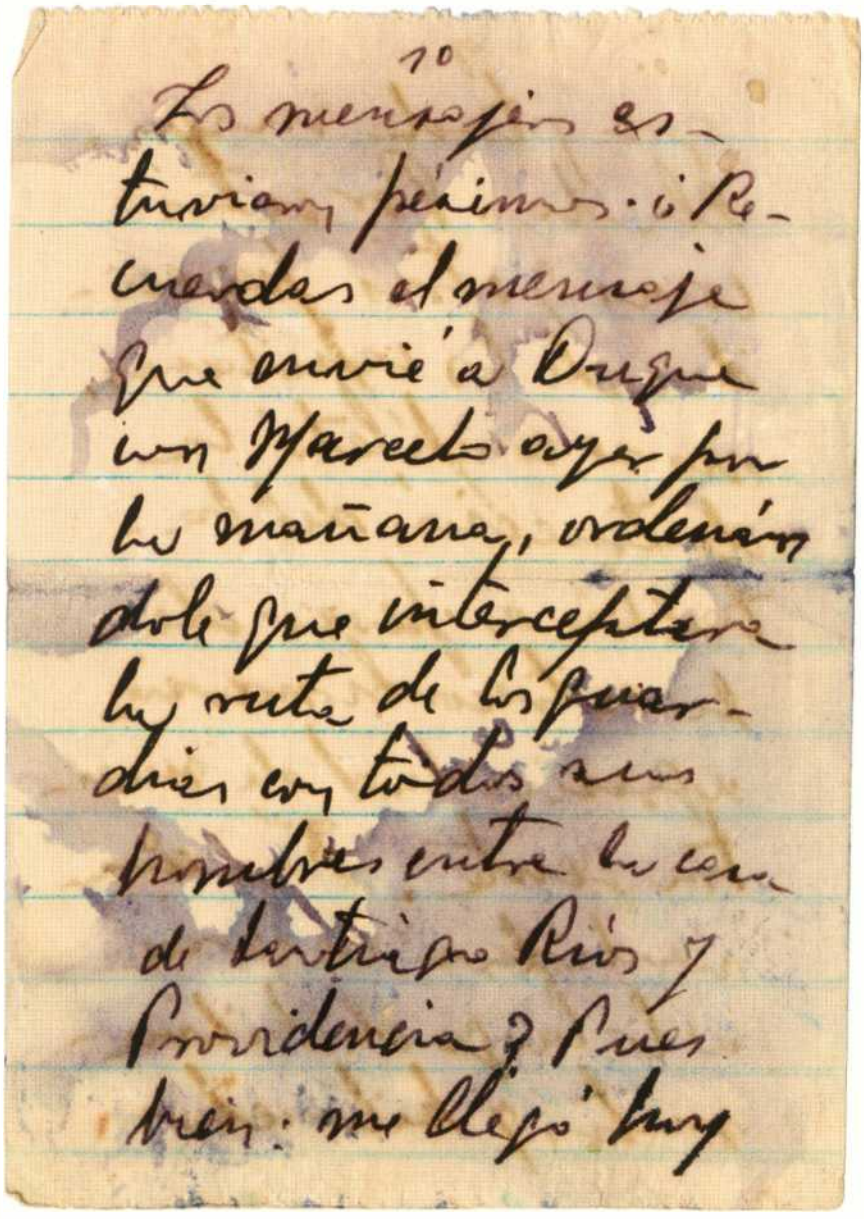
Седьмая страница.


descubrirán. Luego
fue la retaguardia
la ametralladora y
los guardias se le
abalanzaron, for-
cejeó con ellos y lu-
chó por unos cuatro
más de 10 minutos.
Todos lo habíamos
dado por muerto
hasta que apareció
hay con dos cuba-
tazos en la cabe-

Восьмая страница.

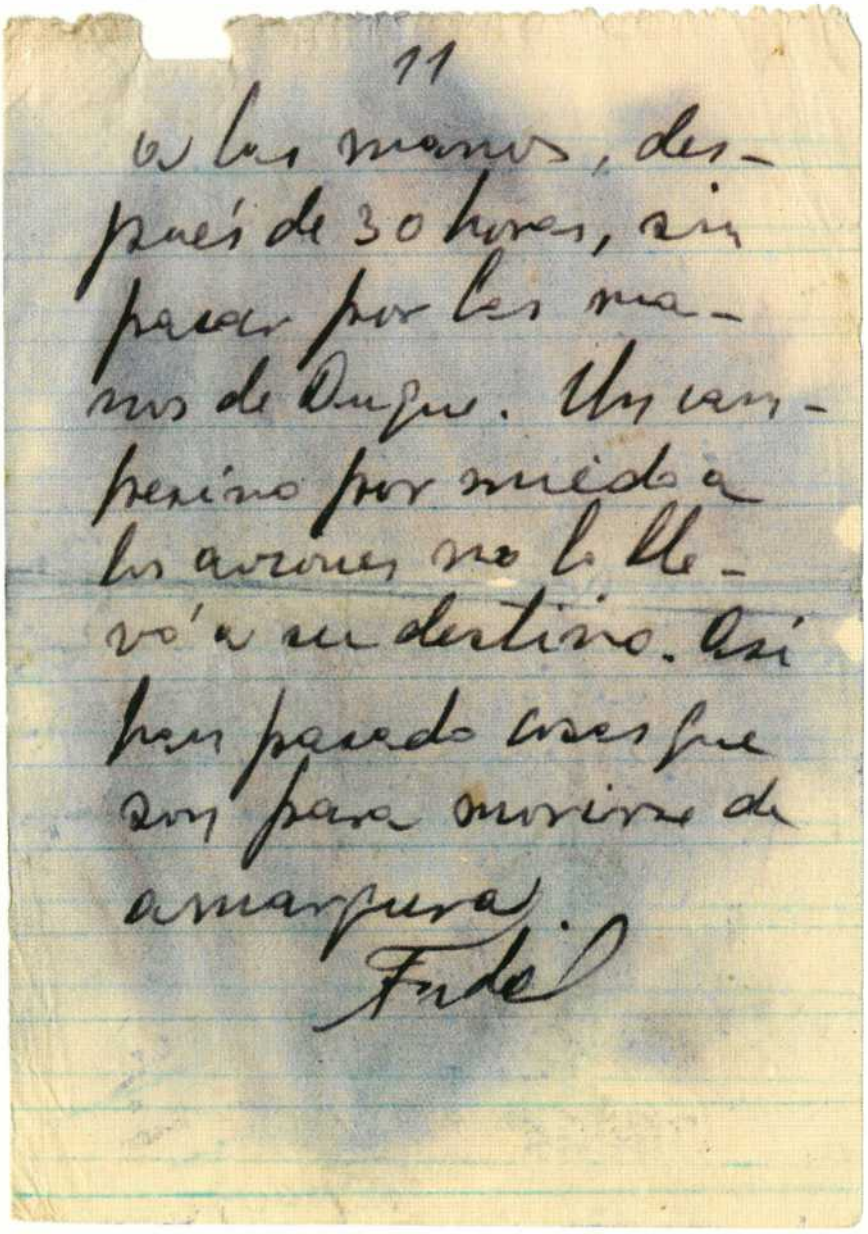

9
za y todo mag-
llado. Por estas
cosas y otras pareci-
das de los capitanes,
no se completó la
destrucción del ba-
tallón a pesar de
la extraordinaria
agresividad de nues-
tra gente. Fué una
verdadera cacería
a lo largo de kilóme-
metros y kilometros.

Девятая страница.


10

Los mensajes es-
tuvieron pésimos. ¿Re-
cuerdas el mensaje
que envié a Duque
con Marcelo ayer por
la mañana, ordenán-
dole que interceptara
la ruta de los guar-
dias con todas sus
fuerzas entre la casa
de Santiago Ríos y
Providencia? Pues
bien: no llegó hasta

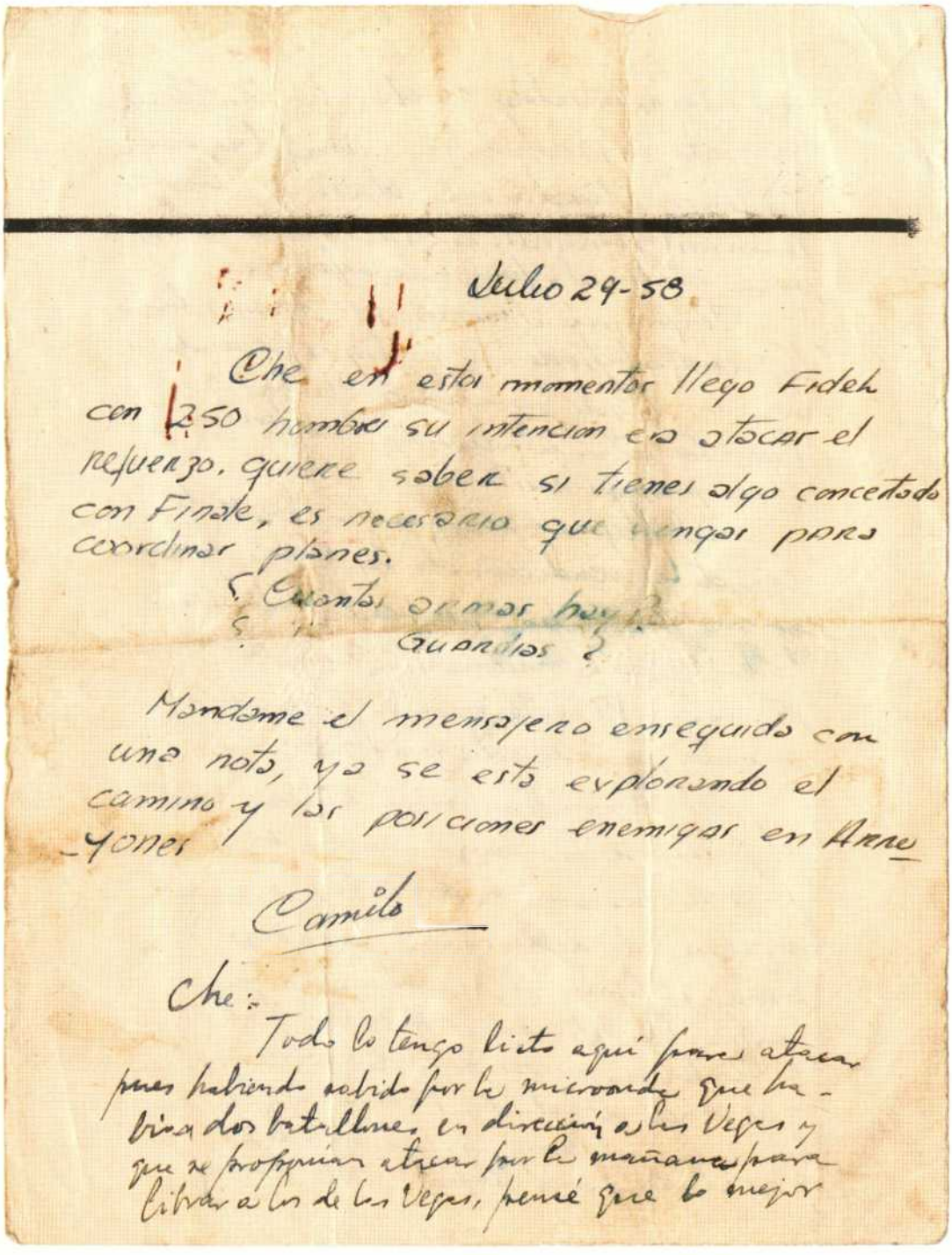
Десятая страница.


11

en las manos, des-
pués de 30 horas, sin
pasar por las ma-
nos de Duque. Un cam-
pesino por miedo a
los aviones no le lle-
vó a su destino. Así
han pasado cosas que
son para morirse de
amargura.

Fidel

Одиннадцатая страница.



Julio 29-58

Che en estos momentos llego Fidel con 250 hombres su intencion es atacar el refuerzo. quiere saber si tienes algo concretado con Finale, es necesario que tengas para coordinar planes.

¿Cuantos armas hay?
¿ " Granadas ?

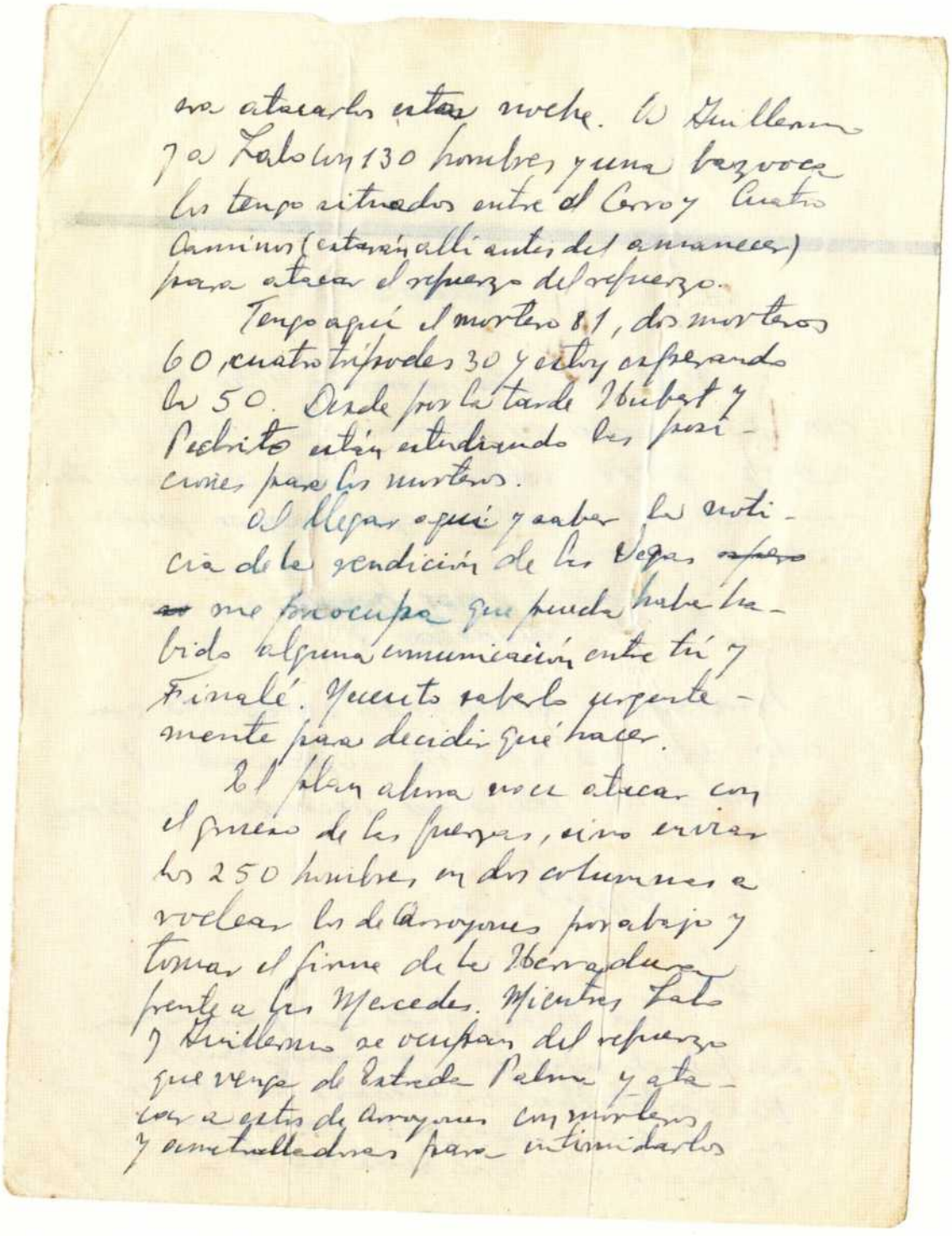
Mandame el mensajero enseguida con una nota, ya se esta explorando el camino y las posiciones enemigas en Arre-
-yones

Camilo

Che:-

Todo lo tengo listo aquí para atacar pues habiendo salido por la mañana que la-
-braba dos batallones en direccion a las Vegas y que se proponian atacar por la mañana para librar a los de las Vegas, pensé que lo mejor

Послание Главнокомандующего Фиделя Кастро Че, написанное в конце страницы письма Камило, с деталями произошедшего 29 июля 1958 года (первая страница).



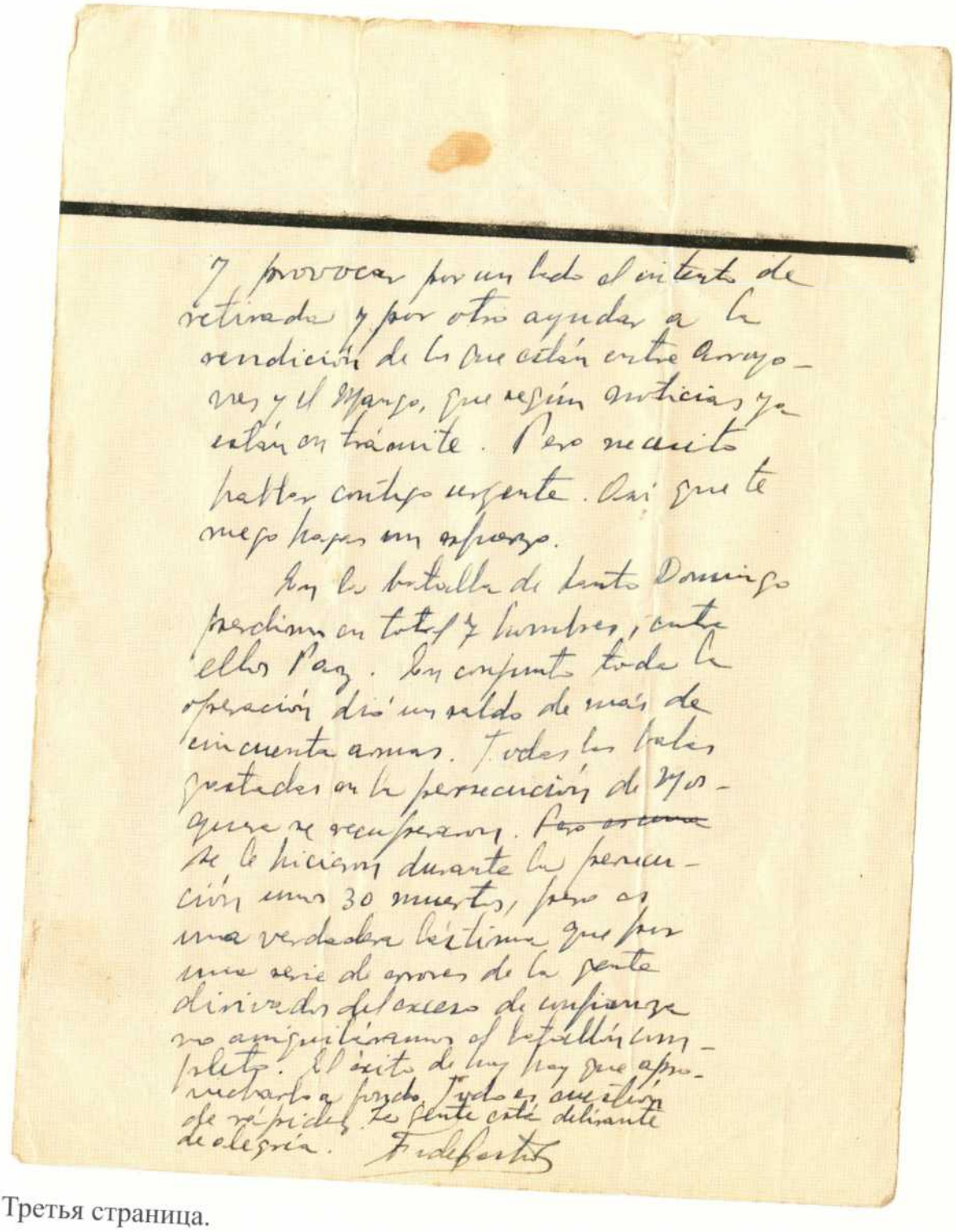
no atacarlos esta noche. El Guillermo y a Pablo con 130 hombres y una bazooca les tengo situados entre el Cerro y Cuatro Caminos (estarán allí antes del amanecer) para atacar el refuerzo del refuerzo.

Tengo aquí el mortero 81, dos morteros 60, cuatro trípodes 30 y estoy esperando los 50. Desde por la tarde Hubert y Pedrito están estudiando las posiciones para los morteros.

Al llegar aquí y saber la noticia de la rendición de las Vegas ~~pero~~ no me preocupa que puede haber habido alguna comunicación entre tú y Finalé. Quiero saberlo urgentemente para decidir qué hacer.

El plan ahora no es atacar con el grueso de las fuerzas, sino enviar los 250 hombres en dos columnas a volear los de Arroyomolinos por abajo y tomar el puente de la Herradura frente a las Mercedes. Mientras Pablo y Guillermo se ocupan del refuerzo que venga de Estrada Palma y atacan a estos de Arroyomolinos con morteros y ametralladoras para intimidarlos

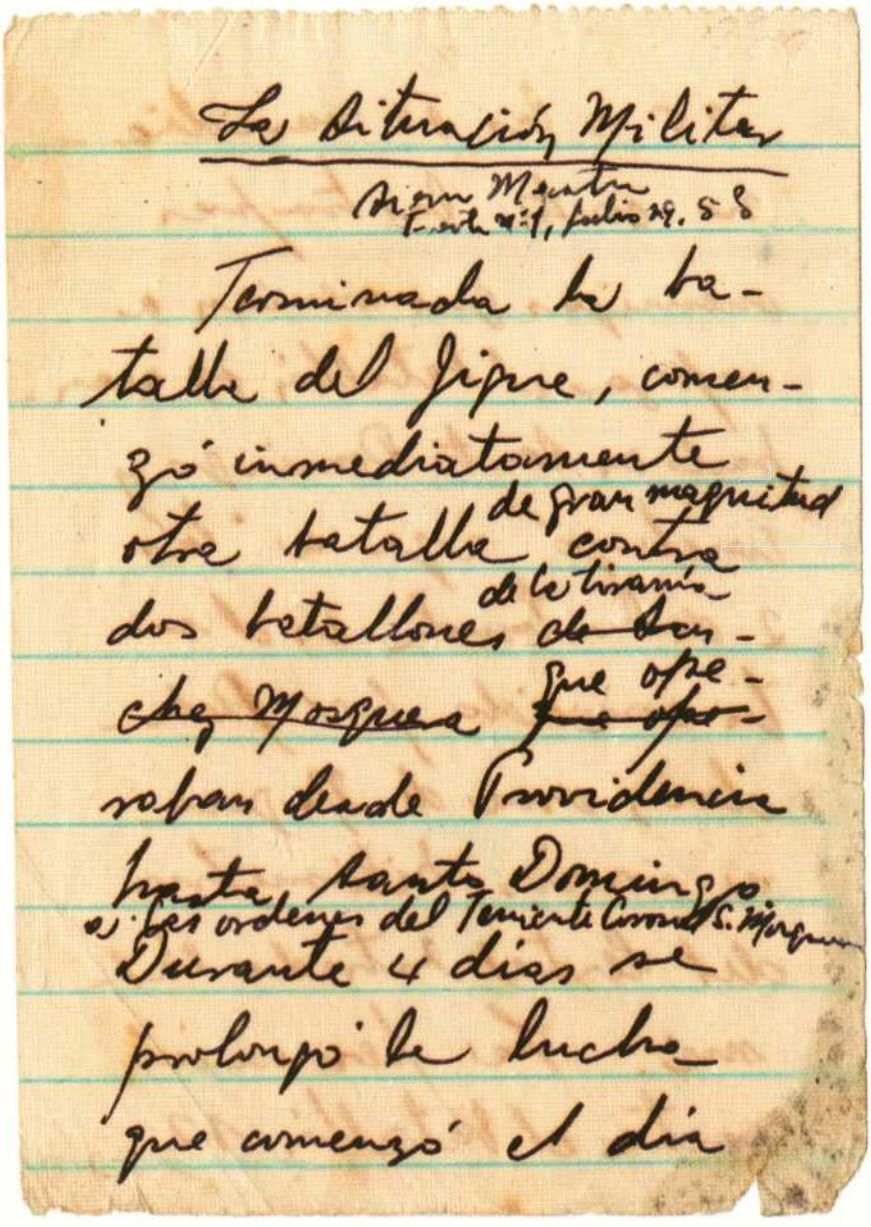
Вторая страница.



y provocar por un lado el intento de retirada y por otro ayudar a la rendición de los que están entre arroyos y el Mango, que según noticias ya están en trámite. Pero mañana hablar contigo urgente. Así que te ruego hagas un esfuerzo.

En la batalla de Santo Domingo perdimos en total 7 hombres, entre ellos Paz. En conjunto toda la operación dio un saldo de más de cincuenta armas. Todas las bajas sentidas en la persecución de Yos- quere se recuperaron. ~~Por error~~ se le hicieron durante la persecución unos 30 muertos, pero es una verdadera lástima que por una serie de errores de la gente dirigida del exterior de confianza no aniquilásemos el batallón com- pleto. El éxito de hoy hay que apro- vecharlo a fondo. Todo es cuestión de rapidez. La gente está delirante de alegría. Fidel Castro

Третья страница.

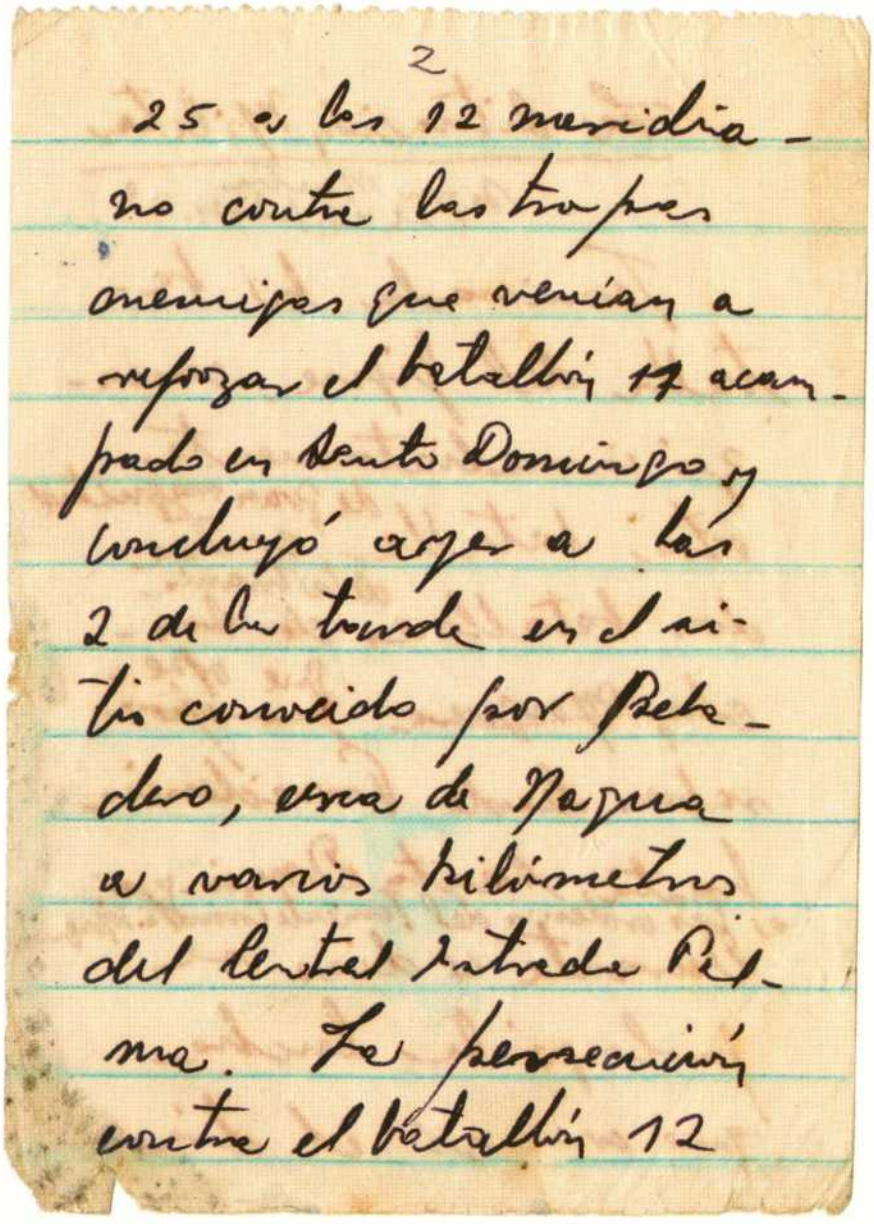


La situación Militar

Sierra Maestra
Emisora "1", julio 29. 58

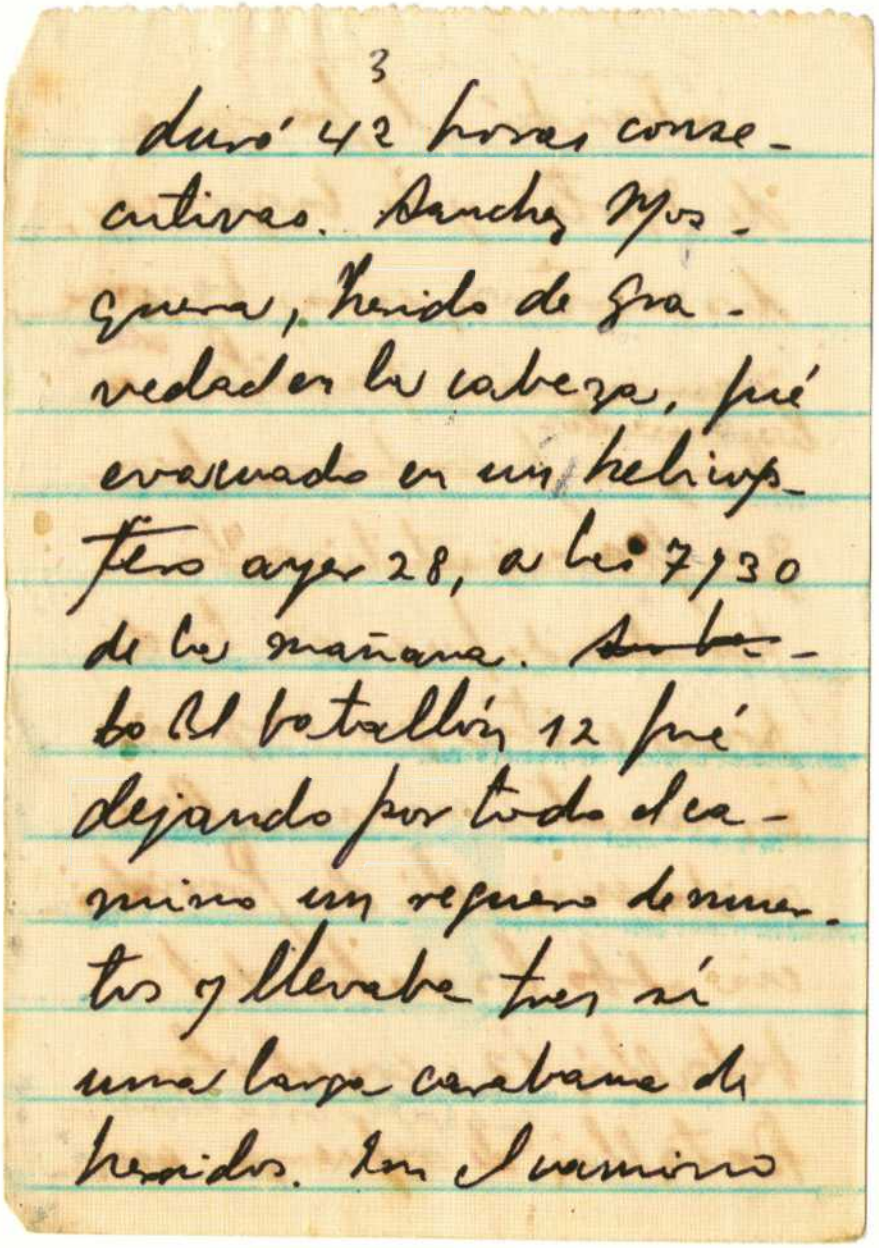
Terminada la ba-
talla del Jigüe, comen-
zó inmediatamente
otra batalla de gran magnitud contra
dos batallones de la tiranía
que ope-
raban desde Providencia
hasta Santo Domingo
bajo las órdenes del Teniente Coronel E. Moya
Durante 4 días se
prolongó la lucha
que comenzó el día

Сводка, переданная «Повстанческим радио» о военной ситуации на 29 июля 1958 года (первая страница).


2

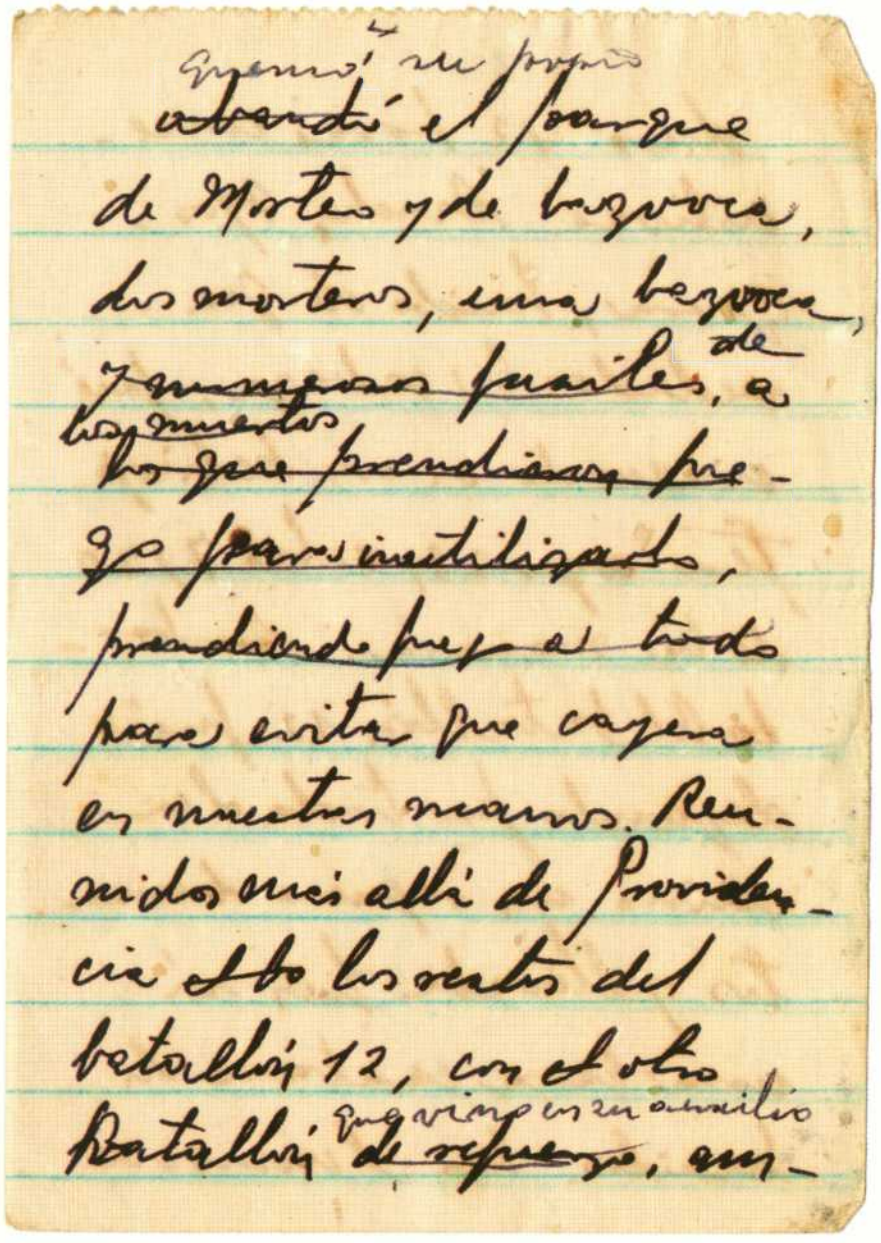
25 a las 12 meridia-
no contra las tropas
enemigas que venían a
reforzar el batallón 17 acam-
pado en Santo Domingo y
concluyó cerca a las
2 de la tarde en el si-
tio conocido por Pela-
dero, cerca de Papaya
a varios kilómetros
del Central Estrada Pal-
ma. La persecución
contra el batallón 12

Вторая страница.

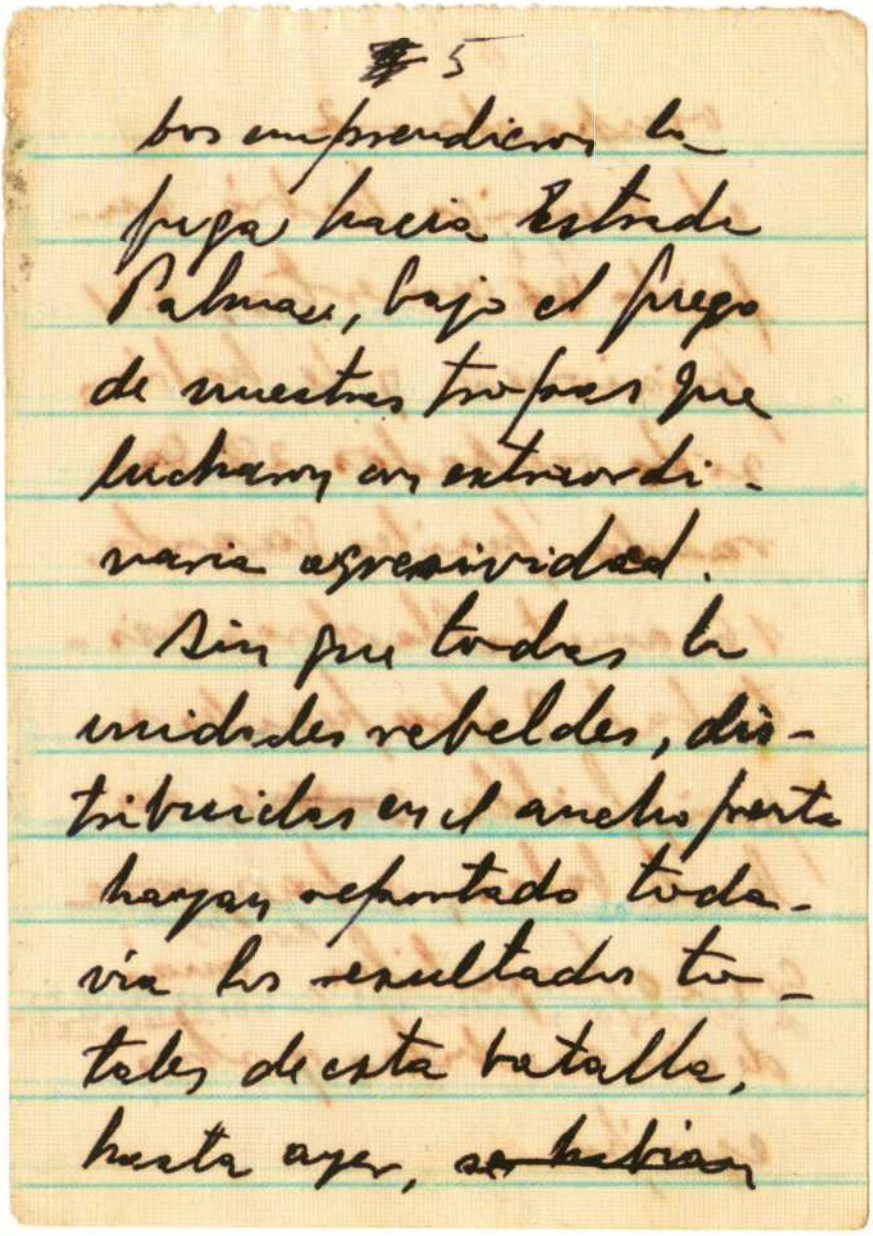

3

duró 42 horas consecutivas. Sánchez Mosquera, herido de gravedad en la cabeza, fué evacuado en un helicóptero ayer 28, a las 7/30 de la mañana. Después el batallón 12 fué dejando por todo el camino un reguero de muertos y llevaba tras sí una larga caravana de heridos. En Suamico

Третья страница.



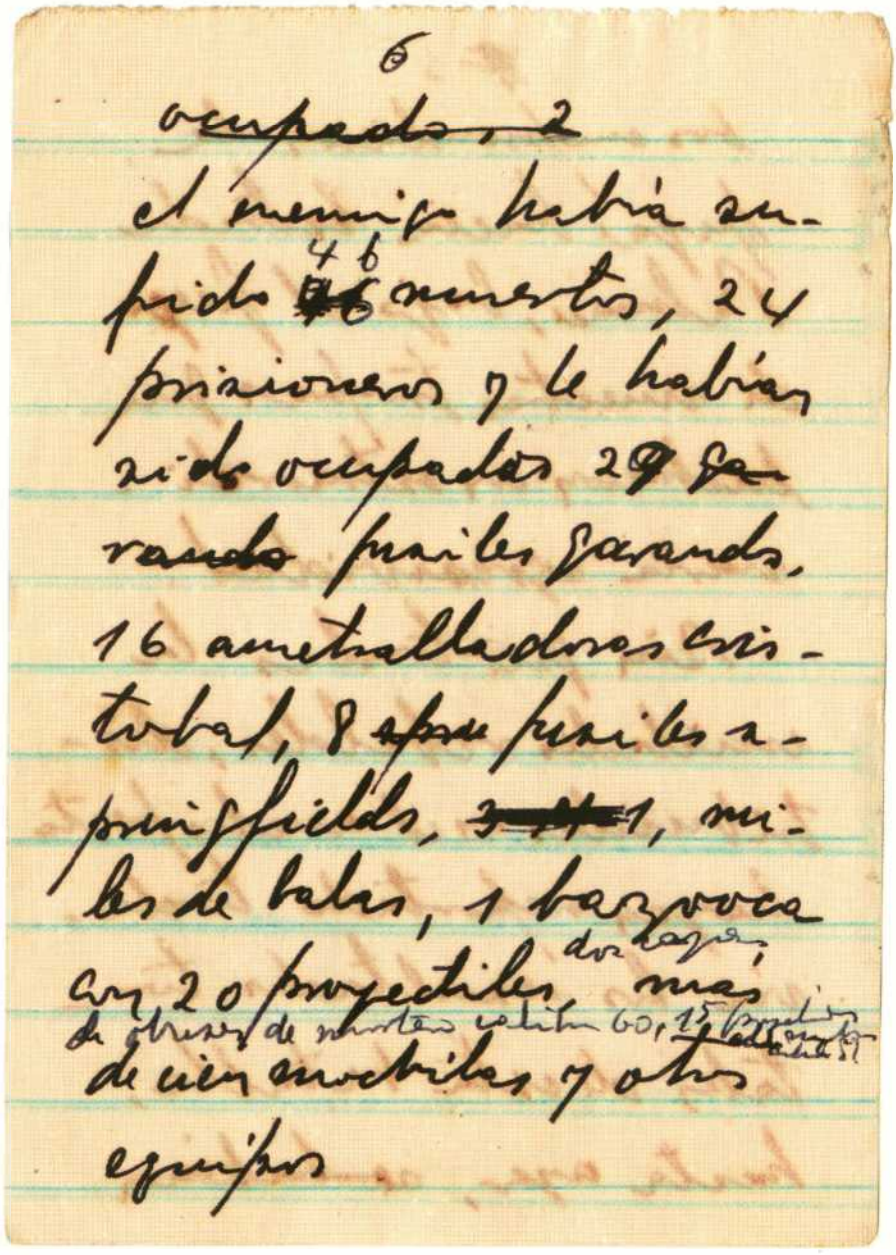
Четвертая страница.


5

los emprendieron la
fuga hacia Estrada
Palma, bajo el fuego
de nuestras tropas que
luchaban con extraordi-
naria agresividad.

Sin pausa todas las
unidades rebeldes, dis-
tribuidas en el ancho frente
habían reportado toda-
vía los resultados to-
tales de esta batalla,
hasta ayer, [illegible]

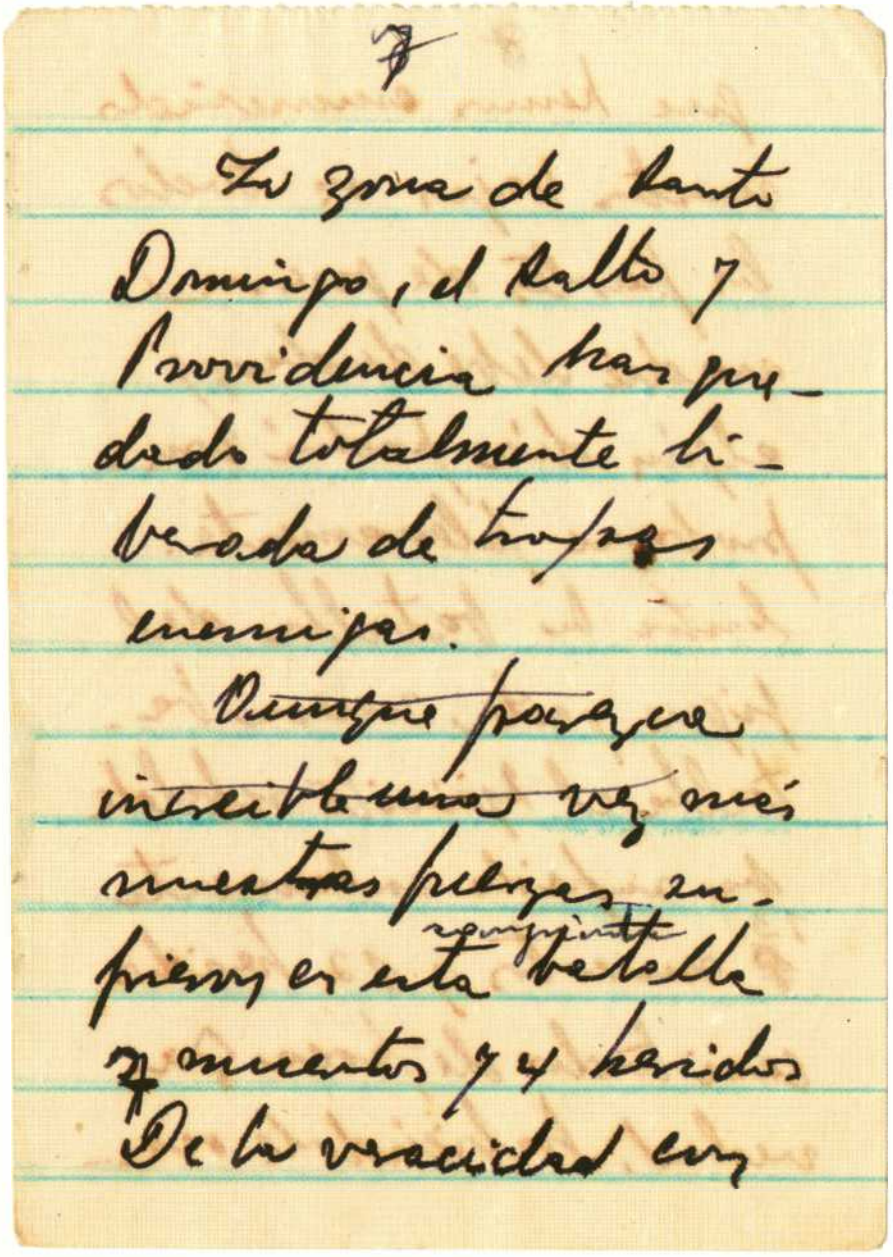
Пятая страница.


6

ocupados, 2

el enemigo había sufrido 46 muertos, 24 prisioneros y le habían sido ocupados 29 fusiles garands, 16 ametralladoras calibre 30, 8 fusiles automáticos, 1 [illegible], 1 bazooka con 20 proyectiles, más de [illegible] de morteros calibre 60, 15 [illegible] de cien morteros y otros equipos.

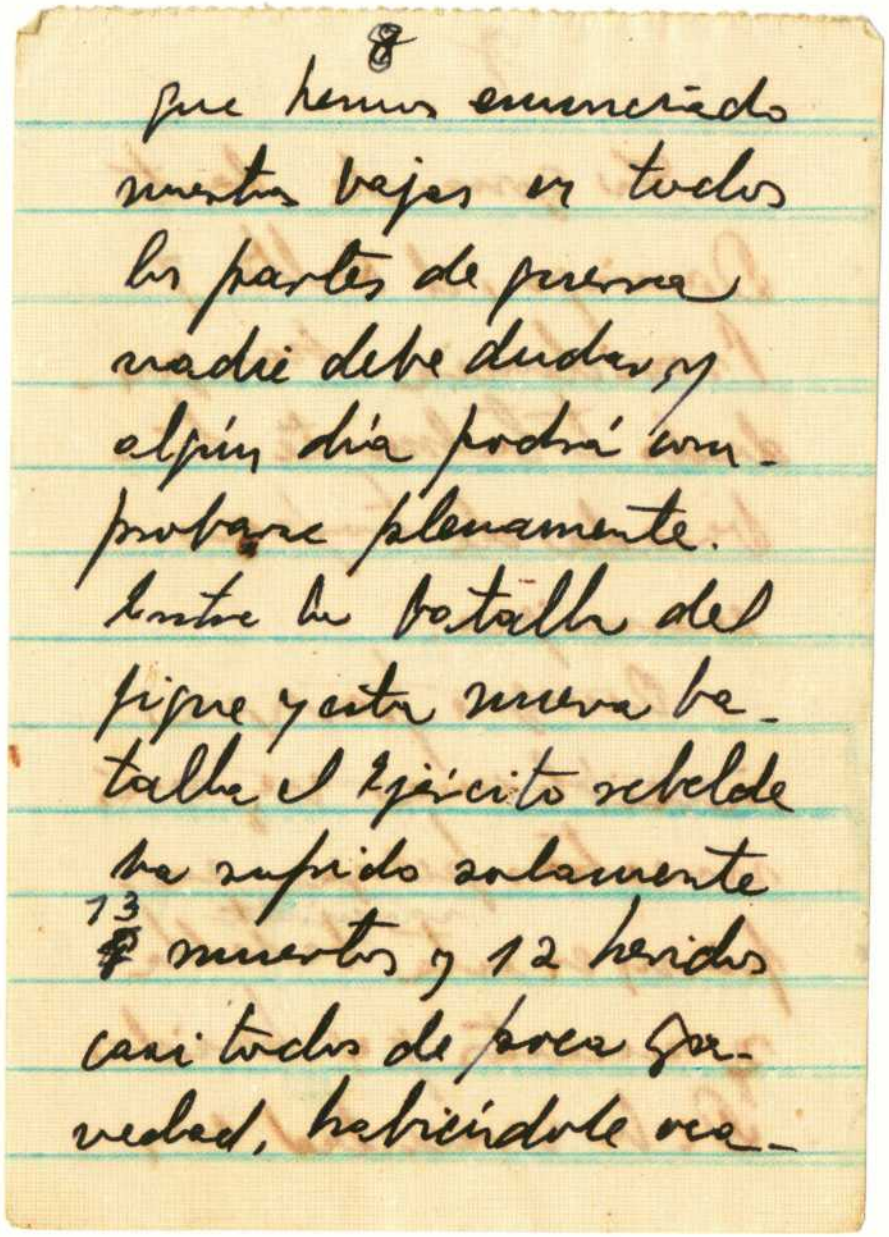
Шестая страница.


7

Tu zona de Santo
Domingo, el Valle y
Providencia han pa-
sado totalmente li-
berada de tropas
enemigas.

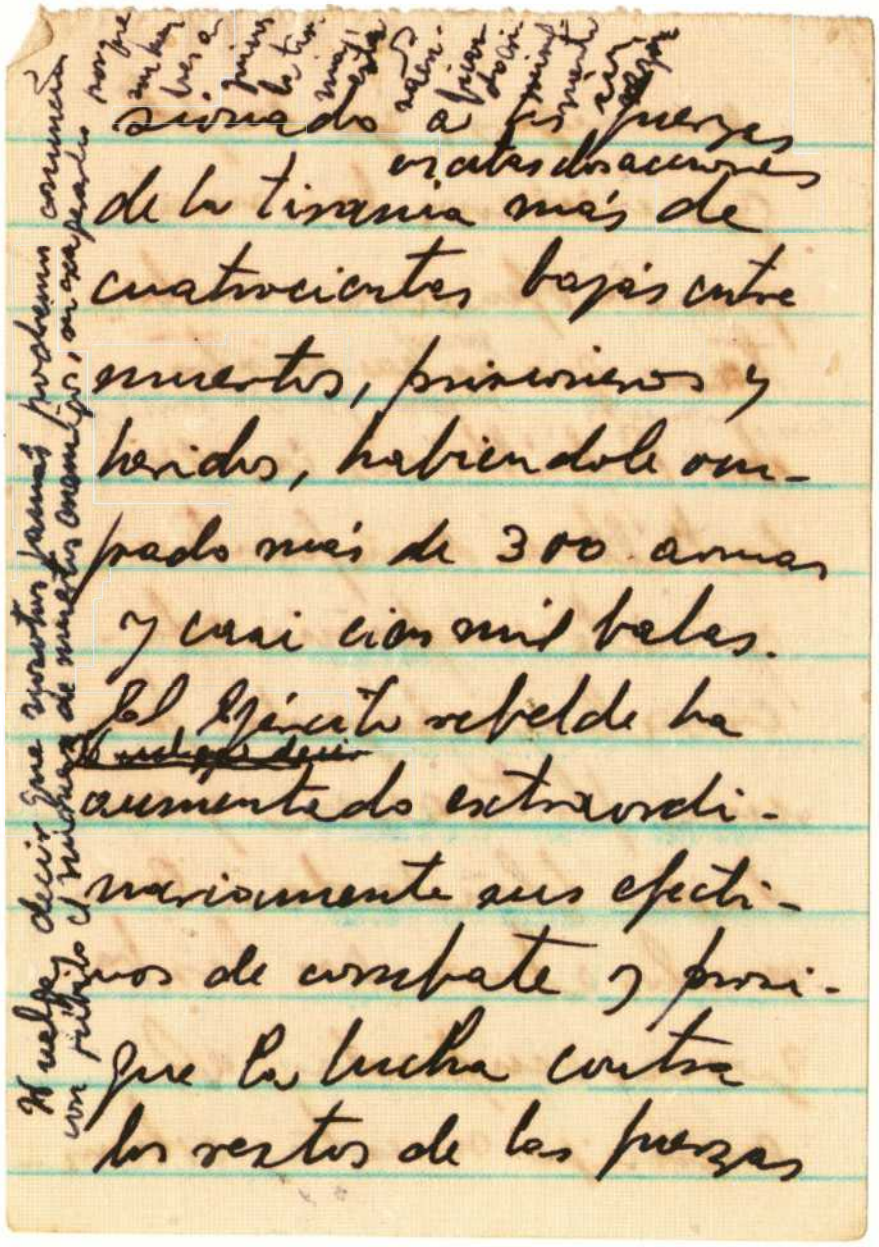
Quiero parecer
interpretar una vez más
nuestras pulsaciones en-
frente en esta batalla
y muertos y heridos
De la veracidad con

Седьмая страница.

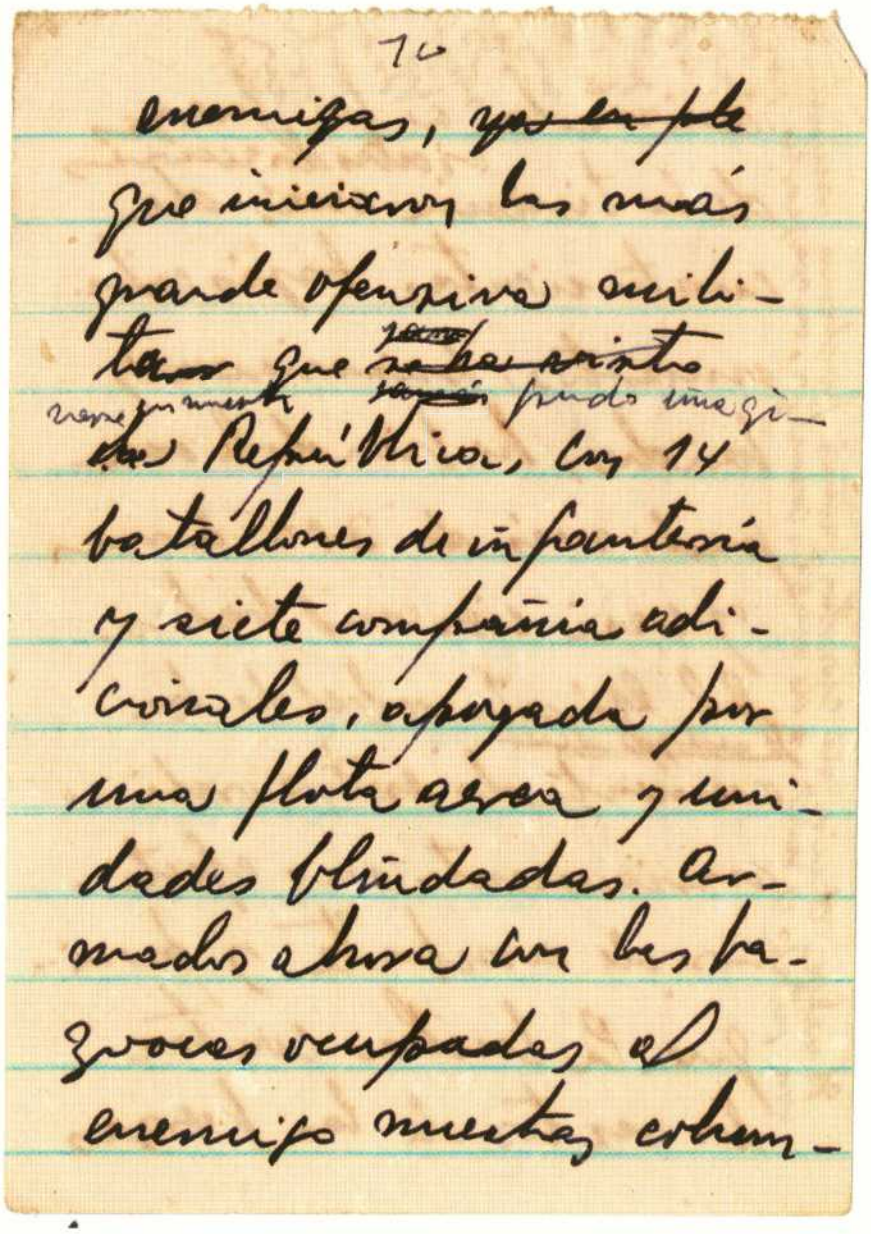

8

que hemos enumerado nuestras bajas en todos los partes de guerra, nadie debe dudar, y algún día podrá comprobarse plenamente. Entre la batalla del Jigüe y esta nueva batalla el Ejército rebelde ha sufrido solamente 13 muertos y 12 heridos casi todos de poca gravedad, habiéndole cau-

Восьмая страница.



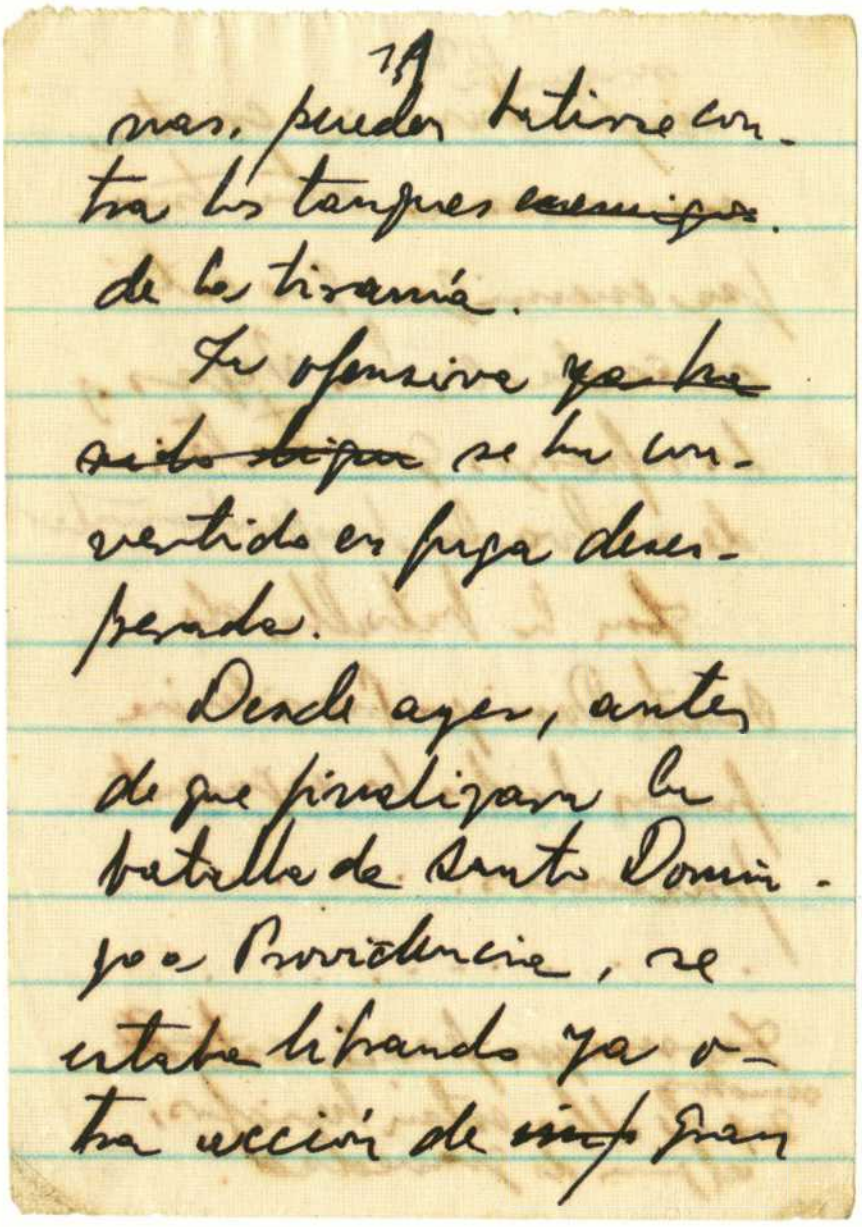
Девятая страница.



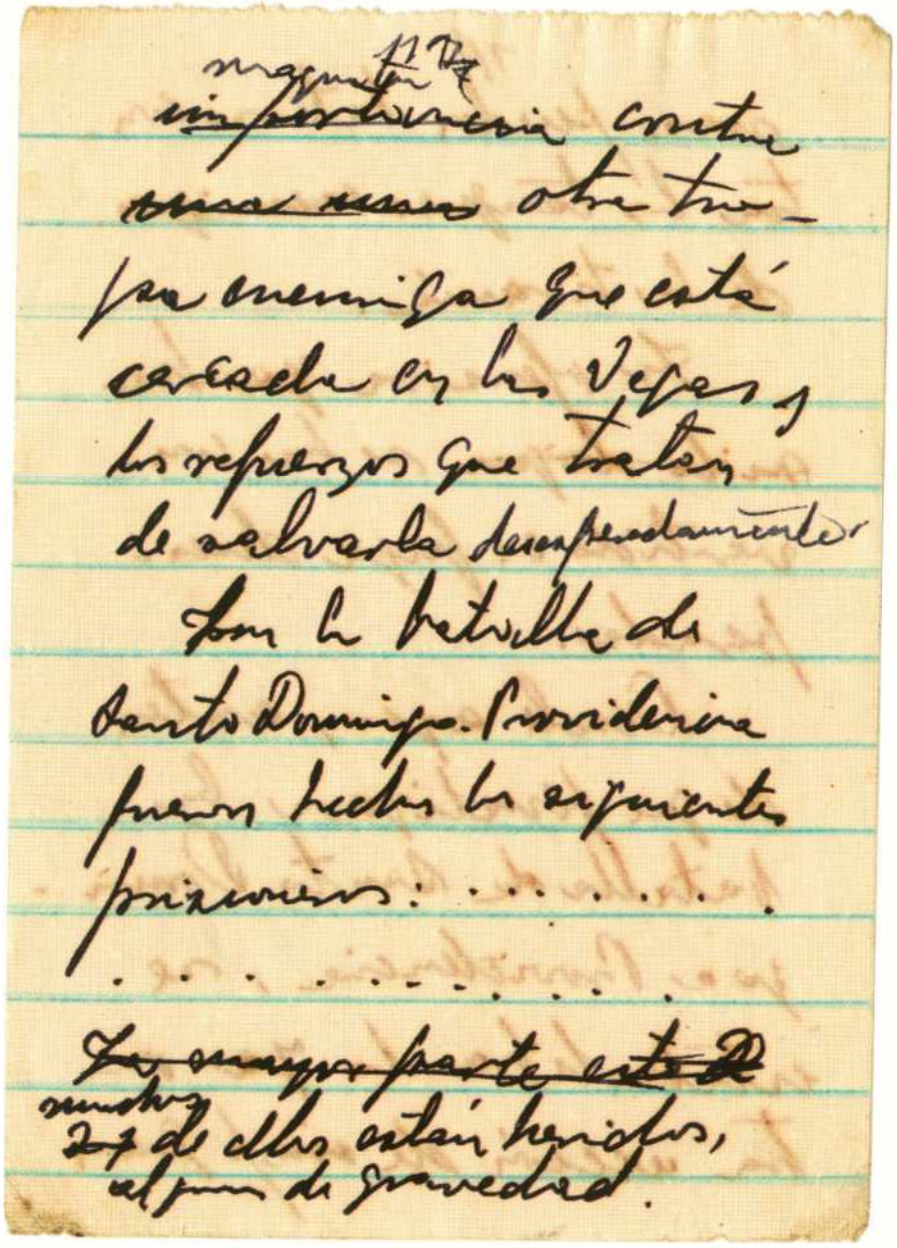
10

enemigas, ~~yo le explo~~
que iniciaron las más
grande ofensiva militar
~~que se han visto~~
que jamás se han visto
verdaderamente jamás pueda imaginar
de República, con 14
batallones de infantería
y siete compañía adicionales, apoyada por
una flota aérea y unidades blindadas. Armados ahora con los bastones ocupados el
enemigo nuestra columna

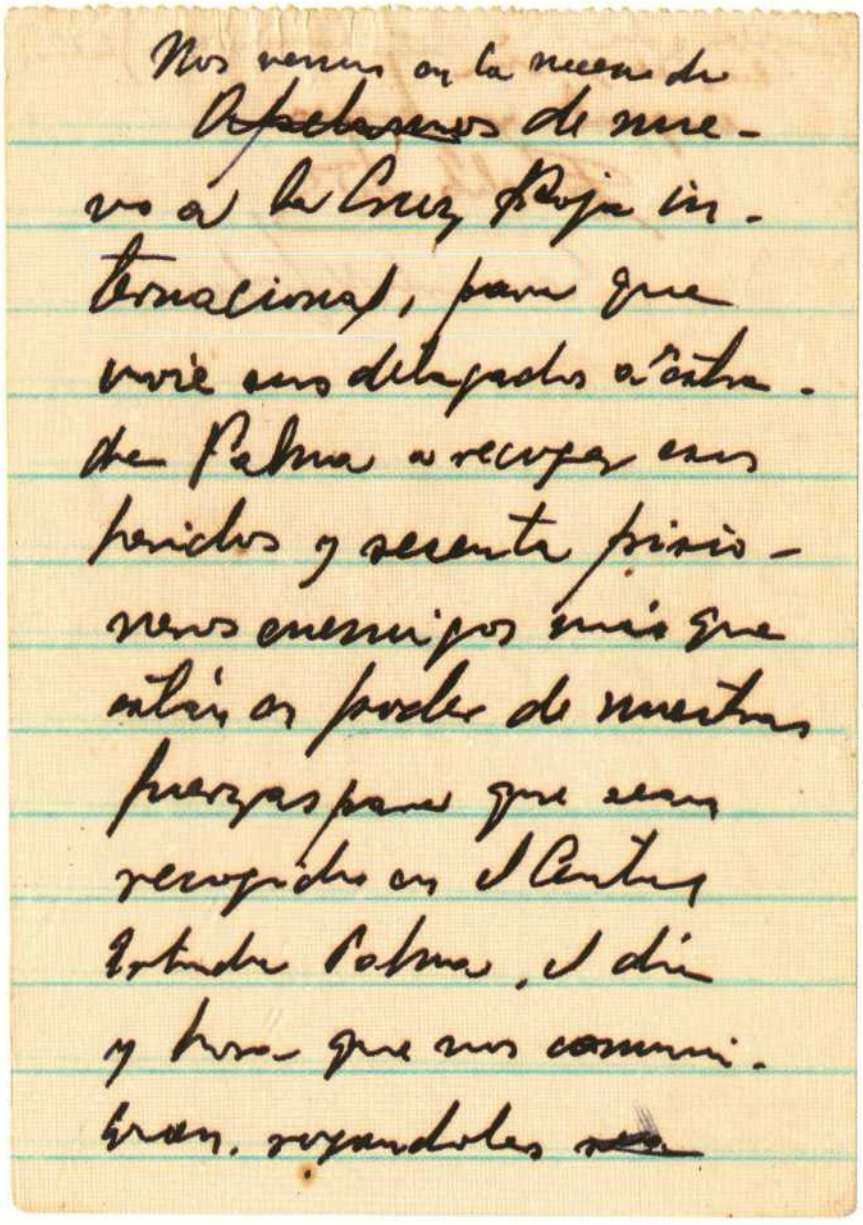
Десятая страница.


11
vas, pueden tutiorse con-
tra los tanques enemigos.
de la tiranía.
La ofensiva ~~yanki~~
~~debe~~ ~~bajar~~ se ha con-
vertido en fuga deses-
perada.
Desde ayer, antes
de que finalizara la
batalla de Santo Domin-
go o Providencia, se
estaba librando ya o-
tra acción de ~~este~~ gran

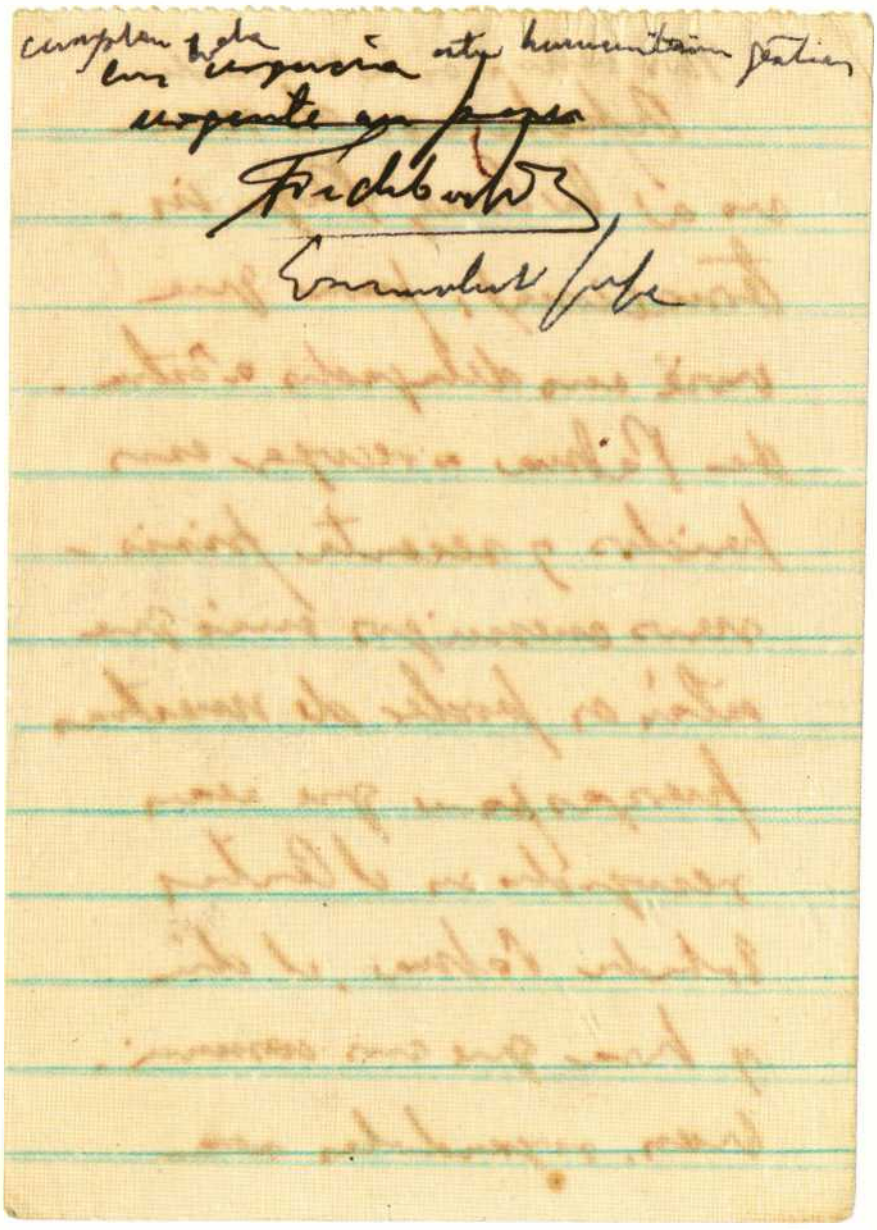
Одиннадцатая страница.



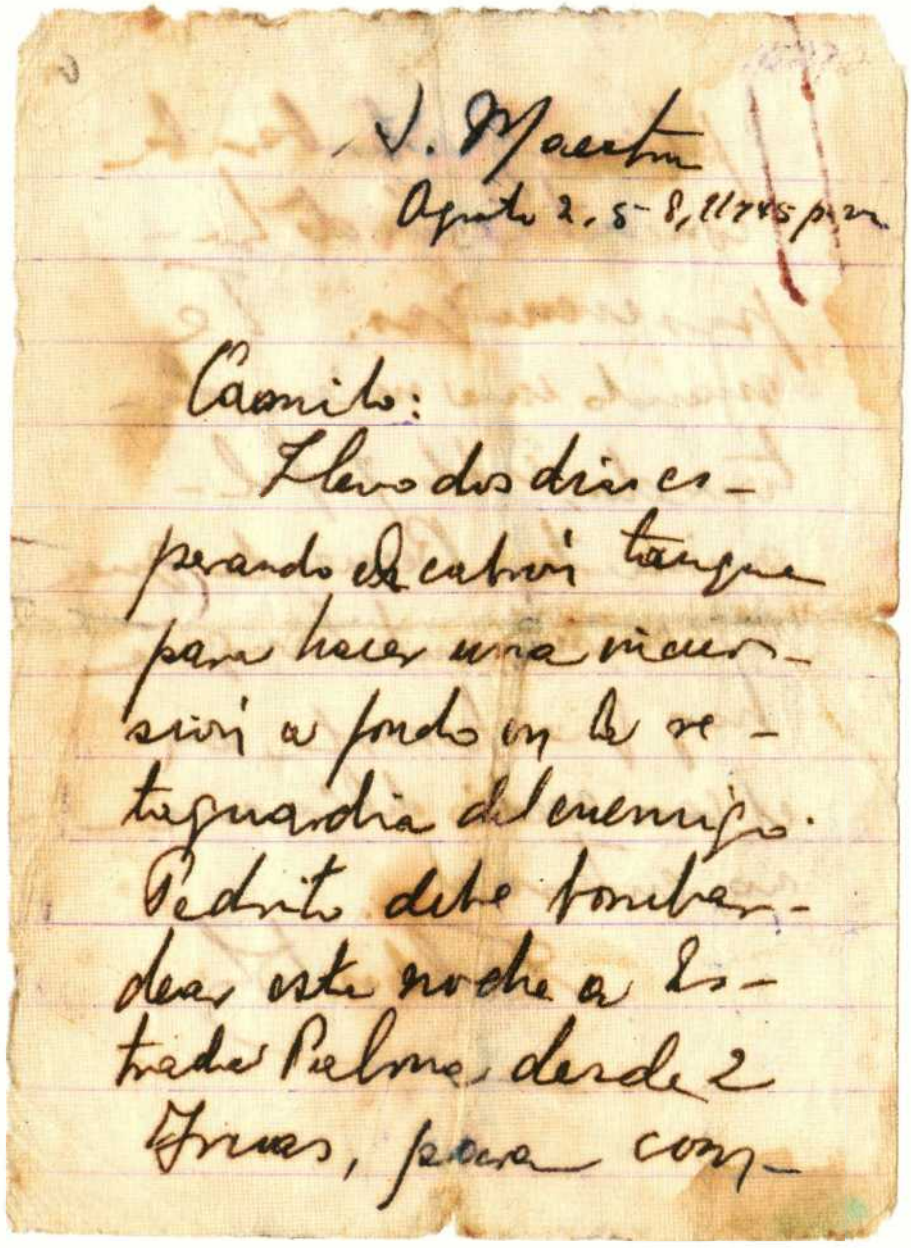
Двенадцатая страница.



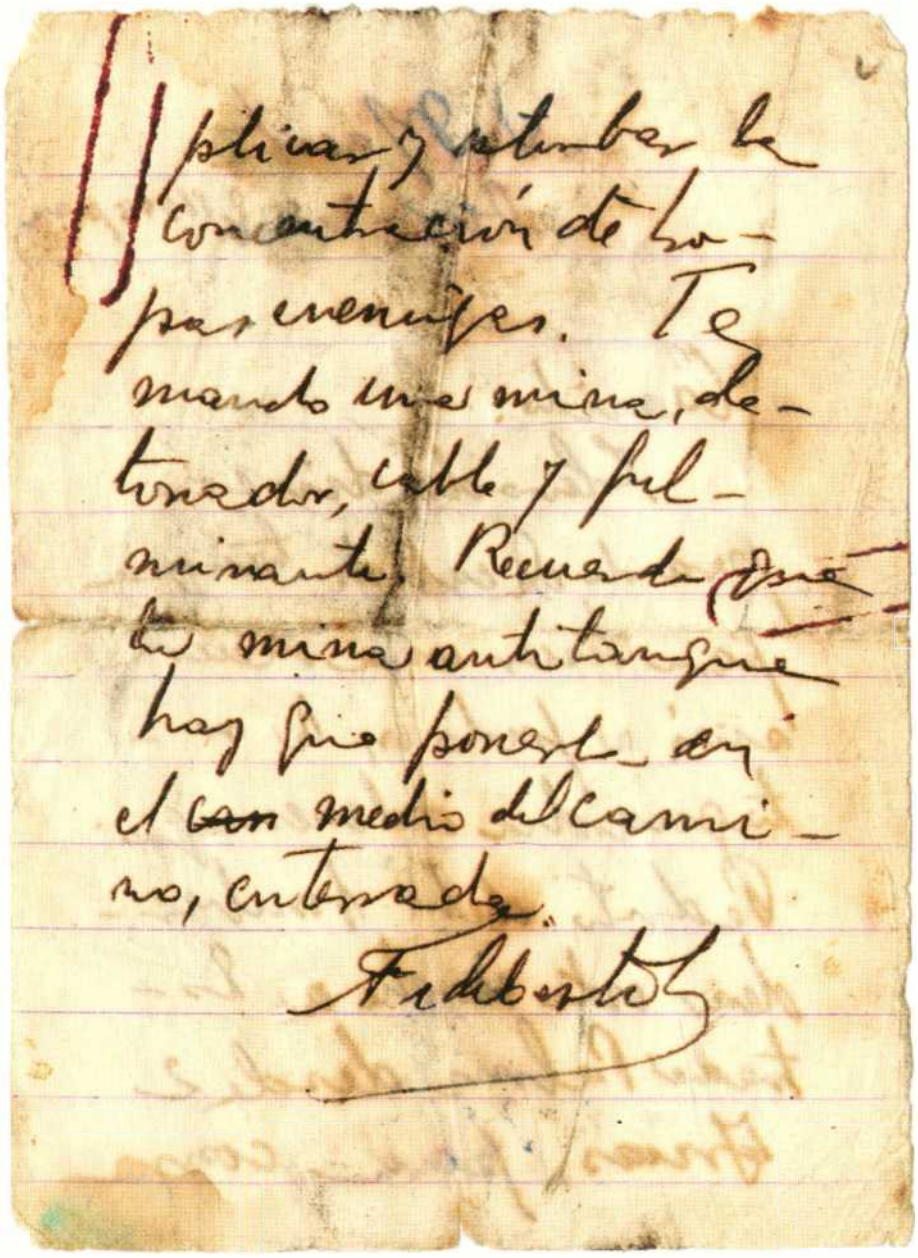
Тринадцатая страница.



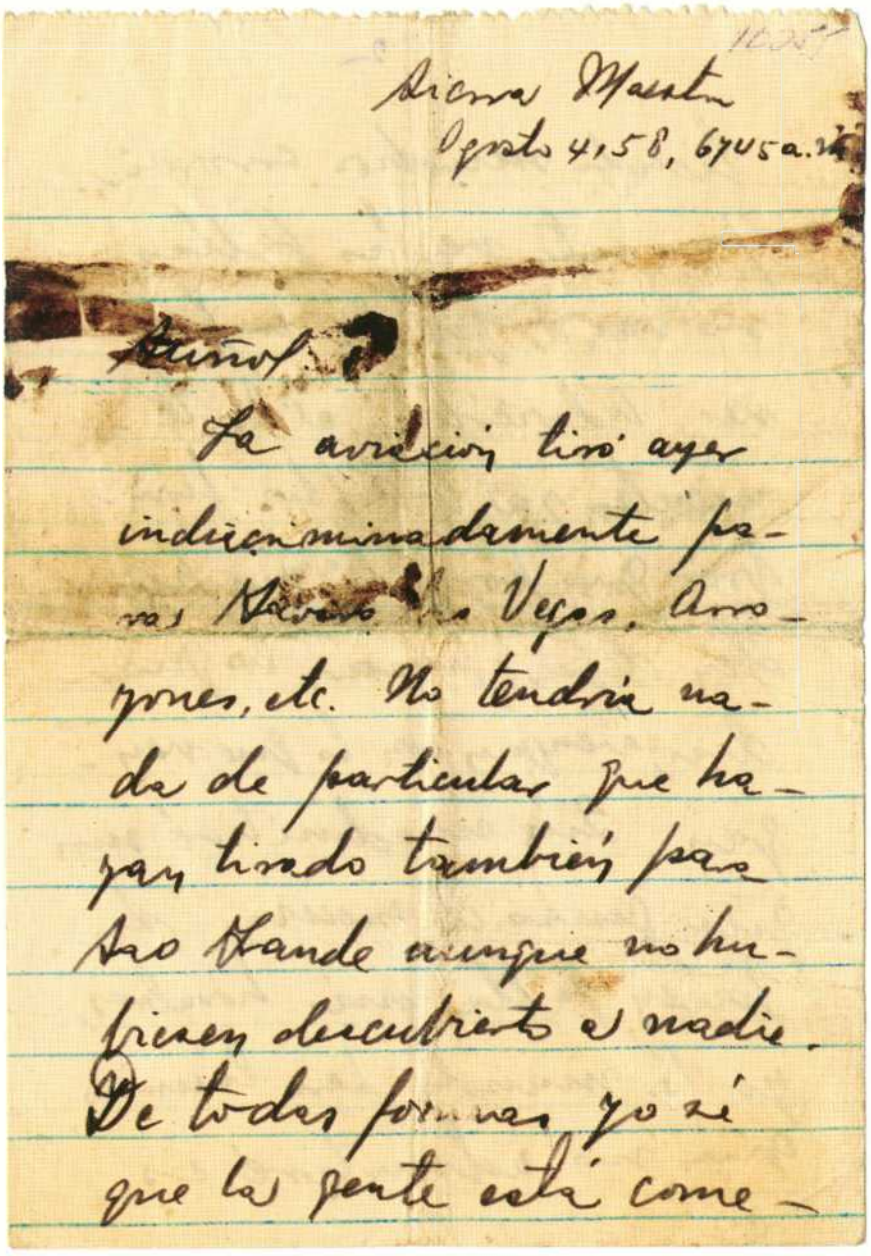
Четырнадцатая страница.



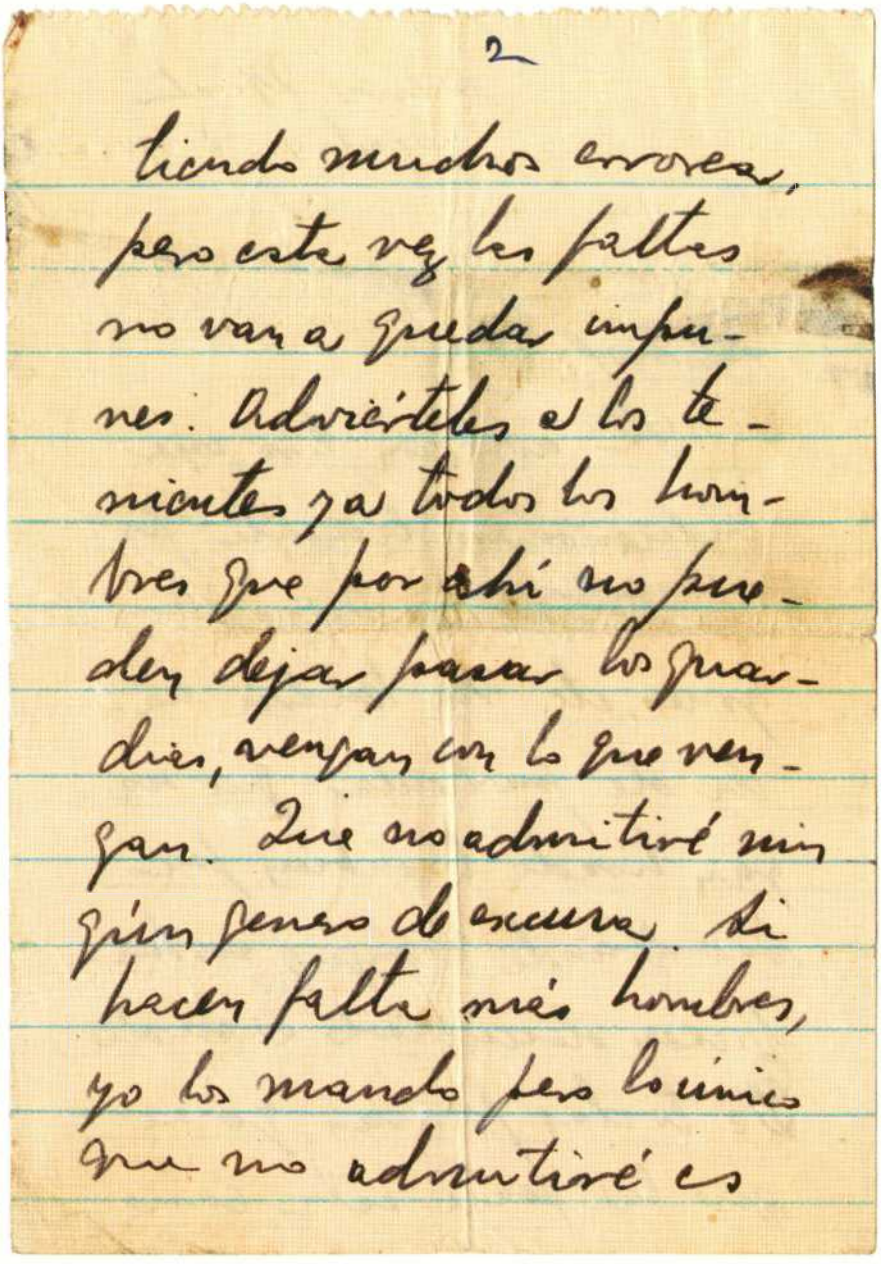
Послание Фиделя Камило с указанием установить мину посреди дороги, чтобы не допустить отхода врага.
1958 г.,2 августа (первая страница).



Вторая страница.

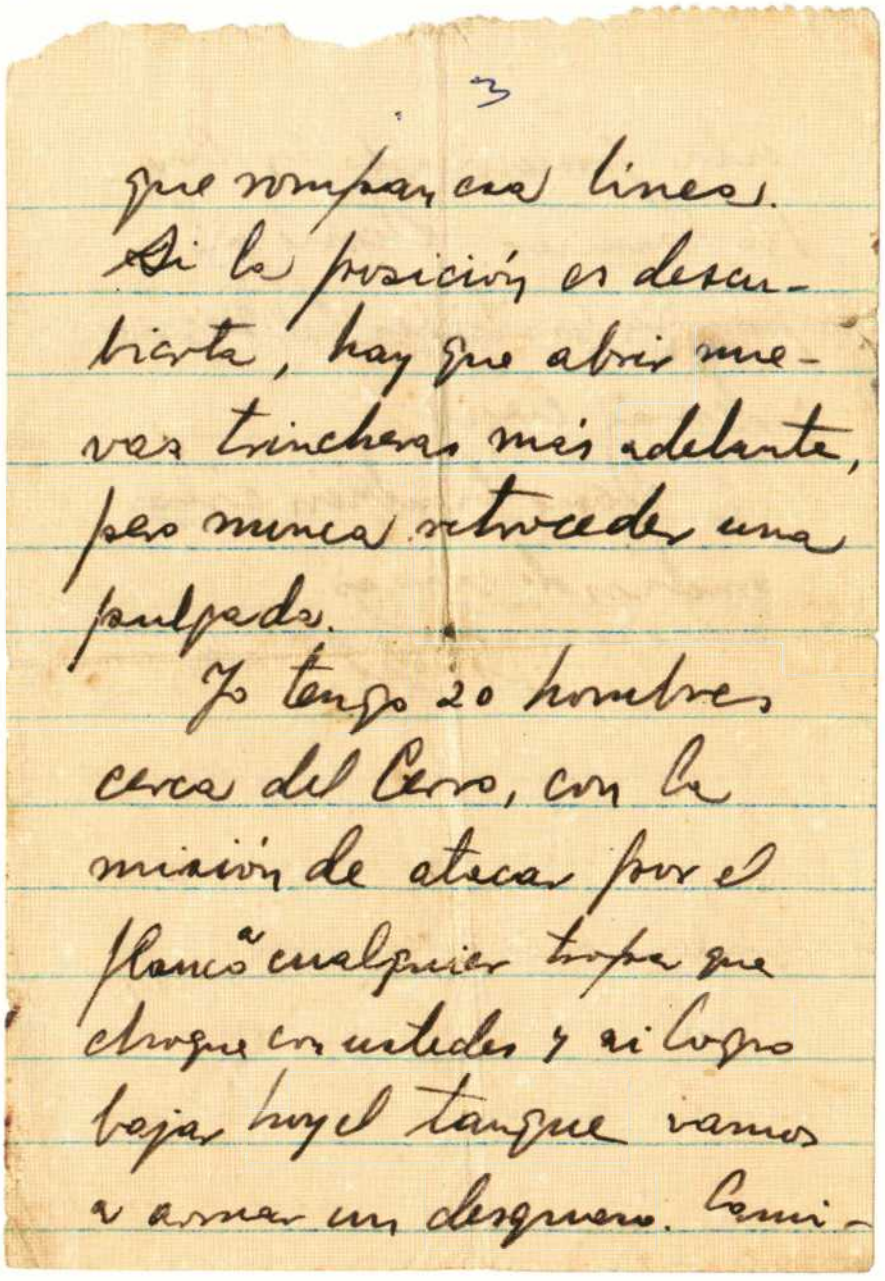


Послание Фиделя Эдди Суньолу 4 августа 1958 г., где он информировал его о вражеских бомбардировках и пулеметном обстреле в Вегас и Арройонес (первая страница).


2

liendo muchos errores,
pero esta vez los faltes
no van a quedar impu-
nes. Advirtiéndoles a los te-
nientes y a todos los hom-
bres que por ahí no pue-
den dejar pasar los guar-
dias, vengan con lo que ven-
gan. Que no admitiré sin
ningún pero de excusa. Si
hacen falta más hombres,
yo los mando pero lo único
que no admitiré es

Вторая страница.

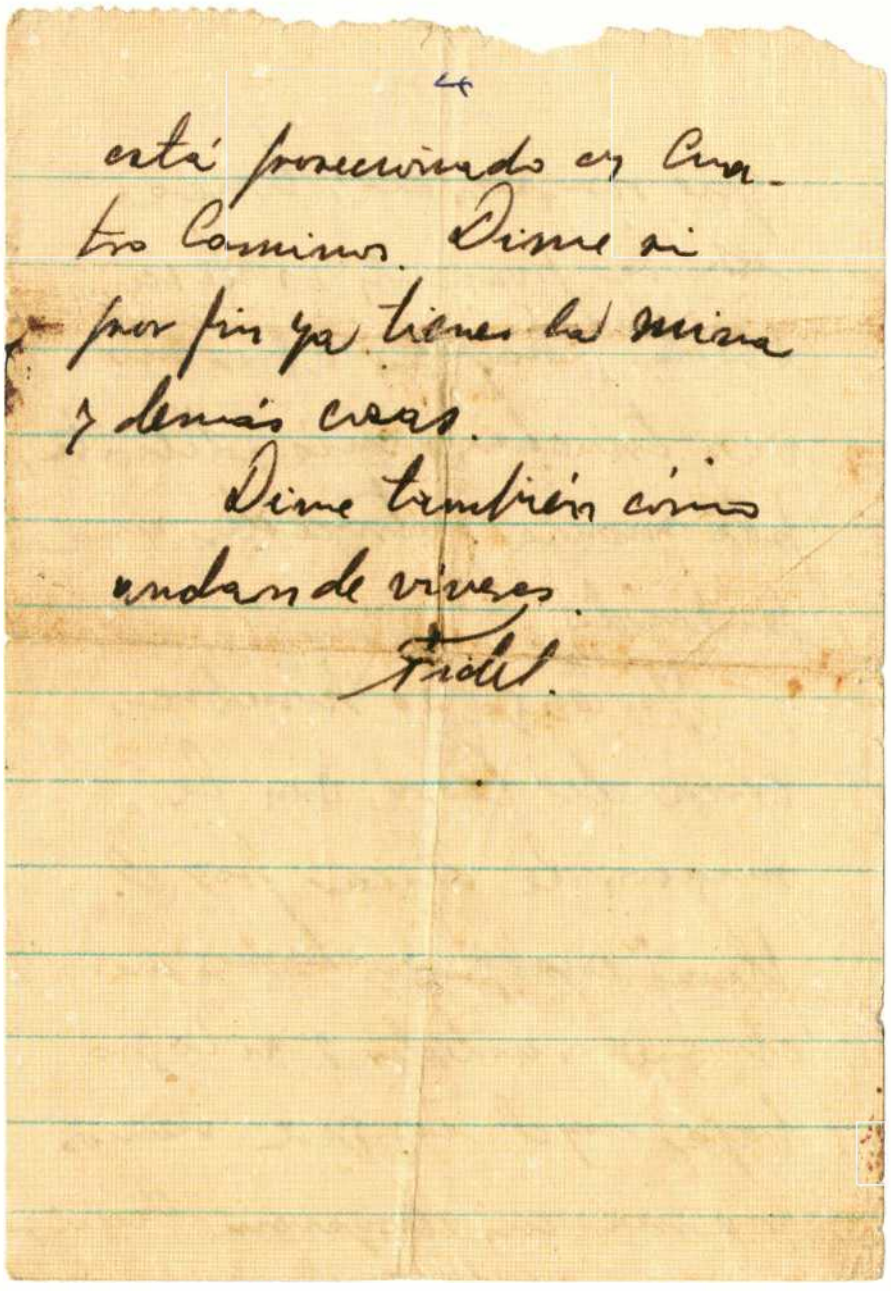


3

que rompan esas líneas.
Si la posición es descubierta, hay que abrir nuevas trincheras más adelante, pero nunca retroceder una pulgada.

Yo tengo 20 hombres cerca del Cerro, con la misión de atacar por el flanco cualquier tropa que choque con ustedes y si logro bajar hasta el tanque vamos a armar un desquicio. Comi-

Третья страница.

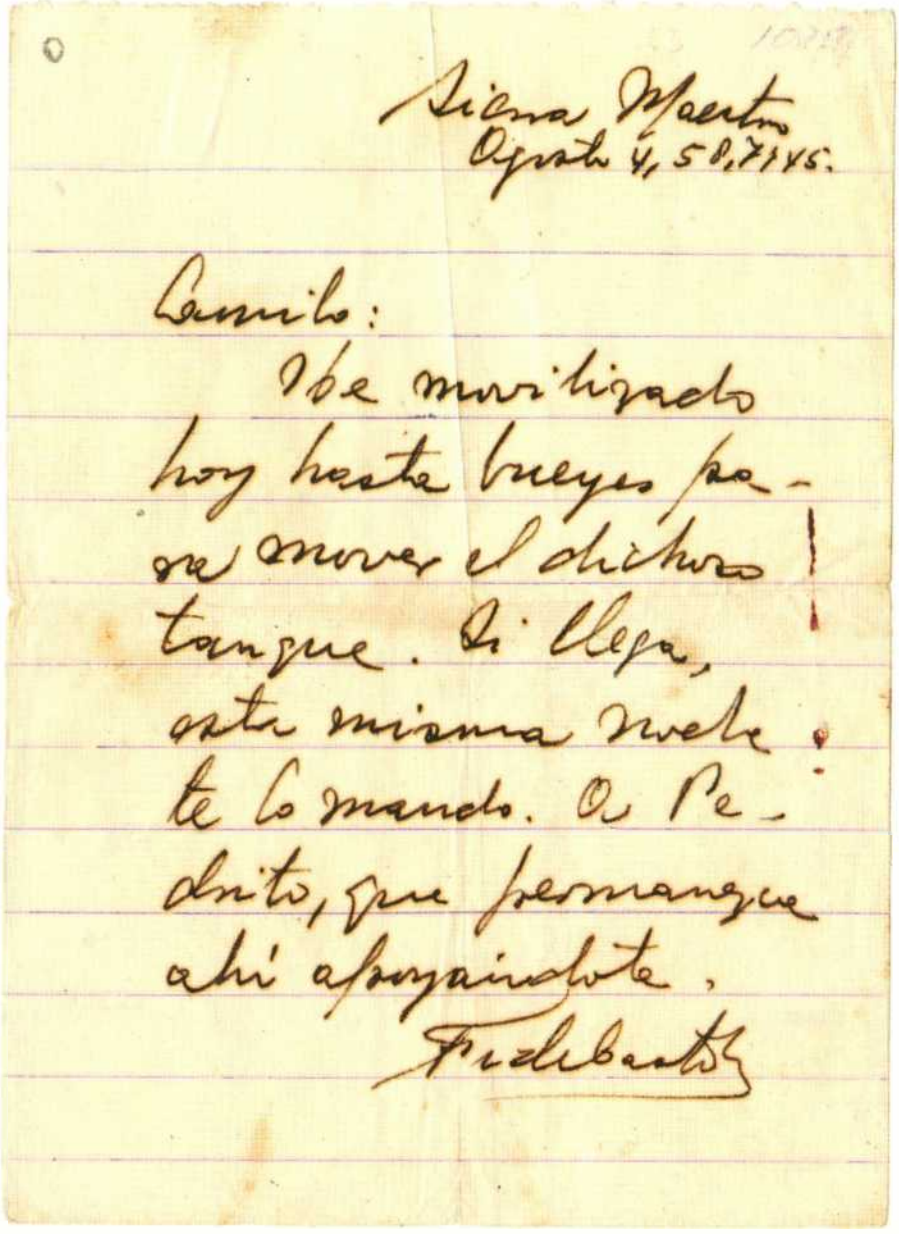

4

está procesando en Cuatro Caminos. Dime si por fin ya tienes la receta y demás cosas.

Dime también cómo andan de víveres.

Fidel.

Четвертая страница.



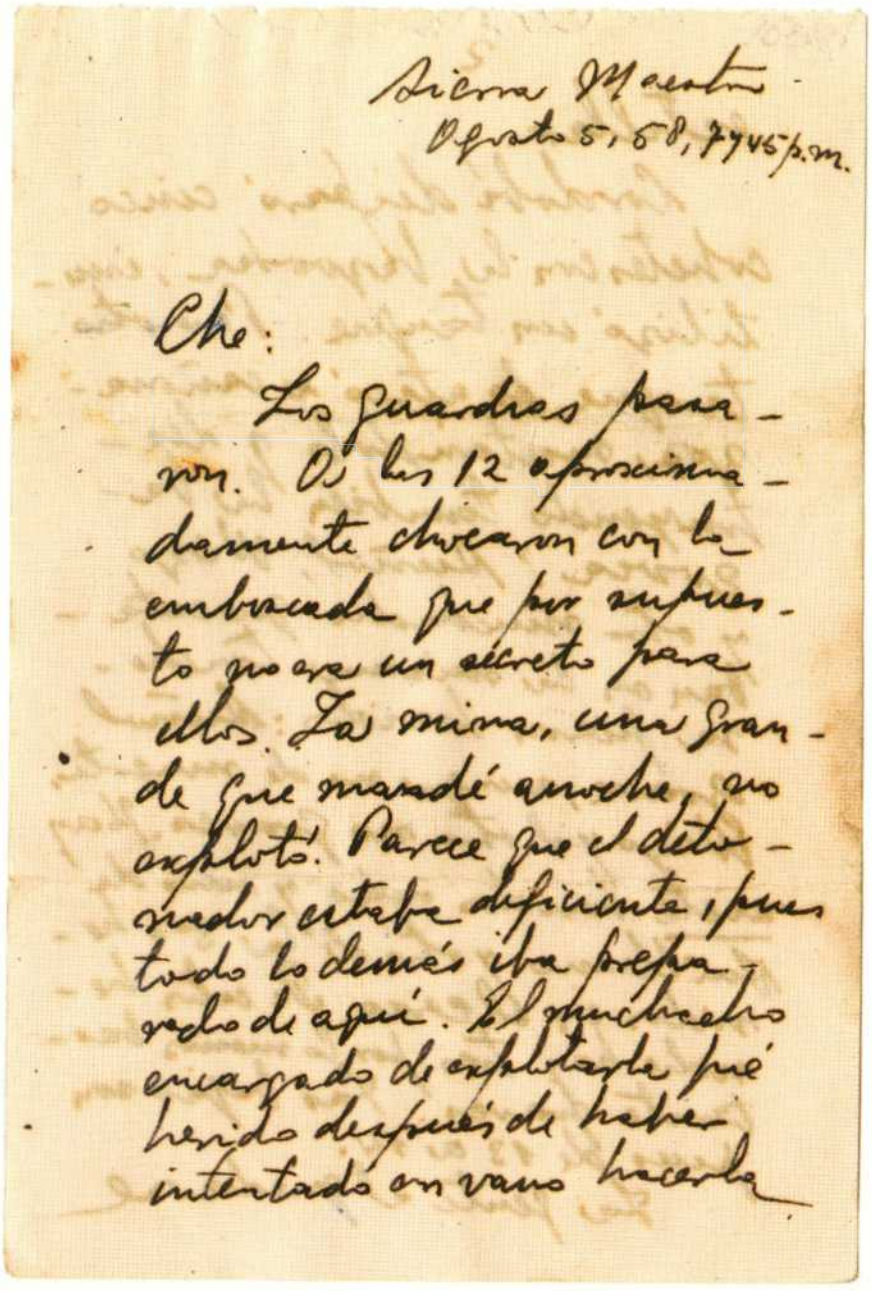
Sierra Maestra
Agosto 4, 5 P.M. 1958.

Camilo:

Voy muy fatigado hoy hasta bueyes para mover el dichoso tanque. Si llega, esta misma noche te lo mando. Si Perdito, que permanezca ahí apoyando.

Fidel Castro

Послание Фиделя Камило о возможности направить ему танк.
1958 г., 4 августа.

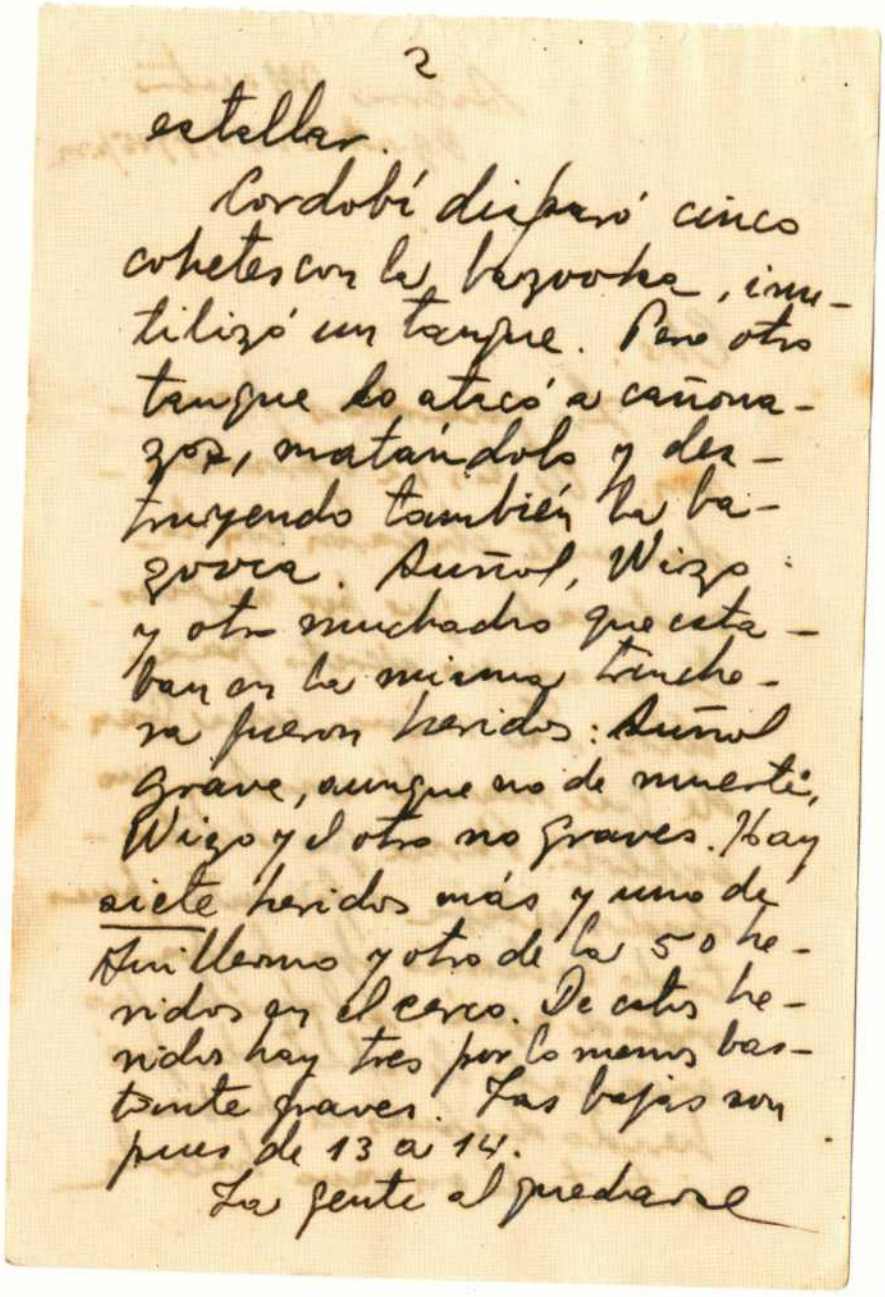


Sierra Maestra -
Agosto 5, 58, 7745 p.m.

Che:

Los guardias para-
ron. A las 12 aproxima-
damente chocaron con la
emboscada que por supues-
to no era un secreto para
ellos. La misma, una gran-
de que mandé anoche, no
explotó. Parece que el deto-
nador estaba deficiente, pues
todo lo demás iba prepa-
rado de aquí. El muchacho
encargado de explotarla fué
herido después de haber
intentado en vano hacerla

Послание Фиделя Че с новостями о боях и указанием о размещении повстанцев, чтобы воспрепятствовать отходу врага. *1958 г., 5 августа* (первая страница).



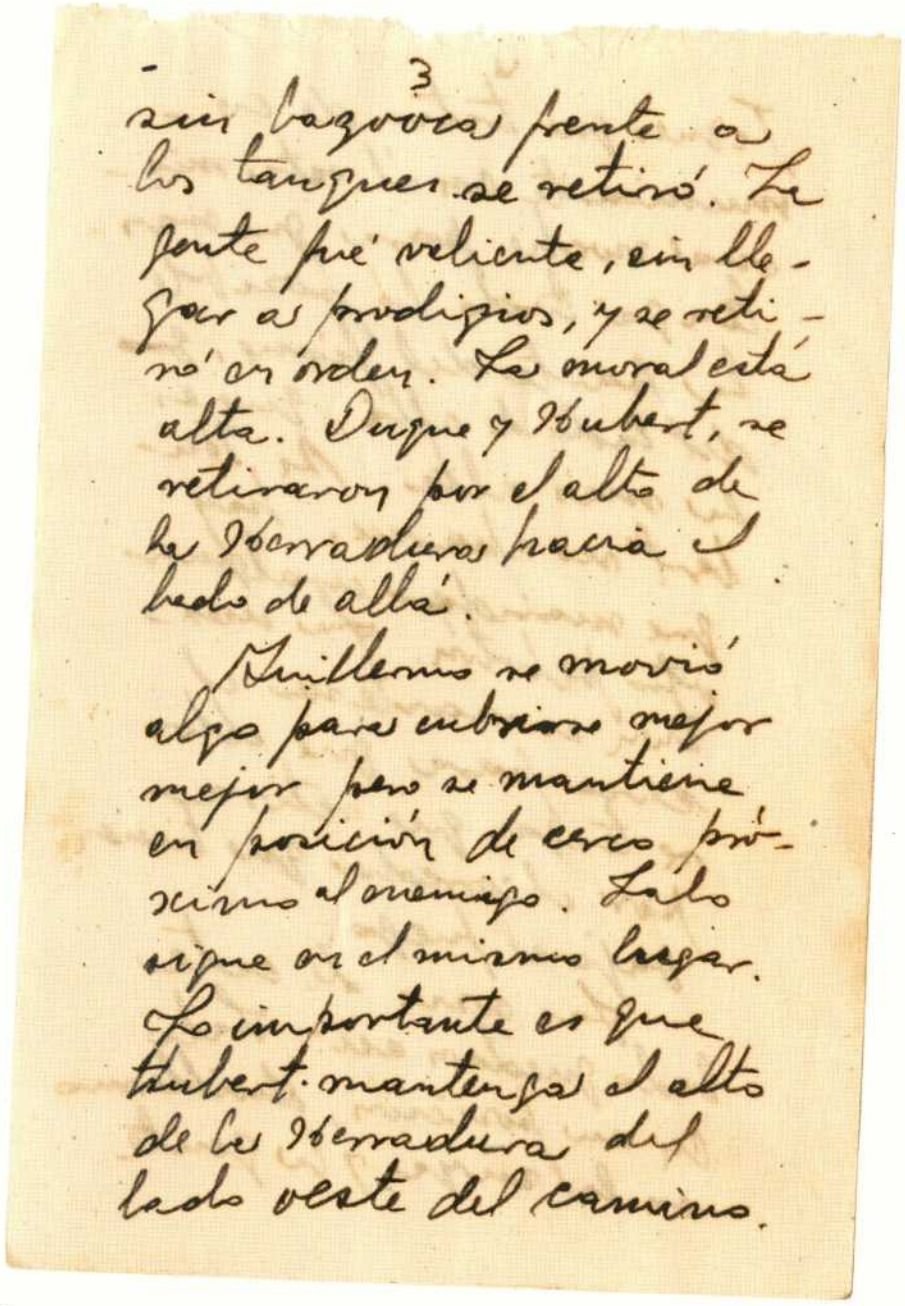
2

estallar.

Cordobí disparó cinco cohetes con la bazooka, inutilizó un tanque. Otro tanque lo atacó a cañonazos, matándolo y destruyendo también la bazooka. Antúnez, Wizzo y otros muchachos que estaban en la misma trinchera fueron heridos: Antúnez grave, aunque no de muerte, Wizzo y el otro no graves. Hay siete heridos más y uno de Guillermo y otro de la 50 heridos en el cerco. De estos heridos hay tres por lo menos bastante graves. Las bajas son pues de 13 a 14.

La gente al quedarse

Вторая страница.

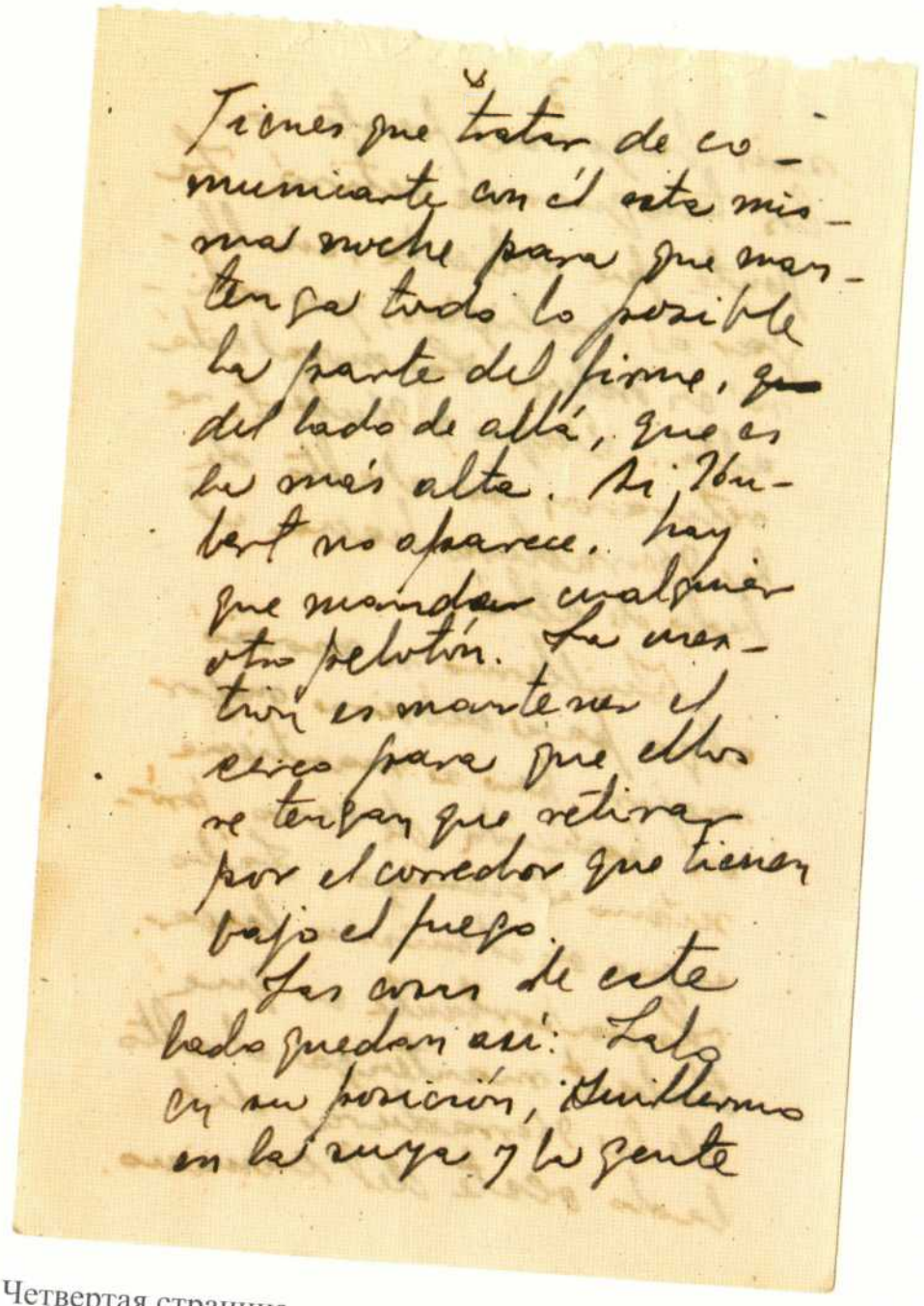


- 3 -

sin bazookas frente a los tanques se retiró. La gente fué valiente, sin llegar a prodigios, y se retiró en orden. La moral está alta. Duque y Hubert, se retiraron por el alto de la Herradura hacia el lado de allá.

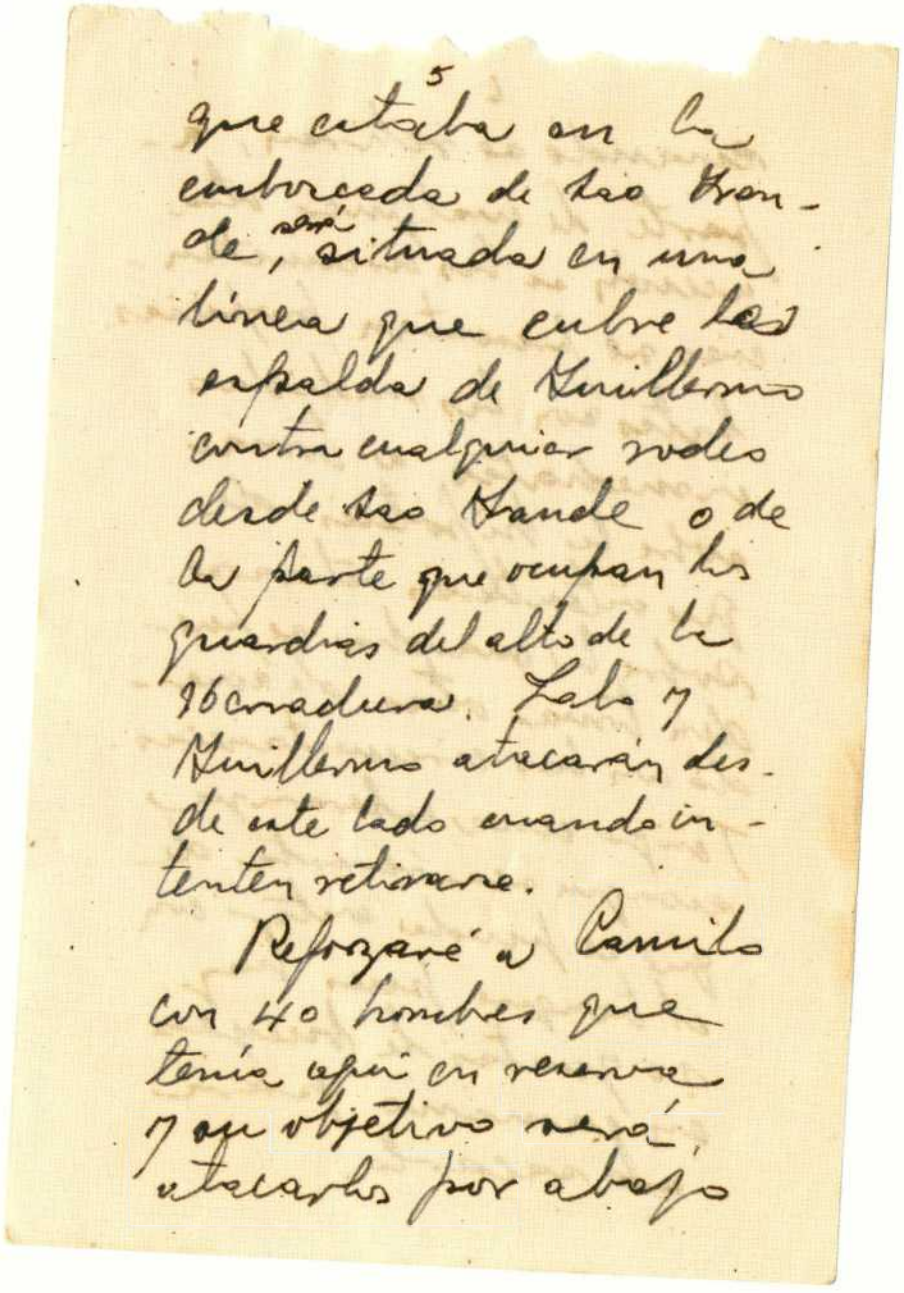
Guillermo se movió algo para cubrirse mejor mejor pero se mantiene en posición de cerco próximo al enemigo. Lalo sigue en el mismo lugar. Lo importante es que Hubert mantenga el alto de la Herradura del lado oeste del camino.

Третья страница.



Tienes que tratar de co-
municarte con él esta mis-
ma noche para que man-
tenga todo lo posible
la parte del frente, que
del lado de allá, que es
la más alta. Si Hu-
bert no aparece, hay
que mandar cualquier
otro pelotón. La orden-
ción es mantener el
cerco para que ellos
no tengan que retirarse
por el corredor que tienen
bajo el puente.
Las cosas de este
lado quedan así: Lalo
en su posición, Guillermo
en la curva y la gente

Четвертая страница.

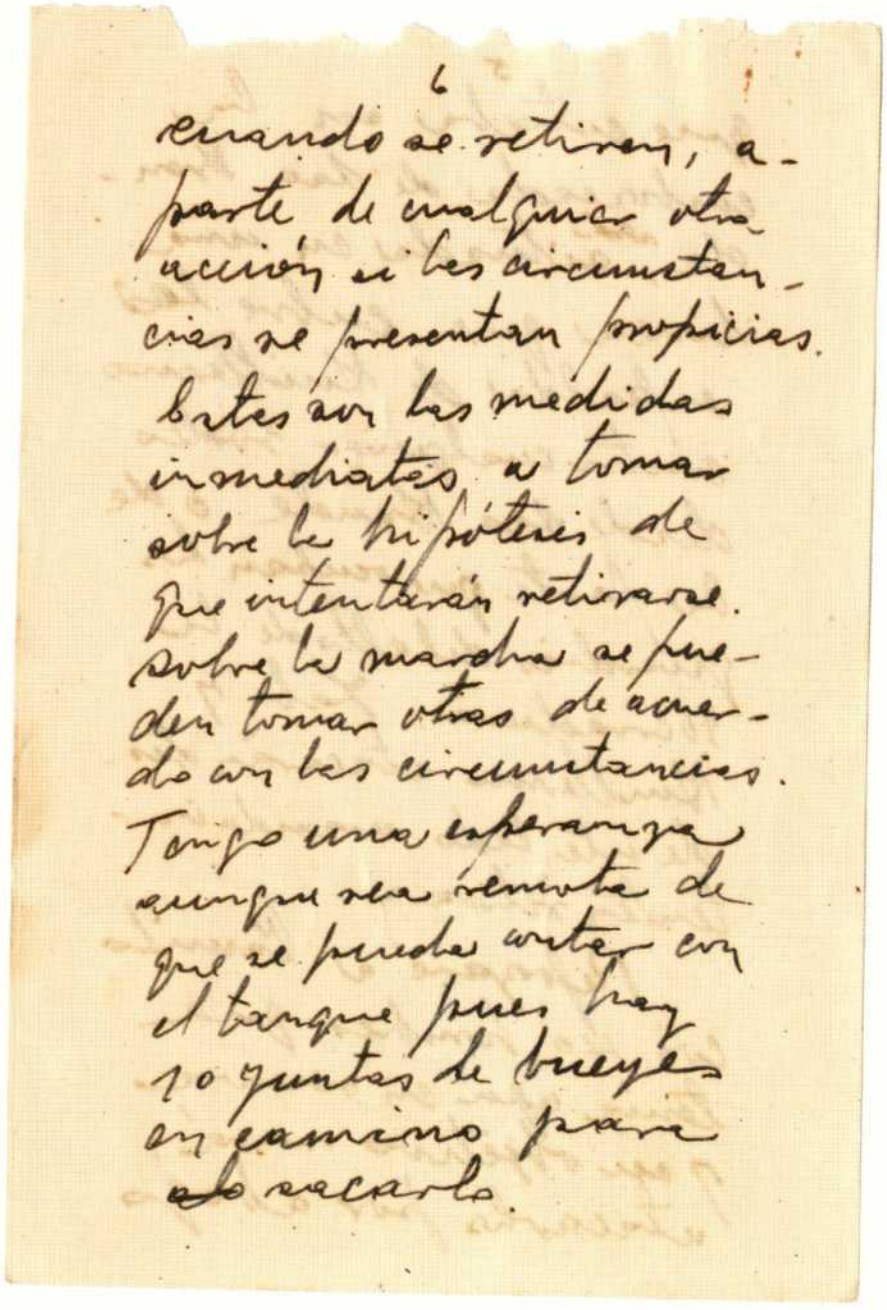


5

que estaba en la
embocada de Rio Gran-
de, así situados en una
línea que cubre las
espaldas de Guillermo
contra cualquier rodeo
desde Rio Grande o de
la parte que ocupan los
guardias del alto de la
Focadura. Fabio y
Guillermo atacarán des-
de este lado cuando in-
tenten retirarse.

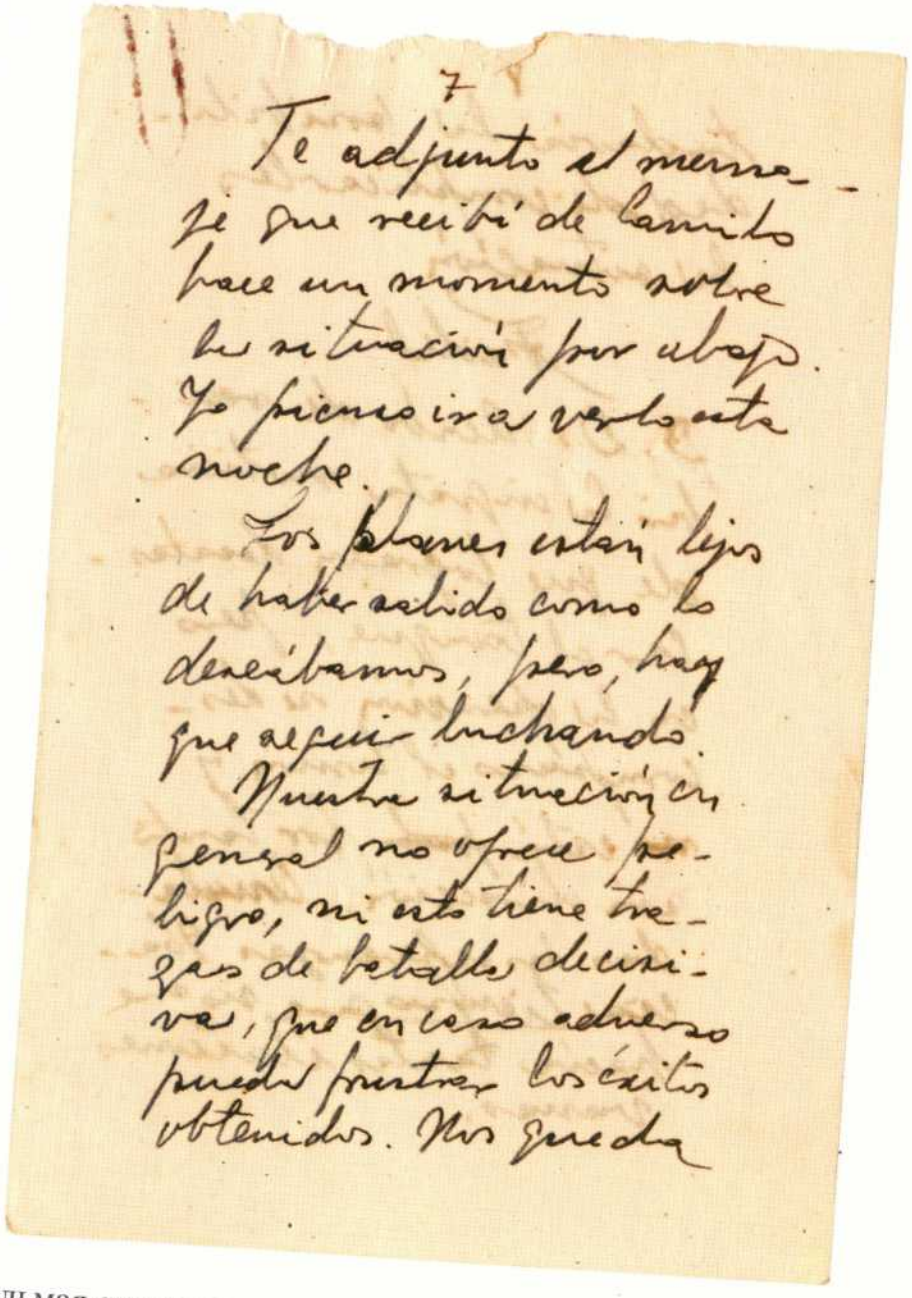
Reforzaré a Camilo
con 40 hombres que
tenía aquí en reserva
y su objetivo será
atacarlos por abajo

Пятая страница.


6

cuando se retiren, a-
parte de cualquier otra
acción si las circunstan-
cias se presentan propicias.
Antes son las medidas
inmediatas a tomar
sobre la hipótesis de
que intentarán retirarse.
Sobre la marcha se pue-
den tomar otras de acuer-
do con las circunstancias.
Tengo una esperanza
aunque sea remota de
que se puedan atrapar con
el tanque pues hay
10 puntas de bueyes
en camino para
ser cazados.

Шестая страница.



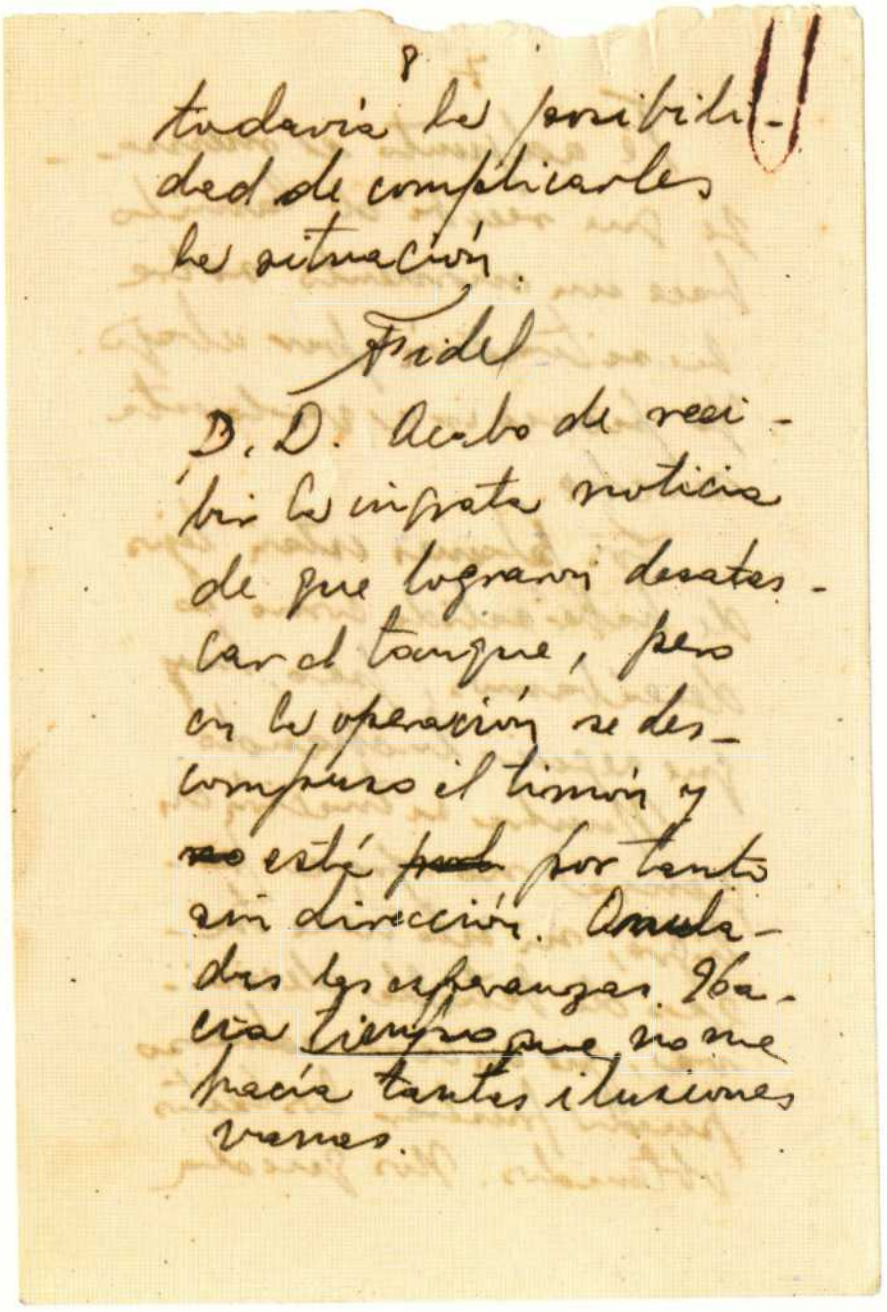
7

Te adjunto el mensaje que recibí de Camilo hace un momento sobre la situación por ahora. Yo pienso ir a verlo esta noche.

Los planes están lejos de haber salido como los deseábamos, pero, hay que seguir luchando.

Nuestra situación en general no ofrece peligro, ni esto tiene trazos de batalla decisiva, que en caso adverso pueda frustrar los éxitos obtenidos. Nos queda

Седьмая страница.

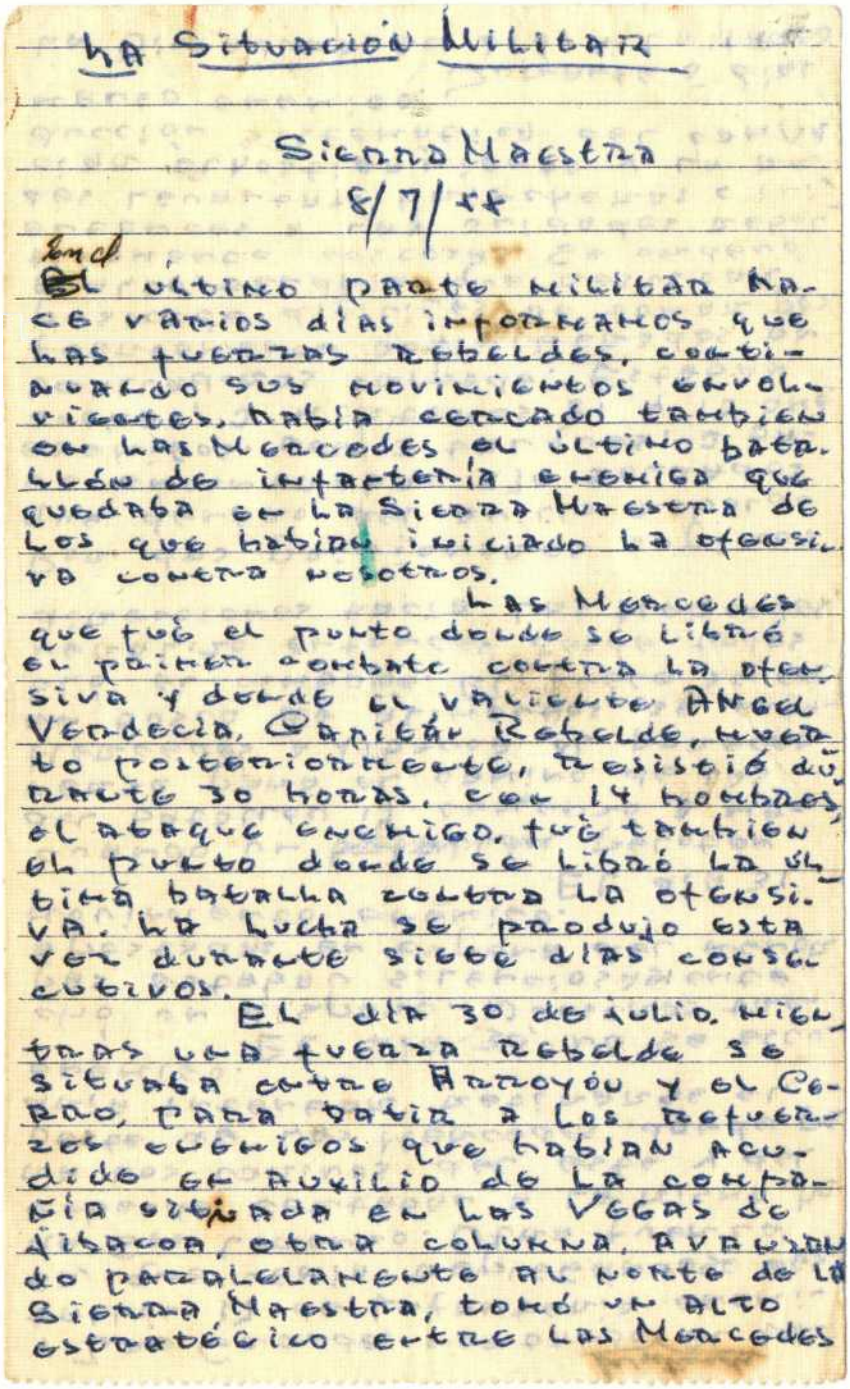


todavía la posibilidad de complicarles la situación.

Fidel

D. D. Acabo de recibir la ingrata noticia de que lograron desatascar el tanque, pero en la operación se descompuso el timón y está por tanto sin dirección. Abandonadas las esperanzas. Hacía ~~siempre que~~ no me hacía tantas ilusiones viajes.

Восьмая страница.



La Situación Militar

Sierra Maestra
8/7/58

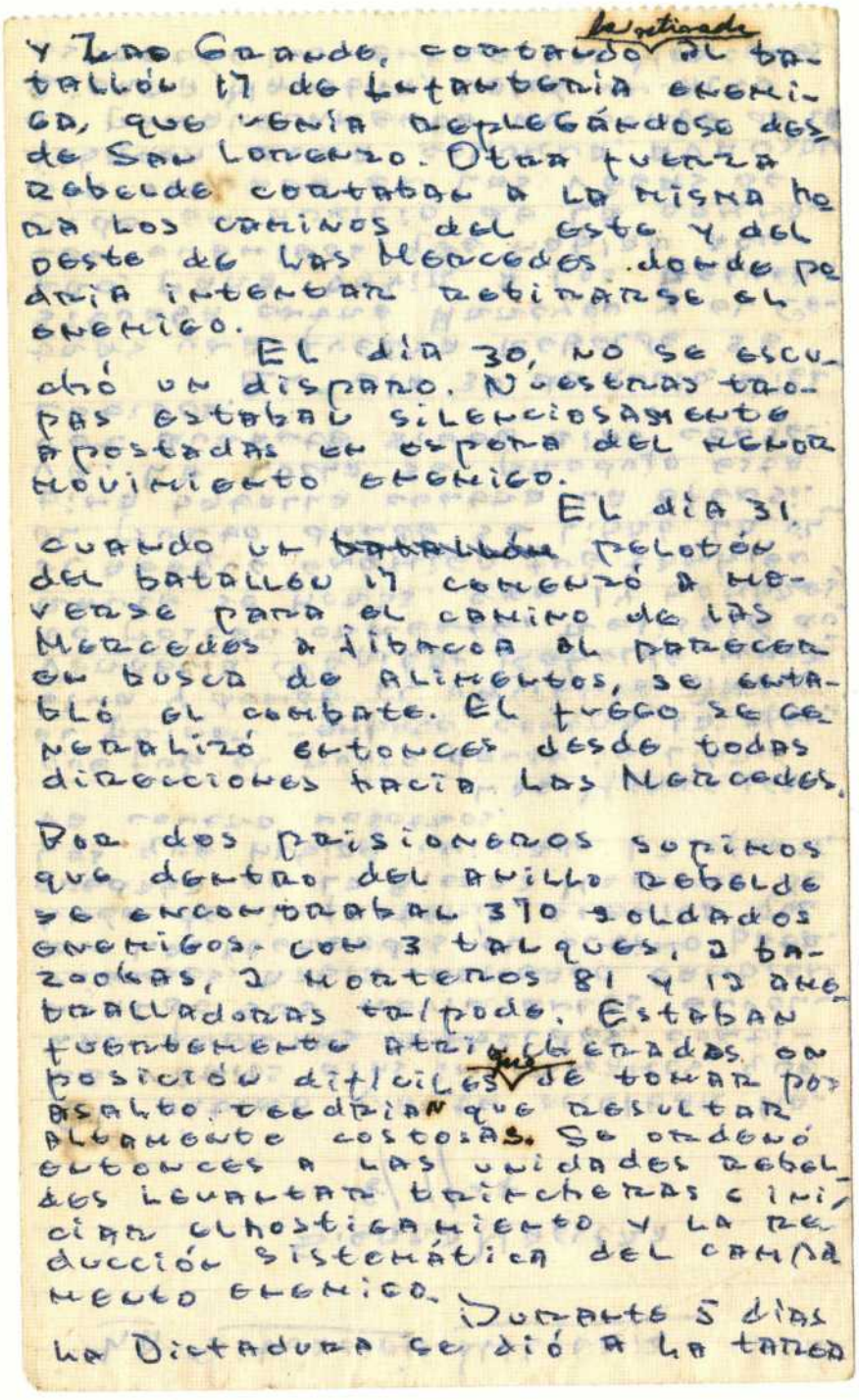
Enc.

El último parte militar hace varios días informamos que las fuerzas rebeldes, continuando sus movimientos envolventes, había cercado también en las Mercedes el último batallón de infantería enemiga que quedaba en la Sierra Maestra de los que habían iniciado la ofensiva contra nosotros.

Las Mercedes que fué el punto donde se libró el primer combate contra la ofensiva y donde el valiente Angel Verdecia, Capitán Rebelde, muerto posteriormente, resistió durante 30 horas, con 14 hombres, el ataque enemigo, fué también el punto donde se libró la última batalla contra la ofensiva. La lucha se produjo esta vez durante siete días consecutivos.

El día 30 de julio, mientras una fuerza rebelde se situaba entre Arroyón y el Cerro, para batir a los refuerzos enemigos que habían acudido en auxilio de la compañía situada en las Vegas de Jibacoa, otra columna, avanzando paralelamente al norte de la Sierra Maestra, tomó un alto estratégico entre las Mercedes

Военная сводка, продиктованная Селии Фиделем 7 августа 1958 г. и переданная ночью по «Повстанческому радио». Фидель сообщает новость о победе над вражеским наступлением, которое началось и закончилось в Лас-Мерседес (первая страница).



y Lago Grande, contando el batallón 17 de Infantería enemiga, que venía desplegándose desde San Lorenzo. Otra fuerza rebelde contaba a la misma hora los caminos del este y del oeste de las Mercedes, donde podría intentar retirarse el enemigo.

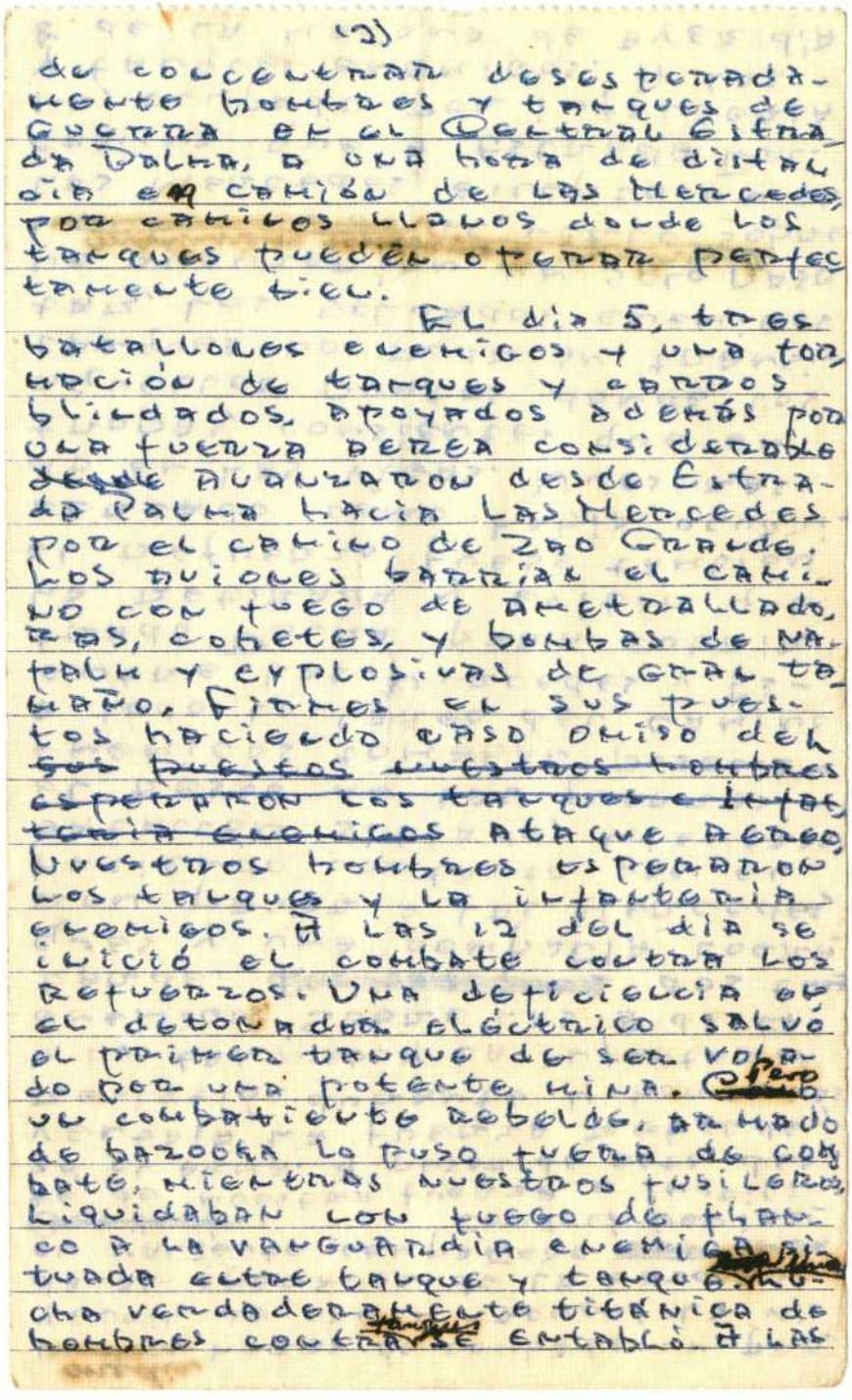
El día 30, no se escuchó un disparo. Nuestras tropas estaban silenciosamente apostadas en espera del menor movimiento enemigo.

El día 31, cuando un ~~batallón~~ pelotón del batallón 17 comenzó a moverse para el camino de las Mercedes a Ibarra al parecer en busca de alimentos, se entabló el combate. El fuego se generalizó entonces desde todas direcciones hacia las Mercedes.

Por dos prisioneros supimos que dentro del anillo rebelde se encontraban 370 soldados enemigos, con 3 tanques, 2 bazookas, 2 morteros 81 y 12 ametralladoras tr/pode. Estaban fuertemente atrincheradas en posición difícil de tomar por asalto, tendrían que resultar altamente costosas. Se ordenó entonces a las unidades rebeldes levantar trincheras e iniciar el hostigamiento y la reducción sistemática del campamento enemigo.

Durante 5 días la Dictadura se dió a la tarea

Вторая страница.

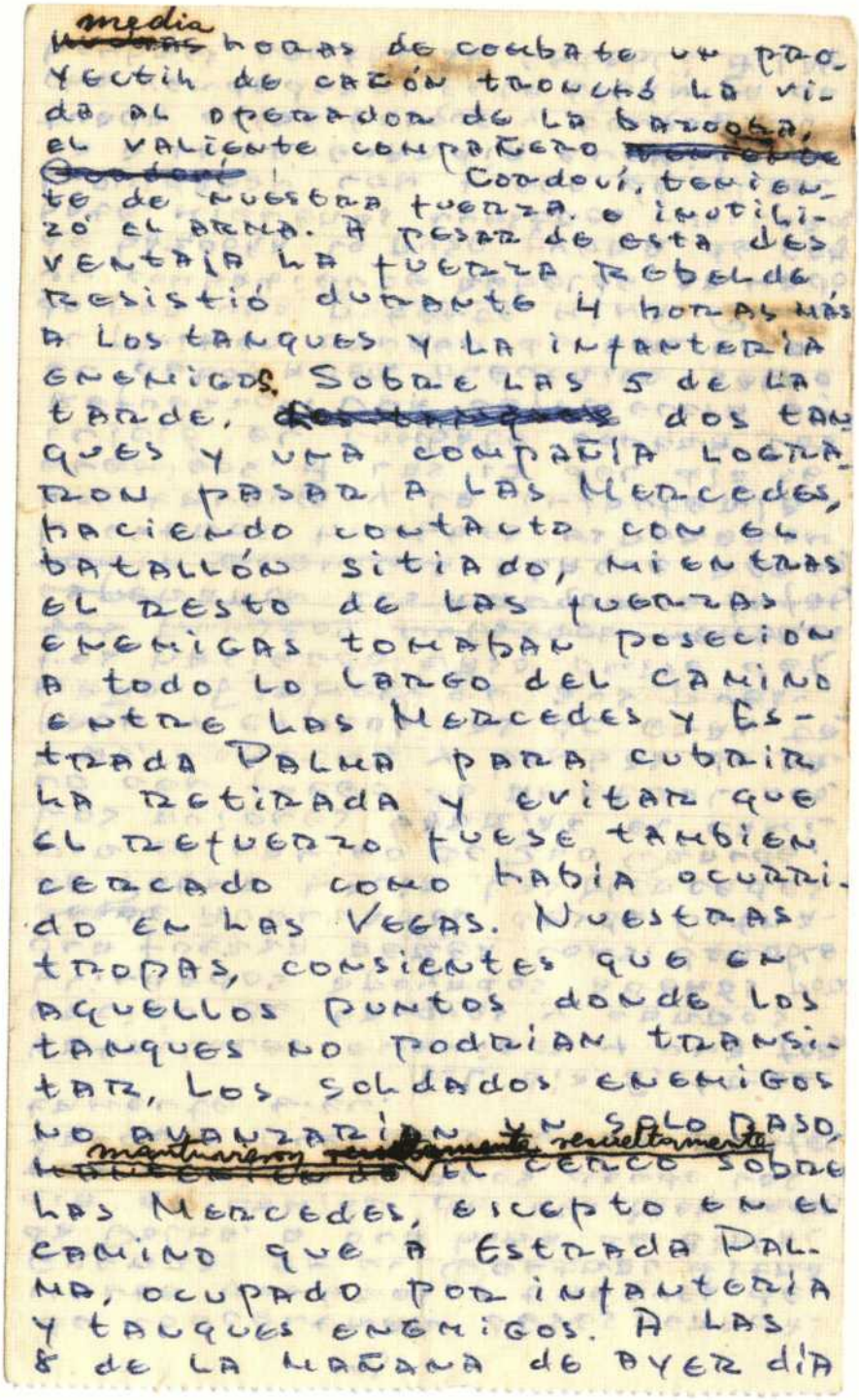


(3)

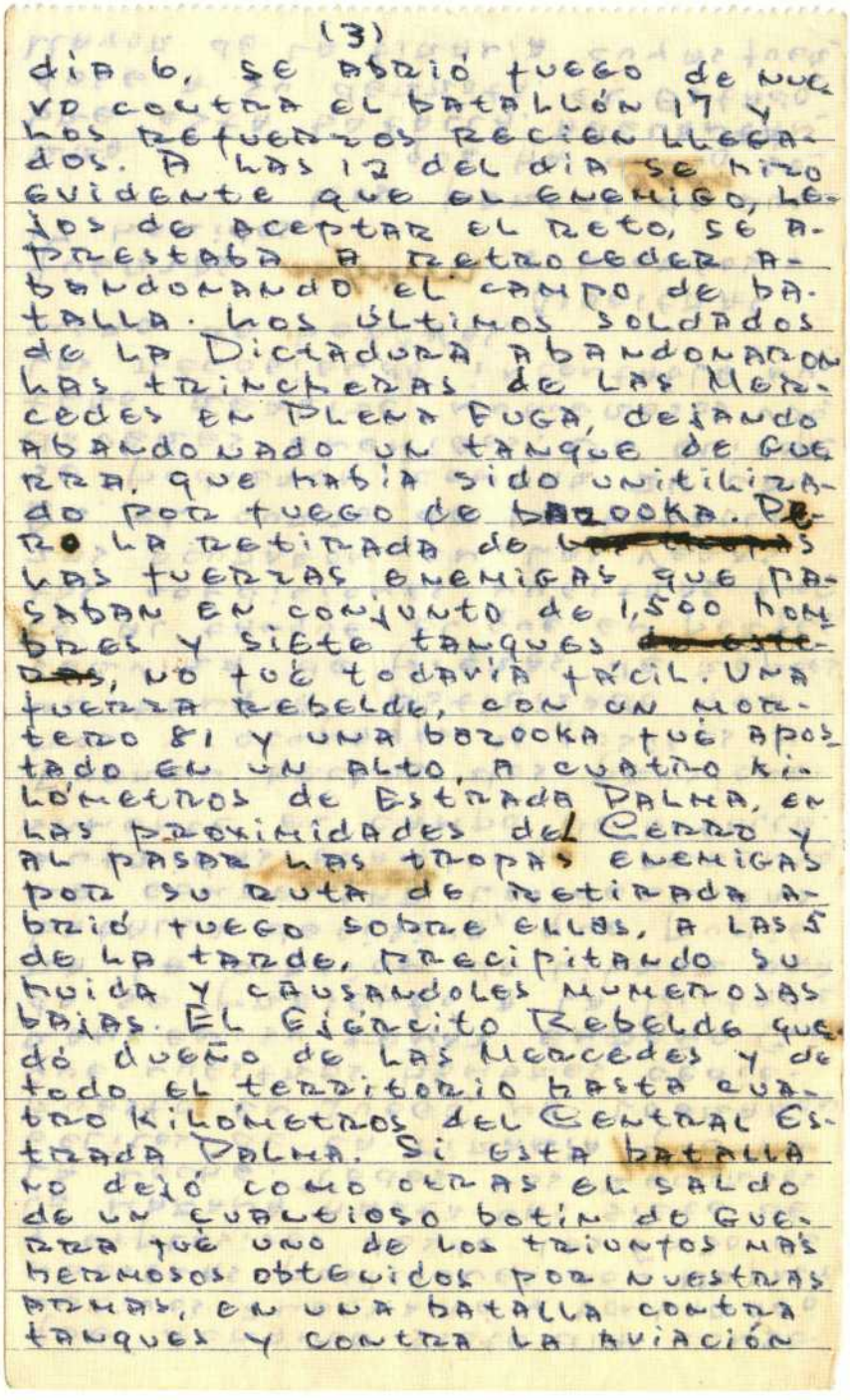
se concentran desestimadamente hombres y tanques de guerra en el Central Estrada Palma, a una hora de distancia en camión de Las Mercedes, por caminos llanos donde los tanques pueden operar perfectamente bien.

El día 5, tres batallones enemigos y una tanqueta de tanques y carros blindados, apoyados además por una fuerza aérea considerable avanzaron desde Estrada Palma hacia Las Mercedes por el camino de Zao Grande. Los aviones barrían el camino con fuego de ametralladoras, cohetes, y bombas de napalm y explosivas de gran tamaño. Firmes en sus puestos haciendo caso omiso del ~~los puestos nuestros hombres esperaron los tanques e infantería enemigos~~ ataque aéreo, nuestros hombres esperaron los tanques y la infantería enemigos. A las 12 del día se inició el combate contra los refuerzos. Una deficiencia en el detonador eléctrico salvó el primer tanque de ser volado por una potente mina. Cero un combatiente rebelde, armado de bazooka lo puso fuera de combate, mientras nuestros fusileros liquidaban con fuego de flanco a la vanguardia enemiga situada entre tanque y tanqueta. Una verdadera fuerza tiránica de hombres contra se entabló A las

Третья страница.

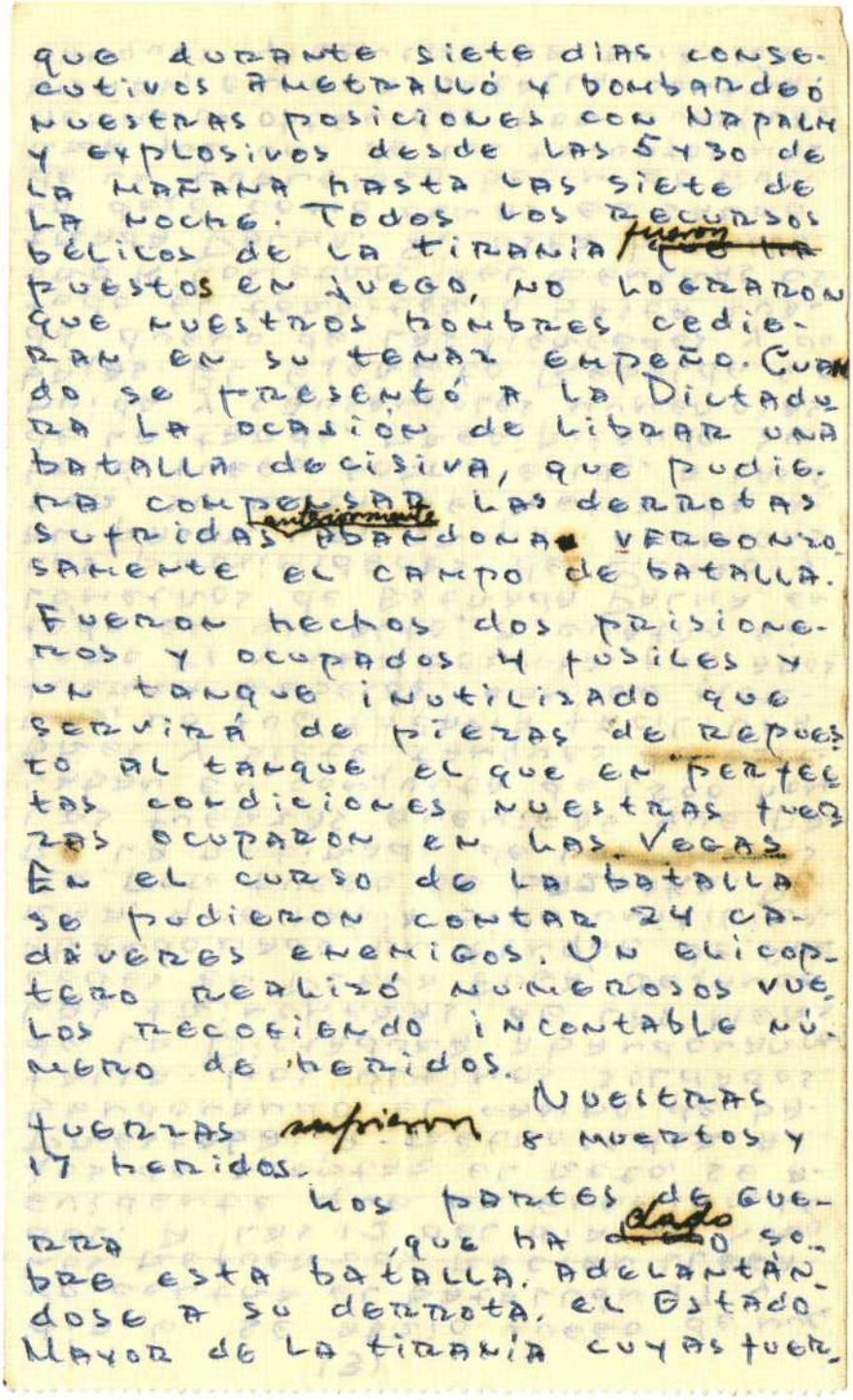

media
horas de combate un pro-
yectil de cañón tronchó la vi-
da al operador de la bazooka,
el valiente compañero
Cordoví, temien-
te de nuestra fuerza, e inutili-
zó el arma. A pesar de esta des
ventaja la fuerza rebelde
resistió durante 4 horas más
a los tanques y la infantería
enemigos. Sobre las 5 de la
tarde, dos tan-
ques y una compañía logra-
ron pasar a las Mercedes,
haciendo contacto con el
batallón sitiado, mientras
el resto de las fuerzas
enemigas tomaban posición
a todo lo largo del camino
entre las Mercedes y Es-
trada Palma para cubrir
la retirada y evitar que
el refuerzo fuese también
cercado como había ocurri-
do en las Vegas. Nuestras
tropas, conscientes que en
aquellos puntos donde los
tanques no podrían transi-
tar, los soldados enemigos
no avanzarían un solo paso,
mantuvieron resueltamente
el cerco sobre
las Mercedes, excepto en el
camino que a Estrada Pal-
ma, ocupado por infantería
y tanques enemigos. A las
8 de la mañana de ayer día

Четвертая страница.



(3)
día 6, se abrió fuego de nuevo contra el batallón 17 y los refuerzos recién llegados. A las 12 del día se hizo evidente que el enemigo, lejos de aceptar el reto, se aprestaba a retroceder abandonando el campo de batalla. Los últimos soldados de la Dictadura abandonaron las trincheras de Las Mercedes en plena fuga, dejando abandonado un tanque de guerra, que había sido unitilizado por fuego de bazooka. Pero la retirada de ~~las tropas~~ las fuerzas enemigas que pasaban en conjunto de 1,500 hombres y siete tanques ~~destruidos~~, no fué todavía fácil. Una fuerza rebelde, con un mortero 81 y una bazooka fué apostado en un alto, a cuatro kilómetros de Estrada Palma, en las proximidades del Cerro y al pasar las tropas enemigas por su ruta de retirada abrió fuego sobre ellas, a las 5 de la tarde, precipitando su huida y causandoles numerosas bajas. El Ejército Rebelde quedó dueño de Las Mercedes y de todo el territorio hasta cuatro kilómetros del Central Estrada Palma. Si esta batalla no dejó como otras el saldo de un cuantioso botín de guerra fué uno de los triuntos más hermosos obtenidos por nuestras armas, en una batalla contra tanques y contra la aviación

Пятая страница.



que durante siete días consecutivos ametralló y bombardeó nuestras posiciones con napalm y explosivos desde las 5 y 30 de la mañana hasta las siete de la noche. Todos los recursos bélicos de la tiranía ~~fueron~~ puestos en juego, no lograron que nuestros hombres cedieran en su tenaz empeño. Cuando se presentó a la Dictadura la ocasión de librar una batalla decisiva, que pudiera compensar ~~lamentablemente~~ las derrotas sufridas abandonaron vergonzosamente el campo de batalla.

Fueron hechos dos prisioneros y ocupados 4 fusiles y un tanque inutilizado que servirá de piezas de repuesto al tanque el que en perfectas condiciones nuestras fuerzas ocuparon en las Vegas.

En el curso de la batalla se pudieron contar 24 cadáveres enemigos. Un helicoptero realizó numerosos vuelos recogiendo incontable número de heridos.

Nuestras fuerzas sufrieron 8 muertos y 17 heridos.

Los partes de guerra que ha dado se sabe esta batalla. Adelantándose a su derrota, el Estado Mayor de la tiranía cuyas fuer-

Шестая страница.

(4)

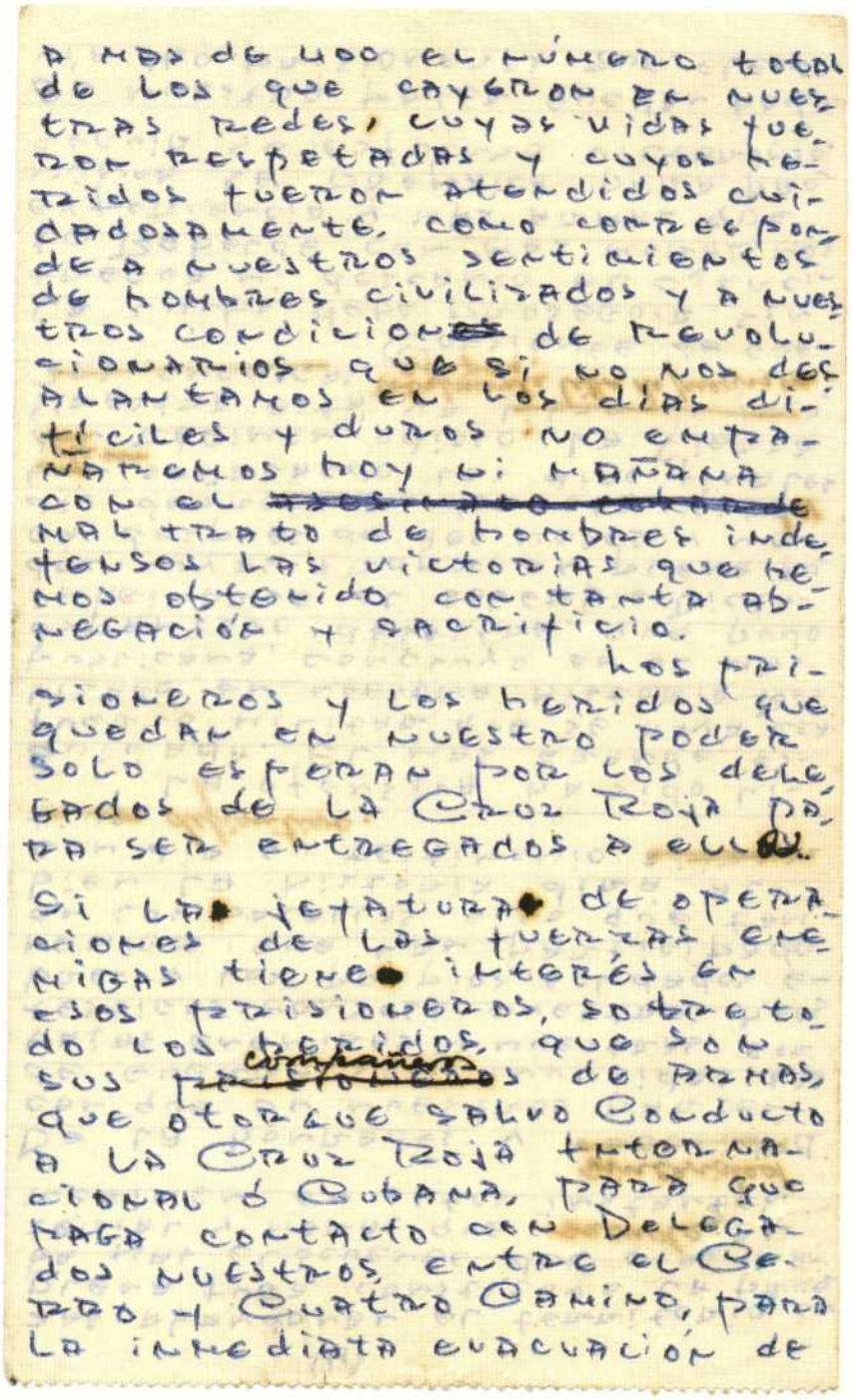
LAS ABANDONAN EL TERRITORIO EN PLENA FUGA, CONSTITUYE LA PRUEBA MAS ELOCUENTE DEL CAOS MATERIAL Y MORAL QUE ~~sacude~~ AL REGIMEN EN ESTOS INSTANTES.

DE LA HONRADEZ Y ~~honestidad~~ sinceridad CON QUE EN NUESTROS PARTES DE GUERRA SON ANUNCIADAS LAS BAJAS ENEMIGAS Y NUESTRAS, SON TESTIGOS NO SOLO NUESTROS HOMBRES Y LOS PROPIOS SOLDADOS ENEMIGOS QUE HAN PARTICIPADO EN LAS BATALLAS, SINO QUE TAMBIEN LA HISTORIA DIRÁ ALGUN DIA SU TESTIMONIO ~~definitivo~~ definitivo.

LA OFENSIVA HA SIDO LIQUIDADA. EL MAS GRANDE ESFUERZO MILITAR QUE SE HAYA REALIZADO EN NUESTRA HISTORIA REPUBLICANA, CONCLUYÓ EN EL MAS ESPANTOSO DESASTRE. QUE PUDO IMAGINARSE EL SOBERBIO DICTADOR CUYAS TROPAS EN PLENA FUGA, DESPUES DE DOS MESES Y MEDIO DERROTA EN DERROTA ESTAN SEÑALANDO LOS DIAS FINALES DEL REGIMEN odioso. LA SIERRA MAESTRA ESTÁ YA ~~LIBRE DE LOS ENEMIGOS~~ totalmente libre de guerrilleros. CONSCIENTE DE QUE LA LUCHA DEBE PROSEGUIR SIN TREGUA NI DESCANSO EL EJERCITO REBELDE CON MAS MORAL, MAS EXPERIENCIA Y MÁS ARMAS QUE NUNCA SE PREPARA PARA PROSEGUIR SU ESFUERZO VICTORIOSO.

EN NUESTRO PODER QUEDAN TODAVIA 160 PRISIONEROS QUE ELEVAN

Седьмая страница.

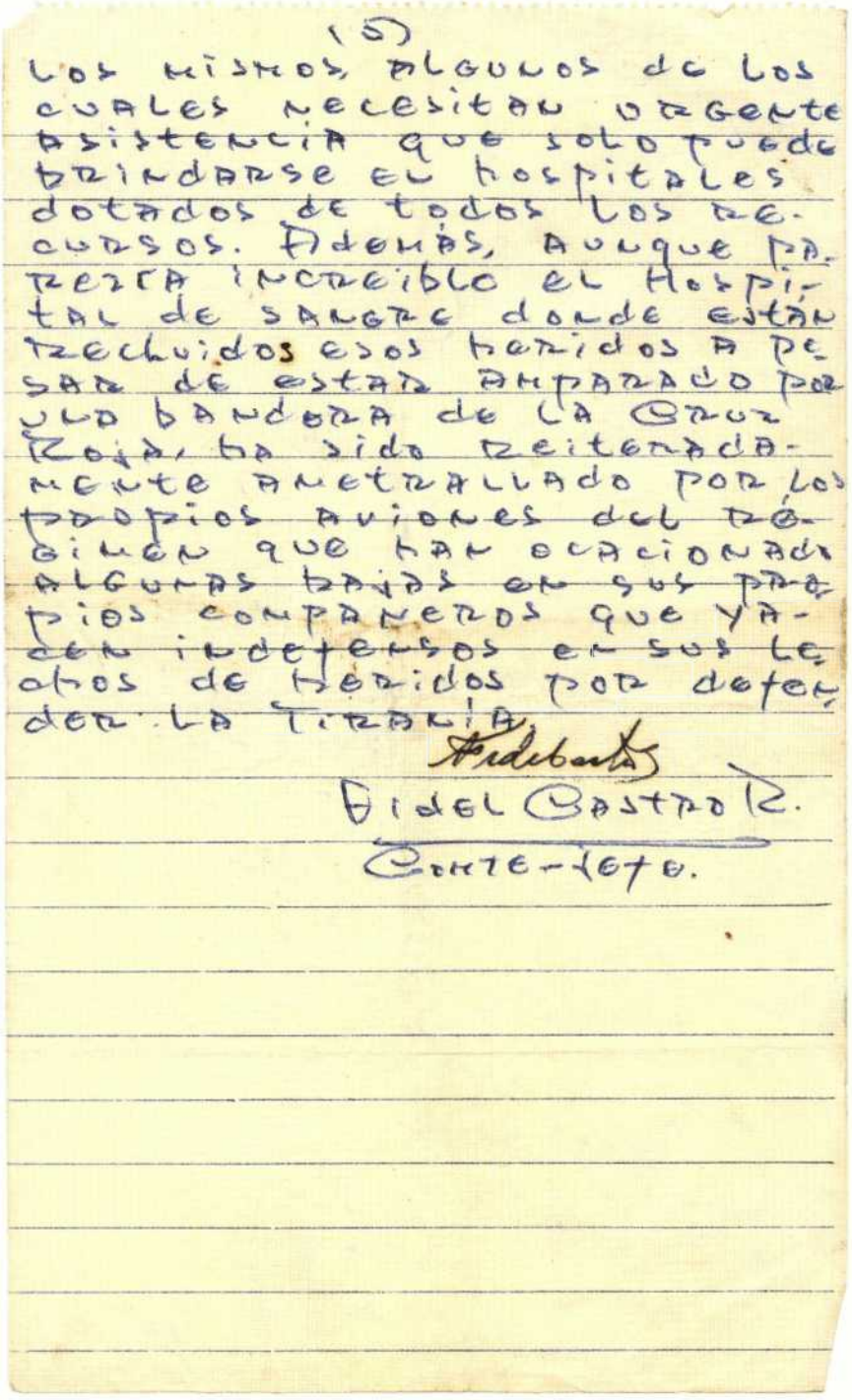


A MAS DE 400 EL NÚMERO TOTAL DE LOS QUE CAYERON EN NUESTRAS REDES, CUYAS VIDAS FUERON RESPETADAS Y CUYOS HERIDOS FUERON ATENDIDOS CUIDADOSAMENTE, COMO CORRESPONDE A NUESTROS SENTIMIENTOS DE HOMBRES CIVILIZADOS Y A NUESTROS CONDICIONES DE REVOLUCIONARIOS QUE SI NO NOS DESALENTAMOS EN LOS DIAS DIFICILES Y DUROS NO ENTRANAREMOS HOY NI MAÑANA CON EL MAL TRATO DE HOMBRES INDEFENSOS LAS VICTORIAS QUE HEMOS OBTENIDO CON TANTA ABNEGACIÓN Y SACRIFICIO.

LOS PRISIONEROS Y LOS HERIDOS QUE QUEDAN EN NUESTRO PODER SOLO ESPERAN POR LOS DELEGADOS DE LA CRUZ ROJA PARA SER ENTREGADOS A ELLOS.

SI LAS JEFATURAS DE OPERACIONES DE LAS FUERZAS ENEMIGAS TIENEN INTERÉS EN ESOS PRISIONEROS, SOBRETODO LOS HERIDOS, QUE SON SUS COMPAÑEROS DE ARMAS, QUE OTORGUE SALVO CONDUCTO A LA CRUZ ROJA INTERNACIONAL Ó CUBANA, PARA QUE HAGA CONTACTO CON DELEGADOS NUESTROS ENTRE EL CERRO Y CUATRO CAMINO, PARA LA INMEDIATA EVACUACIÓN DE

Восьмая страница.



(5)

los mismos, algunos de los cuales necesitan urgente asistencia que solo puede brindarse en hospitales dotados de todos los recursos. Además, aunque parezca increíble el Hospital de sangre donde están recluidos esos heridos a pesar de estar amparado por una bandera de la Cruz Roja, ha sido reiteradamente ametrallado por los propios aviones del régimen que han ocasionado algunas bajas en sus propios compañeros que yacen indefensos en sus lechos de heridos por defender la tiranía.

Fidelmente

Fidel Castro R.

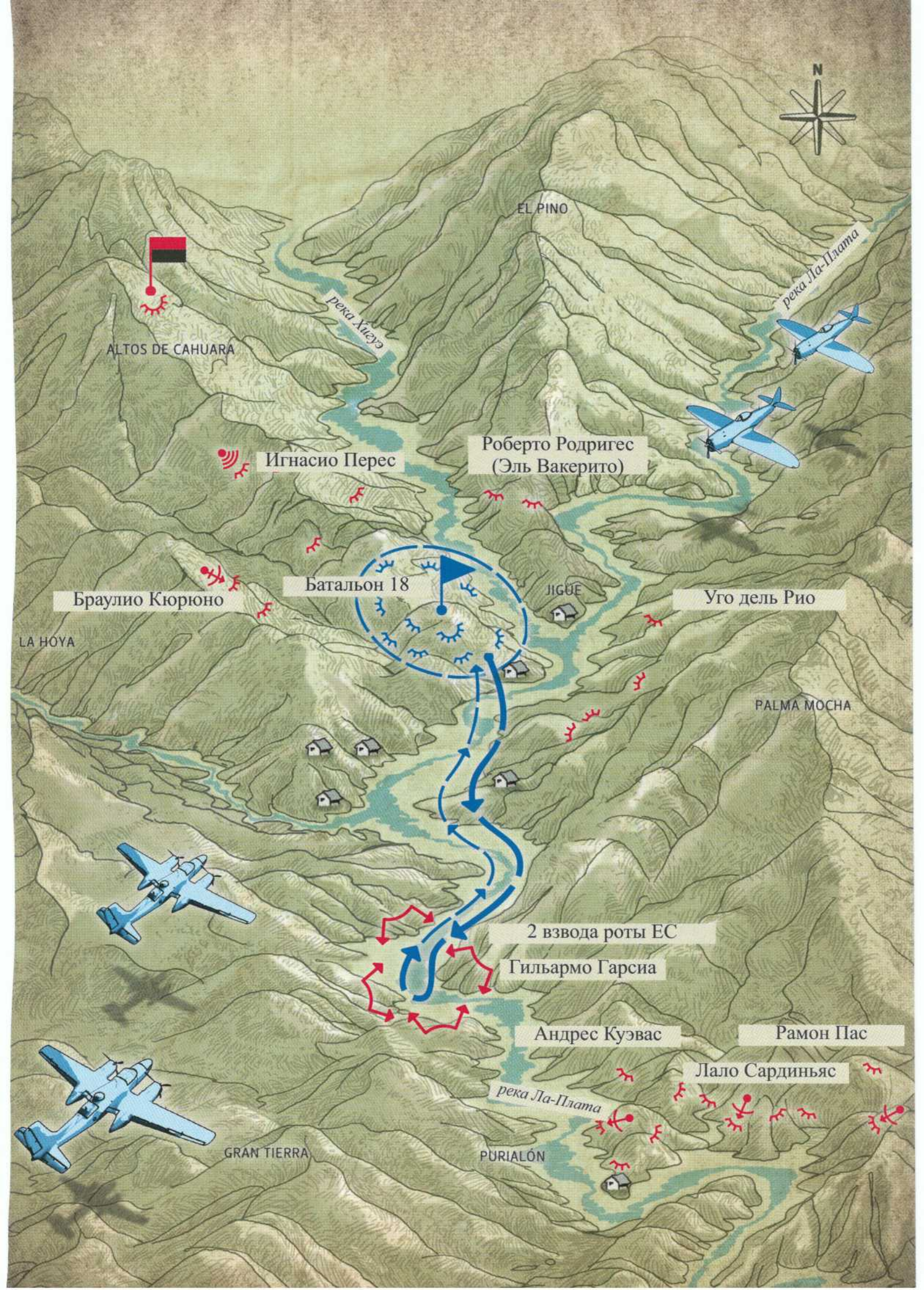
Sonte-Lete.

Девятая страница.

Карты

Битва при Хигуэ
11 июля 1958 года
Окружение батальона 18 под командованием майора Хосе Кеведо, бой на реке Ла-Плата

Условные обозначения


N
EL PINO
ALTOS DE CAHUARA
река Хигуэ
река Ла-Плата
Игнасио Перес
Роберто Родригес
(Эль Вакерито)
Батальон 18
Браулио Кюрюно
JIGUE
Уго дель Рио
LA HOYA
PALMA MOCHA
2 взвода роты ЕС
Гильармо Гарсиа
Андрес Куэвас
Рамон Пас
Лало Сардиньяс
река Ла-Плата
GRAN TIERRA
PURIALÓN

Битва при Хигуэ
14 июля 1958 года

Замыкается кольцо окружения батальона 18, бой на реке Ла-Плата

Условные обозначения

Команданте Фидель Кастро

Вторая засада Гильермо Гарсиа

Повстанческие траншеи

Пулемет 50-го калибра

Пулемет 30-го калибра

Громкоговоритель

Занятая зона

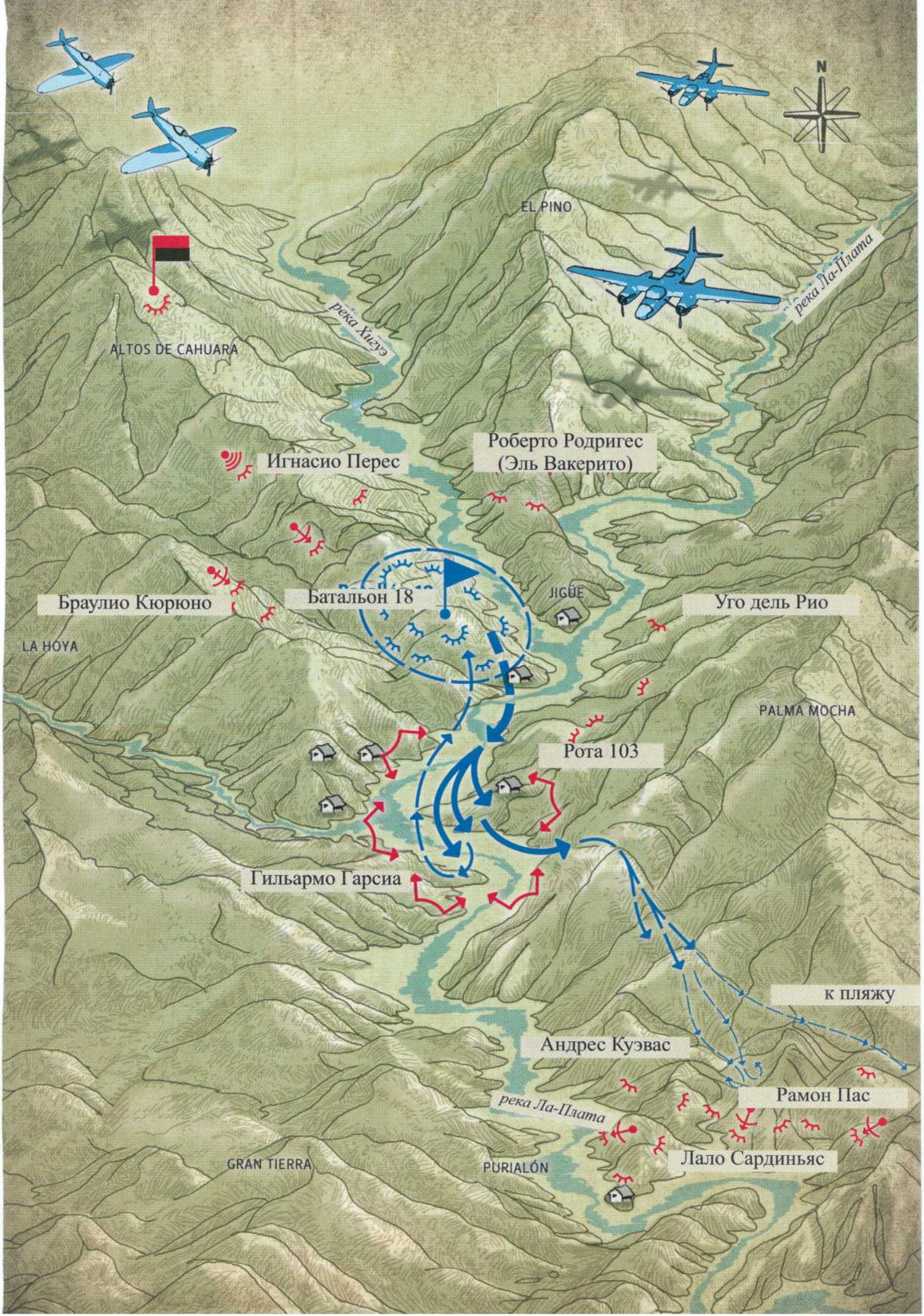
Движение роты ЕС

Отбрасывание и разгром батальона

Рассеивание одного взвода

Бомбардировщик И-26

Истребитель-бомбардировщик F-47 D


N
EL PINO
ALTOS DE CAHUARA
река Хигуэ
река Ла-Плата
Игнасио Перес
Роберто Родригес
(Эль Вакерито)
Браулио Кюрюно
Батальон 18
JIGÜE
Уго дель Рио
LA HOYA
PALMA MOCHA
Рота 103
Гильармо Гарсиа
к пляжу
Андрес Куэвас
Рамон Пас
река Ла-Плата
Лало Сардиньяс
GRAN TIERRA
PURIALÓN

Битва при Хигуэ
17 июля 1958 года

Бой в Пуриалоне против первого подкрепления с пляжа. Важная повстанческая победа

Условные обозначения

Команданте Фидель Кастро

Игнасио Перес 1

Рохелио Асеведо 2

Браулио Кюрюно 3

Гильермо Гарсия 4

Уго дель Рио 5

Роберто Родригес 6

Рауль Подио 7

Андрес Куэвас 8

Лало Сардиньяс 9

Рамон Пас 10

Пулемет 50-го калибра

Пулемет 30-го калибра

Занятая зона

Движение роты G-4

Отбрасывание, разгром и отступление

Рассеивание

Отступление к пляжу

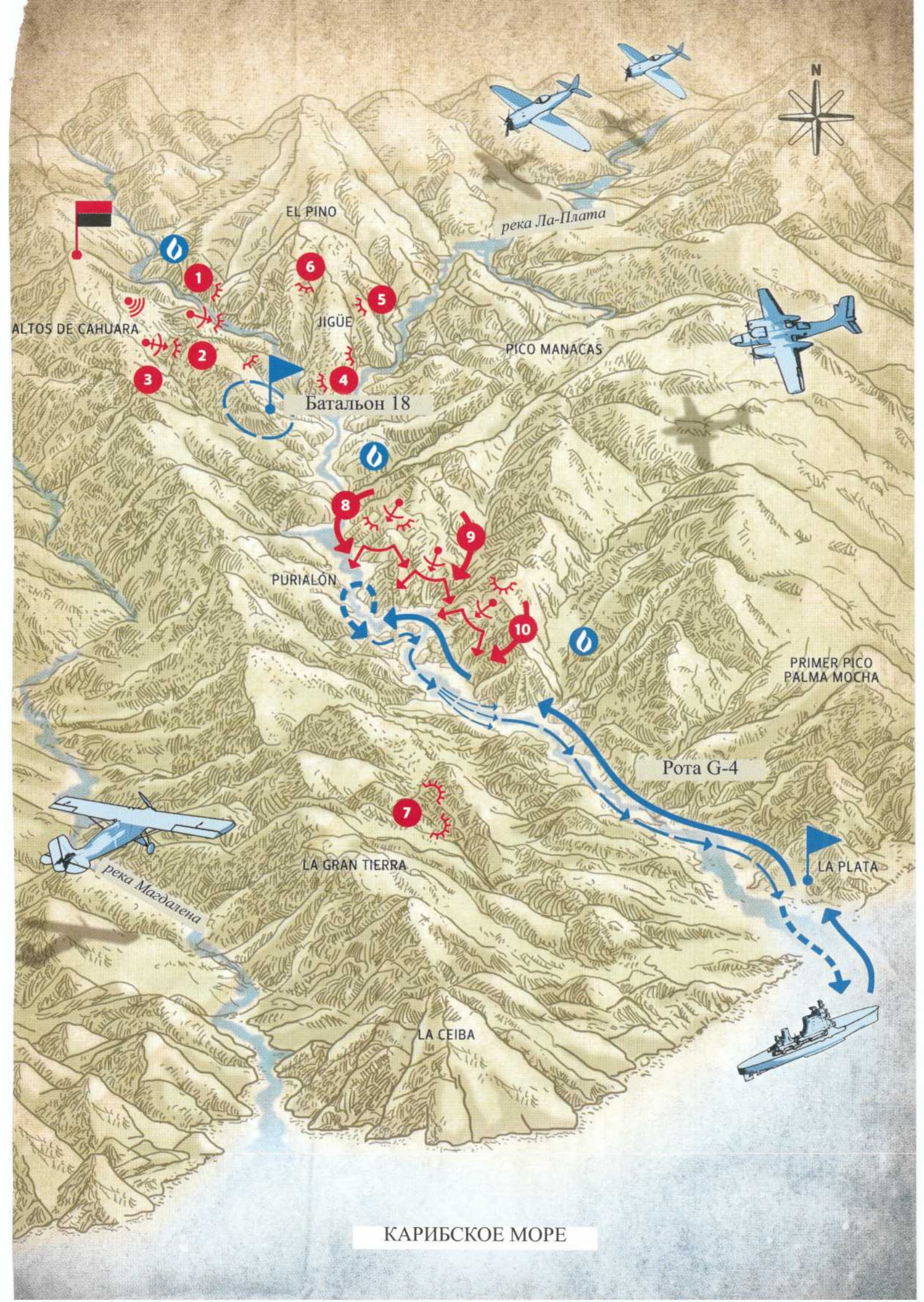
Бомбардировщик B-26

Истребитель-бомбардировщик F-47 D

Авиетка L-20 Beaver

Бомбардировки напалмом

Фрегат


N
EL PINO
река Ла-Плата
ALTOS DE CAHUARA
JIGÜE
PICO MANACAS
Батальон 18
PURIALÓN
PRIMER PICO
PALMA MOCHA
Рота G-4
LA GRAN TIERRA
LA PLATA
река Магдалена
LA CEIBA
КАРИБСКОЕ МОРЕ

Битва при Хигуэ
19 июля 1958 года

Интенсивный бой в Пуриалоне против второго вражеского подкрепления. Длился более трех часов

Условные обозначения

Команданте Фидель Кастро

Игнасио Перес 1

Рохелио Асеведо 2

Браулио Кюрюно 3

Гильермо Гарсия 4

Уго дельРио 5

Роберто Родригес 6

Рауль Подио 7

Андрес Куэвас 8

Лало Сардиньяс 9

Рамон Пас 10

Вило Акунья 11

Смерть Андреса Куэваса

Занятая зона

Движение батальона "Los Livianos"

Отбрасывание, разгром и отступление

Рассевание

Отступление к пляжу и обратная погрузка

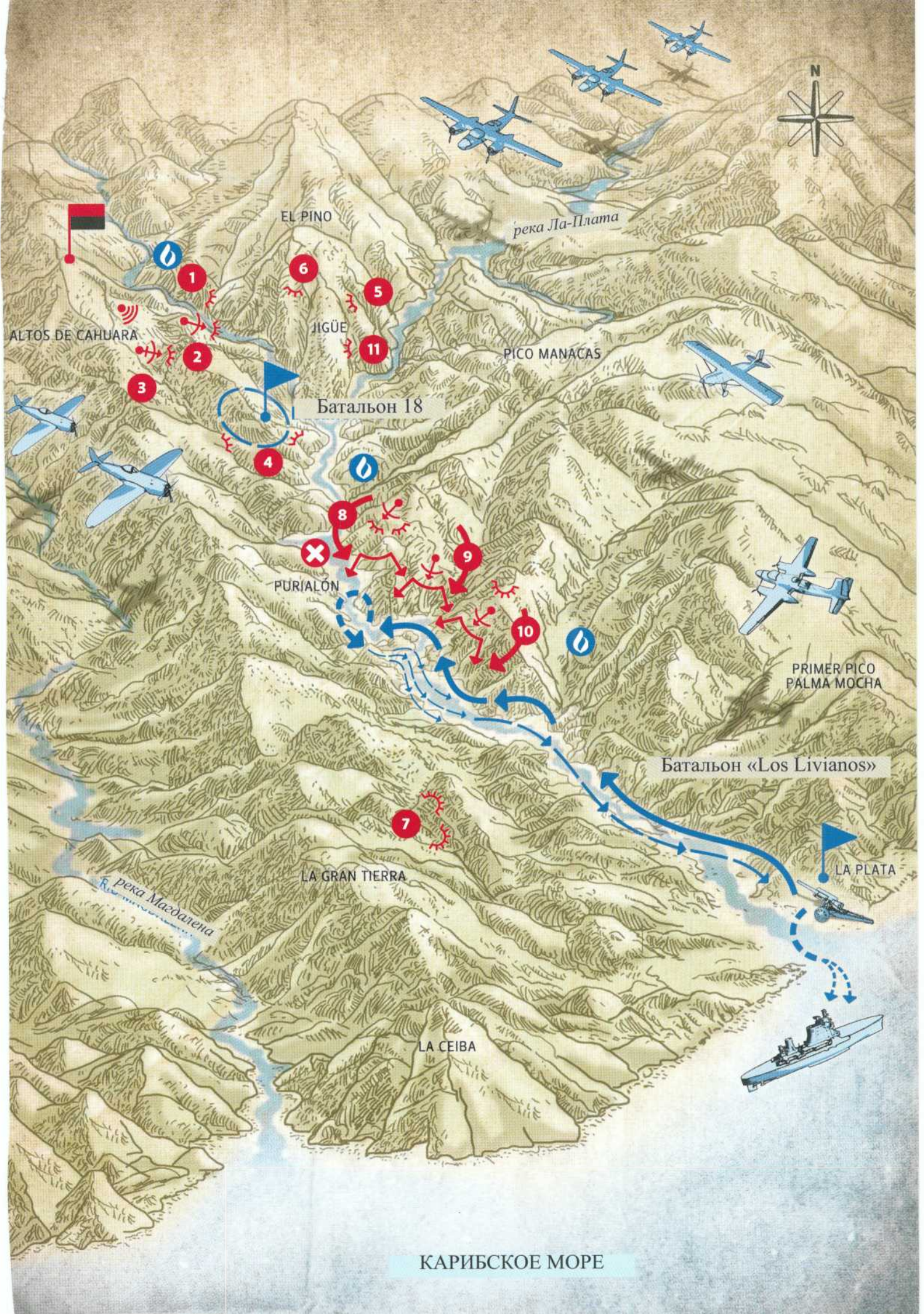
Бомбардировщик B-26

Истребитель-бомбардировщик F-47 D

Авиетка L-20 Beaver

Бомбардировки напалмом

Фрегат


N
EL PINO
река Ла-Плата
ALTOS DE CAHUARA
JIGÜE
PICO MANACAS
Батальон 18
PURIALÓN
PRIMER PICO
PALMA MOCHA
Батальон «Los Livianos»
LA PLATA
LA GRAN TIERRA
река Магдалена
LA CEIBA
КАРИБСКОЕ МОРЕ

Вторая битва при Санто-Доминго с 25 по 28 июля 1958 года

Отбрасывание и разгром подкреплений, направленных на помощь батальону 18, его преследование и разгром

Условные обозначения

Команданте Фидель Кастро

Силы Гильермо Гарсиа 1

Силы Лало Сардиньяса 2

Силы Вило Акунья 3

Силы Пинареса 4

Силы Рамона Паса 5

Силы Рене Рамоса Латура 6

Силы Эдди Суньола 7

Силы Уильяма Гальвеса 8

Силы Феликса Дуке 9

Силы Зенена Мерино 10

Силы Браулио Кюрюно 11

Силы Роберто Родригеса 12

Силы Даннея Переса 13

Гибель Рамона Паса, Ф. Чавеса и Ф. Хедвег

Движение повстанцев

Отступление войск

Уничтожение боеприпасов

Ранение Санчеса Москеры

Прибытие подкрепление

Эвакуация Санчеса Москеры

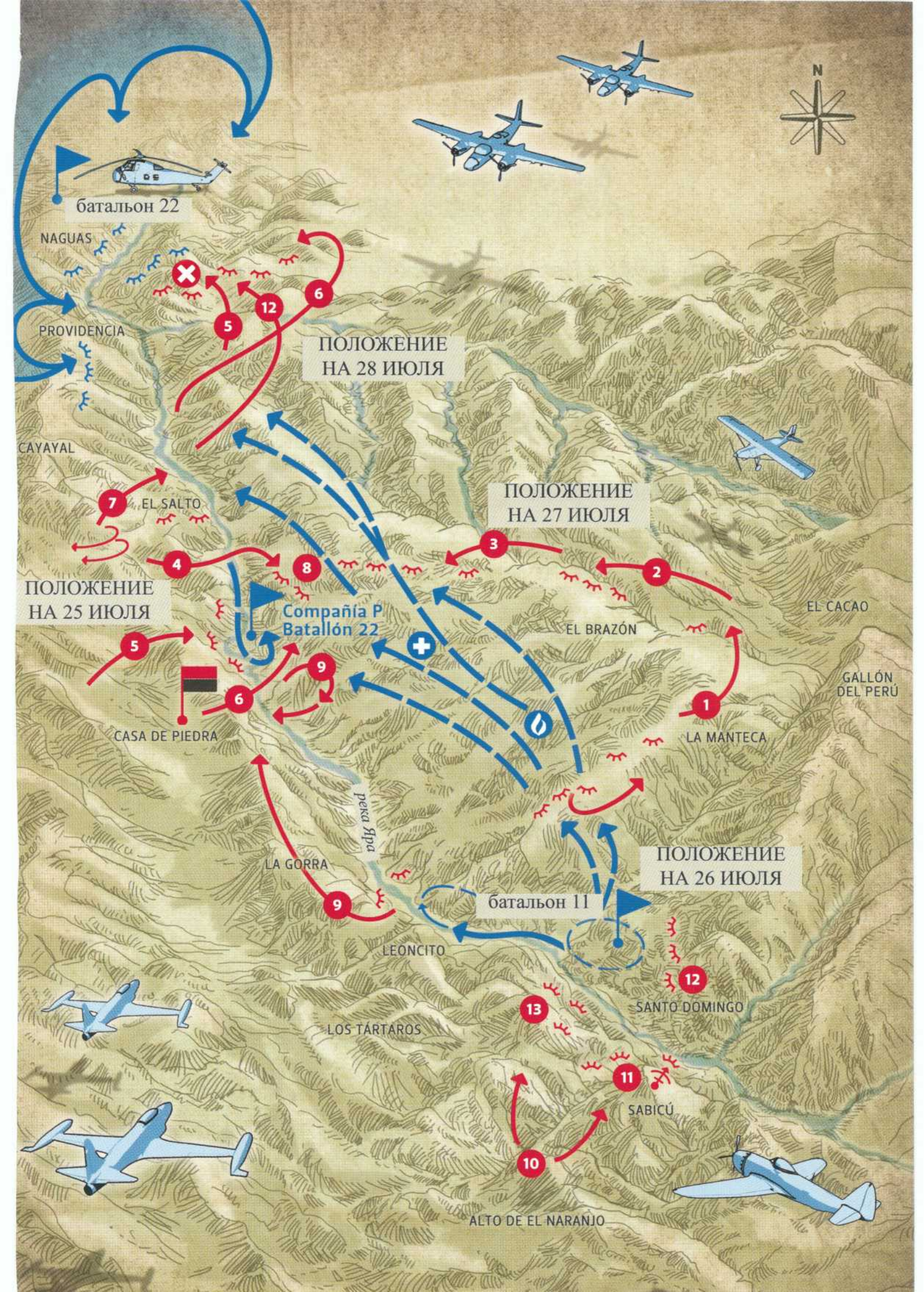
Позиции

Бомбардировщик B-26

Истребитель-бомбардировщик F-47 D

Истребитель T-33

Авиетка L-20 Beaver


N
батальон 22
NAGUAS
PROVIDENCIA
ПОЛОЖЕНИЕ
НА 28 ИЮЛЯ
CAYAYAL
EL SALTO
ПОЛОЖЕНИЕ
НА 27 ИЮЛЯ
ПОЛОЖЕНИЕ
НА 25 ИЮЛЯ
Compañía P
Batallón 22
EL BRAZÓN
EL CACAO
GALLÓN
DEL PERÚ
CASA DE PIEDRA
LA MANTECA
река Яра
LA GORRA
ПОЛОЖЕНИЕ
НА 26 ИЮЛЯ
батальон 11
LEONCITO
SANTO DOMINGO
LOS TÁRTAROS
SABICÚ
ALTO DE EL NARANJO

Бои в Вегас-де Хибакоа с 28 по 30 июля 1958 года

Осада войск в Вегас и отбрасывание попыток врага направить подкрепление

Условные обозначения

Силы Эрнесто Гевары 1

Силы Мануэля Фриаса 2

Силы Луиса Креспо 3

Силы Хосе Рамона Сильвы 4

Силы Ноэля Иглесиаса 5

Силы Сесара Суареса 6

Силы Камило Сьенфуэгоса 7

Продвижение повстанцев

Захваченная вражеская рота

Траншеи

Дом Бисмарка Галана Рейны A

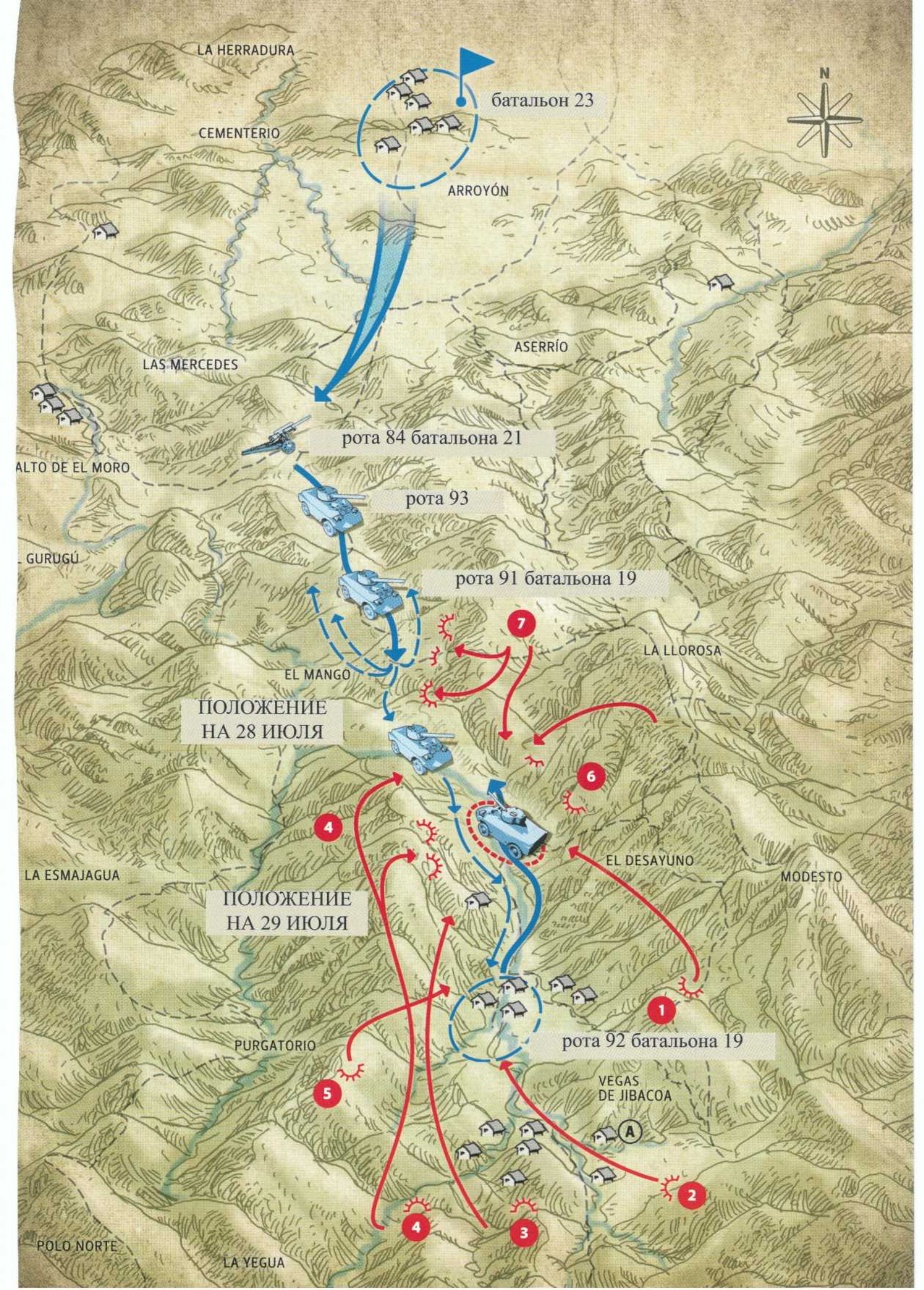
Занятая зона

Продвижение

Отступление

Гаубичная батарея

Танкетка Т-17


LA HERRADURA
CEMENTERIO
батальон 23
ARROYÓN
N
ASERRÍO
LAS MERCEDES
рота 84 батальона 21
ALTO DE EL MORO
рота 93
GURUGÚ
рота 91 батальона 19
7
LA LLOROSA
EL MANGO
ПОЛОЖЕНИЕ
НА 28 ИЮЛЯ
6
4
EL DESAYUNO
LA ESMAJAGUA
MODESTO
ПОЛОЖЕНИЕ
НА 29 ИЮЛЯ
1
рота 92 батальона 19
PURGATORIO
5
VEGAS
DE JIBACOA
A
2
4
3
POLO NORTE
LA YEGUA

Бой в Хобале
30 июля 1958 года

Попытка захвата и разгрома вражеских войск, спасавшихся бегством от Арройона

Условные обозначения

Силы Гильермо Гарсиа 1

Силы Лало Сардиньяса 2

Силы Рене Рамоса Латура, Даниэля 3

Ранение Даниэля

Перенос Даниэля

Смерть и погребение Даниэля

Продвижение повстанцев

Дома крестьян:

Педро Энрикеса A

Порфирио Энрикеса B

Мануэля Родригеса C

Антонио Эстрада D

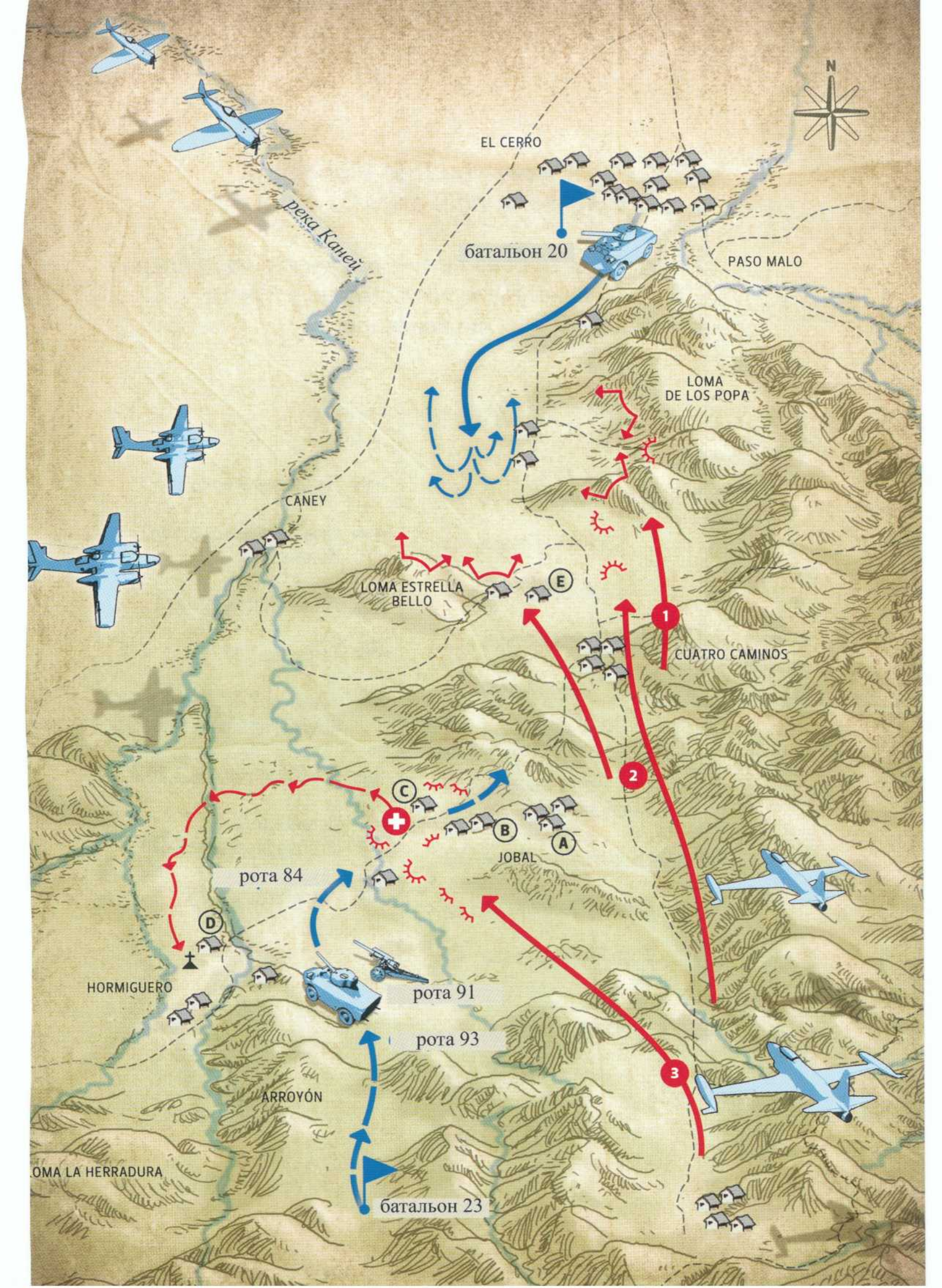
Эстрельи Бельо E

Продвижение

Отход войск

Гаубичная батарея

Танкетка Т-17


N
EL CERRO
батальон 20
PASO MALO
река Каней
LOMA
DE LOS POPA
CANEY
LOMA ESTRELLA
BELLO
E
1
CUATRO CAMINOS
2
C
B
A
JOBAL
рота 84
D
HORMIGUERO
рота 91
рота 93
3
ARROYÓN
OMA LA HERRADURA
батальон 23

Битва при Лас-Мерседес
с 31 июля по 6 августа 1958 года

После 74 дней боев летнее вражеское наступление окончательно разгромлено в пункте, где начиналось

Условные обозначения

Команданте Фидель Кастро

Эрнесто Гевара 1

Лало Сардиньяс 2

Гильермо Гарсия Фриас 3

Хубер Матос 4

Попа Элой 5

Рубен Фонсека и Роберто Родригес 6

Эдди Суньол и Феликс Дуке 7

Камило Сьенфуэгос 8

Хосе Рамон Сильва 9

Отход с позиций

Базука

Траншеи

Продвижение пехоты

Окончательный отход батальонов

Танки «Шерман» M-4

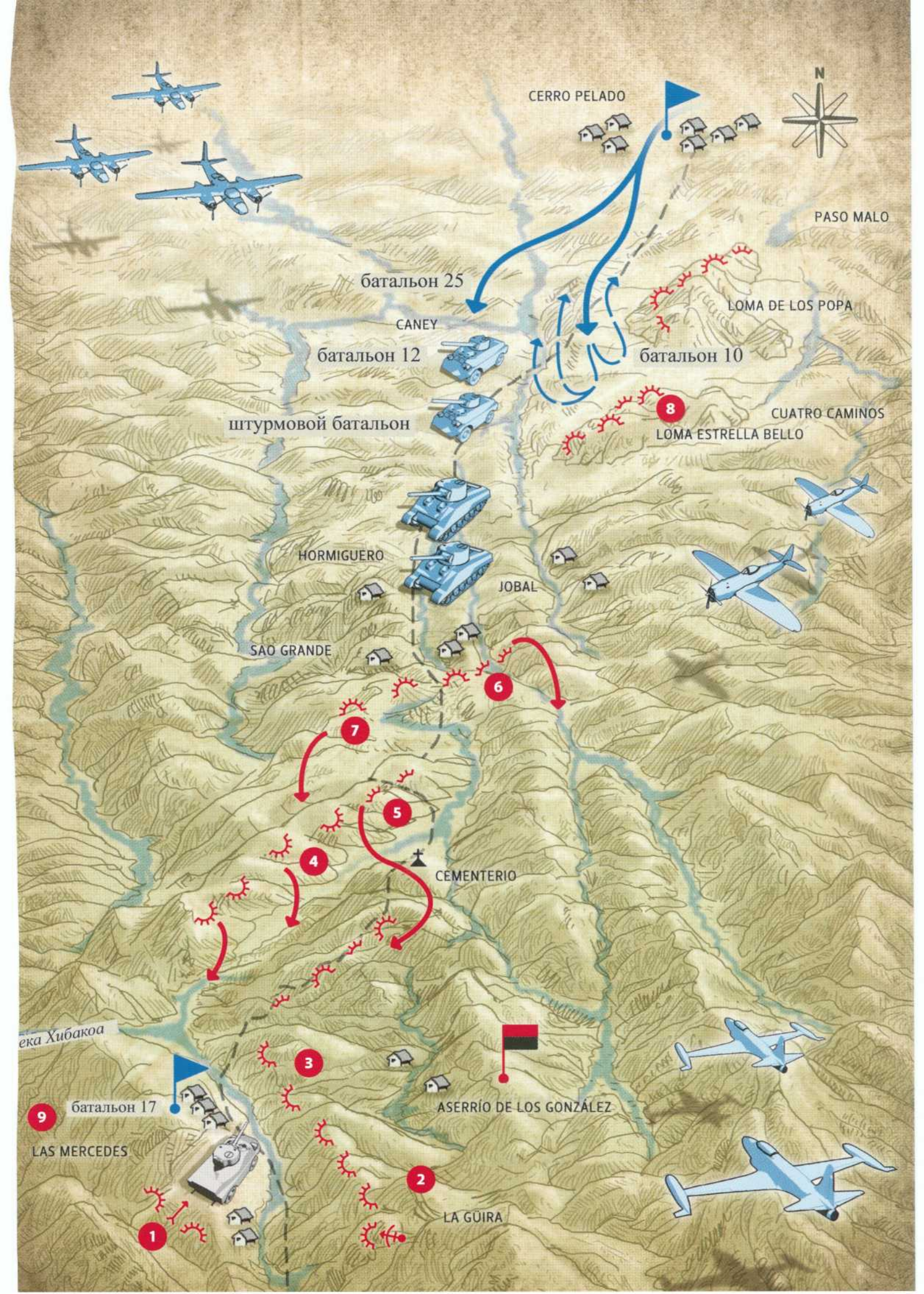
Танкетка T-17

Танкетка T-17, подбитый из базуки Германом Марксом

Бомбардировщик B-26

Истребитель-бомбардировщик F-47 D

Истребитель T-33


N
CERRO PELADO
PASO MALO
батальон 25
LOMA DE LOS POPA
CANEY
батальон 12
батальон 10
штурмовой батальон
8
CUATRO CAMINOS
LOMA ESTRELLA BELLO
HORMIGUERO
JOBAL
SAO GRANDE
6
7
5
4
CEMENTERIO
река Хибакоа
3
9
батальон 17
ASERRÍO DE LOS GONZÁLEZ
LAS MERCEDES
2
1
LA GÜIRA

Вооружение

В приводимых образцах вооружений показаны две винтовки, которые применял команданте Фидель Кастро Рус на войне в течение почти всей партизанской борьбы в Сьерра-Маэстре. Бельгийская винтовка с оптическим прицелом, которую он особенно ценил за точность стрельбы. Для битвы у Гисы, на двадцать четвертый месяц военного противостояния, команданте Фидель Кастро счел необходимым перейти на автоматическую винтовку, учитывая характер предстоявших действий, когда жизненное значение имела плотность огня. И тогда взял винтовку FAL, которую ему прислали в знак солидарности из Венесуэлы.

Ниже представлено вооружение, которым располагала армия тирании и которое оценивалось как самое современное для своего времени. Многое из этого вооружения составляло часть штатного снаряжения армии Соединенных Штатов и было продано и поставлено батистовской диктатуре под прикрытием различных договоров, что свидетельствует о соучастии в преступных действиях правительств обеих стран. В противоположность их намерениям значительная часть этого арсенала послужила революционному делу, так как была захвачена как военные трофеи повстанческими силами в ходе победных боев.

Батистовская армия обратила всю свою военную мощь против территории Первого повстанческого фронта в Сьерра-Маэстре во время летнего наступления 1958 г.

БЕЛЬГИЙСКАЯ ВИНТОВКА С ОПТИЧЕСКИМ ПРИЦЕЛОМ

Страна-производитель:	Бельгия
Калибр	30.06*
Длина	1335 мм
Длина ствола	735 мм
Масса	4,1 кг
Ёмкость магазина	5 патронов
Максимальная дальность выстрела (абсолютная точность)	1000 м
Максииальная дальность выстрела (относительная точность)	2000 м
Максимальная дальность выстрела (варианты)	до 5000 м (зависит от типа пули и цели, атмосферы, дистанции и подготовленности стрелка)
Начальная скорость пули	1500 м/ сек.
Скорострельность	5 выстрелов в минуту (зависит от подготовленности стрелка и условий стрельбы)
Оптический прицел	Устанавливается возможно ниже сверху на винтовке, чтобы облегчить его использование. С четырьмя диаметрами и видением (светосилой) 60, подходит для тропических и лесистых зон.
Двойной курок или переключатель курка	Необходима определённая практика для обращения с ней, с чем согласился Команданте, признал и использовал её.
Другие характеристики	Специальный ремень, который также мог использоваться при стрельбе с опорой на локти.

ВИНТОВКА FN FAL

Страна-производитель:	Бельгия
Калибр	7,62 мм
Длина	1090 мм
Длина ствола	533 мм
Масса	от 4 до 4,5 кг
Ёмкость магазина	20-30 патрон
Максимальная дальность выстрела	2000 м
Эффективная дальность выстрела	500 м
Начальная скорость пули	607 м/сек.
Скорострельность	650-700 выстрелов/мин.

8 декабря 1958 г. в Сьенагилье на западе укреплённого района Сьерра-Маэстры приземлился самолёт из Венесуэлы с грузом оружия, направленным Повстанческой армии Патриотической военной хунтой, которая 23 января того года свергла в Венесуэле диктатора Маркоса Переса Хименеса. В качестве жеста солидарности адмирал Вольфганг Ларрасабаль прислал Главнокомандующему Фиделю Кастро винтовку FAL. 12 декабря Фидель написал благодарственное письмо: «Надо было два года вести борьбу против всех препятствий, в том числе конфискации до прибытия на Кубу оружия – плода экономических лишений стольких соотечественников, пострадавших в своём большинстве в результате преследования правительствами, чтобы понять, с каким волнением и благодарностью принимаем помощь, которую Вы направляете нам от имени Венесуэлы». В последние дни войны вместо того, чтобы пользоваться своей винтовкой высокой точности, счёл лучшим применить это автоматическое оружие из-за плотности огня из него и характера боёв.

ПИСТОЛЕТ-ПУЛЕМЁТ «ТОМПСОН» М-1928

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	45
Длина	852 мм
Длина ствола	267 мм
Масса	4,9 кг
Ёмкость магазина	20-30 патронов
Максимальная дальность стрельбы	1600 м
Начальная скорость пули	282 м/сек.
Скорость стрельбы очередями	120 выстрелов/мин.
Скорость стрельбы одиночными выстрелами	40 выстрелов/мин.

КАРАБИН М-1

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	30
Длина	904 мм
Длина ствола	458 мм
Масса	2,36 кг
Ёмкость магазина	15-30 патронов
Максимальная дальность стрельбы	2000 м
Эффективная дальность стрельбы	300 м
Начальная скорость пули	607 м/сек.
Скорострельность	полуавтоматическая

КАРАБИН «САН КРИСТОБАЛЬ»

Страна-производитель:	Доминиканская Республика
Калибр	30
Длина	945 мм
Длина ствола	409 мм
Масса	3,51 кг
Ёмкость магазина	25-30 патронов
Максимальная дальность стрельбы	1500 м
Эффективная дальность стрельбы	300 м
Начальная скорость пули	563 м/сек.
Скорострельность	580 выстрелов/мин.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ВИНТОВКА «БРАУНИНГ» М-1918

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	30.06
Длина	1214 мм
Длина ствола	610 мм
Масса	7,2 (без магазина) до 8,8 кг
Ёмкость магазина	10-20 патронов
Эффективная дальность стрельбы	458 м
Скорострельность	300 до 650 выстрелов/мин.

ВИНТОВКА «ГАРАНД»

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	30.06
Длина	1104 мм
Длина ствола	254 мм
Масса	4,3 кг
Масса со штыком	4,8 кг
Ёмкость магазина	8 патронов
Максимальная дальность стрельбы	3200 м
Эффективная дальность стрельбы	600 м
Начальная скорость пули	865 м/сек.
Скорострельность	240 выстрелов/мин.

ВИНТОВКА «СПРИНГФИЛД» М-1903

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	30.06
Длина	1097 мм
Длина ствола	610 мм
Масса	3,94 кг
Ёмкость магазина	5 патронов
Максимальная дальность стрельбы	2000 м
Эффективная дальность стрельбы	300 м
Начальная скорость пули	853 м/сек.

ПИСТОЛЕТ-ПУЛЕМЁТ «БЕРЕТТА» М-38

Страна-производитель:	Италия
Калибр	38
Длина	953 мм
Длина ствола	318 мм
Масса	4,19 кг
Ёмкость магазина	10-40 патронов
Эффективная дальность стрельбы	500 м
Начальная скорость пули	417 м/сек.
Скорострельность	550-600 выстрелов/мин.

БАЗУКА М – 1 А1

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	60 мм
Длина	2,05 м
Масса	6,8 кг
Вес гранаты	1,33 кг
Заряжание	ручное, с заднего торца трубы
Максимальная дальность стрельбы	360 м
Эффективная дальность стрельбы	135 м
Расчёт	2 чел.

ТЯЖЕЛЫЙ ПУЛЕМЁТ «БРАУНИНГ» М – 1917 А1

Средний пулемёт североамериканского изготовления, применявшийся в конце Первой мировой войны. Имеет систему охлаждения ствола водой. Использовал патроны калибра 30.06 в лентах по 150 патрон.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	30.06
Длина	609 мм
Масса в собранном виде	47 кг с сошкой-треногой, водой и боезапасом
Питание	лентой
Начальная скорость пули	853 м/сек.
Максимальная дальность стрельбы	1000 м
Скорострельность	600 выстрелов/мин.
Расчёт	3 чел.

ЛЁГКИЙ ПУЛЕМЁТ «БРАУНИНГ» М – 1919 А4

Этот пулемёт отличался от своего предшественника М-1917, который считался тяжёлым пулемётом. В модели М-1919 стало использоваться воздушное охлаждение ствола, благодаря чему значительно уменьшился вес. Кроме того, помимо штатного применения в наземном бою был приспособлен армией Батисты для установки на разведывательных авиетках с целью пулемётного обстрела повстанческих позиций.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	30.06
Длина	964 мм
Масса в собранном состоянии	14 кг с треногой
Питание	лентой
Максимальная дальность стрельбы	1300 м
Начальная скорость пули	853 м/сек.
Скорострельность	400-600 выстрелов/мин.
Расчёт	3 или 4 чел.

ТЯЖЁЛЫЙ ПУЛЕМЁТ «БРАУНИНГ» BMG M – 2HB

Сконструирован в конце Первой мировой войны. Очень эффективен против легковооружённой пехоты, транспортных средств и судов, лёгких фортификаций и авиации на малой высоте. Армия Батисты располагала большим боезапасом для этого оружия.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	50
Длина	1650 мм
Масса в собранном состоянии	58 кг с треногой
Питание	лентой
Начальная скорость пули	887,1 м/сек.
Максимальная дальность стрельбы	1800 м
Скорострельность	450-575 выстрелов/мин.
Расчёт	3 или 4 чел.

ТАНКЕТКА Т17 «СТАГХАУНД»

Первоначально была сконструирована для североамериканской армии в 1941 году. Однако применялась во Второй мировой войне английской армией в боевых действиях в Африке. По окончании войны меняла владельцев; диктатура Анастасио Сомосы в Никарагуа продала 30 этих боевых машин батистовской тирании.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Длина	5,49 м
Ширина	2,69 м
Высота	2,736 м
Масса	14 т
Толщина брони	9-44 мм
Запас хода	724 км
Скорость	89 км/час
Экипаж	4 чел.
Первичное вооружение	Вращающаяся башня с 37 мм пушкой М6
Вторичное вооружение	Пулемёты «Браунинг М3.30НВ» от двух до трёх

СРЕДНИЙ ТАНК «ШЕРМАН» М -4

Стал производиться в 1942 году. Принят
на вооружение во время Второй мировой войны.
Использовался на главных театрах операций,
в которых участвовали североамериканские войска,
Эти танки были приобретены тиранией Батисты.
Входили в состав Смешанного танкового полка
с подразделениями в главных городах страны.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Длина	5,84 м
Ширина	2,62 м
Высота	2,74 м
Масса	30,3 т
Толщина брони	63 мм
Запас хода	193 км
Скорость	40-48 км/час
Экипаж	5 чел.
Первичное вооружение	75 мм. пушка М-3L/40, 90 снарядов
Вторичное вооружениё	пулемёт калибра 50 «Браунинг» M2HB – один (300 выстрелов) пулемёты калибра 30 «Браунинг» М-1919А4 – два (4750 выстрелов)

60 мм МИНОМЁТ М-2

Впервые произведен в 1940 году на базе подобного ему более тяжёлого 81 мм миномёта с целью облегчить его транспортировку и обеспечить увеличение плотности огня. Состоит из гладкого ствола, опирающегося на землю с помощью прямоугольной плиты и двойной сошки. Обладает значительной мощностью огня по сравнению с другими подобными миномётами той эпохи.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	60 мм
Длина	726 мм
Масса в собранном состоянии	19,05 кг
Масса мины	1,33 кг
Угол подъёма	+40˚до +85˚
Питание	ручное, с дула
Начальная скорость мины	158 м/сек.
Максимальная дальность стрельбы	1815 м
Скорострельность	18 выстрелов/мин (длительная) и от 30 до 35 (максимальная)
Расчёт	3 чел.

81 мм МИНОМЁТ М-1

Продавался диктатуре Батисты Соединёнными Штатами в годы после Второй мировой войны. Широко использовался в антипартизанских действиях во время наступления 1958 года.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	81 мм
Длина	1,21 м
Масса в собранном состоянии	61,5 кг
Питание	ручное, с дула
Начальная скорость мины	213 м/сек.
Максимальная дальность выстрела	3000 м
Скорострельность	18 выстрелов/мин. (длительная) от 30 до 35 выстрелов мин. (максимальная)
Расчёт	4 чел.

75 мм ГАУБИЦА М-1 С ШАССИ М-8

75 миллиметровая гаубица М-1 была сконструирована для армии Соединённых Штатов в 20-е годы. Это было орудие, задуманное для применения в горной и пересечённой местности, могло разбираться для облегчения его транспортировки по частям на вьючных животных. Войска армии тирании использовали эти орудия для усиления огневой мощи против повстанческих сил во время наступления 1958 года.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Калибр	75 мм
Длина	3,86 м
Ширина	1,22 м
Высота	0,92 м
Масса	587 кг
Угол подъёма	+5°до +45°
Откат	гидропневматическое противооткатное устройство, заряжание с казенной части
Максимальная дальность стрельбы	8925 м
Скорострельность	3-6 выстрелов/мин.
Начальная скорость снаряда	381 м/сек.
Масса снаряда	6,24 кг
Расчёт	6 чел.

ХЭВИЛЕНД L-20 BEAVER

Воздушное судно, использовавшееся ВВС тирании для связи, разведки и транспортирования войск. На нём с одной стороны фюзеляжа прилаживался лёгкий пулемёт 30-го калибра. С него выбрасывались на подразумеваемые позиции повстанцев стеклянные сосуды с гранатами.

Страна-производитель:	Канада
Длина	9,22 м
Размах крыльев	14,63 м
Высота	2,74 м
Максимальная взлётная масса	5313 кг
Максимальная скорость	255 км/час
Дальность полета	530 км
Экипаж	1 чел.
Вместимость	6 человек

ПАЙПЕР PA – 22 TRI - ПЕЙСЕР

Воздушное судно, выпущенное в 1950 году. Было включено в состав полков Сантьяго-де-Куба, Ольгина, Камагуэя и Санта-Клары как часть Эскадрона связи и вертолетов ВВС. Использовалось силами тирании в целях разведки, перевозки грузов и сообщения между сахарозаводческими хозяйствами.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Длина	6,28 м
Размах крыльев	8,93 м
Высота	2,53 м
Максимальная взлётная масса	907 кг
Максимальная скорость	227 км/час
Дальность полета	862 км
Экипаж	1 чел.
Вместимость	3 человека

БОМБАРДИРОВЩИК ДУГЛАС B-26B/C «ИНВЭЙДЕР»

Миссия ВВС Соединённых Штатов на Кубе предложила приобрести эти воздушные суда как лёгкие бомбардировщики испытанные в корейской войне (1950 –1953). Для проведения операций над Сьерра-Маэстрой и обеспечения большего радиуса действия высшее командование армии приказало создать на воздушной базе в Камагуэе смешанный отряд ВВС, состоявший из боевых самолётов, самолётов связи и тренировочных.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Длина	17,75 м
Размах крыльев	21,64 м
Высота	6,55 м
Масса снаряжённого	16 780 кг
Максимальная скорость	454 км/час
Дальность полёта	1850 км
Практический потолок	6400 м
Экипаж	4 чел.
Пулемёты «Браунинг»	M2 - 11 калибра 50
Бомбовая нагрузка	2359 кг

ИСТРЕБИТЕЛЬ F-47D РИПАБЛИК САНДЕРБОЛТ

Построен в 1943 году. Прибыл на базу «Колумбия» в 1952 году благодаря содействию североамериканской военной миссии на острове. 16 таких истребителей составили Эскадрон преследования и боя. Эти самолёты продавались латиноамериканским странам, так как потеряли коммерческую ценность, поскольку уже выпускались более девяти лет и имели многочисленные технические дефекты.

Страна-производитель:	Соединённыё Штаты Америки
Длина	11,02 м
Размах крыльев	12,42 м
Высота	4,47 м
Максимальная взлётная масса	7938 кг
Максимальная скорость	685 км/час
Дальность полёта	3060 км (с тремя баками)
Практический потолок	12495 м
Экипаж	1 чел.
Пулемёты	«Браунинг» M2 – 8 калибра 50

Бомбы и ракеты – на внешних подвесках до 907 кг бомб и 10 127 мм высокоскоростных самолетных ракет

ИСТРЕБИТЕЛЬ ЛОКХИД Т-33А ШУТИНГ СТАР

Приобретены в 1953 году в рамах Договора о взаимной обороне. Эти реактивные истребители использовались армией тирании в налётах на повстанческие силы. Их пилоты проходили тренировку в различных североамериканских военных заведениях. Размещались на аэродроме Сан-Антонио-де-лос Баньос, откуда совершали значительную часть своих боевых вылетов.

Страна-производитель:	Соединённыё Штаты Америки
Длина	11,2 м
Размах крыльев	11,5 м
Высота	3,3 м
Максимальная взлётная масса	6865 кг
Максимальная скорость	970 км/час
Дальность полета	2050 км
Практический потолок	14600 м
Экипаж	2 чел.
Пулемёты	«Браунинг» М3 – 2 с 350 патрон калибра 50 на пулемёт

Бомбы – до 907 кг с двумя точками подвески

ЛЁГКИЙ ВЕРТОЛЁТ СИКОРСКИЙ S-55

Этот воздушный корабль прибыл на Кубу в 1957 году после рекомендации миссии ВВС Соединённых Штатов расширить возможности загрузки и перевозки войск армии тирании. Использовался в основном для эвакуации раненых в зонах боёв. Хотя позволял значительный выбор тактических вариантов в военном конфликте,, высшее командование армии, по необъяснимым причинам, не пошло на его применение для транспортировки войск.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Длина	19,1 м
Диаметр несущего винта	16,6 м
Размах лопасти	14,63 м
Высота	4,7 м
Максимальная взлётная масса	3587 кг
Максимальная скорость	163 км/час
Дальность полета	652 км
Запас полёта с одной заправкой	2 часа
Экипаж	2 чел.
Вместимость	12 пассажиров

ГИДРОСАМОЛЁТ КОНСОЛИДЕЙТЕД PBY OA-10 «КАТАЛИНА»

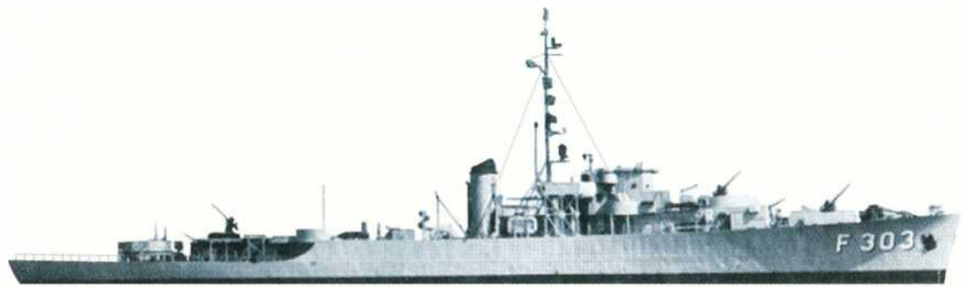
Построен в 1935 году. Прибыл в нашу страну в соответствии с Планом взаимопомощи в 1952 году для выполнения специфических задач по воздушной разведке и морскому патрулированию в борьбе с подводными лодками. Однако с первых дней после высадки с «Гранмы» воздушный корабль использовался для пулемётного обстрела и враждебных действий в отношении повстанческих позиций.

Страна-производитель:	Соединённые Штаты Америки
Длина	19,46 м
Размах крыльев	31,7 м
Высота	6,15 м
Максимальная взлётная масса	10 067 кг
Максимальная скорость	280 км/час
Дальность полета	3782 км
Практический потолок	4000 м
Экипаж	8 чел.

Пулемёты «Браунинг» M3 – 3 калибра 30 (7,62 мм)
Пулемёты «Браунинг» M2 HB – 2 калибра 50 (12,7 мм)
Бомбы до 1814 кг в бомбах, глубинных бомбах и торпедах

ФРЕГАТ

В 1943 году были построены фрегаты 301 «Хосе Марти», 302 «Антонио Масео» и 303 «Максимо Гомес», тренировка экипажей которых проводилась на базе Гуантанамо. Эти корабли использовались в целях поддержки, десантирования и обстрела и враждебных действий в борьбе с повстанцами.



Страна-владелец:	Куба
Водоизмещение	2199 т
Размеры в футах	304 (длина) 37,5 (ширина) 13,7 (осадка)
Скорость	20 узлов
Вооружение	3 3-х дюймовые пушки калибра 75 мм 2 40 мм пушки АА, кроме «Максимо Гомеса», имевшего 3 и 6 20 мм пушек АА
Экипаж	15 офицеров и 185 матросов (на «Хосе Марти» - 135).

Содержание

7 *Введение*

31 ГЛАВА 1. *Общая ситуация в стране и революционная борьба в мае 1958 года*
45 ГЛАВА 2. *Подготовка обороны нашей территории*
71 ГЛАВА 3. *Занятие Лас-Мерседес*
99 ГЛАВА 4. *Давление со стороны Минас-де-Буэйсито*
121 ГЛАВА 5. *Высадка на юге*
145 ГЛАВА 6. *Враг приходит в Вегас*
167 ГЛАВА 7. *Вступление в Санто-Доминго*
189 ГЛАВА 8. *Серьезная угроза с юга*
215 ГЛАВА 9. *Ла-Плата под угрозой*
239 ГЛАВА 10. *До Сан-Лоренсо*
245 ГЛАВА 11. *Кеведо в Хигуэ*
261 ГЛАВА 12. *Первая битва у Санто-Доминго*
279 ГЛАВА 13. *Бой у Мериньо*
295 ГЛАВА 14. *Сдерживание в Санто-Доминго*

ИЛЛЮСТРАЦИИ
305 *Фотографии*
357 *Исторические документы*
405 *Карты*

433 ГЛАВА 15. *Повстанческий тыл*
451 ГЛАВА 16. *Битва при Хигуэ: первые действия по окружению*
473 ГЛАВА 17. *Сдерживание в Минас-де-Фрио*
485 ГЛАВА 18. *Битва при Хигуэ: бой против подкреплений*
501 ГЛАВА 19. *Битва при Хигуэ: сдача батальона 18*
513 ГЛАВА 20. *Разгром Санчеса Москеры*
539 ГЛАВА 21. *Победа в Вегас-де-Хибакоа*
555 ГЛАВА 22. *Бой при Хобале*

565 ГЛАВА 23. *Битва при Лас-Мерседес: первые четыре дня окружения*
585 ГЛАВА 24. *Битва при Лас-Мерседес: три последних дня*
615 ГЛАВА 25. *Окончательный итог битвы*

ИЛЛЮСТРАЦИИ
621 *Фотографии*
641 *Исторические документы*
727 *Карты*
745 *Вооружение*

Фидель Кастро Рус

Стратегическая победа

Серия:
«ЛИЦА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ»

Оформление художника *А.Ю. Никулина*

Технический редактор *З.Д. Гусева*

Корректоры *Г.В. Кухтина, Л.В. Латунова*

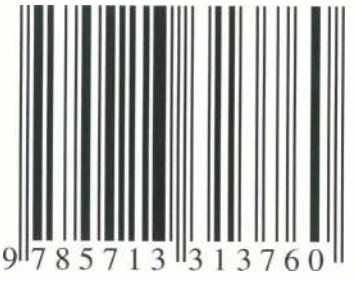
Компьютерная верстка *Е.А. Надиной*

Подписано в печать 29.08.2011.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 62,24.
Изд. № 25/2011. Тираж 2000 экз.
Цена договорная. Заказ № 627.

Издательство «Международные отношения»
129090, Москва, 1-й Троицкий пер., д. 12, стр. 5
Тел.: 662-71-34, 662-45-28
www.inter-rel.ru
e-mail: info@inter-rel.ru

Отпечатано с оригинал-макета
издательства «Международные отношения»
в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46
Тел.: 265-54-07

ISBN 978-5-7133-1376-0



СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОБЕДА

Фидель Кастро Рус

LA VICTORIA ESTRATÉGICA

Fidel Castro Ruz

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы
«Культура России»

LA VICTORIA ESTRATÉGICA

Fidel Castro Ruz